ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ
ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ М.О.Р.Т.З.

МОСКВА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИЗДАНІЕ Т-ВА И.Н.КУШНЕРЕВЪ и К°,
МОСКВА.

131
3-М82

Индекс	139		Шифр хранения
Авторский знак	З-М82		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Военморнздата. Зак. 1453—150000

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Библиотека для служащих Госуд. банка

ХГ

Проверено-85

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-53

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Т-ВА М.О.ВОЛЬФЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА

В. II. 1130.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
ОБЩ. РАСПР. ТЕХН. ЗНАНІЙ.

Библіотека для служащихъ Госуд. Банка
Изд.
Обм

МОСКВА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

Б. 37
128734

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова.

Съ 54 иллюстр., 6 планами и 4 діаграммами.

Центральная В-Морская Библиотека ВМФ СССР

ИЗДАНІЕ Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.
МОСКВА—1915.

Гос. Публ. Библ. имени Салтыкова-Щедрина
Обм 7689

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1914.

Библіотека для служащихъ Госуд. Банка

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Цѣль настоящаго изданія — помочь туристу и особенно экскурсанту въ осмотрѣ и изученіи Москвы, помочь наилучшимъ образомъ использовать Москву въ общеобразовательномъ смыслѣ. Редакція не гналась при этомъ ни за полнотой въ подборѣ достопримѣчательностей Москвы, ни за полнотой всесторонняго описанія каждой изъ нихъ; такая полнота была бы естественна и необходима въ справочномъ изданіи по Москвѣ; но эта книга—не справочное изданіе. Напротивъ, редакція стремилась къ большему углубленію и освѣщенію отдѣльныхъ пунктовъ, болѣе важныхъ или болѣе характерныхъ, проходя слегка остальные, промежуточные моменты. Non multa—sed multum,—было для редакціи руководящимъ лозунгомъ. Въ этихъ видахъ редакція составила опредѣленнымъ образомъ планъ книги и программу ея статей, введя въ нее, напримѣръ, цѣльные, хотя и краткіе очерки московской иконописи и архитектуры, или связавъ описаніе Третьяковской галлереи съ главой изъ исторіи русской живописи, и привлекши къ составленію статей большей частью ученыхъ спеціалистовъ; пе-

речень именъ авторовъ въ оглавленіи книги покажетъ, насколько это удалось редакціи.

Пользоваться книгой редакція, съ ея точки зрѣнія, рекомендовала бы слѣдующимъ образомъ. Экскурсанту, или руководителю экскурсіи, всего лучше было бы просмотрѣть соотвѣтствующую статью до осмотра или объясненія той или другой московской достопримѣчательности, галлереи и т. п.; многія статьи такъ построены, что ихъ необходимо прочесть, прежде чѣмъ составить планъ самаго осмотра (напр., что именно смотрѣть въ Москвѣ, чтобы получить картину старой барской Москвы, или Москвы, какъ большого экономическаго центра?). При обращеніи къ книгѣ только въ моментъ осмотра или послѣ, многое въ книгѣ пропадетъ даромъ.

Въ заключеніе редакція считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать свою признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ ея работѣ какъ различными матеріалами, такъ и цѣнными указаніями и совѣтами, въ томъ числѣ администраціи Московскихъ Историческаго и Румянцовскаго музеевъ — за разрѣшеніе воспользоваться ихъ коллекціями для иллюстрированія книги. Нѣкоторые рисунки взяты изъ цѣнной коллекціи Э. В. Готье, которому редакція тоже приноситъ свою признательность.

Планы для Путеводителя чертилъ большею частью А. А. Гороховъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи III

ОТДѢЛЪ I.

Справочныя свѣдѣнія по Москвѣ.

ОТДѢЛЪ II.

Историческій очеркъ Москвы.

1. Геологія Москвы. *В. Соколова* 10
2. Археологія Москвы. *А. Колмогорова* 22
3. Москва до Ивана III. *В. Бочкарева* 29
4. Москва-столица XV—XVII вв. *В. Алексѣева* . . 38
5. Москва въ XVIII в. *И. Катаева* 66
6. Москва въ XIX и началѣ XX в. *Е. Синегуба* . . 93

ОТДѢЛЪ III.

Москва въ обзорахъ.

1. Кремль. *Е. Звягинцева* 121
2. Оружейная палата. *Е. Звягинцева* 133
3. Патріаршая ризница. *В. Клейна* 141
4. Китай-городъ. *Е. Звягинцева* 148
5. Монастыри. *М. Коваленскаго* 157
6. Московскія кладбища. *К. Сивкова* 174
7. Старообрядческая Москва. *В. Макарова* 181
8. Барская Москва и ея подмосковныя. *М. Голубцовой* 192
9. Современная Москва, какъ торгово-промышленный центръ. *П. Лепешинскаго* 212

Стр.

10. Москва, какъ культурно-просвѣтительный центръ. *С. Сперанскаго* 236
11. Муниципальная Москва. *Е. Звягинцева* 247
12. Народное образованіе въ Москвѣ. *В. Костроминой* 262
13. Литературная Москва. *Н. Бродскаго* 277
14. Театръ въ Москвѣ. *А. Фавицкаго*. 289
15. Музыкальная жизнь Москвы. *Н. Кочетова*. . . 307
16. Архитектура Москвы.
    I. Московское зодчество до конца XVII в. *Б. фонъ-Эдинга*. 323
    II. Московское зодчество съ конца XVII в. до послѣдняго времени. *Дм. фонъ-Эдинга* 336
17. Историческій очеркъ русской иконописи. *Б. фонъ-Эдинга* . . . . . .

ОТДѢЛЪ IV.

Художественная Москва.

1. Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III. *Б. Виппера*. 382
2. Отдѣленіе изящныхъ искусствъ Румянцовскаго музея. *И. Калачевой* и *А. Мюллеръ*, подъ ред. *Н. Романова* 423
3. Городская галлерея Павла и Сергѣя Третьяковыхъ. *М. Сергѣева*. 445
4. Галлерея С. И. Щукина. *М. Сергѣева* 509
5. Кустарный музей Моск. губ. земства. *А. Орлова*. 520
6. Художественно-промышленный музей имп. Александра II и музей К. С. Попова. *С. Ноаковскаго* 530

ОТДѢЛЪ V.

Научная Москва.

1. Императорскій Московскій и Румянцовскій музей. *А. Борзова* 536
2. Румянцовскій музей—коллекціи по исторіи первобытной Европы. *М. Ковалевскаго* 560

Стр.

3. Историческій музей. *Дм. фонъ-Эдинга* 564
4. Московскій музей прикладныхъ знаній (Политехническій). *В. Ульянинскаго* 596
5. Зоологическій музей Моск. Имп. унив. *С. Огнева*. 616
6. Московскій зоологическій садъ. *С. Огнева*. . . . 626
7. Акваріумъ К. К. Гиппіусъ. *С. Огнева* 631
8. Ботаническій садъ Моск. Имп. унив. *В. Алехина*. 632
9. Біологическій музей („Музей эволюціонной исторіи") Моск. Высш. жен. курсовъ. *А. Котсъ* . . 641
10. Антропологическій музей Моск. Имп. унив. *А. Колмогорова* 642
11. Музей соціальныхъ наукъ им. А. В. Погожевой. *К. Сивкова* 654
12. Противоалкогольный музей столич. попеч. о народной трезвости. *К. Сивкова*. 655
13. Музей московскаго городского хозяйства. *П. Сытина*. 657
14. Педагогическіе музеи. *В. Сыроѣчковскаго* 663
15. Толстовскій музей. *Л. Гильберштадта* 669
16. Москва и 1812 г. *Н. Лялѣева* 673

Библіографическія указанія 689

Алфавитный указатель улицъ, мѣстностей, церквей, зданій и учрежденій 697

ДНИ и ЧАСЫ

ОСМОТРОВЪ

МОСКОВСКИХЪ

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

	Понед.	Вторникъ	Среда	Четвергъ	Пятница	Субб.	Воскрес.	Праздн.	
Кремл. дворецъ	10—3	10—3	10—3	10—3	10—3	10—3	-	- -	Безплатно. Билеты въ дворцов. конторѣ (паспортъ).
Кремл. соборы	По	слѣ	служ	бы	до	3-хъ	час	овъ	Безплатно.
Оруж. Палата	10—2	—	10—2	—	10—2	—	1—2½ (уч. и экс.)	—	Безплатно. Билеты въ дворцовой конторѣ.
Патр. ризница	11—2	11—2	11—2	11—2	11—2	11—2	—	—	Безплатно.
Васил. Блаж.	Во	всякое	время,	когда	нѣтъ	слу	жбы		Безплатно (обр. къ сторожу).
Домъ бояръ Романовыхъ.	—	10—1	—	10—1	—	10—1	—	—	Безплатно (билеты въ дворц. конторѣ).
Палата Ст. Печат. двора	—	10—3	10—3	10—3	10—3	10—3	—	—	Безплатно.
Синод. Библ.	10—3	10—3	10—3	10—3	10—3	10—3	—	—	Безплатно. 15 мая — 1 іюля закрыта.
Историч. музей	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	—	11—3	11—3	Безплатно. Экскурсіи по особой записи.
Музей Имп. Александра III	—	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	12—3	12—3	То же.
Румянц. музей	—	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	12—3	—	20 к. входъ. Воскр. 1 тыс. чел. безплатно. Экскурсіи по записи.
Политехнич. музей	—	—	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	—	Безплатно. Среда и Суббота 15 к. Экскурсіи по записи.
Третьяковск. галлерея	—	10—3 (4)	10—3 (4)	10—3 (4)	10—3 (4)	10—3 (4)	10— (4)	—	Безплатно. Мартъ—сентябрь 10—4.
Галл. С. Щукина	—	—	—	—	—	—	утр. часы	—	По особому соглашенію.
Худ. Пром. музей Алекс. II и К. С. Попова	—	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	11—3	—	20 к. входъ.

Куст. музей	10—6	10—6	10—6	10—6	10—6	10—6	—	—	Безплатно.
Зоологич. музей	—	—	—	—	—	—	10—3	—	Безплатно; 5 к. за хран. платья. 1 мая—1 сент. закрытъ.
Антропол. музей	—	—	—	—	—	—	Въ теченіе дня	—	Безплатно.
Біолог. музей	—	—	—	—	—	—	—	—	По особ. соглашенію съ завѣдующимъ.
Аквaріумъ Гиппіусъ	11—5	11—5	11—5	11—5	11—5	11—5	11—5	—	25 к., учащ. 15 к.
Соціал. музей Погбжевой	2—3	—	—	2—3	—	2—3	—	—	Безплатно.
Анти-алкогол. музей	—	1—4	—	1—4	—	—	1—4	—	Безплатно.
Гор. муз. Нагл. Пособій	—	4—7 (авг.—май)	4—7 (авг.—май) 11—2 (май—авг.)	11—2 (авг.—май)	4—7 (авг.—май)	—	11—2	—	Безплатно.
Педаг. муз. О. В. и У.	—	4—7	—	—	4—7	—	11—1	—	Безплатно.
Педаг. муз. Уч. Отд. О. Р. Т. З	—	—	—	$4\frac{1}{2}$—$6\frac{1}{2}$	—	—	—	—	Безплатно.
Толстовскій музей	—	10—4	10—4	10—4	10—4	10—4	10—4	—	Входъ 30 к., учащіеся 15 к., экскурс. 5 коп.
Зоолог. садъ	10—	10—	10—	10—	10—	10—	10—	10—	35 к., уч. и дѣти 15 к. Ноябрь, дек., янв.—до 4, окт. февр.—до 5, сент., мартъ—до 6, авг., апр.—до 7, май, іюнь, іюль—до 8 ч.
Ботанич. садъ	—	—	9—4	—	9—4	—	9—2	—	Безплатно. Оранжереи 10—12 (среда, пятн., воск.).
Панорама «Бородино»	10—10	10—10	10—10	10—10	10—10	10—10	10—10	10—10	Будни 50 к. Праздн. 30 к. Дѣти, уч-ся, нижн. чины—половину.
Кутуз. изба	9—4	9—4	9—4	9—	9—4	9—4	9—4	—	Безплатно.
Музей Городского хозяйства	—	12—4	12—4	12—4	—	12—4	12—4	12—4	Входъ безплатный, по предварительной записи по телефону.

Справочныя свѣдѣнія по Москвѣ.

Вокзалы жел. дорогъ.

Александровскій (Брестскій)—у Тверской заставы; тр. 1, 6, 8, 9, 13, 16, 36; тел. 21-02, 58-29.

Брянскій (М.-К.-В. ж. д.) — Б. Дорогомиловская, близь моста; тр. 4, 31; тел. 76-93, 76 94, 76-95.

Казанскій (М.-К. ж. д.) — Каланчевская пл.; тр. 4, 6, 8, 10, 29, 30, 34; тел. 22-11.

Курскій (М.-Кур., Нижегор., Муром. ж. д.) — Земляной валъ; тр. 1, 31, Б; тел. 15 11.

Николаевскій (Ник. ж. д.) — Каланчевская пл.; тр. 4, 6, 8, 10, 29, 30, 34; тел. 21-87.

Виндавскій (М.-В. ж. д.) — у Крестовской заставы; тр. 17, 19; тел. 24-43, 3-24 43.

Павелецкій (*Саратовскій*, Ряз.-Урал. ж. д.) — Кожевническая; тр. 19, 25, 30; тел. 25-41.

Савеловскій (Савел. ж. д.) — у Бутырской заставы; тр. 18, 27, 29; тел. 3-14. 2-02-60.

Ярославскій (М.-Я.-А. ж. д.) — Каланчевская пл.; тр. 4, 6, 8, 10, 29, 30, 34; тел. 71-37, 71-38, 71-39.

Отдѣленіе Моск. Город. станціи ж. д. и Моск. Агентство Международн. О-ва Спал. вагоновъ и скорыхъ поѣздовъ. — 10—5 ч., празд. 10—1 ч. д.— Театрал. пл., гдѣ *Метрополь*, б. ч. трамваевъ; тел. 28-27, 9-38.

Бюро экскурсій.

Русс. Общество туристовъ, Арбатъ, Кривоарбат. пер., 4; тел. 171-46; тр. 4, 15, 17, 31.

Комиссія Общеобразоват. Экскурсій при Учебн. Отдѣлѣ

М. О. Р. Т. З. (Экскурсбюро) — Поварская, 10, кв. 10; тел. 167-14; тр. А, 4, 13, 15, 17, 31.

Комиссія Экскурсій при М. Общ. Грамотности, бюро пріема – Зубов. бул., 13, кв. 5; тел. 409-80; тр. Б.

Справочное бюро на М.-Курскомъ вокзалѣ. — Земляной валъ, откр. 8—12 д. и 1—10 веч.; тел. 286-41; тр. 1, 31, Б.

Почта и телеграфъ.

Главный Почтамтъ—Мясницкая, 26; тр. 1, 4, 6, 21, 22, 30, 34, А; тел. 7-56; открытъ 9—4 д., воскр. и праздн. 9—11 у., закрытъ 1 янв., 25 марта, 14 мая, 6 и 25 дек., въ 1 день Пасхи и Троицынъ день (ден. корр. до 4 (11).

Главный Телеграфъ — Мясницкая, 28, тѣ же трамваи; тел. 32-32. Открытъ круглыя сутки.

Почтово-телеграф. отдѣленія: (8—2 и 5—7, ден. корр. до 2 (10). 1—Б. Садовая, 21; 2—Смоленск. рын., 3 Смоленскій пер., 1; 3 — Калуж. вор., Коровій валъ, 553; 4—Сад., Земл. валъ, 9; 5—Гаврикова пл., 15; 6—Садовая-Каретная, 10; 7—Ильинка, Юшковъ пер., 6; 8—Петров.-Разумов., бл. Академіи; 9—Тверская, 61; 10—Ст. Божедомка, 41; 11—Яузская, 5; 12—В. Торг. Ряды; 13—за Семен. заст., Измайлов. богад.; 14—3 Сокольнич. 1; 15—Бутырская, 32; 16—Неглин. пр., 12; 17—Б. Полянка, 24; 18—Марьина роща, Шереметев. ул., 3 пр , 23; 19—уг. Арбат. пл. и Знаменки, 20; 20 — Кадет. плацъ, Княж. пер., 13; 21—Б. Царицынская, 3; 22—Кудринская, 17; 23—Лаврентьевская, 17; 24—за Спасской заст.(гор.бойни); 25—Театрал. пл., 2; 33—Воронья, 23; 34—Гагарин. пер., 19; 35—Соф. наб., 36; 40—Спб. шоссе, 42; 54—Зацѣпа, 12; 55—Палиха, 10; 56—2 Серпухов. пер., 7; 57—село Всѣхсвятское, д. Калабухова; 59—Б. Дорогомиловская, 54; 61—Б. Черкизов., 57; 62—Петровка, 17; 63—Крест. заст., 1 Мѣщан., 148; 66—Ст. Басман., 20; 67—с. Богородское, Мясниковская.

Телеграфн. отдѣленія: (сверхъ почт.-тел.) — Петровка, д. Савостьяновой; Кремль, зд. Суд. Уст.; Твер. бул., д. Полякова; Ильинка, д. Биржи; Б. Чернышев., д. ген.-губ; 1 Ушаковскій, д. Алексѣевой; Никольская, Славян. базаръ; Кузнецкій мостъ, Соедин. банкъ; Покровка, д. Журовой; Тверская, д. Сытина; Варварка, Дѣловой дворъ; Вокзалы ж. д.

Банки и банкирскія конторы.

Банки.

Моск. контора Гос. Банка—Неглинный пр., 12; тр. 1, 11, 15, 26, 29; тел. 3-72. Открыта въ будни 10—3 ч.
Моск. Ссудная казна — тамъ же; 10—2 ч.; тел. 21-91. (Казенный ломбардъ).
Моск. Отд. Дворян. Зем. Банка — Рожд. бул., 12.
Моск. Отд. Крест. Позем. банка — тамъ же.
Азов.-Дон. Комм. б., моск. отд. — Ильинка, соб. д.
Волж.-Кам. комм. б., моск. отд. — Ильинка, 8.
Коммерч. б. Юнкеръ и К⁰—Кузнецк. мостъ, 10.
Ліонскій Кредитъ, моск. агент. — Кузнецкій м., 3.
Моск. б.— Биржевая пл., 2.
Моск. Зем. б. — Твер. бул. 15*а*.
Моск. Купеч. б. — Ильинка, 14.
Моск. Народный б. — Мясницкая, 15.
Моск. Учетн. б. — Хрустал. пер., соб. д.
Ниж. Самар. Зем. б. — Твер. бул. 12.
Рус. для внѣшн. торг. б. — Ильинка, 12.
Рус.-Азіат. б. — Ильинка, 14.
Рус. Торг.-Пром. б., моск. отд. — Рыбный пер.
Спб. Международн. Комм. б. — Ильинка, 9.
Спб. Торг. б., моск. отд. — Ильинка, 21.
Сибир. Торг. б., 1—Ильинка, 12; 2—Гаврик. пер., д. Шапиро; 3—у Гор. боенъ; 4—Серпух. пл.; 5—у Сух. башни; 6—Таган. пл.; 7—Мар. роща.
Соединен. б. — Кузнецк. м., 9; отд.: 1—В. Торг. Ряды; 2—Никольская, 17; 3—Арб. пл, 4.
Яросл.-Костр. Зем. б. — Твер. бул., 15.

Банкирскіе дома и конторы.

Авдѣевъ и К⁰ — Ильинка, 5.
Волковъ съ С-ми — Петровка, 3.
Бр. Джамгаровы — Кузнецк. м., 6; Ильинка, прот. Ст. Гостин. двора.
Кроненблехъ — Кузнецк. м., 15а.
Ландау и К⁰ — М. Лубянка, 3.

Городской ломбардъ.

1 Центр. отд. — Георг. пер., д. Благор. Собранія.
2 Центр. отд., для мелк. закладовъ — Георг. пер., д. Мѣщ. Об-ва.
Елохов. отд. — Елохов. пл., д. Гор. ломб.
Грузинское отд. — 2 Брестская, д. Панина.
Таганское отд. — Таган. пл., д. Гор. Об-ва.
Тверское отд. — Б. Бронная, 23.
Замоскворѣцкое отд. — Б. Серпух., соб. д.
Сухарев. отд. — Б. Спасская, 19.

Частные ломбарды.

Моск. Частн. Ломбардъ—Соф. наб. 36.
Отд.: 1 — Б. Лубянка, 1.
2 — Газетн. пер., 17.
3 — Арбатъ, 11.
М. Об-во Кредита подъ закл. движ.: 1—Б. Лубянка, 13; 2—Б. Гнѣздник. пер., 9; 3—Арбатъ, 4; 4—Долгоруков. ул., 1.
Второе Моск. Об-во Кредита подъ закладъ движим. — 1—Петровка, Салтыков. пер., 6; 2—Кузнецкій, 2; 3—Воздвиженка, д. Фабриціусъ; 4—Милютинскій, 13.
Моск. Т-во для ссуды подъ закл. движим. имущ. — Б. Дмитровка, 22; Нѣмецкая, 1; Садовническая, 4; Сытинскій, 5; Покровка, 19; Солянка, 3; Панкратьевск. п., 2.

Гостиницы.

(Болѣе дорогія [1]) отмѣчены знакомъ *).

**Альпійская Роза* — Софійка, 4; тел. 3-90 и 53-41.
Англія — Тверская, 63; тел. 53-31.
Балчугъ — Чугун. м., 1; тел. 227-97, 426-50. Отъ 1 р. 25 к., мѣс. отъ 20 р.
**Билло:* 1—Б. Луб., 8; тел. 10-64; 2—Варсоноф. пер., 17; тел. 26-12.
Б. Сибирская — Златоустин. п., 6; тел. 14-96, 65-24, 65-23, 222-47.
**Боярскій Дворъ*—Старая пл., 8; тел. 33-22, 99-90, 254-98.

[1]) Отъ 2 р. и дороже въ сутки.

Дѣловой Дворъ — Варвар. пл.; тел. 345-00, 345-01.
Версаль — Б. Дмитровка, 13; тел. 15-28. Отъ 75 к.
Городская большая — Никольская, 4; тел. 14-40.
Грандъ-Отель — Рожд. бул., 1.
**Дрезденъ* — Тверская, 28; тел. 7-18, 273-30.
**Европа* — Неглинный, 4; тел. 20-78, 215-22.
**Континенталь* — Театр. пл.; тел. 51-11, 135-56, 316-14.
Левада — Тверская, 27; тел. 22-38. Отъ 1 р.
Лоскутная — Тверская, 3; тел. 77 34, 225-28, 21-94.
**Люксъ-Отель* — Тверская, 36; тел. 71-98, 305-45, 270-08.
Мамонтовская — Раушская наб., 4; тел. 8-33.
Марсель — Столешниковъ п., 15; тел. 18-70.
**Метрополь* — Театрал. пл., 2.
Москва — уг. Садовой и Домник., 2; тел. 21-89. Отъ 1 р.
**Моск. большая* — Воскресенск. пл., 1; тел. 26-69, 146 93.
**Національная* — Моховая, 17; тел. 18-80, 33-31.
Парижъ — Охотн. рядъ, 1; тел. 138-25, 6-88, 282-55.
Русь — Театр. пл., Спасскій пер., 3; тел. 122-41.
Россія — Петров. линіи, 2; тел. 9-02, 278-68.
**Савой* — Рождественка, 3; тел. 341-00, 341-01, 341-02.
**Селектъ*—Б. Лубянка, 21; тел. 539—45, 550—14, 550—15.
Славянскій базаръ — Никольская, 9; тел. 2-41, 142-80, 14-20.
**Франція* — Тверская, 13; тел. 4-78.
Централь — Б. Дмитровка, 15; тел. 2-03.

Меблированныя комнаты и подворья.

Аверьяновъ — Плющиха, 50; тел. 195-05.
Америка — Воздвиженка, 11; тел. 29 87.
Бояръ — у Храма Спасителя, Нижне-Лѣсной пер., 1; тел. 2-75.
Варваринское подворье — Варварка, 7; тел. 21-10.
Виндавское подворье — 1 Мѣщанская, 144; тел. 238-98.
Владиміровъ — Пречистенка, Царицын. пер., 2; тел. 229-32. Отъ 1 р.
Волжско-Камскія — Б. Дмитровка, 16; тел. 75-44.
Волхонскія — Волхонка, 5; тел. 177-03. Отъ 1 р.
Вѣна — Волхонка, 3; тел. 130-36.
Гагры — Б. Никитская, 30; тел. 77-72. Отъ 1 р.
**Гунстъ* — Старо-Конюшенный п., 4; тел. 101-94.
**Калязин. подворье* — Новая пл., 4; тел. 258-30, 36-20.

Куслухина —Знаменка, 4; тел. 220-79.
Княжій Дворъ — Волхонка, М. Знаменскій п., 14; тел. 175-64.
Колокольцова — Б. Кисловка, 1; тел. 107-40.
Кремль — Неглинная, 19; тел. 17-50.
Луверъ и Мадритъ — Тверская, 33; тел. 332-86.
Малороссія — Никит. вор., 3; тел. 208-95. Отъ 1 р.
Ницца — Никит. вор., 25; тел. 34-46.
Новая Прага — Б. Молчановка, 6; тел. 245-55. Отъ 1 р.
Ново-Московскія — Балчугъ, 1; тел. 27-28. Отъ 1 р.
Петергофъ — Моховая, 7; тел. 13-56. Отъ 1 р.
Столица — Арбатъ, 4; тел. 29-31.
Съв. Полюсъ — Б. Никитская, 16; тел. 115-80. Отъ 75 к,
Уралъ — Зацѣпа, 9; тел. 61-43. Отъ 1 р.
Троицкой — у Никит. воротъ, Тверской бул., внутр. пр., 1; тел. 32-56.
Успѣхъ — Арбатъ, 7.
Фальцфейнъ (Михѣева)—Тверская, 19; тел. 20-99, 109-27. 218-53, 147-15, 218-52. Отъ 75 к.
И другія.

Бани.

Европейскія — Замоскворѣчье, Климентов. пер.
Павловъ — Арбатъ, Годеинскій пер., 3.
Сандуновскія — Неглинный пр., 14; тел. 20-63, 188-30, 188-40.
Сущевскія — Селезневская, д. 15.
Тверскія — М. Палашевскій п., 6; тел. 79—68.
Центральныя — Театр. пл., д. Хлудова; тел. 75-46.

Рестораны.

(Болѣе дорогіе отмѣчены знакомъ *).

Автандиловъ (ренск. погр.) — Тверская, 22; тел. 43-59.
Альп. Роза — Софійка, 4; тел. 53-41, 3-90.
Баръ — Неглинный пр., 4; тел. 508-69.
Берлинъ — Рождественка.
**Билло* — Б. Лубянка, 9; тел. 10-64.
**Б. Москов. гостиница* — Воскресенская пл., 1; тел. 26-69, 146-93.
Вѣна — Охотн. рядъ, 1; тел. 48-88.

Егоровскій ресторанъ. Охотный рядъ. Тел. 19,-89, 4-58 80, 5-54-48.
**Крынкинъ* — Воробьевы горы; тел. 108-00.
Мартьянычъ — В. Торг. ряды; тел. 17-30, 99-16.
**Метрополь* — Театр. пл., 2; тел. 529-23, 529-24.
Менабде — Тверская. Леонт. пер., 26; тел. 63-88.
Нов. Моравія — Твер. бул., 103; тел. 54-21.
Ново-Троицкій — Ильинка, 5; тел. 23-01.
Новый Петергофъ — Воздвиженка, 7; тел. 216-73, 65-29.
Петровскій — Неглинный пр., противъ Гос. банка.
Прага — Арб. вор., 2; тел. 13-83.
Россія — Петров. линіи, 2; тел. 9-02, 155-79.
Скала — Твер. бул., 7; тел. 24-41.
**Славянскій Базаръ* — Никольская, 9; тел. 14-20, 99-54.
Тѣстова — Воскресен. пл., 2; тел. 8-74, 217-11. (Два, 1 и 2 разряда, рядомъ.)
**Эрмитажъ* — Трубн. пл.; тел. 5-25, 67-90, 213-09, 202-16.

Кофейныя.

Англійская — Арбатъ, 27; тел. 335-50.
Бартельсъ — Никит. вор., 28; тел. 14-93.
Бристоль — Неглинный, Петров. пассажъ, 11; тел. 190-85.
Виноградовъ — Мясницкія вор.; тел. 19-42, 85-87.
Вѣнская — Петровка, 15.
Гоголевская — Пречист. бул., 31.
Метрополь — Театр. пл., 2; тел. 96-75.
Мюръ и Мерилизъ — Петровка, 3.
Савой, Соф. 4.
Савостьяновыхъ — Арб. пл., 2; тел. 179-77.
Сіу: 1—Кузнецк. м., пассажъ Джамгаровыхъ; тел. 25-77; 2—Ильинка, 12; тел. 323-10.
Трамбле — Петровка, д. Михалковыхъ; тел. 50-11.
Филиппова — Тверская, 36; тел. 51-17; Мясницкая, 27; тел. 179-01; Срѣтенка, 18.
Флей — Неглинный, 8; тел. 47-59.

Столовыя.

Б. Пушкинская — Твер. бул., 30; тел. 359-87.
Вегетаріанская — Мясницкая, 17; Спасскій п., 3.
Гигіена (вегетар.) — Б. Кисловка, 5; тел. 538-60.

Моск. Вегетар. О-ва: 1—Газетный п., 12; тел. 175-50; 2—Моховая, 26; тел. 128-81.

Народ. стол. моск. вег. об-ва—Толстовскій, 14.

Новая вегетар. — Кузнецкій м., 11; тел. 434-05.

Нормальная — Арбатъ, 38; тел. 508-18.

Об-ва распр. практ. знаній между образов. женщин.— Никит. бул., 13; тел. 37-77.

О-ва служащихъ въ т.-п. предпріятіяхъ — Ср. Торг. ряды, 19; тел. 203-53.

Полтавская — Никитская, бл. Унив.

Рус. хльбосольство — Арб. вор., Калашный п., 1.

Студенч. стол. — Воздвиженка, 1; тел. 17-45.

Троицкой — Никит. вор.; тел. 32-56.

Студенч.-курсист. столовая — Дѣв. поле, 6; тел. 152-37.

И другія.

Обѣды въ 2 блюда — отъ 25—30 к. и дороже. Въ студенч. дешевле.

Въ нѣк. дороже и лучше: въ Об-вѣ Практ. знаній, у Троицкой (50—55 к.).

Всего дешевле — въ буфетахъ Народн. домовъ.

Театры.

Императорскіе: Большой и Малый — Театр. пл. Предварит. касса 10—4, суточная до конца спектакля.

Опера Зимина—(Солодовн. театръ)—Б. Дмитровка, 6; тел. 35-23.

Свободный театръ — Каретн. рядъ (Эрмитажъ); тел. 25-39.

Художс. театръ — Камергерскій пер., д. Ліанозова; тел. 27-84.

Театръ К рша — Богослов. пер. (Петровка); тел. 5-18.

Театръ Незлобина — Театр. пл.; тел. 71-61.

Театръ Интернаціональный— Б. Никитская, 19; тел. 440-35.

Театръ Аквaріумъ — Б. Садовая; тел. 239-30.

Театръ Зонъ — уг. Тверской и Садовой; тел. 405-59.

Театръ-кабарэ Летучая Мышь — Милютинскій пер., 16; тел 522-22.

Театръ миніатюръ — Мамоновскій пер.; тел. 311-58.

Циркъ Никитиныхъ— Б. Садовая, бл. Тверской; тел. 277-72.

Циркъ Саламонскаго (Девинье)—Цвѣтной бул.; тел. 5-30.
Консерваторія — Б. Никитская, 13; тел. 20-97.
Централ. театр. касса—Тверская, 16, тел. 537-44, 17-66.

Народные дома.

(Столичнаго Попечит. о народной трезвости.)

Алексѣевскій — Васильевская, 13 (Прѣсн.); тел. 16-55.
Сухаревскій — Б. Сухарев. пл., 4; тел. 66-15.
Трубный — Трубн. пл., 1; тел. 26-96.
Нѣмецкій — Ладожская, 12 (бл. Нѣмецк. ул.); тел. 13-80.
Имени В. Джунковскаго — Хитровъ рынокъ, д. Кулакова; тел. 66-44.
Бутырскій — Бутырская, 45; тел. 33-96.
Садовническій— Садовническая, 66; тел. 33-37.
Дорогомиловскій– Б. Дорогомил., д. Прусъ Жуковскаго; тел. 67-30.
Сергіевскій — Новослободская, 37; тел. 254-34.
Народная столовая, Смоленская — Смолен. рын., 21; тел. 33-65.
Библ. читальня им. В. Джунковскаго — Хитровъ рынокъ, д. Алекс. патр.
Домников. чайная — Домниковская, 26.

Театры: въ Введен. и Сергіев. домахъ. (Лѣтомъ труппа Серг. дома играетъ въ Алекс. домѣ.)

Концерты.

Зимой — въ Благородномъ Собраніи (Охотн. рядъ), въ Консерваторіи (Никитская), въ Синодал. училищѣ (Никитская).
Лѣтомъ — въ Сокольникахъ, въ павильонѣ.

Историческій очеркъ Москвы.

Геологія Москвы.

В. Соколова.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Москва не случайно стала на своемъ мѣстѣ. Такъ ли это, или не такъ, мы разбирать здѣсь не будемъ. Но все-таки нельзя не отмѣтить, что мѣсто, на которомъ и понынѣ благополучно стоитъ Москва, весьма интересно въ различныхъ отношеніяхъ Интересно оно и въ отношеніи того далекаго прошлаго, которое лежитъ уже за предѣлами исторіи и называется геологическимъ. Удивительные памятники этого прошлаго и особаго рода подлинные документы, нерѣдко изумительной сохранности, таящіеся въ каменныхъ толщахъ, покоящихся въ глубокихъ нѣдрахъ Москвы и ея окрестностей, краснорѣчиво говорятъ намъ о величественныхъ событіяхъ, которыя протекли здѣсь въ опредѣленной послѣдовательности еще задолго до появленія человѣка на землѣ. Всѣ эти памятники и документы давно уже разобраны и описаны геологами, и въ послѣдующемъ краткомъ очеркѣ намъ предстоитъ ближе ознакомиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришли они.

Природа не скрываетъ своихъ сокровищъ и свободно отдаетъ ихъ всякому любознательному человѣку. Такъ и въ отношеніи геологіи Москвы, лю-

бая глубокая уличная канава, какія обычно прокапываютъ въ ней городскіе инженеры для прокладки водопроводныхъ и канализаціонныхъ трубъ, нерѣдко даетъ весьма поучительные матеріалы. Еще болѣе драгоцѣнныя научныя сокровища могутъ быть извлекаемы изъ ряда старыхъ и новыхъ каменоломенъ, расположенныхъ по окраинамъ города, а также изъ обширныхъ котловановъ для различныхъ фундаментальныхъ сооруженій, напримѣръ, храма Христа Спасителя, или памятника Императору Александру II въ Кремлѣ. Не менѣе интересные геологическіе документы, при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, можно добыть при рытьѣ обыкновенныхъ дворовыхъ колодцевъ и, въ особенности, при буреніи артезіанскихъ скважинъ, коихъ много въ Москвѣ, при чемъ наиболѣе глубокою и во многихъ отношеніяхъ замѣчательною является городская скважина на Покровскомъ бульварѣ. Все это существенно дополняется результатами изученія естественныхъ геологическихъ обнаженій по берегамъ р. Москвы и многочисленныхъ ея притоковъ, справа и слѣва впадающихъ въ нее въ видѣ мелкихъ ручьевъ и болѣе крупныхъ рѣчекъ, какова, напримѣръ, р. Яуза. Подобныя обнаженія сравнительно малочисленны въ городской чертѣ, но за предѣлами ея они развертываются въ исключительной полнотѣ. Есть еще и иныя возможности, которыя открываютъ человѣческой любознательности доступъ въ нѣдра земли, и на одну изъ нихъ мы укажемъ въ свое время.

Обычно геологъ въ своей работѣ пользуется двоякаго рода матеріалами, тѣмъ или инымъ способомъ извлекаемыми изъ нѣдръ земли или раскрывающимися въ естественныхъ обнаженіяхъ. Таковы,

прежде всего, разнообразныя рыхлыя, плотныя и твердыя каменистыя вещества (пески, глины, песчаники, известняки и т. д.), изъ коихъ слагаются отдѣльныя толщи земли, и, затѣмъ, болѣе или менѣе сохранные остатки (кости, зубы, наружные покровы, раковины, отпечатки, куски окаменѣлой или обугленной древесины и т. д.) различныхъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, нѣкогда населявшихъ ее и въ огромномъ большинствѣ случаевъ вымершихъ въ настоящее время окончательно. Всѣ такіе матеріалы, какъ извѣстно, имѣютъ высокую научную и учебную цѣнность, почему изъ нихъ тщательно составляются особыя музейныя и школьныя коллекціи. По нимъ же сравнительно легко возстановляется прошлая жизнь земли въ отдѣльные промежутки времени или геологическіе періоды, соотвѣтственно которымъ отлагались различныя наслоенія, расчленяемыя на послѣдовательныя геологическія системы. Для наглядности, распредѣленіе такихъ системъ въ той или другой мѣстности изображается условными красками или какими-либо иными знаками на ея топографической картѣ подходящаго масштаба, и такія карты называются геологическими. Къ сожалѣнію, для Москвы совершенно не имѣется ни достаточно полныхъ, систематическихъ и общедоступныхъ вышеуказанныхъ коллекцій, ни надлежащей геологической карты ея. Всего естественнѣе было бы озаботиться составленіемъ ихъ Московскому городскому управленію, но оно, несмотря на громадныя земляныя работы, выполняемыя имъ десятками лѣтъ, видимо, не удосужилось еще заняться этимъ съ соотвѣтствующимъ вниманіемъ.

Если кто-либо захочетъ ознакомиться съ Москвой

во всей полнотѣ и во всемъ многообразіи физико-географическихъ условій ея топографическаго положенія, то всего лучше сдѣлать такой обзоръ въ погожій солнечный день съ какой-нибудь наиболѣе возвышенной точки ея. Такихъ мѣстъ въ Москвѣ три: балконъ напорнаго резервуара Рублевскаго городского водопровода на Воробьевыхъ горахъ, верхній ярусъ колокольни Ивана Великаго и крыша одной изъ водонапорныхъ Крестовскихъ башенъ. Съ каждаго изъ нихъ открывается чудная панорама. На первомъ планѣ по холмамъ уходящія въ даль и ширь скученныя городскія постройки въ узорчато-цвѣтныхъ очертаніяхъ различныхъ типовъ и временъ, а на горизонтѣ, по всей его округѣ, въ мглистой дымкѣ маячатъ лѣсистыя дали, почтительно отступающія нынѣ передъ побѣднымъ натискомъ человѣческой культуры. Только одна р. Москва за все время вѣковой борьбы между ними неизмѣнно остается на своемъ мѣстѣ и сверкающей лентой прорѣзываетъ эту волшебную картину.

Мысль невольно отрывается отъ настоящаго и рисуетъ иную обстановку. Города нѣтъ. Лѣса почти сплошь захватили его мѣсто и подступили густой чащей къ самой рѣкѣ. Только кое-гдѣ, по берегамъ ея, мѣстами по обрывистымъ кручамъ, а мѣстами по столь же широкой, какъ и теперь, долинѣ ея среди многоводныхъ заводей и дюнныхъ песковъ виднѣются убогіе шалашные поселки, жители которыхъ во всемъ, что касается ихъ внѣшняго вида, различныхъ повадокъ и житейскаго обихода, совершенно чужды намъ. Они знаютъ употребленіе огня, занимаются рыбной ловлей и звѣроловствомъ, не гнушаются всевозможными видами

пищи и въ своей домашней обстановкѣ довольствуются самыми скромными вещами, о чемъ наглядно свидѣтельствуютъ найденные на Кремлевскомъ холмѣ подъ толщами культурнаго слоя новѣйшаго происхожденія, а также въ Дьяковомъ городищѣ подъ с. Коломенскимъ, въ дюнныхъ пескахъ за Серебрянымъ боромъ и въ другихъ мѣстахъ по окрестностямъ Москвы, черепки незатѣйливой глиняной посуды, обломки желѣзныхъ издѣлій, кремневыя стрѣлы и т. п. Многія изъ этихъ вещей можно видѣть въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Историческаго музея, а также и въ иныхъ собраніяхъ. Хотя люди того времени и были несомнѣнно иными, но природа, если и отличалась нѣсколько отъ современной, то развѣ большей дикостью и суровой неприглядностью.

Не то мы видимъ, переступая рубежъ исторіи. Здѣсь предъ нами арена событій, протекшихъ въ ту геологическую эпоху, которая тѣсно примыкаетъ къ современной, и вмѣстѣ съ послѣдней составляетъ особый періодъ, не совсѣмъ складно называемый геологами послѣтретичнымъ. Человѣка теперь здѣсь совсѣмъ не видно. Видимо, онъ не проникъ еще сюда изъ другихъ, болѣе привѣтливыхъ странъ. Дѣйствительно, несмотря на сравнительно мягкій климатъ, кругомъ все необычайно дико. Общій характеръ мѣстности совершенно иной, чѣмъ теперь. Повсюду массовыя скопленія песковъ, глинъ и округленныхъ голышей или огромныхъ каменныхъ глыбъ. Не тѣ и рѣчные потоки, среди которыхъ едва-едва намѣчается рѣка Москва. Множество небольшихъ и мелководныхъ озеръ, обрамленныхъ своеобразною растительностью, напоминающею современную. Тутъ же бродятъ зна-

комыя намъ животныя, но между ними рѣзко бросаются въ глаза огромные и неуклюжіе, покрытые шерстью, носороги и мамонты. Особенно же необычнымъ является чрезвычайное обиліе льда и при томъ не на водѣ, а какъ говорится, прямо по сухопутью. Мѣстами онъ захватываетъ обширнѣйшія пространства. Но всего больше его къ сѣверу и сѣверо-западу отъ теперешней Москвы, гдѣ сплошной ледяной покровъ достигаетъ изумительной мощности. Это было великое оледенѣніе, охватившее большую часть Европейской Россіи и другихъ странъ Европы, почему и соотвѣтствующая ему геологическая эпоха получила названіе ледниковой. Нерукотворенными памятниками ея подъ Москвой служатъ мѣстами довольно мощные наносы, состоящіе то изъ болѣе или менѣе отсортированныхъ песковъ, гравія и другихъ обломочныхъ матеріаловъ, то изъ весьма обычныхъ у насъ красновато-бурыхъ грубыхъ глинъ, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-либо сортировки образующихъ ихъ тонко-и крупно-зернистыхъ минеральныхъ частицъ и болѣе крупныхъ окатанныхъ обломковъ различныхъ каменныхъ породъ, въ числѣ которыхъ чаще всего встрѣчаются такія, коренныя мѣстонахожденія которыхъ нигдѣ не попадаются въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Олонецкаго края. Въ свое время описываемые наносы, въ видѣ мореннаго матеріала, были разнесены по Россіи громадными потоками льда, которые двигались по ней съ Скандинаво-Финляндскаго нагорья, подобно тому, какъ это наблюдается теперь въ Гренландіи и другихъ приполярныхъ странахъ. Подъ Москвой ледниковые наносы залегаютъ непосредственно подъ почвой, которая и сама про-

изошла путемъ естественной переработки ихъ, и сплошь и рядомъ обнажаются какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ по свѣже-промытымъ оврагамъ и рѣчнымъ берегамъ. Наиболѣе цѣннымъ въ практическомъ отношеніи матеріаломъ въ нихъ служатъ валуны или обыкновенный булыжный камень, мѣстами совершенно переполняющій ихъ. Попадаются въ нихъ также кусочки различныхъ, иногда весьма рѣдкихъ минераловъ, изъ которыхъ, при умѣньи разобраться въ нихъ, можно составлять недурныя минералогическія коллекціи. Мѣстами, путемъ надлежащей промывки, вмѣстѣ съ такими минералами можно извлечь изъ нихъ даже и золото, которое, между прочимъ, было найдено въ ледниковыхъ наносахъ, хотя въ крайне ничтожномъ количествѣ, къ сѣверу отъ Москвы у ст. Икша, Московско - Савеловской желѣзной дороги. Органическихъ остатковъ въ этихъ наносахъ совершенно не встрѣчается. Таковые можно находить лишь въ тѣсно связанныхъ съ ними озерныхъ или рѣчныхъ песчано - иловатыхъ отложеніяхъ, изъ коихъ подъ Москвой особенно замѣчательными являются прѣсноводные осадки въ берегахъ Студенаго оврага и у с. Троицкаго за Ходынскимъ полемъ и Серебрянымъ боромъ. Такъ, Троицкія озерныя отложенія въ числѣ другихъ интересныхъ ископаемыхъ дали также почти полный скелетъ мамонта превосходной сохранности, который хранится въ настоящее время въ Зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго университета.

Мы ровно ничего не знаемъ о тѣхъ событіяхъ, какія были пережиты подмосковнымъ краемъ въ непосредственно предшествовавшій ледниковой эпохѣ третичный періодъ. Геологическіе памят-

ники того времени навсегда исчезли здѣсь съ лика земли, и только путемъ общихъ соображеній и, главнымъ образомъ, внимательно учитывая сложныя подробности доледниковаго рельефа этого края, можно догадываться, что въ теченіе названнаго періода онъ представлялъ сплошную сушу, во всемъ многообразіи свойственныхъ ей физико-географическихъ условій.

Но стоитъ намъ заглянуть въ еще большую глубь временъ, какъ снова начинаютъ развертываться передъ нами картины, одна причудливѣе другой. Морскія волны то бурно, то покойно плещутся теперь вокругъ насъ, а на днѣ тогдашнихъ морскихъ водоемовъ и во всей водной массѣ ихъ кипитъ своеобразная жизнь. Моря того времени, относящагося къ мѣловому періоду, были подъ Москвой неглубоки, и въ данныхъ осадкахъ ихъ никакихъ скопленій обыкновеннаго пишущаго мѣла не содержится. Тѣмъ не менѣе, по заключающимся въ нихъ ископаемымъ, геологи съ полною увѣренностью относятъ ихъ именно къ названному періоду. Подъ самой Москвой они послѣдующими событіями почти начисто уничтожены. Но въ окрестностяхъ ея, начиная съ Воробьевыхъ горъ и по другимъ мѣстамъ, отложенія мѣлового періода уцѣлѣли въ достаточной сохранности. Они представлены преимущественно разнообразными песками, а въ верхнихъ своихъ частяхъ особою каменной породой, въ просторѣчіи называемой „опокой“, которая встрѣчается по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ подъ Хотьковымъ и за Калужской заставой у д. Теплые Станы. Нельзя сказать, чтобы жизнь моря того времени была подъ Москвой богатой и разнообразной, но несомнѣнно, что море

128734

это было обширнымъ и далеко простиралось въ южныя области современной Россіи. Берега его къ сѣверу и западу отъ Москвы были недалеки. Неудивительно, поэтому, что въ прибережныхъ своихъ частяхъ оно мѣстами обсыхало и что, вслѣдствіе этого, непрерывность отложеній его нерѣдко нарушается.

Непосредственно подъ отложеніями мѣлового періода въ подмосковномъ краѣ залегаетъ толща осадковъ еще болѣе мелководнаго моря, по геологической терминологіи называемаго ю р с к и м ъ. Соотвѣтствующій періодъ въ жизни земли названъ геологами юрскимъ, по имени пограничной между Франціей и Швейцаріей горной цѣпи, географическое названіе которой—Юра, только потому, что здѣсь впервые была установлена самостоятельность образующихъ эту цѣпь наслоеній въ общей серіи осадочныхъ отложеній. Подъ Москвой пласты юрской системы представлены буроватыми и зеленоватыми песками и почти совершенно черными песчано-слюдистыми глинами сравнительно незначительной мощности и относящимися лишь къ верхнему отдѣлу этой системы. Обыкновенно они буквально переполнены органическими остатками животнаго и растительнаго происхожденія, между которыми особенно выдѣляются головоногія моллюски (аммониты и белемниты или, по народному выраженію, „чортовы пальцы“) и куски окаменѣлой древесины. Въ нихъ попадаются также зубы, позвонки и другія скелетныя части ихтіозавровъ, а изъ полезныхъ минеральныхъ ископаемыхъ—фосфориты, желваки желѣзнаго колчедана и скромныя скопленія низкопробнаго бураго минеральнаго угля.

Мы снова въ обстановкѣ совершенно невѣдомыхъ

намъ геологическихъ событій, протекшихъ подъ Москвой за огромный промежутокъ времени, начиная эпохами средней и нижней юры и кончая болѣе древними періодами: т р і а с о в ы м ъ и п е р м с к и м ъ. Видимо, за все это время здѣсь была суша, жизнь которой прошла для насъ совершенно безслѣдно. Каменной основой этой суши послужили отложенія еще болѣе древняго геологическаго періода, называемаго к а м е н н о у г о л ь н ы м ъ, по содержащимся въ немъ залежамъ минеральныхъ углей. Мощныя толщи этихъ отложеній, хотя и не содержащія почти каменнаго угля, хорошо представлены въ подмосковномъ краѣ, почему мы и остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Какъ въ самой Москвѣ, напримѣръ, по дну р. Москвы у Храма Христа Спасителя, такъ и по окраинамъ ея въ Дорогомиловѣ и въ Лефортовѣ, по р. Яузѣ, а равно и во всѣхъ московскихъ буровыхъ артезіанскихъ скважинахъ, хотя и на различной глубинѣ, повсюду залегаетъ сверху кремнистый, глубже болѣе чистый, мѣстами доломитизированный известнякъ, съ характерными ископаемыми, по которымъ можно сравнительно легко возстановить ту среду и тѣ физико-географическія условія, въ которыхъ онъ образовался. Это было, несомнѣнно, море, но море, существенно отличающееся отъ того, которое мы видѣли уже на мѣстѣ теперешней Москвы. Лазуревая поверхность этого моря далеко простиралась кругомъ и, въ особенности, по направленію къ сѣверо-востоку и востоку, гдѣ оно терялось въ безбрежной дали. Въ пучинахъ же его пышно цвѣла органическая жизнь, разнообразные остатки которой (зубы акулъ, раковины моллюсковъ, иглы морскихъ ежей, членики

стеблей морскихъ лилій, скорлупки различныхъ корненожекъ и т. п.) сохранились въ отложеніяхъ того времени и по настоящіе дни. Мѣстами скопленія такихъ остатковъ бываютъ столь значительны, что мощныя толщи известняковъ почти цѣликомъ состоятъ изъ нихъ. Для Москвы отложенія каменноугольной системы имѣютъ особое значеніе. Прежде всего, многія изъ нихъ, каковы, напримѣръ, известняки, даже въ сыромъ видѣ, представляютъ собой разнообразный и при томъ весьма цѣнный строительный матеріалъ. Изъ нихъ же изготовляются известь и цементъ, а изъ глинъ—огнеупорные кирпичи, кухонная посуда и другія глиняныя издѣлія. Особенно же важными они являются въ томъ отношеніи, что даютъ обильную и вполнѣ доброкачественную артезіанскую воду, которая и извлекается изъ нихъ въ Москвѣ многочисленными буровыми скважинами.

За каменноугольнымъ періодомъ въ далекомъ геологическомъ прошломъ стоитъ еще болѣе древній періодъ, называемый девонскимъ. Отложенія этого періода, также морского происхожденія, совершенно скрыты подъ Москвой и были обнаружены только городскою буровою скважиной на Покровскомъ бульварѣ, глубиною въ $215_{,5}$ саж. Трудно сказать, что слѣдуетъ здѣсь за ними на еще большихъ глубинахъ. Прямыхъ указаній на это нѣтъ, а о косвенныхъ мы говорить не будемъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще нѣкоторыя геологическія явленія, весьма замѣчательныя для Москвы по своей исключительности. Такъ, въ ней бываютъ землетрясенія, которыяза послѣднее время зорко учитываются спеціальными приборами на физико-географической обсерваторіи Импера-

торскаго Московскаго университета, которая помѣщается рядомъ съ Астрономической обсерваторіей, въ районѣ Средней Прѣсни. Обыкновенно такія землетрясенія не улавливаются людьми. Но въ Москвѣ неоднократно случались болѣе чувствительныя землетрясенія, сопровождавшіяся обычными для нихъ колебаніями почвы и зданій, даже звономъ колоколовъ и т. д. Ничего угрожающаго для Москвы явленія эти, однако, не представляютъ и никакихъ катастрофъ въ этомъ отношеніи она до сихъ поръ не переживала. Другая физико-геологическая особенность Москвы, представляющая значительный интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, напримѣръ, для сужденія о геологическомъ строеніи земныхъ нѣдръ подъ ней, до сихъ поръ еще остается мало извѣстной въ кругу широкой публики. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ профессоръ Б. Я. Швейцеръ, занявшись разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ геодезическихъ вопросовъ, связанныхъ съ выясненіемъ истиннаго географическаго положенія московской университетской обсерваторіи, обнаружилъ для Москвы, хотя и весьма слабое, уклоненіе отвѣса отъ нормальнаго вертикальнаго положенія. Другими словами, отвѣсъ въ Москвѣ не совсѣмъ отвѣсенъ, при чемъ возмущающее вліяніе на него исходитъ не отъ поверхностныхъ неровностей, а изъ очень большихъ глубинъ земли. Истинная причина такого уклоненія отвѣса до сихъ поръ еще остается совершенно невыясненной. Пока же его приписываютъ неравномѣрному распредѣленію массъ различныхъ плотностей въ нѣдрахъ земли на глубинѣ 10—12 верстъ.

Археологія Москвы.

А. Колмогорова.

Человѣкъ появился въ Восточной Европѣ значительно позднѣе, чѣмъ въ Западной. Большинство изслѣдователей первое появленіе человѣка въ Западной и Южной Европѣ относятъ къ послѣдней межледниковой эпохѣ, когда вся сѣверная половина Европы была еще покрыта гигантскимъ ледникомъ. Напрасно было бы искать въ Россіи, особенно средней, слѣдовъ древнѣйшихъ фазъ палеолитическаго періода. Да и въ южной Россіи слѣды палеолитическаго человѣка очень скудны и обнаружены въ немногихъ ея частяхъ: въ Польшѣ, Малороссіи, на Дону... Въ средней Россіи (и въ частности въ Московской губ.) человѣкъ появился только въ неолитическій періодъ, идя съ юга, вслѣдъ за отступающимъ ледникомъ. Но слѣды и неолитическаго обитателя въ Моск. губ. представлены весьма слабо. До сихъ поръ здѣсь не было открыто ни одной неолитической стоянки, какія обнаружены были, напр. въ сосѣдней Владимірской губ. (Волосовская стоянка).

Въ Моск. губ. всѣ находки каменнаго вѣка ограничиваются немногими, случайно найденными, кремневыми стрѣлками, молотками, шлифованными долотами и топорами, и изъ этого многое относится несомнѣнно къ позднѣйшему періоду неолита. Находки эти (далеко не всѣ) можно видѣть въ Моск. Ист. музеѣ и въ Антроп. музеѣ М. унив. Случайныя находки дѣлались и въ самой Москвѣ. Но онѣ относятся или къ болѣе раннему времени (къ межледниковымъ отложеніямъ), или къ

болѣе позднему (XVI—XVIII вв.). Въ межледниковыхъ отложеніяхъ находимы были кости различныхъ ископаемыхъ животныхъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Калужской площади, при прокладкѣ трубъ, наткнулись на кости мамонта. Раскопки произведены были проф. А. П. Павловымъ, который откопалъ черепъ, позвонки, ребра и кости конечностей, такъ что можно было смонтировать полный скелетъ мамонта.

Это второй скелетъ мамонта, найденный въ Московской губ. Первая находка была сдѣлана 60 лѣтъ тому назадъ около с. Троицкаго въ межледниковыхъ озерныхъ отложеніяхъ и была описана моск. проф. Рулье.

Къ болѣе позднимъ находкамъ въ Москвѣ относятся краніологическія находки изъ старыхъ московскихъ кладбищъ. Собираніе такихъ находокъ начато было проф. А. П. Богдановымъ и широко продолжено проф. Д. Н. Анучинымъ, которому удалось собрать большую краніологическую коллекцію изъ находокъ, добытыхъ при земляныхъ работахъ на дворѣ университета, на дворѣ гр. Шереметева, во владѣніи Румянцевскаго музея, въ Кремлѣ (при постройкѣ пам. Алек. II), у Дѣвичьяго монастыря, на Воробьевыхъ горахъ и въ другихъ мѣстахъ. Черепа эти (хранящіеся въ Антроп. музеѣ Моск. унив.)—брахицефальные (до 60%) и рѣзко разнятся отъ курганныхъ, у которыхъ преобладаетъ долихоцефалія (57%).

Къ какому времени отнести господство неолитической культуры въ средней Россіи—опредѣленно рѣшить трудно. Но несомнѣнно одно—каменный вѣкъ здѣсь бытовалъ значительно дольше, чѣмъ въ Зап. Европѣ. Когда въ южной Россіи господствовала скиѳская культура, а Зап. Европа пере-

живала уже позднѣйшій желѣзный вѣкъ (Латенская эпоха), вся сѣверная половина Россіи жила еще въ каменномъ вѣкѣ.

Переходъ къ металламъ въ средней Россіи не только начался значительно позднѣе, чѣмъ на Западѣ, но и вообще не отличался вначалѣ широкимъ развитіемъ. Находки мѣднаго и бронзоваго періода въ средней Россіи очень скудны и своимъ видомъ говорятъ больше о вліяніи Востока, чѣмъ Запада. Вліяніе Запада больше сказалось въ Финляндіи и ближайшихъ къ ней русскихъ губерніяхъ. Для Московской губ. можно отмѣтить только одну находку мѣднаго цельта въ Клинскомъ уѣздѣ.

Ничтожное количество находокъ изъ мѣди и бронзы заставляетъ предполагать, что Россія, по крайней мѣрѣ средняя, не переживала особой мѣдной или бронзовой эпохи, а прямо послѣ очень длительнаго каменнаго вѣка перешла въ желѣзный, и этимъ она была, повидимому, опять обязана Востоку, именно „урало-алтайской“ культурѣ.

Желѣзный вѣкъ оставилъ въ Московской губ. болѣе замѣтные слѣды. Культуру эту хранятъ здѣсь „городища“ и „курганы“. Городищами называютъ земляныя сооруженія, расположенныя на высокихъ береговыхъ холмахъ, въ мѣстахъ рѣзкихъ излучинъ рѣки. Подобные холмы служили мѣстами укрѣпленныхъ поселеній, а иногда заповѣднымъ мѣстомъ для религіозныхъ собраній и жертвоприношеній. Подмосковныя городища далеко еще не изучены. Наиболѣе извѣстнымъ и изслѣдованнымъ изъ нихъ является „Дьяково городище“, лежащее въ 8 верстахъ къ югу отъ Москвы, у села Дьякова. Городище это возвышается до 24 саж. надъ уровнемъ рѣки Москвы. Культурный слой, насыпанный

съ поверхности, достигаетъ мощности до 2 саженъ. Изслѣдованіе показало, что культурные слои насыпались не одновременно, но принадлежатъ къ различнымъ культурнымъ моментамъ. Въ нижнихъ слояхъ были найдены черепки съ примитивнымъ сѣтчатымъ орнаментомъ и плоскія желѣзныя стрѣлки, близкія по формѣ къ кремневымъ, а также костяныя шилья и иглы. Черепки, найденные въ верхнихъ слояхъ, были сдѣланы изъ лучшаго матеріала и съ болѣе разнообразнымъ и сложнымъ орнаментомъ (встрѣчается даже волнистый орнаментъ). Вмѣстѣ съ черепками были найдены также костяные шилья, стрѣлки и гарпуны. Среди другихъ находокъ этихъ верхнихъ слоевъ слѣдуетъ еще отмѣтить костяную рукоятку, украшенную изображеніемъ головы какого-то звѣря. Изъ каменныхъ издѣлій найдены были одинъ оббитый кремневый топоръ и долото. Найдено было также значительное количество маленькихъ сосудиковъ въ видѣ вазочекъ и тиглей, много глиняныхъ погремушекъ и даже глиняное изображеніе человѣческой фигуры.

Металлическія находки этого городища представлены бронзовыми и желѣзными вещами. Въ числѣ бронзовыхъ найдены: браслеты, кольца, шейныя гривны, пряжки. Изъ желѣзныхъ: стрѣлы, ножи, удила, рыболовные крючки и топоръ (цельтъ). Въ различныхъ горизонтахъ культурнаго слоя найдена была масса костей различныхъ животныхъ, отчасти дикихъ (кабанъ, медвѣдь, лось, олень), отчасти домашнихъ (быкъ, лошадь, свинья).

Благодаря опредѣленной и характерной культурѣ, Дьяково городище считается типичнымъ, и къ его категоріи относятъ большинство городищъ въ бассейнахъ Оки, Клязьмы и верхней Волги. Въ Москов-

ской губ. къ этому типу относятся: Синьковское городище (въ Клинскомъ уѣздѣ), изслѣдованное Смирновымъ, городище у дер. Попелкова (Клинскаго уѣз.) и ближайшее къ Москвѣ городище у дер. Нижніе Котлы (за Серпуховской заставой). Есть указанія на существованіе еще нѣсколькихъ городищъ вблизи Москвы (у села Капорки, с. Большева, с. Краскова), но ни одно изъ нихъ не изучено.

Болѣе поздніе слѣды доисторическаго населенія Московской губ. мы находимъ въ курганахъ—могильныхъ насыпяхъ, которые встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ, чаще всего по берегамъ рѣкъ. Курганы насыпаны изъ песка, имѣютъ полушарообразную форму, высотой отъ 1 до 3 арш. По основанію курганы иногда обложены камнемъ, иногда окружены ровикомъ, въ настоящее время совершенно заплывшимъ.

Раскопки московскихъ кургановъ начаты были давно, еще въ началѣ XIX в., и захватили всѣ уѣзды, но общаго итога культуры московскихъ кургановъ мы не имѣемъ. Особенно много для познанія московскихъ кургановъ было сдѣлано проф. А. П. Богдановымъ, находки котораго обогатили Моск. Ист. музей и Антроп. музей М. унив.

Характеръ московскихъ кургановъ въ общемъ однообразенъ. Всюду мы встрѣчаемъ трупоположеніе. Костякъ лежитъ на материкѣ, на площадкѣ, предварительно выжженной и посыпанной пепломъ, иногда со значительной примѣсью угля. Прослойки угля встрѣчаются и въ болѣе верхнихъ слояхъ насыпи. Чаще въ курганѣ находятъ одинъ костякъ, но иногда встрѣчаются и два—мужской и женскій, или женскій и дѣтскій. Были случаи находокъ и

по три костяка въ одномъ курганѣ. Положеніе костяковъ болѣе или менѣе опредѣленно: костяки лежатъ на спинѣ, головой на западъ (рѣдко—на сѣверо-западъ), руки вытянуты вдоль тѣла, иногда сложены у лобка. Встрѣчались подкладки изъ бревенъ и досокъ, и обкладки изъ бересты. Около костяка полагались предметы обихода и украшенія; курганы съ мужскимъ погребеніемъ вообще значительно бѣднѣе находками, чѣмъ курганы съ женскимъ погребеніемъ; характерной особенностью московскихъ кургановъ является тотъ фактъ, что въ нихъ почти не встрѣчается ни оружія, ни монетъ. При мужскихъ погребеніяхъ находятъ пряжки, желѣзныя огнива, остатки обуви и кожаныхъ поясовъ, и только.

Женскія могилы богаче. Наиболѣе характернымъ для московскихъ кургановъ женскимъ украшеніемъ слѣдуетъ признать височныя семилепестныя кольца, съ простымъ нарѣзнымъ орнаментомъ. Они встрѣчаются по одному, по два и даже по три съ каждой стороны головы. Нѣкоторые изслѣдователи этимъ семилепестнымъ кольцамъ приписываютъ арабское происхожденіе. При женскихъ костякахъ встрѣчаются еще шейныя гривны, различныхъ типовъ бусы, бронзовыя проволочныя кольца и значительное число привѣсокъ въ видѣ лунницъ, бубенчиковъ, спиралей, колечекъ, крестиковъ, кромѣ того серьги, браслеты различной формы, бронзовыя кольца, витыя или плоскія, и даже въ видѣ перстней. Иногда при костяхъ находили желѣзныя ножницы, остатки шерстяной ткани, кожаной обуви, и почти всегда глиняные горшки, простой формовки, часто съ волнистымъ орнаментомъ.

Вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ почти нѣтъ,

преобладаетъ сплавъ мѣди съ серебромъ и бронза. По формѣ вещи всѣ настолько простыхъ типовъ, что самъ собой напрашивается выводъ, что культура московскихъ кургановъ была крайне бѣдна и притомъ большей частью заимствованная, привозная.

Но во всякомъ случаѣ всѣ эти находки даютъ достаточный матеріалъ для характеристики быта населенія Московской области того времени. Населеніе было мирное, земледѣльческое, имѣвшее уже рогатый скотъ, лошадей, свиней, домашнюю птицу. Существовали уже торговыя сношенія съ сосѣдями, основанныя, повидимому, главнымъ образомъ на обмѣнѣ.

Большинство изслѣдователей относитъ московскіе курганы ко времени XI по XII в., допуская однако колебанія съ IX по XIII вѣкъ.

Болѣе сложнымъ является вопросъ, какой народности приписать культуру городищъ и кургановъ Моск. губ.? Письменные памятники говорятъ, что въ началѣ нашей исторіи славянскія племена жили на югѣ и западѣ Евр. Россіи, а болѣе сѣверныя и восточныя области были заняты финскими народами: Весью, Мерей, Мордвой, Муромой, Чудью, Ямью, Угрой.

Лѣтопись между прочимъ указываетъ, что въ предѣлахъ нынѣшней Моск. губ. жила Меря, сосѣдившая на юго-западѣ со славянами (вятичи и кривичи), Меря была, повидимому, въ близкихъ отношеніяхъ съ славянами. Она вмѣстѣ съ славянами ходила на варяговъ, участвовала въ призваніи князей, въ походѣ на Кіевъ и Царьградъ. Все это даетъ право заключить, что именно Меря была тѣмъ народомъ, который заселялъ область

современной Моск. губ. до колонизаціи ея славянами. Но Мерѣ нужно приписать только тѣ древніе слѣды, которые связаны съ городищами, относящимися вѣрнѣе всего къ VI и VII вѣкамъ. Курганную же культуру, датируемую XI—XIII вѣками, слѣдуетъ приписать уже славянамъ.

Что касается вопроса, какія славянскія племена колонизовали территорію нынѣшней Моск. губ., то несомнѣнно, что здѣсь наблюдался сложный процессъ колонизаціи. Потокъ колонизаторовъ шелъ отъ всѣхъ сосѣдей: по Окѣ распространялись Вятичи, къ Москвѣ и Клязьмѣ шли съ Днѣпра Кривичи; съ сѣвера двигались Новгородцы. Здѣсь произошла смѣсь изъ различныхъ славянскихъ народовъ (съ преобладаніемъ Вятичей), которые и создали современный смѣшанный московскій говоръ.

Москва до Ивана III.

В. Бочкарева.

Основаніе и историческій ростъ Москвы, какъ политическаго и національнаго средоточія Великорусскаго государства, обвѣяны поэтической дымкой народныхъ преданій. На мѣстѣ нынѣшняго Кремля одно изъ первоначальныхъ сказаній помѣщаетъ „села красныя боярина хорошаго, Кучки Степана Ивановича“. Сыновья его, Кучковичи, полюбились женѣ Суздальскаго князя Даніила, которая замыслила вмѣстѣ съ ними извести своего мужа. Злой умыселъ удался вполнѣ. Но преступники не избѣжали кары. Княгиня Улита и самъ бояринъ Кучка съ сыновьями были преданы мучи-

тельной казни братомъ убитаго Даніила, Владимирскимъ великимъ княземъ Андреемъ. Боярскія же „села красныя“ кн. Андрей взялъ себѣ и заложилъ на ихъ мѣстѣ градъ Москву. Этимъ народнымъ сказаніемъ воспользовались московскіе книжники начала XVI в., когда окончательно сложилась теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ. Припоминая, что, по преданію, и первый Римъ, и второй—Царьградъ—стояли на крови, они писали: „и третьему Риму—Москвѣ зачало было не безъ крови же, но по пролитіи и по закланіи и по убійствѣ“. Если народная фантазія связывала основаніе Москвы съ именами сыновей Александра Невскаго, т.-е. съ концомъ XIII в., то лѣтописцы XVI—XVII вв., гордые созерцаніемъ политическихъ успѣховъ Москвы, относили этотъ фактъ къ самому началу Руси, чуть ли не ко временамъ Рюрика. Первый Кіевскій князь Олегъ, строя города и уставляя дани на Руси, пришелъ, по ихъ словамъ, на р. Москву, поставилъ „градъ не малъ“, прозвалъ его Москвой и посадилъ въ него княжить своихъ сродниковъ.

Но домыслы книжниковъ-лѣтописцевъ на этомъ не остановились. Они стремились проникнуть своимъ взоромъ въ туманную даль сѣдой старины, углубиться до самаго корня вещей. Составители польскихъ и западно-русскихъ хроникъ искали начала Москвы даже въ библейской древности. Отцомъ и прародителемъ всѣхъ славянскихъ народовъ и прежде всего москвитянъ является, по ихъ словамъ, Мосохъ или Мезехъ, шестой сынъ Іафета. Подъ перомъ этихъ книжниковъ создавалась цѣлая историческая теорія, по которой „ни отъ рѣки, ни отъ града Москвы Москва именованіе получила, но рѣка и градъ отъ народа московскаго имя воспрія-

ли". Въ исходѣ XVII в. Мосоха стали прямо считать первымъ русскимъ государемъ и ему начали приписывать основаніе Москвы. Придя въ скиѳскую страну, Мосохъ началъ селиться „на семъ предъизбранномъ и предлюбезномъ его, преднавысочайшемъ и всепрекрасномъ мѣстѣ своемъ московскомъ, надъ двѣма рѣками". Одну изъ рѣкъ—Москву онъ назвалъ по имени самого себя (Мосъ) и жены своея, „княгини прекрасныя и предлюбезныя, нарицаемыя Квы"; другая получила названіе Явузы въ честь Мосохова сына Я и дочери его Вузы. „И созда же тогда Мосохъ, говоритъ въ заключеніе эта фантастическая теорія, и градецъ себѣ малый на предвысоцѣй горѣ той надъ устіи Явузы рѣки". Черезъ всѣ эти книжныя легенды красной нитью проходитъ одно стремленіе—раскрыть значеніе имени того народа, отъ котораго получило свое названіе цѣлое государство. На ряду съ библейскими теоріями нельзя не отмѣтить и другія филологическія попытки чисто доморощеннаго кустарнаго характера. Такъ, напр., извѣстный писатель XVIII в. Сумароковъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ производить слово „Москва" отъ худыхъ мостковъ, которые „на семъ мѣстѣ по болотамъ положены были". Вотъ какъ представляли себѣ книжники стараго и новаго времени возникновеніе той самой Москвы, названіе которой мы теперь легко можемъ объяснить изъ финскаго языка, на которомъ оно значитъ „мутная вода".

Достовѣрныя извѣстія о Москвѣ восходятъ къ срединѣ XII в. Наша лѣтопись упоминаетъ о ней впервые подъ 1147 г. Въ этомъ году, читаемъ мы въ ней, Суздальскій кн. Юрій Долгорукій приглашалъ къ себѣ на сѣверъ своего черниговскаго союзника

Святослава Ольговича такими словами: „приди ко мнѣ, брате, на Москву“. Какъ видно, въ это время Москва была уже значительной княжеской усадьбой, потому что гостямъ кн. Юрія „учиненъ былъ обѣдъ силенъ“, слѣдовательно въ ней находилось большое количество всякихъ запасовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1156 г. вокругъ княжескаго двора появляются стѣны; „князь великій Юрій Володимеречь заложи градъ Москву на устнижe Неглинны, выше рѣки Аузы“. Это извѣстіе о закладкѣ города въ 1156 г. помѣщено въ одной изъ позднихъ лѣтописей (Тверской) и поэтому нѣкоторыми историками заподозривается. Но уже въ послѣдней четверти XII в., городъ Москва, „Московь“, „Куцково“ или „Кучково“ съ его жителями „московлянами“ довольно часто попадается на страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Однако своего особаго князя въ Москвѣ въ это время еще не было и она считалась пригородомъ Владимира. Въ 1213 г. въ ней засѣлъ было младшій сынъ Всеволода „Большое гнѣздо“ Владиміръ, но былъ вскорѣ переведенъ братьями въ Переяславль Южный. Во время Батыева нашествія въ Москвѣ находился малолѣтній сынъ в. к. Юрія Всеволодовича Владиміръ съ воеводой Филиппомъ Нянькой, изъ чего можно заключить, что въ Москвѣ былъ уже самостоятельный княжескій столъ. Однако въ первые годы татарской неволи Москва снова становится пригородомъ Владимира. Въ 1246 г. Москва достается Михаилу Хоробриту, младшему сыну в. к. Ярослава Всеволодовича, но когда черезъ 3 г. Михаилъ погибъ въ битвѣ съ литовцами на р. Протвѣ, Москва снова осталась безъ князя. Слѣдовательно, въ первой половинѣ XIII в. князья лишь случайно появляются

въ Москвѣ, и все это младшіе сыновья великихъ Владимирскихъ князей. Значитъ, городъ не былъ еще настолько заселенъ, чтобы привлекать къ себѣ вниманіе старшихъ представителей княжеской семьи. Въ 1263 г. княземъ на Москвѣ становится двухлѣтній сынъ Александра Невскаго Даніилъ, который и является родоначальникомъ московской княжеской династіи. При его сыновьяхъ Юріи и Иванѣ Калитѣ въ М. утверждается великокняжескій столъ, а съ 1328 г. великокняжескій титулъ уже навсегда остается за московскими Даниловичами.

Княжескій дворъ на высокой береговой горѣ, выдвинувшейся крутымъ мысомъ къ самому устью Неглинной, былъ тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросла будущая Москва. Вокругъ него шла ограда изъ вала, рва и деревяннаго тына. Этотъ первоначальный городокъ занималъ треугольникъ нынѣшняго Кремля, у самыхъ Боровицкихъ воротъ, на протяженіи 100 саж. съ небольшимъ, при чемъ основаніе его проходило около Большого дворца, не доходя церкви Спаса на Бору по площади, перегороженной чугунной рѣшеткой. Ко времени Ивана Калиты первоначальныя московскія стѣны пришли уже въ ветхость и въ 1339 г. заложенъ былъ новый дубовый градъ, оконченный черезъ полгода. Этотъ дубовый кремникъ доходилъ до М. Николаевскаго дворца, включая въ себя и мѣсто подъ дворцомъ и нынѣшній Чудовъ м. Въ 1367—8 гг. въ малолѣтство Донского, когда у кормила правленія стоялъ м. Алексѣй, Москва опоясалась уже каменными стѣнами. Со стороны нынѣшней Красной площади, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, стѣны были раздвинуты саженей на 30. Къ концу

XVв. и эти каменныя стѣны за ветхостью не могли служить надежной защитой и замѣнены были новыми, существующими донынѣ.

Въ кремлевскихъ стѣнахъ уже со времени Дмитрія Донского было пять воротъ: Фроловскія или Спасскія; Николаевскія или Никольскія; Ризположенскія или Куретныя (теперь Троицкія); Боровицкія, которыя одно время назывались Предтеченскими; и Тайницкія, гдѣ шелъ тайникъ или подземный ходъ къ Москвѣ-рѣкѣ, называвшіяся въ XIV вѣкѣ Тимофеевскими. Кремль или кремникъ конца XIII и начала XIV вв. стоялъ въ густомъ сосновомъ бору, упоминаніе о которомъ до сихъ поръ звучитъ въ названіи Боровицкихъ воротъ и ц. Спаса на Бору. А вокругъ за Москвой-рѣкой и Неглинной тянулись болотистыя низины (Болотная пл., Моховая ул.) Рядомъ съ древнѣйшей кремлевской церковью во имя Іоанна Предтечи, находившейся въ 120 шагахъ отъ Боровицкихъ вор. по направленію къ нынѣшнему Бол. дворцу, расположены были первоначальныя княжескія хоромы. При Иванѣ Калитѣ княжескій дворецъ стоялъ, надо думать, поодаль отъ Боровицкихъ воротъ къ востоку отъ нихъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца, передъ церковью Благовѣщенія, что на княжьихъ сѣняхъ, построенной, по сказаніямъ, въ 1291 г. Вокругъ княжескаго дворца по Кремлю XIV—XV вв. разбросаны были дворы удѣльныхъ князей и наиболѣе знатныхъ бояръ, среди которыхъ тянулись узкія улицы, шириною иногда въ 3 саж. съ небольшимъ. Отъ Спасскихъ воротъ шла Спасская ул., оканчивавшаяся площадью, гдѣ теперь памятникъ Александру II; а отъ Никольскихъ вор. съ небольшой площадки расходились двѣ улицы: направо—

Житная, на которой находились княжескія житницы, а налѣво—Никольская, по направленію къ соборной церкви Успенья. Съ восточной стороны Архангельскаго собора стоялъ дворъ удѣльнаго Серпуховскаго князя Владимира Андреевича, героя Куликовской битвы, позднѣе при его внукѣ отобранный на великаго князя. На крутомъ обрывѣ, гдѣ теперь памятникъ Александру II, въ началѣ XV в. расположены были хоромы Дмитрія Шемяки, виновника княжеской смуты при Василіи Темномъ. Съ лѣвой стороны отъ Боровицкихъ воротъ у самой стѣны построилъ себѣ въ XV в. обширный дворъ Верейскій удѣльный князь, а около церкви Іоанна Предтечи находился дворъ Софьи Витовтовны, вдовы в. к. Василія I. Близъ Троицкихъ вор. стояли дворы бояръ Плещеевыхъ и Вельяминовыхъ, а справа отъ Никольскихъ, гдѣ теперь угловая Собакина башня, дворъ бояръ Собакиныхъ На Подолѣ, въ нижней части Кремля вдоль Москвы-рѣки, разбросано было много боярскихъ дворовъ. Западный уголъ его, близъ Боровицкихъ вор., какъ разъ у той башни, которая позднѣе носила названіе Свибловой, занятъ былъ обширнымъ дворомъ знатнаго московскаго боярина Свибла. Тамъ же, на Подолѣ, за Житничнымъ дворомъ Софьи Витовтовны и хозяйственными постройками кн. Владимира Андреевича, раскинулись дворы другихъ бояръ; какъ-то Квашниныхъ, Ховриныхъ-Головиныхъ, Старковыхъ и Вельяминовыхъ. Но Москва была не только пристанищемъ бояръ-дружинниковъ. Съ XIV в., съ княженія Ивана Калиты она становится религіознымъ центромъ для сѣверо-восточной Руси. Въ 1326 г. въ ней скончался м. Петръ, часто гостившій у Калиты на перепутьи изъ Владимира. У его гроба

поселился новый м. Ѳеогностъ, перенеся въ Москву свою каѳедру изъ Владимира. Съ этого времени кремлевскій холмъ застраивается церквами и монастырями, изъ которыхъ многіе уже въ XIV в. были каменными. Церкви эти ставились обычно по обѣту, или вслѣдствіе какого-либо знаменательнаго событія въ княжеской семьѣ, или удачныхъ походовъ, или вообще по присущему русскимъ людямъ благочестію.

Въ 1291 г. построена была, по преданію, первая деревянная церковь въ Кремлѣ у Боровицкихъ вор. во имя Іоанна Предтечи. Съ 20-хъ гг. XIV в. начинаются заботы о Москвѣ Ивана Калиты и м. Петра. Въ 1326 г. заложенъ былъ первый каменный храмъ во имя Успенія Богоматери. Къ срединѣ XIV в. въ Кремлѣ было уже не мало церквей: въ пожаръ 1354 г. ихъ погорѣло цѣлыхъ 13. При Дмитріи Донскомъ и его ближайшихъ преемникахъ въ Кремлѣ возникали все новые и новые каменные храмы, изъ которыхъ многіе строились на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ. На ряду съ церквами въ Кремлѣ довольно рано появляются и монастыри, созидаемые благочестивымъ усердіемъ митрополитовъ, великихъ князей и княгинь.

Если при м. Петрѣ Москва стала обстраиваться каменными храмами, то при его преемникѣ Ѳеогностѣ, грекѣ по происхожденію, въ ней впервые появляются живописцы-греки, выписанные для украшенія возводимыхъ кремлевскихъ церквей. Въ 40-хъ гг. XIV в. стѣнописью украшаются и соборный Успенскій храмъ и церковь Спаса на Бору. Почти одновременно появляются въ Москвѣ итальянцы, мастера колокольнаго и пушечнаго дѣла. Въ XV в. въ Москвѣ уже видимъ итальянскихъ зодчихъ, которые ввo-

дятъ новую кирпичную кладку, взамѣнъ прежней каменной. Въ 1450 г. м. Іона сооружаетъ себѣ каменныя палаты, которыя были первой на Москвѣ жилой постройкой изъ кирпича. Въ 1404 г. какой-то чернецъ съ Аѳонской горы, „сербинъ“, именемъ Лазарь соорудилъ на княжескомъ дворѣ часы съ боемъ, „часникъ, или часомѣрье“, по выраженію современниковъ. Эта заморская диковинка, обошедшаяся въ 20,000 руб., производила на москвичей чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „На всякій же часъ ударяетъ молоткомъ въ колоколъ“, записалъ монахъ-лѣтописецъ: „размѣряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяніе, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, странно-лѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено“.

Вокругъ Кремля расположены были Посадъ и Зарѣчье, заселенные торговымъ и ремесленнымъ людомъ. По каменному мосту, построенному у Троицкихъ вор. въ 1367 г., можно было спуститься въ Занеглименье, гдѣ разбросаны были различныя слободы, княжескія и боярскія села и много монастырей, упоминаемыхъ еще въ Батыево нашествіе. Московскій посадъ представлялъ изъ себя сплошное море деревянныхъ построекъ, среди которыхъ только съ конца XV в. появляются каменные храмы. Посадъ вытянулся на мѣстѣ нынѣшняго Китай-города, вдоль берега р. Москвы. и подъ самымъ Кремлемъ, гдѣ находилось т. наз. „пристанище“ для разгрузки рѣчныхъ судовъ. Съ этого пристанища, какъ разъ отъ церкви Николы Мокраго, покровителя мореплавателей, въ гору, вдоль кремлевской стѣны, шла „великая“ дорога, а за нею, по направленію къ нынѣшнему Зарядью, тянулись торго-

выя помѣщенія. Съ XV в. начинаетъ заселяться и Зарѣчье, гдѣ прежде былъ Великій лугъ, какъ разъ противъ пристанища. О численности посадскаго населенія можно заключить изъ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся лѣтописцами при описаніи громадныхъ пожаровъ, опустошавшихъ Москву чуть не каждые 5—10 л. Въ пожары 1390—95 гг. въ Москвѣ выгорѣло много тысячъ дворовъ, а въ нашествіе Тохтамыша въ 1382 г. отъ пожара и погрома погибло 24,000 челов. Вообще, къ исходу XIV в. Москва была значительнымъ торговымъ пунктомъ съ многочисленнымъ населеніемъ. Описывая ужасныя послѣдствія нашествія Тохтамыша, современникъ-бытописатель восклицаетъ: „Былъ Москва градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многолюденъ, кипѣлъ богатствомъ и славою, превзошелъ честію многою всѣ города русской земли“.

Москва—столица XV—XVII вв.

В. Алексѣева.

XV — XVII вѣка въ исторіи Москвы — время быстраго роста ея: политическаго, экономическаго, территоріальнаго и роста ея населенія. Переживъ рядъ потрясеній въ началѣ и серединѣ столѣтія, въ родѣ усобицы Дмитрія Шемяки и Василія Косого и нашествій Тохтамыша и Тамерлана или мора 1460 года, Москва въ княженіе Ивана III и его сына Василія III быстро оправляется и становится дѣйствительно, какъ по размѣрамъ, такъ и по своей политической роли столицей Московскаго государства.

Заканчивается объединеніе Руси. Присоединяются послѣдніе удѣлы—Тверь, Рязань, Ярославль. Завоевывается Новгородъ и Псковъ и вѣчевой колоколъ „старшаго“ брата перевозится въ Москву въ Кремль „съ прочими колоколами звонить“. Разрывается, наконецъ, зависимость Москвы отъ Орды (1480 г.) и присоединяются самыя владѣнія послѣдней—Казань, Астрахань (1552 и 1556 г.), воспоминаніемъ чего служитъ соборъ Василія Блаженнаго на Красной площади. Въ это же время столица восточнаго христіанства—Византія становится жертвой завоеванія мусульманъ (1453 г.) и осиротѣлый Востокъ обращаетъ свои взоры на Москву. Создается легенда „Москва — третій Римъ“. Два Рима пали,—языческій Римъ—вѣчный городъ и христіанскій—Византія. Остался третій—Москва. А четвертому Риму — не бывать. Отсюда Москва—единственный оплотъ православія, „новый Цареградъ“, а московскій народъ—„новый Израиль“. Московскій же царь—царь всего православія. Другими словами, Москва естественная преемница Византіи въ церковномъ и религіозномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ легендой о третьемъ Римѣ — Москвѣ, создается другая легенда о передачѣ знаковъ царскаго сана, бармъ, Владимиру Мономаху изъ Византіи греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ. И такимъ путемъ устанавливается одновременно съ церковнымъ и политическое преемство Москвы и Византіи. Московскій царь оказывается преемникомъ византійскихъ царей-базилевсовъ, и Москва—третій Римъ, столица православія, дѣлается и политическимъ третьимъ Римомъ. Великіе князья московскіе Иванъ III и Василій III и царь Иванъ IV хорошо усвоили и реализовали это

новое положеніе Москвы, созданное легендами. Миѳъ претворили въ дѣйствительность и привели въ соотвѣтствіе съ легендой свое положеніе. Изъ великихъ князей московскихъ они стали государями и царями всея Руси. Иванъ III начинаетъ именоваться Іоанномъ, самодержцемъ и считаетъ себя равнымъ римскому кесарю, „великимъ государемъ изначала отъ своихъ прародителей". Въ гербѣ Москвы появляется византійскій двухглавый орелъ, происходитъ первое предварительное вѣнчаніе на царство въ Москвѣ внука Ивана III Дмитрія въ Успенскомъ соборѣ въ 1498 г., вмѣсто прежняго простого „посаженія на столъ". Василія III подданные уже называютъ „царемъ", а императоръ Максимиліанъ I назвалъ его въ договорной грамотѣ „цесаремъ всероссійскимъ" (1514 г.) Наконецъ, Иванъ IV, придя въ возрастъ, вѣнчается въ Успенскомъ соборѣ на царство (1547 г.). При немъ прислали въ Москву изъ Византіи чинъ царскаго вѣнчанія, который съ этихъ поръ и вошелъ у насъ въ употребленіе. Ѳедоръ Ивановичъ первый помазался елеемъ. Понятіе о власти сдѣлало еще шагъ впередъ. Иванъ IV производилъ свою власть уже отъ римскаго императора Августа и считалъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ, а русскій народъ—отданнымъ ему Богомъ же въ рабство.

Для поддержанія престижа своей власти московскіе государи окружили себя небывалымъ дотолѣ блескомъ и пышностью, установили строгій, чопорный придворный этикетъ наподобіе византійскаго. Теперь увеличился придворный штатъ, появились новыя придворныя должности — казначей, постельничій, ясельничій, конюшенный (при Иванѣ III). Во дворцѣ былая простота уступила

мѣсто чинности, всѣ здѣсь ходили на цыпочкахъ, а когда государь (Ив. III) засыпалъ, сидя въ креслахъ, водворялась мертвая тишина. Но лучше всего иллюстрировали и подчеркивали возросшую власть московскихъ государей пріемы иноземныхъ пословъ. Передъ лицомъ Западной Европы московскій государь импонировалъ своею властью—многолюдствомъ и пышностью и богатствомъ обстановки. Улицы московскія заставлялись массами народа по пути шествія пословъ. Въ Кремлѣ ихъ встрѣчали стража и свита царская, которая становилась многочисленнѣе и знатнѣй по мѣрѣ того, какъ они переходили изъ одной палаты дворца въ другую, вплоть до Отвѣтной, т.-е. пріемной. Здѣсь они представали передъ лицо самого царя, сидѣвшаго въ золотомъ платьѣ на тронѣ со скипетромъ и державой, окруженнаго боярами. Послѣ аудіенціи пословъ проводили въ Столовую палату, гдѣ они обѣдали въ присутствіи царя. Столы тогда ломились подъ богатой сервировкой, заставленные серебряными и золотыми кубками, братинами и т. п. Число кушаній доходило до 50 — 70. Германскимъ посламъ какъ-то послѣ обѣда устроили даже торжественные проводы до дома. По улицамъ горѣли плошки и бочки съ дегтемъ, а впереди несли зажженные фонари. Той же помпой и недоступностью хотѣли поразить московскіе государи и своихъ подданныхъ. Они выходили на народъ, окруженные свитой, тѣлохранителями, войсками, подъ звуки музыки и звонъ колоколовъ. Напримѣръ, 6-го января царь ходилъ на іордань къ Москвѣ-рѣкѣ въ полномъ царскомъ облаченіи, ведомый подъ руки стольниками черезъ Тайницкія ворота, стряпчіе несли за нимъ полотенце, стулъ и

подножье, а далѣе шли прочіе царедворцы, служилые люди, гости, въ шубахъ и золотѣ. Наканунѣ Вербнаго воскресенья, въ недѣлю Ваій, праздновался входъ Господень въ Іерусалимъ и изображалось шествіе на осляти тоже при участіи царя и (впослѣдствіи) патріарха. Шествіе отправлялось изъ Усп. собора на Красную пл. къ Покровскому собору. Здѣсь царь и патріархъ облачались въ торжественное облаченіе въ алтарѣ и шли къ Лобному мѣсту, богато убранному сукномъ и бархатомъ. Послѣ раздачи вербъ царю, духовенству и всему народу архіепископъ читалъ евангеліе. Послѣ словъ „и посла 2-хъ отъ учениковъ", подводили осла, и патріархъ садился на него, держа въ рукахъ крестъ и евангеліе, а царь бралъ конецъ повода и, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ осла. Шествіе направлялось въ Успенскій соборъ, гдѣ служилась обѣдня. Во все время процессіи патріархъ осѣнялъ народъ крестомъ, путь его и царя дѣти устилали сукномъ и кафтанами, въ церквахъ звонили въ колокола. Торжественными выходами царя сопровождались и другіе большіе праздники и всегда почти царь и патріархъ появлялись вмѣстѣ. Этимъ какъ бы подчеркивался православный характеръ царской власти, союзъ ея съ церковью и высшее назначеніе ея быть покровительницей и заступницей православія. Результатомъ этихъ усилій поднять престижъ власти было то, что, напримѣръ, власть Василія III казалась иностранцамъ такой, какъ нигдѣ въ мірѣ, и подданные трепетали передъ нимъ, а женщины будто бы падали въ обморокъ.

Старый Кремль теперь уже не отвѣчалъ измѣнившемуся положенію московскаго государя. И Иванъ III и Василій III перестраиваютъ его заново.

Прежде всего перестраиваются соборы—Успенскій, Благовѣщенскій (теперь изъ камня) и Архангельскій, при участіи итальянскихъ мастеровъ съ Аристотелемъ Фіоравенти во главѣ и псковичей. Затѣмъ были выложены новыя кремлевскія стѣны, постройка которыхъ продолжалась 10 лѣтъ, съ

Шествіе на осляти.

1485 по 1495 годъ. Новыя стѣны сдѣлали значительно отступя отъ старыхъ, и Кремль расширился. Такими стѣны остались до нашего времени. Строителями ихъ были тоже итальянцы Антонъ Фрязинъ, Маркъ Фрязинъ. Наконецъ передѣлали и дворецъ—Иванъ III началъ, а Василій III закончилъ.

Начали строить дворецъ въ 1491 году и выстроили Грановитую палату, но случившіеся пожары помѣшали. Возобновились работы въ 1499 году, когда Иванъ III „заложилъ дворъ свой каменъ, палаты каменныя и кирпичныя, съ ними погребы и ледники, да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ". Строилъ дворецъ Алевизъ Фрязинъ. 7 мая 1508 г. Василій III поселился въ новыхъ каменныхъ палатахъ. Это была Грановитая палата, далѣе между нею и Благовѣщенскимъ соборомъ Средняя палата съ Краснымъ крыльцомъ, Столовая, Постельныя и княгинина половина—на мѣстѣ нынѣшнихъ теремовъ. Наконецъ въ 1508 г. итальянецъ Фрязинъ Алевизъ выкопалъ вдоль кремлевской стѣны глубокій ровъ и выложилъ его камнемъ, а со стороны Неглинной устроилъ пруды и соединилъ Неглинную при посредствѣ рва съ Москвой-рѣкой. Кремль благодаря этому оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водой и выигралъ какъ въ большей неприступности, такъ и внѣшней красотѣ. Такимъ образомъ Кремль уже къ нач. XVI в. былъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ измѣнившимся положеніемъ власти московскихъ государей. Въ уровень ей онъ окрѣпъ, украсился и пріобрѣлъ внѣшній блескъ и величіе. Послѣдніе годы XVI в. мало внесли новаго въ Кремль. Годуновъ выстроилъ здѣсь Ивана Великаго, подновилъ Успенскій соборъ и расписалъ Грановитую палату. При Ѳеод. Ивановичѣ съ учрежденіемъ (1598 г.) патріаршества Кремль сдѣлался резиденціей высшаго іерарха православной церкви. Въ Кремлѣ кромѣ дворца и соборовъ находились также монастырскія подворья и частные дома. Онъ былъ весь застроенъ—„кромѣ монастырей и церквей, главнымъ

образомъ домами и дворами бояръ, между которыми по уголкамъ тѣснились также и дворы церковныхъ причтовъ, протопоповъ, поповъ, діаконовъ. Всѣ эти дворы занимали свои мѣста не линейно по направленію улицъ, а какъ было удобно. Гдѣ оказывалось свободное пространство, тамъ и поселялся тотъ или другой дворъ и малый дворикъ, оставляя небольшое пространство для прохода и проѣзда, поэтому въ древнемъ Кремлѣ прямыхъ улицъ не существовало, повсюду были только переулки, сѣть переулковъ и кривыхъ колѣнъ, въ иныхъ мѣстахъ упиравшихся въ тупики" (Забѣл.). Первыя прямыя улицы здѣсь проложены при Иванѣ III отъ Спасскихъ и Никольскихъ воротъ къ Соборной площади, не очень однако широкія—въ 3—4 сажени.

Одновременно съ политическимъ ростомъ Москвы происходилъ ея экономическій ростъ. XVI в. въ особенности является временемъ развитія ея торговли и промышленности. Удобное географическое—центральное—положеніе Москвы дѣлало ее средоточіемъ, мѣстомъ схожденія всѣхъ путей и отсюда главнымъ поприщемъ внутренней и отчасти внѣшней торговли и промышленности Кромѣ того, въ Москвѣ находился главный купецъ московскаго государства—царь. Онъ не только много покупалъ и потреблялъ со своимъ дворомъ, но и самъ велъ торговлю, имѣлъ даже собственныя лавки въ Москвѣ. Торговля, напримѣръ мѣхами—соболями въ особенности—составляла монополію царя. Затѣмъ московское правительство принимало мѣры къ тому, чтобы стянуть сюда торговлю и развить промышленность. Наконецъ, по свидѣтельству иностранцевъ, въ Москвѣ любили торговать и чуть не всѣ занимались понемногу торговлей. Хлѣбъ, рыба, мѣха—

составляли главный предметъ торговли Москвы. О широкомъ развитіи московской торговли въ XVI и XVII вв. говорятъ согласно всѣ иностранцы. Они же говорятъ о дешевизнѣ продуктовъ въ это время въ Москвѣ и о пріемахъ московскихъ торговцевъ; въ числѣ ихъ очень часто отмѣчается обманъ и плутовство. Центральный рынокъ составлялъ Китай-городъ. Ранѣе торговля сосредоточивалась на берегу Москвы-рѣки, подъ Кремлевской горой, гдѣ грузились и разгружались приходившія и уходившія по ней суда. Воспоминаніемъ о былой торговлѣ служитъ и до сихъ поръ существующій на Москворѣцкой ул. храмъ Николы Мокраго—патрона водяной торговли. Изъ Кремля въ Китай-городъ вели двое воротъ—Спасскія и Никольскія, которыя соединялись съ Красной площадью двумя мостками того же названія черезъ тянувшійся вдоль кремлевской стѣны ровъ съ водой. Красная площадь съ находившимися по ней торговыми рядами (Гостиный дворъ) и была теперь главнымъ мѣстомъ московской торговли. Здѣсь всегда было людно, шумно и оживленно. Торговыя помѣщенія отличались небольшими размѣрами. Цѣлая лавка занимала 4 кв. сажени. Не даромъ иностранцы говорили, что амстердамская лавка вмѣститъ 10 московскихъ. А многіе торговцы занимали $^1/_2$ лавки, $^1/_4$ и меньше. Наконецъ, торговали въ шалашахъ, палаткахъ, на лоткахъ. Торговали въ разносъ, на рукахъ, какъ и теперь. Въ рядахъ торговля распредѣлялась по товарамъ, такъ что всякій товаръ имѣлъ свой рядъ. Были ряды: замочный, котельный, игольный, желѣзный, сапожный, сѣдельный, москательный, пушной, шапочный, масляной, хлѣбный, калачный, овощной, сельдяной, орѣшный, луковый. Въ кон-

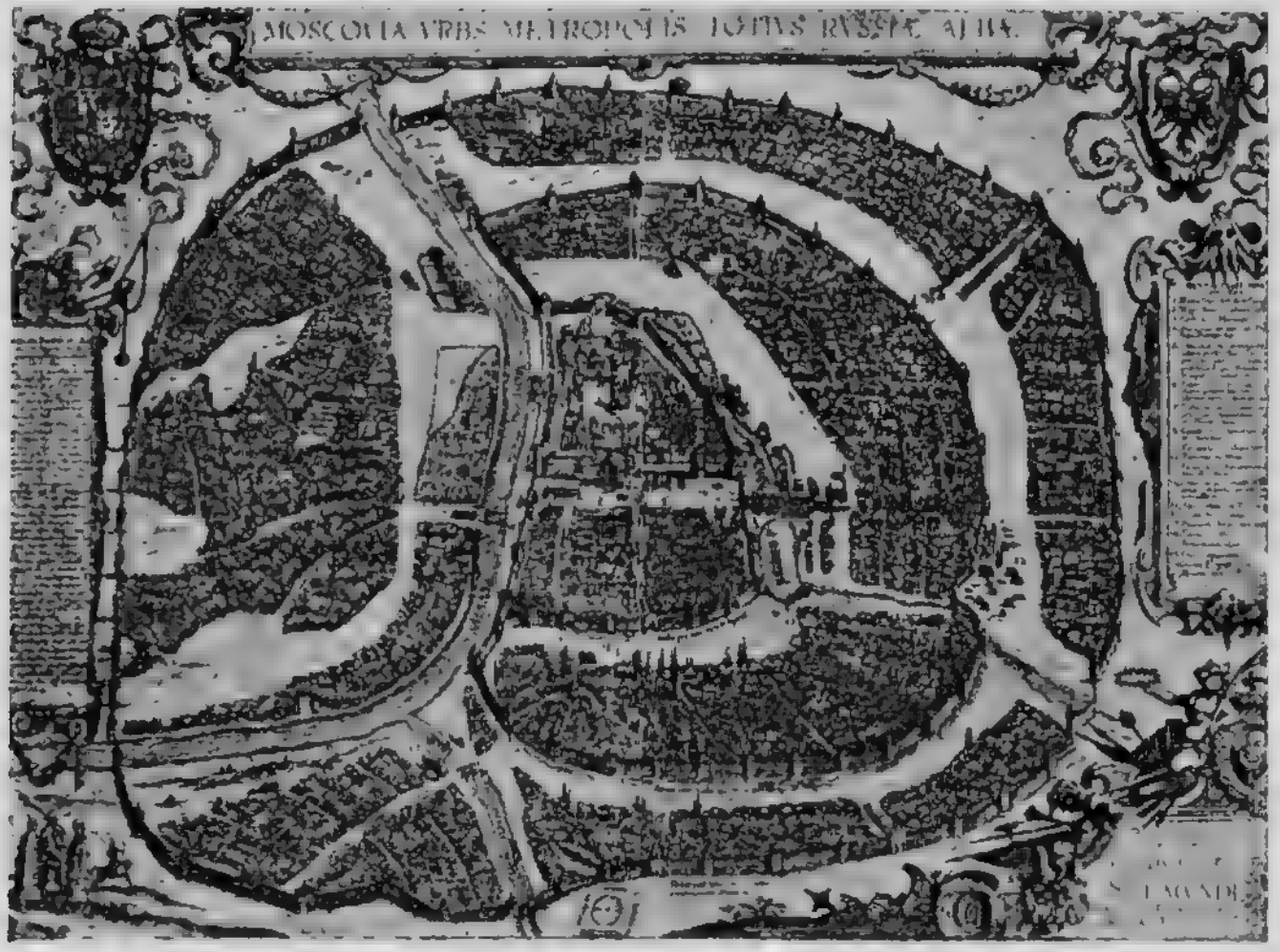
цѣ XVII вѣка здѣсь было до 72 рядовъ. На нынѣшней Московорѣцкой улицѣ сидѣли башмачники, сапожники и портные. Противъ Николы Мокраго находился Мытный дворъ (гдѣ взималось мыто, т.-е. пошлины). На берегу и на самой рѣкѣ шла торговля живой рыбой.

Уже по названію рядовъ можно судить о разнообразіи московской торговли въ Китай-городѣ. Здѣсь дѣйствительно можно было все, что угодно, купить: сукно и пучокъ чесноку, золотую вещь и тряпье, гребенки и мыло, бѣлила и румяна для московскихъ щеголихъ и красавицъ. Даже цѣлую готовую избу можно было найти на московскомъ рынкѣ. Кромѣ лавокъ въ Китай-городѣ были еще погреба, въ которыхъ торговали виномъ — распивочно и на вынось. Торговля происходила и внѣ Китай-города. Тогда уже существовалъ знаменитый до сихъ поръ Охотный рядъ, торговавшій живой птицей. Большая торговля производилась также въ Замоскворѣчьи.

Лавка въ Москвѣ въ XVII в. (по Олеарію).

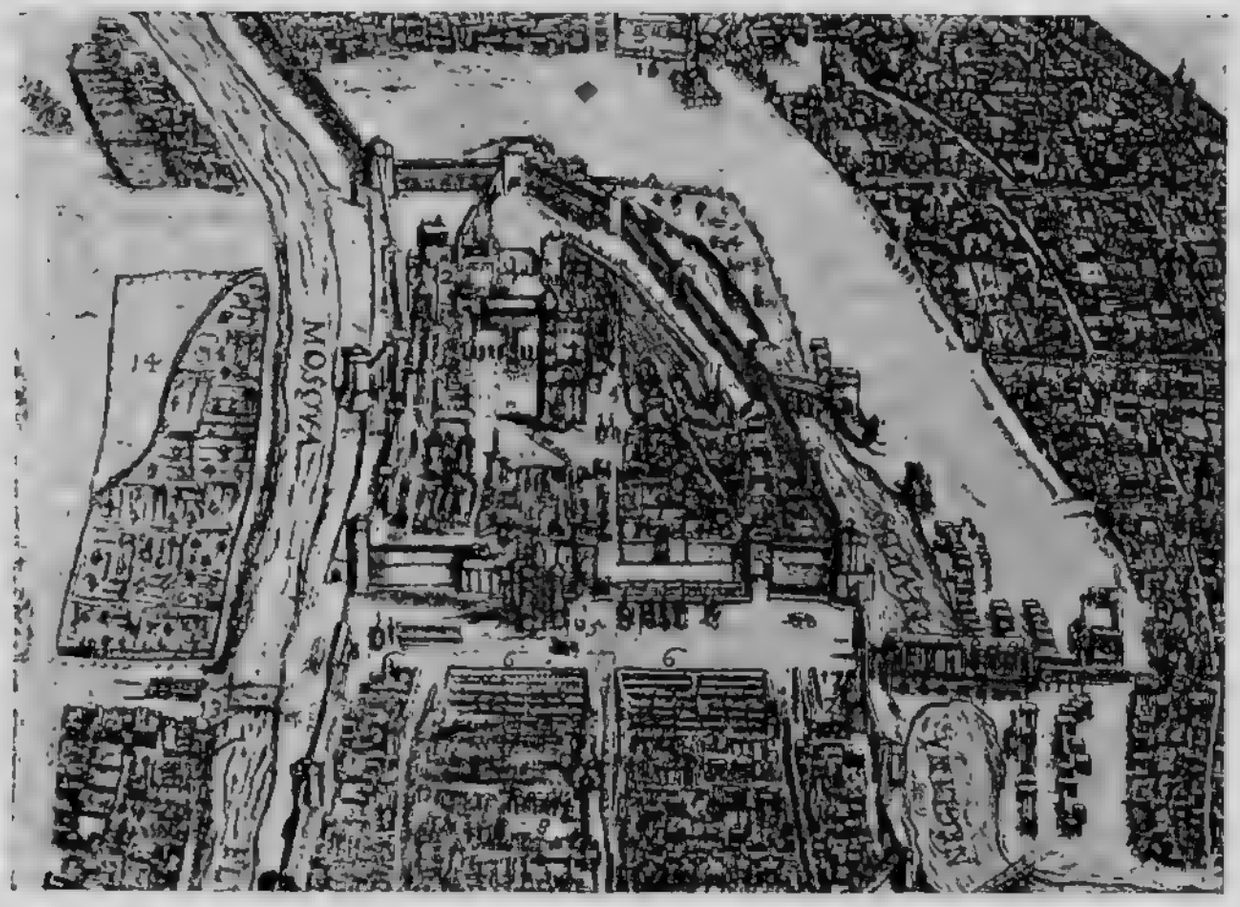
Интереснѣйшую особенность Китай-города составляли Спасскій мостъ и Спасскій крестецъ. Крест-

цами называли перекрещиванія улицъ — Никольскій Крестецъ, Ильинскій и т. д. Спасскій крестецъ назывался такъ по имени моста, соединявшаго Кремль съ Красной площадью. Такъ вотъ у этого моста находилось очень много лавокъ, торговавшихъ исключительно книгами—рукописными и печатными, и картинами религіознаго содержанія, наиболѣе ходовыми. Поэтому здѣсь всегда толпился народъ. Торговля шла не только изъ лавокъ, но и вразносъ. Торговцами являлись лица, прикосновенныя къ церкви — отставленные попы, дьякона, причетники, понамари, монахи. Тутъ же находился и знаменитый Спасскій крестецъ — своего рода поповская биржа. На крестцѣ собирались заштатные и безприходные попы и нанимались для службъ и отправленія требъ по вольной цѣнѣ. Попы вели себя настолько развязно и зазорно, такъ грубо торговались, что за ними былъ установленъ надзоръ, и наконецъ даже совсѣмъ запрещено стоять на крестцѣ и „торговать божественной литургіей". У Василія Блаженнаго стояла тіунская поповская изба, въ которой взимали пошлины съ крестецкихъ поповъ. Ей и подчинили послѣднихъ. Это произошло въ концѣ XVI и нач. XVII в. Тогда же всѣ московскія церкви были раздѣлены на сороки. Утративъ характеръ церковной биржи, Спасскій крестецъ все-таки остался мѣстомъ сборищъ тѣхъ же поповъ, и вмѣстѣ съ Спасскимъ мостомъ остался средоточіемъ книжной торговли. Здѣсь кстати упомянуть, что въ 1563 г. въ Москвѣ была устроена на Никольской первая типографія, а въ 1608 г. появился въ Китай-городѣ книжный рядъ. Въ это же время получаютъ широкое развитіе въ Москвѣ ремесла и искусства — зодчество, иконописаніе и др.



Москва въ 1610 г. (по плану Сигизмунда).

Въ частности постройка соборовъ, дворца, каменныхъ стѣнъ и домовъ стянула въ Москву много архитекторовъ и мастеровъ — каменщиковъ, живописцевъ, иконописцевъ, золотильщиковъ и т. п. Для обслуживанія двора появились цѣлыя поселенія ремесленниковъ—слободы: ткачей (хамовниковъ), садовниковъ, огородниковъ и т. д. Сохранившіяся до сихъ поръ названія улицъ въ родѣ Хамовниковъ, Огородниковъ, Гончарной, Кузнецкой, Кадашей, Барашей и т. п. напоминаютъ объ этихъ ремесленныхъ слободахъ. Подобно Кремлю, и Китай-городъ къ этому времени обстраивается и укрѣпляетъ свою позицію въ соотвѣтствіе съ расцвѣ-



Москва въ 1610 г. Планъ Сигизмунда. Внизу — Красная пл. и Китай-городъ. Вправо—Бѣлый городъ.

томъ въ немъ торговли. Василій III первый рѣшилъ укрѣпить посадъ и обнести его стѣной. При немъ прорыли ровъ и сдѣлали загражденіе изъ плетня, но затѣмъ въ правленіе Елены Петръ Фрязинъ выложилъ здѣсь каменную стѣну съ 4-мя воротами— Срѣтенскими, Ильинскими, Варварскими и Козьмодемьянскими (1535 г.) Вмѣстѣ съ постройкой каменной стѣны начали строить каменныя лавки и дворы. Въ составъ Китай-города, Большого посада входила Красная площадь и всѣ улицы, идущія отсюда и упирающіяся въ Китайскую стѣну: Никольская, Ильинская, Варварка, Зарядье. Жилыхъ помѣщеній здѣсь было очень мало, а къ XVIII в. они и совсѣмъ исчезаютъ.

Ростъ Москвы, какъ города, т.-е. расширеніе ея границъ и обстраиваніе, на этомъ не останавливается въ разсматриваемое время. Какъ извѣстно, за Китай-городомъ, Большимъ посадомъ находились малые посады. Здѣсь жили по преимуществу служилые люди, царскіе слуги, почему и самая мѣстность называлась Царевымъ городомъ. Строительная дѣятельность московскихъ государей проникла и сюда. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ эта часть города была обнесена бѣлой каменной стѣной, отъ которой Царевъ городъ сталъ называться Бѣлымъ городомъ. Стѣна шла по линіи нынѣшнихъ бульваровъ (линія трамвая А). На-

Москва въ 1610 г. (по плану Сигизмунда). Слѣва внизу—Троицкій мостъ и Кутафья; вправо—Бѣлый городъ, Никитская, Воздвиженка, Знаменка, Моховая, Волхонка; дальше вправо—Земляной городъ.

чавшись у теперешняго Яузскаго моста, она продолжалась черезъ Покровку, Мясницкую, Срѣтенку, Петровку, Тверскую, Нѣмецкую, Арбатъ и Пречистенку и упиралась въ Москву-рѣку близъ теперешняго Храма Спасителя; у каждой улицы въ стѣнѣ были ворота (9.), на ней было 28 башенъ. Перечисленныя улицы и составляли Бѣлый городъ. Наконецъ въ составъ города вошла самая отдаленная часть его, пригородъ, подъ именемъ Деревяннаго города или Скородома, т.-е. быстро выстроеннаго города, послѣ того какъ она была обведена деревянной стѣной (1591—1592 г.). Это—теперешній Земляной валъ, черта Садовой (линія трамвая Б). Здѣсь раскинулись тѣ ремесленныя слободы, о которыхъ шла рѣчь раньше. Онѣ пользовались самоуправленіемъ и жили своей обособленной жизнью. Въ царствованіе Бориса Годунова Москва продолжала обстраиваться. Страшный голодъ 1601—604 гг. далъ толчокъ строительству. Годуновъ устроилъ общественныя работы въ Москвѣ. Между прочимъ въ Китай-городѣ выстроили новые каменные ряды.

Такъ обстраиваясь и укрѣпляясь, Москва къ началу XVIII вѣка превратилась въ большой, богатый, населенный и очень красивый городъ. Иностранцы, бывавшіе въ это время въ Москвѣ, считали ее очень большимъ городомъ. Англичане сравнивали ее съ Лондономъ и находили равной этому городу (1553 г.) и даже больше (1588 г.). Маржеретъ опредѣлялъ окружность ея въ 75 верстъ. Нѣкоторые пытались пересчитать количество дворовъ и насчитывали ихъ до 40,000. Но врядъ ли эти цифры вѣрны. Точнаго учета населенія Москвы XVI в. мы не имѣемъ. Одно несо-

мнѣнно, что она въ это время была очень плотно населена. Помимо естественнаго прироста она увеличивалась иммиграціей. Правительство выписывало массами мастеровъ. Присоединеніе новыхъ городовъ и областей сопровождалось переселеніемъ сюда туземцевъ—вспомнимъ переселеніе новгородцевъ, псковичей. Наконецъ въ Москву привозились плѣнные послѣ войны. Въ 1564 г. было такимъ образомъ привезено до 3000 ливонцевъ. Поражая иностранцевъ своими большими размѣрами, Москва XVI в. не менѣе поражала ихъ также удобствомъ, неприступностью своего положенія и внѣшней красотой, живописностью. „Городъ Москва,— говорилъ итальянецъ Павелъ Іовій (1525 г.),— по своему положенію въ самой серединѣ страны, по удобству водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и, наконецъ, по крѣпости стѣнъ своихъ есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ". „Москва по выгодному положенію своему преимущественно передъ другими заслуживаетъ быть столицею". Не надо забывать, что помимо возвышеннаго положенія, Москва въ то время отличалась обиліемъ воды и зелени. Кромѣ того, что существующія до сихъ поръ рѣки—Москва и Яуза были полноводнѣй, а Неглинная не была заключена въ трубу, были многочисленныя мелкія рѣчки, въ родѣ Прѣсни, Синички, Сходни и т. д., были пруды, которыхъ теперь нѣтъ, болотца и т. д. Цѣлы были исчезнувшіе потомъ сады и луга. Напримѣръ, въ Замоскворѣчьи противъ Кремля находился до конца XVII в. большой садъ — Царицынъ лугъ, разбитый въ 1495 г. На мѣстѣ нынѣшнихъ Лужниковъ въ началѣ XVII в. паслись коровы инокини Маѳы Ивановны, матери царя Михаила. Въ Кремлѣ на скатѣ

горы были „красные набережные“ сады — верхній и нижній, въ которыхъ росли плодовыя деревья, цвѣты и лѣкарственныя травы, а въ клѣткахъ висѣли и распѣвали соловьи, канарейки, попугаи, въ прудахъ же здѣсь плавали лебеди. На Неглинной у Боровицкихъ воротъ устроены были цвѣтники и оранжереи, въ которыхъ выращивались виноградъ, лимонныя и лавровыя деревья. Наконецъ при каждомъ домѣ былъ садъ и огородъ. Эта масса воды и зелени и сообщала такую красоту Москвѣ. Хотя теперь много было каменныхъ строеній, но все же большинство строило себѣ дома деревянные, и сельскій характеръ Москвы еще сохранялся. „Дома (въ Москвѣ), по словамъ П. Іовія, вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки, и внутри довольно просторны, каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на 3 комнаты: гостиную, спальную и кухню“. Кромѣ сада при каждомъ домѣ непремѣнно была баня. При многихъ также — домовая церковь. Въ Москвѣ вообще было много церквей, отъ которыхъ временами стоялъ такой гулъ, который поражалъ и не давалъ покоя иностранцамъ. Число ихъ разно опредѣлялось послѣдними. Одни насчитывали ихъ 300, другіе до 1000, третьи до 2000. Во всякомъ случаѣ церквей въ Москвѣ было очень много, что понятно для столицы православія. Не меньшей однако особенностью тогдашней Москвы было также обиліе питейныхъ домовъ. Первый кабакъ появился при царѣ Иванѣ IV на Балчугѣ, затѣмъ они распространились по всей Москвѣ. Уцѣлѣвшіе до сихъ поръ названія улицъ, какъ Щипокъ, Разгуляй, Палиха, Ладуга и т. п. напоминаютъ намъ о находившихся здѣсь питейныхъ домахъ. Отсюда великое пьян-

ство въ Москвѣ. Въ праздничные дни вмѣстѣ съ ходившими по улицамъ скоморохами пьяные составляли наиболѣе замѣтное явленіе уличной жизни. А вмѣстѣ съ пьянствомъ — обычный его спутникъ—развратъ. По свидѣтельству иностранцевъ, на московскихъ улицахъ того времени можно было очень не рѣдко встрѣтить женщинъ, предлагавшихъ свои услуги мужчинамъ.

День тогдашняго москвича какъ рано начинался, такъ рано же и кончался. Вставали всѣ съ разсвѣтомъ, а зимой даже до свѣту, а съ наступленіемъ сумерекъ прекращалось движеніе на улицахъ, и обыватели запирались въ домахъ, чтобы, отужинавъ, лечь спать. Ворота городскія тогда всѣ запирались и къ нимъ приставлялись сторожа съ фонарями, на улицахъ ставились рогатки или рѣшетки. И только перекличка караульныхъ, да окликъ случайно запоздавшаго или вышедшаго по экстренной надобности (священника съ требой) обывателя нарушали мертвую тишину заснувшаго города. Днемъ нельзя было замѣтить подобной опеки надъ населеніемъ. Полиція существовала въ зачаткѣ. Только слѣпые, убогіе и больные составляли предметъ нѣкоторой заботливости. Именно, для нихъ существовали особые „божьи дома“, богадѣльни и „зяблыя избы“ для безпризорныхъ, бездомныхъ — на Красной площади. Впрочемъ это не мѣшало нищимъ въ огромномъ количествѣ шататься по улицамъ— они нужны были москвичамъ для упражненія нравственныхъ чувствъ, состраданія и милосердія.

Исторія Москвы этого времени была бы не полна, если бы мы не упомянули объ одномъ стихійномъ бѣдствіи, постоянно поражавшемъ ее — о пожарахъ. Пожары тогда были очень частые и очень

опустошительные. Иногда Москва выгорала почти вся въ нѣсколько часовъ. Таковы были пожары 1395 г., 1450—51 г., 1547 г. Изъ-за пожаровъ останавливались не разъ постройки соборовъ, дворцовъ и стѣнъ въ Кремлѣ. Царямъ не разъ приходилось искать пристанища за предѣлами города, а посадъ, чаще другихъ горѣвшій, оставался весь безъ крова. Въ особенности опустошительны бывали пожары до постройки Китайской и Бѣлой стѣны. Сгорала заразъ не одна тысяча домовъ, и очень часто пожары сопровождались человѣческими жертвами, число которыхъ иногда доходило до тысячи и больше.

На рубежѣ XVI и XVII вв. началась „великая разруха", смута, которая прежде всего отразилась на Москвѣ — столицѣ государства. Она сдѣлалась центромъ и главной ареной событій смутнаго времени. Уже въ царствованіе Грознаго начались несчастія для Москвы. Она испытала раздѣленіе на опричнину (Пречистенка, Арбатъ, Остоженка, Сивцевъ-Вражекъ, часть Никольской) и земщину, увидала на своихъ улицахъ черныя фигуры опричниковъ и ихъ дикія расправы съ народомъ, казни на Красной площади, даже въ Кремлѣ, увидала оставленіе столицы царемъ (1564 г.). Построенныя тогда же на Красной площади вдоль кремлевской стѣны, между Спасскими и Воскресенскими воротами, церкви „на крови" убіенныхъ и при нихъ кладбища долго хранили память объ этихъ жестокихъ временахъ, а намъ въ воспоминаніе о нихъ остался домъ Археологическаго Общества на Берсеневкѣ, принадлежавшій Малютѣ Скуратову. Затѣмъ началось несчастливое царствованіе Годунова, когда Москва въ голодные 1601—1604 гг. наполнилась свыше всякой

мѣры пришлымъ людомъ и разразился страшный моръ, унесшій до 500,000 чел. Далѣе въ Кремлѣ были схвачены дѣти Бориса и сынъ его растерзанъ толпой, и въ Кремль вошелъ первый Лжедимитрій и началась бурная эпоха, длившаяся до 1613 г. Съ этихъ поръ обычно тихая обывательская жизнь столицы превращается въ какую-то шумную измѣнчивую лавину, и улицы и площади ея оказываются свидѣтелями народныхъ движеній, политическихъ переворотовъ, внутреннихъ и международныхъ столкновеній. И прежде всѣхъ—Красная площадь, какъ перепутье между Кремлемъ и остальнымъ городомъ. Чего только не видала она за эти 6—10 лѣтъ: въѣздъ Лжедимитрія I, его трагическую смерть, избраніе въ цари Шуйскаго, захватъ поляками Кремля, наконецъ освобожденіе Москвы отъ поляковъ и объявленіе народу съ Лобнаго мѣста объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Кремль и Китай-городъ съ марта 1611 г. по 24 октября были заняты поляками. Наконецъ и Бѣлый городъ съ Деревяннымъ городомъ не обошли событія смутнаго времени. И всѣ одинаково пострадали за это время. Первыми—Деревянный и Бѣлый городъ въ приходъ къ Москвѣ перваго ополченія 1611 г. Во вторникъ на Страстной 19 марта 1611 г., послѣ ссоры между поляками и москвичами,— завязался бой, во время котораго сгорѣли Бѣлый и Деревянный городъ. Поляки подожгли Бѣлый городъ, а сами отступили и укрылись въ Китай-городѣ. Съ приходомъ Ляпунова началась первая осада Китая-города. Но настоящую осаду повелъ Пожарскій.

Затѣмъ начался штурмъ Китай-города. 22-го октября поляки не выдержали, сдали Китай-городъ, а

сами засѣли въ Кремлѣ. Но черезъ два-три дня сдали и послѣдній. Картина ужаснаго разрушенія и опустошенія представилась вошедшимъ сюда русскимъ Но такую же картину тогда являла вся Москва. Трудно было найти помѣщенія для жилья. Домовъ или совсѣмъ не было или они стояли раскрытые, безъ оконъ, безъ дверей. Земскій соборъ, собравшійся для избранія царя, засѣдалъ въ Успенскомъ соборѣ. Царю Михаилу Ѳедоровичу едва нашли помѣщеніе въ Кремлѣ, а мать его временно поселилась въ Вознесенскомъ монастырѣ. Царская казна въ Кремлѣ оказалась разграбленной. Отъ Москвы XV—XVI вв.—населенной, богатой и красивой—не осталось и слѣда. Ей буквально предстояло возрождаться изъ пепла. И она возродилась. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ отдѣланы дворцы, соборы, стѣны кремлевскія и заново выстроены приказы — присутственныя мѣста XVII в. (1675 г.). Обстроилась постепенно и остальная Москва. Возстановили Печатный дворъ, въ правленіе Софьи былъ выстроенъ Каменный мостъ черезъ Москву-рѣку. Наконецъ приняты мѣры для поощренія каменныхъ частныхъ построекъ. Именно, въ 1681 г. былъ изданъ указъ, предоставлявшій льготныя условія отпуска кирпича и камня частнымъ лицамъ. Со всего государства были созваны въ Москву кирпичники и горшечники для реставраціи столицы. И если мы обратимся къ впечатлѣніямъ и описаніямъ иностранцевъ XVII вѣка, побывавшихъ въ это время въ Москвѣ, то увидимъ, что Москва возродилась и очень быстро пріобрѣла прежнюю физіономію. Вотъ какъ, напримѣръ, описывалъ ее Павелъ Алеппскій, архидіаконъ антіохійскаго патріарха Макарія, посѣтившаго Россію при царѣ Алексѣѣ.

„Москва — городъ открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, передъ вами постоянно видъ полей, луговъ и селъ. Городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ, особенно высоко стоитъ Кремлевскій дворецъ. Всякій домъ съ прилежащимъ къ нему садомъ заключенъ въ стѣнахъ двора". „Передъ восточной стороной лежитъ большая площадь (Красная), застроенная рядами лавокъ. Большая часть ихъ построена изъ камня и снабжена желѣзными ставнями и дверями; напротивъ ихъ винные погреба, каменные и кирпичные, которые теплы зимой, прохладны лѣтомъ. Въ каждомъ ряду для охраны держатъ собакъ, которыя привязаны на длинныхъ веревкахъ и бѣгаютъ на блокѣ вдоль всего ряда. Дворцы въ Москвѣ очень новы и построены изъ камня и кирпича". „Каждый домъ въ Москвѣ снабженъ большими желѣзными засовами". „Относительно числа домовъ въ Москвѣ и количества населенія надо сказать, что здѣсь есть дворцы и дома даже за земляным валомъ, быть можетъ, тамъ ихъ болѣе, чѣмъ внутри города, потому что здѣшнее населеніе любитъ поля".

Вмѣстѣ съ реставраціей Москвы послѣ смуты реставрировалась и царская власть, возстановился прежній ея блескъ и пышность и торжественные выходы. Кремль опять сталъ центромъ политической жизни Москвы, и въ частности Постельное крыльцо дворца и Ивановская площадь съ приказами. Жизнь въ Кремлѣ начиналась очень рано. Съ разсвѣтомъ вставалъ царь, и чуть свѣтъ должны были являться къ его выходу служилые и приказные люди. Всѣ направлялись къ Постельному крыльцу. Младшіе чины—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и дьяки тутъ и оставались въ ожи-

даніи царскаго выхода, а высшіе чины—бояре, думные дворяне и думные дьяки проходили дальше и останавливались въ передней. Дальше передней уже никто не входилъ. Въ ожиданіи царя шли разговоры и пересуды, какъ въ передней, такъ и на крыльцѣ. Особенно шумно бывало на крыльцѣ. Нерѣдко шумный разговоръ переходилъ въ брань и даже драку. Какъ только отворялись двери внутреннихъ покоевъ и показывался царь, всѣ падали ницъ передъ нимъ. Царь садился въ кресло въ переднемъ углу и подзывалъ къ себѣ, кого ему было нужно. Тутъ же подходили къ царю просители съ челобитьями, именинники съ калачами и т. д. Послѣ пріема, царь отправлялся къ обѣднѣ со всѣмъ дворомъ. Придя отъ обѣдни, слушалъ доклады бояръ. Вслѣдъ за этимъ обыкновенно происходило „сидѣнье съ боярами“, т.-е. засѣданіе Боярской Думы, послѣ чего обѣдъ царя и отдыхъ послѣ обѣда. Остальную часть дня послѣ вечерни царь проводилъ въ кругу семьи или придворныхъ развлекателей, сказочниковъ и бахарей. Совершивъ вечернюю молитву съ духовникомъ въ Крестовой палатѣ, онъ ложился спать.

Рано начиналась жизнь и на Ивановской площади, получившей свое названіе отъ Ивана Великаго, къ которому она примыкала; тутъ, противъ теперешняго Николаевскаго дворца, находились приказы. Здѣсь толпилась болѣе демократическая публика. Сюда шли всѣ, кому была надобность въ юридической помощи, совѣтѣ, справкѣ и т. п.—дворяне, купцы, посадскіе, крестьяне, попы, монахи. И находили эту помощь или на самой площади, или въ приказахъ. Такъ называемые площадные подьячіе за небольшую

Площадь въ Кремлѣ (изъ книги „Вѣнчаніе Михаила Федоровича на царство“ конца XVII в.

мзду писали прошенія, совершали купчія, закладныя и проч. Для этого на площади находилась особая палатка. Въ приказы доступъ былъ труднѣй. Тамъ господствовало правило, что сухая ложка ротъ деретъ, и удовлетворяли только тѣхъ, кто давалъ, а не дававшихъ гнали взашей. Приказы издавна помѣщались въ Кремлѣ, но къ концу XVII в. они обветшали, и ихъ перевели временно въ Китай-городъ и Бѣлый-городъ. На мѣстѣ же ихъ построено было новое каменное зданіе, начатое царемъ Алексѣемъ и законченное при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, куда они тогда и перешли. Новое зданіе было вдвое больше прежняго, въ длину отъ Архангельскаго собора 62 саж., шириной со стѣнами 13 саж., и въ 2 этажа. Дѣлами въ приказахъ за-

нимались 12 часовъ въ сутки—съ 6 ч. утра до обѣда (12 ч.) и послѣ обѣда отъ 4—10 час. веч. Кромѣ мѣста гражданскихъ сдѣлокъ, Ивановская площадь служила также мѣстомъ для уголовныхъ наказаній. Здѣсь били кнутомъ и батожьемъ виновныхъ, очень часто приказныхъ подьячихъ за взятки. Для пытокъ же и заключенія важныхъ преступниковъ служила Кремлевская Константино-Еленинская башня съ застѣнкомъ. Объявлялись иногда на Ивановской площади и царскіе указы во всеуслышаніе—„во всю Ивановскую". Наконецъ возстановились въ прежнемъ блескѣ и пышности церковныя—церемоніи и процессіи—и единеніе во время ихъ представителей свѣтской и духовной власти—царя и патріарха. Однимъ словомъ, вмѣстѣ съ реставраціей Москвы реставрировалась въ прежнемъ видѣ и вся ея жизнь, православно-самодержавный обиходъ ея. Выдвинулось только особенно приказное начало въ управленіи.

Но какъ ни было полно возстановленіе Москвы и ея обихода изъ пепла и какъ ни было велико сходство ея съ Москвой до смуты, тѣмъ не менѣе возстановленная Москва оказалась не той, какой она была до смуты. Смута оставила глубокіе слѣды. Населеніе города несомнѣнно уменьшилось. По даннымъ переписи 1701 г. въ Москвѣ было 16,358 дворовъ, тогда какъ ранѣе, до смуты, иностранцы насчитывали даже до 40,000 дворовъ. Упала также торговля и промышленность. Политическая жизнь и царское самодержавіе, какъ форма правленія, не сразу стала на ноги. Кремль, резиденція царей самодержцевъ, въ теченіе всего царствованія Михаила и нѣкоторое время при Алексѣѣ видитъ въ своихъ стѣнахъ представите-

лей народа, засѣдающихъ вмѣстѣ съ царемъ въ Столовой или какой-либо другой палатѣ дворца. Цари ищутъ въ нихъ опоры. Затѣмъ они отказываются отъ этой опоры, но окрѣпшая царская власть тѣмъ не менѣе не обезпечиваетъ столицѣ мирной и спокойной жизни. Послѣдняя очень часто нарушается вспышками народнаго гнѣва и недовольства. На земскомъ соборѣ 1642 г. правительству пришлось выслушать рядъ упрековъ за отягченіе народа службой и поборами, а въ іюнѣ 1648 года улицы Москвы увидали сцены, напомнившія смутное время. Въ теченіе нѣсколькихъ дней толпа бушевала, разносила дома бояръ и приказныхъ, грабила, жгла, и царь Алексѣй принужденъ былъ всенародно съ Лобнаго мѣста каяться въ грѣхахъ своей администраціи и обѣщать изданіе новыхъ законовъ. А въ правленіе Софьи стрѣльцы 15 мая 1682 года ворвались во дворецъ, перешарили все, убили Матвѣева, Нарышкиныхъ и потомъ еще два дня рыскали по городу, разносили дома бояръ и избивали сторонниковъ и родственниковъ Нарышкиныхъ. Обагривъ московскія улицы кровью, стрѣльцы потребовали увѣковѣчить свою расправу, и по ихъ настоянію на Красной площади въ память событія 15-го мая былъ поставленъ каменный столбъ. Одновременно съ ущербомъ московскаго самодержавія произошелъ ущербъ и въ московскомъ православіи. При царѣ Алексѣѣ разстроился союзъ церкви и государства, и церковь поразилъ расколъ. Въ связи съ этимъ Москва перенесла рядъ драматическихъ моментовъ, опять-таки нарушившихъ ея мирное теченіе. Выступленія Аввакума, отъѣздъ Никона, судъ надъ нимъ, шумныя и грубыя пренія раскольниковъ въ Грановитой палатѣ въ присут-

ствіи Софьи лѣтомъ 1682 года и вызывающее шествіе ихъ послѣ спора о вѣрѣ, постоянныя сборища стрѣльцовъ въ связи съ расколомъ. Москва въ это время раздѣляется на православную и старообрядческую. Третій Римъ, оплотъ православія, если не палъ, то покачнулся. Наконецъ, сталъ измѣняться культурный обликъ Москвы. Москва попрежнему имѣла деревенскій видъ, попрежнему на улицахъ ея, мѣстами замощенныхъ бревнами, стояла непролазная грязь и оскорблявшая обоняніе вонь близъ лавокъ съ живностью. Но на ряду со старымъ появлялось новое—заимствованія изъ западно-европейской культуры. Начавшись въ XVI в., эти заимствованія, новшества, къ XVII в. пріобрѣтаютъ болѣе широкій и прочный характеръ и подъ вліяніемъ ихъ происходятъ измѣненія какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни Москвы. Теперь здѣсь появляются дома новаго, европейскаго типа, какъ домъ Голицына или Матвѣева, и въ нихъ заводится европейскій строй жизни. Появляются театральныя представленія, сначала въ видѣ домашнихъ спектаклей у Матвѣева, а затѣмъ съ 17 октября 1672 г. въ спеціально для этого устроенномъ помѣщеніи въ Преображенскомъ — первомъ публичномъ театрѣ Россіи. Бояринъ Ртищевъ устраиваетъ общеобразовательную школу на Воробьевыхъ горахъ, а при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ Москвѣ учреждается высшая Славяно-греко-латинская академія. Наконецъ, въ это время свиваютъ себѣ прочное гнѣздо въ самой Москвѣ иноземцы—въ Лефортовѣ. Появленіе иноземцевъ въ Москвѣ относится къ XV в. Уже при Иванѣ III въ Москвѣ существовала порядочная колонія иноземцевъ. А при Василіи III для нихъ отводится спеціальное мѣсто за Москвой-рѣ-

кой — слобода Налей, или Налейка (теперешній Спасо-Наливковскій пер.). Являлись сюда иноземцы въ качествѣ живописцевъ, архитекторовъ, литейщиковъ, инструкторовъ, наконецъ лѣкарей. Московское правительство выписывало ихъ изъ-за границы, или во время войны забирало въ плѣнъ и селило въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1564 году послѣ ливонской войны въ Москву были привезены ливонцы (3000 ч.) и поселены за р. Яузой. Въ смутное время эта первая „нѣмецкая" слобода была разорена и выжжена и обитатели ея разселились по всей Москвѣ—на Тверской, Арбатѣ, Сивцевомъ-Вражкѣ, Маросейкѣ, Мясницкой. Правительство относилось къ нимъ терпимо, въ особенности къ протестантамъ — они имѣли свои церкви въ Бѣломъ городѣ. Но въ половинѣ XVII в., можетъ быть въ связи съ расколомъ, отношеніе къ иноземцамъ измѣнилось. Церкви ихъ были уничтожены, а въ 1652 году имъ велѣно было выселиться за предѣлы города—на прежнее пепелище, на берегъ Яузы. Такъ образовалась вторично „нѣмецкая" слобода, знаменитая въ исторіи Москвы и всей Россіи. Въ составъ ея входили улицы—Нѣмецкая, Вознесенская, Нов. и Ст. Басманныя и переулки—Госпитальный, Денисовскій, Демидовскій, Кирочный. Здѣсь были иностранцы почти всѣхъ національностей. Они жили обособленной и согласной со своими обычаями жизнью. Но это изолированное положеніе слободы не помѣшало общенію ея обитателей съ москвичами и тому вліянію, которое она все болѣе и болѣе оказывала на московскую жизнь, пока не вторглась въ нее властно при Петрѣ I.

Однимъ словомъ Москва XVII в., несмотря на реставрацію ея внѣшности и внутренней жизни послѣ

смуты, не та, что была въ XVI в. Это Москва переходнаго времени—времени измѣненія формъ ея жизни подъ вліяніемъ западно-европейской культуры. Если до сихъ поръ Москва была обращена лицомъ, такъ сказать, къ Востоку, питалась византійскими культурными традиціями, то теперь она поворачивается къ Западу и начинаетъ усваивать западно-европейскія культурныя начала.

Москва въ XVIII в.

И. Катаева.

I.

На рубежѣ XVII и XVIII стт. Москва переживаетъ бурную, своего рода революціонную эпоху. Зашаталась старина, заколебался тотъ укладъ жизни, который сложился вѣками на Руси и отражался, какъ въ фокусѣ, въ ея политическомъ центрѣ. Москва тяжело реагировала на новшества Петровской „европеизаціи".

Уже дѣтство и юные годы будущаго преобразователя, проведенные имъ въ Преображенскомъ при такой обстановкѣ, которая шла въ разрѣзъ съ традиціями кремлевской старины, не предвѣщали ея ревнителямъ ничего добраго. Но то, что случилось послѣ возвращенія царя изъ заграничнаго путешествія, превзошло всякія ожиданія. Остроту переживаній усиливалъ особый методъ, при помощи котораго Петръ пропагандировалъ новыя идеи. Онъ подвергалъ безпощадному, демонстративному осмѣянію старыя бытовыя, политическія и религіозныя

традиціи. Нагляднѣе всего выразилось это въ организаціи публичныхъ процессій, которыя устраивалъ Петръ по случаю побѣдъ, заключенія мира, празднованія Новаго, январьскаго года и пр. Нужно представить себѣ изумленіе москвичей при видѣ этихъ процессій, представлявшихъ полный контрастъ тому, что они видѣли въ самомъ недавнемъ прошломъ, при царѣ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Вотъ, наприм., тріумфальное шествіе въ декабрѣ 1710 г., по случаю Полтавской побѣды. При громѣ трубъ и литавръ выступаютъ части гвардейскихъ полковъ. За ними слѣдуютъ побѣдные трофеи и плѣнные. Въ серединѣ процессіи, въ саняхъ, на сѣверныхъ оленяхъ и съ самоѣдомъ на запяткахъ, ѣхалъ французъ Вимени, игравшій у Петра роль шута, поставленнаго царемъ надъ самоѣдами. За Вимени слѣдовало 19 саней, запряженныхъ парою или тройкою сѣверныхъ оленей; въ саняхъ сидѣли самоѣды, низкорослые, коротконогіе, съ большими головами и широкими лицами, съ ногъ до головы одѣтые въ оленьи шкуры, мѣхомъ наружу; у каждаго къ поясу прикрѣпленъ мѣховой куколь. „Понятно,—говоритъ очевидецъ,—какое производилъ впечатлѣніе и какой хохотъ возбуждалъ ихъ поѣздъ. Смѣхотворное зрѣлище это было вставлено царемъ вслѣдствіе его обычной склонности къ шуткамъ... Безъ сомнѣнія, шведамъ было весьма больно, что въ столь важную трагедію введена была такая смѣшная комедія“. При прохожденіи процессіи подъ каждыми тріумфальными воротами, спеціально для этого построенными и украшенными эмблематическими и карикатурными рисунками, изображеніями языческихъ боговъ Марса, Нептуна и пр., играла музыка и раздавалось пѣніе. Изъ домовъ выходили

бояре и купцы и подносили царю напитки. „Какъ царь, такъ и всѣ окружающія его лица были пьяны и нагружены какъ нельзя лучше“.

Еще оригинальнѣе былъ отпразднованъ въ Москвѣ Ништадскій миръ въ январѣ 1722 г. Московскія празднества были, собственно, продолженіемъ петербургскихъ, устроенныхъ въ октябрѣ 1721 года. Праздникъ въ честь флота въ Москвѣ трудно было устроить. Но Петръ придумалъ особое маскарадное шествіе на сухопутномъ флотѣ. Маскарадъ и процессіи продолжались цѣлую недѣлю ежедневно. Въ первый день процессія торжественно направилась изъ с. Всесвятскаго въ столицу черезъ Тверскую заставу. Кортежъ открывался лодкой маршала—распорядителя авангардной группы процессіи, центральную фигуру которой составлялъ князь-папа (Бутурлинъ—преемникъ Н. Зотова, бывшаго главою шутовской коллегіи подъ названіемъ „всешутѣйшаго, всепьянѣйшаго собора“). Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ одѣяніи—въ длинной красной бархатной мантіи, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него, верхомъ на бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ, держа въ правой рукѣ большой бокалъ, а въ лѣвой посудину съ виномъ. Позади ѣхала свита князя-папы, „господа кардиналы“, въ соотвѣтствующихъ облаченіяхъ. Въ саняхъ въ видѣ большой раковины слѣдовалъ Нептунъ (одинъ придворный полушутъ), въ коронѣ, съ длинной бѣлой бородою и съ трезубцомъ въ правой рукѣ; въ ногахъ у него помѣщались двѣ сирены—морскія чудовища. Далѣе слѣдовала флотилія, состоящая изъ 50—60 лодокъ и гондолъ, поставленныхъ на полозья-сани, въ которыя были впряжены лошади. Въ каждой гондолѣ

было человѣкъ по 20, при чемъ за гондолой съ мужской компаніей слѣдовалъ соотвѣтствовавшій ей номеръ гондолы съ дамами. Въ передней лодкѣ, на кормѣ, сидѣлъ главный маршалъ процессіи—кн. Меншиковъ, въ костюмѣ и маскѣ аббата, со свитой. Его дамскимъ номеромъ была его жена, княгиня „Даша", съ сестрой и другими дамами, въ костюмѣ благородныхъ испанокъ. Въ серединѣ шелъ большой корабль (длиной въ 30 футовъ) императора, выстроенный наподобіе линейнаго корабля, съ 8—10 небольшими пушками, изъ которыхъ время отъ времени раздавались выстрѣлы. Корабль былъ совсѣмъ оснащенъ, съ распущенными по вѣтру парусами, что немало помогало 15 лошадямъ, тянувшимъ корабль. Самъ императоръ, въ костюмѣ корабельщика, командовалъ судномъ, и вмѣстѣ со своей свитой, одѣтой матросами и барабанщиками, продѣлывалъ на сухомъ пути всѣ маневры, возможные на морѣ; при наступленіи темноты онъ съ большимъ искусствомъ билъ зорю. За кораблемъ императора ѣхала императрица съ придворными дамами, въ великолѣпной вызолоченной баркѣ; императрица въ первый день маскарада была одѣта голландской крестьянкой, а въ слѣдующіе дни одѣвалась со своими дамами амазонкой. Кортежъ заканчивался длиннымъ рядомъ саней, наполненныхъ шутовскими масками драконовъ, арлекиновъ, журавлей, медвѣдей. Движеніе процессіи сопровождалось пальбой изъ пушекъ, барабаннымъ боемъ, звукомъ трубъ и литавръ. Проѣхали первыя тріумфальныя ворота. Тутъ вся компанія угощалась въ домѣ Строгонова, а потомъ процессія шумно двинулась снова до Красной площади и Кремля.

За 20 слишкомъ лѣтъ москвичи уже болѣе или

менѣе свыклись съ причудами Петра. Но труднѣе было освоиться съ тѣми изъ нихъ, въ которыхъ пародировались религіозныя традиціи; такъ, взамѣнъ совершавшагося нѣкогда съ большой торжественностью обряда шествія патріарха на осляти въ Вербное воскресенье, производится совершенно другая церемонія: князь-папа со своими „кардиналами“ ѣздитъ по городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей или коровъ. Еще болѣе шумно проходитъ рождественское „славленье“. Царь съ сановниками, офицерами, дьяками, шутами, конюхами разъѣзжаетъ по Москвѣ и „славитъ“, распѣвая пѣсни, сначала духовныя, а затѣмъ шутовскія и застольныя. Всепьянѣйшая коллегія, во главѣ съ княземъ-папой, принимаетъ тутъ живѣйшее участіе. Самъ царь иногда облекается въ кардинальскій костюмъ—въ длинную мантію съ воротникомъ. Вся компанія, разъѣзжая по московскимъ улицамъ, изо всей мочи свистѣла и пѣла пѣсни, производя невѣроятный шумъ и гамъ. Другой разъ царь, катаясь по Нѣмецкой слободѣ, велѣлъ привязать другъ къ другу 50 слишкомъ саней и въ переднія запрячь десять лошадей. Самъ онъ сѣлъ въ переднія; въ остальныхъ размѣстились важнѣйшіе русскіе сановники. Забавно было видѣть,—замѣчаетъ описывающій эту сцену иностранецъ,—какъ на поворотахъ, огибая угловые дома, сани раскатывались, опрокидывались и роняли сѣдоковъ. Едва успѣютъ подобрать упавшихъ, какъ у слѣдующаго поворота опять вывалятся человѣкъ 10—12, а то и больше...

Въ какой же степени Петръ успѣлъ повліять на культурный бытъ современнаго ему столич-

наго общества? Перемѣны въ первой четверти XVIII ст., конечно, сказались, хотя только въ высшихъ слояхъ общества—придворныхъ и военно-дворянскихъ, мало коснувшись низшихъ классовъ. Если заглянуть въ ассамблею петровской эпохи, то мы увидимъ здѣсь дѣйствительно много новаго, что трудно было себѣ представить во второй половинѣ XVII вѣка. Берхгольцъ (камеръ-юнкеръ свиты герцога голштинскаго), въ своемъ дневникѣ, описываетъ московскія ассамблеи въ зимній сезонъ 1721—22 гг., когда императорскій дворъ по случаю торжествъ Ништадскаго мира проживалъ въ Москвѣ. Ассамблеи съ музыкой и танцами продолжаются и въ теченіе Великаго поста. На нихъ объединяется общество изъ представителей русской знати, иностранцевъ, купечества. Танцуютъ менуэтъ, англезъ польскій, контрдансы. Ген. Ягужинскій продолжалъ играть амплуа увеселителя и вдохновителя всѣхъ баловъ, придумывая на вечерахъ всевозможныя замысловатыя фигуры въ танцахъ. Танцы быстро и сильно прививались. „Нельзя себѣ вообразить,—говоритъ иностранный наблюдатель,—до какой степени здѣшнія дамы любятъ танцы, мало обращая вниманія на предстоящій постъ". Въ 10 час. съ ассамблеи всѣ разъѣзжались. На частныхъ балахъ гости остаются дольше, до 2—3 часовъ ночи; тамъ танцы завершаются ужиномъ въ совмѣстной компаніи мужчинъ и дамъ. Среди знати старинныя традиціи относительно строгаго соблюденія поста въ извѣстной степени вывѣтриваются. Такъ на 6-й недѣлѣ поста поручикъ кн. Долгоруковъ на обѣдѣ у герцога голштинскаго, не обращая вниманія на постъ, преспокойно ѣстъ мясо.

На ряду съ балами и маскарадами Петръ ста-

рается развить вкусъ москвичей къ театральнымъ представленіямъ. По его приглашенію, въ началѣ 700-хъ гг. нѣмецкая труппа уже давала представленія въ Москвѣ; для нея спеціально былъ построенъ „театрумъ". Кромѣ того на Красной площади, около кремлевской стѣны, функціонировалъ особый простонародный театръ. Но все это—пока очень поверхностный налетъ новой культуры; да иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ нельзя перемѣнить нравы однимъ натискомъ, по приказу. Облагородить, поднять въ нравственно - культурномъ смыслѣ общество Петръ и не могъ, тѣмъ болѣе, что въ личной жизни самого Петра было слишкомъ много грубаго, некультурнаго элемента. Прежде всего бросается въ глаза непомѣрное пьянство, назойливое принудительное угощеніе на вечеринкахъ виномъ, въ результатѣ котораго бывали даже смертные случаи. Пили не только мужчины, но и дамы. Во время празднованія Ништадскаго мира московскія дамы смѣялись надъ петербургскими, называя ихъ пьяницами за то, что онѣ въ послѣдній день празднованія тамъ мира должны были сильно пить. На этомъ основаніи и по тайной жалобѣ, всѣхъ московскихъ дамъ посадили за особый столъ, гдѣ ихъ, въ присутствіи петербургскихъ, принудили выпить столько же, сколько тѣ тамъ пили, что для нѣкоторыхъ кончилось весьма непріятно. Въ связи съ пьянствомъ, непристойныя сцены, брань, даже драка, были нерѣдкими явленіями въ общественныхъ собраніяхъ Петровской эпохи. Иностранцы попрежнему отмѣчаютъ неопрятность въ одеждѣ, убранствѣ комнатъ, въ сервировкѣ стола, при чемъ вилка и ножъ не получили еще полнаго права гражданства. Если прибавить

сюда свистъ, крикъ, шумъ—гамъ скомороховъ-шутовъ, которыхъ держатъ въ своихъ домахъ, вслѣдъ за царемъ, многіе вельможи, то получится, картина быта, имѣющаго много общаго съ XVII в.

II.

Общественно-политическимъ традиціямъ Москвы Петръ наноситъ ударъ еще въ другомъ отношеніи. Онъ измѣнилъ Москвѣ, какъ политическому центру, каковымъ она была испоконъ вѣковъ. Дѣло началось съ того, что Петръ, выросшій внѣ Кремля, въ Преображенскомъ, не вернулся въ эту резиденцію московскихъ царей. Преображенская слобода, съ которой Петръ сроднился съ дѣтства, осталась его любимымъ мѣстопребываніемъ.

Интересны впечатлѣнія современника, произведенныя на него этой новой царской резиденціей: „Мы немало удивились, — пишетъ Берхгольцъ,—когда, подъѣхавъ къ дому императора, узнали отъ нашего кучера, что мы передъ императорскимъ дворцомъ: это старинный, маленькій и плохой деревянный домъ, за который, судя по наружности и мѣстоположенію, нельзя дать и 100 талеровъ. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человѣка, потому что въ немъ, повидимому, нѣтъ и шести порядочныхъ комнатъ. Стоитъ онъ въ узкомъ и дурномъ переулкѣ, къ которому съ большой улицы ведетъ очень тѣсный проходъ, и окруженъ небольшимъ частоколомъ. Впрочемъ, и во всей слободѣ, которая есть не что иное, какъ деревня, совершенно отдѣленная отъ города и другихъ предмѣстій, нѣтъ ни одного порядочнаго дома, потому что, кромѣ императора съ его дворомъ и

солдатъ Преображенскаго полка, тамъ не живетъ никто". Неподалеку находилось помѣщеніе знаменитаго Преображенскаго приказа, вѣдавшагося княземъ-кесаремъ Ромодановскимъ [1]). Черезъ сосѣднее Лефортово, гдѣ находился дворецъ любимца Петра Лефорта, перешедшій послѣ его смерти въ казну и извѣстный потомъ подъ именемъ Слободскаго дворца (теперь тутъ помѣщается отдѣленіе Архива Глав. Штаба),—можно было проѣхать въ Нѣмецкую слободу. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ней Петръ пріобрѣлъ себѣ еще дворецъ, получившій названіе Головинскаго (домъ былъ купленъ у Головина). Въ Нѣмецкой слободѣ при Петрѣ было построено зданіе сената. Сюда же, въ мѣстности, ближайшія къ Лефортову, Нѣмецкой слободѣ, на Басманную, потянулась при Петрѣ и его преемникахъ придворная знать, колонизуя эту отдаленную сѣверо-восточную окраину Москвы. Въ Преображенскомъ или Головинскомъ дворцѣ Петръ останавливался, когда пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга.

Сложныя чувства руководили Петромъ, когда онъ рѣшился перемѣнить столицу и переселиться въ свой сѣверный „парадизъ". Тутъ было и давнишнее чувство непріязни къ этому городу, выросшее въ годы дѣтства и позднѣйшей жестокой борьбы съ оппозиціей. Фокеродтъ говоритъ даже о ненависти Петра къ Москвѣ. Но едва ли не больше привлекали Петра на сѣверъ близость къ морю

---

[1]) Ни отъ дворца, ни отъ приказа теперь не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Но историческое прошлое этого района Москвы звучитъ въ названіяхъ такихъ переулковъ и улицъ (около Преображенской заставы), какъ Потѣшная ул., Девятая рота, Барабанная улица, Палочный пер.

Нѣмецкая слобода.

и положеніе Петербурга, какъ „окна въ Европу“. Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ Полтавской битвы Москва должна была проститься съ ролью столицы. Въ 1710 г. въ Петербургъ пріѣзжаетъ погостить царская семья, а съ 1712 г. остается тамъ на постоянное жительство. Туда же перебираются дворъ и сановники. Въ 1714 г. въ Петербургъ переносятся высшія правительственныя учрежденія, сенатъ и приказы, преобразуемые вслѣдъ затѣмъ въ коллегіи. Открывается новый періодъ русской исторіи—Петербургскій.

Москва осиротѣла. Кн. Щербатовъ позднѣе, уже при Екатеринѣ II, такъ изображаетъ (въ зап. „Прошеніе Москвы о забвеніи ея“) чувства „вдовицы“, влагая въ уста олицетворенной Москвы слѣдующее патетическое обращеніе: „Увы, сей самый... (Петръ) мя оставилъ, сей по нуждѣ ли, для учрежденія флота и торговли и для близкаго надзиранія производящейся войны, или гнушаясь старыхъ моихъ обычаевъ, перенесъ столицу во вновь построенный во имя его городъ. Источники слезъ, яко у вдовицы, потекли изъ глазъ моихъ... Лучшіе мои граждане, отвлеченные отъ стѣнъ моихъ, въ чужую землю пошли утвердить жилище свое... зданія мои, за неповелѣніемъ ихъ возобновлять, сокрушались, и новыя запрещено было строить“...

Москва не сразу примирилась съ потерей роли царствующаго града. Послѣ Петра группа придворной знати, стоявшей въ оппозиціи и тянувшей къ старинѣ, связывала свои надежды съ возвратомъ столицы и двора въ Москву. Такой благопріятный случай представился при Петрѣ II, который большую часть своего кратковременнаго царствованія провелъ въ Москвѣ. Москва опять сдѣлалась резиден-

ціей, хотя старыя формы царскаго быта временъ царя Алексѣя болѣе уже не возродились къ жизни. Первые годы царствованія имп. Анны также прошли въ Москвѣ. 15 февраля 1730 г. состоялся торжественный въѣздъ ея въ Москву, а 25 февраля въ Кремлевскомъ дворцѣ произошелъ гвардейско-шляхетскій coup d'etat, положившій начало десятилѣтней тираніи Бирона. Бывшая курляндская герцогиня и ея фаворитъ, располагавшіе болѣе чѣмъ скромными рессурсами въ Митавѣ, получили теперь ничѣмъ неограниченную возможность устроить жизнь по своему вкусу. И дѣйствительно, императорскій дворъ при Аннѣ отличался небывалой дотолѣ роскошью и великолѣпіемъ. Траты на дворъ превосходили въ шесть разъ расходы Петра на тотъ же предметъ. Возстанавливается во всей сложности и регламентаціи придворный бытъ, но уже по новымъ, западно-европейскимъ образцамъ, съ примѣсью національной безвкусицы и некультурности. 28 апрѣля 1730 г. совершилось въ Москвѣ коронованіе императрицы, отличавшееся необычайнымъ великолѣпіемъ. Коронаціонныя торжества съ балами и банкетами во дворцѣ, фейерверками и иллюминаціями, какихъ еще не видывали въ Россіи и въ Москвѣ, продолжались цѣлую недѣлю. Но и по окончаніи ихъ придворная жизнь сохранила характеръ непрерывнаго праздника. Придворные балы и собранія, на которыхъ танцовали, играли въ карты, смѣнялись концертами, спектаклями,—императрица, любительница театра, ввела оркестръ, итальянскую комедію и оперу,—и блестящими и шумными маскарадами, продолжавшимися иной разъ, какъ это было въ февралѣ 1731 г., въ теченіе десяти дней подъ рядъ.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ Анна частью жила въ Кремлѣ, гдѣ для нея былъ выстроенъ, рядомъ съ арсеналомъ, новый деревянный дворецъ „Анненгофъ“, частью въ резиденціи на Яузѣ—Головинскомъ дворцѣ и отстроенномъ тамъ же лѣтнемъ Анненгофѣ. Зимній Анненгофъ въ 1736 г. былъ перенесенъ тоже на Яузу. Около обоихъ Анненгофовъ былъ разбитъ громадный дворцовый садъ съ каналами, прудами, затѣйливыми бесѣдками (теперь Анненгофская роща).

Анна провела въ Москвѣ около 2 лѣтъ, нѣкоторое время колеблясь въ выборѣ резиденціи между старой и новой столицей. 7 января 1732 г. императрица выѣхала изъ Москвы и болѣе уже сюда не возвращалась. Вопросъ для Анны и ея преемниковъ окончательно былъ рѣшенъ въ пользу Петербурга. Извѣстный піэтетъ по отношенію къ „первопрестольной“, однако, сохраняется въ томъ, что коронованіе каждаго новаго монарха происходило и происходитъ въ московскомъ Кремлѣ. Правда, при временныхъ наѣздахъ двора въ Москву въ XVIII в. (императрица Елизавета, напр., пріѣзжала въ Москву 4 раза и провела здѣсь въ общемъ, болѣе 4 лѣтъ), „гости“ предпочитали просторъ и комфортъ Лефортова и Анненгофовъ обветшалымъ и неуютнымъ кремлевскимъ хоромамъ. Родовая и бюрократическая знать, переселившаяся вслѣдъ за дворомъ въ Петербургъ, не могла, однако, порвать своихъ связей съ Москвой, гдѣ у нея остались дома, подмосковныя усадьбы и вотчины. Вельможи въ отставкѣ или въ опалѣ уѣзжаютъ въ Москву, въ свои родовыя гнѣзда, и здѣсь, вдали отъ двора, фрондируютъ противъ новыхъ вѣяній и креатуръ.

III.

Наиболѣе крупнымъ событіемъ въ жизни Москвы во второй половинѣ XVIII ст. былъ созывъ въ ней знаменитой Законодательной Комиссіи, которую сама имп. Екатерины II съ большой помпой открыла въ Кремлѣ, въ Грановитой палатѣ, въ іюлѣ 1767 г. Въ избраніи Москвы мѣстомъ для Комиссіи еще разъ выразилось признаніе исторической роли за старой столицей, признаніе—тѣмъ болѣе важное, что Екатерина по началу связывала съ Комиссіей великія ожиданія. Изъ матеріаловъ Комиссіи мы знакомимся съ общественнымъ настроеніемъ и интересами вліятельныхъ классовъ московскаго общества, которые были учтены правительствомъ при проведеніи губернской и городской реформъ 1775 и 1785 гг. Депутатомъ отъ г. Москвы въ Комиссію былъ выбранъ представитель знати ген.-аншефъ кн. А. М. Голицынъ. Выборъ былъ не изъ удачныхъ; ни по одному изъ животрепещущихъ вопросовъ, дебатировавшихся въ Комиссіи, голоса московскаго депутата не было слышно. Кн. Голицынъ украшаетъ лишь списокъ членовъ офиціальныхъ депутацій, избиравшихся для принесенія благодарности и привѣтствія императрицѣ. Объ интересахъ и нуждахъ московскаго населенія мы узнаемъ изъ депутатскаго наказа отъ г. Москвы. Это не былъ голосъ всей Москвы, а лишь скромной по численности группы въ 1478 домовладѣльцевъ, купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, имѣвшихъ, по имущественному цензу, право принимать участіе въ избраніи депутата.

Въ первыхъ 21 статьяхъ (всего 45 ст.) наказа го-

ворится объ общихъ городскихъ нуждахъ. Тяжелымъ бременемъ на обывателей ложатся полицейскія мѣры въ видѣ рогатокъ, стѣсняющихъ движеніе по улицамъ въ вечернее и ночное время, полицейскія службы и постои. Постойная повинность въ особенности была обременительна. Офицеры разныхъ командъ занимали квартиры по своему усмотрѣнію, брали столько комнатъ, кладовыхъ, сараевъ, сколько хотѣли, держали цѣлыя своры охотничьихъ собакъ, производили въ комнатахъ и на дворахъ обученіе солдатъ военному строю и пр. Составители наказа просятъ взамѣнъ этихъ повинностей обложить ихъ денежнымъ сборомъ, а рогатки замѣнить надежными караулами. Въ виду частыхъ разорительныхъ пожаровъ, высказывается просьба объ улучшеніи противопожарныхъ мѣръ, о запрещеніи въ „знатнѣйшихъ“ частяхъ города деревянныхъ строеній и обезпеченіи жителей строительнымъ матеріаломъ путемъ устройства казенныхъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ. Населеніе сознаетъ значеніе санитарныхъ мѣръ для городского благоустройства и проситъ установить обязательныя правила соблюденія чистоты: опредѣлить мѣста свалокъ, очистить рѣчки и пруды, провести въ городъ чистую питьевую воду, учредить достаточное количество больницъ и аптекъ, докторовъ и повивальныхъ бабокъ, обезпечить населеніе хлѣбомъ, дровами и другими предметами первой необходимости, принять мѣры противъ нищенства и „безобразнаго пьянства“. Въ наказѣ есть три статьи (19—21), свидѣтельствующія о жизненности идеи городского самоуправленія, введеннаго при Петрѣ, но при его преемникахъ потерпѣвшаго существенныя измѣненія. Составители наказа про-

сятъ объ учрежденіи выборнаго городского суда „на основаніи европейскихъ городовъ“, члены котораго выбирались бы на одну треть изъ дворянства и на двѣ трети—изъ купечества. Этотъ судъ долженъ вѣдать не только судебныя дѣла, но и городскіе сборы и полицію благоустройства. Должность городского головы изъ временнаго установленія (для выборовъ депутата) должна превратиться въ постоянную. Большинство остальныхъ статей касается спеціальныхъ интересовъ купечества и отчасти ремесленниковъ (сословныя нужды дворянства изложены въ наказѣ отъ дворянства Московскаго уѣзда). Купцы хлопочутъ о мѣрахъ, обезпечивающихъ ихъ отъ подлога векселей и отъ злостныхъ банкротствъ,—гарантирующихъ имъ уплату процентовъ по долгамъ; они ходатайствуютъ о нормированіи вопроса о наслѣдствѣ купеческаго движимаго и недвижимаго имущества. Ремесленники просятъ объ упорядоченіи цехового устройства и о запрещеніи ремесла всѣмъ, не записавшимся въ цехи. Но нельзя не отмѣтить, что классовые вопросы въ московскомъ наказѣ не ставятся такъ остро, какъ въ другихъ наказахъ или въ преніяхъ депутатовъ Комиссіи. Московское купечество не требуетъ себѣ ни исключительныхъ правъ торговли, ни права владѣнія крѣпостными; оно ограничивается просьбой запретить торговлю иностраннымъ учителямъ, камердинерамъ и „мадамамъ“,—не допускать безпошлинной торговли иностраннымъ купцамъ и уравнять фабрикантовъ, заводчиковъ и чиновниковъ съ купцами въ городскихъ службахъ и повинностяхъ. Наказъ заканчивался просьбой объ учрежденіи для купеческихъ дѣтей училищъ, гдѣ бы они обучались „разнымъ

языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и знаніямъ".

Таковы, въ общемъ, запросы буржуазныхъ слоевъ московскаго населенія второй половины XVIII ст., свидѣтельствующія, съ одной стороны, о довольно высокихъ культурныхъ потребностяхъ этихъ группъ, а съ другой стороны—о значительномъ развитіи торгово-промышленной жизни Москвы. Дѣйствительно, ростъ промышленности и торговли идетъ крупными шагами. Въ этомъ отношеніи Москва имѣла существенное преимущество предъ Петербургомъ въ своемъ центральномъ положеніи среди населенной мѣстности и въ большей дешевизнѣ содержанія рабочихъ. Уже при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ въ Москвѣ возникаютъ крупныя фабрично-заводскія производства, насчитывающія сотни и тысячи рабочихъ. На московской суконной фабрикѣ „Большой Суконный Дворъ" купеческой компаніи Щеголина „съ товарищи" въ 1729 г. работали 730 рабочихъ; на шелковыхъ мануфактурахъ купца Евреинова до 1500 мужчинъ и женщинъ, на полотняной фабрикѣ Тамеса съ компаніей (русск. купцовъ)—841 рабочій. На устройство полотняной мануфактуры Тамеса затраченъ капиталъ въ 46.700 р., да въ ссуду изъ казны дано 5000 р. (на соврем. счетъ это превыситъ $^1/_2$ мил. руб.). Суконныя фабрики обслуживали казенные интересы, поставляя главный запасъ сукна на армію, при чемъ отечественный продуктъ былъ невысокаго качества по сравненію съ иностраннымъ. Но полотняное производство достигаетъ хорошихъ результатовъ: на фабрикѣ Тамеса приготовлялись всѣ сорта полотна отъ грубаго до самаго тонкаго—скатерти и салфетки, тикъ, тонкіе цвѣтные носовые

платки, канифасы. О значеніи Москвы, какъ индустріальнаго центра въ концѣ вѣка, говорятъ слѣд. цифры: по даннымъ 1796 года въ ней насчитывается 533 фабрики и завода, при общемъ количествѣ въ 3161 во всей Россіи.

IV.

За Москвой, по ея внѣшнему виду, по типу ея построекъ, издавна сложилась репутація „большой деревни“. Произошли ли въ этомъ отношеніи перемѣны въ XVIII в., насколько, вообще, измѣнилась внѣшняя физіономія города? Нужно сказать, что наша московская старина не имѣетъ за собой той почтенной давности, какъ нѣкоторые западноевропейскіе города (наприм., Нюренбергъ), сохранившіе не только отдѣльные памятники и зданія, но весь колоритъ глубокаго средневѣковья. Москва—не такова. Видъ ея со времени XVI—XVII вв. радикально измѣнился. Теперь развѣ только немногими единицами можно считать зданія, относящіяся по своему происхожденію къ указаннымъ вѣкамъ. Правда, перелицовка города en masse относится, главнымъ образомъ, уже къ послѣдующему XIX в., когда интенсивно развилось каменное строительство; но большія перемѣны, въ особенности въ главной и центральной части Москвы—Кремлѣ, произошли и въ XVIII в. Главнымъ строительнымъ матеріаломъ въ старину было дерево, почему пожары въ Москвѣ были часты и принимали грандіозные размѣры, сметая съ лица земли громадные районы города. Затѣмъ нечего и говорить о томъ, что наши предки еще менѣе, чѣмъ мы, понимали и берегли старину, безпощадно разрушая ея па-

мятники. Въ концѣ XVII в. внутренность Кремля сохраняла еще свой старинный видъ. На ряду со зданіями стараго дворца, соборовъ и церквей, въ Кремлѣ находилось 43 частныхъ двора, изъ которыхъ 9 принадлежало патріарху, архіереямъ и монастырямъ, 29 дворовъ соборному и приходскому духовенству, 5 дворовъ боярскихъ. Эти обывательскіе дворы занимали въ Кремлѣ мѣсто, гдѣ теперь находятся арсеналъ, зданія судебныхъ установленій и площадь между Вознесенскимъ монастыремъ и кремлевской стѣной, обращенной къ рѣкѣ Москвѣ. Своеобразный видъ представляла и Ивановская площадь съ зданіемъ приказовъ, расположенныхъ „покоемъ“ между Иваномъ Великимъ и Кремлевской набережной. Государевъ дворъ въ 90-хъ гг. XVII ст. стоялъ опустѣвшій, такъ какъ Петръ, проживая въ Преображенскомъ, рѣдко въ него заглядывалъ. Въ іюнѣ 1701 г. произошелъ одинъ изъ большихъ пожаровъ, захватившій, главнымъ образомъ, Кремль. Загорѣлось въ кельяхъ на подворьѣ Новоспасскаго монастыря. Огонь быстро разошелся по Кремлю. Выгорѣли деревянныя хоромы на государевомъ дворѣ, дворъ патріарха, монастыри, приказы; „дворы духовенства и бояръ всѣ сгорѣли безъ остатка“ [1]). Послѣ пожара Петръ не позабо-

[1]) Изъ хроники московскихъ пожаровъ въ XVIII в. слѣдуетъ еще отмѣтить пожаръ въ маѣ 1712 г., когда сгорѣли 9 монастырей, 86 церквей, 32 государевыхъ двора, 3491 дворъ разныхъ чиновъ людей. (Всего въ Москвѣ въ началѣ XVIII в. числилось до 16 тыс. дворовъ.) Въ 1737 г. 29 мая, въ самый Троицынъ день, произошелъ памятный пожаръ, отъ котораго пошла пословица: „Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчки“. При этомъ пожарѣ, дѣйствительно, начавшемся отъ свѣчки предъ иконой въ одномъ чуланѣ, выгорѣли Кремль, Китай-городъ, Бѣлый городъ, слободы: Басманная, Нѣмецкая и Лефортовская.

тился о реставраціи дворца, обгорѣлыя стѣны котораго, безъ оконъ и дверей, безъ половъ во внутреннихъ покояхъ, угрюмо темнѣли въ юго-западномъ углу Кремля. Лишь только къ коронаціи Екатерины въ 1724 г. Петръ подновилъ дворецъ, но не весь, а только двѣ палаты, Грановитую и Столовую, и жилой корпусъ Теремнаго дворца. Послѣ того дворецъ попрежнему былъ оставленъ въ запустѣніи; лишь тѣ же части его подновлялись къ слѣдующимъ коронаціямъ. На расчищенной пожаромъ 1701 г. кремлевской площади отъ Никольскихъ до Троицкихъ воротъ Петръ заложилъ обширное каменное зданіе „Оружейнаго дома“ или Цейхауза (нынѣшній арсеналъ). Цейхаузъ предназначался для склада оружія и воинскихъ трофеевъ, собранныхъ отовсюду изъ городовъ послѣ войнъ турецкой, польской и шведской. Начатый постройкой при Петрѣ арсеналъ былъ оконченъ только при Аннѣ Ивановнѣ. Страшный пожаръ 1737 г. еще болѣе ускорилъ разрушеніе старинныхъ дворцовыхъ построекъ. Имп. Анна, какъ указывалось выше, построила рядомъ съ арсеналомъ „Анненгофъ“, перенесенный затѣмъ на Яузу. Въ 1753 г. арх. Растрелли построилъ для имп. Елисаветы возлѣ Благовѣщенскаго собора новый Кремлевскій Зимній дворецъ, разобравъ для этого часть старыхъ дворцовыхъ зданій. Елисаветинскій дворецъ, расширенный новыми пристройками при Екатеринѣ II, просуществовалъ до сооруженія современнаго Больш. Кремлевскаго дворца. У Екатерины были грандіозные замыслы, при осуществленіи которыхъ внѣшній видъ Кремля измѣнился бы радикальнѣйшимъ образомъ. Съ цѣлью демонстрировать предъ Европой послѣ первой Ту-

рецкой войны финансовое благополучіе разоренной Россіи, въ 1773 г. былъ заложенъ колоссальный дворецъ; по плану арх. Баженова, онъ долженъ былъ охватить кругомъ весь Кремль. Хотя закладка сопровождалась большой торжественностью, но затѣя дальше этого не пошла. Серьезныя послѣдствія этого предпріятія выразились въ томъ, что для предполагаемаго дворца произведена была новая расчистка Кремля, уничтожившая, на ряду съ обветшалыми, еще достаточно прочные остатки старины. На южной сторонѣ разобранъ былъ длинный корпусъ приказовъ, зданіе Запаснаго дворца съ набережными дворцовыми садами, гдѣ прежде помѣщались хоромы Самозванца; подъ горой, у

Дворецъ въ Московскомъ Кремлѣ въ концѣ XVIII в. (Съ гравюры Дюрфельда.)

Видъ Кремлевскихъ строеній конца XVIII в.
(Съ гравюры Делабарта.)

ц. Константина и Елены, были снесены дворы соборнаго духовенства, затѣмъ — Тайницкая башня, которая, впрочемъ, нѣсколько позднѣе, когда выяснилась неосуществимость проекта, возстановлена въ прежнемъ видѣ. Въ то же время очищена была и другая сѣверо-восточная сторона Кремля, налѣво отъ Никольскихъ воротъ. Тамъ были снесены старыя палаты кн. Трубецкихъ, ц. Козьмы и Даміана, дворы духовенства. Здѣсь въ 1771 г. было заложено зданіе московскихъ департаментовъ Сената (нынѣ—зданія Судебныхъ установленій), оконченное въ 1785 г.

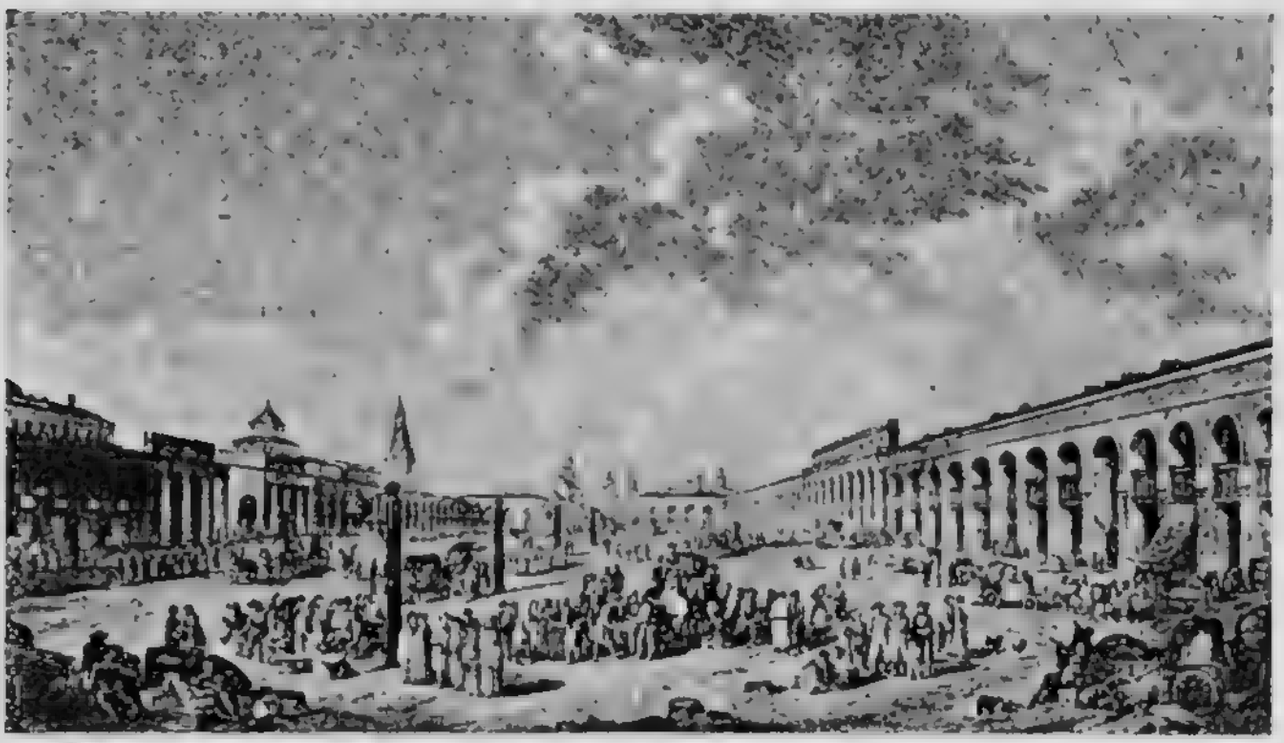
Такъ шелъ процессъ истребленія старыхъ построекъ Кремля, продолжавшійся и въ XIX в.

Сильно измѣнился при Екатеринѣ и видъ Китай-города съ Красной площадью и торговыми рядами. Обиліе мелкихъ лавокъ, торговыхъ палатокъ и ларей придавало главному московскому

торгу характеръ восточнаго базара. По планировкѣ Москвы 1775 г. было рѣшено расчистить площадь отъ мелкихъ торговыхъ помѣщеній, при чемъ въ 90-хъ гг. были сломаны два зданія стараго Гостинаго двора, на мѣстѣ которыхъ были заложены новыя зданія европейской архитектуры. Тогда же въ концѣ Ильинки былъ снесенъ старый Посольскій дворъ, ранѣе, при Петрѣ, превращенный въ фабрику.

Крупнымъ измѣненіемъ во внѣшнемъ видѣ Москвы въ XVIII ст. было исчезновеніе старыхъ стѣнъ, валовъ и рвовъ Бѣлаго и Земляного города и отчасти—Кремля и Китай-города. Первыя двѣ части города съ окружавшими ихъ нѣкогда слободами, слились, и мало кто различаетъ, гдѣ кончаются границы Бѣлаго, гдѣ начинаются и кончаются границы Земляного города. Не такъ было еще при Екатеринѣ II. По описанію земл.-поруч. Охтенскаго 1775 г. видно, что въ это время у кремлевской стѣны со стороны Красной площади былъ широкій, выстланный камнемъ ровъ, черезъ который были перекинуты мосты: каменный у Спасскихъ воротъ и деревянный у Никольскихъ;. вдоль-же западной кремлевской стѣны протекала рѣчка Неглинная, до начала XIX в. еще не введенная въ подземный каналъ; черезъ нее въ Кремль вели мосты: каменный у Троицкихъ воротъ и деревянный у Боровицкихъ. Такой же ровъ съ насыпнымъ землянымъ валомъ шелъ съ восточной стороны китай-городской стѣны, съ деревянными мостами у Ильинскихъ и Никольскихъ воротъ и—каменнымъ у Воскресенскихъ. Во время шведской войны, когда угрожало нападеніе на Москву со стороны Карла XII, стѣны Кремля и Китая-города были укрѣплены по всѣмъ

правиламъ фортификаціи, съ сооруженіемъ земляныхъ бастіоновъ. Стѣна Бѣлаго города, также съ валомъ и рвомъ, въ 1775 году существовала, но была уже въ ветхомъ состояніи; ворота — Пречистенскія, Арбатскія, Тверскія (у Страстн. мон.) и т. д. стояли еще въ цѣлости. Въ 70—80 гг. стѣна постепенно была разобрана, при чемъ послѣдними подверглись сломкѣ въ 1792 г. Арбат-



Красная площадь въ концѣ XVIII в. (Съ гравюры Делабарта.)

скія ворота; ровъ засыпали и валъ заровняли, и стали сажать на ихъ мѣстѣ „проспектомъ“ деревья (сначала были посажены березы); устройство бульваровъ по линіи прежней Бѣлгородской стѣны было закончено уже въ первой четверти XIX ст. Земляной городъ, по чертѣ нынѣшней Садовой ул., опоясывался земляным валомъ и рвомъ, черезъ которые шли ворота: Тріумфальныя деревянныя

(на пересѣченіи Садовой и Тверской ул., сохранившемъ и теперь, по старой памяти, это названіе), Срѣтенскія — Сухарева башня (постр. при Петрѣ Вел. въ честь Сухарева Стрѣлецкаго полка, оставшагося ему вѣрнымъ во время борьбы съ ц. Софьей), Красныя деревянныя, Серпуховскія и Калужскія. Земляной валъ не поддерживался и къ концу столѣтія сравнялся съ землей; изъ его воротъ уцѣлѣли Срѣтенскія — въ Сухаревой башнѣ и Красныя (каменныя со времени Елизаветы). Камеръ-коллежскій валъ кругомъ Москвы былъ устроенъ при Екатеринѣ II и имѣлъ не ворота, а заставы, числомъ болѣе 20.

Названіе „Бѣлокаменной“ далеко не вполнѣ еще соотвѣтствовало Москвѣ XVIII в. Несмотря на опустошительные пожары, дѣло каменнаго строительства подвигалось медленно. Начиная съ 1700 г. Петръ издаетъ цѣлый рядъ указовъ, запрещающихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ возводить деревянныя постройки и обязывающихъ строить каменные дома или, по крайней мѣрѣ, глиняныя мазанки. Въ 1712 г. этотъ указъ распространялся и на Бѣлый городъ, при чемъ за неисполненіе указа грозили, по жестокомъ наказаніи, лишеніемъ двора. Но каменныя постройки, по сравненію съ деревянными, обходились дорого, не хватало и умѣлыхъ каменщиковъ, въ особенности съ того времени, какъ Петръ принялъ чрезвычайныя мѣры для того, чтобы стянуть строительный матеріалъ и рабочія руки въ Петербургъ. Въ этихъ видахъ Петръ указомъ 1714 г. даже запретилъ производить каменныя работы во всемъ государствѣ. Указъ продержался въ силѣ до 1728 г. Къ концу вѣка (по даннымъ 1796 г.) въ Кремлѣ и Китай-городѣ

каменныя зданія составляли преобладающее количество построекъ, въ Бѣломъ городѣ ихъ было, приблизительно, на половину, а въ Земляномъ городѣ и за Земляным валомъ число ихъ опускалось до $^1/_5$ и менѣе. Наиболѣе распространеннымъ типомъ постройки были деревянные небольшіе до-

Видъ Яузскаго моста и дома Шапкина въ концѣ XVIII в. (Съ гравюры Делабарта).

мики съ садомъ и палисадникомъ, какіе и теперь еще изрѣдка можно встрѣтить на окраинѣ города. Въ болѣе центральныхъ частяхъ появляются барскіе каменные дома современной тогда европейской архитектуры, обращенные фасадомъ на улицу. Но и тутъ еще преобладаютъ обширные господскіе дворы съ множествомъ построекъ, раскинувшихся

наподобіе деревенской усадьбы. Попадается много незастроенныхъ мѣстъ и пустырей, въ особенности за Земляным валомъ, гдѣ территорія московскихъ предмѣстій носила официальное названіе „градской выгонной земли". На окраинѣ, конечно, не было и помину о какихъ-либо мостовыхъ. Въ Бѣломъ, Китай-городѣ и Кремлѣ экипажи тряслись по бревенчатой мостовой. Къ половинѣ XVIII в. только самыя большія проѣзжія улицы были замощены камнемъ. Грязь и неопрятность царили на улицахъ. Заброшенныя постройки, площади, пруды и рѣчки обращались въ свалки зловонныхъ нечистотъ. Такъ, наприм., рѣчка Неглинная, образовавшая на мѣстѣ Трубной площади болотное озеро, подъ стѣнами Кремля „превращалась въ настоящую клоаку". Въ отношеніи благоустройства, слѣдовательно, Москва до 70-хъ гг. XVIII ст. ушла недалеко отъ типа восточныхъ городовъ. Иностранцы, посѣщавшіе Москву въ этомъ столѣтіи, подтверждаютъ впечатлѣнія обманчивой ея внѣшности. Городъ, представлявшій причудливое сочетаніе каменныхъ и деревянныхъ построекъ, съ величественнымъ и своеобразнымъ Кремлемъ въ центрѣ,—златоглавыхъ церквей, зеленѣющихъ (лѣтомъ) садовъ, былъ весьма привлекателенъ издали, но вблизи разочаровывалъ вслѣдствіе вопіющихъ дефектовъ въ отношеніи благоустройства. Какъ извѣстно, при Екатеринѣ II, въ началѣ 70-хъ гг., Москва пережила страшное бѣдствіе въ видѣ чумы, свирѣпствовавшей болѣе $1\frac{1}{2}$ года и вызвавшей народный бунтъ. Составители „Опис. моровой язвы, бывшей въ столич. г. Москвѣ съ 1770 по 1772 г." объясняютъ необычайное распространеніе заразы отсутствіемъ санитарнаго надзора и неупорядоченностью городского

быта. Подъ впечатлѣніемъ грозныхъ событій въ 1775 г. былъ составленъ проектъ новаго плана Москвы, въ связи съ которымъ было приступлено къ проведенію мѣръ, имѣвшихъ крупное значеніе для городского благоустройства. Самыми важными изъ нихъ были устройство Водоотводнаго канала для защиты Замоскворѣчья отъ наводненій, урегулированіе р. Неглинной, введенной въ подземный каналъ, и сооруженіе городского водопровода для подачи чистой воды въ Москву изъ Мытищъ, законченное въ 1804 г.

Москва въ XIX-мъ и началѣ XX вѣка.

Е. Синегуба.

Москва на рубежѣ XVIII и XIX вв.

Москва на порогѣ XIX вѣка—единственный въ своемъ родѣ образецъ города-усадьбы, города-села. Знаменитыя „подмосковныя“, Юсуповское „Архангельское“, Панинское „Марѳино“, Голицынскіе „Кузминки“, Шереметевскія „Останкино“ и „Кусково“ и др., сохранившіяся донынѣ и составляющія такой выразительный контрастъ съ характеромъ современной Москвы, въ ту пору не составляли никакого контраста. Это были не болѣе какъ отколовшіяся части единаго и однороднаго цѣлаго, той совокупности слитыхъ воедино богатыхъ усадебъ и бѣдныхъ селъ, которыя назывались Москвою. Во внѣшнемъ обликѣ допожарной Москвы на каждомъ шагу бросались въ глаза всѣ особенности, всѣ контрасты, всѣ типическія черты дво-

рянско-крѣпостническаго холопскаго уклада, дворянская пышность и изысканность и деревенская бѣдность и незатѣйливость. Великолѣпные дворцы чередовались съ деревянными домишками, жалкими лачугами съ заваленками; лучшіе кварталы города сосѣдствовались съ обширными огородами. Хаотически перепутанныя улицы имѣли вполнѣ деревенскій видъ и ни въ малой мѣрѣ не претендовали на какое-либо щегольство; домашней птицѣ предоставлялась полная свобода полоскаться въ непросыхающихъ лужахъ. Посреди улицы нерѣдко высился колодезный журавль, куда съ ведрами на коромыслахъ сходились обывательницы околотка. Деревянные домики вытягивались обыкновенно сплошнымъ рядомъ, окнами на улицу, какъ на селѣ; барскіе дома, напротивъ, ставились въ глубинѣ обширныхъ дворовъ, за высокой оградой съ солидными воротами. Тѣнистый садъ, домовая церковь довершали впечатлѣніе барской усадьбы.

Бытъ московскій также носилъ на себѣ специфическій отпечатокъ деревенскаго помѣщичьяго житья, по-деревенски нестѣсненнаго, по-барски широкаго. Прямо на городскихъ площадяхъ устраивались конскіе бѣга и кулачные бои. Охотничьи садки, голубиные гоны были любимымъ развлеченіемъ московской знати, а глазѣнье на барскую забаву—любимой потѣхой демократической Москвы. Въ сущности, вся общественность цвѣтущаго періода дворянской Москвы исчерпывается разнообразными затѣями „пышной праздности“ и отмѣчена печатью тѣхъ нравовъ, какіе мы привыкли находить во всѣхъ описаніяхъ помѣстно-дворянскаго быта; только въ Москвѣ съ ея m-me Шальме и Кузнецкимъ Мостомъ самобытныя черты помѣ-

щичьяго самодурства своеобразно амальгамированы съ внѣшнимъ налетомъ европейской „образованности“. Несложная крѣпостническая сущность при этомъ оставалась нетронутой; она давала тонъ современной общественности, опредѣляла понятія и вкусы, устанавливала моральный и эстетическій критеріумъ. „Москва,—писалъ въ своихъ запискахъ Левшинъ,—удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать болѣе нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ходить изъ дома въ домъ“...

Отъ активной политической жизни Москва конца XVIII и начала XIX вѣка была на первый взглядъ далека. Верхи и соль ея общества составляли какъ разъ люди, закончившіе свою политическую карьеру (Остерманъ, гр. Орловъ, кн. Голицыны, Дашковы, Долгорукіе). Н. Г. Левшинъ называетъ Москву „всеобщимъ инвалиднымъ домомъ всѣхъ россійскихъ дворянъ“. Названіе болѣе остроумное, чѣмъ вѣрное. Политическій удѣльный вѣсъ этого города-деревни былъ громаденъ. „Порфироносная вдова“, надъ которой подшучивала юная столица, задавала тонъ всей политической жизни. Московская знать изъ своихъ дѣтей дѣлала гвардію, а роль гвардіи въ правительствѣ данной эпохи общеизвѣстна, московское „пышное бездѣйствіе“ было покоемъ, полнымъ сознанія своей соціальной силы.

Послѣ французскаго нашествія.

Страшный ударъ французскаго нашествія былъ направленъ, поистинѣ, въ самое сердце дворянской Россіи. Исторія Москвы въ XIX вѣкѣ начинается ея почти полнымъ уничтоженіемъ. Нашествіе оставило едва пятую часть города, изуродованные,

обгорѣлые, закопченные остатки. Когда въ октябрѣ 1812 года прибывшій въ Москву ген. Иловайскій выпустилъ объявленіе, начинавшееся словами „слава Богу, первопрестольный градъ очищенъ отъ враговъ“,—то, что оставалось отъ Москвы, мало походило на „градъ“. 250-тысячное населеніе города разбѣжалось. Изъ девяти съ лишнимъ тысячъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ осталось около двухъ съ половиной тысячъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ огромнаго пепелища. Нѣкоторыя части города, какъ Замоскворѣчье, Китай-городъ и значительная часть Бѣлаго, Знаменка, Воздвиженка, Никитская, Моховая, Охотный рядъ, Пречистенка, Тверская-Ямская, часть Срѣтенки—сгорѣли почти начисто; остальное было изувѣчено до неузнаваемости; все, пощаженное огнемъ, разорено до тла. О размѣрахъ матеріальныхъ потерь, понесенныхъ городомъ, можно судить по отдѣльнымъ цифрамъ, приведеннымъ въ книгѣ Никифорова. По „вѣдомостямъ“, представлявшимся потерпѣвшими въ Управу Благочинія, потери нѣкоторыхъ купцовъ были таковы. Купецъ Ценкеръ потерялъ колоніальнаго и москательнаго товара на 787.057 руб., Корзинкинъ—колоніальнаго товара на 388.542 руб., Лобковъ на 343.280 р., Кожевниковъ на 1 $^1/_2$ милліона, Абдуловъ на 373.180 руб., Боткины на 402.600 руб., Шестовы на 770.338 р. Огромныя потери понесло и московское дворянство. Толстые, напр., потеряли имущества на 200.900 р., графъ Головкинъ болѣе чѣмъ на 650.000 руб., кн. Засѣкина на 100.000 и т. д. Множество богатѣйшихъ дворцовъ сгорѣло, дорогая обстановка, масса предметовъ роскоши и произведеній искусства уничтожены.

Разореніе было слишкомъ велико, и естественно, что на нѣкоторое время Москва должна была, по выраженію Никифорова, „потерять свой прежній отпечатокъ". Но такъ какъ корни и стебель, на которомъ цвѣлъ этотъ махровый цвѣтокъ дворянской Россіи, остались неприкосновенны, то возстановленіе „прежняго отпечатка" было дѣломъ одного времени. И едва оправясь отъ страшнаго разгрома, Москва начинаетъ складываться по образу и подобію прежней, допожарной Москвы. „Съ нами,— писалъ вскорѣ послѣ ухода французовъ поэтъ Мерзляковъ,—совершаются чудеса божественныя... Топоръ стучитъ, кровли наводятся, цѣлые опустошенные переулки становятся попрежнему застроенными... Англійскій клубъ, противъ Страстного монастыря, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Благородное Собраніе, милостивая Государыня, также надѣется воскреснуть и для того сбираетъ теперь съ гг. членовъ деньги вдругъ за два годовыхъ билета... Антре теперь составляетъ половину желѣзной лавки, гдѣ торгуютъ замками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, а въ другой половинѣ съ пристройкой продаются сбитень и калачи. Боже мой! Это тамъ, гдѣ прежде самыя стѣны умилялись отъ нѣжныхъ прощаній, отъ сладостныхъ обѣтовъ будущаго свиданія..." Это „воскресеніе" изъ едва остывшихъ московскихъ развалинъ Благороднаго Собранія какъ нельзя болѣе характеризуетъ соціальную природу города. Любопытно сопоставить съ этимъ возрожденіемъ „прежняго отпечатка" Москвы энергическую фразу гр. Ростопчина, обращенную къ „крестьянамъ Московской Губерніи", заморившимъ голодомъ Наполеоновскую армію. Приглашая крестьянъ остерегаться неповиновенія,

Ростопчинъ напоминалъ: „вѣдь опять и капитанъ-исправникъ и засѣдатели на мѣстѣ“... Съ весны 1814 года въ Москвѣ возобновляются празднества, внѣшнимъ поводомъ для которыхъ служитъ отреченіе Наполеона. Государь жалуетъ 150.000 руб. на исправленіе дома Благороднаго Собранія. 14 мая М. А. Римская-Корсакова пишетъ сыну въ армію: „у насъ хотя Москва и обгорѣла до костей, но мы на радости не унываемъ, а торжествуемъ изъ послѣднихъ копеекъ... И каково же, что черезъ полтора года мы торжествуемъ тутъ, гдѣ французы тоже играли комедію, на Позняковомъ театрѣ! А 18-го будетъ славный праздникъ; дворяне собрались и каждый далъ что хотѣлъ, но меньше 200 не давали; собрали 25 тысячъ“. Сезоны 1814 и 1815 гг. были даже шумнѣе и веселѣе сезоновъ 1810 и 1811 годовъ; балъ слѣдовалъ за баломъ, а въ промежуткахъ всевозможные завтраки, катанья, дѣтскія утра и пр.

Разгромъ, разумѣется, долго давалъ себя чувствовать. Еще года два-три спустя, Москву будутъ сравнивать съ „красавицей послѣ тяжкой болѣзни, съ блѣдными ланитами, съ небрежными волосами, съ едва выступающимъ румянцемъ,—но врачи обѣщаютъ ей скорое и лучше прежняго здравіе“. Данныя, опредѣлявшія основную соціальную стихію города, остались тѣми же, и мало-по-малу на его физіономіи вполнѣ означаются прежнія, знакомыя черты. Къ началу 20-хъ годовъ Москва принимаетъ прежній обликъ чисто-дворянскаго, усадебнаго города съ тѣмъ же комплексомъ бытовыхъ особенностей, съ тѣмъ же кругомъ господствующихъ понятій, съ тѣмъ же содержаніемъ общественности. „Горе отъ ума“ даетъ намъ несравнен-

Видъ Кремля отъ Воспитательнаго Дома.
1825 г. (Съ рис. Кадолля.)

ную по своей яркости картину Москвы въ концѣ Александровскаго царствованія. Почти фотографическая вѣрность изображеній Грибоѣдова была признана сразу еще его современниками. Картины „Горя отъ ума“,—писалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (янв. 1825 г.) Полевой,—„списаны мастерской кистью“; одновременно съ этимъ А. А. Бестужевъ называетъ комедію „живой картиной московской жизни“. Мы видимъ, что многое въ этой картинѣ можетъ быть цѣликомъ перенесено ко временамъ допожарной и Екатерининской Москвы, мы узнаемъ здѣсь всѣ наиболѣе типическія черты общественнаго порядка, пропитаннаго насквозь патріархальнымъ, крѣпостническимъ духомъ; ни одной

новой, чуждой чертой не нарушена цѣльность общаго фона московской барско-холопской жизни. Страстные монологи Чацкаго не только рисуютъ передъ нами эти незабываемыя фигуры московскихъ „тузовъ“, что „разливаются въ пирахъ и мотовствѣ, великолѣпныя соорудя палаты“ или „сгоняютъ на крѣпостной балетъ на многихъ фурахъ отъ матерей, отцовъ оторженныхъ дѣтей“; по страстности этихъ монологовъ легко судить о трагической потерянности того перваго поколѣнія русской интеллигенціи, которое испытало на себѣ идейное вліяніе потрясшей Европу великой революціонной и Наполеоновской бури. Это вліяніе, какъ увидимъ далѣе, испытывалъ, конечно, не одинъ Чацкій, но покамѣстъ оно безнадежно терялось среди того, что Герценъ называлъ „vacuum horrendum высшаго русскаго общества, въ особенности московскаго“.

Москва въ Николаевскую эпоху.

Катастрофа 14 декабря 1825 года, однимъ взмахомъ сорвавшая первый цвѣтъ русской интеллигенціи, положила начало тридцатилѣтнему Николаевскому режиму. Все, что было застигнуто воцареніемъ Николая I, оказалось охвачено желѣзнымъ кольцомъ и внѣшне застыло, остановилось, окоченѣло. Неподвижно застываетъ на многіе годы и общественная физіономія Москвы. Широкія, общія картины, оставленныя современниками Николаевской Москвы, поражаютъ какъ своимъ взаимнымъ сходствомъ, такъ и отсутствіемъ рѣзкихъ различій съ соотвѣтственными картинами прежнихъ десятилѣтій. Общій фонъ, внѣшнія впечатлѣнія

московской жизни въ ея цѣломъ почти не измѣняются въ теченіе всей первой половины XIX вѣка.

Нѣсколько страницъ изъ очерковъ Вистенгофа, описывающаго Москву 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, дадутъ намъ яркое доказательство этой неизмѣнности общаго фона московской жизни. Попрежнему Москва чиновная переходитъ „къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера“; попрежнему Москва аристократическая „балы даетъ нельзя богаче отъ Рождества и до поста“; попрежнему этой праздной, шумной жизнью, немыслимой безъ обязательной предпосылки о пензенскихъ и тамбовскихъ душахъ, исчерпывается девять десятыхъ московской общественности. Усадьбой, деревней отдаютъ у Вистенгофа и описанія Гостинаго ряда въ Ѳоминъ понедѣльникъ, когда собирается сюда „вся Москва“ и дикія зазыванія купцовъ, крики, визги, споры и „даже отчаянное караулъ“ сливаются въ хаотическій гулъ,— такія описанія вызываютъ представленіе не столько о городѣ, сколько о деревнѣ въ большой ярмарочный день. Характеризуя торговую жизнь Москвы, Вистенгофъ находитъ, что въ этой области „народная дѣятельность съ каждымъ годомъ увеличивается, а съ нею увеличиваются и потребности жизни“; но тутъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что „большая часть лучшихъ процвѣтающихъ магазиновъ, такъ сказать, пріучившихъ къ себѣ покупателей, принадлежитъ иностранцамъ“. Собственно московская торговля носитъ на себѣ еще слишкомъ много этихъ примитивныхъ, азіатскихъ, ярмарочныхъ чертъ. Невысоко цѣнитъ Вистенгофъ и московскую обрабатывающую промышленность; и тутъ все, что есть лучшаго, должно быть отнесено на счетъ иностранцевъ. Лучшіе це-

ховые мастера—иностранцы, на русскаго мастера положиться нельзя. Если вамъ въ Москвѣ,—доброжелательно предупреждаетъ Вистенгофъ,—надобно сшить себѣ платье, не закажите его на Покровкѣ, за Москвой-рѣкой, въ Лефортовѣ... „Спѣшите на Кузнецкій Мостъ или Тверскую, адресуйтесь къ Занфтлебену, къ Сатіасу, Рено, Отто, Мюллеру, Тепферу, Люке. Если желаете имѣть хорошо обутую ногу, идите къ Брюно, Пиронету, къ Такке; ступайте за шляпою къ Тилю, Вандрагу, Юнкеру“... Бѣлье рекомендуется покупать также у иностранцевъ, мебель, кромѣ самой простой,—тоже. Вообще къ московской индустріи Вистенгофъ относится скептически, отдавая должное только мѣстнымъ экипажамъ, приспособленнымъ къ устрашающей московской мостовой... Пріемы московской торговли примитивны. У иностранца, напр., вы „обезпечены, что не передадите лишняго противъ товарища за одну и ту же вещь“; у москвича вы съ этой стороны не обезпечены. У иностранца вы встрѣтите образцовое „обхожденіе“, какимъ московскій торговецъ посѣтителя не балуетъ. Иностранецъ во всѣхъ своихъ операціяхъ тоньше, разсчетливѣе, дальновиднѣе, отдаетъ должное вопросу о „мѣстѣ“, гдѣ поставить магазинъ, тогда какъ москвичъ „охотно скребется на Покровку, за Москву-рѣку, въ Лефортово, гдѣ ближе вода и гдѣ живетъ его теща“... Иностранецъ умѣетъ блеснуть, москвичъ блистать не умѣетъ и не хочетъ.

Общественный вѣсъ московскаго торговаго сословія въ описываемую эпоху очень не великъ; бытъ купеческій замкнутъ и неподвиженъ; культура просачивается сюда каплями и съ великимъ трудомъ. Это въ полной мѣрѣ „темное царство“, занявшее

средину между царствомъ холопско-мужицкимъ и царствомъ барскимъ, порвавшее связи съ первымъ, но строго отграниченное отъ второго. Дворянство смотритъ на купца свысока, памятуя его мужицкую, недавно лишь разставшуюся съ тягломъ природу; представители купечества, поскольку имъ удается преодолѣть заповѣдь семейственной традиціи, стре-

Кузнецкій Мостъ въ 1839 г. (Изъ коллекцій Э. В. Готье).

мятся при первой возможности попасть „въ дворяне“, ради чего стараются получить образованіе и „пойти по штатской“. Просвѣщенность на первыхъ порахъ здѣсь вообще выражается въ подражаніи высшему сословію. Дочекъ въ иныхъ купеческихъ домахъ учатъ говорить по-французски, присѣдать, танцовать, вывозятъ въ Купеческое со-

браніе. Но въ цѣломъ московскій купеческій бытъ покоится на прочныхъ самобытныхъ основахъ; въ центрѣ стоитъ „самъ“, облеченный всею полнотой патріархальной отеческой и хозяйской власти, торгующій цѣлый день въ лавкѣ и рано укладывающійся спать, строго соблюдающій посты и не склонный къ излишнимъ умствованіямъ. Сословное и личное достоинство не идетъ далѣе желанія „форснуть“, тряхнуть мошной, устроить балъ съ трубачами и литаврами, съ шампанскимъ и битьемъ дорого стоющей посуды. Ни одного общественнаго дѣятеля не выдвинуло изъ себя московское купечество тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Люди, подобные бр. Боткинымъ, выдвинувшимся въ первые ряды московской интеллигенціи, не могутъ, конечно, считаться представителями сознательнаго купечества: это отщепенцы, бѣлыя вороны, цѣликомъ оторвавшіеся отъ своей среды и съ ногъ до головы ей чужіе.

Чтобы не возвращаться въ дальнѣйшемъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ дореформенной Москвы, сопоставимъ теперь же описанія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ аналогичными описаніями предреформеннаго десятилѣтія (50-е годы). Въ нашемъ распоряженіи имѣется для этого превосходный бытовой матеріалъ, появившійся недавно. Это воспоминанія г. Н. Василича, печатавшіяся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1911 г. [1]). Снова съ яркой рельефностью выступаетъ передъ нами то упорство, съ какимъ дореформенная Москва сохраняетъ свой общій культурно-бытовой обликъ.

---

[1]) Вышли отдѣльнымъ изданіемъ: Н. В. Давыдовъ „Изъ прошлаго“ М. 1913 г.—

Центральныя части Москвы въ Николаевское время до нѣкоторой степени европеизируются; является нѣсколько крупныхъ, даже грандіозныхъ сооруженій: Кремлевскій дворецъ, храмъ Христа Спасителя, Малый театръ, провіантскіе магазины на Остоженкѣ и др. Попрежнему величаво красуются старые барскіе особняки Екатерининской и Александровской эпохъ,—частью медленно разрушающіеся, частью занятые подъ „присутственныя мѣста", учебныя заведенія, больницы. Но вся громада города сохраняетъ свой характеръ большой деревни, осложненный нѣсколько развѣ лишь общимъ полицейскимъ колоритомъ Николаевской эпохи. Попрежнему тянутся нескончаемо-длинные заборы, пустыри, поросшіе травой, унылыя площади, чахлые, пыльные бульвары; попрежнему въ хаотическомъ безпорядкѣ улицъ, переулковъ и тупиковъ тѣснятся деревянные, не всегда оштукатуренные домишки. Теперь, по свидѣтельству г. Н. Василича, развѣ двѣ-три улицы въ Замоскворѣчьи напомнятъ нѣсколько видъ тогдашней Москвы. Освѣщеніе было жалкое. По ночамъ огромная часть города погружена была въ непроницаемую темень. „Грязи и навозу на улицахъ, особенно весною и осенью, было весьма достаточно, такъ что пѣшеходы теряли въ грязи калоши"... Уличная полиція, олицетворявшая общественный прогрессъ Николаевской эпохи, представляла собою, по описанію нашего автора, нѣчто въ своемъ родѣ замѣчательное. „Будочники были грязны, грубы и несвѣдущи; къ нимъ никто и не думалъ обращаться за справками, сознавая, что они лишь живыя пугала для злыхъ и для добрыхъ"... Иныя мѣстности Москвы пользовались дурною славой. „Я помню,— разсказываетъ

авторъ воспоминаній,— какъ иногда при наступленіи темноты, но даже еще не поздно вечеромъ, съ площади доносились крики: „караулъ, грабятъ“,— и отъ насъ болѣе храбрые выбѣгали на площадь, а менѣе мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко, но не трогаясь съ мѣста, возглашали: идемъ!..“

Московское купечество, какъ и въ предыдущія десятилѣтія, „не выдвигалось на арену общественной жизни; оно было замкнуто и существовало, ограничиваясь своими особыми духовными и матеріальными интересами, живя и торгуя по старинѣ, въ большинствѣ безъ какихъ-либо новшествъ, но умѣло и твердо накапливая богатства“... Общественность Москвы попрежнему опредѣляется подавляющей гегемоніей крѣпостническаго барства съ его идеологіей; заповѣдь сословности и заповѣдь непререкаемой власти — одна отъ старой барской традиціи, другая отъ Николаевскаго режима— таковы краеугольные камни московскаго „общественнаго мнѣнія“. „Масса населенія мало, а часто даже и вовсе неграмотная, не развитая, не считавшая сама себя полноправной частью общества, жила, обладая очень ограниченнымъ кругозоромъ, сосредоточивъ весь свой жизненный интересъ на мелочахъ хозяйства, торговли, ремесла, канцелярской службы, а въ качествѣ духовной пищи довольствуясь тѣмъ, что давалъ церковный обиходъ, чтеніемъ наивныхъ произведеній мѣстной народной литературы, мелкими сплетнями семейнаго или общественнаго (не далѣе своего квартала) характера или фантастической праздной болтовней на политическія и иныя темы“...

Умственное движеніе Николаевскаго времени.

Невообразимый, на всѣ стороны жизни распространявшійся гнетъ Николаевскаго царствованія сообщалъ всей жизни огромнаго города застойный, неподвижный характеръ. На протяженіи трехъ десятилѣтій культурный, духовный ростъ Москвы совершался скрытно, подъ спудомъ. Медленно и сокровенно, лишь частью выдаваясь на поверхность, шелъ этотъ процессъ накопленія потенціальныхъ силъ будущаго... Бореніе живой мысли, нѣкогда обрекшее Чацкаго на „мильонъ терзаній“ среди „страшной пустоты“ московскаго общества, никогда не замирало въ Москвѣ. Замыкаясь въ тѣсныхъ кружкахъ, живущихъ изолированной, оторванной и какъ будто „безпочвенной“ жизнью, нарастало и крѣпло умственное движеніе. Университетъ московскій въ Николаевское время, совпавшее съ крупными политическими событіями въ Европѣ и въ самой Россіи (14 декабря, іюльская революція, польское возстаніе, 48 годъ), былъ постояннымъ объектомъ „предохранительныхъ мѣръ“. Несмотря на это, благодатная культурно-общественная роль университета съ энтузіазмомъ отмѣчается лучшими изъ тогдашнихъ его питомцевъ. Университетъ въ эту опустошенную, застойную эпоху былъ истиннымъ очагомъ живой мысли, вліяніе котораго выходило далеко за академическія стѣны. Съ 30-хъ годовъ университетъ вступаетъ въ полосу умственнаго подъема. Растетъ качественно составъ ученой коллегіи, обогащаясь въ 1839 году такимъ свѣтиломъ разума и нравственной доблести, какъ Грановскій. Молодое поколѣніе, по словамъ К. Аксакова, все болѣе „слышитъ въ себѣ умственныя и нравствен-

ныя силы". Московскіе кружки 30-хъ и 40-хъ годовъ полагаютъ первыя прочныя основы будущей идеалистической интеллигенціи; достаточно назвать кружки Станкевича (ист. Строевъ, Красовъ, К. Аксаковъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, В. Боткинъ, Грановскій, отчасти Тургеневъ) и Герцена (Огаревъ, Н. Сазоновъ, переводчикъ Шекспира Н. М. Сатинъ, А. Н. Савичъ и др.). Въ этихъ кружкахъ объединялось, по выраженію Т. А. Пассекъ, „все, что содержалось идеально-прекраснаго въ той эпохѣ". Опредѣленныхъ задачъ здѣсь пока еще не было или онѣ формулировались очень широко. Мыслью Герценовскаго кружка было, напр., стремленіе создать „оппозицію" тремъ знаменитымъ догматамъ русской реакціонной политики. Дѣятельность кружковъ сосредоточивалась на пристальномъ изученіи литературы, наукъ, искусства, философіи и на выработкѣ „нравственныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ должно было привести общество къ жизни дѣйствительно человѣческой". Великое умственное и литературное движеніе конца сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, заключавшее въ своей сущности цѣлый комплексъ идей политической и соціальной эмансипаціи, въ значительной степени имѣло своимъ источникомъ дѣятельность московскихъ кружковъ. Опубликованныя недавно „Русской Мыслью" неизданныя письма Тургенева содержатъ въ себѣ опредѣленное признаніе того, чѣмъ обязанъ былъ авторъ „Записокъ охотника" своему знакомству со Станкевичемъ.

Въ московскихъ кружкахъ мало-по-малу слагались элементы новой общественной психологіи и новаго общественнаго мнѣнія. Скованная Николаевской цензурой печать стремилась, несмотря на

всѣ трудности, вынести умственное движеніе изъ тѣсноты групповой жизни на общественное поприще. Еще въ 1825 году, оказавшемся столь роковымъ для наиболѣе активной русской интеллигенціи, въ Москвѣ основывается знаменитый „Московскій Телеграфъ“ Николая Полевого,— первый русскій научно-литературный журналъ. „Среди мертвенной, безцвѣтной, жалкой журналистики этого времени, — писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій,— онъ былъ изумительнымъ явленіемъ; первая мысль, которую тотчасъ началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, была мысль о необходимости умственнаго движенія,— улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя“. Независимость и опредѣленность взглядовъ журнала навлекла на него подозрительное вниманіе администраціи, и въ 1834 году онъ былъ закрытъ за неодобрительный отзывъ о патріотической пьесѣ Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“... Вскорѣ послѣ „Московскаго Телеграфа“. погибаетъ возникшій въ 1831 г. „Телескопъ“, издававшійся Н. Надеждинымъ. Къ „Телескопу“ примыкали крупнѣйшія литературныя силы того времени, еще не успѣвшія развернуться на западничество и славянофильство: тутъ вмѣстѣ съ Погодинымъ, Хомяковымъ, Языковымъ, К. Аксаковымъ писали Бѣлинскій и Огаревъ. Принимали участіе въ журналѣ также Пушкинъ, Жуковскій, Загоскинъ, проф. Павловъ и др. Гибель журнала связана съ замѣчательнымъ эпизодомъ нашей умственной исторіи. Въ 1836 г. въ „Телескопѣ“ было напечатано знаменитое „философическое письмо“ Чаадаева. Это необычайное по силѣ громоваго негодованія письмо, отражавшее глубоко-мрачное воззрѣніе автора на весь ходъ

русской исторіи, отозвалось величайшимъ смятеніемъ въ обѣихъ столицахъ, въ особенности взволновало Москву. Послѣ геніальной комедіи Грибоѣдова не было событія, въ такой мѣрѣ потрясшаго застоявшееся болото дореформеннаго московскаго общества... Надеждинъ, напечатавшій письмо, былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, цензоръ, пропустившій статью, смѣщенъ, а авторъ, подобно Чацкому, объявленъ сумасшедшимъ.—„Телескопъ“ былъ литературной колыбелью Бѣлинскаго; здѣсь появились такія его статьи, какъ „Литературныя мечтанія“. Послѣ закрытія „Телескопа“ Бѣлинскій вскорѣ становится негласнымъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“, основаннаго въ 1835 г. и ведшагося вначалѣ въ „патріотическомъ“ духѣ. Бѣлинскій далъ „Московскому Наблюдателю“ новую жизнь, обративъ его въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

Съ начала 30-хъ годовъ интеллектуальная жизнь Москвы представлена еще однимъ теченіемъ, расцвѣтъ котораго наступилъ позднѣе, ознаменовавъ собою сороковые и пятидесятые годы. Славянофильство, зародившееся еще въ 20-хъ годахъ въ тѣсномъ кружкѣ нѣсколькихъ друзей (Хомяковъ, рано умершій Веневитиновъ, Кошелевъ, Ив. Кирѣевскій), вначалѣ пытается сосредоточиться около Погодинскаго „Московскаго Вѣстника“; со второй половины 40-хъ годовъ, при участіи уже бр. Аксаковыхъ, Самарина и Валуева, славянофилы начинаютъ издавать „Московскій литературный и ученый сборникъ“, запрещенный въ 1852 г. Славянофильское направленіе, вмѣстившее въ себѣ нѣсколько не всегда взаимно гармонирующихъ историческихъ, религіозныхъ и политическихъ идей,

проявило въ Москвѣ особенную живучесть благодаря своей своеобразной „самобытно-національной“ окраскѣ. Слѣды его чувствовались въ Москвѣ еще въ новѣйшія времена. Въ общемъ умственномъ движеніи Николаевской эпохи оно сыграло свою крупную роль. Въ жаркихъ схваткахъ между славянофилами и западниками, ареной для которыхъ служили въ 40-хъ годахъ салоны А. И. Елагиной и Свербеевыхъ, получала свѣжіе импульсы и развивалась умственная жизнь Москвы: мало-по-малу накоплялись элементы того общественнаго мнѣнія, которое должно было придти на смѣну „общественному мнѣнію“ Англійскаго клуба. Къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ,— говоритъ современникъ,— въ Москвѣ, въ общемъ консервативной, становилось все больше домовъ, гдѣ помимо французской, особенно распространенной литературы, читали и восхищались потихоньку Герценомъ, а открыто Тургеневымъ... Молодежь, наэлектризованная Грановскимъ, въ значительномъ большинствѣ была настроена либерально и рвалась къ осуществленію на дѣлѣ тѣхъ прогрессивныхъ и гуманныхъ положеній, съ которыми она знакомилась частью по лекціямъ болѣе просвѣщенныхъ профессоровъ, частью по книгамъ, всего же болѣе въ разнообразныхъ товарищескихъ кружкахъ“...

Послѣ великихъ реформъ.

Великія реформы и прежде всего отмѣна крѣпостного права и введеніе городского самоуправленія измѣнили радикальнѣйшимъ образомъ условія, опредѣлявшія экономическую и культурную жизнь Москвы. Съ этой поры деревенская, усадебная Мо-

сква безвозвратно уходитъ въ прошлое, стремительно формируясь въ законченный типъ современнаго большого города. Соціально-историческіе пути, по которымъ отнынѣ пойдетъ развитіе города,—въ основныхъ своихъ чертахъ тѣ самые пути, по которымъ оно идетъ и въ наше время.

Отмѣна крѣпостного права прежде всего освобождаетъ живую силу народнаго труда, а уродливое рѣшеніе земельнаго вопроса устремляетъ въ города избытокъ неустроенной землею крестьянской массы. Населеніе Москвы начинаетъ расти съ быстротой, совершенно неизвѣстной дореформенному времени. Напр. съ 1830 г. по 1864 г., за тридцать четыре года, населеніе Москвы увеличилось всего на 60 тысячъ человѣкъ; съ 1864 г. по 1871 г., т.-е. за *семь* лѣтъ оно возросло почти на 238 тыс. (364,148—601,969 ч.). Девять лѣтъ спустя въ 1882 г., однодневная перепись даетъ уже 754 тыс.; изъ этого числа 555 тыс. падаетъ на долю родившихся внѣ Москвы, т.-е. пришлаго элемента. Въ 1897 г. населенія уже около милліона. Такимъ образомъ въ теченіе трехъ первыхъ десятилѣтій послѣ освобожденія крестьянъ населеніе Москвы почти утроилось; эти цифры съ достаточной выразительностью иллюстрируютъ ту стремительность и мощь, съ какою росъ городъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ—Рязанской, Курской, Нижегородской, Брестской, Ярославской, экономическое значеніе Москвы, какъ центра огромнаго хозяйственнаго района, выступаетъ съ особенной яркостью и увеличивается съ каждымъ годомъ. Вся экономическая жизнь центральной Россіи и сѣвернаго Поволжья такъ или иначе тянетъ къ этому центру. Торговыя и фабрично-заводскія предпрія-

Кузнецкій Мостъ въ 1860-хъ годахъ.

тія растутъ съ каждымъ годомъ не только въ самой Москвѣ, но и въ Московской губерніи; при этомъ особенно интенсивное развитіе текстильной промышленности дѣлаетъ Москву поставщицей мануфактурныхъ издѣлій почти на всю Россію.

Огромному экономическому сдвигу, перестроившему соціальную природу Москвы, соотвѣтствуетъ колоссальный переломъ политическій и обще-культурный. Отошелъ въ прошлое тяготѣвшій надъ Россіей и сковывавшій ея творческія силы гнетъ Николаевскаго режима. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершается ломка всѣхъ сторонъ прежняго жизненнаго уклада. Осуществляется земское и городское самоуправленіе. Вводится новый университетскій уставъ, реформируются мужскія и открываются

женскія гимназіи, все образовательное дѣло демократизируется, и къ образованію привлекаются широкіе круги населенія. Въ общество разомъ вводится, по выраженію современника, „столько новыхъ элементовъ, не допускавшихся прежде и не имѣвшихъ права голоса“, что весь прежній, пропитанный крѣпостническими отношеніями и крѣпостническимъ духомъ жизненный строй измѣняется и осложняется до неузнаваемости.

Москва усадебная, живущая за счетъ пензенскихъ и тамбовскихъ душъ, быстро преобразуется въ Москву капиталистическую. На сцену выступаетъ новый могущественный классъ, успѣвшій въ тиши патріархальныхъ лабазовъ накопить огромную экономическую силу. Гегемонія изъ рукъ дворянства переходитъ къ торгово-промышленному сословію, сумѣвшему быстро и основательно использовать политическія и народно-хозяйственныя послѣдствія великой реформы. Пріобщенное къ гражданскимъ правамъ и демократизованному образованію, бывшее темное царство формируется въ городскую промышленную буржуазію въ европейскомъ значеніи этого слова. Соціальной гегемоніей новаго класса обусловливаются отнынѣ формы развитія Москвы со всѣми ихъ положительными и отрицательными сторонами.

Постепенно реформируемое городское самоуправленіе, организація котораго въ 1870 г. окончательно теряетъ сословный характеръ, вытѣсняемый имущественнымъ цензомъ, передаетъ въ руки купечества завѣдываніе городскими дѣлами. За немногими исключеніями всѣ выдающіеся дѣятели московскаго самоуправленія выходятъ изъ рядовъ купечества. Къ купечеству принадлежатъ почти всѣ

наиболѣе дѣятельные городскіе головы Москвы: С. М. Третьяковъ, Н. А. Алексѣевъ, К. В. Рукавишниковъ, Н. И. Гучковъ. Городское хозяйство расширяется съ каждымъ годомъ, увеличивается масштабъ муниципально-просвѣтительной дѣятельности, растетъ внѣшнее благоустройство города. Время управленія городскимъ хозяйствомъ Н. А. Алексѣева (1885—1893) принадлежитъ къ наиболѣе производительнымъ періодамъ въ хозяйственной дѣятельности муниципалитета. Въ этотъ періодъ самоуправленіе, опирающееся на мощный экономическій ростъ города, проявляетъ особенную интенсивность и полагаетъ основы цѣлому ряду крупныхъ городскихъ предпріятій; вводится канализація, водопроводъ, строятся городскія бойни, кладутся мостовыя; выстроено множество больницъ и новыхъ городскихъ училищъ. Въ этотъ періодъ возводятся такія огромныя зданія, какъ зданіе городской думы; приводятся въ порядокъ бульвары, разбиваются скверы на площадяхъ...

Общій характеръ московскаго муниципалитета при всей широтѣ и разносторонности его дѣятельности, вполнѣ, однако, обнаруживаетъ свою классовую, купеческую природу. Способы рѣшенія муниципальныхъ вопросовъ, какъ въ Алексѣевскія, такъ и въ значительно позднѣйшія времена, опредѣляются не столько началомъ общественности, сколько привычками безконтрольнаго и безотвѣтственнаго „домашняго“ хозяйствованія. Точно такъ же и заботы муниципалитета о развитіи городской жизни и благоустройства, при своемъ дѣловомъ и коммерческомъ характерѣ, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ интересы не широкихъ слоевъ населенія, а „города“, какъ широкаго хозяйственнаго предпріятія.

Общественныя тенденціи московскаго купечества находятъ свое выраженіе въ довольно широкой благотворительности. Если дворянская филантропія оставила Москвѣ такія крупныя общественныя учрежденія, какъ Шереметевская и Голицынская больницы, Румянцовскій музей и др., то купеческой благотворительности городъ обязанъ цѣлымъ рядомъ такихъ учрежденій. Назовемъ изъ нихъ нѣсколько крупнѣйшихъ: больницы Хлудовская, Морозовская, Бахрушинская, Алексѣевская, Солдатенковская, Канатчиковская, почти всѣ клиники, Солодовниковскіе дома дешевыхъ квартиръ и богадѣльни, Рукавишниковскій пріютъ, Медвѣдниковская гимназія, Шелапутинскій институтъ, Третьяковская картинная галлерея, Щукинскій музей и т. п.

Несмотря на быстрый ростъ и мощное экономическое развитіе, Москва со стороны внѣшне-бытовой до самаго недавняго времени сохраняла свои устойчивыя особенности. Описанія людей, помнящихъ Москву шестидесятыхъ, семидесятыхъ, восьмидесятыхъ и даже болѣе позднихъ годовъ, неизмѣнно пестрятъ картинами, въ которыхъ нетрудно узнать Москву Николаевскихъ временъ. Долго еще Москва остается классическимъ городомъ контрастовъ, поражающихъ ближайшимъ сосѣдствомъ огромныхъ зданій съ невзрачными уѣзднаго типа домишками, европейскихъ улицъ—съ патріархальными переулками, не тронутыми временемъ. Долго еще „городъ“ съ его кипучей „расхожей“ торговлей, съ его сундучными, москательными и иконными рядами, съ толкотней и гамомъ толпы, криками пирожниковъ и квасниковъ и назойливымъ приставаніемъ хозяйскихъ „молодцовъ“, — сохраняетъ ярко-своеобразный колоритъ азіатскаго рын-

ка... Только въ началѣ 90-хъ годовъ городское управленіе воспрещаетъ въ значительной части города постройку деревянныхъ зданій. Но еще лѣтъ 10—15 тому назадъ Москва, уже давно являющаяся богатѣйшимъ промышленнымъ городомъ и первокласснымъ умственнымъ центромъ, еще презрительно и не безъ нѣкотораго основанія величается петербуржцами „большой деревней".

Зато первое десятилѣтіе новаго вѣка полно стремительнаго внѣшняго переустройства Москвы. Растутъ, въ полномъ смыслѣ слова какъ грибы, четырехъ, пяти и шести-этажныя зданія, радикально измѣняющія физіономію самыхъ патріархальныхъ улицъ. Щегольской трамвай, вытѣснившій архаическую конку, пробирается въ самые глухія мѣстности и уничтожаетъ разстояніе между центромъ и окраинами. На окраинахъ заводятся отдѣленія лучшихъ торговыхъ фирмъ; наконецъ, улицы, блистающія витринами магазиновъ и электрическимъ свѣтомъ, пріобрѣтаютъ, если не вполнѣ европейскую, то нарядную и богатую внѣшность. Своеобразная физіономія первопрестольной столицы складывается мало по малу въ классическій типъ современнаго большого города...

Преобразованіе Москвы изъ помѣщичьяго, усадебнаго города въ первоклассный индустріальный центръ глубоко измѣняетъ соціально-политическую природу города. Мы видѣли уже, какими гигантскими скачками возростало послѣ реформъ населеніе Москвы. Какъ многообразное наслѣдіе реформъ, на историческое поприще выступаетъ множество новыхъ общественныхъ силъ; примитивная структура дореформеннаго общества смѣняется широкимъ разливомъ сложнѣйшей общественной жизни, волнуемой всѣмъ разнообразіемъ экономическихъ,

культурныхъ и политическихъ интересовъ. Быстро, въ прямой зависимости отъ стремительнаго индустріальнаго роста Москвы, накопляется въ ней многотысячная армія труда, и уже въ концѣ 60-хъ годовъ пресса отмѣчаетъ у насъ нарожденіе рабочаго вопроса. Такъ же быстро въ Москвѣ, вокругъ университета, вокругъ множества новыхъ школъ и просвѣтительныхъ учрежденій, вокругъ органовъ новаго суда и самоуправленія, вырастаетъ смѣнившій былые отдѣльные кружки многочисленный классъ интеллигенціи, настроенной въ огромномъ большинствѣ прогрессивно и демократически. Однако, въ противоположность быстрому торгово-промышленному и умственному расцвѣту Москвы, ея общественно-политическая жизнь съ конца 60-хъ годовъ снова вступаетъ въ полосу внѣшней приглушенности и видимаго застоя. Пышно распускается въ Москвѣ реакціонная дѣятельность Каткова, редактора „Моск. Вѣд.“. Пользуясь исключительнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, Катковъ воздвигаетъ на столбцахъ своей газеты ожесточенное гоненіе противъ всѣхъ прогрессивныхъ завоеваній русскаго общества. На нѣсколько лѣтъ офиціально-общественная Москва, выпущенная въ лицѣ Каткова на арену открытой дѣятельности, становится оплотомъ попятнаго движенія. Но навстрѣчу этому движенію идетъ объединеніе уже достаточно развившихся прогрессивныхъ общественныхъ силъ. Видная роль въ исторіи этого объединенія принадлежитъ лучшей и одной изъ старѣйшихъ русскихъ газетъ, народившейся въ Москвѣ именно въ это критическое время. Въ 1863 году основываются „Рус. Вѣд.“, мало по малу собирающія вокругъ себя цвѣтъ московской интеллигенціи и открыто становящіяся на стражѣ

новыхъ общественно-политическихъ идеаловъ. Въ 1873 г. сомкнувшаяся около газеты группа молодыхъ ученыхъ вырабатываетъ опредѣленную программу своей дѣятельности, намѣчаетъ пути къ осуществленію широкихъ соціально-политическихъ преобразованій и въ частности выдвигаетъ задачу „добиваться конституціи“. Эта программа въ ея цѣломъ, по выраженію одного изъ историковъ описываемой эпохи, „сдѣлала обширныя завоеванія во всѣхъ слояхъ русскаго общества и воплотилась въ широкомъ общественномъ движеніи, не сказавшемъ послѣдняго своего слова и въ наши дни“.

Девяностые годы, особенно вторая ихъ половина, ознаменованы значительнымъ подъемомъ общественнаго настроенія. Обостряется борьба за университетскую автономію, принявшая форму перманентныхъ студенческихъ волненій. Безпорядочное донынѣ рабочее движеніе, благодаря организующей дѣятельности „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, становится болѣе планомѣрнымъ и принимаетъ политическую окраску. Возникаетъ новое широкое земское движеніе, и Москва на цѣлое десятилѣтіе становится его центромъ. Почти всѣ земскіе съѣзды, сыгравшіе важную роль въ русскомъ освободительномъ движеніи, происходили въ Москвѣ.

Конецъ XIX-го и начало XX-го вѣка въ Москвѣ, какъ и въ остальной Россіи, были ознаменованы рядомъ крупныхъ общественно-политическихъ событій. Студенческая борьба за университетскую автономію, осложнившаяся чисто политическими лозунгами, земская организація, рабочее движеніе—все сливается въ одинъ широкій и мощный историческій потокъ, среди котораго особую роль Москвы приходилось бы выдѣлять чисто искусственно. Въ соотвѣтствіи со своимъ демократиче-

скимъ составомъ Москва внесла свою долю въ то грандіозное общенародное движеніе, результатомъ котораго былъ манифестъ 17 октября, положившій первыя основы конституціоннаго правопорядка.

Въ Москвѣ это движеніе, получившее колоссальный размахъ, заканчивается вооруженнымъ возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ началѣ декабря 1905 г. Три недѣли городъ, покрытый баррикадами, былъ ареной потрясающихъ событій. Возстаніе было съ большой жестокостью подавлено адмираломъ Дубасовымъ. Слѣды Дубасовскаго усмиренія до самаго недавняго времени сохранялись въ разныхъ частяхъ Москвы въ видѣ обгорѣлыхъ развалинъ зданій, разрушенныхъ артиллерійскими снарядами. Зданіе фабрики Шмидта (Прѣсня, Прудовая, 9) до сихъ поръ является живымъ памятникомъ этихъ бурныхъ и кровавыхъ дней, явившихся для Москвы гранью новой исторической эпохи.

Въ первый русскій парламентъ 1906 г. Москва посылаетъ четырехъ конституціоналистовъ-демократовъ и одного соціалиста-рабочаго; одинъ изъ представителей Москвы, С. А. Муромцевъ, занимаетъ постъ предсѣдателя первой Думы. Дальнѣйшее участіе Москвы въ народномъ представительствѣ таково. Во II-ю Думу Москва посылаетъ пятерыхъ представителей, принадлежащихъ къ к.-д. партіи. На выборахъ въ III-ю Думу сказывается вліяніе новаго избирательнаго закона 3 іюня, и Москва оказывается представленной въ Г. Думѣ двумя к.-демократами и двумя октябристами (А. И. Гучковъ и Н. Ѳ. Плевако). Послѣ смерти Плевако, избравшая его первая городская курія передаетъ мандатъ не октябристу, а „кадету“ Щепкину. Въ четвертой Думѣ представительство отъ Москвы снова сосредоточивается въ рукахъ к.-д. партіи.

Москва въ обзорахъ.

Кремль.

Е. Звягинцева.

Московскій Кремль во всей своей совокупности—огромный музей. Посѣщенія его — неизсякаемый источникъ историческихъ и художественныхъ переживаній.

Прекрасный общій видъ на Кремль открывается съ Б. Каменнаго моста, откуда и совѣтуемъ начать экскурсію (трамвай лит. А., №№ 3, 10, 13 и 18). Зубчатая щетина стѣнъ, рядъ суровыхъ башенъ, громада дворца, соборы, увѣнчанные „золотыми маковками",—все въ цѣломъ развертывается своеобразной картиной. Кремль расположенъ на холмѣ, возвышающемся до 20 саж. надъ уровнемъ Москвы-рѣки. Общее протяженіе стѣнъ Кремля—2 версты 40 саж. Башенъ—18; изъ нихъ 5 проѣздныхъ, т.-е. съ воротами, 10—глухихъ, безъ воротъ, и 3 круглыхъ угловыхъ. Проѣздныя—Боровицкая, Троицкая, Никольская, Спасская и Тайницкая. Одна изъ угловыхъ башенъ—Водовзводная, стройно высится передъ самой набережной, вся на виду у зрителя, стоящаго на мосту. Площадь всего Кремля около 25 десятинъ; она имѣетъ форму неправильнаго 3-хугольника; одна сторона 3-хугольника (южная)

примыкаетъ къ берегу Москва-рѣки, другая (восточная) къ Красной площади и третья (западная) къ Александровскому саду. Съ моста же видно впаденіе въ Москва-рѣку ея притока р. Неглинной. Теперь она заключена въ огромную каменную трубу, а когда-то широкой лентой окаймляла Кремлевскій холмъ, на мѣстѣ нынѣшней улицы Неглинной и Александровскаго сада.

Сойдемъ съ моста и отправимся этимъ садомъ въ самый Кремль, черезъ Боровицкія ворота. Рядомъ съ воротами—сторожевая десятиэтажная Боровицкая башня, въ видѣ ступенчатой пирамиды, 28 саж. высоты, оригинальной архитектуры (напоминаетъ Сумбекину башню въ Казани). Верхняя часть Боровицкой башни, какъ и у другихъ кремлевскихъ башенъ, менѣе древняго происхожденія, чѣмъ нижняя массивная часть. Главная толща нижней части башенъ конца XV вѣка, а верхняя часть конца XVII вѣка; мы не говоримъ о ремонтахъ и частичныхъ передѣлкахъ, которымъ не разъ подвергались кремлевскія башни; но въ основаніи своемъ ихъ верхи высятся надъ стѣнами третье столѣтіе, между тѣмъ массивные нижніе этажи живутъ пятое столѣтіе, такъ какъ остались отъ строительства Ивана III. Верхушки надстроены для украшенія царской крѣпости, между тѣмъ какъ постройка нижнихъ массивовъ была необходимо нужна для защиты отъ врага. Всмотритесь, и вы увидите явные слѣды этого назначенія; бойницы, т.-е. отверстія для стрѣлы или ружейнаго дула; стрѣльницы для метательныхъ орудій и пушекъ; на наружной стѣнѣ воротъ до сихъ поръ остались щели для цѣпей подъемнаго моста черезъ Неглинную; въ потолкѣ Боровицкихъ воротъ про-

дольная щель и теперь напоминаетъ объ опускной металлической рѣшеткѣ, которая во всякую минуту непріятельскаго штурма могла быть сверху спущена на врага; самая массивность (периметръ основанія 25 саж.) Боровицкой башни переноситъ воображеніе въ сѣдую старину, когда великій московскій князь возводилъ свои твердыни на мѣстѣ древняго „бора". А Спасская, Троицкая, Тайницкая и Никольская башни еще выше и массивнѣе, чѣмъ Боровицкая. Три вершины кремлевскаго трехугольника защищены башнями: Беклемишевской-Свибловой (на южной сторонѣ Кремля, ближе къ Москворѣцкому мосту), Водовзводной (на той же сторонѣ, ближе къ Каменному) и Собакиной (угловой Арсенальной, къ Историческому музею)—эти башни круглыя; подвергаясь по своему положенію атакѣ и обстрѣлу съ двухъ сторонъ, онѣ должны были быть построены иначе, чѣмъ остальныя; отсюда ихъ круглая форма. Всѣ башни Кремля расположены другъ отъ друга на такомъ разстояніи, чтобы можно было обезпечить каждую часть стѣны защитой отъ нападающаго непріятеля. Самыя стѣны не вытянуты въ прямую линію: онѣ воздвигнуты изломами; сдѣлано это для того, чтобы съ каждой стрѣльницы былъ виденъ рядъ сосѣднихъ, а не только одна ближайшая, чтобы защитники стѣнъ не были изолированы другъ отъ друга. Многое живо теперь говоритъ о былomъ военномъ значеніи Кремля; но еще больше слѣдовъ сметено. Нѣтъ, напр., слѣдовъ того огромнаго наполненнаго водой рва, канала, который въ XVI—XVII вв. дѣлалъ неприступной восточную сторону Кремля, т.-е. со стороны Красной площади; нѣтъ второй стѣны, бывшей съ южной стороны ближе къ Москва-рѣкѣ. Нѣтъ внутренней кремлев-

ской стѣны, тянувшейся отъ Боровицкихъ воротъ поперекъ Кремля въ восточномъ направленіи; нѣтъ многаго другого.

Въ Боровицкой башнѣ помѣщается теперь алтарь Рождества Іоанна Предтечи, первой по времени церкви въ Кремлѣ. Храмъ существовалъ до 1847 г. и стоялъ въ Кремлѣ недалеко, шагахъ въ 120—150, отъ Боровицкихъ воротъ по направленію къ дворцу. Это была древнѣйшая святыня, единственная когда-то церковь московскихъ удѣльныхъ князей (сначала деревянная, съ XV в. каменная). Въ свое время она воздвигнута въ центрѣ Кремля,—такъ малъ былъ московскій городокъ въ XII—XIII вв., около $^1/_3$ современнаго Кремля. Около этой церкви стояли и княжескій деревянный дворецъ, а впослѣдствіи и митрополичьи покои. Изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени старинныхъ храмовъ самымъ древнимъ является ц. Спаса Преображенія на Бору. Она находится во дворѣ Большого дворца; ходъ—съ Императорской площади, черезъ желѣзныя рѣшетчатыя ворота, осмотръ экскурсантамъ свободный. Боковые придѣлы церкви—позднѣйшей постройки; главный же храмъ XIV в.; ранѣе онъ былъ деревяннымъ. По своимъ размѣрамъ соборъ Спаса на Бору—рѣзкій контрастъ передъ громадой императорскаго дворца или передъ величіемъ, напр., храма Христа Спасителя. Его небольшіе размѣры какъ бы символизируютъ скромную власть московскихъ князей XIV вѣка по сравненію съ властью ихъ преемниковъ, соорудившихъ обширные соборы Успенскій и Покровскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ каменный соборъ Спаса на Бору указываетъ на относительное богатство княжеской казны Ивана Калиты, начавшаго обстраивать свой городъ каменными

церквами, по примѣру великихъ князей владимірскихъ. Церковь Спаса на Бору XIV в. сначала была монастыремъ; впослѣдствіи братія переведена за городъ въ Новоспасскій монастырь; теперь она считается соборной, „придворнымъ соборомъ". Здѣсь покоятся мощи св. Стефана Пермскаго, просвѣтителя зырянъ.

Изъ ц. Спаса на Бору слѣдуетъ отправиться въ Успенскій соборъ, главнѣйшую святыню Кремля, Москвы и всей Великороссіи. Основанъ онъ почти одновременно съ ц. Спаса на Бору митрополитомъ Петромъ и в. к. Иваномъ Калитою, а потомъ сталъ предметомъ особыхъ заботъ всѣхъ послѣдующихъ представителей какъ духовной, такъ и свѣтской власти Москвы. Въ 70-хъ годахъ XV вѣка при Иванѣ III Успенскій соборъ сгорѣлъ и былъ построенъ заново итальянцемъ Аристотелемъ Фіоравенти, примѣнительно къ архитектурѣ Успенскаго собора въ г. Владимірѣ; для своего времени это была церковь огромная, „чудна вельми величествомъ, и высотою, и пространствомъ", да и для нашего времени это церковь—обширная, внушительная снаружи. Внутри же Успенскій соборъ является средоточіемъ православныхъ святынь и реликвій, связанныхъ съ исторіей возвышенія Москвы и власти ея государей. Здѣсь гробницы митрополитовъ и патріарховъ; здѣсь мощи св. митрополитовъ Петра, Іоны, Филиппа и патріарха Гермогена. Здѣсь въ иконостасѣ нѣсколько иконъ, напоминающихъ о главныхъ этапахъ роста московскаго единодержавія: икона Владимірской Божіей Матери, перенесенная въ Москву изъ бывшаго стольнаго города въ концѣ XIV вѣка (слѣва отъ царскихъ вратъ главнаго алтаря); это древнѣйшая

святыня собора; икона Всемилостиваго Спаса, греческаго письма, перевезенная изъ Новгорода послѣ его покоренія Москвой въ концѣ XV вѣка; иконы Псковской Божіей Матери (въ лѣвомъ придѣлѣ) и Смоленской Б. М. (въ правомъ придѣлѣ) свидѣтельствуютъ о побѣдѣ Москвы надъ Псковомъ и отобраніи Смоленска у Литвы (XVI в.); есть еще иконы, связанныя съ разными историческими событіями. У южныхъ дверей надѣты такъ наз. „Корсунскія ворота"; на нихъ можно различить остатки росписи золотомъ по мѣднымъ листамъ; сюжеты росписи отчасти христіанскіе, отчасти заимствованы изъ греческой миѳологіи; эти ворота, приписываемыя св. Владиміру, привезены изъ Суздаля. У праваго передняго столпа, поддерживающаго своды храма, осталось древнее „патріаршее" мѣсто, общитое малиновымъ бархатомъ, съ шатромъ; тутъ стоитъ посохъ (изъ чернаго дерева) святого Петра, основавшаго соборъ и начавшаго собою рядъ іерарховъ — помощниковъ московскихъ князей. Противъ южныхъ дверей деревянное великокняжеское мѣсто, такъ называемый Мономаховъ тронъ, съ вырѣзанными по дереву сценами изъ исторіи пересылки царскаго вѣнца и бармъ изъ Греціи Владиміру Мономаху; на самомъ дѣлѣ это царское мѣсто Ивана Грознаго; по художественности рѣзьбы — одинъ изъ лучшихъ памятниковъ XVI в. [1]). Въ лѣвомъ придѣлѣ, гдѣ находятся мощи св. Петра, въ особыхъ ковчегахъ хранятся святыни, которыя также сообщали Успенскому собору особую цѣнность въ глазахъ народа: часть ризы Господней, одинъ изъ гвоздей, которы-

[1]) Копія въ М. Историч. музеѣ.

ми Спаситель былъ пригвожденъ къ кресту, часть ризы Богоматери, часть мощей св. Владиміра, правая рука и локоть апостола Андрея Первозваннаго, глава Григорія Богослова и друг.

Своимъ величіемъ снаружи, своими святынями и реликвіями внутри Успенскій соборъ долженъ былъ внушать всѣмъ молящимся мысль о власти московскаго государя всея Руси, о власти, освященной авторитетомъ церкви и традиціи. И донынѣ русскіе государи вѣнчаются на царство въ Успенскомъ соборѣ. Это—первенствующій русскій храмъ.

Архангельскій соборъ построенъ въ началѣ XVI вѣка итальянцемъ Алевизомъ, на мѣстѣ ранѣе бывшаго, построеннаго Калитою и показавшагося его преемникамъ слишкомъ тѣснымъ. Это усыпальница московскихъ князей и царей, отъ Калиты до Ивана Алексѣевича, брата Петра I. Ихъ гробницы расположены вдоль стѣнъ и у столповъ, снабжены надписями. Въ правомъ придѣлѣ—гробницы Ивана Грознаго, убитаго имъ сына Ивана и послѣдняго царя Рюриковича Ѳедора. Изъ императоровъ здѣсь погребенъ Петръ II. У праваго передняго столба гробница Дмитрія царевича, у другого столба гробница св. кн. Михаила Черниговскаго и боярина Ѳедора, замученныхъ въ Ордѣ.

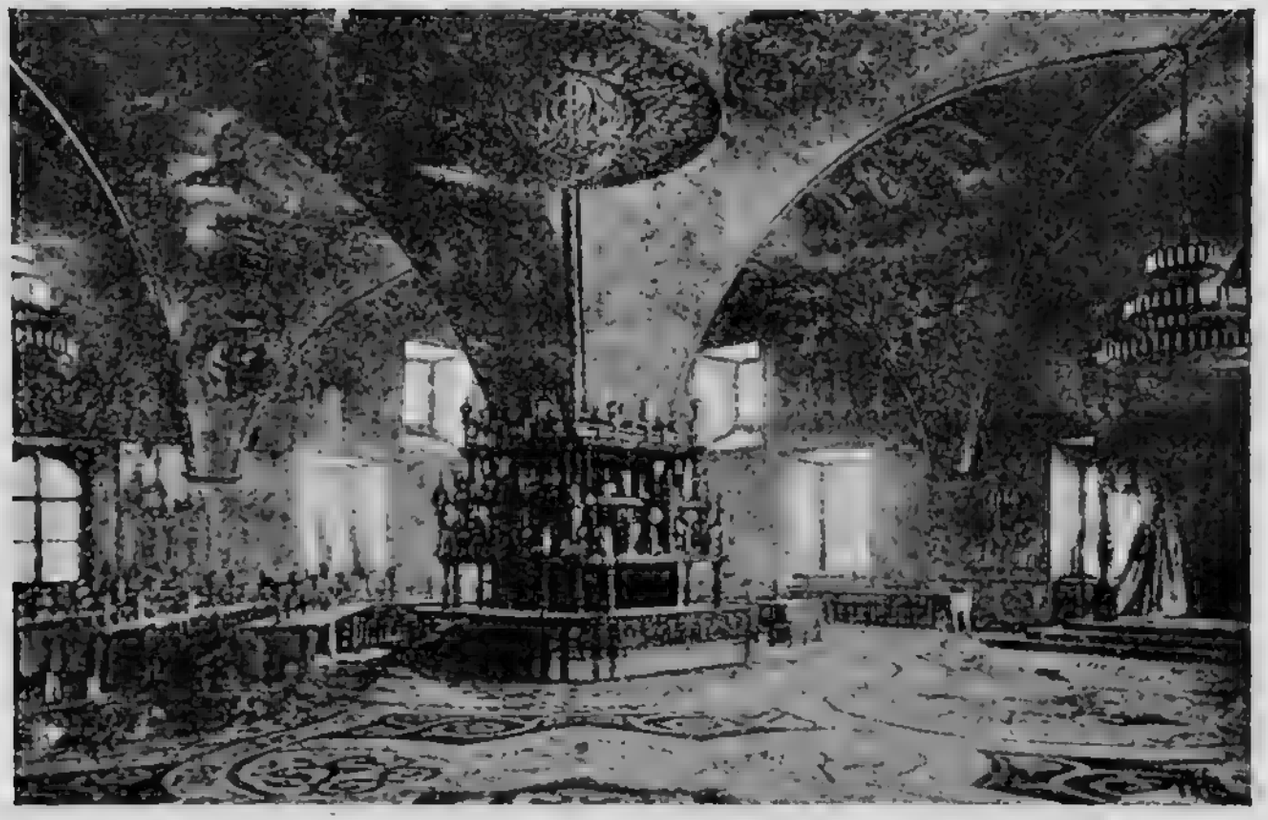
Противъ Архангельскаго собора, къ западу, девятиглавый Благовѣщенскій, первоначально построенный въ концѣ XIV вѣка, а черезъ столѣтіе заново сооруженный псковскими мастерами. Это соборная церковь при государевомъ дворѣ, соединенная и теперь съ дворцомъ крытымъ переходомъ. Въ архитектурномъ и художественномъ отношеніи представляетъ большой интересъ. Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы имѣютъ одну об-

щую колокольню Ивана Великаго (37 саж.)—грандіозное сооруженіе Бориса Годунова; въ нижнемъ этажѣ колокольни—церковь Іоанна Лѣствичника, XIV вѣка. Слѣва колокольни—„Филаретовская“ пристройка, въ которой висятъ наиболѣе тяжелые колокола; изъ нихъ самый большой Успенскій—въ 4000 пуд., въ него звонятъ лишь въ важнѣйшіе праздники. У Ивана Великаго съ внѣшней стороны стоитъ царь-колоколъ, никогда не звонившій, но неперестающій до сихъ поръ изумлять размѣрами (около 12 тыс. пудовъ) посѣтителей Кремля.

Противъ Ивановской колокольни на площадь выходитъ знаменитая Грановитая палата, а рядомъ съ ней спускается изъ дворца широкая лѣстница и Красное крыльцо. Направо отъ Грановитой палаты, противъ входа въ Успенскій соборъ высятся многочисленныя золотыя маковки Верхо-Спасскаго собора, домашней церкви московскихъ царей. Въ цѣломъ своемъ площадь, образуемая соборами и дворцомъ, осѣненная Иваномъ Великимъ, живо повѣствуетъ о многихъ событіяхъ русской исторіи XV—XVII вв.

Большой Кремлевскій дворецъ съ теремами можно осматривать по билетамъ, выдаваемымъ безплатно въ канцеляріи дворцоваго полицеймейстера, по вторникамъ, четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ, съ 10 до 2 час. дня. Осматривающимъ даютъ поясненія служители дворца. Императорскій дворецъ, построенный имп. Николаемъ I, долженъ являть собою „скрижаль или каменную книгу, въ которой можно читать и величіе настоящаго, и чтимую память прошедшаго, и назиданіе для будущаго“.

Все отъ парадныхъ сѣней и до переходовъ въ старинные терема роскошно. Нѣсколько залъ, устроенныхъ въ честь главныхъ русскихъ орденовъ св. Георгія, Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго, Екатерины и Владиміра, своими размѣрами, обстановкой, колоннами, картинами, статуями и лѣпными изображеніями должны внушать посѣтителю мысль о военной мощи и государственномъ величіи русскаго государя и его ближайшихъ слугъ. Особенно замѣчательна огромная бѣлая Георгіевская зала; въ ней можетъ помѣститься 3 тыс. человѣкъ. По сторонамъ 18 витыхъ колоннъ съ капителями, увѣнчанными статуями побѣдъ, завоеваній и присоединеній Перми, Вятки, Казани, Золотой Орды, Малороссіи, Арменіи и друг. На стѣнахъ мраморныя доски съ фамиліями георгіевскихъ кавалеровъ. Некрашеный паркетный полъ сдѣланъ изъ дерева болѣе чѣмъ 20 разныхъ породъ; мебель вся обита шелковой матеріей цвѣтовъ Георгіевской ленты. Поразительный контрастъ съ пышностью этой и другихъ залъ Большого дворца представляютъ древнія палаты—Золотая царицына, Грановитая и терема. Царицына палата, наиболѣе сохранившаяся часть древняго дворца московскихъ царей, построена въ концѣ XVI вѣка, была пріемной царицъ. Старинные своды, характерныя окна, стѣнная живопись, чугунныя люстры,—все уноситъ мысль посѣтителя къ отдаленной отъ насъ эпохѣ за три вѣка до настоящаго момента. Еще болѣе древняя—Грановитая палата; построена при Іоаннѣ III итальянскими зодчими. Здѣсь происходили церемоніи, пріемъ царями пословъ, земскіе соборы и торжественные пиры. Императорскій тронъ на прежнемъ царскомъ мѣстѣ. Вдоль стѣнъ палаты



Грановитая палата.

тянутся лавки, покрытыя разноцвѣтной матеріей. Посреди, вокругъ четырехграннаго столба, поставецъ съ полками для цѣнной посуды. На полу великолѣпный коверъ. Четыре бронзовыхъ люстры. По стѣнамъ реставрированная въ 1882 г. живопись времени ц. Ѳедора Іоанновича (на темы о праведномъ и неправедномъ судіи). Теремной дворецъ представляетъ собой, и внутри и снаружи, интереснѣйшій образецъ древнихъ жилищъ князей и бояръ. Построенъ при ц. Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и реставрированъ въ XIX вѣкѣ. Онъ 5-ти этажный, но для посѣтителей доступенъ главнымъ образомъ 4-й этажъ: палаты трапезная, думная, престольная, опочивальня и крестовая палата. Эти маленькія и низенькія комнаты устроены, отдѣланы и украшены чрезвычайно непохоже на только что осмотрѣнныя

залы Большого дворца; здѣсь вы невольно чувствуете себя обвѣяннымъ иными тѣнями, иной эпохой...

Изъ дворца слѣдуетъ черезъ Императорскую площадь пройти на единственную въ Кремлѣ улицу Александровскую. Здѣсь, налѣво, между Оружейной палатой и Троицкими воротами стоитъ бывшій Потѣшный дворецъ своеобразной архитектуры; теперь это комендантскій домъ. Изъ Александровской улицы вы вступаете на Сенатскую площадь. Налѣво—длинное зданіе арсенала; вдоль его стѣнъ, на пьедесталѣ выставлены пушки—трофеи 1812 г., всѣхъ ихъ 875. Направо Кремлевскія казармы, по фасаду которыхъ разставлены памятники древняго литейнаго дѣла—20 пушекъ и между ними знаменитая Царь-пушка конца XVI (2.400 п.), а также мортира Лжедмитрія I. Противъ арсенала нахо-

Кремлевскій теремъ. Тронный залъ.

дится зданіе судебныхъ установленій, прекрасное сооруженіе Екатерининской эпохи, съ замѣчательной круглой Екатерининской залой (въ неприсутственные дни можно осмотрѣть). Зданіе построено М. Ф. Казаковымъ. Ему же принадлежитъ Малый Кремлевскій или Николаевскій дворецъ, за Чудовымъ монастыремъ, противъ памятника имп. Александру II. За Николаевскимъ дворцомъ женскій Вознесенскій монастырь (о немъ и о Чудовѣ монастырѣ см. въ статьѣ о монастыряхъ).

Съ галлереи памятника Александра II можно любоваться хорошимъ видомъ на Замоскворѣчье; отсюда же хорошо видна вся южная сторона Кремлевскихъ стѣнъ съ 7 башнями, а также нижняя засаженная деревьями часть Кремля, такъ наз. подолъ; онъ тянется отъ самыхъ Боровицкихъ до Спасскихъ воротъ. На подолѣ стоитъ небольшая церковь св. Константина и Елены; отъ нея получила названіе одна изъ башенъ Константиноеленовская; въ ней когда-то помѣщался разбойный приказъ и къ ней примыкалъ страшный „застѣнокъ“; раньше въ этой башнѣ были „Тимофеевскія“ ворота.

Отъ памятника направимся къ Спасскимъ воротамъ и выйдемъ на Красную площадь. Если мы пойдемъ налѣво вдоль стѣны, мимо Никольской башни, черезъ Забѣлинскій проѣздъ, обогнемъ круглую угловую башню, то садомъ достигнемъ Троицкихъ воротъ и моста, единственнаго моста, оставшагося черезъ р. Неглинную. Слѣдующія ворота— Боровицкія, черезъ которыя мы вошли въ Кремль. Этимъ мы и закончимъ нашу прогулку по Кремлю.

Оружейная палата.

Е. Звягинцева.

(Въ Кремлѣ, близъ Боровицкихъ воротъ.)

Билеты выдаются въ канцеляріи дворцоваго полицеймейстера. Для посѣтителей открыта по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, 10 — 2 час. дня. Кромѣ того, для группъ учащихся и экскурсантовъ открыта по воскресеньямъ, 1 — $2^1/_2$ час. дня. Для иногородныхъ экскурсій можетъ быть открыта и въ иные дни, но объ этомъ слѣдуетъ заблаговременно списаться съ московскимъ дворцовымъ управленіемъ.

При выдачѣ входныхъ билетовъ въ канцеляріи могутъ спросить паспортъ или удостовѣреніе личности.

Съ конца XV вѣка оружіе, кромѣ своего непосредственнаго назначенія, стало почетной наградой, „жалованьемъ“ вѣрныхъ слугъ вел. кн. московскаго. Изготовленіе параднаго и жалованнаго оружія требовало не только мастерства, но и художественнаго вкуса и искусства. Въ XVI в. при великокняжескомъ дворѣ создается спеціальная мастерская „Оружничья палата“,— съ теченіемъ времени она развивается въ „Оружейный приказъ“, съ нѣсколькими художественными мастерскими и запасными хранилищами наиболѣе удачно сработанныхъ въ Москвѣ предметовъ и присланныхъ изъза границы цѣнныхъ подарковъ. Въ XVI—XVII вв. Приказъ былъ своего рода центромъ русскаго искусства. Но при Петрѣ I положеніе дѣла измѣнилось; Приказъ былъ уничтоженъ, цѣнные склады оказались въ пренебреженіи, развитіе московскаго искусства было прервано. Значительная часть сокровищъ Ор. Приказа погибла. Только въ половинѣ XIX вѣка изъ остатковъ имущества бывшаго Ору-

жейнаго Приказа въ особомъ помѣщеніи былъ созданъ тотъ придворный музей, который теперь извѣстенъ подъ именемъ Оружейной Палаты.

Въ общемъ Оружейная палата—обширное и богатое собраніе предметовъ, относящихся по преимуществу къ XV—XVIII вѣкамъ и характеризующихъ военный и дворцовый бытъ въ прошломъ. Здѣсь можно видѣть чрезвычайно цѣнныя и показательныя коллекціи оружія, костюмовъ, утвари и царскихъ регалій.

Всѣ предметы Оружейной палаты размѣщены въ двухъ этажахъ. Осмотръ удобнѣе начинать съ верхняго, гдѣ для публики открыты 4 залы—бронная, оружейная, трофейная и серебряная.

Первая—бронная—зала всей совокупностью своихъ коллекцій сразу переноситъ воображеніе посѣтителя въ жуткое средневѣковье, съ его безпрерывными войнами и ратнымъ боемъ, съ его холоднымъ, рѣжущимъ и колющимъ оружіемъ, съ защитными кольчугами и шлемами. Здѣсь все—оружіе и предметы, бывшіе когда-то въ употребленіи у русскихъ князей, полководцевъ и воиновъ, но многое сработано иностранными мастерами или прислано въ Москву въ видѣ подарковъ изъ-за границы. Мисюрки (низкіе шлемы) и зерцала (досчатая броня) московскихъ бронниковъ, шлемы итальянской работы, голландскіе латы, персидскіе шишаки [1]), щиты „цареградскаго дѣла“, личины монгольскія—все въ бронной залѣ пріобщаетъ васъ къ эпохѣ, когда-то пережитой Восточной и Западной Европой, къ эпохѣ рыцарскихъ замковъ

---

[1]) Шлемы, у которыхъ верхняя часть вытянута трубкой и оканчивается яблокомъ.

и русскихъ кремлей, зерцальнаго доспѣха и булатной рогатины. Со стѣнъ смотритъ то самое оружіе, какимъ въ ту эпоху сражались: ножи, луки и стрѣлы, бердыши, сабельныя полосы и т. п.

Вотъ передъ вами фигура (слѣва отъ входа, т. 8) нѣмецкаго рыцаря на конѣ, въ полномъ доспѣхѣ, присланномъ царю Ѳедору Іоанновичу польскимъ королемъ. Желѣзная одежда покрываетъ всего всадника и коня. Одежда не сшитая, а скованная и свинченная изъ стальныхъ пластинокъ, тяжелая, неуклюжая; рыцарю ни одѣться, ни взлѣсть на коня безъ посторонней помощи нельзя. Одежда дорогая,—нужно быть богатымъ, чтобы ее имѣть. Надежная защита,—можно въ ней не бояться сабельныхъ ударовъ и мечей.

Рядомъ съ рыцаремъ (справа отъ входа, т. 7) мы видимъ другого внушительнаго всадника. Онъ—въ вооруженіи московскаго воеводы XVII вѣка. Шапка - ерихонка, панцырь - востроГвоздь въ полпуда вѣсомъ, зерцала (30 фунтовъ) искуснаго бронника Давыдова, наручи, наножи, въ правой рукѣ—булава серебряная, въ лѣвой—щитъ стальной, подарокъ царя имеретинскаго, дорогой металлическій чалдаръ на спинѣ лошади и ея оголовь. За воеводой стоитъ пѣшая фигура (т. 6) московскаго сотеннаго головы, въ доспѣхѣ русской работы, съ перначемъ—знакомъ власти—въ правой рукѣ. А за нѣмецкимъ рыцаремъ—русскій ратникъ (т. 14), въ панцырѣ и шлемѣ, съ длиннымъ трехграннымъ копьемъ. Вотъ выразительная фигура (т. 25) ратника съ доспѣхомъ польскаго образца, съ щитомъ-тарчомъ, имѣющимъ „зрительный прорѣзъ“.

Здѣсь, на т. 11, близъ двери, подъ стекляннымъ колпакомъ лежитъ остатокъ шлема и кольчуги

приписываемыхъ князю Ярославу Всеволодовичу, погибшему 700 лѣтъ тому назадъ въ битвѣ съ братьями. Вотъ булатный шлемъ (т. 26) столь же древній, найденный на р. Сити и приписываемый несчастному великому князю Юрію, павшему въ битвѣ съ татарами. Противъ него (т. 3) ерихонская шапка, принадлежавшая, по преданію, Александру Невскому, потомъ богато и искусно отдѣланная для царя Михаила Ѳеодоровича. Въ ней—свыше 500 драгоцѣнныхъ небольшихъ камней (яхонтовъ, алмазовъ, рубиновъ, бурмицкихъ зеренъ), больше $1^1/_2$ фунта золота, тонкой работы насѣчка. Сорокъ лѣтъ тому назадъ шапка оцѣнена въ 16.400 руб. Возлѣ нея (т. 2) стоитъ Кучумовская ерихонская шапка, взятая, по разсказамъ, Ермакомъ у сибирскаго хана Кучума, потомъ отдѣланная и поднесенная царю Алексѣю.

Въ тонкой отдѣлкѣ этихъ шлемовъ и другихъ предметовъ вооруженія видно не только техническое умѣнье русскихъ или иностранныхъ мастеровъ; на ней отражались художественные вкусы и религіозныя вѣрованія того времени. Посмотрите, напр., и сравните между собою ту же шапку царя Михаила (т. 3), желѣзный шишакъ греческій (т. 24) съ изображеніемъ Деисуса изъ серебряной проволоки и шлемъ итальянской работы (т. 9). Въ общемъ, однако, холодное оружіе и защитная одежда „бронной“ залы выглядятъ еще предметами необходимости, но не символами и не декораціей, какъ въ слѣдующей залѣ.

Въ слѣдующей—оружейной—залѣ мы наблюдаемъ другое. Масса огнестрѣльнаго оружія: пищали, ружья-фузеи, самопалы, карабины, штуцера, пистолеты XVII—XVIII вв., русской и за-

граничной работы. Они распредѣлены въ витринахъ, горкахъ и полкахъ, большею частью по времени и по мѣсту изготовленія. Трудно осмотрѣть здѣсь все,—можно ограничиться знакомствомъ съ витринами и горками 32, 43, 24, 20 и 41, гдѣ выставлены ружья и пистолеты русской работы. Любопытно осмотрѣть витр. 64-ю съ дорогими и затѣйливыми пистолетами и ружьемъ имп. Елизаветы. Посреди залы стоитъ огромный щитъ — интересная декорація изъ полковыхъ знаменъ XVII в. съ разнообразными и характерными изображеніями. Въ витринѣ 85 — знамя князя Пожарскаго. Рядомъ — его сѣдло. Почти напротивъ, подъ сѣткой витрины 59 помѣщены сабли обоихъ героевъ 1612 года — князя Пожарскаго и Козьмы Минина. Подъ тою же сѣткой виситъ интересная „рогатина“ XV в. съ замѣчательно сдѣланными по стали изображеніями. Въ витринахъ подъ декораціей знаменъ обращаютъ на себя вниманіе дорогіе тростниковые щиты царей Алексѣя и Михаила, царскія и боярскія булавы, шестоперы. Это — уже не предметы военной необходимости, а только знаки власти и украшенія.

Въ трофейной залѣ, влѣво отъ входа, подъ портретомъ имп. Петра I — трофеи, взятые русскими войсками въ Полтавской битвѣ, а въ томъ числѣ знаменитыя носилки Карла XII. Напротивъ, подъ портретомъ Екатерины II и Александра I — группа польскихъ знаменъ, а также ключи взятыхъ турецкихъ крѣпостей — Бендеръ, Яссъ, Аккермана и друг. У подножія портрета Александра I на полу стоитъ бронзовый ларецъ, въ который имп. Николаемъ I былъ запертъ подлинникъ текста Польской конституціи 1815 года; ключъ отъ ларца

запечатанъ императоромъ въ пакетъ и доставленъ въ палату въ 1835 году. Подъ портретомъ Николая I — группа венгерскихъ знаменъ, взятыхъ въ 1849 году. Вдоль стѣнъ стоятъ тронныя кресла XVIII и XIX вѣковъ.

Коронная зала въ настоящее время для осмотра закрыта.

Слѣдующая — серебряная — зала заключаетъ въ себѣ богатѣйшее хранилище золотой, серебряной и стеклянной посуды и утвари: блюдъ, ковшей, братинъ, чашекъ, чарокъ, кружекъ, умывальниковъ, курильницъ, подсвѣчниковъ, стакановъ и проч. Нѣтъ никакой возможности при общемъ обзорѣ Ор. палаты сколько-нибудь внимательно осмотрѣть всю залу, — это потребовало бы много времени. Слѣдуетъ ознакомиться съ витриной № 9: интересна чаша, принадлежавшая черниговскому князю Владиміру Давидовичу XII вѣка, пѣтухъ Іоанна III и друг. Большая часть посуды принадлежитъ XVI вѣку, съ надписями, изреченіями, фигурами и сценами, подходящими къ назначенію всѣхъ этихъ чарокъ и братинъ. Слѣдуетъ осмотрѣть шкапы 6 и 17-й — съ вещами заграничной работы. Въ шкапѣ 20-мъ выставлены первыя стеклянныя издѣлія въ Россіи времени Петра I. Кромѣ посуды и утвари, въ нѣсколькихъ витринахъ у оконъ выставлены любопытныя коллекціи русскихъ денежныхъ знаковъ и монетъ, начиная съ новгородскихъ и до настоящаго времени. Въ той-же залѣ — большая, въ натуральную величину статуя Наполеона I, художника Шоде. По стѣнамъ развѣшаны тонкой работы гобеленовые ковры, XVIII вѣка, чрезвычайно дорого цѣнившіеся.

Изъ серебряной залы возвращаемся назадъ, въ

нижній этажъ. Здѣсь въ модельной залѣ обращаетъ вниманіе (по лѣвому проходу): т. 12, орелъ слоновой кости и ширмы — подарокъ японскаго императора Государю Николаю II въ 1896 г.; витрины 17—19 съ дорогимъ французскимъ севрскимъ фарфоромъ; тронъ хивинскій; далѣе тронъ послѣдняго царя Грузіи Георгія XII. По стѣнамъ— старинные портреты царей и царицъ, императоровъ и императрицъ. Въ правомъ углу слѣдуетъ осмотрѣть вещи Петра Великаго: его сапоги собственной работы, маховое колесо отъ токарнаго станка, наковальня, походная кровать, внушительныхъ размѣровъ погребецъ и другія вещи, столь характерныя для царя-работника, съ его простотой во всемъ. Въ шкафу 27 — одежда Петра I и Екатерины I.

Рядомъ столъ 21 съ моделью уничтоженнаго деревяннаго дворца въ с. Коломенскомъ, воспроизведенная по сохранившимся рисункамъ и описаніямъ. На столѣ 20 — раздвижная модель Малаго театра въ Москвѣ. Налѣво — вещи императора Александра I; огромные ключи отъ кремлевскихъ воротъ временъ Николая I. У самыхъ дверей полюбопытствуйте заглянуть въ ящикъ, заключающій въ себѣ образцовые для Россійской Имперіи фунтъ, килограммъ и аршинъ-метръ.

Въ слѣдующей — портретной залѣ рядъ витринъ съ чепраками (нарядными попонами на лошадь), уздечками и сѣдлами, расшитыми и украшенными золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Въ витринѣ 9—глобусъ съ солнечными часами, поднесенный имп. Елисаветѣ Петровнѣ Академіей Наукъ. По стѣнамъ портреты польскихъ королей, писанные на мѣди, а также пор-

треты и бюсты польскихъ государственныхъ дѣятелей.

Въ бытовой залѣ — костюмы, платья, ковры, блюда, настольники и т. п. предметы могутъ дать нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ и церемоніяхъ придворной жизни XVII—XIX вв. Въ послѣднее время эта зала закрыта для обозрѣнія.

Въ каретной залѣ поражаютъ своими размѣрами и отдѣлкой экипажи XVIII вѣка. Особенно обращаютъ на себя вниманіе кареты имп. Елисаветы Петровны. Одна изъ нихъ (подаренная гр. Разумовскимъ) отличается одинаково своею громадностью, пышностью и вычурностью отдѣлки. Малиновый бархатъ, шитье золотомъ, золотыя кисти и золотая бахрома, кузовъ расписанный живописью, рѣзные дышло и столбы,—все свидѣтельствуетъ о роскоши, характерной для двора XVIII вѣка; для передвиженія такой кареты требовалась цѣлая конюшня; для ухода за каретой — цѣлый штатъ людей. Замѣчательна также „линея“ или зимній возокъ той же Елисаветы, съ живописью и рѣзьбой; она запрягалась 23-мя лошадьми. Въ правомъ ряду интересны два дѣтскихъ возка царевича Петра Алексѣевича, со слюдою въ оконцахъ, съ изображеніями травъ и фигуръ на обивкѣ. Изъ болѣе древнихъ экипажей—бархатная патріаршая (налѣво отъ входа), принадлежавшая патр. Филарету. Направо отъ нея—большая „англійская“ карета, присланная, какъ думаютъ нѣкоторые, англійской королевой Елисаветой Борису Годунову.

Патріаршая ризница.

В. Клейна.

Московская Патріаршая, нынѣ Синодальная ризница помѣщается во второмъ этажѣ такъ называемой Филаретовской пристройки колокольни Ивана Великаго. Въ ней хранятся предметы, принадлежавшіе московскимъ патріархамъ и древнимъ митрополитамъ всероссійскимъ. Патріаршая казна, составившая основу настоящей Р. раздѣлялась: 1) на р и з н у ю казну, которая составляла неотъемлемую принадлежность каѳедры московскихъ первосвятителей и заключала въ себѣ церковно-богослужебныя одежды и утвари; 2) д о м о в у ю к., въ составъ которой входили предметы домашняго быта первосвятителей, принадлежавшіе Патріаршему дому и 3) к е л е й н у ю к., т.-е. бывшую личной собственностью того или другого патріарха. Так. обр. въ П. Р. хранятся не только церковно-богослужебные предметы, но и предметы домашняго быта. Ризная казна, учрежденіе, оберегавшее сокровища всей Московской архіерейской каѳедры, существовала до уничтоженія въ Россіи патріаршества, и съ тѣхъ поръ служитъ лишь собраніемъ реликвій. Патріаршая казна сохранилась до настоящаго времени далеко не въ полномъ видѣ; многіе изъ ея предметовъ брались въ XVIII в. по указамъ Синода на встрѣтившіяся нужды: для погребенія митрополитовъ, въ качествѣ даровъ (напр., саккосъ св. патр. Гермогена); наконецъ очень многое было утрачено послѣ 1812 г., когда ризница, оберегаемая отъ непріятеля, была вывезена въ Вологодскій Спасо-Прилуцкій мон. и, по возвращеніи изъ него, поте-

ряла, неизвѣстно гдѣ и какъ, 18 древнихъ саккосовъ, 29 драгоцѣнныхъ посоховъ, 36 ковровъ и т. д. Въ концѣ XIX ст. въ Патріаршую ризницу были переданы на храненіе очень многіе предметы, наиболѣе цѣнные и древніе, изъ московскаго Успенскаго, Архангельскаго и др. соборовъ. Историческая и художественная цѣнность предметовъ въ ризницѣ неисчислима; по количеству первоклассныхъ образцовъ древне-русскаго искусства, это собраніе не имѣетъ себѣ равныхъ. Большинство изъ нихъ исполнено въ художественныхъ мастерскихъ московскихъ царей—Оружейной палатѣ. Здѣсь имѣются предметы не только датированные, но и сохранившіе имена лицъ, ихъ исполнявшихъ, и среди нихъ такихъ выдающихся, какъ Симона Ушакова, Ивана Гомулина, царевны Софьи, бояр. Авдотьи Яков. Волынской, кн. Авдотьи Петр. Куракиной, кн. Дашковой и мн. др.

При обозрѣніи Патріаршей ризницы невозможно дать никакого опредѣленнаго плана, такъ какъ, размѣщеніе предметовъ имѣетъ совершенно случайный характеръ (кромѣ того, крайне неудобныя витрины не позволяютъ видѣть многихъ изъ вещей) [1].

Наиболѣе значительный отдѣлъ р. составляютъ предметы шитья и тканей: саккосы, омофоры, епитрахили, подризники, стихари, поручи, палицы, пояса, шапки, клобуки, ширинки, сулки, мантіи и др. На этихъ предметахъ мы имѣемъ образцы почти всѣхъ драгоцѣнныхъ тканей, бывшихъ въ употребленіи въ XVI—XVII вв., какъ западныхъ, восточ-

---

[1] Въ настоящее время спеціальной комиссіей производится подробная научная опись Ризницы.

ныхъ, такъ и русскихъ; таковы: аксамитъ (плотная парча, тканая изъ нитей пряденаго золота или серебра съ цвѣтнымъ шелкомъ), алтабасъ (болѣе легкая парча, тканая изъ нитей тонкаго волоченаго золота или серебра съ цвѣтнымъ шелкомъ); бархаты—рытые (съ рельефными узорами), двоеморхіе (съ двойнымъ ворсомъ), кизилбашскіе (персидскіе); камка (шелковая ткань съ узорами, сходная съ современ. „дамà"), тафта (легкая шелковая ткань безъ узора, сходная съ канаусомъ), фата (шелковая кисея); обьярь (родъ парчи, репсовой выработки, типа современнаго муара); атласы—простой и золотный, байберекъ (восточная шелковая ткань изъ крученаго шелка); изорбафъ (персидская шелковая золотная ткань); киндякъ (бумажная ткань различной окраски) и т. п. На шитыхъ предметахъ можно видѣть всѣ пріемы шитва, своеобразный характеръ швовъ, разнородный пришивочный матеріалъ, безчисленное множество затѣйливыхъ узоровъ, выведенныхъ жемчужными нитями, драгоцѣнными камнями и металлическими дробничками.

Палата 1. Здѣсь въ 4 шкафахъ размѣщены предметы изъ ризницы Архангельскаго соб. Въ шк. 3 хранится необыкновенно богатая и нарядная фелонь, изъ персидскаго золотного атласа, сдѣланная Борисомъ Годуновымъ по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1602 году. Любопытный образецъ терпимости къ вліянію Запада въ XVII вѣкѣ не только въ произведеніяхъ свѣтскаго характера, но и церковнаго, имѣется на дьяконскомъ стихарѣ (шк. 4) эпохи Никона, оплечье котораго украшено монограммой изъ 4 латинскихъ буквъ, усаженныхъ рубинами, I. H. h. s. (hominum Salvator).

Палата 2. Въ витр. 1 (на окнѣ)—древній греческій омофоръ, привезенный въ 1655 г. никейскимъ митр. Григоріемъ царю Алекс. Мих. и выдаваемый имъ за омофоръ св. 1-го Вселенскаго Собора; въ дѣйствительности онъ долженъ быть отнесенъ къ XIII в. Въ шк. 6 находятся нѣсколько древнихъ бѣлыхъ клобуковъ, право ношенія которыхъ имѣли только Всероссійскіе митрополиты, архіепископы Новгородскіе и патріархи; на трехъ поставцахъ клобуки праздничные или „большого наряда“: патр. Филарета и патр. Никона. Сзади клобуковъ повѣшена превосходная плащаница, юго-западной работы, 1657 г., поднесенная патр. Никону.

Пал. 4. Выдающимся по своей цѣнности и художественности является собраніе покрововъ на царскія гробницы въ Архангельскомъ соборѣ, на мощи ц. Дмитрія, а также на святителей московскихъ. Въ шк. 15. Покровъ на гробницу ц. Іоанна Алексѣевича, заказанный имп. Анной въ 1730 г., съ замѣчательными эмалевыми дробницами, работы русскихъ мастеровъ. Покровы царей Ѳеодора Ал., Алексѣя Мих., Михаила Ѳеодор., Іоанна Грознаго и кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго; большинство изъ нихъ замѣчательны своими дробницами съ гравированными и черневыми изображеніями праздниковъ и святыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя исполнены по рисункамъ Симона Ушакова, въ бытность его знаменщикомъ Серебряной палаты. Въ шк. 16 интересна мантія патр. Адріана изъ „осиновой обьяри“, на скрижаляхъ которой вышито изобр. Благовѣщенія—работы кн. Дашковой. Здѣсь же парамандъ митр. Фотія (1408—31 гг.).

Пал. 5. Древнѣйшее изъ облач. р.—саккосъ св. митр. Петра 1322 г., принесенный имъ при пе-

ренесеніи митрополіи изъ Владиміра въ Москву; онъ скроенъ изъ византійской ткани и украшенъ золотыми дробницами, интересной работы XIV—XVI вв.; этотъ саккосъ считался въ XVII в. святыней и части его вкладывались въ кресты, съ надписью: „мощи-сакъ свят. Петра митр.“ При саккосѣ соврем. ему епитрахиль. Здѣсь же саккосъ митр. Діонисія изъ грузинской ткани, съ замѣчательнымъ оплечьемъ, низаннымъ жемчугомъ и эмалевыми дробницами; саккосъ сдѣланъ царемъ Грознымъ по убитомъ сынѣ, царевичѣ Іоаннѣ, въ 1583 г. Въ трехъ витр. у оконъ (7, 8 и 9) омофоры: патр. Никона, съ шит. изобр. „Страстей Христовыхъ“ по рисунку Симона Ушакова, 1655 г.; патр. Іова и патр. Адріана (богатѣйшій по украшеніямъ и художественному исполненію), работы мастерской кн. Дашковой.

Пал. 6. Драгоцѣнные саккосы митр. XVI вѣка (шк. 20): Макарія—даръ ц. Грознаго, 1558 г., шитый золот. крестами по бѣлому атласу; другой сак. м. Макарія изъ нѣмецкаго рытаго бархата, 1549 г.; митр. Іоасафа изъ золотнаго алтабаса по гвоздичной землѣ, 1540 г.; митр. Антонія и Симона. Величайшую драгоцѣнность Р. составляетъ „большой саккосъ“ митр. Фотія (шк. 21). Онъ весь шитъ волоченымъ золотомъ и шелками, искуснѣйшими греческими мастерами. До сотни отдѣльныхъ сценъ и ликовъ служатъ иллюстраціею къ Символу Вѣры, вышитому по-гречески на поляхъ саккоса; имъ патр. Никонъ доказывалъ при исправленіи богослужебныхъ книгъ, что въ 8-мъ членѣ Символа Вѣры нѣтъ приложенія слова—истиннаго; въ числѣ лицъ, изображенныхъ на саккосѣ, имѣются: греческій имп. Іоаннъ Палеологъ, его супруга Анна,

велик. кн. Василій Дмитріевичъ, вел. кн. Софія Витовтовна и самъ митр. Фотій.

Пал. 7. Въ шк. 22—25 размѣщены самые богатые саккосы послѣднихъ патріарховъ. На первомъ мѣстѣ — саккосъ Никона (шк. 25), первоначально онъ былъ сдѣланъ ц. Грознымъ на поминовеніе по убитомъ сынѣ; при Никонѣ всѣ украшенія перешиты на новый станъ изъ двойного петельчатаго аксамита; дробницы и запаны саккоса изумительной ювелирной работы; вѣсъ этого саккоса около двухъ пудовъ; въ немъ Никонъ стоялъ на судившемъ его соборѣ. Здѣсь же саккосъ, называемый въ старинныхъ описяхъ—„Корень Іессеевъ“, 1655 г., даръ ц. Алексѣя Никону, сплошь шитый золотомъ и жемчугомъ. Изъ другихъ саккосовъ патр. Никона интересны „Коломенскій“, поднесенный ему ц. Алексѣемъ въ с. Коломенскомъ въ 1653 г., и „Лазаревскій“, подаренный въ томъ же году въ Лазареву субботу (шк. 24). Въ шк. 23 имѣется саккосъ патр. Адріана, скроенный изъ кафтана вел. кн. Іоанна Алексѣевича въ 1696 г., драгоцѣнный бархатъ котораго затканъ большими орлами. Около саккоса лежитъ „шапка“ (позднѣе—митра) патр. Іова. Внизу шк. 22, въ дерев. футлярѣ,—фетровая шляпа патр. Никона. Замѣчательныя по богатству украшеній и формѣ 5 митръ (шк. 18), изъ нихъ 4 принадлежали патр. Никону: „Средняя“ и „Большая“, русской работы, 1653 г.,—даръ ц. Алекс. Мих.; „Большая корона“ 1655 г. и „Митра Меньшая“, сдѣланная въ 1653 г. въ Греціи. Въ ризницѣ хранится болѣе 30 панагій (витр. 2), принадлежавшихъ митрополитамъ и патріархамъ; многія изъ нихъ выдающейся ювелирной работы, рѣзанныя на изумрудѣ, оникѣ, бѣл. кораллѣ. Древ-

нѣйшая панагія св. митр. Петра; патр. Іова 1589 г., св. патр. Гермогена 1593 г., патр. Филарета, Константиноп. патр. Кирилла Лукариса 1622 г.; въ серединѣ ея на сапфирѣ вырѣзано изобр. Благовѣщенія. Большой отдѣлъ ризн. составляетъ столов. серебр. посуда XVI—XVII вв. (кубки, стопы, братины, ковши, чарки, блюда, мисы, тарелки, разсольники, ложки, ножи, вилки и т. п.); много прекрасныхъ образцовъ русской работы, мастеровъ Серебряной палаты, но большинство работы зап. мастеровъ Нюренберга, Аугсбурга и др. Въ шк. 14 имѣется нѣсколько замѣчательныхъ евангелій: 1) греческое—митр. Газскаго Паисія Лигарида, 1664 г., 2) Симона митр., 1499 г., въ филигранномъ окладѣ, необыкновенно искусной работы, 3) Евангеліе ц. Наталіи Кирилловны, напечатанное въ 1689; тысячи драгоцѣнныхъ камней, въ стильныхъ Петровскихъ узорахъ, украшаютъ обѣ его доски. Здѣсь же интересны: яшмовый сосудъ для миро, употр. при коронованіи Государей; ложка изъ рыбьей кости св. Іоны митр.; золо-

Большая корона патріарха Никона, сдѣланная въ 1655 г. царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ на поминовеніе боярина Н. И. Романова.

тые сосуды имп. Екатерины 1775 г., въ формѣ ржаного снопа, имѣющаго символическое значеніе; два Сіона, употреблявшіеся въ древности при соборномъ служеніи; одинъ изъ нихъ устроенъ вел. кн. Іоанномъ III, въ 1486 г., для Успенскаго соб. Въ витр. 5 хранится евангеліе вел. кн. Новгородскаго Мстислава Владиміровича, 1115 г., писанное на пергаментѣ полууставомъ, съ 4-мя миніатюрами евангелистовъ; окладъ евангелія тончайшей сканной работы, украшенъ 14 золот. дробницами съ изображеніями, исполненными перегородчатой эмалью; для исполненія оклада евангеліе Новгородскимъ вельможею Наславомъ было возимо въ Царь-Градъ; при Грозномъ изъ Новгорода было взято въ Москву и поправлено. Изъ предметовъ домашняго обихода патріарховъ въ Ризницѣ любопытны: часы патр. Филарета, 5 паръ очковъ, черепаховый и костяной гребни, перстень св. митр. Алексія, данный ему ханомъ Чанибекомъ за чудесное исцѣленіе Тайдулы, нѣсколько серебр. патріаршихъ печатей и голова Медузы замѣчательной итальянской работы, сдѣланная изъ рѣдкостной по величинѣ жемчужины и залитая разноцвѣтной эмалью.

Китай-городъ.

Е. Звягинцева.

Если вы изъ Кремля выйдете Спасскими или Никольскими воротами, то попадете на Красную площадь, въ Китай-городъ.

Китай-городъ по пространству приблизительно вдвое больше Кремля; издавна былъ центромъ

московской торговли, внутренней и внѣшней. Уже въ 30 годахъ XVI вѣка онъ былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ стѣнами сначала деревянными, потомъ каменными; съ четвертой стороны, съ запада, онъ примыкалъ къ Кремлю; такимъ образомъ этотъ первый по времени возникновенія и по важности „посадъ“ былъ защищенъ отъ внѣшнихъ враговъ. Стѣны и башни Китай-города въ болѣе или менѣе прежнемъ видѣ сохранились до нашего времени; совершенно разобраны только тѣ концевыя части стѣны, которыя подходили вплотную къ угловымъ башнямъ Кремля, Свибловой (близъ Москворѣцкаго моста) и Собакиной (противъ Историческаго музея). Происхожденіе самаго названія „Китая-города“ неясно. Одни связываютъ его со „срединнымъ“ положеніемъ посада; другіе объясняютъ это торговлей въ посадѣ иноземныхъ купцовъ и въ томъ числѣ китайцевъ; третьи полагаютъ, что такое названіе дано по аналогіи съ Китай-городкомъ въ Подольскомъ воеводствѣ, откуда была родомъ правительница Елена Глинская (1533—1538 гг.), при которой построены стѣны.

По своимъ размѣрамъ Красная площадь, на которую вы вышли,—громадна (ок. 8 десятинъ). Какъ бы сильно ни было по ней движеніе пѣшеходовъ и экипажей, она всегда кажется нѣсколько пустынной. Это—не безмолвіе кремлевскихъ площадей, но людской шумъ еще не въ состояніи здѣсь превозмочь той тишины, какая царитъ въ Кремлѣ. Здѣсь—какъ бы переходъ изъ отжившей великокняжеской и царской Москвы въ современный центръ кипучей торговой дѣятельности, въ московское „Сити“: зубчатая кремлевская стѣна, Спасскія ворота, башни, Василій Блаженный—съ од-

ной стороны, и грандіозныя торговые ряды—съ другой; словно встрѣтились онѣ, эти нѣмыя каменныя громады,—свидѣтели и дѣтища разныхъ эпохъ, различныхъ культурныхъ потребностей и художественныхъ вкусовъ. Вотъ недвижный остатокъ XVI столѣтія—Лобное мѣсто, въ теченіе вѣковъ привлекавшее къ себѣ москвичей въ чрезвычайные моменты государственной, религіозной и культурной жизни; а тутъ же—электрическій трамвай, съ быстротой несущійся по площади и соединяющій ее со всѣми концами широко раскинувшейся столицы. Подобныя совмѣщенія, могущія, быть можетъ, огорчить любителя нетронутой старины, способны на самомъ дѣлѣ будить въ зрителѣ глубокія переживанія.

На площади противъ входа въ Верхніе ряды стоитъ массивный памятникъ дѣятелямъ 1612 года—Мининуикн. Пожарскому. Памятникъ исполненъ по проекту Мартоса, художникомъ Екимовымъ, въ ложно-классическомъ стилѣ; поставленъ въ 1818 году. На лѣво отъ Верхнихъ рядовъ (если итти отъ Спасскихъ воротъ), черезъ улицу—Казанскій соборъ; съ нимъ также соединено имя кн. Пожарскаго; послѣдній построилъ его въ 30-хъ годахъ XVII вѣка на собственныя средства, въ память изгнанія поляковъ изъ Москвы; въ XIX в. соборъ капитально передѣланъ и утратилъ свой древній видъ. Рядомъ съ соборомъ, ближе къ Воскресенскимъ воротамъ (когда-то назыв. „курятными“) зданіе губернскаго правленія; построено архитекторомъ Казаковымъ; надъ самыми Воскресенскими воротами размѣщенъ архивъ губернскаго правленія. Къ воротамъ примыкаетъ Ист. музей; онъ сооруженъ на мѣстѣ земскаго приказа XVII вѣка; въ

XVIII вѣкѣ здѣсь были губернскія присутственныя мѣста, московскій университетъ и его типографія, одно время арендовавшаяся знаменитымъ Н. И. Новиковымъ. Верхніе торговые ряды, фасадомъ выходящіе на Красную площадь, между Никольской улицей и Ильинкой, представляютъ грандіозное сооруженіе торговой Москвы, начала 90-хъ годовъ XIX в. Зданіе—трехъэтажное, съ подвальными и подподвальными помѣщеніями. Оно занимаетъ свыше 2 десятинъ земли, вмѣщаетъ больше 1000 магазиновъ, не считая помѣщеній въ антресоляхъ. Во второмъ этажѣ вдоль магазиновъ устроены галлереи-балконы, соединенныя въ разныхъ мѣстахъ мостиками; длина этихъ галлерей въ общей сложности—$1^1/_2$ версты. На постройку всей громады рядовъ пошло 40 мил. штукъ кирпича и около 50 тыс. пуд. желѣза. Одна постройка рядовъ обошлась около 6 мил. руб. Экскурсанту необходимо войти въ ряды и походить по нимъ. Они прекрасно выявляютъ слѣдующую характерную черту Китай-города, какъ центра торговли, какъ своеобразной „ежедневной ярмарки“.

Число жителей Москвы растетъ съ поразительной быстротой, а въ Китай-городѣ жителей уменьшается. За XIX вѣкъ число жителей уменьшилось здѣсь почти вдвое; за 25 лѣтъ, съ 1882 по 1907 г., въ „городскомъ“ участкѣ Москвы (включающемъ К.-городъ и Кремль) количество жителей сократилось на 3.200 человѣкъ; стало-быть, населеніе, и безъ того неплотное, замѣтно разрѣжается. Здѣсь люди торгуютъ, „дѣлаютъ дѣла“, но не живутъ, не квартируютъ. Здѣсь дневное населеніе во много разъ превышаетъ ночное. Владѣльцы магазиновъ и ихъ приказчики, вслѣдъ за покупателями, съ наступленіемъ ночи разъѣз-

жаются по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы. Въ Китай-городѣ всюду—лавки, магазины, торговые ряды, торговые дворы и подворья; но нѣтъ здѣсь ни учебныхъ заведеній, ни больницъ, ни богадѣленъ, ни театровъ. Это—дѣловой центръ взрослыхъ и здоровыхъ, интереснѣйшій феноменъ экономическаго уклада современнаго крупнаго торговаго города. Здѣсь относительное число дѣтей меньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ города, а процентъ дѣтей школьнаго возраста, учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, столь же низокъ, какъ на отдаленныхъ окраинахъ столицы (28% противъ 35—50% сосѣднихъ участковъ). Здѣсь, разумѣется, совершенно нѣтъ также большихъ фабрикъ и заводовъ. Верхніе торговые ряды съ наглядностью подчеркиваютъ эту централизацію торговой дѣятельности въ одномъ мѣстѣ. О томъ же говорятъ и Средніе торговые ряды, расположенные между Ильинкой и Варваркой; они меньше Верхнихъ, но все-таки обширны,—вмѣщаютъ болѣе 400 магазиновъ и лавокъ. Сосредоточеніе растущей торговли въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ драгоцѣннымъ любой клочокъ земли въ Китай-городѣ. Стоимость земельныхъ участковъ достигла предѣловъ, могущихъ показаться невѣроятными провинціальному туристу: въ 1911 году цѣна 1 квад. саж. земли на Варваркѣ была 900 рублей; въ Б. Черкасскомъ пер. (между Ильинкой и Никольской)—1200 руб., а на Ильинкѣ—1600 руб.; при этомъ цѣны съ каждымъ годомъ повышаются. Можно сказать, что тотъ асфальтъ, по которому ходятъ на Ильинкѣ, покрываетъ собою не прахъ земной, а чистыя деньги. Эта же погоня за каждымъ аршиномъ земли подъ торговлю, подъ товарные склады и „выживаетъ“

изъ К.-города всѣхъ, кто не торгуетъ, все, что не относится къ товаро-обмѣну; даже древніе монастыри и церкви не пощажены коммерческимъ натискомъ и, если они не выжиты вовсе изъ Китай-города, то во всякомъ случаѣ стѣснены и отодвинуты на задній планъ. Пройдитесь по Никольской улицѣ, и вы въ этомъ убѣдитесь.

На Никольской улицѣ, тянущейся отъ Казанскаго собора до Владимірскихъ воротъ на протяженіи всего 300 саж., три монастыря—Заиконоспасскій, Богоявленскій и Никольскій греческій, нѣсколько церквей и часовенъ. Это обиліе домовъ молитвы и спасенія душъ свидѣтельствуютъ о старинномъ благочестіи, мирно уживавшимся съ посадской суетой Китай-города. Не остаются они пустыми и въ настоящее время, но теперь они какъ бы заслонены множествомъ лавокъ и магазиновъ. Вотъ, посмотрите на лѣвой сторонѣ улицы (если идти съ Красной площади) на Заиконоспасскій монастырь, гдѣ когда-то въ XVII—XVIII вв. была славяно-греко-латинская академія, связанная въ нашемъ представленіи съ именами Ломоносова, Симеона Полоцкаго и др. Теперь монастырь со всѣхъ сторонъ какъ бы сдавленъ. Его земельныя владѣнія, когда-то простиравшіяся до самыхъ стѣнъ Китай-города, сведены до ничтожнаго участка. Всюду вокругъ монастыря и въ его собственномъ домѣ—торгъ и денежные счета; ни монаховъ, ни паломниковъ не видно. Правда, въ этой части Никольской сгруппировались лавки съ иконами, лампадами, парчей и церковной утварью; тутъ сказывается традиція древняго „иконнаго“ ряда, за которымъ основанъ монастырь, точно такъ же какъ въ названіяхъ переулковъ Китай-города—

„ветошный“, „рыбный“, „хрустальный“, „масляный“—слышится преемственность современной торговли съ былыми „рядами“, чувствуется постепенность бытовыхъ наслоеній, создавшихъ въ теченіе вѣковъ современную физіономію Китай-города. А вотъ, почти противъ Заиконоспасскаго монастыря — мало замѣтный теперь Богоявленскій монастырь; учрежденіе его восходитъ къ концу XIII вѣка. Еще до недавняго прошлаго на Никольскую ул. выходила его церковь св. Іоанна Предтечи, постройки XVII вѣка, но лѣтъ 10 тому назадъ ее сломали и на ея мѣстѣ выстроили доходный домъ. Такъ прежнія святыни принуждены отступать и тѣсниться, превращаться въ реликвіи, къ тому же плохо охраняемыя.

Пройдите дальше по Никольской, и вы скоро увидите оригинальное зданіе полуготической архитектуры—Синодальную типографію (интересенъ общій стиль, своеобразныя колонны, гербы и солнечные часы). Оно построено лѣтъ 100 тому назадъ (1814 г.). Войдите черезъ ворота внутрь усадьбы, и тамъ увидите одинъ изъ многихъ цѣнныхъ историческихъ памятниковъ Москвы, едва не уничтоженныхъ въ XIX вѣкѣ. Это—древнія „палаты государева печатнаго двора“, построенныя въ концѣ XVII в. на мѣстѣ еще болѣе древняго здѣсь двора временъ Ивана Грознаго, гдѣ начато книгопечатаніе въ Россіи дьякономъ Иваномъ Федоровымъ. Палаты реставрированы внутри и снаружи въ 80-хъ годахъ XIX в. Для посѣтителей доступъ свободный, ежедневно (кромѣ понедѣльниковъ, праздниковъ и табельныхъ дней), 10 – 3 час. дня. Здѣсь помѣщена довольно богатая библіотека рукописей и старопечатныхъ книгъ; часть ихъ выставлена для обозрѣнія въ

витринахъ подъ стекломъ; здѣсь же скромный типографскій музей—модель „первопечатнаго“ станка, походный станокъ Петра I, слѣпокъ съ могильной плиты Ивана Федорова и проч. Побудьте 30—40 минутъ въ этой своеобразной „палатѣ“ и вы способны совершенно забыть о томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ современная Никольская улица съ ея „Славянскимъ базаромъ“, автомобилями и электрическимъ освѣщеніемъ, а по другую сторону, за стѣной, Театральная площадь.

Выйдя со двора Синодальной типографіи на улицу, направьтесь по ней дальше налѣво, сверните въ первый переулокъ налѣво же, и вы черезъ широкія Третьяковскія ворота очутитесь за стѣной К.-города. Здѣсь, направо, осмотрите интересный памятникъ первопечатнику Федорову, поставленный въ 1909 году. Отсюда черезъ узкія пѣшеходныя ворота вы снова подниметесь по лѣсенкѣ въ К.-городъ. Этимъ путемъ вы попадаете въ новый любопытный уголокъ К.-города,—Никольскій тупикъ—не то церковный дворъ, не то переулокъ общаго пользованія, довольно грязный и неблагоустроенный, съ деревянными лавочками и домами. Это—задворки Никольской улицы, гдѣ пріютились букинисты и лубочники (Ступинъ, Чумаковъ и др.). Въ теченіе двухъ вѣковъ Никольская улица была центромъ книжной торговли; въ половинѣ XIX в. здѣсь царила „лубочная литература Никольскаго рынка“. Теперь одни лубочники исчезли отсюда, другіе приспособились къ новымъ условіямъ, и только Никольскій тупикъ въ его цѣломъ можетъ дать представленіе объ утраченной Никольской улицей роли. Вернувшись на Никольскую улицу и пройдя до Владимірскихъ воротъ

(выходятъ на Лубянскую площадь) спустимся вдоль восточной стѣны К.-города внизъ до Варварской площади. На всемъ пути, у стѣны, сплошнымъ рядомъ „притулились“ тѣсныя и ветхія лавочки; такого типа торговыми помѣщеніями былъ наполненъ, вѣроятно, весь Китай-городъ въ старину; теперь эти лавочки составляютъ прямую противоположность тѣмъ солиднымъ и обширнымъ складамъ, конторамъ и магазинамъ, расположеннымъ какъ разъ насупротивъ.—Прежде чѣмъ вступить на улицу Варварку, зайдемъ въ Грузинскій переулокъ; здѣсь стоитъ посмотрѣть на церковь св. Живоначальной Троицы и Грузинской Божіей Матери, построенную почти три вѣка тому назадъ. Даже для непосвященнаго глаза этотъ храмъ представляется большою архитектурною цѣнностью.

Спустившись на Варварку, мы здѣсь скоро, на углу ея и Псковскаго пер., увидимъ домъ бояръ Романовыхъ, архитектурный памятникъ, который необходимо посѣтить каждому экскурсанту, попавшему въ К.-городъ. Это – не остатокъ старины въ собственномъ смыслѣ слова, а скорѣе историко-археологическое возсозданіе (1858 г.) дома, принадлежавшаго дѣду и отцу царя Михаила Феодоровича.—Входъ безплатный, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, 10—1 дня. Посѣтители допускаются въ домъ только небольшими группами въ 10—15 человѣкъ,—такъ тѣсны покои „царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей“. Служитель - проводникъ даетъ обыкновенно подробныя разъясненія относительно всѣхъ комнатъ и предметовъ; и въ бытовомъ отношеніи каждая комната представляетъ интересъ: крестовая, молельная, теремъ, дѣтская и др., лѣсенки и переходы, портреты, вся обста-

новка и отдѣльные предметы домашняго быта даютъ живое ощущеніе былого XVI—XVII вв.

Съ Варварки слѣдуетъ спуститься немного ниже, къ Москвѣ-рѣкѣ, по Псковскому переулку, въ такъ наз. Зарядье. Это—по своему задній дворъ богатаго Китай-города. Это—міръ мелкихъ ремесленниковъ и мелочной торговли, міръ грязныхъ харчевенъ, мрачныхъ мастерскихъ, извозчичьихъ квартиръ и съѣстныхъ лавокъ. Необходимо хоть немного здѣсь побродить и посмотрѣть на эту изнанку торговаго Китай-города, иначе представленіе о послѣднемъ будетъ односторонне. Отсюда, по Мытной улицѣ, гдѣ когда-то былъ Мытный дворъ, или по Мокринскому пер., вы выйдете на Москворѣцкую улицу. Поднимитесь снова вверхъ на Красную площадь и заверните на Ильинку, — она покажется вамъ полнымъ контрастомъ только что осмотрѣннымъ вами Кривымъ, Ершовымъ, Мытнымъ и Мокринскимъ переулкамъ. Широкая и блестящая Ильинка, это—улица капиталистовъ и банкировъ; здѣсь, что ни шагъ, то банкъ или банкирская контора, торговля не товарами, а деньгами; здѣсь-же, на Корунинской площади, находится и московская биржа.

Монастыри.

М. Коваленскаго.

М-ри въ Россіи появились одновременно съ христіанствомъ. Къ XIV в. ихъ было до 100. Б. ч. они устраивались въ городахъ, внѣ городовъ ихъ было мало. Съ XIV в. они стали расти внѣ городовъ, содѣйствуя колонизаціи страны. Къ XVII в.

ихъ было больше 250; до 150 изъ нихъ возникло среди лѣсныхъ пустынь. Главный смыслъ русскихъ м-рей былъ въ томъ, что это были учрежденія, „строившія душу“; въ нихъ творились молитвы за поминъ души. Молитвы обезпечивались пожертвованіями, вкладами,—землями и деньгами. М-ри обращались въ „привилегированныя наемныя молельни о мірскихъ грѣхахъ“ (Ключевскій); имена вкладчиковъ и ихъ родныхъ заносились въ синодики, или „сенаники“, для поминаній. Съ теченіемъ времени м-ри богатѣли, и въ нихъ начинали стремиться „ищущіе не труда и безмолвія, а покоя и довольства“, и сама братія обращалась въ „черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянъ“, въ „ссудно-лихвенныя конторы“ (Ключевскій), въ своего рода банкирскіе дома, вызывая цѣлую литературу обличеній. По Флетчеру, землевладѣніе м-рей захватило въ XVI в. $^1/_3$ всѣхъ земель Россіи, а по Коллинсу, 100 лѣтъ спустя, уже $^2/_3$. По Котошихину, м-рямъ принадлежало 83 т. кр. дворовъ, по ревизіи 1744 г. до 600 т. душъ. Послѣ долгой борьбы съ м-рскимъ землевладѣніемъ, начавшейся при Иванѣ III, дѣло кончилось секуляризаціей при Екатеринѣ II (1764), когда въ одной Великороссіи было отобрано у м-рей 911 т. душъ крестьянъ; 224 м-ря были положены въ штатъ, 161 оставлены за штатомъ, 496 упразднено совсѣмъ. При освобожденіи крестьянъ у м-рей были взяты ихъ крѣпостные слуги, и за это положено м-рямъ изъ казны 168 т. р. въ годъ. Новый ростъ м-рей начался съ пол. XIX в., съ м. Филарета, и усилился при Александрѣ III. Въ 1855 г. м-рей было 592, въ 1881 г. 631, въ 1902 г. уже 832 (500 муж. и 332 жен.). Число монаховъ и по-

слушниковъ тоже возросло: въ 1855 г. ихъ было 19 т., въ 1881 г. 28 т., въ 1894 г. 44 т., въ 1902 г. 58 т. чел. Въ наст. время м-рей въ Россіи 866 (508 муж. и 358 жен.); въ нихъ было въ 1902 г. монаховъ 8,455, монахинь 10,963, послушниковъ 6,691 и послушницъ 32,029, а всего 15,146 м. и 42,992 ж., —58,138 чел. По даннымъ 3-й Г. Думы, монастырямъ вмѣстѣ съ архіерейскими домами принадлежитъ 680 т. дес. земли, гл. обр. на сѣверѣ; денежные капиталы ихъ равняются 58 мил. руб., и даютъ дохода свыше 2 мил. р. въ годъ. Изъ казны м-ри получали по смѣтѣ 1907 г. 398 т. р. 3-я Дума повысила эту цыфру до 440 т. р. (весь бюджетъ синода 40 мил. р.). Общежительный строгій уставъ, введенный въ самомъ началѣ, почти нигдѣ затѣмъ не соблюдался, и б. ч. м-рей перешли на особное житіе съ общею только трапезой (Е. Голубинскій); и изъ нынѣшнихъ м-рей лишь 112 держатся общежитія. По законамъ о состояніяхъ, монахи имѣютъ право дѣлать денежные вклады въ кред. учр., но безъ права завѣщанія, а за архіереями и архимандритами признается и право завѣщанія. Кромѣ земель и денежныхъ капиталовъ, м-рямъ принадлежатъ дома, лавки, подворья въ городахъ, дающіе большіе доходы. По даннымъ 1902 г., на средства м-рей содержалось всего 248 больницъ и 1027 богадѣленъ, съ $2^1/_2$ т. больныхъ и $12^1/_2$ т. призрѣваемыхъ.

Въ Москвѣ м-ри существуютъ съ конца XIII в. При первомъ московскомъ князѣ Даніилѣ возникли два м-ря, Даниловъ 1282 г. и Богоявленскій 1296. Это были деревянныя обители, окруженныя деревянной оградой и даже плетнемъ. Даниловъ былъ перенесенъ Калитой ближе къ князю, въ Кремль,

къ собору Спаса на Бору, и просуществовалъ тамъ до Ивана III, принявшагося расчищать Кремль и вынесшаго м-рь далеко за городъ, на Крутицы (Новоспасскій м-рь). На прежнемъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Даниловъ м-рь, было полное запустѣніе и отъ м-ря „ни слѣду не познавашеся, ни въ слуху не бяше, аки и не бысть". Былъ возстановленъ Даниловъ м-рь (на старомъ мѣстѣ) уже при Иванѣ IV, послѣ видѣній, бывшихъ его отцу и дѣду отъ кн. Даніила; тамъ онъ стоитъ и донынѣ. За время отъ Даніила до Ивана III выросло до 20 новыхъ м-рей, изъ коихъ 10 существуютъ донынѣ: Зачатіевскій, Спасъ-Андроніевскій, Чудовъ, Высоко-Петровскій, Симоновъ, Рождественскій, Никольскій-Греческій, Вознесенскій, Срѣтенскій, Златоустовскій (7 муж. и 3 жен.). Всѣ они связаны съ эпохой Дмитрія Донского, м. Алексія и преп. Сергія (только 2 послѣдніе возникли при Василіи I). 3 первыхъ основаны м. Алексіемъ, Рожд. м-рь—матерью Дмитрія Донского послѣ Куликовской побѣды, Вознесенскій—его супругой кн. Евдокіей. Изъ м-рей, болѣе не существующихъ, многіе возникали и исчезали невѣдомо когда, о нихъ встрѣчаются только краткія упоминанія въ памятникахъ. Остались слѣды только Крестовоздвиженскаго, на Воздвиженкѣ (домъ упраздненнаго м-ря, занятый кремлевскимъ причтомъ, и церковь).

За время съ Ивана III до смуты возникло 14 новыхъ м-рей, изъ нихъ уцѣлѣли только 4 (2 муж. и 2 жен.) (Новоспасскій 1490, Новодѣвичій 1525, Никитскій 1549, Донской ок. 1591). Новодѣвичій основанъ въ память присоединенія Смоленска при Василіи III; Никитскій осн. бояриномъ Никитой Романовымъ, братомъ царицы Анастасіи. Изъ исчезнувшихъ м-рей

той эпохи Ивановскій существовалъ до 1812 года, возобновленъ въ пол. XIX в.; на мѣстѣ Ѳеодоровскаго—храмъ Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ; на мѣстѣ Моисеевскаго—Охотный рядъ (расширена площадь); на мѣстѣ другихъ б. ч. церкви. Въ ту же эпоху Зачатіевскій м-рь былъ перенесенъ къ Пречистенскимъ воротамъ, подъ именемъ Алексѣевскаго, а отсюда въ XIX в. на окраину города, въ Красное село, т. к. мѣсто понадобилось для Храма Спасителя; Зачатіевскій же на старомъ мѣстѣ (за Остоженкой) снова возникъ въ 1623.

Послѣ смуты, до конца XVII в., возникло новыхъ 11 м-рей, изъ коихъ существуютъ 4 (3 муж. и 1 жен.) (Знаменскій 1629, Страстной 1656, Покровскій 1655, Заиконоспасскій 1660). Изъ исчезнувшихъ надо отмѣтить Андреевскій, осн. бояр. Ртищевымъ, за Калуж. заставой, 1648—1764.

За весь XVIII и первую пол. XIX в. не было основано въ М. ни одного новаго м-ря. Съ пол. XIX в. м-ри стали опять расти. Въ 1837 основанъ на новомъ мѣстѣ перенесенный отъ Преч. вор. Алексѣевскій женскій м-рь, въ Красномъ селѣ; въ 1862 и 65 два единовѣрческихъ, Никольскій (муж.) и Всѣхсвятскій (жен.), первый изъ нихъ на мѣстѣ раскольничьей молельни Ѳедосѣевскаго толка; въ 1887 и 1891 въ немъ происходили противораскольничьи миссіонерскіе съѣзды. Въ 1859 возникла Покровская Община сестеръ милосердія, основанная игуменьей Серпух. м-ря Митрофаніей (въ міру бар. Розенъ); съ 1872 м-рь. Въ 1879 на прежнемъ мѣстѣ, но заново выстроенъ Ивановскій м-рь на средства Макаровой-Зубачевой; въ 1890 новый Скорбященскій, на Бутыркахъ, на средства кн. Голицыной и на ея землѣ. Въ XX в. основана Марѳо-

Маріинская община сестеръ милосердія, имѣющая характеръ монастыря. Всего въ разное время было въ Москвѣ 58 м-рей (40 муж. и 18 жен). Донынѣ существуютъ 27 (15 муж. и 12 жен.). Монаховъ съ монахинями въ нихъ 833, а послушниковъ и послушницъ 2698, а всего 3531 (713 мужчинъ и 2818 жен.). Эта черная армія превышаетъ армію учащихъ въ московской низшей и средней школѣ (3475). Въ женскихъ м-ряхъ спасается больше, чѣмъ въ мужскихъ: въ Вознес. 60 мон. и 190 посл., Ив. 80, Покр. общ. 117 (не считая сестеръ), Страстн. и Скорб. по 200—300. Въ мужскихъ: Новосп. 70, Чуд. 50, Богоявл. 17, Знам. 11, Ник.-Греч. 9 (4 м. и 5 п). Всѣ м-ри особножительные, кромѣ новыхъ, основанныхъ съ пол. XIX в.

Главныя святыни м-рей—иконы Б. М. и Спаса Нерукотвореннаго. Мощи: св. кн. Даніила (Даниловъ), м. Алексія (Чудовъ), части мощей: св. Пантелеймона (Богоявл.), зубъ Александра Невскаго (Данил.), стопа отъ ноги ап. Андрея Первозваннаго (Ник.-Греч.), глава св. Анастасіи Узорѣшительницы (Страстн.) и др.

Въ XVII в. моск. м-ри владѣли землями въ десяткахъ уѣздовъ, на ихъ земляхъ насчитывались сотни крест. дворовъ, а у иныхъ и тысячи (1½ т. у Дон., 2 т. у Вознес.). Въ XVIII в. было у В.-Петр. м-ря ок. 6 т. душъ кр., у Дон. 7 т., у Сим. 12 т., у Новосп. и Новодѣв. по 14 т., у Вознес. 15 т. Въ настоящее время у м-рей по нѣсколько десятковъ десятинъ; больше доходовъ даютъ имъ дома съ торговыми помѣщеніями въ Москвѣ; особенно у м-рей по Никольской и по Лубянкѣ (у одного Срѣт. м-ря 3 подворья). Отъ однихъ городскихъ владѣній московскіе м-ри получали въ 1870-хъ гг.

до 300 т. р. въ годъ. Изъ казны моск. м-ри получаютъ отъ 300 р. до 2 т. р. въ годъ каждый. Трудно учесть спец. пожертвованія м-рямъ на постройку храмовъ и колоколенъ, больницъ и богадѣленъ, списки жертвователей за XVIII и XIX вв. пестрятъ именами знати: Голицыныхъ, Шереметевыхъ, Зубовыхъ, а затѣмъ и купеческими фамиліями: Ляминыхъ и Ляпиныхъ, Первушиныхъ и Титовыхъ, Бостанжогло и Лепешкиныхъ, и мн. др. На одну только колокольню Сим. м-ря было пожертвовано 400 т. р.

Какъ и вездѣ въ Россіи, московскіе м-ри были также военными крѣпостями. Правда, долгое время (до XVII в.) м-рскія укрѣпленія были деревянныя, какъ и ихъ кельи. Но это не мѣшало м-рямъ служить обороной самой Москвѣ, которую они окружали цѣпью съ юга, запада и востока. Не разъ моск. м-ри падали жертвой войны: отъ Тохтамыша горѣли даже кремлевскіе м-ри, отъ Дивлетъ Гирея—многіе внѣ Кремля. Въ 1812 г. нѣсколько м-рей погибло въ огнѣ пожара и не было возстановлено, другіе сгорѣли, но потомъ возникли вновь (Никит., Сп.-Андрон.), иные, бывъ разграблены, уцѣлѣли отъ пожара (Дон., Зачат.). Въ нѣк. уцѣлѣло и ихъ имущество, вывезенное заранѣе, или закладенное въ стѣны, подъ поломъ и на чердакахъ.

М-ри служили также темницами. Туда постригали лицъ, коихъ надо было устранить, напр., в. кн. Соломонію, первую супругу Василія III (Рожд.), Евдокію, первую царицу Петра I, и царевну Софью (Новодѣв.). Въ Богоявл. былъ посаженъ послѣ сведенія его съ каѳедры, до отправки въ Тверь, м. Филиппъ, и сюда, по преданію, былъ къ нему впущенъ медвѣдь, по повелѣнію Грознаго,—но звѣрь

пощадилъ святого. Больше всего служили темницами м-ри Чудовъ, Новосп., Иванов. Въ Ивановскомъ (старомъ) м-рѣ сидѣли раскольницы и „подозрительныя женщины“ (подъ видомъ сумасшедшихъ); въ концѣ XVIII в. тутъ была заключена кн. Тараканова, дочь Елисаветы Петровны отъ морганатическаго брака съ А. Разумовскимъ; сохранился портретъ ея съ надписью: „принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ Досифея, постриженица Иван. м-ря“; она провела тамъ въ строгомъ уединеніи 25 лѣтъ, 1785—1810; 33 года высидѣла здѣсь же, въ склепѣ подъ соборомъ, Дарья Салтыкова, Салтычиха—помѣщица, замучившая до 70 своихъ крѣпостныхъ; она сидѣла въ полной тьмѣ и свѣчу вносили только, когда приносили ей ѣсть (1768—1801).

Нѣк. м-ри имѣли значеніе культурныхъ центровъ. Въ XVII в. получили культурное значеніе м-ри Богоявл., Андр. и Заиконосп. Въ Богоявленскомъ было греч. училище, въ Андреевскомъ—ученое братство кіевскихъ монаховъ, устроенное бояр. Ртищевымъ, въ Заиконоспасскомъ выросла цѣлая Славяно-греко-латинская академія, первая высшая школа на Руси, 1668. Изъ ея учениковъ вышли Кантемиръ, Ломоносовъ, Магницкій (авторъ первой ариѳметики), а всего до 1500 чел. Въ 1814 академія перенесена въ Троицкую лавру. Центромъ греческаго вліянія, столь сильнаго въ М. XVII в., былъ Ник.-Греч. м-рь, отданный аѳонскимъ инокамъ; путешественникъ Рейтейнфельсъ записалъ въ своей книгѣ, что эта обитель „мало чѣмъ уступала греческому кварталу въ Римѣ“.

Начиная съ Петра В., русская культура перемѣстилась въ другіе свѣтскіе центры, и м-ри по-

теряли это свое значеніе. Но съ пол. XIX в. замѣтны новыя попытки вернуть м-рямъ ихъ прежнее культурное значеніе. М-ри связываются съ общинами сестеръ милосердія, въ нихъ растутъ всевозможныя учрежденія: Покр. Община—цѣлый городокъ съ пріютомъ, школой, фельдшерскими курсами, амбулаторіей, аптекой, домомъ для призрѣнія престарѣлыхъ монахинь и школой шелководства; въ Выс. Петр.—епарх. библіотека; въ Алекс.—училище для южно-слав. дѣвицъ; въ Скорбящ.—дух. училище, женская гимназія, а теперь учреждается новая высшая школа, женская богословская академія, первая въ Россіи.

Велико и худож. значеніе моск. м-рей. На ихъ архитектурѣ отразилась вся та смѣна вліяній и стилей, какая имѣла мѣсто въ исторіи рус. искусства. Особенностью новой архитектуры явл. колоссальные размѣры храмовъ: сравните ц. Петра митр. въ Петр. м-рѣ (1514 г.), поражающую малыми своими размѣрами, и соборъ Скорбящ. м-ря, вмѣщающій 3 т. молящихся; такъ измѣнился за 4 вѣка весь масштабъ нашей жизни. Въ нѣкоторыхъ м-ряхъ есть иконы Андрея Рублева, С. Ушакова; цѣлый музей старыхъ иконъ до-Никоновской эпохи въ храмахъ Ник. Единовѣрч. м-ря. Страстной м-рь славится своимъ хоромъ по всей Россіи и высылаетъ инструкторовъ церковнаго пѣнія въ другіе монастыри.

Болѣе другихъ интересны м-ри Чудовъ и Вознесенскій, Донской и Новодѣвичій, Новоспасскій и Симоновъ.

Чудовъ и Вознесенскій — въ Кремлѣ. Чудовъ основанъ м. Алексіемъ, на мѣстѣ, гдѣ раньше стоялъ татарскій конюшенный дворъ; ханъ Чанибекъ

подарилъ московскому святителю это мѣсто въ благодарность за исцѣленіе ханши Тайдулы. Готическое крыльцо, работы арх. Казакова, не соотвѣтствуетъ по стилю эпохѣ, когда возникъ м-рь; храмъ м. Алексія перестраивался много разъ, и роспись стѣнъ внутри тоже новая, пол. XIX в. Въ храмѣ помѣщены трофеи Персидской войны 1826 г. Отъ старыхъ временъ сохраняется запрещеніе женщинамъ стоять въ этомъ храмѣ; онѣ допускаются только въ заднюю, трапезную часть; прежде для женщинъ устроена была особая церковь Благовѣщенія, рядомъ съ главнымъ храмомъ, и входъ туда былъ отдѣльный. Мощи м. Алексія — главная святыня обители — поставлены въ выемкѣ стѣны между обѣихъ, мужской и женской, церквей. Гораздо интереснѣе однако другая церковь, во дворѣ м-ря,— храмъ Чуда арх. Михаила, строенный Фіоравенти, памятникъ итальянскаго вліянія эпохи Ивана III и Софьи Палеологъ; храмъ реставрированъ въ пол. XIX вѣка въ древнемъ стилѣ, подъ наблюденіемъ Моск. Арх. общества; такъ же реставрирована и стѣнная живопись. Чудовъ м-рь, находясь внутри Кремля, не былъ самъ крѣпостью, и рѣдко страдалъ отъ военныхъ погромовъ; но въ XIV в. былъ сожженъ Тохтамышемъ; въ 1771 г. разгромленъ мятежниками, искавшими арх. Амвросія, во время чумнаго бунта; въ 1812 г. въ немъ помѣщался маршалъ Даву со своимъ штабомъ; въ алтарѣ была его спальня; мощи м. Алексія были выброшены изъ раки и найдены послѣ въ углу церкви. Въ XVI в. м-рь былъ важнымъ культурнымъ центромъ; въ одной изъ его келій жилъ и работалъ Максимъ Грекъ, разбиравшій в.-кн. библіотеку и переводившій, съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ, книги;

въ его кельѣ сходились для бесѣдъ такія лица, какъ Берсень и Жареный, хулившіе новые московскіе порядки, говорившіе, что великій князь „московскіе обычаи переставляетъ". Изъ этой кельи вынесъ свои идеи кн. Курбскій. Въ XVII в., при Филаретѣ, тутъ была патріаршая греко-латинская школа, и работали ученые кіевскіе монахи. Не даромъ называли Чудовъ м-рь „Великою Лаврой".

Чудовъ м-рь былъ въ то же время и темницей, полуцерковной, полуполитической; въ немъ сохранились каменныя подземелья (подъ храмомъ Чуда арх. Михаила), въ коихъ погибъ въ Смутное время отъ поляковъ св. патр. Гермогенъ; теперь тутъ устроенъ храмъ. Другими узниками Чудова м-ря были: митр. Исидоръ, принявшій флорентинскую унію (ему удалось бѣжать); — новгородскій арх. Ѳеофилъ,— послѣдній владыка свободнаго Новгорода;— другой новгородскій арх. Геннадій Гонзовъ, видный дѣятель іосифлянской партіи, поднявшій гоненіе на жидовствующихъ, — онъ самъ потомъ попалъ въ Чудовъ, за мздоимство, и здѣсь и умеръ и погребенъ въ бывшей могилѣ м. Алексія, согласно его желанію. Въ Чудовомъ же м-рѣ былъ совершенъ судъ надъ патр. Никономъ (12 дек. 1666 г.).

Очень богата ризница Чудова м-ря; здѣсь драгоцѣнное Морозовское евангеліе; усыпанная драгоцѣнными каменьями митра м. Платона, даръ Потемкина,— самая богатая митра въ Россіи,— и т. п. Все это интересно сопоставить съ простымъ облаченіемъ м. Алексія, сохраняемымъ въ особомъ шкафу, рядомъ съ его мощами. Своеобразной святыней является икона м. Алексія, изъязвленная ножомъ еретика Ѳомы Иванова, одного изъ адептовъ Тверитинова, сосланнаго сюда на покаяніе;— Ивановъ

былъ за это сожженъ въ срубѣ на Красной площади (1714 г.).

Вознесенскій женскій м-рь основанъ супругой в. кн. Дмитрія Донского, кн. Евдокіей, которая и сама здѣсь потомъ постриглась съ именемъ Евфросиніи. Онъ стоитъ на мѣстѣ, гдѣ прежде былъ теремъ Донского. Соборная его церковь, не разъ перестроенная, служила долгое время такой же усыпальницей для женской половины московской княжеской и царской фамиліи, какой для мужской ея половины былъ Архангельскій соборъ. Здѣсь погребались московскія княжны и княгини, царевны и царицы, съ 1407 до 1731 г., въ томъ числѣ обѣ супруги Ивана III, 4 супруги Ивана Грознаго, обѣ супруги царя Алексѣя Михайловича. Всѣхъ гробницъ 38. Изъ другихъ церквей одна (в. мч. Екатерины) строена въ нач. XIX в. Казаковымъ, съ готическимъ фасадомъ; въ другой, св. Михаила Малеина, хранится каменное изваяніе Георгія Побѣдоносца,— московскій гербъ, находившійся нѣкогда на Спасскихъ воротахъ Кремля.

Донской м-рь основанъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, послѣ побѣды надъ крымскимъ ханомъ Казы-Гиреемъ,— подходившимъ съ этой стороны къ Москвѣ. Тутъ было самое опасное въ военномъ отношеніи мѣсто Москвы, открывался врагу свободный доступъ къ ней между далеко разставленными м-рями-крѣпостями Даниловымъ и Новодѣвичьимъ, и Донской м-рь съ самаго начала получилъ военное значеніе, съ крѣпкими бревенчатыми стѣнами, на мѣстѣ коихъ съ конца XVII в. возникли нынѣ стоящія каменныя. Боевое значеніе получила и главная святыня м-ря, Донская икона Б. М.; по преданію, ею благословилъ Дмитрія Донского преп.

Сергій, и она была съ нимъ на Куликовомъ полѣ; и потомъ она не разъ ходила въ походы съ московскими князьями и воеводами, была и съ кн. В. Голицынымъ въ обоихъ его крымскихъ походахъ. Въ 1771 году, во время чумнаго мятежа, въ Донскомъ былъ убитъ мятежной толпой арх. Амвросій; гробница его въ старомъ соборѣ м-ря. Донской м-рь богатъ усыпальницами разныхъ фамилій изъ старой знати и изъ виднаго купечества, какъ богато его кладбище могилами извѣстныхъ лицъ изъ интеллигенціи. Цѣлые храмы воздвигнуты надъ усыпальницами гр. Зубовыхъ, Терещенко, купцовъ Первушиныхъ. Въ архитектурномъ смыслѣ интересны старый соборъ Донской Б. М., строенный въ концѣ XVI в., въ эпоху увлеченія деревянными строительными формами, съ кокошниками, закомарами и т. д. (это былъ вѣкъ Василія Блаженнаго); соборъ реставрированъ въ древнемъ стилѣ, но живопись его новая, въ стилѣ Храма Спасителя, позднѣйшаго происхожденія и колокольня. Другой соборъ—новый, конца XVII в., въ характерномъ стилѣ барокко, въ два цвѣта, красный съ бѣлымъ,— памятникъ новыхъ украинскихъ вліяній времени Ѳеодора Алексѣевича. Живопись внутри собора поздняя, XVIII в., итальянской школы (художника Клаудо). Въ томъ же стилѣ московскаго барокко и стѣны и башни м-ря, красныя съ бѣлымъ. Въ старомъ соборѣ — скульптуры Мартоса и Гордѣева на могилахъ кн. Голицыныхъ. (Дон. пл., тр. 18.)

Новодѣвичій м-рь основанъ при Василіи III, въ память присоединенія Смоленска, на Смоленской дорогѣ. Этотъ м-рь тоже былъ крѣпостью, военной твердыней; донынѣ стоятъ его каменныя стѣны, съ зубцами, стрѣльницами, башнями, съ боями и

истоками для смолы и для кипятка. Въ смутное время, во время борьбы съ поляками, м-рь переходилъ изъ рукъ въ руки; при Мих. Ѳед. здѣсь стоялъ гарнизонъ человѣкъ въ 300. Въ 1812 г. Новодѣв. м-рь пострадалъ меньше другихъ; съ разрѣшенія французскихъ генераловъ здѣсь даже продолжалось богослуженіе; потомъ французы подготовили поджогъ и взрывъ м-ря, но игуменья Сарра спасла обитель, во-время замѣтивъ опасность. Подобно Чудову, и Новодѣвичій м-рь служилъ мѣстомъ ссылки и заточенія; здѣсь была пострижена первая супруга Петра Великаго Евдокія Лопухина, здѣсь же сидѣла, а потомъ и была пострижена царевна Софья, и подъ окнами ея кельи были повѣшены около 200 стрѣльцовъ, казненныхъ по приказу Петра. Главный соборъ Смоленской Б. М., начала XVI в., выстроенъ Алевизомъ по образцу кремлевскаго Успенскаго собора; реставрированъ въ концѣ XIX в. подъ наблюденіемъ Арх. об-ва. Три другихъ церкви (2 изъ нихъ надъ воротами) — интересны какъ памятники конца XVII в., эпохи барокко, въ красной и бѣлой краскахъ; такова же и колокольня, и верхнія надстройки башенъ. Церковная живопись—XVII в., мастеровъ Оружейной палаты; есть иконы С. Ушакова; м-рь еще тогда славился обиліемъ иконъ и богатствомъ ризницы, этимъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на греческаго путешественника, діакона Павла Алеппскаго, пріѣзжавшаго въ Москву съ патр. Макаріемъ; по его свидѣтельству, здѣсь все было полно иконъ, иконы были даже на окнахъ,— ихъ было не менѣе 3 тысячъ. Въ мон. ризницѣ можно насчитать 49 однихъ воздуховъ, 84 стихаря, 133 свящ. ризы,— все вклады за поминъ души.— Въ настоящее время

въ м-рѣ есть школа шелковаго шитья и пріютъ для сиротъ съ училищемъ. (За Дѣв. полемъ, трамваи 17 и 23.)

Новоспасскій м-рь на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ на Крутицахъ существуетъ съ 1490 г. Онъ тоже былъ и крѣпостью, и усыпальницей, и темницей. О военныхъ временахъ свидѣтельствуютъ его каменныя стѣны съ башнями; отъ эпохи темницъ не осталось ничего, кромѣ воспоминаній,— а въ старое время тутъ были устроены, подъ Никольскимъ храмомъ, подвалы, застѣнки и каменные мѣшки, куда сажали; здѣсь былъ заключенъ герой Троицкой обороны арх. Діонисій, за неудачное исправленіе церковныхъ книгъ, за то, что онъ „огонь изъ міра выводилъ"; 6 недѣль высидѣлъ онъ здѣсь, и при этомъ его морили голодомъ и томили дымомъ, а годъ спустя греческій патріархъ не нашелъ за нимъ вины. На кладбищѣ м-ря — могила инокини Досифеи (княжны Таракановой) съ часовней; въ часовнѣ ея портретъ. Съ XVI в. Новоспасскій м-рь былъ усыпальницей Романовыхъ; внизу подъ Преображенскимъ соборомъ — до 70 ихъ гробницъ. Надъ гробницами нынѣ устроенъ храмъ въ древнемъ стилѣ (1902 г.). Другой храмъ, въ память 300-лѣтія дома Романовыхъ, освященъ въ 1913 юбилейный годъ и украшенъ иконами стараго письма. Нынѣшній соборъ строенъ въ XVII в., и въ немъ на столпѣ у праваго клироса — изображенія храмоздателей, царей Мих. Ѳед. и Алек. Мих., держащихъ церковь въ рукахъ. Паперть собора расписана старой живописью той же эпохи, но значительно подновленной. Съ паперти — небольшое окно, съ рѣшеткой, за которымъ изображенъ Христосъ въ темницѣ (изваяніе); по особой трубкѣ

можно опускать монеты. Изъ другихъ церквей интересна Знаменская,— усыпальница Шереметевыхъ, въ стилѣ XVIII вѣка, съ бѣлыми и зелеными съ золотомъ колоннами и широкимъ куполомъ въ стилѣ пантеона, иконостасъ съ треугольнымъ фронтономъ (вѣкъ Екатерины). Въ усыпальницѣ кн. Черкасскихъ интересны ихъ портреты, въ стилѣ конца XVIII в., на надгробныхъ памятникахъ. Колокольня XVIII в.— арх. Жеребцова. Въ 1812 г. тутъ были казармы и конюшни французской арміи. (У Спасской заставы, трамваи 16 и 30.)

Симоновъ м-рь основанъ при Дмитріи Донскомъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ боярину Симону Ховрину, и отъ этого получилъ свое имя. Сначала м-рь былъ на другомъ мѣстѣ, въ Старомъ Симоновѣ, гдѣ осталась церковь съ гробницами иноковъ Пересвѣта и Осляби; но рано уже былъ перенесенъ на нынѣшнее свое мѣсто (1370—1379). М-рь тѣсно связанъ съ именемъ преп. Сергія: основателемъ его былъ племянникъ преподобнаго, Ѳеодоръ, преподобный любилъ посѣщать эту обитель, и, по преданію, собственными руками вырылъ прудъ подъ ея стѣнами. Уже въ XVI вѣкѣ славилась своей прочностью ограда м-ря; хотя каменныя стѣны возникли позднѣе, въ 1630-хъ годахъ. Эти стѣны и башни стоятъ донынѣ, поражая своей вышиной — отъ 12 до 18 саженъ; въ старину кругомъ стѣнъ былъ еще насыпанъ валъ, а въ стѣнахъ былъ подземный выходъ наружу, за стѣны м-ря, къ пруду; теперь этотъ ходъ задѣланъ. До сихъ поръ у въѣзда въ м-рь можно видѣть пушки. Въ Смутное время Симоновъ м-рь отбивалъ отъ своихъ стѣнъ Болотникова и поляковъ. Въ эпоху секуляризаціи, при Екатеринѣ II, Симоновъ м-рь былъ

совсѣмъ закрытъ, и въ его стѣнахъ устроенъ чумный карантинъ и военный госпиталь, но затѣмъ его возобновили, какъ оплотъ для борьбы съ расколомъ (1795 г.). Въ архитектурномъ отношеніи интересны палаты царя Ѳеодора Алексѣевича, въ стилѣ барокко, однако сильно подновленныя; тутъ останавливался этотъ государь, когда пріѣзжалъ въ м-рь на богомолье. Съ галлереи этихъ палатъ открывается широкій видъ на Москву. Въ XVIII и началѣ XIX вв. Симоновъ м-рь служилъ излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ для москвичей; здѣсь устраивалось настоящее гулянье; симоновскій прудъ, воспѣтый Карамзинымъ, обратился въ Лизинъ прудъ. (Симонова слободка, трамвай 28 отъ Спасской заставы.)

Марѳо-Маріинская община, основанная в. кн. Елисаветой Ѳеодоровной послѣ кончины ея супруга в. кн. Сергія Александровича,—есть община сестеръ милосердія, съ полумонашескимъ уставомъ, но безъ монашескихъ обѣтовъ. Храмъ Покрова выстроенъ въ 1908 г. арх. Щусевымъ въ стилѣ древнихъ псковско-новгородскихъ храмовъ XV в. и расписанъ художникомъ Нестеровымъ въ стилѣ ранняго итальянскаго Возрожденія, проникавшаго, какъ извѣстно, и на Русь. (Б. Ордынка, 34, трамваи 3, 10, 13, 18.)

Московскія кладбища.

К. Сивкова.

До 1723 г. въ Москвѣ, какъ и въ другихъ городахъ, покойниковъ хоронили при церквахъ, и потому особыхъ кладбищъ не было. 10 окт. 1723 г. былъ изданъ указъ, по которому при городскихъ церквахъ можно было хоронить лишь знатныхъ особъ, а всѣхъ остальныхъ велѣно было хоронить или при монастыряхъ или около приходскихъ церквей внѣ города. Но указъ этотъ плохо исполнялся, и 2 іюля 1748 г. послѣдовалъ новый, запрещавшій хоронить при городскихъ церквахъ на пространствѣ между Успенскимъ соборомъ и дворцомъ (Головинскимъ) на Яузѣ (имп. Елисавета не хотѣла видѣть кладбища на пути во время своихъ частыхъ переѣздовъ изъ Кремлевскаго дворца въ Головинскій), но до устройства особаго загороднаго кладбища разрѣшалось хоронить умершихъ и на этомъ пространствѣ при 9 церквахъ. Такъ какъ и этотъ указъ плохо исполнялся, то епархіальное начальство распорядилось 1 ноября 1755 г., чтобы покойниковъ хоронили исключительно на открытомъ 12 дек. 1750 г. первомъ загородномъ Лазаревскомъ кладбищѣ, близъ Марьиной рощи. Затѣмъ въ 1771 году, во время чумы, по указу сената были отведены за городомъ особыя мѣста для погребенія умершихъ отъ этой болѣзни; тамъ же должны были хоронить и всѣхъ прочихъ покойниковъ. Вслѣдствіе этого были открыты слѣдующія кладбища: Ваганьковское, Даниловское, Дорогомиловское, Калитниковское, Міусское, Пятницкое. Кромѣ того было разрѣшено хоронить при монастыряхъ:

Спасо-Андроніевскомъ, Покровскомъ, Донскомъ и Новодѣвичьемъ, а съ 1781 г. и въ остальныхъ, лежащихъ за Земляным валомъ. Что касается Семеновскаго кладбища, то предполагаютъ, что оно существовало уже въ XVII в.

Кладбища при церквахъ послѣ устройства загородныхъ стали постепенно уничтожаться. Мѣста ихъ выравнивались, надгробныя плиты брались на постройки и на тротуары, земля распродавалась и застраивалась.

Кромѣ православныхъ, въ Москвѣ издавна существовали иновѣрческія кладбища. Древнѣйшее нѣмецкое кладбище находилось (при Грозномъ) между Болвановьемъ и Донскимъ мон. Затѣмъ было еще кладбище въ Марьиной рощѣ. Съ половины XVIII в. (по указу Петра III) иновѣрцамъ разрѣшалось имѣть кладбища при церквахъ. Въ 1771 г. возникло иновѣрческое кладбище на Введенскихъ горахъ. Кромѣ него въ Москвѣ имѣются еще кладбища: Рогожское старообрядческое, Армянское (близъ Ваганьковскаго), Еврейское (близъ Дорогомиловскаго), Татарское.

Такъ какъ старинныя кладбища при церквахъ давно упразднены, а загородныя сравнительно недавняго происхожденія, то естественно, что въ Москвѣ мало старинныхъ могилъ: кое-гдѣ онѣ сохранились лишь на монастырскихъ кладбищахъ; но и тутъ онѣ въ большинствѣ случаевъ плохо поддерживаются. Все это ведетъ къ тому, что могилы очень многихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей совершенно исчезли, и только по разнымъ литературнымъ памятникамъ мы можемъ возстановить мѣсто ихъ погребенія. Ниже мы помѣщаемъ списокъ могилъ замѣчательныхъ

русскихъ людей, которыя сохранились на московскихъ кладбищахъ до настоящаго времени; изъ многихъ тысячъ могилъ мы выбрали тѣ, которыя принадлежатъ лицамъ, получившимъ общую, широкую извѣстность на разныхъ поприщахъ общественной, научной, художественной и государственной жизни.

Какъ уже показываетъ помѣщаемый ниже списокъ, московскія кладбища рѣзко различаются по соціальному составу похороненныхъ на нихъ лицъ: напр., кладбища монастырей Донского, Даниловскаго и Новодѣвичьяго являются мѣстами погребенія лицъ разныхъ интеллигентныхъ профессій; въ прежнее время это были по преимуществу аристократическія кладбища. Кладбище Ваганьковское, наоборотъ, всегда было очень демократическимъ, но со второй половины XIX в. на немъ было похоронено не мало лицъ изъ артистическаго и литературнаго міра. Кладбища Пятницкое и Даниловское — по преимуществу купеческія и небогаты могилами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣкоторыя московскія кладбища совсѣмъ не вошли въ нашъ списокъ, такъ какъ на нихъ не нашлось (по даннымъ, которыя были въ нашемъ распоряженіи) ни одной такой могилы.

Художественными памятниками московскія кладбища не богаты. Наиболѣе интереснымъ въ этомъ отношеніи является кладбище Донского мон. съ памятниками конца XVIII и начала XIX в. — въ старой соборной церкви и на старомъ кладбищѣ. Тутъ встрѣчаются работы разныхъ стилей, принадлежащія мало извѣстнымъ, а то и совсѣмъ неизвѣстнымъ художникамъ, но есть и работы извѣстныхъ скульпторовъ Мартоса и Гордѣева. Много

художественныхъ памятниковъ находится также въ Спасо-Андронниковомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ — во второмъ изъ нихъ надгробія Голицыныхъ, работы Гудона. Отдѣльныя интересныя надгробія встрѣчаются на кладбищахъ Даниловскаго, Симонова и Новодѣвичьяго монастырей.

Кладб. Алексѣевск. женск. мон. Вигель, Ф. Ф. мемуаристъ. 1786 г.—20/III 1856 г. Катковъ Мих. Никиф., публицистъ, 1818 — 1887. Кожевниковъ, Алексѣй Яковл., проф. Московск. ун. 5/III 1836—10/I 1902. Корелинъ, Мих. Серг., проф. Моск. ун. 1855—1899. Юрьевъ, Серг. Андр., литераторъ, основатель „Русской Мысли", 1821—26/XII 1888. Прянишниковъ, Иллар. Мих., художникъ, 1840—12/III 1894. Шаховъ, Ал. Ал., историкъ зап. литературы, 20/XI 1850—5/XII 1877.

Армянское кладб. Джаншіевъ, Григ. Аветовичъ, публицистъ, 1856—1900.

Ваганьковское кладб. Артистка С. П. Акимова, ум. 4/VII 1889 г. Астыревъ, Ник. Мих., писатель, 1857—3/VI 1894 г. Верстовскій, Ал. Ник., композиторъ, 1799—1862. Горевъ, Ѳед. Петр., арт. Мал. театра, ум. въ 1909 г. Даль, Вл. Иван. 10/XI 1801—22/IX 1872, писатель („Казакъ Луганскій") и лексикографъ. Живокини, Вас. Игн., артистъ Мал. т. 1/I 1806 — 18/I 1874. Забѣлинъ, Ив. Егор., историкъ 1820—1909. Ивановъ, Гавр. Аѳан., проф. Моск. ун. 11/VII 1828—21/I 1901. Кирпичниковъ, Ал. Ив., проф. Моск. ун., 18/VII 1845—30/IV 1903. Левитовъ, Александръ Ив., писатель-народникъ, 20/VII 1835—4/I 1877. Мочаловъ, Пав. Степ., арт. Мал. театра, 3/XI 1800 — 16/III 1848. Нефедовъ, Филиппъ Діомид., писатель-народникъ и этнографъ, 1848 — 12/III 1902. Златовратскій, Ник. Ник., писатель-народникъ, 1845—1911. Музиль, Ник. Игн., арт. Мал. театра, 1841—1908. Полѣнова, Ел. Дм., художница, ум. 7/XI 1898. Рыкалова, Аграф. Гавр., артистка Мал. театра, 1805—1840. Рыкаловъ, Вас. Вас., артистъ Мал. театра, сынъ знаменитаго петербургск. комика, 1800—1825. Саврасовъ, Алексѣй Кондр., ху-

дожникъ, 12/V 1830—26/XI 1897. Самаринъ, Ив. Вас., арт. Мал. театра, 1817—13/VIII 1885. Соболевскій, Вас. Мих., ред. „Русск. Вѣд.“ 11/IV 1846—9/V 1913. Стороженко, Ник. Ильичъ, проф. Моск. ун. 1836—1903. Тропининъ, Вас. Андр. академикъ живописи, 1780—3/V 1857. Чупровъ, Ал. Ив., проф. Моск. ун. 6/II 1842—24/II 1908. Шевыревъ, Степ. Петр., проф. Моск. ун. и академикъ, 18/X 1806—8/V 1864. Шумскій, Серг. Вас., арт. Мал. театра, 7/X 1820—6/II 1878. Ѳедотовъ, Ал. Ал., арт. Мал. театра, ум. въ 1910 г.—Братская могила жертвъ Ходынской катастрофы 18 мая 1896 г., погибшихъ на народномъ праздникѣ послѣ коронаціи.

Даниловское кладб. Кудрявцевъ, Петръ Ник. проф. Моск. ун. 4/VIII 1816—18/I 1858. Солодовниковы, В. Г. и М. Г., московскіе благотворители и меценаты. Третьяковы, Пав. Мих. 15/XII 1832—4/XII 1898 и Серг. Мих., 19/I 1834—25/VII 1892, меценаты, основатели художеств. галлереи.

Кладб. Данил. мон. Гоголь, Ник. Вас., писатель, 1809—1852. Дмитріевъ, Ѳед. Мих., проф. М. унив., сенаторъ, 1829—94. Завалишинъ, Дм. Иринарх., декабристъ, 13/VI 1804—5/II 1892. Кошелевъ, Алекс. Ив., публиц. и общ. дѣятель. 9/V 1806—12/XI 1883. Морошкинъ, Ѳед. Лук., проф. М. унив. 1804—1857. Перовъ, Вас. Григ., художникъ, 23/XII 1834—29/V 1882. Рубинштейнъ, Ник. Гр., музыкантъ, 1835—1881. Самаринъ, Дмитр. Ѳедор., обществ. дѣятель, 12/XI 1831—2/XII 1901. Самаринъ, Юрій Ѳед., обществ. дѣятель, участникъ крестьян. реформы 1861 г. Тихонравовъ, Ник. Савичъ, засл. проф., академикъ, 3/X 1832—27/XI 1893. Хомяковъ, Алексѣй Степ., обществ. дѣятель, славянофилъ, 1/V 1804—23/IX 1860. Черкасскій, кн. Влад. Александр., дѣятель крестьянской реформы 1861 г., 2/II 1824—19/II 1878. Языковъ, Ник. Мих. поэтъ, 4/III 1803—24/XII 1846.

Кладб. Донского мон. Арх. Амвросій, убитый толпой во время чумы 1771 г. (гробница въ стар. соборѣ). Дмитріевъ, Ив. Ив., баснописецъ и мин. юстиціи при Александрѣ I, 10/IX 1760—3/X 1837. Киселевъ, Пав Дм., графъ, министръ госуд. имущ. 7/I 1788—14/XI 1872. Ключевскій, Вас. Осип., проф. Моск. ун., 16/I 1841—12/V 1911. Крыловъ, Никита Ив., проф.

Моск. ун., 3/IX 1808—26/XII 1879. Муромцевъ, Серг. Андр., проф., предсѣдатель первой Государственной Думы, 23/IX 1850—4/X 1910. Одоевскій, Вл. Ѳедор., кн., писатель, 30/VII 1804—27/II 1869. Пушкинъ, Вас. Львовичъ, поэтъ, 1767—20/VIII 1830. Репнинъ, Ник. Вас., фельдмаршалъ, 11/III 1734—12/V 1801. Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, 14/XI 1718—1/X 1777. Сѣровъ, Вал. Александр., художникъ, ум. въ 1912 г. Трубецкой, кн. Серг. Ник., проф. и первый выборный ректоръ Моск. ун. 23/VII 1862—29/IX 1905. Хераскovъ, Мих. Матв., писатель, 25/X 1733—27/IX 1807. Чаадаевъ, Петръ Як., писатель, 27/V 1794—14/IV 1856. Якушкинъ, Вяч. Евг., литераторъ, обществ. дѣятель, членъ I Г. Думы, 5/X 1856—2/XII 1912. Шершеневичъ, Габр. Феликс. проф. Моск. ун., 1863—1912. Щепкинъ, Митр. Павл., обществ. дѣятель, публицистъ, 1832—1908.

Дорогомиловское кладб. Памятникъ надъ общей могилой 300 воиновъ, раненыхъ въ Бородинской битвѣ и умершихъ на пути въ Москву.

Еврейское Дорогомиловское кладб. Іоллосъ, Григ. Борис., публицистъ, сотр. „Русск. Вѣд.“, членъ 2 Г. Думы, род. въ 1859 г., убитъ 14/III 1907 г. Левитанъ, Исаакъ Ильичъ, художникъ, 18/VIII 1860—22/VII 1900.

Иновѣрческое кладб. на Введенскихъ горахъ. Гаазъ, Ѳедоръ Ёгоровичъ, докторъ, 24/X 1836—4/X 1875. Гордонъ, генералъ, соврем. Петра В.—Три памятника надъ могилами французовъ, умершихъ въ 1812 году.

Иновѣрческое кладб. въ Марьиной рощѣ. Пасторъ Эрнестъ Глюкъ, директоръ гимназіи. 1655—5/III 1705.

Лазаревское кладб. Сандуновъ, Сила Ник., 1756—27/VIII 1820, и его жена Елиз. Семен. 30/VIII 1777—22/XI 1826, артисты Имп. Моск. театровъ.

Міусское кладб. Каченовскій, Мих. Трофим., проф. Моск. ун. 1/XI 1775—19/IV 1842. Никифоровъ, художникъ, ум. въ 1911 г.

Николаевскій Греческ. мон. Антіохъ Дмитр. Кантемиръ, писатель-сатирикъ, 1708—31/III 1744.

Кладб. Новодѣвичьяго мон. Проф. Моск. ун. А. П. Богдановъ, 1/X 1834—16/III 1896. Давыдовъ, Денисъ Вас., ген.-л., участникъ войны 1812 г., ум. 22/IV 1839 г. на 55 г. Духовской, Мих. Вас., проф. Моск. ун., ум.

21/III 1903 г. на 54 г. Дювернуа, Александръ Львов., проф. Моск. ун. 24/VIII 1839—16/III 1886. Загоскинъ, Мих. Ник., писатель, 14/VII 1789 — 23/VI 1852. Лажечниковъ, Ив. Ив., писатель, ум. въ 1869 г. Милютинъ, Дм. Ал., графъ, фельдмаршалъ, 28/VI 1816 — 25/I 1912. Милютинъ, Ник. Алекс., дѣятель крестьян. реформы, 6/VI 1818—26/I 1872. Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Иван., ветеранъ 1812 г., декабристъ, 25/IV 1793 — 21/II 1886. Писемскій, Алексѣй Ѳеофил., писатель, 10/III 1820 — 21/I 1881. Плещеевъ, Алексѣй Ник., поэтъ, 22/XI 1825 — 26/IX 1893. Погодинъ, Мих. Петр., профессоръ-историкъ, 11/XI 1800 — 8/XII 1875. Поливановъ, Л. И. педагогъ, осн. гимназіи, 1838 — 99. Рукавишниковъ, Ник. Вас., основат. Рукавишниковскаго пріюта, ум. 8/VIII 1875. Соловьевъ, Серг. Мих., профессоръ-историкъ, 5/V 1820—4/X 1879, Соловьевъ, Вл. Серг., философъ, 16/I 1853 — 31/VII 1900. Трубецкой, кн. Серг. Петр., декабристъ, 29/VIII 1720 — 22/XI 1860. Уваровъ, гр. Алексѣй Серг., археологъ, 28/II 1824—29/XII 1884. Чеховъ, Ант. Павл., писатель, 17/I 1860—3/VII 1904. Эртель, Ал. Ив., писатель, 1855—1909.

Кладб. Новоспасскаго мон. Инокиня Досифея, извѣстная подъ именемъ кн. Таракановой, дочь имп. Елисаветы отъ морганатическаго брака съ А. Разумовскимъ, 1745 — 1810. — Тутъ же находятся усыпальницы бояръ Романовыхъ и ихъ родственниковъ, графовъ Шереметевыхъ и др.

Покровск. мон. Боткинъ, Вас. Петр. членъ литер. кружковъ 40-хъ годовъ, 1811—1869. Бѣлоголовый, Ник. Андр., докторъ, авторъ воспоминаній о декабристахъ, Герценѣ, Тургеневѣ и др., 1834 — 1895.

Пятницкое кладб. Грановскій, Тим. Ник. проф. Моск. ун. 9/III 1813—4/X 1855. Ростопчинъ, гр. Ѳед. Вас., моск. ген.-губ. въ 1812 г., 12/III 1765 — 18/I 1826. Садовскіе, Провъ Мих., (10/X 1818—16/VII 1872) и Мих. Пров. (1847—1910), артисты Малаго театра. Суриковъ, Ив. Зах., поэтъ-самоучка. 25/III 1841—24/IV 1880. Татаринова, Екат. Филип., основательн. мистико-рел. кружка, 29/VIII 1783—13/VII 1856. Урусовъ, кн. Александръ Ив., юристъ, адвокатъ, 2/IV 1843—16/VII 1900. Щепкинъ, Мих. Сем., арт. Мал. театра, 6/XI 1788—11/VIII 1863.

Рогожское кладб. Солдатенковъ, Козьма Терент., коммерціи совѣтникъ, извѣстн. благотворитель и меценатъ, 10/X 1818—19/V 1901.

Семеновское кладб. Полежаевъ, Алекс. Ив., поэтъ, ум. 16/I 1838.

Кладб. Симонова мон. Могила иноковъ А. Пересвѣта, и Р. Ослябы (церковь Рожд. Богородицы) Царь Симеонъ Бекбулатовичъ и его жена, царица Анастасія, (подъ папертью въ палаткѣ) Аксаковъ, Конст. Серг., обществ. дѣятель, писатель, 1817—1860. Аксаковъ, Серг. Тим., писатель, 1791—1859. Веневитиновъ, 14/IX 1805—15/III 1827, поэтъ. Пассекъ, Вад. Вас., этнографъ-писатель, членъ кружка Герцена.

Спасо-Андроніевъ мон. Волковъ, Ѳед. Григ., актеръ, 9/11 1729—4/IV 1763. Демидовъ, Пав. Григ., меценатъ, имя котораго связано съ моск. ун. и Ярославскимъ лицеемъ, 29/XII 1738—1/VII 1821. Иконописецъ Андрей Рублевъ, ум. въ 1430 г.

Чудовъ мон. Морозовъ, Илья (Борисъ) Ив., воспитатель царя Ал. Михайл., ум. 1/XI 1661 г. Славинецкій, Епифаній, риторъ и богословъ. Вел. кн. Сергій Александровичъ, убитъ 4 февр. 1904 г.; памятникъ—крестъ работы худ. Васнецова—на площ. передъ арсеналомъ. Тутъ же могилы кн. Трубецкихъ, Куракиныхъ, Хованскихъ, Щербаковыхъ и др.

Старообрядческая Москва.

В. Макарова.

Москва является духовнымъ центромъ всего русскаго старообрядчества, которое насчитываетъ въ своей средѣ болѣе 10 мил. чел. Здѣсь живетъ духовный глава старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣлокриницкое священство,—глава согласія самаго организованнаго, многочисленнаго и передового, —

„архіепископъ Московскій и всея Россіи“, ежегодно собираются „освященные соборы“ старообрядческой церкви изъ епископовъ, клириковъ и представителей отъ мірянъ — (высшій органъ суда и управленія въ старообрядчествѣ бѣлокриницкой іерархіи), а также всероссійскіе съѣзды старообрядцевъ для разрѣшенія назрѣвшихъ въ старообрядчествѣ вопросовъ. Не однажды собирались здѣсь соборы и съѣзды старообрядцевъ и другихъ согласій. Въ Москвѣ находятся старинные старообрядческіе храмы и богатѣйшія старообрядческія собранія и коллекціи церковныхъ древностей, въ видѣ иконъ, книгъ и т. п. Изъ этихъ собраній особенно выдѣляются—С. П. Рябушинскаго, гг. Рахмановыхъ, старообрядческаго священника о. И. П. Носова и др. Въ Москвѣ работаютъ виднѣйшія старообрядческія организаціи и общества, идейныя теченія въ которыхъ служатъ руководящими указаніями для старообрядцевъ всей Россіи: къ Москвѣ всюду присматриваются и прислушиваются и она задаетъ тонъ въ общественной старообрядческой жизни. Здѣсь же работаютъ нѣсколько старообрядческихъ типографій, гдѣ издаются, въ послѣдніе годы въ очень большомъ количествѣ, старообрядческія духовныя и свѣтскія книги, брошюры и періодическіе органы печати, напримѣръ—такіе популярные и вліятельные въ старообрядчествѣ, какъ „Старообрядческая Мысль“, „Церковь“ и другіе. Въ Москвѣ нѣсколько старообрядческихъ книжныхъ магазиновъ, образцовыхъ иконописныхъ мастерскихъ и т. п. Отсюда разъѣзжаютъ по всей Россіи старообрядческіе начетчики для борьбы съ нападками на старообрядчество миссіонеровъ господствующей церкви путемъ публичныхъ преній о вѣрѣ

и разномысліяхъ. Съ октября 1912 года открыто въ Москвѣ и первое „высшее“ учебное заведеніе для старообрядцевъ—„Богословско-учительскій институтъ“ для приготовленія старообрядческихъ учителей, духовныхъ лицъ и интеллигентныхъ работниковъ на мѣстахъ, въ который стекаются молодые старообрядцы „за наукой“ со всѣхъ угловъ необъятной Россіи. Москва и въ прошломъ сыграла большую роль въ исторіи старообрядчества: ни одно крупное событіе въ старообрядчествѣ за послѣднія 150 лѣтъ не обошлось безъ вліянія Москвы, а учрежденіе въ Австріи въ 1846 году самостоятельной старообрядческой іерархіи (бѣлокриницкой) нужно отнести почти всецѣло на счетъ Москвы.

Главнѣйшія старообрядческія учрежденія въ Москвѣ.

Старообрядческая архіепископія (Ново-Андроньевскаго уч., на Рогожскомъ кладбищѣ).

Совѣтъ всероссійскихъ старообрядческихъ съѣздовъ (Ильинка, д. Московскаго банка). Совѣтъ существуетъ съ 1900 года и имѣетъ значеніе междусъѣздоваго бюро. Возникъ онъ одновременно со всероссійскими старообрядческими съѣздами, которые сначала собрались тайно въ Н.-Новгородѣ. Первый съѣздъ собрался по иниціативѣ † епископа Арсенія (Швецова) и Д. В. Сироткина вслѣдствіе проектированныхъ тогда драконовскихъ мѣръ противъ старообрядческихъ епископовъ. По постановленію съѣзда было подано прошеніе Государю Императору за подписью 49,753 старообрядцевъ, и предположенныя мѣры не были

осуществлены вполнѣ. По уставу, Совѣтъ съѣздовъ даетъ справки и руководящія указанія старообрядцамъ на мѣстахъ. Онъ сносится съ правительственными, общественными и частными учрежденіями и лицами по старообрядческимъ дѣламъ. Совѣтъ удѣляетъ большое вниманіе вопросамъ переселенія, сельскаго хозяйства, кооперації и народнаго образованія въ старообрядчествѣ.

Комиссія по народному образованію при Совѣтѣ всероссійскихъ старообрядческихъ съѣздовъ (Ильинка, д. Московскаго банка). Комиссія учреждена всероссійскимъ съѣздомъ старообрядцевъ 1913 года для разработки назрѣвшихъ вопросовъ народнаго образованія и плана школьной сѣти для старообрядцевъ и подготовки матеріала для имѣющаго быть созваннымъ въ 1914 году спеціальнаго старообрядческаго съѣзда по народному образованію.

Братство Св. Креста (Б. Каменьщики, д. Уварова). Основано въ 1874 году при содѣйствіи тогдашняго архіепископа Антонія въ противовѣсъ тогда же учрежденному миссіонерскому Братству св. Петра митрополита, имѣющему цѣлью борьбу со старообрядчествомъ. Братство Св. Креста 34 года работало нелегально. Оно готовило начетчиковъ, составляло книги и брошюры (болѣе 100 названій) и распространяло ихъ по всей Россіи. Просвѣтительное значеніе Братства среди старообрядцевъ очень велико. Уставъ Братства, насчитывающаго около 300 членовъ, утвержденъ правительствомъ 22 апрѣля 1908 года. При Братствѣ состоятъ: а) комиссія начетчиковъ (ранѣе „союзъ начетчиковъ“), задача коихъ оказывать противодѣйствіе нападкамъ на старообрядчество миссіонеровъ господствующей

церкви; б) начальная старообрядческая школа; в) большая и очень цѣнная библіотека для членовъ Братства; г) старообрядческій смѣшанный хоръ любителей древняго знаменнаго пѣнія (около 100 человѣкъ). Хоръ неоднократно давалъ публичные концерты въ Москвѣ и провинціи и пользуется успѣхомъ [1]). 30 марта 1912 года хоръ Братства далъ научно-историческій концертъ по предложенію Московскаго музыкально-этнографическаго общества; д) старообрядческое книгоиздательство и книготорговля (на паевыхъ началахъ). Оно издаетъ и распространяетъ старообрядческую литературу и дѣлаетъ большіе обороты. Только за три года имъ издано болѣе 300,000 экземпляровъ разныхъ сочиненій; е) лекціонная комиссія, устраивающая по воскреснымъ днямъ чтенія и лекціи на религіозныя, церковно-общественныя, историческія и т. п. темы. Комиссія работаетъ съ 1907 года, когда была прочитана В. Е. Макаровымъ первая лекція отъ Братства „Старообрядчество, его смыслъ и значеніе“.

Старообрядческое культурно-просвѣтительное общество (организуется по типу „Московскаго О-ва Грамотности“).

Старообрядческое благотворительное общество (Дурной пер., д. Баулиной).

Старообрядческій богословско-учительскій институтъ (Землянка, Николо-Ямскій туп., д. 6). Открытъ съ Высочайшаго разрѣшенія при Московской старообрядческой общинѣ

---

[1]) Начало устройству публичныхъ старообрядческихъ концертовъ положено первымъ въ старообрядчествѣ хоромъ А. И. Морозова въ 1908 году въ Московской Консерваторіи.

Рогожскаго кладбища въ сентябрѣ 1912 года. Курсъ ученія въ институтѣ шестилѣтній: первые 4 года проходятся общеобразовательные предметы, послѣдніе 2 года—богословскіе и педагогическіе. Въ программу института входятъ: кромѣ общихъ предметовъ, богослуженіе, катихизисъ, исторія восточной, западной и русской церкви, исторія старообрядчества, иконопись, богословіе, церковное право, исторія священнаго писанія. Въ институтъ принимаются окончившіе курсъ не ниже двухкласснаго министерскаго училища. Открыты первые три класса. Община Рогожскаго кладбища отвела въ своихъ владѣніяхъ 4 десятины земли подъ постройку зданія института и для устройства при немъ сада, огорода, образцоваго опытнаго поля и мастерскихъ. Смѣта на зданіе сведена въ 200,000 рублей. Заложено прекрасное зданіе по проекту архитектора Горностаева.

Рогожское старообрядческое кладбище.

Самымъ богатымъ и извѣстнымъ во всемъ старообрядчествѣ учрежденіемъ является Рогожское кладбище. Отъ Покровской заставы надо миновать длинную слободу до городской черты. Пройдя подъ мостами, по которымъ проложены Курская и Нижегородская желѣзныя дороги, мы очутимся у воротъ кладбища. За высокимъ и крѣпкимъ заборомъ находится цѣлый большой поселокъ одно-этажныхъ и двухъ-этажныхъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ и палатъ, а среди нихъ три каменныхъ церкви и громадная, красивая, въ древнемъ стилѣ колокольня, подъ которой тоже помѣщается храмъ. Вездѣ надписи: „курить воспрещается“. Въ домахъ

живутъ архіепископъ, духовенство, причтъ, служащіе и призрѣваемые въ богадѣльняхъ кладбища. Пройдя мимо храмовъ собственно на кладбище, мы увидимъ необычную картину: огромная, въ нѣсколько десятинъ, площадь, поросшая рѣдкимъ лѣсомъ, завалена каменными плитами - памятниками—почти всѣ въ видѣ гроба. Среди нихъ каменный небольшой обелискъ, который и объясняетъ происхожденіе кладбища. На этомъ памятникѣ изображенъ восьмиконечный крестъ, а подъ нимъ черепъ. Кругомъ стихотворное описаніе ужасовъ чумы и отмѣтка, что мѣсто это отведено для погребенія усопшихъ старовѣровъ въ 1771 году, когда въ Москвѣ свирѣпствовала чума. Въ этомъ же году на кладбищѣ старообрядцами была устроена больница для больныхъ чумою и деревянная часовня для отпѣванія умершихъ. Въ 1776 году вмѣсто нея была устроена каменная (зимняя) часовня во имя св. Николы чудотворца. Въ 1790 г. построена другая громадная каменная часовня въ честь Покрова Пресвятой Богородицы (лѣтняя). Въ 1804 году построена третья большая каменная часовня во имя Рождества Христова (зимняя). Кромѣ того въ разное время старообрядцами построены на кладбищѣ деревянныя и каменныя богадѣленныя палаты и помѣщенія, въ которыхъ въ былыя времена призрѣвалось болѣе 1000 душъ обоего пола неимущихъ и увѣчныхъ старообрядцевъ, не считая воспитывавшихся на кладбищѣ младенцевъ - подкидышей.

Съ 1827 года запрещено было присоединять къ старообрядчеству священниковъ отъ господствующей церкви, каковыми тогда пользовалось Рогожское кладбище. Дѣтскій пріютъ былъ закрытъ пра-

вительствомъ въ 1835 г., и большинство дѣтей было взято въ военные кантонисты. Въ томъ же году было приказано закрыть и существовавшее на кладбищѣ училище. Въ 1855 г. приказано было призрѣваемыхъ удалить въ мѣста, къ коимъ они приписаны, „съ учрежденіемъ строжайшаго надзора за ними, а лишенныхъ ума перевести въ правительственныя богоугодныя заведенія". Въ 1854 году была отобрана и отдана единовѣрцамъ часовня во имя св. Николы. Въ этомъ же году казенный смотритель кладбища Мозжаковъ удалилъ съ кладбища всѣхъ дьячковъ (до 40 человѣкъ), и богослуженіе въ часовняхъ прекратилъ. Черезъ 14 мѣсяцевъ, въ 1856 году, съ разрѣшенія министра Ланского, богослуженіе возобновилось, но по ложному доносу миссіонера іером. Парфенія противъ старообр. выступилъ м. Филаретъ. 20 іюня 1856 г. повелѣно было запечатать алтари на кладбищѣ, а вскорѣ были запечатаны и наружныя двери храмовъ. Потомъ храмы открыты, и богослуженіе возобновилось, но алтари, со всѣмъ въ нихъ находившимся, были запечатанными до 16 апрѣля 1905 года. Въ 1881 году, по особому ходатайству, гр. Лорисъ - Меликовымъ было разрѣшено поставить въ храмахъ походные алтари, но К. П. Побѣдоносцевъ скоро добился ихъ удаленія.

16 апрѣля 1905 года, по Высочайшему повелѣнію, спеціальные царскіе послы кн. Голицынъ и гр. Шереметьевъ распечатали алтари, и взорамъ собравшагося народа представилась ужасная картина разрушенія внутри алтарей за 49 лѣтъ. Погибла масса древнихъ и цѣнныхъ иконъ, вещей и утвари. Картина этого разрушенія удачно схвачена на громадномъ полотнѣ художника Струнникова,

находящемся въ главномъ залѣ кладбищенской гостиницы. Въ 1907 году на Рогожскомъ кладбищѣ учреждена старообрядческая община по закону 17 октября 1906 года. Исполнительнымъ органомъ ея является совѣтъ изъ 40 членовъ, которые выдѣляютъ изъ своей среды троихъ „попечителей“, завѣдующихъ непосредственно дѣлами кладбища. Капиталы кладбища превышаютъ 3,000,000 рублей, не считая храмовъ и ихъ обстановки. Ежегодный приходъ-расходъ около 150,000 рублей. Призрѣвается на кладбищѣ до 700 человѣкъ. Выстроена хорошая больница и пріютъ для душевно-больныхъ. Содержится начальная школа для старообрядцевъ и школа древне-церковнаго пѣнія. На кладбищѣ 5 священниковъ, 4 діакона и большой хоръ пѣвчихъ. Въ память закона о вѣротерпимости 1905 года общиной сооружена огромная и красивая колокольня въ древнемъ стилѣ, по проекту архитектора Горностаева, стоившая до 500,000 рублей, и подъ нею храмъ во имя Воскресенія Христова. При храмахъ богатѣйшая ризница. Всѣ храмы обставлены исключительно древними и весьма цѣнными иконами, между ними Андрея Рублева и друг. Все это за 140 слишкомъ лѣтъ существованія кладбища тщательно собиралось и скупалось по всей Россіи старообрядцами-любителями, знатоками и цѣнителями старины. Въ особомъ помѣщеніи при колокольнѣ хранится богатый архивъ кладбища и старообрядческой архіепископіи, включающій массу цѣнныхъ документовъ и древнихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ за собою до 500 лѣтъ.

Главнѣйшіе храмы и молитвенные дома старообрядцевъ бѣлокриницкой іерархіи:

Соборный, Успенія Б. М., „на Апухтинкѣ“ (Новоселенскій пер.);
Замоскворѣцкой общины (Кузнецкая ул.);
Введенской—(Генеральная ул., д. 8);
Покровско-Успенской—(Гавриковъ пер., д. 29);
Остоженской—(3 Ушаковскій пер., д. 8);
Каринкинской—(Б. Вокзальный пер., д. 16);
Тихвинской—(Уг. Серпухов. Камеръ-коллеж. вала и Хавской ул.) и друг.; всѣхъ 21 храмъ.

Храмы старообрядцевъ бѣлокриницкой іерархіи, т.-наз. „неокружниковъ“:

Свято-Никольской общины („іовцевъ“) (Лефортов. пер., д. 8);
Преп. Сергія („іосифовцевъ“) (Б. Вокзальный пер., д. 21);
Успенія Б. М. („даниловцевъ“—не признающихъ общинъ) (Земляной валъ, уг. Таганскаго туп., д. 10);
Моленная инока Геннадія Завалова (отдѣлившіеся и отъ „даниловцевъ“) (2 Хапиловская (она же Благуша), д. Завалова); всего 4 храма.

Храмы старообрядцевъ, принимающихъ священниковъ, переходящихъ отъ господствующей церкви:

Никольско-Рогожской общины (Уг. Мал. Андроніев. и 3 Рогожской ул., д. 11);
Карасевская моленная (Дѣвкинъ пер.); всего 2 храма.

Храмы старообрядцевъ-безпоповцевъ поморскаго брачнаго согласія:

Первой общины поморцевъ (Б. Переведеновскій пер., д. общины);
Второй общины—(Токмаковъ пер., д. 17). При этомъ храмѣ состоитъ учрежденный на соборѣ поморцевъ въ Москвѣ 1—12 мая 1909 года „Совѣтъ всероссійскихъ соборовъ и съѣздовъ поморцевъ, пріемлющихъ бракъ;
Домовая моленная Викула Морозова (Введенск. пер., д. 21); всего 3 храма.

Храмы старообрядцевъ „старопоморскаго благочестія“ (безпоповцы безбрачные, или „ѳедосеевцы“):

Преображенское кладбище (Камеръ-коллежскій валъ, № 4) основано Ильею Алексѣевичемъ Ковылинымъ въ 1771 году. Богато древностями. Капиталъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Въ богадѣльняхъ при кладбищѣ сотни призрѣваемыхъ. Прекрасная больница. На Преображенскомъ кладбищѣ всего 8 храмовъ: Соборный Воздвиженія креста Господня, остальные въ палатахъ для призрѣваемыхъ.

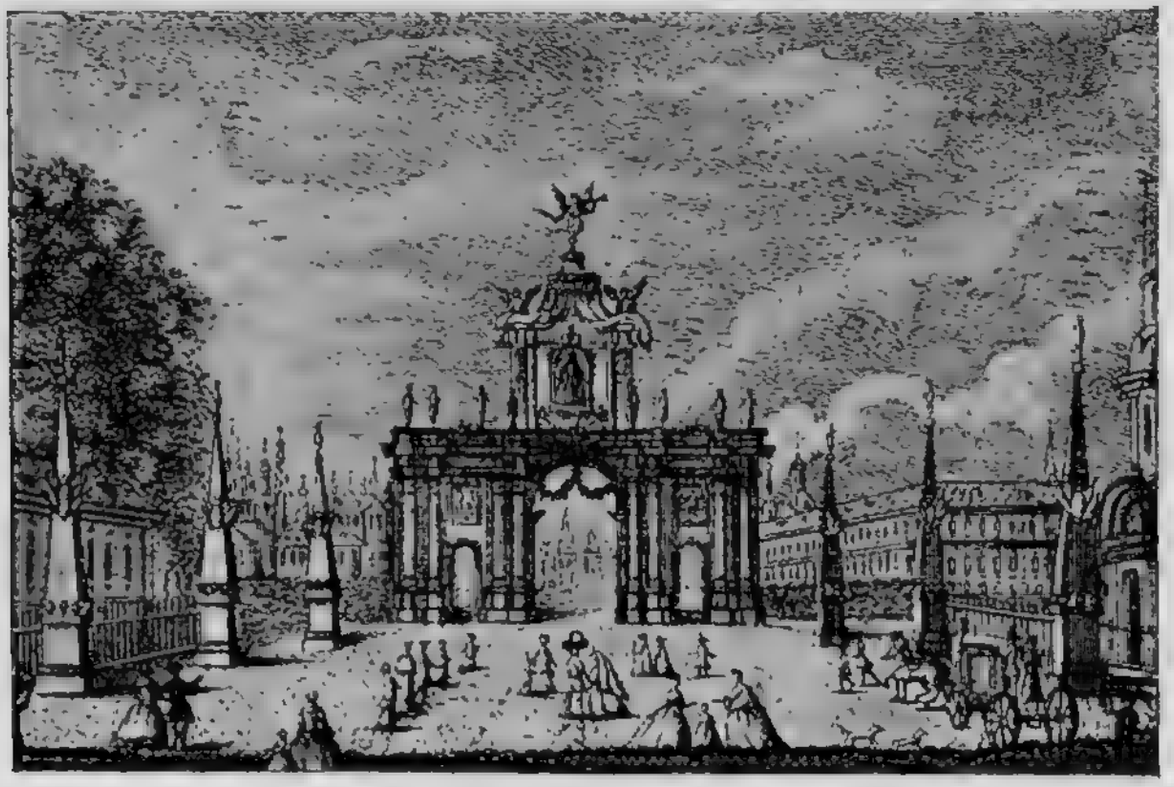
Рядомъ лежащій Никольскій единовѣрческій монастырь (съ извѣстной Хлудовской библіотекой) отнятъ въ 50-хъ годахъ XIX вѣка у Преображенскаго кладбища.

Храмы старообрядцевъ-безпоповцевъ безбрачныхъ филипповскаго согласія:

Успенія Б. М. (основанъ въ 1807 году) (Дурной пер., д. 6, „Братскій дворъ“);

Домовая моленная Успенія Б. М. (Новая деревня, Коломенская ул., д. 39); всего 2 храма.

Въ смыслѣ изученія современнаго старообрядчества (съ идейной и общественной стороны) наиболѣе интересны храмы и организаціи старообрядцевъ бѣлокриницкой іерархіи. Со стороны же старыхъ внѣшнихъ формъ наиболѣе типичны безпоповцы, особенно преображенцы и филипповцы.



Красныя ворота 1814 г. (Съ гравюры Дюрфельда.)

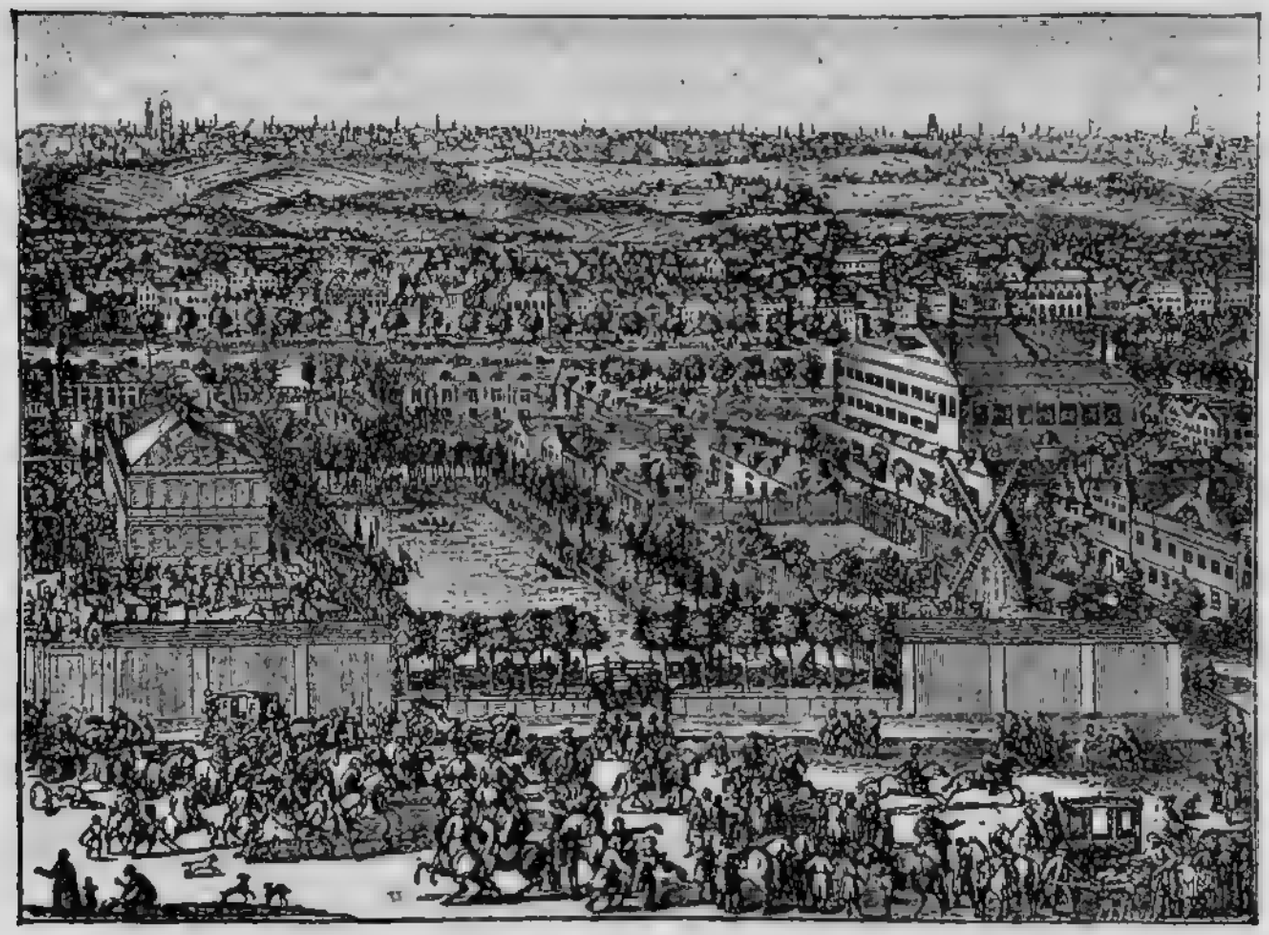
Барская Москва и ея подмосковныя.

М. Голубцовой.

Въ первые годы XVIII в. московская знать по волѣ Петра В. потянулась вслѣдъ за дворомъ въ новую столицу; но сѣверный „парадизъ“ не понравился кореннымъ москвичамъ, и они неустанно стремятся къ приволью родной Москвы и своихъ подмосковныхъ. Она становится барской столицей: неслужилое дворянство пріѣзжаетъ сюда учить дѣтей въ пансіонахъ, пристраивать дочерей замужъ, сыновей на службу; блестящіе вельможи, недовольные Петербургомъ, доживаютъ свои дни въ „пышномъ бездѣйствіи“. Все это пестрое дворянское общество живетъ широко, по-домашнему, порой кри-

тикуя новую столицу; недаромъ сама Екатерина II звала Москву „республикой“.

Москва XVIII в. была мало похожа на современную; дома рядового дворянства б. ч. деревянные, неопредѣленной архитектуры, раскидывались на всемъ просторѣ со службами, огородами, садами; даже на бойкихъ улицахъ, гдѣ теперь, плотно сомкнувшись, стоятъ „небоскребы“, встрѣчались пустыри, тянулись заборы. Мостовыя плохи и тѣхъ мало; фонари, заведенные при Елисаветѣ, рѣдки; оттого осенью тьма и грязь непролазная. Теперешній центръ—Кузнецкій Мостъ, Театральная и Воскресенская площади были еще въ первобытномъ состояніи: извилисто текла Неглинка, образуя пруды и на площадяхъ



Нѣмецкая слобода. Головинскій дворецъ.
(Альбомъ Найденова.)

болота, куда сваливали всякіе отбросы; у Воскресенскихъ воротъ еще въ 80 гг. стояли мельницы, а на мѣстѣ Александровскаго сада по Неглинной на Масленой строились ледяныя горы, и нерѣдко по утрамъ дрались воспитанники Славяно-греко-латинской академіи съ университетскими гимназистами. Забытъ и заброшенъ старый Кремль, дворцы гніютъ, и только къ коронаціямъ ихъ наскоро чинятъ.

Аристократическій центръ Москвы тогда былъ въ далекомъ Лефортовѣ съ прилежащими улицами—Нѣмецкой, Басманными. Петръ В., тяготѣвшій къ Нѣмецкой слободѣ, построилъ здѣсь первый дворецъ, а за нимъ возникли многіе другіе—Анненгофъ, Головинскій, Слободской, Лефортовскій и не менѣе пышные дома знати. Даже теперь, когда эта часть Москвы забыта и заброшена, за Яузой сохранился типичный уголокъ XVIII в.—кадетскіе корпуса въ старыхъ дворцахъ, казармы, барскіе особняки.—На Покровкѣ хорошо сохранился дворецъ гр. Разумовскаго (нынѣ 4-ая гимназія) постройки Растрелли, въ стилѣ барокко. У Красныхъ воротъ (1741 г.) еще стоитъ Куракинская богадѣльня, первое благотворительное учрежденіе въ Москвѣ, да на Б. Лубянкѣ домъ Орлова-Денисова (нынѣ Рос. Страховое Общ.), гдѣ въ 1811 г. жилъ гр. Растопчинъ. Вотъ почти все значительное, что осталось въ Москвѣ отъ Елисаветинской эпохи, если не считать церквей, изъ которыхъ лучшія ц. Климента на Пятницкой (по планамъ Растрелли) и ц. Никиты мученика на Басманной.

Полнаго расцвѣта достигаетъ барская Москва въ эпоху Екатерины II; родовыя богатства и царскіе подарки въ видѣ тысячъ душъ проживались здѣсь одинаково легко. Въ Москвѣ тогда жили старшіе

представители знаменитыхъ родовъ, нѣкогда сами „дѣлавшіе исторію“—бр. Орловы, Разумовскіе, Шереметевы, Долгорукіе, Голицыны, Остерманы, Апраксины и др., приливали непрерывной полосой богатые люди изъ провинціи. Истинный вельможа для поддержанія своего „имени“ долженъ былъ тратить громадныя деньги на внѣшній decorum и ме-

Театральная площадь до 1812 г. (Изъ коллекцій Э. В. Готье.)

ценатство во всѣхъ его видахъ. Лучшіе архитектора завалены работой, и одинъ за другимъ воздвигаются дворцы, выписываются изъ-за границы мраморъ, бронза, мебель. Въ 70-ые годы въ искусствѣ подъ вліяніемъ Запада уже намѣчается уклонъ въ сторону большей простоты и строгости формъ; въ этомъ переходномъ стилѣ Louis XVI отъ барокко къ классицизму построенъ въ 80-ыхъ гг. домъ

Пашкова на Моховой, нынѣ Румянцевскій музей; по стройности и выдержанности массъ, умѣлой постановкѣ среди зелени на холмѣ это зданіе и по праву было гордостью Москвы; архитекторъ неизвѣстенъ.

Москва конца XVIII вѣка — совокупность большихъ селъ съ роскошными усадьбами. Дворцы екатерининскаго классицизма и теперь поражаютъ своей массивностью, строгостью формъ; многіе уцѣлѣли до нашихъ дней, но въ ихъ громадныхъ залахъ, зеленыхъ и красныхъ гостиныхъ, диванныхъ б. ч. уже не осталось слѣдовъ прежней пышности: они заняты учебными заведеніями, больницами, иногда десятками квартиръ, и только немногіе заботливо охраняются.

На Воздвиженкѣ жилъ гетманъ Малороссіи гр. Кириллъ Разумовскій (нынѣ д. гр. Шереметева); онъ принималъ у себя всю Москву, и подъ старость выходилъ къ гостямъ въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ съ нашитой на немъ андреевской лентой.

Сынъ его гр. А. К. построилъ себѣ домъ на Гороховомъ полѣ (Николаевскій Сиротскій институтъ) по планамъ лучшаго арх. М. Казакова, такъ хорошо приспособившаго холодный классическій стиль къ лѣнивому и широкому барству; домъ этотъ вмѣстѣ съ мебелью стоилъ около 4 мил. руб., былъ извѣстенъ ботаническими коллекціями графа, человѣка „гордыни непомѣрной“.

На Разгуляѣ стоялъ д. гр. Мусина-Пушкина (2-ая мужская гимназія), обладателя 50.000 душъ, одного изъ первыхъ щеголей и гастрономовъ своего времени: у него кормили индѣекъ трюфелями, птицы питались орѣхами, рейнскимъ виномъ и сливками. На Басманной жили богато князья Куракины (Межевой институтъ), у Красныхъ воротъ—Юсуповы, на

Мясницкой—гр. Панины (уч. Воскресенскаго); масонъ Юшковъ собиралъ своихъ братьевъ (д. училища Живописи, Ваянія и Зодчества) въ домѣ, построенномъ Баженовымъ, съ любопытной колоннадой на срѣзанномъ углу.

На Басманной жилъ чудакъ-милліонеръ Демидовъ, жертвовавшій сотни тысячъ на Воспитательный

Распутіе, перекрестокъ, въ Москвѣ нач. XIX в. по акварели Моск. Истор. Музея. (Съ грав. Дюрфельда.)

домъ, закупившій всю Европу; нерѣдко выѣзжалъ онъ на парѣ: „на запяткахъ трехъаршинный гайдукъ и карлица, лѣвая коренная съ верблюда, а правая съ собаку".

На Самотекѣ славился гостепріимный домъ гр. Остермана, теперь передѣланный подъ московскую духовную семинарію; по воскресеньямъ онъ при-

нималъ сотни гостей, за обѣдомъ бывало до 40 блюдъ; на его просторномъ дворѣ не умѣщались раззолоченныя кареты и коляски приглашенныхъ.

Многіе вельможи имѣли дворцы за городомъ; до сихъ поръ сохраняется за Калужской заставой

Ледяныя горы на Неглинной въ концѣ XVIII в. (Съ грав. Делабарта.)

„Нескучное“ гр. Ал. Орлова-Чесменскаго (теперь дворцовое владѣніе); садъ, разбитый по всѣмъ правиламъ тогдашняго искусства, хорошо былъ извѣстенъ всей Москвѣ: здѣсь по воскресеньямъ на „воздушномъ театрѣ“ ставились пьесы, на Москвѣ рѣкѣ горѣли иллюминаціи. Самъ графъ, любимецъ москвичей, неизмѣнно показывался съ блестящей свитой на московскихъ гуляньяхъ: 1-го мая въ Сокольникахъ, на Святой подъ Новинскимъ, на Масленой смотрѣлъ кулачные бои на Неглинной; передъ своимъ дворцомъ устраивалъ бѣга.

Около титулованнаго дворянства всегда корми-

лось много обѣднѣвшихъ помѣщиковъ, приживалокъ, шутовъ; вся эта свита придавала своеобразный отпечатокъ барскому быту вмѣстѣ съ толпою дворни въ расшитыхъ кафтанахъ: „баринъ“ былъ царь и богъ. Широко и весело жила барская Москва: обѣды, балы, маскарады, театры не прерывались; по словамъ Вигеля, случалось иногда въ вечеръ до 40 баловъ въ дворянскихъ домахъ.

Зимою съ 24 ноября (день именинъ императрицы Екатерины II) и до 21 апрѣля (день ея рожденія) по вторникамъ бывали балы въ Благородномъ Со-

Подновинское гулянье конца XVIII в. (Съ грав. Делабарта.)

браніи (въ Охотномъ ряду), и старшины строго смотрѣли, чтобы туда не проникли не дворянскіе элементы. Домъ, строенный М. Казаковымъ, былъ подаренъ имп. Екатериной московскому дворянству; внѣшній видъ его измѣнился съ надстройкой 3 этажа,

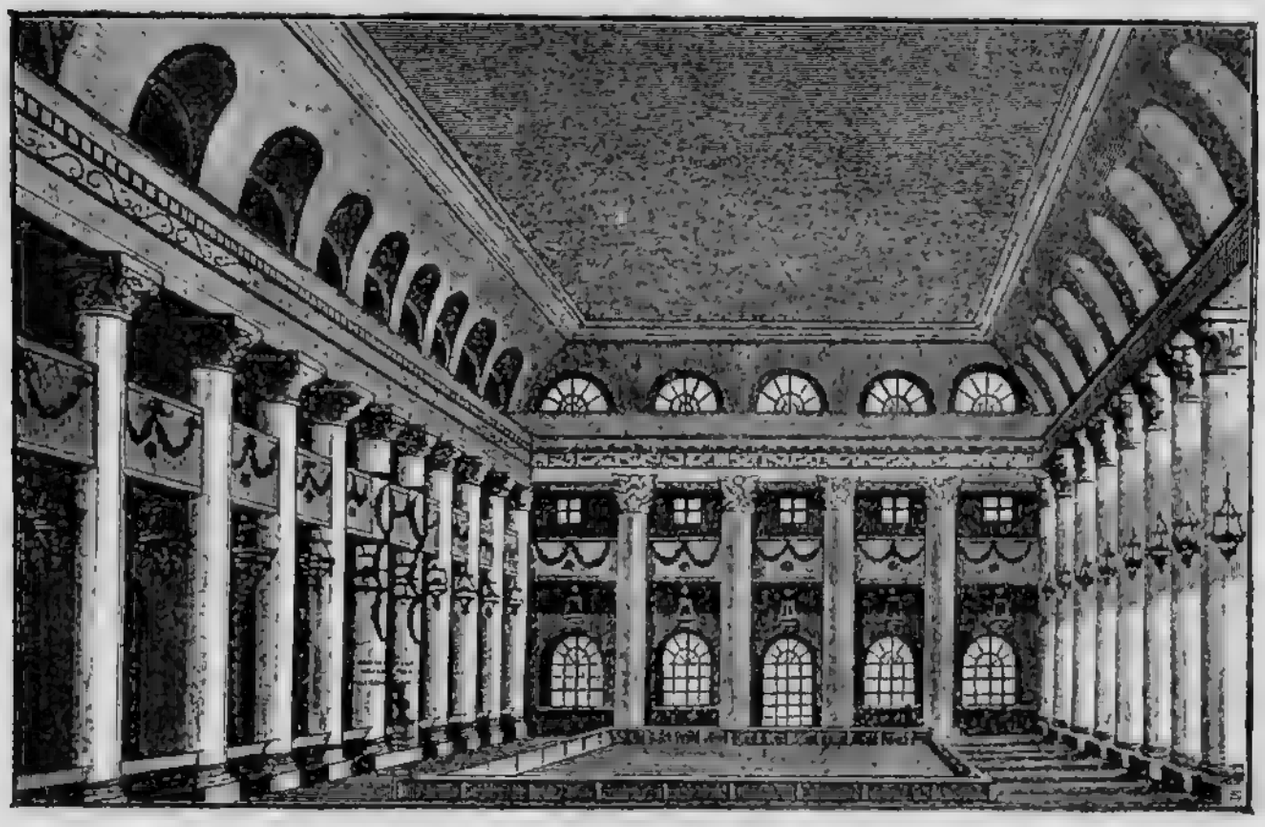
но попрежнему хороши его залы. Къ 6 ч. вечера начинался съѣздъ, и балъ открывался полонезомъ; въ изящной бѣлой залѣ мелькали воздушные наряды московскихъ красавицъ и скромныхъ провинціалокъ, шитые золотомъ придворные кафтаны вельможъ и разноцвѣтные мундиры провинціальнаго дворянства; пожилыя дамы въ тяжелыхъ робахъ сидѣли у стѣнъ, и къ нимъ съ почтительными поклонами и реверансами подходила молодежь. Экосезы, гавоты, котильоны, а-ля-греки шли одинъ за другимъ, минуэтъ уже отживалъ свой вѣкъ, но только самые смѣлые рѣшались танцовать „вальсонъ“: какъ это такъ „взять даму за талію, да и крутить ее по залѣ“; при Павлѣ онъ былъ даже запрещенъ. На балахъ и маскарадахъ бывало рѣдко меньше 4.000 человѣкъ, и каждый провинціальный помѣщикъ непремѣнно везъ сюда дочку-невѣсту изъ своего замоскворѣцкаго дома.

Въ залахъ Благороднаго Собранія происходили дворянскіе выборы, торжественныя встрѣчи Высочайшихъ особъ, куртаги, на которые и женщины въ 80-е годы обязаны были являться въ мундирныхъ платьяхъ цвѣта губерніи—ради сокращенія роскоши.

Любимое пристанище мужчинъ былъ „Англійскій клобъ“, помѣщавшійся до 1812 г. на Страстномъ бульварѣ, гдѣ теперь Н. Екатерининская больница, а потомъ на Тверской въ типичномъ домѣ со львами, теперь загороженномъ, къ сожалѣнію, магазинами. Въ клубъ принимали баллотировкой съ большимъ разборомъ, и иногда этой чести ждали годами. Здѣсь всегда можно было узнать самыя свѣжія новости и обсудить ихъ; велись споры по политическимъ вопросамъ, создавалась общественная оппозиція. Всегда составлялись партіи въ бо-

стонъ, пикетъ, а-ля-мушъ, метали банкъ, играли и въ крупную; была великолѣпная кухня. Въ 90-ые годы играли вездѣ: на балахъ, обѣдахъ, дома, въ клубахъ, притонахъ, играли даже дамы и барышни, такъ что танцовать было некому.

Охотно посѣщало московское общество „англійскій вокзалъ“ г. Медокса на Таганкѣ, гдѣ шла опе-



Залъ Моск. Благороднаго Собранія, украшенный для пріема имп. Екатерины II. (Съ рис. Тишбейна.)

ретка, можно было поужинать, и его же Петровскій театръ. Въ Москвѣ было много домашнихъ частныхъ театровъ, до 20 значительныхъ, изъ нихъ особенно славился театръ гр. Шереметева въ Кусковѣ хорошей труппой, великолѣпными постановками; затѣмъ извѣстны были еще театръ въ д. гр. Апраксина на Знаменкѣ (теперь Александровское Военное

училище), гдѣ шла итальянская опера; театръ Позднякова на Никитской изъ крѣпостныхъ, Ржевскаго, Столыпина и многихъ др. Особенно часто шли тогда оперы Старинныя святки, Cosa rara, Петербургскій гостиный дворъ, балеты Самнитскіе браки, Радостное возвращеніе къ пастухамъ и пастушкамъ богини весны, Несчастіе отъ кареты, Мельникъ.

На всѣ эти балы, маскарады, театры нужны были туалеты; въ дѣвичьихъ цѣлый день, не разгибаясь, сидѣли за нарядами дѣвушки, а московскія мамаши

Театръ Медокса въ Москвѣ. (Съ рис. Мартынова.)
(Спорно: м. б., театръ при госпиталѣ Бидлоо.)

съ дочками усердно посѣщали Гостиный дворъ, съ 90-хъ гг. французскія лавки на Кузнецкомъ Мосту; здѣсь назначались свиданья, всегда разгу-

ливали петиметры, даже жаловались московскіе купцы, что „только галантонятъ“, мѣшаютъ торговать. Послѣ обѣда было принято гулять на Твер-

Тверской бульваръ въ Москвѣ въ началѣ XIX в. (Съ рис. Кадолля.)

скомъ бульварѣ, только что засаженномъ тоненькими деревцами. Вечерами влюбленныя парочки любили бывать у Симонова монастыря и мечтать у Лизина пруда; по этому поводу какой-то насмѣшникъ пустилъ двухстишіе:

„Здѣсь Лиза утонула, Эрастова невѣста:
Топитесь, барышни, для всѣхъ васъ будетъ мѣсто!“

Такъ жило богатое дворянство, а за нимъ тянулось и рядовое; странную смѣсь стараго быта съ новыми привычками представлялъ такой домъ: въ парадныхъ комнатахъ просторно и хорошая мебель,

а въ жилыхъ тѣсно, грязно. Въ дѣвичьихъ, людскихъ десятка два грубой, оборванной дворни, приживалки, и въ то же время madame—французскія моды и мысли.

На лѣто Москва пустѣла, всѣ разъѣзжались по своимъ подмосковнымъ. Въ день отъѣзда съ ранняго утра закладывалась громадная дорожная карета съ пуховиками, кибитки, коляски, фуры для скарба, и весь этотъ поѣздъ съ барской семьей, гувернантками, приживалками, дурами сопровождало десятка 2—3 дворовыхъ, казаки; у богатыхъ свита была громадна—до 100 чел. Въ деревнѣ барина ожидала жизнь еще болѣе разгульная, лѣнивая, не сдерживаемая даже внѣшними приличіями.

Москва и теперь окружена цѣлымъ кольцомъ подмосковныхъ, и это м. б. лучшее, что намъ осталось отъ барской жизни.—Хорошо сохранились обѣ подмосковныя гр. Шереметевыхъ—Кусково (10 в. по Ниж. д.) и Останкино (въ 3 в. отъ Москвы за Марьиной рощей). Кусково—одна изъ первыхъ по времени подмосковныхъ на широкую ногу: домъ-дворецъ, регулярные сады, оранжереи, менажерея (звѣринецъ), театръ, нѣсколько сотенъ дворни, въ томъ числѣ знаменитая кусковская труппа. Графъ П. Б. Шереметевъ принималъ у себя всю Москву, давалъ блестящіе праздники; по четвергамъ и воскресеньямъ съѣзжались въ театръ.

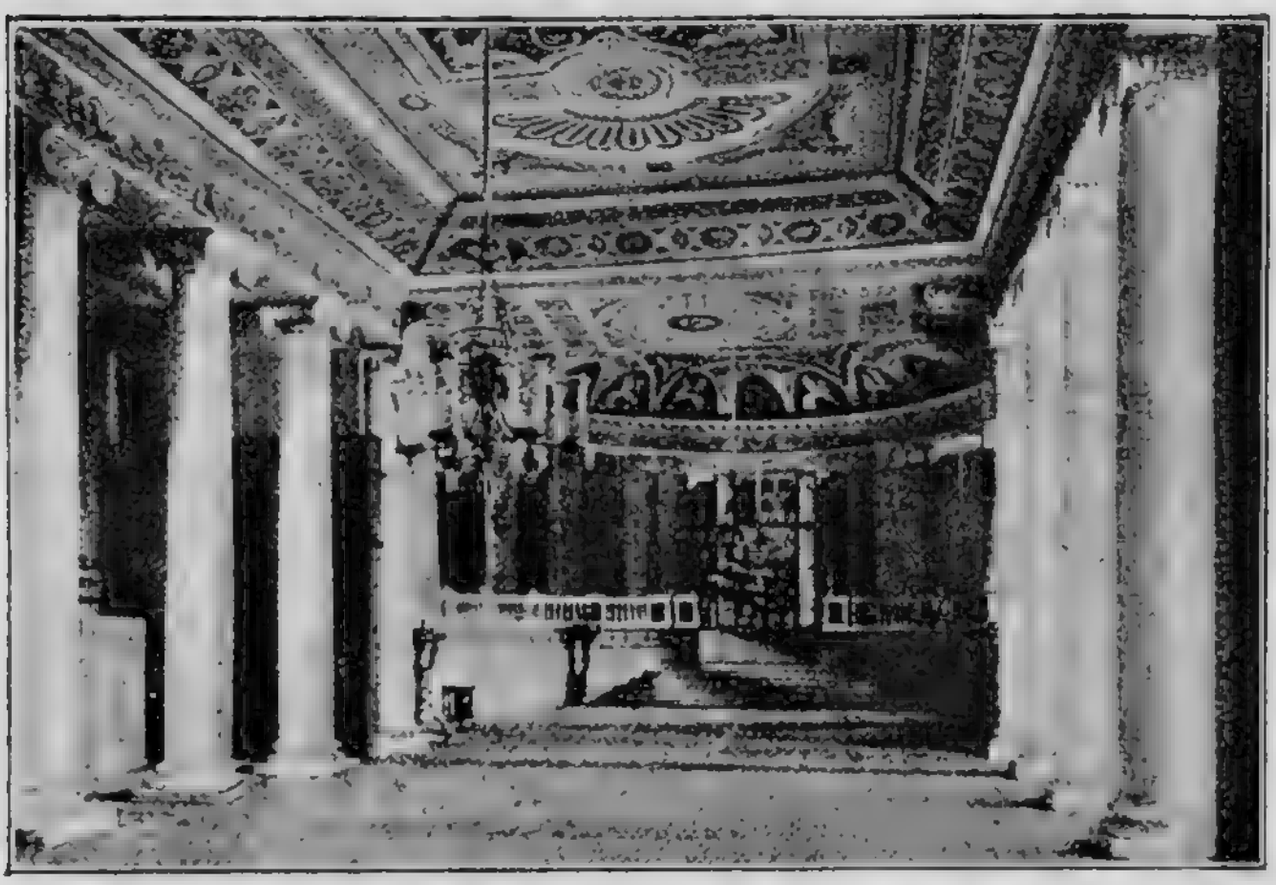
Сынъ его Н. П., женившись на своей крѣпостной артисткѣ Парашѣ, построилъ себѣ новый дворецъ въ Останкинѣ, наскучивъ блескомъ и многолюдствомъ Кускова. Дворецъ, по планамъ Гваренго и Казакова, удачно соединилъ грандіозность съ уютомъ: изящное концертное зало, величественныя гостиныя, театръ съ ложами и рядомъ въ крыльяхъ

дома такія уютныя дѣтскія, спальныя, домашняя столовая. Хорошо сохранилась и обстановка въ стилѣ Louis XVI, что особенно дорого. Графъ не долго жилъ въ Останкинѣ; супруга его скоро умерла, и въ память ея онъ выстроилъ Шереметевскую больницу на Сухаревой площади; это великолѣпное зданіе строилъ Гваренго, церковь расписана

Гротъ въ Кусковѣ при Екатеринѣ II. (Изъ коллекцій Э. В. Готье.)

знаменитымъ Скотти; къ сожалѣнію, все это теперь прячется за грязными лавчонками Сухаревки.

Одна изъ самыхъ изящныхъ подмосковныхъ Архангельское (Винд. ж. д. ст. Павшино), быв. кн. Голицыныхъ, нынѣ Юсуповыхъ, тихій уголокъ, посвященный музамъ и труду. Здѣсь жилъ и работалъ ранній русскій конституціоналистъ кн. Д. М. Голицынъ, собравшій громадную по тому времени



Театральная зала въ Останкинѣ.

библіотеку въ 6.000 названій на 6 языкахъ. Теперешній дворецъ построенъ въ 90-хъ годахъ XVIII ст. Гваренго,—это лучшій дворецъ ранняго русскаго empire'а, гдѣ всѣ детали изящны и выдержаны; на террасѣ и въ паркѣ много мрамора, бронзы; поддерживается то, что было еще при кн. Н. Б. Юсуповѣ, воспѣтомъ А. С. Пушкинымъ въ одѣ „Къ вельможѣ“.— Изъ болѣе позднихъ подмосковныхъ хороши „Кузьминки“ (10 в. по Курской ж. д.) кн. Голицыныхъ, созданные въ 20-ые года по планамъ арх. Джилярди. Въ расположеніи усадьбы, въ овалѣ прудовъ, пристаняхъ, портикахъ и бесѣдкахъ чувствуется большой вкусъ; „Конный дворъ“ особенно врѣзается въ память. Изъ другихъ подмосковныхъ еще отмѣтимъ Суханово кн. Волконскихъ, Царицыно, бывш. кн. Кантемира, купленное имп. Екатериной,

Ахтырку б. кн. Трубецкихъ, Марѳино гр. Паниной, Братцево кн. С. Н. Щербатова, Порѣчье гр. Уваровыхъ, Денежниково Талызиныхъ; много дворянскихъ гнѣздъ уже исчезло съ лица земли.

Москва сильно пострадала въ 12 году, нѣкоторые кварталы выгорѣли сплошь, такъ что хозяева, вернувшись, не узнавали своей мѣстности; лѣтъ черезъ 5 Москва пообстроилась, выровнялись улицы, но уже не вернулось многое, чѣмъ жила до-пожарная Москва. Становятся моднымъ барскимъ райономъ Старо-Конюшенная, Пречистенка, Арбатъ; въ далекой Нѣмецкой, на Басманныхъ доживаютъ свой вѣкъ екатерининскіе орлы, а ихъ дѣти послѣ неизбѣжнаго пансіона уже посѣщаютъ университетъ, поддаются новымъ идеямъ въ заграничныхъ походахъ, въ гвардейскихъ полкахъ. Французская рево-

Видъ монумента въ Кузьминкахъ 1841 г. (Изъ коллекціи Э. В. Готье.)

люція отмѣнила красные каблуки, пышные роброны и напудренные парики; въ модахъ—строгія линіи античныхъ туникъ, у мужчинъ широкіе плащи à la Quiroga безъ шва, въ рукѣ дубинка „droit de l'homme", собственныя кудри; въ архитектурѣ—изящный русскій empire, уютный чисто по-московски,—строгія формы екатерининскаго классицизма кажутся сухими. Ср. домъ гр. Мусина-Пушкина и д. кн. Гагарина (Новинскій б.).

За прозрачной рѣшеткой домъ, чаще всего желтой охры съ бѣлыми колоннами, античный фризъ, гирлянды, вѣночки, на фронтонѣ летящіе геніи скрадываютъ строгость линій; за толстыми стѣнами—широкая лѣстница въ громадную залу, роспись потолковъ въ нѣжныхъ тонахъ, полукруглыя печи, мебель краснаго дерева, хрустальныя люстры, рядъ фамильныхъ портретовъ, книги—французскіе классики; таковы парадныя комнаты, гдѣ принимаютъ визиты, даются обѣды и балы. А наверху—жилыя комнатки-спальни, дѣтскія, дѣвичьи; часто онѣ помѣщались въ крыльяхъ дома. Очень типиченъ, какъ барскій особнякъ н. XIX в., д. гр. Соллогубъ на Поварской, бережно охраняемый: полуовальной формы, излюбленной въ нач. XIX в. (ср. еще Шереметевскую больницу, Англійскій клубъ, д. кн. Гагарина и др.), широкій дворъ, службы, тѣнистый садъ. Одинъ изъ лучшихъ по изяществу д. кн. Гагарина на Новинскомъ бульварѣ, постройки арх. Бове; въ немъ сохранилась и обстановка. Другой домъ тоже бывш. кн. Гагарина, теперь Найденовыхъ, у Высокаго Яузскаго моста, съ красивой террасой, утопаетъ въ зелени; хорошъ садъ со всѣми затѣями XIX в.—бесѣдками, гротами, вазами и т. д. Больше всего барскихъ особняковъ сохранилось на Пречистенкѣ и Арбатѣ; здѣсь жили тогда кн. Шаховскіе, Все-

воложскіе, Нарышкины, Хованскіе, Римскіе-Корсаковы, Еропкины и др. Изящны д. бывш. Селезневой на углу Хрущовскаго пер., д. Станицкой на Пречистенкѣ, д. Всеволожскаго на Остоженкѣ, гдѣ одно время жилъ Бѣлинскій, наверху Кирѣевскіе и Бакунинъ. Уютно стоялъ д. Леонтьевыхъ бывш. гр. Зубовыхъ въ Гранатномъ пер., типичны д. Остро-

Видъ Шереметевской больницы въ 1839 г. (Изъ коллекцій Э. В. Готье.)

умовскаго въ Леонтьевскомъ пер., гдѣ жилъ Закревскій, д. Соколъ въ Богословскомъ, д. Покровскаго собора на Пятницкой и мн. др. Много было построено въ Александровскую эпоху и казенныхъ зданій лучшими архитекторами—Опекунскій совѣтъ, Манежъ, Провіантскіе магазины въ Зубовѣ и первый женскій институтъ ордена св. Екатерины (на

Екатерининской площади), гдѣ за желтыми стѣнами оторванныя отъ семьи дѣвочки благороднаго званія воспитывались на французскихъ романахъ, въ премудромъ незнаніи жизни и науки.

Въ 20-ые годы нѣкоторыя улицы въ Москвѣ носятъ уже вполнѣ европейскій видъ; одно изъ самыхъ модныхъ и бойкихъ мѣстъ—Кузнецкій Мостъ. Здѣсь были модныя лавки французскихъ модистокъ, книжные, ювелирные и др. магазины; самая отборная аристократическая публика гуляла здѣсь, слышалась французская рѣчь, безпрестанно подъѣзжали новыя кареты. Любила еще московская публика гулять послѣ обѣда на Тверскомъ бульварѣ, въ Александровскомъ саду, только что открытомъ за зданіемъ Манежа, на Прѣсненскихъ прудахъ, теперь вовсе позабытыхъ.

Москва попрежнему жила отъ бала до бала, и въ уютномъ д. М. И. Римской-Корсаковой [1]) (нынѣ 7-ая муж. гимназія), у Страстного м-ря, танцовали и жили, какъ всегда, но уже прежняго размаха не слыхать; нѣтъ такихъ меценатовъ, чудаковъ, какъ въ екатерининской Москвѣ: всѣ они изъ своихъ громадныхъ дворцовъ переселились одинъ за другимъ подъ тяжесть печальныхъ урнъ на Донское, Дѣвичье или въ родную подмосковную, а молодое поколѣніе уже не могло, да и не умѣло жить побарски. Оно путалось въ долгахъ, большинство перебиралось въ Петербургъ на службу, а ихъ старые до́ма-дворцы продавались за сходную цѣну больницамъ, гимназіямъ, купечеству. Въ Москвѣ барская жизнь затихала. Все выше поднимала голову университетская интеллигенція, и „стриженыя голо-

[1]) Этотъ домъ изобразилъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума»—д. Фамусова.

вы", по выраженію Растопчина, все меньше думали о томъ, что „скажетъ княгиня Марья Алексѣевна". Въ 50-ыхъ годахъ Е. П. Янькова, урожд. Римская-Корсакова, помнившая чуть не 5 поколѣній, съ горечью смотритъ на московское дворянство: живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, по городу

Домъ Леонтьевыхъ въ Гранатномъ пер. (разрушенъ весной 1914 г.). (Изъ коллекцій Э. В. Готье.)

рыщутъ на извозчикахъ, едва наберешь десятка два по всей Москвѣ каретъ съ гербомъ, четверней; письма печатаютъ незабудкой, а то облаткой—все пошло навыворотъ! „Поднялъ бы нашихъ стариковъ, далъ бы имъ посмотрѣть на Москву, они ахнули бы, на что она стала похожа!—Да, обмелѣла Москва и измельчала жителями, хоть и много ихъ".

Современная Москва, какъ торгово-промышленный центръ.

П. Лепешинскаго.

Москву не даромъ называютъ сердцемъ Россіи, и это выраженіе, быть можетъ, особенно удачно характеризуетъ древнюю русскую столицу, какъ крупнѣйшій въ настоящее время торгово-промышленный центръ имперіи.

Утративъ свое былое политическое значеніе со времени Петра I, Москва, однако, не перестаетъ быть средоточіемъ торгово-промышленной жизни страны и послѣ возникновенія новаго административнаго и политическаго центра имперіи, а за послѣднія 30-40 лѣтъ обнаруживаетъ такую необычайную мощь многообѣщающаго развитія, которая обезпечиваетъ за ней право на экономическое первенство среди другихъ городовъ Россіи, не исключая и самого Петербурга.

Ростъ ея населенія за это время характеризуется чисто американскимъ темпомъ. Еще въ 1871-мъ году въ ней насчитывалось только 602 тыс. жителей; теперь ея населеніе опредѣляется уже въ 1,617 тысячъ, что ставитъ ее по населенности на 2-е мѣсто въ Россіи (послѣ Петербурга) и на 9-е въ ряду крупнѣйшихъ городовъ Стараго и Новаго Свѣта. А если судить по проценту прироста населенія, который съ каждымъ годомъ все увеличивается,—начиная съ 2,52% въ десятилѣтіе 1872—82 гг. и кончая 4% въ послѣдніе годы,—то можно смѣло утверждать, что Москва скоро обгонитъ по населенности медленно растущій Петербургъ и къ

половинѣ настоящаго столѣтія обѣщаетъ стать городомъ съ трехмилліоннымъ населеніемъ.

Интересно при этомъ отмѣтить, что какъ въ 1902 г., такъ и въ 1910 г. число фабрично-заводскихъ рабочихъ составляло по отношенію къ среднему населенію Москвы одинъ и тотъ же процентъ (9,2%); а это означаетъ, что ростъ промышленныхъ элементовъ Москвы не отстаетъ отъ форсированнаго роста ея населенности.

Какъ торгово-промышленный центръ, современная Москва мало чѣмъ уступаетъ Петербургу, но финансовый капиталъ представленъ въ ней гораздо слабѣе, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ. Въ то время, какъ годовой балансъ петербургскихъ частныхъ акціонерныхъ банковъ (съ капиталомъ въ 450 милл. руб.) достигаетъ 4 милліардовъ рублей, московскіе акц. банки (съ капиталомъ въ 130 милліон. руб.) имѣютъ балансъ, не превышающій и одного милліарда рублей. Единственная область кредита, въ которой Москва можетъ выдержать конкуренцію съ Петербургомъ, — это область мелкаго кредита, выражаемаго дѣятельностью сберегательныхъ кассъ: къ 1 янв. 1912 г. и московскія, и петербургскія учрежденія этого рода имѣли въ своихъ кассахъ по $94^1/_2$ милліона рублей. По сравненію же съ остальными мѣстностями Россіи Москва, какъ пріютъ финансоваго капитала, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто: всѣ прочіе банки имперіи (кромѣ петербургскихъ), взятые вмѣстѣ, развиваютъ дѣятельность въ $1^1/_2$—2 раза меньшую, чѣмъ банки Москвы.

Экономическая роль Москвы, какъ торгово-промышленнаго центра Россіи, сразу же обрисуется передъ нами очень выпукло, если мы бросимъ

взглядъ на карту Европ. Россіи, центральной точкой которой является Москва съ отходящими отъ нея 10-ю желѣзнодорожными магистралями. Въ предѣлахъ московскаго желѣзнодорожнаго узла работаютъ 44 ж-д. станціи, разгружающихъ и нагружающихъ ежедневно тысячи вагоновъ. Общій грузооборотъ узла въ 1910 г. достигъ 730 милліон. пудовъ малой скорости, что составляетъ 11,8% всѣхъ перевозокъ по жел.-дор. сѣти имперіи, при чемъ больше $^1/_3$ этого грузооборота падаетъ на грузы, проходящіе черезъ Москву транзитомъ. Зерновой хлѣбъ изъ Заволжья, направляющійся въ балтійскіе порты, сахаръ и сахарный песокъ, идущіе съ юга Россіи въ сѣверные или сѣверо-вост. ея районы, заграничная сельдь, проникающая черезъ Петербургъ и Либаву не только во внутреннія области Европ. Россіи, но даже въ Ташкентъ, Забайкалье и Уссурійскій край, бакинская нефть и донецкій уголь съ ихъ неуклонной тягой въ промышленные районы Россіи, южно-русскій и уральскій чугунъ, поглощаемый металлообрабатывающими и машино-строительными заводами Балтійскаго района, иностранный и русскій (гл. обр. азіатскій) хлопокъ, идущій съ востока и запада въ мѣстности съ господствующимъ развитіемъ текстильной промышленности, сибирское масло, вывозимое даже за границу,—все это и многое другое не можетъ на пути своего слѣдованія миновать Москвы.

Но не этимъ явленіемъ опредѣляется выдающееся экономическое значеніе Москвы, которая, съ одной стороны, импонируетъ грандіозностью своего потребленія и производства, а съ другой—служитъ биржевымъ нервнымъ узломъ, регулирующимъ условія обмѣна далеко за предѣлами центральнаго

района; въ этомъ смыслѣ Москва является подлиннымъ сердцемъ Россіи, пульсація котораго чувствуется „отъ Перми до Тавриды“ и даже до стѣнъ далекаго Китая.

Около 400 милліоновъ пудовъ товаровъ прибываетъ въ Москву извнѣ и около 75 милл. отправляется изъ Москвы. Вся эта масса грузовъ либо развозится паровой тягой въ мѣста ихъ непосредственнаго потребленія въ цѣляхъ производства, либо съ помощью гужевого движенія распыляется по городскимъ складамъ, либо мобилизуется по внутреннимъ районамъ города, либо изъ центральныхъ районовъ направляется къ периферіи—на ж-д. станціи.

Передвиженіе грузовъ по Москвѣ совершается главнымъ образомъ на лошадяхъ (около 300 милл. пудовъ). Въ одномъ изъ недавнихъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросу о грузооборотѣ Москвы, учитывается общая плата за перевозку грузовъ по Москвѣ на лошадяхъ для ближайшаго десятилѣтія. Эта плата опредѣляется тамъ въ 18 милліон. рублей. Чтобы имѣть наглядное представленіе объ „энергіи“ этого рода движенія, стоитъ только понаблюдать его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно локализуется,—напр., въ Китай-городѣ, въ Гавриковомъ переулкѣ или на Коммиссаріатской набережной. О гужевомъ движеніи въ Москвѣ можно судить, между прочимъ, по количеству ломовыхъ извозчиковъ, число которыхъ хотя и уменьшается изъ года въ года съ развитіемъ болѣе совершенныхъ способовъ перевозки (по подъѣзднымъ ж. д. путямъ, а въ послѣдніе годы и на автомобиляхъ), тѣмъ не менѣе представляетъ внушительную цифру—около 20 тысячъ ломовыхъ подводъ, работающихъ лѣтомъ и зимою.

Но не одни ломовые извозчики обслуживаютъ интересы гужевого движенія. Огромная масса крестьянскихъ подводъ проходитъ черезъ московскія заставы, провозя хлѣбъ, овощи, ягоды, фрукты, овесъ, солому, сѣно и прочіе продукты сельской культуры, доставляемые на московскія рыночныя площади. Одной лишь зелени и овощей доставляется т. обр. въ годъ около 200 тыс. возовъ.

Торговое значеніе Москвы превышаетъ ея промышленную роль. Въ кругъ московскихъ торговыхъ оборотовъ входятъ не только продукты ея собственной индустріи, но и масса привозныхъ товаровъ. Не только весь украинскій ярмарочный торгъ представляетъ обширное поле дѣятельности для московскихъ купцовъ, но и такія даже отдаленныя окраины, какъ Бухара, Ташкентъ и дальневосточная Сибирь находятся въ сферѣ вліянія московскаго торговаго капитала.

Косвеннымъ показателемъ размѣровъ торговаго оборота Москвы до нѣкоторой степени могутъ служить данныя о выбранныхъ на торговыя предпріятія свидѣтельствахъ. Въ 1910 г. крупныхъ торговыхъ предпріятій считалось около 1200, среднихъ 7000 и мелкихъ 12,000; сумма валового дохода отъ нихъ превышала два милліарда рублей. Число приказчиковъ, работающихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ Москвы, врядъ ли менѣе 30 тысячъ человѣкъ.

Не пренебрегаютъ Москвой и иностранные товары. Если судить о количествѣ и стоимости этихъ послѣднихъ по свѣдѣніямъ о товарахъ, очищенныхъ таможенной пошлиной въ Москвѣ, то окажется, что и вѣсъ, и цѣнность заграничныхъ товаровъ, поступающихъ въ Москву, безпрерывно

растетъ. Въ 1898 г. черезъ московскую таможню прошло 3 милліона пудовъ на сумму $67^1/_2$ милліон. руб. Черезъ 11 лѣтъ, въ 1909 г., тѣмъ же путемъ поступило $3^1/_2$ милліона пудовъ на сумму 90 милл. рублей. Любопытно, что на ряду съ тенденціей къ весьма быстрому росту въ привозѣ нѣкоторыхъ продуктовъ заграничнаго происхожденія,—такихъ, напр., какъ чай (763 тыс. пуд. въ 1898 г. и 1.276 тыс. пуд. въ 1906 г.), кофе, какао, коньякъ, ромъ, ликеры, минеральныя воды и др.,—наблюдается рѣзкое паденіе въ привозѣ нѣкоторыхъ заграничныхъ товаровъ изъ числа тѣхъ, производство которыхъ зарождается и крѣпнетъ въ самой Россіи: таковы, напр., машины, которыхъ въ 1898 г. было привезено въ Москву 360 тыс. пуд., а въ 1909 г. только 180 тыс. пудовъ, т.-е. вдвое меньше; въ частности, привозъ сельско-хоз. машинъ упалъ за то же время съ $26^1/_2$ тыс. пуд. до $4^1/_2$ тыс. пудовъ.

Въ качествѣ торговаго района по преимуществу совершенно исключительное положеніе занимаетъ центръ Москвы—такъ назыв. Китай-Городъ,—это, такъ сказать, Сити ея. Здѣсь, на пространствѣ $^1/_{100}$ всей площади Москвы, сосредоточена главная масса всѣхъ торговыхъ ея оборотовъ. Въ предѣлахъ Китай-Города циркулируетъ въ теченіе года болѣе 35 милліон. пудовъ товаровъ, среди которыхъ преобладаютъ товары большой цѣнности, въ родѣ, напр., мануфактуры: 60% всей московской мануфактуры приходится на Китай-Городъ. Въ такой же мѣрѣ этотъ послѣдній является традиціоннымъ центромъ торговли галантерейной, ювелирной и иконной. Тутъ все посвящено культу бога торговли: и роскошные магазины, и огром-

Новые Верхніе ряды (съ 1886 г.). Вновь устроенный Ветошный проѣздъ.

ные оптовые склады, и банки, и мѣняльныя лавки, и биржа, и даже трактиры—въ родѣ, напр., Славянскаго Базара, въ которомъ за закусочными столами въ биржевые часы совершаются милліонныя сдѣлки. Если вы заглянете въ зданіе биржи (на Ильинкѣ), гдѣ совершаются фондовыя операціи и устанавливаются цѣны на хлопокъ, металлы, на заграничныя пряности и т. п., то прежде всего васъ поразитъ здѣсь „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Въ этомъ „святая свя-

тыхъ“ торговаго капитала специфически-русскаго города, вы, къ своему удивленію, не часто встрѣтите длиннобородаго купца великорусскаго типа, но зато въ поле вашего зрѣнія будутъ попадать иностранцы, главнымъ образомъ нѣмцы, персы и армяне.

Центральнымъ торговымъ пунктомъ Китай-Города являются не такъ давно открытые (въ 1894 г.) Верхніе ряды—предметъ гордости торговой Москвы. Эти ряды, устройство которыхъ обошлось въ 6 милліон. рублей, занимаютъ площадь въ $5^1/_2$ т.

Старые ряды до 1886 г. Ветошный рядъ.

кв. саж. и представляютъ красивое, стильное зданіе, прорѣзанное 3-мя продольными и 3-мя поперечными пассажами, подъ одной общей крышей съ стеклянными перекрытіями надъ пассажами,—зданіе, охватывающее свыше 1000 магазиновъ, если не считать помѣщеній на антресоляхъ 2-го этажа. Здѣсь повсюду чувствуется торговый модернизмъ,—стремленіе поразить воображеніе покупателя самыми модными цвѣтами тканей, самымъ послѣднимъ словомъ моды въ области галантереи, самыми стильными издѣліями изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней.

Въ Среднихъ торговыхъ рядахъ—между Ильинкой и Варваркой—наблюдается уже иной типъ торговли. Здѣсь сосредоточена торговля оптовая—москательнымъ, свѣчнымъ, кожевеннымъ и инымъ такъ называемымъ „тяжелымъ“ товаромъ, а также винами („фряжскіе погреба“). Но еще болѣе рѣзко отличается отъ элегантныхъ Верхнихъ рядовъ третья группа магазиновъ — Старый Гостиный дворъ,—мрачное, толстостѣнное зданіе въ стилѣ XVIII вѣка, съ невзрачными магазинами, уносящими мысль въ тѣ далекія времена, когда старая Москва не придавала еще большого значенія блестящей внѣшности и красочности своихъ товарныхъ выставокъ и не знала еще всѣхъ современныхъ ухищреній торговой рекламы.

Но чтобы еще сильнѣе почувствовать контрастъ между современной Москвой и ея архаическими остатками, стоитъ только спуститься по одной изъ лѣстницъ, идущихъ отъ Варварки, внизъ по направленію къ той стѣнѣ Китай-Города, которая примыкаетъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Изъ кварталовъ европейскаго типа вы сразу попадаете въ трущобный

міръ старой Москвы. Тутъ все характерно—и грязные кривые переулки, и двухъэтажные, съ обсыпавшейся штукатуркой, жалкаго вида домишки, сплошь облѣпленные примитивными вывѣсками, и внутренніе дворы съ специфическими чертами соціальнаго дна... Но и здѣсь, какъ и вездѣ въ Ки-

Новые ряды. Видъ сверху. (Крыши и свѣтовыя перекрытія.)

тай-Городѣ, кипитъ бойкая торговая жизнь, хотя и особаго рода,—жизнь, дирижеромъ которой является мелкій барышникъ, паразитирующій на счетъ ремесленной бѣдноты; и здѣсь въ многочисленныхъ харчевняхъ и чайныхъ нашла себѣ пріютъ шумная, страстная биржевая спекуляція—въ иномъ только развѣ масштабѣ, чѣмъ тамъ, на Ильинкѣ

или въ Славянскомъ Базарѣ. Словомъ, и здѣсь все живетъ и дышитъ интересами одной лишь торговли.

Торговымъ же характеромъ отличается и вся та часть Москвы, которая лежитъ за стѣнами Китай-Города въ кольцѣ бульваровъ, а отчасти и Замоскворѣчье (Садовники). Но и тутъ наблюдается нѣкоторое разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ районахъ этого пояса доминируетъ оптовая торговля, въ другихъ преобладаютъ конторы съ товарами только „на-показъ", въ родѣ, напр., Мясницкой улицы съ ея конторами, запродающими машины и металлическія издѣлія своихъ фирмъ, третьи удовлетворяютъ потребностямъ розничной торговли. Здѣсь вы встрѣтите и улицы, готовыя къ услугамъ московскаго „бель-этажа", блещущія золотомъ и драгоцѣнными камнями, ласкающія взоръ образчиками шелковыхъ и бархатныхъ тканей или дорогими сибирскими мѣхами (таковъ, напр., Кузнецкій Мостъ),—и огромныя рыночныя площади, питающія достаточную Москву дичью, рыбою, икрою и фруктами (Охотный рядъ, Болотная площадь), и, наконецъ, цѣлый рядъ улицъ и пассажей (Тверская ул., Петровка, Лубянскій пассажъ и др.), торгующихъ рѣшительно всѣмъ,—улицъ, гдѣ сквозь огромныя стекла витринъ и съ пестрыхъ вывѣсокъ васъ неустанно осаждаетъ и назойливо преслѣдуетъ крикливая торговая реклама.

Заслуживаетъ вниманія и московскій универсальный магазинъ подъ фирмою „Мюръ и Мерилизъ" съ его 78 отдѣленіями, въ которыхъ довольно полно представлено все то, что имѣетъ отношеніе къ одеждѣ, обуви, домашнему обиходу, обстановкѣ квартиръ, спорту, комфорту и т. д. Не столь, быть можетъ, грандіозный, какъ магазины такого же

типа въ Берлинѣ или Парижѣ, московскій „Мюръ и Мерилизъ“ все же импонируетъ размѣрами своей торговой дѣятельности. Средній годовой оборотъ его продажи превосходитъ 9 милліон. рублей; на одну лишь рекламу фирма тратитъ до 700 тыс. рублей. Чистая прибыль достигаетъ 1 милл. руб-

Старые Верхніе ряды до 1886 г. Видъ крышъ.

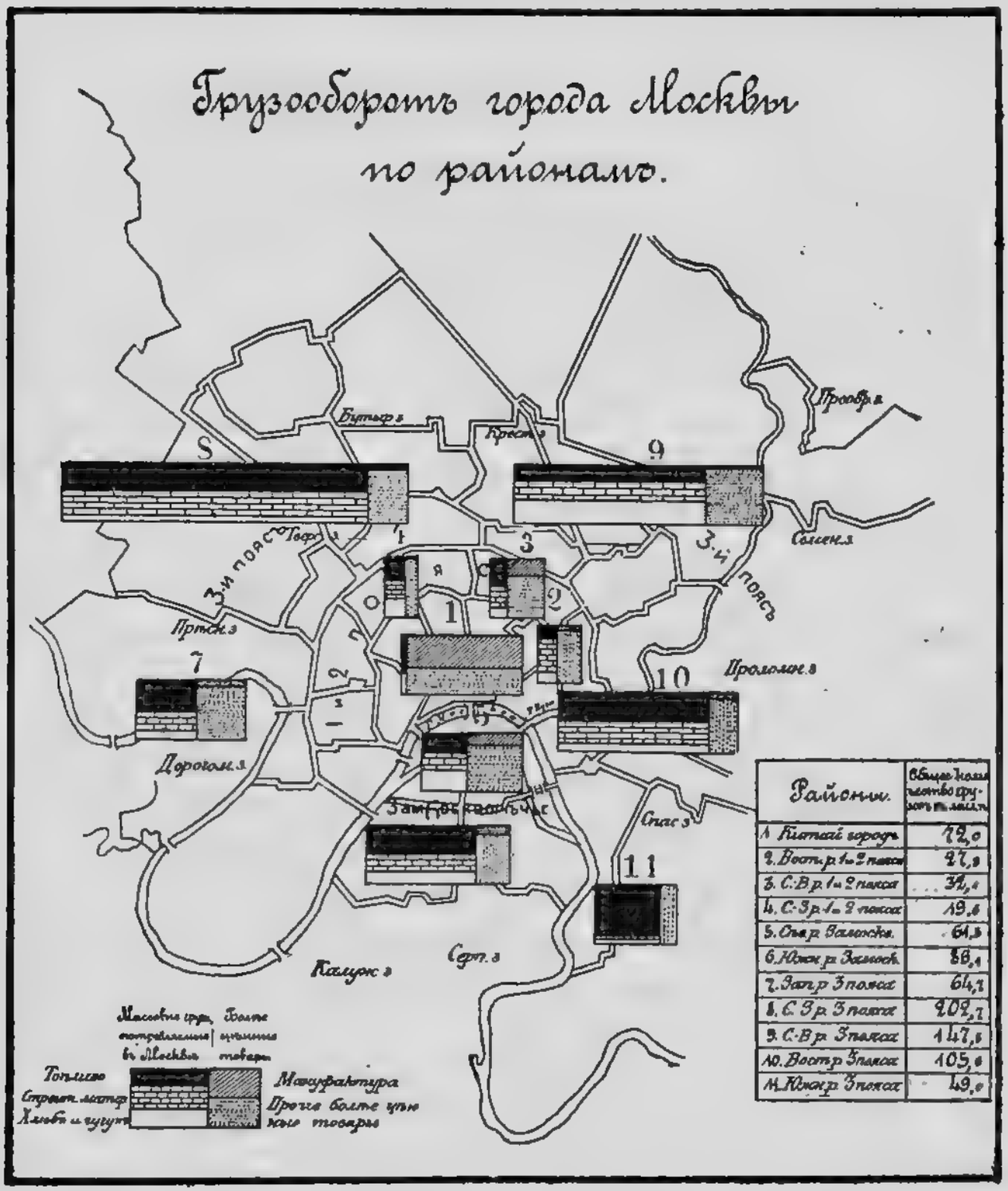
лей. На службѣ у фирмы числится болѣе 2800 человѣкъ, а въ бойкіе сезоны даже свыше 3000 чел. Экспедиціонный отдѣлъ магазина получаетъ ежедневно сотни письменныхъ заказовъ изъ Европ. и Азіатской Россіи и отправляетъ по заказамъ до 1000 посылокъ въ день. Число посѣтителей магазина доходитъ до 40,000 чел. въ день. Къ услугамъ

посѣщающей магазинъ публики имѣются буфетъ, читальная комната, телефоны, справочное бюро, размѣнныя кассы, врачебный кабинетъ. Въ глазахъ москвичей пользующійся ихъ симпатіями „Мюръ и Мерилизъ“ является какъ бы выставкою всего того, чѣмъ торгуетъ столица, примѣнительно ко вкусамъ и потребностямъ представителей какъ богатыхъ, великосвѣтскихъ круговъ, такъ и среднихъ слоевъ населенія, привыкшихъ бережливо относиться къ трудовой копейкѣ.

Торговая роль указанныхъ районовъ очень ярко выражается и въ томъ фактѣ, что на центръ и 1-й поясъ города—въ кольцѣ бульваровъ—съ присоединеніемъ сюда Садовниковъ, что все вмѣстѣ составляетъ $^1/_{10}$ часть Москвы (безъ пригородовъ) съ 17% ея населенія, приходится 75% всѣхъ приказчиковъ, занятыхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ города.

2-й поясъ, между бульварами и кольцомъ Садовыхъ, носитъ уже иной характеръ. Въ кварталахъ ремесленнаго типа тутъ вкраплены тихія, живущія своей особой жизнью, улицы съ барскими особняками (напр., Поварская улица); повсюду попадаются школы, больницы, пріюты и разныя другія учрежденія. Въ этой полосѣ города, заселенной ремесленнымъ людомъ, служащими всякого рода, чиновниками, людьми свободныхъ профессій и представителями интеллигентнаго пролетаріата, если гдѣ и бьется живой пульсъ торговой жизни, такъ это развѣ лишь на ея огромныхъ рыночныхъ площадяхъ, которыя поятъ, кормятъ и одѣваютъ гл. образомъ низы московскаго населенія. На знаменитой, напр., „Сухаревкѣ“ въ бойкіе торговые дни (по воскресеньямъ) толчется нѣсколько десятковъ тыс. народу вокругъ продавцовъ съѣстныхъ припасовъ,

подержаной мебели, стараго платья и обуви, старыхъ книгъ и т. п. обычныхъ предметовъ ея торговли.

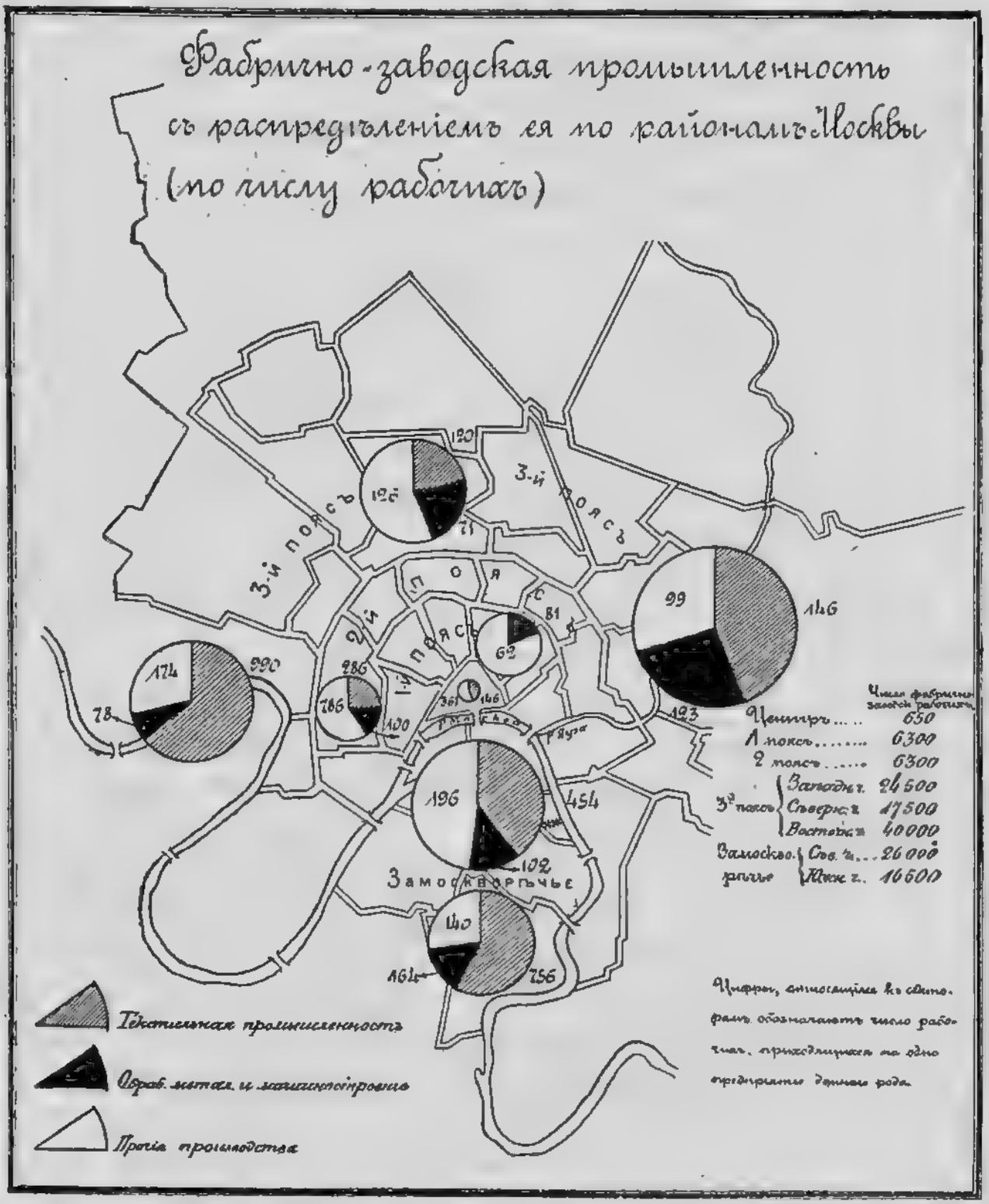


Мѣстности за чертой Садовыхъ, а также Замоскворѣчье представляютъ либо желѣзнодорожные поселки, расположенные около вокзаловъ, либо

фабричные кварталы съ высоко подымающимися къ небу фабричными трубами. Тутъ же по окраиннымъ районамъ города гнѣздятся почти всѣ крупнѣйшіе склады топлива—дровъ, каменнаго угля, нефти, мазута. Такъ, напр., въ 2-хъ только пунктахъ этой полосы—около Брестской станціи и въ Симоновскомъ участкѣ — сосредоточивается около 100 милліоновъ пудовъ топлива, т.-е. почти половина всего топлива, прибывающаго въ Москву и потребляемаго ею. О промышленномъ характерѣ этой периферійной части Москвы можно судить еще и потому, что на 3-й поясъ и на Замоскворѣчье приходится свыше $^4/_5$ всѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій города съ 90% всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ.

Здѣсь представляется умѣстнымъ выяснить общее значеніе и роль Москвы, какъ производящаго, промышленнаго центра Россіи. Изъ числа тѣхъ $15^1/_2$ тыс. фабрично-заводскихъ предпріятій съ 2 милл. рабочихъ, которыя попадаютъ въ поле зрѣнія фабричной инспекціи, 20% предпріятій и 40% рабочихъ приходится на 10 губ. центральнаго промышленнаго района, въ которомъ доминируетъ Московская губернія съ 1440 предпріятіями и 335 тыс. рабочихъ, а въ этой послѣдней одна лишь Москва охватываетъ 900 предпріятій со 140 тыс. рабочихъ. Так. обр. въ Москвѣ сосредоточено почти 30% всѣхъ предпріятій ц.-пром. района. Но въ то время, какъ этотъ послѣдній является гл. обр. райономъ текстильнаго производства, охватывающаго $^1/_3$ всѣхъ предпріятій района и 72% всѣхъ его рабочихъ, а въ Московской губ. обработкой волокнистыхъ веществъ заняты даже $^1/_2$ ея предпріятій съ 86% рабочихъ, въ Москвѣ—въ той

же отрасли—работаютъ лишь 24% предпріятій и 43% рабочихъ, что близко уже подходитъ къ



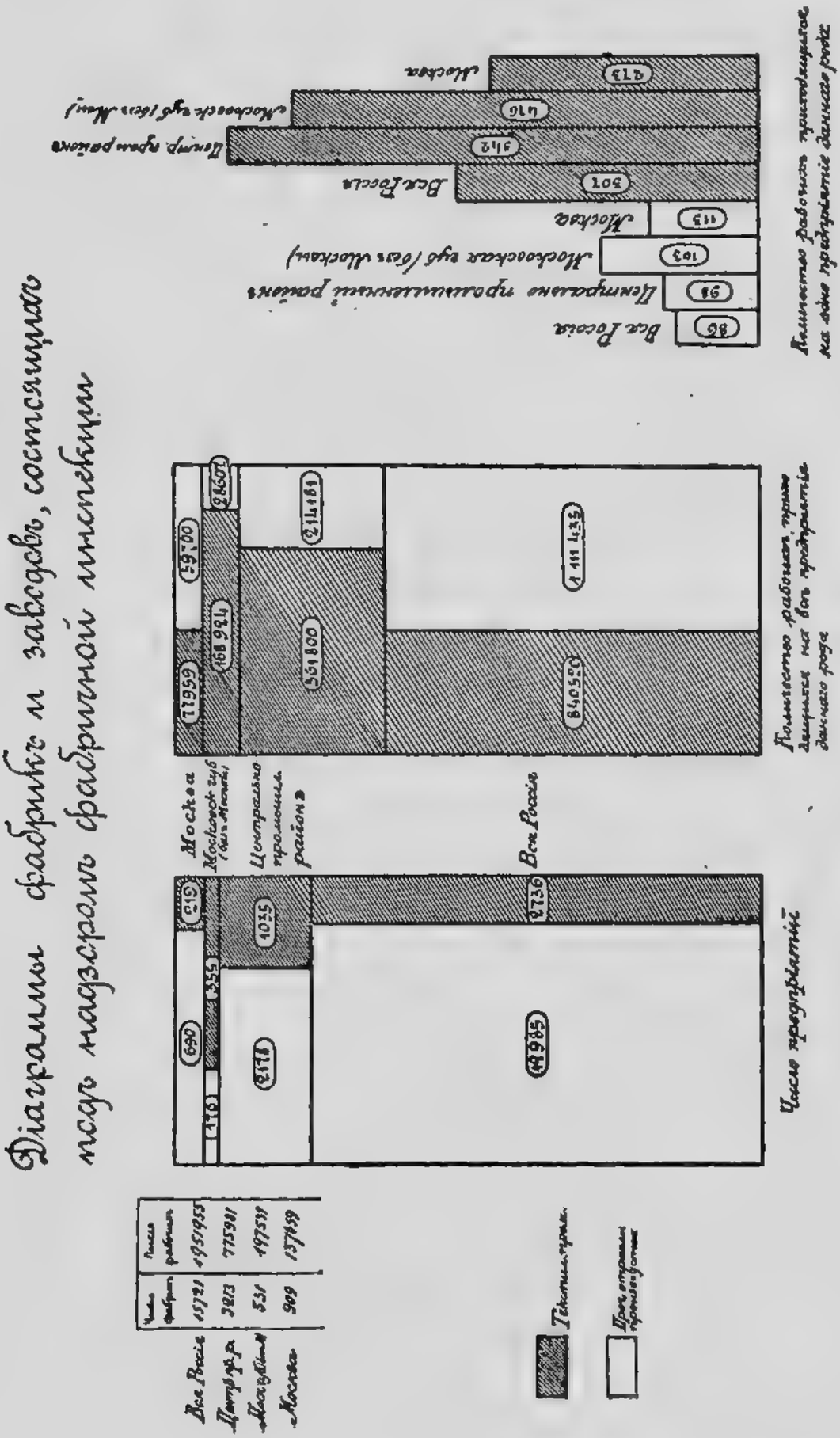
среднимъ цифрамъ для всей Россіи, въ которой текстильное производство обнимаетъ $17\frac{1}{2}$% всѣхъ

предпріятій и 43% рабочихъ. Съ этой точки зрѣнія Москву правильнѣе было бы считать промышленнымъ центромъ всей Россіи, чѣмъ просто средоточіемъ промышленной жизни въ предѣлахъ Московской губ. или даже центр.-пром. района.

Хотя и въ Москвѣ текстильная промышленность стоитъ на 1-мъ мѣстѣ, тѣмъ не менѣе въ ней достаточно полно представлены и другія, самыя разнообразныя отрасли производства. Въ этомъ отношеніи Москва приближается къ типу такихъ универсально-промышленныхъ центровъ, какъ Берлинъ, Вѣна, Лондонъ или Парижъ, рѣзко отличаясь отъ Манчестера, Бирмингама или нашей Лодзи, гдѣ главнымъ источникомъ жизни и процвѣтанія города является какая-нибудь одна господствующая отрасль промышленности.

Отмѣтимъ здѣсь и еще одно обстоятельство, очень характерное для крупныхъ промышленныхъ городовъ, гдѣ сравнительно дорогія издержки производства заставляютъ промышленный капиталъ перекочевывать изъ центральныхъ частей города въ его окрестности: въ то время, какъ на одно предпріятіе въ уѣздахъ Моск. губ. приходится въ среднемъ 370 рабочихъ, въ Москвѣ на одно предпріятіе насчитывается лишь 150 чел. рабочихъ.

Изъ отдѣльныхъ отраслей производства, широко распространенныхъ въ Москвѣ, на первое мѣсто нужно поставить обработку хлопка, которой заняты 48 фабрикъ съ 23 тыс. рабочихъ, при чемъ около 12,000 рабочихъ заняты на 2-хъ крупнѣйшихъ фабрикахъ Москвы—на фабр. Т-ва Даниловской и Т-ва Прохоровской мануфактуры. Въ особенности эта послѣдняя представляетъ интересное явленіе московской фабрично-заводской промыш-


Діаграммы фабрикъ и заводовъ, состоящихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи
Москва
Центрально промышл. районъ
Вся Россія
Число предпріятій
Количество рабочихъ приходящихся на всѣ предпріятія даннаго рода
Вся Россія
Центрально промышленный районъ
Московская губ. (безъ Москвы)
Москва
Вся Россія
Центр. пром. районъ
Московск. губ. (безъ Мск.)
Москва
Количество рабочихъ приходящихся на одно предпріятіе даннаго рода

ленности. Прохор. Трехгорная М-ра расположена въ западной части города, у самаго входа въ него Москвы-рѣки, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Трехъ-Горъ. Здѣсь на пространствѣ 30—35 тыс. кв. саженей раскинулся цѣлый фабричный городокъ съ огромными фабричными корпусами, рабочими казармами, больницей, пріютами, электрической станціей и другими обычными аксессуарами крупнаго промышленнаго предпріятія. Основана она болѣе 100 лѣтъ т. назадъ, и исторія ея постепеннаго развитія очень показательна, какъ примѣръ роста въ Россіи хлопчато-бумажнаго производства на протяженіи цѣлаго вѣка. Въ настоящее время годовой оборотъ м-ры доходитъ до 25 милліоновъ рублей. Она охватываетъ три фабрики: бумаго-прядильную, бумаго-ткацкую и ситце-набивную съ красильнею. Всего на м-рѣ работаетъ 7400 рабочихъ, не считая 400 чел. служащихъ.—Поступающій на прядильную фабрику хлопокъ, представляющій прихотливую смѣсь египетскаго, средне-азіатскаго и американскаго сортовъ, превращается въ пряжу—исключительно ватерную (не только ватерная основа, но и утокъ), что совершенно расходится съ обычаями заграничныхъ бумагопрядиленъ, производящихъ исключительно гладкую, а не ватерную основу. 42,000 веретенъ изготовляютъ около 120,000 пудовъ въ годъ пряжи самыхъ разнообразныхъ нумеровъ, начиная отъ № 4 до № 70: и въ этомъ отношеніи Прох. м-ра отличается отъ заграничныхъ фабрикъ, знающихъ обыкновенно свой десятокъ разъ навсегда избранныхъ нумеровъ. Вся эта пряжа поступаетъ затѣмъ въ ткацкое отдѣленіе, гдѣ работаетъ свыше $1^1/_2$ тысячъ станковъ, изготовляющихъ около полумилліона кусковъ раз-

личныхъ тканей—какъ легкихъ, такъ и для начеса. Значительная часть вырабатываемаго здѣсь миткаля идетъ затѣмъ на ситценабивную и красильную фабрику,—предпріятіе очень крупнаго типа (съ 4300 рабочихъ), работающее съ помощью 25 машинъ, главн. обр. многовальныхъ. Годовая производительность этого отдѣленія м-ры доходитъ до 3 милліоновъ кусковъ бумажныхъ матерій какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ (ситцы, сатины и пр.). Такимъ образомъ Прох. м-ра представляетъ любопытный примѣръ огромной русской фабрики, охватывающей цѣлый рядъ такихъ функцій, которыя въ мѣстностяхъ съ высоко развитой дифференціаціей производства обыкновенно представляютъ нѣсколько отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга отраслей текстильной индустріи.

Администрація м-ры, не склонная, повидимому, довѣрять судьбу своего дѣла капризнымъ случайностямъ экономическихъ и соціальныхъ конъюнктуръ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ не только взрослыхъ рабочихъ, но и ихъ дѣтей, для которыхъ въ предѣлахъ фабричнаго двора имѣется цѣлый рядъ питомниковъ, начиная съ яслей и дѣтскаго сада и кончая ремесленной школой, выпускающей граверовъ, слесарей, раклистовъ и другихъ квалифицированныхъ рабочихъ, остающихся обыкновенно по окончаніи школы на службѣ у товарищества м-ры. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы эта сугубая опека надъ рабочимъ населеніемъ фабрики замѣтно сказывалась на успѣхахъ его умственнаго развитія и политическаго воспитанія.

По обработкѣ шерсти въ Москвѣ занято 64 фабрики съ 14,000 рабочихъ. Но, быть можетъ, на-

ибольшій интересъ представляетъ 3-я отрасль обработки волокнистыхъ веществъ—шелкообрабатывающая промышленность, охватывающая 26 фабрикъ съ 12,700 рабочихъ. Въ то время, какъ въ другихъ отрасляхъ текстильной индустріи Москва много уступаетъ по размѣру предпріятій ближайшимъ къ ней уѣздамъ и даже центр. пром. району, самыя крупныя шелкообрабатывающія фабрики сосредоточены именно въ Москвѣ, гдѣ на одной только фабрикѣ Жиро занято свыше $4^1/_2$ тыс. рабочихъ. Вообще, по части обработки шелка Москва безспорно является самымъ крупнымъ центромъ въ Россіи.

Второе мѣсто послѣ текстильнаго производства занимаетъ машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность, охватывающая 227 заводовъ съ 23,000 рабочихъ. Правда, размѣры этихъ предпріятій не велики—на одно предпріятіе въ Москвѣ приходится 101 чел., между тѣмъ какъ въ уѣздахъ Моск. губ. 406 чел.,—но все же на московскихъ заводахъ въ этой отрасли занято 58% всѣхъ рабочихъ по металлу въ Моск. губерніи и 30% рабочихъ того же рода во всемъ ц. пром. районѣ. Любопытное явленіе представляетъ крупный заводъ Московскаго металл. Т-ва—бывшій зав. Гужона—съ 2,700 рабочихъ. Каждый день со всѣхъ концовъ великана-города къ нему тянутся десятки подводъ со старымъ желѣзомъ, подобраннымъ старьевщиками. Регулярно, изо дня въ день, заводъ поглощаетъ тысячи пудовъ этихъ желѣзныхъ отбросовъ и перерабатываетъ ихъ въ листовое, фасонное и т. подобное желѣзо, расходящееся затѣмъ по всей Москвѣ и даже за предѣлами ея. На такихъ началахъ могутъ функціонировать заводы только очень большихъ городовъ,

Изъ числа прочихъ отраслей промышленности упомянемъ еще о типо-литографскомъ дѣлѣ, гдѣ въ 119 предпріятіяхъ работаетъ около 10 тыс. человѣкъ (выдѣляется, между прочимъ, по своимъ размѣрамъ типографія Т-ва Сытина съ 1,160 рабочими), о химическомъ производствѣ, принадлежащемъ къ числу весьма характерныхъ для Москвы и, наконецъ, о производствѣ съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и наркотиковъ, охватывающемъ 88 предпріятій и $15^1/_2$ тыс. рабочихъ.

Общая производительность фабрикъ и заводовъ Москвы выражается, вѣроятно, суммою, превышающей 300 милл. рублей, при чемъ самая крупная доля этой суммы—около $^1/_3$ ея—приходится на текстильную промышленность, около $^1/_5$ на производство съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и наркотиковъ и около $^1/_7$ на металлообраб. и машиностроит. промышленность.

Въ заключеніе нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ о положеніи московскихъ рабочихъ, руками которыхъ создаются эти богатства. $^1/_3$-ю часть фабрично-заводскихъ рабочихъ Москвы составляютъ женщины. Употребляется отчасти и трудъ подростковъ, составляющихъ 7,2% всѣхъ рабочихъ. Особенно великъ % женщинъ среди рабочихъ въ текстильной промышленности (49%) и въ частности на шелковыхъ фабрикахъ, гдѣ женщинъ работаетъ свыше 76%. Любопытно при этомъ отмѣтить, что чѣмъ шире примѣняется женскій и дѣтскій трудъ, тѣмъ меньше средній заработокъ рабочаго. Лучше всего оплачивается трудъ рабочихъ на электр. станціи (720 руб. въ годъ); но это заработокъ немногихъ счастливцевъ. Нѣсколько выше средняго получаютъ рабочіе машиностр. заводовъ, типограф-

щики и рабочіе, занятые въ обработкѣ металловъ. Но зато у рабочихъ, занятыхъ въ химическомъ производствѣ, въ производствѣ одежды и туалета, а въ особенности въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ и въ производствѣ съѣстныхъ припасовъ и наркотиковъ—а въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ какъ разъ % работающихъ женщинъ особенно великъ,—средній заработокъ рабочаго очень низокъ. Рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ Москвы зарабатываютъ около $38^1/_2$ милл. рублей въ годъ, что опредѣляетъ средній заработокъ одного рабочаго въ 285 рублей. Въ частности заработокъ рабочаго шелкообраб. промышленности равенъ 228 р.—на 11 руб. меньше средняго заработка той же категоріи для всей Россіи! Нечего и говорить, что для Москвы, при ея дороговизнѣ жизни, такіе размѣры заработной платы говорятъ о вопіющей нуждѣ рабочаго люда. Наиболѣе яркимъ показателемъ этой нужды являются жилищныя условія рабочаго московскаго населенія. Огромная часть рабочаго населенія ютится въ коечно-каморочныхъ квартирахъ (въ 25 тыс. такихъ квартиръ живетъ около 260—270 тыс. чел. въ предѣлахъ городской черты и свыше 40 тыс. чел. въ пригородахъ Москвы),—платя по 5—6 руб. въ мѣсяцъ за каморку и въ среднемъ по 2 р. за койку. Гигіеническія условія домашней жизни коечныхъ и каморочныхъ жильцовъ ужасны. На 1 человѣка приходится въ среднемъ 1,17 куб. саж. помѣщенія, а въ значительномъ числѣ случаевъ меньше даже 1 куб. саж. Духота въ этихъ квартирахъ отъ скученности населенія невыносимая; взрослые и дѣти, мужчины и женщины спятъ всѣ вмѣстѣ, вповалку, нерѣдко цѣлыми группами помѣщаясь на одной койкѣ. О вентиляціи и чистотѣ

помѣщеній не можетъ быть и рѣчи. Рѣзкій, отвратительный запахъ отъ отбросовъ и нечистотъ, для изоляціи и удаленія которыхъ не имѣется сколько-ниб. сносныхъ приспособленій, вѣчно отравляетъ воздухъ коечно-каморочныхъ квартиръ. Коечники получаютъ обыкновенно въ свое распоряженіе три голыхъ доски и обходятся безъ какихъ бы то ни было тюфяковъ или подстилокъ. Встрѣчаются квартиры, гдѣ десятки людей плотными кучами размѣщаются на нарахъ или на грязномъ полу подъ нарами. Но и коечно-каморочные жильцы, имѣющіе все-таки хоть какой-ниб. постоянный пріютъ, не стоятъ еще на послѣдней ступени человѣческаго благополучія: гораздо хуже положеніе безпріютнаго населенія Москвы. Если не считать мелкихъ ночлежекъ, ночныхъ чайныхъ, постоялыхъ домовъ и разныхъ притоновъ, то въ 11 только крупныхъ ночлежныхъ домахъ города ежедневно ночуетъ 11—12 тыс. человѣкъ, въ томъ числѣ $5^1/_2$ тыс. (4300 мужч. и 1200 женщ.) заполняютъ ночлежные дома знаменитаго Хитрова рынка, этого трущобнаго „дна“ столицы. Въ среднемъ на каждую мужскую камеру этихъ домовъ приходится 50 ночлежниковъ и на женскую 35 чел., хотя, впрочемъ, раздѣленіе половъ по камерамъ въ ночлежныхъ домахъ наблюдается далеко не вездѣ и не всегда. Большинство хитрованцевъ и посѣтителей другихъ ночлежныхъ домовъ принадлежитъ къ деклассированнымъ элементамъ населенія, обычнымъ занятіемъ которыхъ является воровство, нищенство, проституція, и лишь 35—40% ночлежниковъ заняты какимъ-нибудь дѣломъ непредосудительнаго свойства или же временно переживаютъ періодъ безработицы и днемъ заполняютъ традиціонные рынки

труда, въ родѣ, напр., небольшого сквера около Ермаковскаго ночл. дома.

Къ сожалѣнію, въ Москвѣ и до сихъ поръ еще нѣтъ правильно организованной биржи труда, суррогатомъ которой въ настоящее время является обслуживающая интересы далеко не всего безработнаго люда Москвы городская посредническая контора, черезъ которую ежегодно изъ 25 тыс. чел. записывающихся безработныхъ (гл. образомъ женской прислуги) находятъ себѣ работу 15—16 тыс. человѣкъ.

Москва, какъ культурно-просвѣтительный центръ.

С. Сперанскаго.

Первое мѣсто среди культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій Москвы принадлежитъ Имп. М. университету (осн. въ 1755 г.). Онъ имѣетъ на него право въ силу своего прошлаго, своихъ историческихъ заслугъ передъ русскою культурой и передъ русскимъ просвѣщеніемъ. Если въ настоящемъ значеніе его въ этомъ отношеніи уже не то, что прежде, то все же онъ является крупнѣйшимъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. На 1 января 1914 года онъ насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ почти 10 тыс. студентовъ при 95 профессорахъ и 200 приватъ-доцентахъ.

Университетскія зданія расположены по Моховой и по обѣ стороны улицы Б. Никитской. Если стать спиною къ Кремлю, то по правую сторону Б. Никитской будетъ „Старый университетъ“, а по лѣ-

вую—„Новый университетъ“. Зданіе „Стараго университета“, обращенное фасадомъ своимъ на Моховую, было выстроено еще въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка по проекту арх. Казакова; въ 1812 г. оно сильно пострадало отъ пожара и возобновлено арх. Джилярди. Вслѣдствіе долговременнаго отсутствія ремонта это зданіе (стиля empire) является снаружи весьма непривлекательнымъ. Во дворѣ Стараго университета—рядъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: физическій институтъ, химическая лабораторія и др. Съ угла Б. Никитской и Долгоруковскаго пер. входъ въ зоологическій музей университета, насчитывающій до 100 тыс. отдѣльныхъ предметовъ.

Зданіе „Новаго университета“, передъ которымъ—бюстъ основателя московскаго университета Ломоносова, выстроено въ 1835 году. Во владѣніи Новаго университета расположены: зданіе университетской библіотеки (фасадомъ по Моховой), насчитывающей 400 тыс. томовъ, новое зданіе психологическаго института и аудиторные корпуса, тянущіеся вдоль Б. Никитской. На углу этой послѣдней и Моховой—домовая университетская церковь св. Татіаны, икона которой находится снаружи межъ колоннъ.

Владѣніемъ на Моховой не ограничиваются помѣстья Моск. университета. Ему принадлежитъ огромное владѣніе бывшей (недавно закрытой) унив. типографіи на Страстномъ бульварѣ. Здѣсь пріютилась часть учебно-вспомогательныхъ заведеній университета, въ томъ числѣ соціальный музей имени А. В. Погожевой. Близъ Прѣсненской заставы—астрономическая и метеорологическая обсерваторіи университета. За Сухаревой башней

на 1-й Мѣщанской—университетскій ботаническій садъ. На Волхонкѣ, вблизи Храма Спасителя, зданіе унив. музея изящныхъ искусствъ.

Наиболѣе обширнымъ изъ всѣхъ университетскихъ владѣній является, однако, клиническій городокъ на Дѣвичьемъ полѣ. Онъ тянется на $1^1/_4$ вер. и занимаетъ площадь въ 24 дес. Университетскія клиники сооружены на милліонныя пожертвованія нѣкоторыхъ представителей купеческаго и промышленнаго міра Москвы, землю же подъ нихъ безвозмездно отвелъ городъ. Вблизи же Дѣвичьяго поля на М. Царицынской ул. находятся. недавно выстроенныя зданія Высшихъ женскихъ курсовъ—этого женскаго университета, насчитывающаго свыше 6000 слушательницъ и около 250 профессоровъ и преподавателей. Замѣчательно, что Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ существуютъ безъ поддержки со стороны государства—на сборъ за право ученья и на субсидіи отъ города и земства. На собственныя средства были ими выстроены и принадлежащія имъ зданія. Кромѣ Высшихъ женскихъ курсовъ на М. Царицынской ул., въ Москвѣ есть еще частные высшіе женскіе курсы, учр. В. А. Полторацкой.

Совершенно своеобразнымъ, не имѣющимъ другого подобнаго себѣ въ Россіи, высшимъ учебнымъ заведеніемъ является въ Москвѣ университетъ имени А. Л. Шанявскаго. Послѣдній принесъ въ 1905 году въ даръ московскому городскому управленію цѣнное имущество, доходы съ котораго предназначались имъ на устройство университета, доступъ въ который былъ бы широко открытъ для всѣхъ, желающихъ учиться, безъ требованія отъ нихъ какихъ-либо дипломовъ и атте-

статовъ. Формальныя стѣсненія должны, по мысли А. Л. Шанявскаго, отсутствовать и въ дѣлѣ приглашенія лекторовъ въ этотъ университетъ. Послѣдній не долженъ давать никакихъ правъ. Онъ является учебнымъ заведеніемъ, куда люди приходятъ движимые исключительно любовью къ знанію. Городское управленіе приняло даръ А. Л. Шанявскаго на условіяхъ, указанныхъ жертвователемъ, и университетъ былъ открытъ 1 окт. 1908 г. Въ немъ преподаются естествознаніе, науки историко-философскія и общественно-юридическія. Кромѣ того, при университетѣ устраивается рядъ спеціальныхъ курсовъ: по общественному самоуправленію, по кооперації, по земскому школьному дѣлу, по библіотеко-вѣдѣнію и проч. На подобные курсы съѣзжаются въ большомъ числѣ слушатели изъ провинціи, многія земства командируютъ на нихъ своихъ служащихъ. Въ 19 $^{12}/_{13}$ акад. году университетъ Шанявскаго насчитывалъ около 1000 чел. слушателей, записавшихся на цѣлые циклы наукъ, и около 1300 чел., записавшихся на отдѣльные курсы и предметы. На спеціальныхъ курсахъ (по мѣстному самоуправленію, по холодильному и по библіотечному дѣлу) занималось около 650 челов. Бюджетъ университета достигаетъ 150 тыс. руб. Университетъ успѣлъ уже выстроить себѣ прекрасное зданіе на Міусской площади, стоившее около 600 тыс. руб. Отдѣльно отъ университета помѣщается принадлежащая ему физическая лабораторія имени покойнаго П. Н. Лебедева.

Кромѣ названныхъ выше, въ Москвѣ существуетъ еще длинный рядъ высшихъ учебныхъ заведеній. Одно изъ старѣйшихъ—Имп. Техническое

Училище, имѣющее около 3000 студентовъ, около 100 преподавателей и бюджетъ до 600 тыс. руб. Затѣмъ надо назвать Институтъ инженеровъ путей сообщенія съ 600 слушателями и бюджетомъ около 300 тыс. р. Очень быстро развивается Коммерческій Институтъ, основанный и содержимый Моск. Общ. распространенія коммерческаго образованія. Онъ открытъ въ 1906 г. при 600 слушателяхъ и слушательницахъ, нынѣ же число ихъ достигаетъ 5000 чел. М. Сельскохозяйственный Институтъ (бывшая Петровская Академія) находится въ Петровскомъ-Разумовскомъ подъ Москвою, имѣетъ около 1200 студентовъ, 60 преподавателей и полумилліонный бюджетъ. Изъ прочихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній надо упомянуть Консерваторію Русскаго Музыкальнаго Общества, Константиновскій Межевой Институтъ, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ, Археологическій Институтъ, Педагогическій Институтъ, созданный на средства г. Шелапутина, частный Женскій Медицинскій Институтъ, открытый проф. Статкевичемъ и д-ромъ Изачикомъ.

Москва—средоточіе также большого числа среднихъ учебныхъ заведеній. На 1 янв. 1913 г. въ ней насчитывалось 72 мужскихъ, 75 женскихъ и 5 смѣшанныхъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ обучалось 21 тыс. дѣвочекъ и 23 тыс. мальчиковъ.

Изъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ на 1 янв. 1913 г. насчитывалось 11 казенныхъ гимназій съ 4605 учащ., 16 частныхъ гимназій съ правами, гдѣ обучалось 3361 чел., 3 казенныхъ и 16 частныхъ реальныхъ училищъ (въ казенныхъ училось 1070 челов., въ частныхъ—4170 челов.), 11 коммерческихъ училищъ съ 3700

учениками (изъ нихъ казенное лишь одно), 3 кадетскихъ корпуса съ 1400 учащимися, 5 среднихъ техническихъ училищъ съ 1850 учащимися, 1 духовная семинарія съ 670 воспитанниками и друг.

Изъ женскихъ учебныхъ заведеній наибольшее число учащихся привлекаютъ къ себѣ 54 частныхъ гимназіи и прогимназіи Вѣдомства Министерства Просвѣщенія—въ нихъ обучалось въ 1913 г. 13 $^1/_2$ тыс. челов. Въ 6 московскихъ гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи училось 2767 челов., въ 7 институтахъ того же вѣдомства—2251 челов.; 3 епархіальныхъ училища насчитывали 1000 учениць.

Изъ 23 тыс. мальчиковъ, обучавшихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, лишь около 10 $^1/_2$ тыс. чел. училось въ казенныхъ заведеніяхъ, остальные же были обязаны своимъ обученіемъ частной и общественной иниціативѣ. Изъ 21 тыс. дѣвочекъ въ казенныхъ заведеніяхъ (считая таковыми и епархіальныя училища) учились лишь 6400 чел., т.-е. едва лишь $^1/_3$.

Изъ среднихъ учебныхъ заведеній, дающихъ художественное образованіе, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть Училище живописи, зодчества и ваянія, привлекающее къ себѣ учениковъ чуть не со всей Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ назвать Строгановское училище художественно-промышленнаго рисованія, насчитывавшее въ 1913 году 559 учениковъ и 381 ученицу. При этомъ училищѣ имѣется художественно-промышленный музей Александра II и музей К. Попова. Оба эти музеи прикладнаго искусства доступны для осмотра ихъ публикою. Есть въ Москвѣ и около 20 частныхъ школъ живописи и рисованія. Музыкальное образованіе, кромѣ наз-

ванной уже выше консерваторіи Р. М. О., даютъ Музыкально-драматическое училище Филармоническаго общества и около 12 частныхъ музыкальныхъ школъ. Духовное пѣніе преподается въ Синодальномъ пѣвческомъ училищѣ и въ цѣломъ рядѣ частныхъ духовно-пѣвческихъ хоровъ и капеллъ. Драматическое образованіе даютъ Театральное училище, Музыкально-драматическое училище Филармоническаго общества и около 15 частныхъ курсовъ драматическаго искусства.

Наряду съ высшими учебными заведеніями могучимъ двигателемъ культурной жизни Москвы являются ея многочисленныя ученыя и просвѣтительныя общества.

Однимъ изъ старыхъ ученыхъ обществъ (осн. въ 1863 г.) является Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Имп. Моск. унив. Обнимая огромную область человѣческихъ знаній, Общество распредѣлило научную работу между многими своими отдѣлами и отдѣленіями. Въ составъ Общества входятъ: Этнографическій отдѣлъ съ комиссіями: музыкал.-этнографической и по изученію народной словесности, Антропологическій отдѣлъ, отдѣленія: физическихъ наукъ съ воздухоплавательной комиссіей, зоологическихъ наукъ съ комиссіей по изученію фауны Московской губ., химическихъ наукъ, ботаники, географическое отдѣленіе съ комиссіями топографо-геодезической и географо-педагогической, отдѣленія физіологіи, бактеріологіи и геологіи. Общество издавало 6 періодическихъ научныхъ органовъ: „Извѣстія О-ва“, „Русскій Антропологическій журналъ“, „Этнографическое Обозрѣніе“, „Землевѣдѣніе“, „Біологическій журналъ“ и „Physiologiste russe“. Въ

1912 году Общество (включая всѣ свои отдѣленія) имѣло 75 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 130 научныхъ сообщеній. Основанный Об-вомъ „Московскій Музей Прикладныхъ Знаній“ (Политехническій) въ 1912 г. посѣтили 140 тыс. челов.

Иной характеръ имѣетъ дѣятельность основаннаго 60 лѣтъ назадъ Русскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Общество содержитъ Зоологическій садъ, который впрочемъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европѣ. Въ 1912 г. садъ этотъ посѣтили 338 тыс. чел., а расходъ по его содержанію выразился въ суммѣ 153 тыс. р. Это же Об-во содержитъ образцовую пасѣку въ Измайловскомъ звѣринцѣ близъ Москвы, открытую для обозрѣнія публикой. При пасѣкѣ богатѣйшій пчеловодный музей, домъ для практикантовъ, ведутся бесѣды по пчеловодству. Общество имѣетъ ветеринарно-біологическую лабораторію и гидро-біологическую станцію (на Глубокомъ озерѣ въ Рузскомъ уѣздѣ). При Об-вѣ есть отдѣлъ ихтіологіи (существуетъ 35 лѣтъ), отдѣлъ орнитологіи и отдѣлъ голубеводства.

При Моск. Унив. состоитъ также Имп. М. Общ. испытателей природы.

Изъ обществъ прикладныхъ знаній старѣйшее—Моск. Общество сельскаго хозяйства. Оно содержитъ земледѣльческую школу и сельскохозяйственный учебный хуторъ, имѣетъ сѣменную контрольную станцію и лабораторію для сельскохозяйственныхъ анализовъ. Комитетъ скотоводства при этомъ Об-вѣ ежегодно устраиваетъ выставки скота. Въ Москвѣ есть и Лѣсное Об-во.

Дѣятельность Моск. Отд. Имп. Р. Техн. Об-ва весьма разнообразна. Кромѣ отдѣловъ химико-тех-

ническаго, строительно-желѣзнодорожнаго, механическаго и электротехническаго имѣется рядъ отдѣловъ, преслѣдующихъ соціальныя и просвѣтительныя цѣли: санитарный, по городскому и земскому самоуправленію, постоянная комиссія по техническому образованію, музей содѣйствія труду (консультаціи по улучшенію быта рабочихъ), бюро врачебной экспертизы для увѣчныхъ рабочихъ.

Изъ другихъ техническихъ обществъ назовемъ Политехническое, Архитектурное и Об-во содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій. Послѣднее ставитъ своею цѣлью содѣйствіе научнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ области естествознанія, содѣйствіе изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ въ сферѣ техники, испытаніе на практикѣ и проведеніе въ жизнь научныхъ изобрѣтеній. Общество располагаетъ капиталомъ до 2 милл. р., завѣщаннымъ ему Х. С. Леденцовымъ.

Изъ московскихъ литературныхъ обществъ старѣйшимъ является Об-во любителей россійской словесности при Имп. Моск. унив., отпраздновавшее недавно свой столѣтній юбилей. Членами его являются ученые, литераторы, дѣятели артистическаго міра. Оно посвящаетъ свою работу главнымъ образомъ новой русской литературѣ. Вопросы новой и новѣйшей русской литературы служатъ также предметомъ литературныхъ бесѣдъ, устраиваемыхъ въ Литературно-художественномъ кружкѣ. Толстовское Об-во (откр. въ 1912 г.) содержитъ Толстовскій музей — хранилище книгъ, рукописей, художественныхъ произведеній и реликвій, касающихся Л. Н. Толстого, его жизни и творчества. Музей этотъ за первый годъ его существованія

посѣтило 8150 чел. Художественныхъ обществъ въ Москвѣ около 12.

Историческія общества — Общество исторіи и древностей при Имп. Моск. универ. существуетъ съ 1804 года; за это время оно издало сотни томовъ своихъ „Трудовъ". Археологическое о-во существуетъ съ 1865 года и помѣщается на Берсеневской набережной въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Малютѣ Скуратову. Въ составъ Об-ва входятъ комиссіи: археографическая, восточная, славянская, по сохраненію древнихъ памятниковъ и по изученію старой Москвы. Общество издаетъ „Древности".

Изъ философскихъ обществъ—Психологическое о-во при Имп. Моск. ун—тѣ, органомъ его является журналъ „Вопросы философіи и психологіи". Есть религіозно-философское общество памяти Вл. Соловьева (органъ его—издательство „Путь"). Недавно открылось „Научно-философское общество".

Есть въ Москвѣ и два Математическихъ общества.

Съ 1906 г. въ Москвѣ существуетъ Московское Об-во народныхъ университетовъ. Въ различныхъ частяхъ Москвы оно организовало чтеніе научно-популярныхъ лекцій, имѣющихъ преимущественно систематическій (курсовой) характеръ. Лекціи эти обнимаютъ какъ науки о природѣ, такъ и область права, исторіи, литературы. Плата за лекціи—5 к. за два часа. Общество содержитъ также курсы общаго и спеціальнаго музыкальнаго образованія, среднюю школу, гдѣ окончившіе начальное училище проходятъ въ 3 года курсы средняго образованія (занятія по вечерамъ 4 раза въ недѣлю), общедоступный народный театръ. При обществѣ работаетъ также секція содѣйствія устройству деревенскаго и фабричнаго театра.

Комиссія домашняго чтенія (сущ. съ 1893 г.), состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Об-ва распространенія техническихъ знаній, даетъ возможность лицамъ, живущимъ въ провинціи, проходить курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Съ этой цѣлью она вырабатываетъ (при содѣйствіи профессоровъ и и преподавателей Московскаго университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній) и издаетъ программы систематическаго чтенія по различнымъ отраслямъ университетскаго преподаванія. За время своего существованія комиссія успѣла распространить $145^1/_2$ тыс. такихъ программъ.

Къ научнымъ учрежденіямъ слѣдуетъ отнести и московскіе архивы, такъ какъ въ нихъ ведется научная историческая работа и пишутся историческія изслѣдованія. Наибольшую притягательную силу для русскихъ историковъ имѣетъ Архивъ Мин. Юст. (на Дѣвичьемъ полѣ). По Воздвиженкѣ и Моховой расположено владѣніе Архива Мин. Ин. Дѣлъ, гдѣ хранятся дѣла посольскаго приказа и коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ зданіи Окружнаго суда—архивы писцовый и чертежный. Въ башняхъ Кремля и Китай-города сложены матеріалы Губернскаго архива старыхъ дѣлъ.

Москва бѣдна библіотеками, открытыми публикѣ для научныхъ занятій. Библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ только для слушателей этихъ послѣднихъ. Научныхъ публичныхъ библіотекъ двѣ: Румянцевская и Чертковская. Обѣ онѣ переполнены въ учебные мѣсяцы учащейся молодежью, приходящей сюда читать учебныя руководства, для лицъ же, дѣлающихъ научную работу, нехватаетъ мѣста. Вотъ почему расширеніе съ осени 1914 г. читальнаго зала Румянцевской

библіотеки съ 170 мѣстъ до 400 мѣстъ имѣетъ для Москвы огромное значеніе.

Въ разгаръ зимняго сезона въ Москвѣ бываетъ масса публичныхъ чтеній и лекцій по всѣмъ отраслямъ знанія, по литературѣ и по искусству. Лекціи эти вносятъ немалое оживленіе въ умственную и культурную жизнь Москвы. Художественная жизнь значительно оживляется массой картинныхъ выставокъ, пріурочиваемыхъ въ Москвѣ преимущественно къ январю.

Муниципальная Москва.

Е. Звягинцева.

Дѣятельность Московскаго городского общественнаго управленія представляетъ выдающійся интересъ. Уже одни размѣры городского хозяйства могутъ поразить: годовой бюджетъ города превышаетъ 50 мил. руб., между тѣмъ какъ въ среднемъ губернскомъ городѣ онъ—около 700 тыс. рублей, а бюджетъ всѣхъ уѣздныхъ и губернскаго земствъ въ средней губерніи едва достигаетъ 8 мил. рубл. Испомѣстивъ на небольшой территоріи въ $80^1/_2$ квадр. верстъ 1.700.000 жителей, Москва должна разрѣшать такія задачи, какихъ въ сельской Россіи и въ мелкихъ городахъ вовсе даже не приходится ставить на разрѣшеніе общественнаго управленія или какія разрѣшаются въ очень скромномъ масштабѣ. Организація общественной школы и медицины, организація удобнаго передвиженія населенія по городу, обществен-

ное снабженіе водой, освѣщеніе и очистка улицъ, удаленіе изъ города нечистотъ и проч.—все должно быть разсчитано на громадное и при томъ быстро растущее населеніе (за 40 лѣтъ оно увеличилось въ $2^1/_2$ раза). Несмотря на сравнительную съ западно-европейскими столицами отсталость во многихъ отношеніяхъ, общественное хозяйство Москвы для русскаго экскурсанта должно казаться интереснымъ, внушительнымъ и отчасти образцовымъ.

I. Провинціаламъ, пріѣхавшимъ въ Москву, едва ли не прежде всего бросается въ глаза дѣятельность городского трамвая; и, правда, это—самое крупное предпріятіе, играющее замѣтную роль въ обычной жизни каждаго москвича. Постойте нѣсколько минутъ на Театральной, напр., площади, понаблюдайте за бепрерывной смѣной вагоновъ передъ вами, за передвиженіемъ сотенъ людей въ этихъ вагонахъ, и вы какъ-бы нащупаете пульсъ жизни огромнаго дѣлового города. А между тѣмъ Театральная площадь—только одинъ изъ узловъ густой трамвайной сѣти. Вся она состоитъ изъ 33 взаимно переплетающихся линій и охватываетъ весь городъ. Если ее выпрямить, то получилась бы линія общимъ протяженіемъ въ 230 вер. одиночнаго пути. Сядьте на трамвай лит. Б: вы менѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ часа обогнете все Садовое кольцо,—заплатите за это лишь 10 коп., а между тѣмъ сдѣлаете больше 15 верстъ. Въ трамваѣ лит. А вы можете за 5 коп. сдѣлать почти 7 верстъ по кольцу бульваровъ, опоясывающихъ центральную Москву (вмѣсто древнихъ каменныхъ стѣнъ), и изъ окна вагона насмотрѣться на массу смѣняющихъ другъ друга разнообразныхъ построекъ, на

пеструю уличную толпу и городскую суету.—Благодаря услугамъ „электрички“, десятки тысячъ рабочихъ, приказчиковъ и чиновниковъ имѣютъ возможность жить на окраинахъ или сравнительно далеко отъ мѣста служебныхъ занятій и освобождаются отъ необходимости переплачивать за квартиры въ центральныхъ торгово-промышленныхъ пунктахъ столицы. Пріостановка трамвайнаго движенія на нѣсколько дней, какъ это имѣло мѣсто осенью 1913 года, выбиваетъ изъ колеи жизнь всего города, а для нѣкоторыхъ группъ населенія является своего рода бѣдствіемъ.

До 1200 вагоновъ каждый день (хотя и не въ теченіе цѣлаго дня) находятся въ движеніи, которое продолжается по нѣкоторымъ линіямъ съ 6 час. утра до 1 час. ночи. Число вагоновъ, находящихся въ пути, въ различные часы дня неодинаково: наибольшаго напряженія работа трамвая достигаетъ утромъ $7^1/_2$—$10^1/_2$ час. и въ 3—8 час. вечера; наименьшее движеніе отъ 11 до 1 час. ночи. Слѣдующія цифры даютъ представленіе о живомъ потокѣ пассажировъ, пропускаемомъ черезъ вагоны московскаго трамвая: въ ноября 1913 года по бульварно-кольцовой линіи (Л. А) одинъ вагонъ перевозилъ ежедневно въ среднемъ 1236 человѣкъ и выручалъ 62 рубл.; вагоновъ курсировало здѣсь 35; въ теченіе мѣсяца одна лишь названная линія перевезла 1.303.000 пассажировъ; а по всѣмъ линіямъ трамвая за ноябрь мѣсяцъ перевезено пассажировъ, или точнѣе, продано пассажирскихъ билетовъ $26^1/_2$ милліоновъ. Выручено за ноябрь—1.353.000 рубл., а за весь 1913 годъ—свыше 15 мил. рубл., изъ нихъ около $3^1/_2$ мил. рубл.—чистой прибыли. Бывали праздничные дни, когда

трамвай перевозилъ свыше милліона пассажировъ и дневной валовой доходъ достигалъ 58 тыс. рублей (8 сент. 1913 г). По городской смѣтѣ доходовъ 1914 г. выручка исчислена въ 17.125.758 рубл.; иначе сказать, съ каждаго жителя (безъ различія возраста) за пользованіе трамваемъ предположено выручить по 10 рубл. въ среднемъ. Третья часть всѣхъ доходовъ городского управленія (52 мил. рубл.) въ 1914 г. падаетъ на трамвайную выручку. Чистая прибыль отъ трамвая и даетъ Москвѣ за послѣдніе годы возможность кое-какъ сводить концы съ концами при составленіи смѣты, такъ какъ при несовершенствѣ существующей налоговой системы городское общественное управленіе крайне стѣснено въ средствахъ.—Для приведенія въ движеніе вагоновъ по всѣмъ путямъ трамвая устроена центральная электрическая станція и 9 подстанцій. Центральная, находящаяся на берегу водоотводнаго канала противъ Болотной площади, представляетъ собою крупный заводъ, вырабатывающій электрическую энергію высокаго напряженія въ 6.600 вольтъ; подстанціи, принимая эту энергію, понижаютъ ея напряженіе и перерабатываютъ въ энергію постояннаго тока въ 600 вольтъ; этой то энергіей и пользуются моторы трамвайныхъ вагоновъ. Токъ поступаетъ въ шины распредѣлительныхъ щитовъ, оттуда въ подземные кабели, питающіе воздушную сѣть; длина кабельной сѣти—325 верстъ. Изъ подстанцій—наибольшая—Лубянская; расположена въ центрѣ города, въ главномъ узлѣ сѣти; устроена подъ землей, на глубинѣ трехъ саженей. Каждый изъ моторныхъ вагоновъ оборудованъ 2 электро-моторами по 48 лошадиныхъ силъ каждый, тремя тормозами (элек-

трическимъ, воздушнымъ и ручнымъ), громоотводомъ, электрическими печами и освѣщеніемъ. Для размѣщенія вагоновъ на ночлегъ, для ихъ осмотра, чистки и мелкаго ремонта устроены въ различныхъ частяхъ города 8 „парковъ", т. е. вагонныхъ сараевъ, со службами, кладовыми и мастерскими. Вагоновожатыхъ, кондукторовъ, ремонтныхъ рабочихъ, стрѣлочниковъ, метельщиковъ и другихъ категорій рабочихъ—свыше 5 тысячъ человѣкъ. Несмотря на нѣкоторую дороговизну и изъяны въ организаціи трамвая, имъ въ общемъ москвичи довольны. Есть, однако, группа населенія, безусловно страдающая отъ трамвая; это легковые извозчики,—ихъ трудъ сталъ оплачиваться гораздо ниже; падаетъ и число извозчиковъ: въ 1906 году легковыхъ извозчичьихъ лошадей было 19.948, а въ 1911 г. 14.745.

II. Вторымъ крупнѣйшимъ дѣломъ московскаго муниципалитета являются городскіе водопроводы. Ихъ два—Москворѣцкій и Мытищенскій; вмѣстѣ они доставляютъ городу въ сутки около 9 милліоновъ ведеръ доброкачественной воды. Около 500 верстъ подземныхъ трубъ (не считая домовыхъ отвѣтвленій) распредѣляютъ по городу воду, при чемъ Москворѣцкій водопроводъ снабжаетъ городъ водой изъ Москвы-рѣки за $14^1/_2$ вер. на югъ отъ города, у дер. Рублево, а Мытищенскій—грунтовой водой близъ с. Мытищъ, за 13 верстъ отъ города на сѣверъ. Кто былъ на Воробьевыхъ горахъ, тотъ, конечно, помнитъ огромный водопроводный резервуаръ съ павильономъ надъ нимъ; тотъ, навѣрно, съ крыши этого павильона любовался видомъ на г. Москву. Резервуаръ этотъ, емкостью въ 2.600.000 ведеръ, рас-

положенъ на холмѣ 40 саж. высоты надъ уровнемъ воды рѣки, получаетъ съ Рублевской станціи по водопроводамъ очищенную англійскими фильтрами рѣчную воду. Изъ Воробьевскаго резервуара вода самотекомъ спускается по 36-ти дюймовымъ водоводамъ въ городскую сѣть трубъ. Въ Мытищахъ вода добывается изъ грунта особыми всасывающими трубами и колодцами. Извлеченная насосами вода перекачивается въ Алексѣевскій резервуаръ (въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Крестовской заставы), а отсюда—въ двѣ крестовскія водонапорныя башни (противъ Виндавскаго вокзала), въ $18^1/_2$ саж. высоты. Изъ башенъ же вода направляется по городу. Подъемъ воды, ея фильтрація, перекачиваніе и и равномѣрное распредѣленіе, все это производится при посредствѣ сложной системы машинъ, дорогихъ сооруженій и остроумныхъ приспособленій. Особенно грандіозна Рублевская станція. Общая стоимость имущества московскаго водопровода исчисляется свыше 30 мил. рублей, въ то время какъ стоимость водопроводовъ всѣхъ русскихъ городовъ не превышаетъ 150 мил. рубл. Каждыя 100 ведеръ самому городу обходятся около 11 коп., а доставляется она на домъ по 12 коп.; изъ водоразборныхъ будокъ продается водовозамъ по $12^1/_2$ коп.; а въ ручную посуду отпускается безплатно. Изъ 18 тыс. владѣній водопроводъ проведенъ до сихъ поръ въ 8.200 владѣній, расположенныхъ, главнымъ образомъ, внутри кольца Садовой улицы; остальное населеніе пользуется водой изъ будокъ. На каждомъ перекресткѣ имѣется пожарный кранъ,—всѣхъ кранов больше 4.000. Въ среднемъ на одного жителя тратится около 5 ведеръ ежедневно. Чистой прибыли город-

скіе водопроводы дали въ 1911 году 424 тыс. рублей.

Снабженіе хорошей и дешевой водой является непремѣннымъ условіемъ здороваго развитія большого города. Такимъ же необходимымъ условіемъ является и канализація города, т. е. удаленіе по трубамъ нечистотъ за городъ. Къ канализированію Москвы приступлено только съ 1897 года, и въ настоящее время продолжаются большія работы по прокладкѣ городской сѣти трубъ и загородныхъ каналовъ, постройкѣ коллекторовъ, устройству полей орошенія и вообще по расширенію дѣла; происходящія теперь работы закончатся лишь въ 1919 году. Теперь изъ 18 тысячъ владѣній присоединено къ канализаціи всего около 6 тысячъ въ центральной и наиболѣе населенной части города. Бюджетъ дѣйствовавшей въ 1911 году канализаціи достигалъ 2.612.000 рубл., и прибыли получено 373 тыс. рубл. Къ концу 1911 года протяженіе уличной сѣти трубъ достигало 364 верстъ. Ежедневно передается сточныхъ водъ на поля орошенія до 6 мил. ведеръ (въ августѣ 1913 года—5.860.000 вед.)

Для освѣщенія улицъ газомъ и для продажи его частнымъ лицамъ городъ имѣетъ свой большой газовой заводъ (Сусальный пер.) Городъ получилъ его въ свое управленіе въ 1905 году, значительно его расширилъ и усовершенствовалъ. Чтобы дать представленіе о его производительности сообщимъ, что въ одномъ ноябрѣ мѣсяцѣ 1913 года на городскомъ газовомъ заводѣ выработано газа 73 милл. кубическихъ футовъ и 245 тыс. пудовъ прочихъ продуктовъ—кокса, каменноугольной смолы и нашатырнаго спирта; около 20 мил. куб. футовъ

пошло на освѣщеніе улицъ, проѣздовъ и городскихъ учрежденій; остальное продано частнымъ лицамъ на отопленіе, освѣщеніе и техническія цѣли. Чистой прибыли по смѣтѣ доходовъ 1912 года отъ завода опредѣлено 183 тыс. рублей.

Трамвай, канализація, водопроводъ и газовый заводъ, о которыхъ мы говорили, сѣтью своихъ трубъ создаютъ своего рода подземную Москву, которой мы не видимъ, но услугами которой пользуемся. Въ предѣлахъ города, не считая домовыхъ отвѣтвленій, имѣется:

трубъ водопроводныхъ 497 верстъ
кабелей трамвайныхъ 325 „
трубъ канализаціонныхъ 364 „
трубъ газовыхъ магистральныхъ 286 „

Такъ, Москва не только тянется вверхъ своими 6-8 этажными домами, но и углубляется въ землю; и хорошо то, что эта подземная Москва находится почти цѣликомъ въ рукахъ общественнаго управленія. Въ цѣломъ рядѣ городовъ городскія желѣзныя дороги, водопроводъ и освѣщеніе переданы частнымъ капиталистамъ. Въ Москвѣ эти предпріятія муниципализированы, что, конечно, больше обезпечиваетъ цѣлесообразную постановку дѣла, да при томъ получаемая отъ предпріятій прибыль идетъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, а не въ барыши частныхъ лицъ. Обратимся теперь къ дѣятельности городского управленія чисто общественнаго характера.

III. О заботахъ городской думы, касающихся народнаго образованія, будетъ сказано въ спеціальной статьѣ. Укажемъ здѣсь, что по городской смѣтѣ 1914 года на образовательныя нужды населенія назначено 5.954.000 рубл. противъ 2.770.000

рубл. въ 1909 году; т. е. за 5 лѣтъ расходъ больше чѣмъ удвоился. Разумѣется, львиная доля затратъ идетъ на организацію начальнаго обученія, т. е. на четырехгодичную начальную школу (для дѣтей 8-11 лѣтъ). Въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни одинъ ребенокъ опредѣленнаго возраста, желающій поступить въ школу, не получалъ отказа. Въ настоящее время въ Москвѣ можетъ быть серьезная рѣчь о введеніи обязательнаго обученія. На очереди стоитъ вопросъ о развитіи школъ повышеннаго типа, которыхъ теперь въ Москвѣ очень мало; возбужденъ вопросъ и объ организаціи общественнаго воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста (5—7 лѣтъ).

Еще болѣе внушительную сумму денегъ тратитъ городъ Москва на народное здравіе: по смѣтѣ 1914 года ассигновано 9.330.000 рублей. На эти средства содержатся и расширяются городскія больницы, амбулаторіи, родильные пріюты, санитарная организація и друг.

Собственно „больницъ", т. е. заведеній для излѣчимыхъ больныхъ, городу принадлежитъ 18, съ числомъ 7011 штатныхъ кроватей; въ этихъ больницахъ за 1911 годъ принято было 68.700 стаціонарныхъ больныхъ; однихъ штатныхъ врачей въ больницахъ—270. Самая большая и самая старая больница—Старо-Екатерининская (3-ья Мѣщанская ул.,)—852 кровати. Говорить о всѣхъ больницахъ здѣсь нѣтъ возможности. Укажемъ только на двѣ изъ нихъ. На благоустроенную больницу имени Солдатенкова стоитъ съѣздить посмотрѣть даже снаружи, и не нужно быть врачемъ, чтобы оцѣнить ея значеніе (близъ Петровскаго парка, ходитъ спеціальная трамвай-

ная вѣтка). Выстроена на капиталъ около 2 мил. рубл., завѣщанный московскимъ меценатомъ и благотворителемъ К. Т. Солдатенковымъ на устройство „безплатной больницы для всѣхъ бѣдныхъ, безъ различія званій, сословій и религій". Ея постройка и оборудованіе еще не закончены, но часть открыта (съ 1910 года). Всѣхъ зданій для больныхъ спроектировано 12 на 505 кроватей (къ 1914 году было 402), на площади свыше 11 десятинъ. Каждый больничный корпусъ окруженъ отдѣльнымъ садомъ. При терапевтическомъ корпусѣ—водолѣчебница, электролѣчебница, свѣтолѣчебница и женско-терапевтическій кабинетъ. Рентгеновскій кабинетъ. Имѣется центральная клиническая лабораторія и небольшія лабораторіи въ каждомъ корпусѣ; при анатомическомъ театрѣ—бактеріологическая лабораторія, кабинеты для занятій патологической анатоміей и микрофотографіей, помѣщенія для экспериментовъ надъ животными и проч. Работы на кухнѣ производится при помощи пара и электричества. Однихъ врачей по штату—29. Дѣтская больница Св. Владиміра (Сокольничье поле) размѣщена въ 13 зданіяхъ, въ томъ числѣ главное зданіе для больныхъ терапевтическихъ, хирургическихъ и сифилитическихъ; бараки терапевтическій, отдѣльный „сомнительный", коревой, 3 дифтеритныхъ, 3 скарлатинныхъ и 2 смѣшанныхъ. Двѣ амбулаторіи—заразная и незаразная. Штатныхъ кроватей - 313, врачей—17. Больныхъ принято въ 1911 году—3.204. Кромѣ больницъ, у города есть 6 домовъ призрѣнія для неизлѣчимыхъ и хрониковъ, на 787 кроватей; для нихъ же есть еще 3 спеціальныхъ больницы (485 кроватей). Лѣченіе въ больницахъ—безплатное для лицъ

уплатившихъ больничный сборъ (1 р. 25 к. въ годъ).

При большинствѣ больницъ существуютъ амбулаторіи, но есть еще у города 14 самостоятельныхъ амбулаторій, въ которыхъ каждому обращающемуся дается безплатно совѣтъ врача, лѣкарства и оперативная помощь; въ 1911 году въ этихъ амбулаторіяхъ было 1.347.000 посѣщеній; операцій произведено—27.000; наложено повязокъ—337.000. Сверхъ общихъ амбулаторій есть еще особыя школьныя амбулаторіи (5); въ нихъ за одинъ ноябрь 1913 года принято больныхъ школьниковъ 2334, сдѣлано посѣщеніи—4.996. Городскихъ родильныхъ домовъ и пріютовъ—11. Въ нихъ за ноябрь 1913 года родившихся было 2.757 чел.

Численный составъ персонала на штатной городской службѣ по лѣчебной части:

Врачей	379
Вспомогат. больнич. персонала	650
Другихъ служащихъ при больн.	189
Низшій персоналъ при больн.	2.706
Вспомогательный персоналъ амбулаторій	117
Персоналъ родовспомог. учрежд.	425
Участковыхъ санитарныхъ врачей	20
Училищныхъ	18
Торгово-санитарныхъ врачей	10

Приведенныя цифры свидѣтельствуютъ, какъ широко поставлена въ Москвѣ врачебно-санитарная организація съ ея 9 милліоннымъ бюджетомъ, по крайней мѣрѣ по сравненію съ другими русскими городами.

На дѣло общественной благотворительности или на „общественное призрѣніе“ по городской

смѣтѣ 1914 г. назначено 2.610.000 рубл. На эти средства городъ содержитъ: а) 7 пріютовъ для дѣтей—сиротъ и безпризорныхъ—на 715 человѣкъ; б) 12 богадѣленъ для призрѣнія престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду на 2200 чел.; в) 5 домовъ убѣжищъ для неизлѣчимыхъ и калѣкъ на 767 чел.; г) 7 домовъ безплатныхъ и дешевыхъ квартиръ на 4500 чел.; д) 6 ночлежныхъ домовъ на 5650 чел.; е) 3 дешевыхъ столовыхъ; ж) работный домъ и два дома трудолюбія. Интересными въ данной области учрежденіями являются городскіе ночлежные дома, возникшіе въ связи съ той опасностью, какую представляли собою частныя ночлежки для бездомныхъ на знаменитомъ Хитровомъ рынкѣ. Наиболѣе благоустроенный и обширный изъ нихъ—Ермаковскій, открытый въ 1909 году, около Калančевской площади (по I-му Дьяковскому пер.), близъ вокзаловъ; устроенъ на 1500 человѣкъ, всегда полонъ. При немъ устроена дешевая столовая, чайная и баня. При немъ же, въ особомъ зданіи, устроена „биржа труда“ или посредническое бюро для указанія работы пріѣзжимъ чернорабочимъ. Въ двухъ ночлежныхъ домахъ впускъ на ночлегъ безплатный, а въ остальныхъ берется 3—6 коп. съ человѣка. Несмотря на существованіе 6-ти ночлежныхъ домовъ и нѣсколькихъ домовъ дешевыхъ квартиръ и комнатъ, жилищная нужда московской бѣдноты удовлетворяется только въ очень скромной долѣ. Изъ богадѣленъ обращаетъ на себя вниманіе своею обширностью Екатерининская; въ ней въ декабрѣ 1913 г. содержалось 1300 чел., главнымъ образомъ женщинъ; ея содержаніе обходится до 200 тыс. въ годъ.

Выдающейся особенностью московской город-

ской организаціи помощи бѣднымъ является учрежденіе „городскихъ попечительствъ“. Они существуютъ уже 20 лѣтъ. Весь городъ раздѣленъ на 28 районовъ-участковъ. Забота объ отдѣльныхъ бѣдныхъ даннаго участка ввѣряется его попечительствамъ, подъ общимъ руководствомъ городской думы. Благодаря попечительствамъ, къ дѣлу ознакомленія съ бытомъ бѣдняковъ и къ дѣятельной помощи имъ привлекаются въ качествѣ сотрудниковъ многія лица, которыя безъ этой организаціи были бы далеко отъ дѣла организованной благотворительности. Попечительства помогаютъ бѣднымъ разными путями: деньгами, одеждою, обѣдами, пріисканіемъ работы, учрежденіемъ яслей, дѣтскихъ пріютовъ, столовыхъ и проч. Въ 1910 году попечительства израсходовали 525 тыс. рублей.

Москва выдѣляется щедростью жертвователей на дѣла благотворительности, при чемъ значительная доля этихъ средствъ ввѣряется городу. Въ 1912 г. городъ имѣлъ неприкосновенныхъ и спеціальныхъ жертвованныхъ капиталовъ на благотворительныя дѣла 10 мил. рубл. Вообще же изъ разныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ разное время москвичами на благотворительныя и лѣчебныя цѣли, отмѣтимъ какъ наиболѣе крупныя, слѣдующія: братьевъ Бахрушиныхъ и ихъ родственниковъ—около 3,4 милл. рубл., Третьяковыхъ—около 3,1 мил. рубл., А. К. Медвѣдниковой—около 2 милл. рубл., К. Т. Солдатенкова—около 2 милл. рубл., Ф. Я. Ермакова—до 1,3 милл. рубл., Алексѣевыхъ—1,2 милл. рубл., Морозовыхъ—970.000 р., Н. И. Боева—до 950.000 р., Л. П. Тарасовой—860.000 рубл. Н. Д., А. В. и К. Д. Баевыхъ—620.000 р. Н. М. и Д. М. Вели-

колѣповыхъ—560.000 р., В. Я. Лепешкиной—500.000 р., А. С. Капцова—460.000 р., И. В. и К. В. Рукавишниковыхъ—430.000 р. и т. д. Въ 1915 году должно поступить въ собственность города имущество Г. Г. Солодовникова, оцѣниваемое свыше 10 милл. руб.

Скажемъ нѣсколько словъ еще объ одномъ городскомъ учрежденіи, имѣющемъ важное значеніе для здоровья населенія. Городскія бойни, за Спасской заставой, представляютъ грандіозное сооруженіе, состоящее болѣе чѣмъ изъ 50 зданій, съ собственнымъ водопроводомъ, желѣзно-дорожной вѣткой, собственной канализаціей, а до послѣдняго времени и со своими полями орошенія. Занимаютъ пространство около 200 десятинъ; рабочихъ здѣсь больше 1000; однихъ ветеринарныхъ врачей—60 и лицъ техническаго надзора—92. Обширная лабораторія. Спеціальный музей боенъ. Насколько усовершенствовано здѣсь жестокое, хотя и неизбѣжное, дѣло убоя, можно судить по тому, что въ осенніе мѣсяцы одного крупнаго скота здѣсь убивается больше, чѣмъ 400 тыс. головъ. Когда происходитъ на бойняхъ работа, то за одинъ часъ въ 36 камерахъ убивается и раздѣлывается въ среднемъ 270 головъ крупнаго скота; скорость убоя одного быка или коровы съ полной раздѣлкой можетъ, при желаніи, быть доведено до 5 минутъ. Кромѣ бойни крупнаго скота имѣются бойни свиныя, баранья и конебойни. При бойняхъ—заводы кожевенный, салотопенный, альбуминный, маргариновый и кишечный. Содержаніе боенъ обходится въ 740 тысячъ, но въ общемъ онѣ приносятъ городу прибыль: въ 1911 году она достигала 301 тыс. рубл.

Мы не говоримъ здѣсь ничего, за недостаткомъ мѣста, о городскомъ ломбардѣ, о городскихъ мостовыхъ, бульварахъ и скверахъ, о земельномъ хозяйствѣ города и другихъ частяхъ обширнаго столичнаго хозяйства, смѣта расходовъ и доходовъ котораго въ 1914 году сведена въ крупной суммѣ 52.025.349 рублей.

Главнымъ распорядительнымъ органомъ всего этого огромнаго хозяйства является городская дума. Ея публичныя засѣданія (обыкновенно по вторникамъ, черезъ недѣлю, съ $6^1/_2$ час. вечера), происходятъ въ городскомъ домѣ на Воскресенской площади. Тамъ же помѣщается городская управа и большинство ея отдѣловъ (трамваи № 3, 10,11,25, 30,31, 36,22, 16); однако, нѣкоторые отдѣлы за тѣснотою выведены въ наемныя помѣщенія; такъ, училищный отдѣлъ, благотворительный отдѣлъ помѣщаются въ Охотномъ ряду, въ д. Комиссарова, и др.

По своему классовому составу московская городская дума является строго домовладѣльческой и торговой. Огромное большинство обывателей не имѣетъ никакихъ избирательныхъ правъ въ городскую думу: въ избирательные списки для выборовъ гласныхъ на текущее 4-лѣтіе, въ 1912 году, было внесено всего 9.428 человѣкъ, изъ нихъ приняли участіе въ выборахъ 2913 чел. Однако, надо замѣтить, что культурный уровень настоящаго состава московской думы довольно высокъ, что отчасти объясняется значительнымъ абсентеизмомъ избирателей изъ малокультурнаго слоя домовладѣльцевъ и торговцевъ.

Народное образованіе въ Москвѣ.

В. Костроминой.

Среди большихъ городовъ Россіи Москва по своимъ заботамъ о народномъ образованіи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ ней осуществлено всеобщее начальное обученіе, безплатное, съ 4-хъ годичнымъ курсомъ, имѣются высшія начальныя училища съ 4-хъ и 5-ти лѣтн. курсомъ, безплатныя библіотеки и читальни, народныя аудиторіи, городской народный университетъ. Просвѣтительныя общества своими учрежденіями также немало способствуютъ распространенію народнаго образованія.

Начальныя училища.

Къ 1 янв. 1914 г. числилось въ Москвѣ 331 начальныхъ городскихъ училищъ: 153 мужск., 168 женск. и 10 вспомогательныхъ, всего 1974 отдѣл.; въ нихъ обучалось 69,203 учащихся (35,216 мальч. и 33,987 дѣв.), наибольшій % въ возрастѣ 8—11 л. Общій годовой расходъ на 1 школу съ 4 отдѣленіями—7—7½ тыс. рублей, всего-же городъ тратитъ на свои школы свыше 4 милл. рубл., а на все дѣло народнаго образованія до 6 мил. Городскія начальныя уч-ща помѣщаются частью въ наемныхъ помѣщеніяхъ, спеціально построенныхъ (11%), частью только приспособленныхъ; 50 школъ—въ городскихъ зданіяхъ, имѣющихъ по 16 или по 24 класса (т.-е. по 2—3 школы вмѣстѣ), построенныхъ по всѣмъ правиламъ гигіены. При школахъ имѣются библіотеки и проекціонные фонари, а на-

глядныя пособія, свѣтовыя картины и синематографическія получаются изъ Подвижного Гор. Музея и Гор. склада, гдѣ имѣется болѣе 28 тыс. картинъ по всѣмъ отдѣламъ. Однимъ изъ новыхъ школьныхъ зданій является Петровско-Басманное уч-ще (Н. Басманный пер.). Это—обширное зданіе съ простымъ, но изящнымъ фасадомъ, расположенное среди двора, осѣненнаго старыми деревьями. Просторныя свѣтлыя раздѣвальни, вымощенныя плитками, большія рекреаціонныя залы въ $1^1/_2$ этажа высотою, высокіе (5 ар. 8 в.) классы съ площадью пола $2^1/_4$—$2^1/_2$ кв. арш. на 1 учащагося, съ достаточнымъ количествомъ свѣта, водяное отопленіе, хорошая вентиляція, электрическое освѣщеніе, кухни и столовыя для горячихъ завтраковъ—все это даетъ дѣтямъ здоровую обстановку, и дѣйствительно, школьными врачами отмѣчено, что въ городскихъ зданіяхъ учащіеся менѣе страдаютъ отъ эпидемическихъ заболѣваній.

Въ цѣляхъ укрѣпленія здоровья уч-хся вводятся горячіе завтраки, на котор. отпускается по 6 р. въ годъ на 1 ч., но только на 50% учащихся; остальные или вносятъ сами плату или пользуются „непитательнымъ“ завтракомъ (чай съ хлѣбомъ). Для лѣтняго отдыха слабыя дѣти отправляются въ колоніи, по 1 изъ каждаго отдѣленія за счетъ города, остальныя отъ кружка колоній, съ платою около 30 руб. за 2 лѣтніе мѣсяца [1]). Гимнастика, какъ предметъ не обязательный, введена въ немногихъ м. школахъ,—ее замѣняютъ свободныя

---

[1]) Городъ имѣлъ въ 1913 г. 51 колонію, въ которыхъ жило 1537 дѣтей, изъ нихъ около 52% дѣвочекъ, въ 19 кол. помѣщ. отъ 40—50 ч., въ остальныхъ 15—30 ч.

подвижныя игры на школьныхъ дворахъ, а лѣтомъ на общественныхъ площадкахъ, подъ руководствомъ особыхъ руководителей. Лѣтомъ 1912 г. въ 24 пунктахъ города играло ежедневно около 2,740 дѣтей, гл. обр. 8—12 лѣтъ. Было сдѣлано съ ними 17 загородныхъ прогулокъ, въ кот. приняло участіе болѣе 7,000 дѣт. при расходѣ въ 2,230 руб. Въ Совѣщаніи по физическому воспитанію поднятъ вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ у школьниковъ, о введеніи въ нач. уч-хъ физическаго труда, о распространеніи гигіеническихъ знаній среди уч-хся и ихъ родителей, объ устройствѣ зимнихъ колоній и пр., т. к. изслѣдованіями школьн. врачей у 53% учащихся отмѣчены тѣ или другія патологическія явленія, а малокровные составляютъ 30%. Для умственно отсталыхъ дѣтей учреждены т. н. вспомогательныя школы и отдѣленія, всего 38 отд. (11 м., 11 ж. и 16 смѣш.) съ 602 учащимися. Въ этихъ классахъ дѣти дѣлятся по степени своего развитія на небольшія группы въ 10—15 ч., обученіе индивидуальное, много вниманія обращается на ручной трудъ, рисованіе, лѣпку и пѣніе.

Учительскій персоналъ состоялъ къ 1 янв. 1914 г. изъ 1,974 ч.; по отчету 1911—12 гг. было: 266 законоучителей (12% высш. обр.), 132 учителя (53% со спеціальн. педагог. подготовкой), 1,443 учительницы (5% оконч. высшіе и педагог. курсы, 71% со средн. образ.), 125 учителей и 56 уч-цъ рисованія, 167 учителей и 26 уч-цъ пѣнія. Имѣются 4 педагогическихъ библіотеки для нихъ и временные курсы (по нѣк. предм.) при Гор. Музеѣ.

Оклады учащихъ считаются недостаточными, и на очереди стоитъ вопросъ объ увеличеніи вознагражденія ихъ труда. Старшіе учащіе получаютъ

по 660 руб. въ годъ и квартиру въ уч-щѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, классные—460 руб. и 240 руб. квартирныхъ, если не имѣютъ помѣщенія при уч-щѣ. Періодическія прибавки въ теченіе каждаго изъ пяти первыхъ трехлѣтій составляютъ по 50 руб. для старшихъ и по 40 руб. въ годъ для классныхъ.

Общій количественный ростъ школьнаго дѣла въ Москвѣ за 35 лѣтъ ($187^{7}/_{8}$—$191^{2}/_{3}$ уч. г.г.) можно видѣть изъ слѣдующей таблицы и діаграммы (стр. 267):

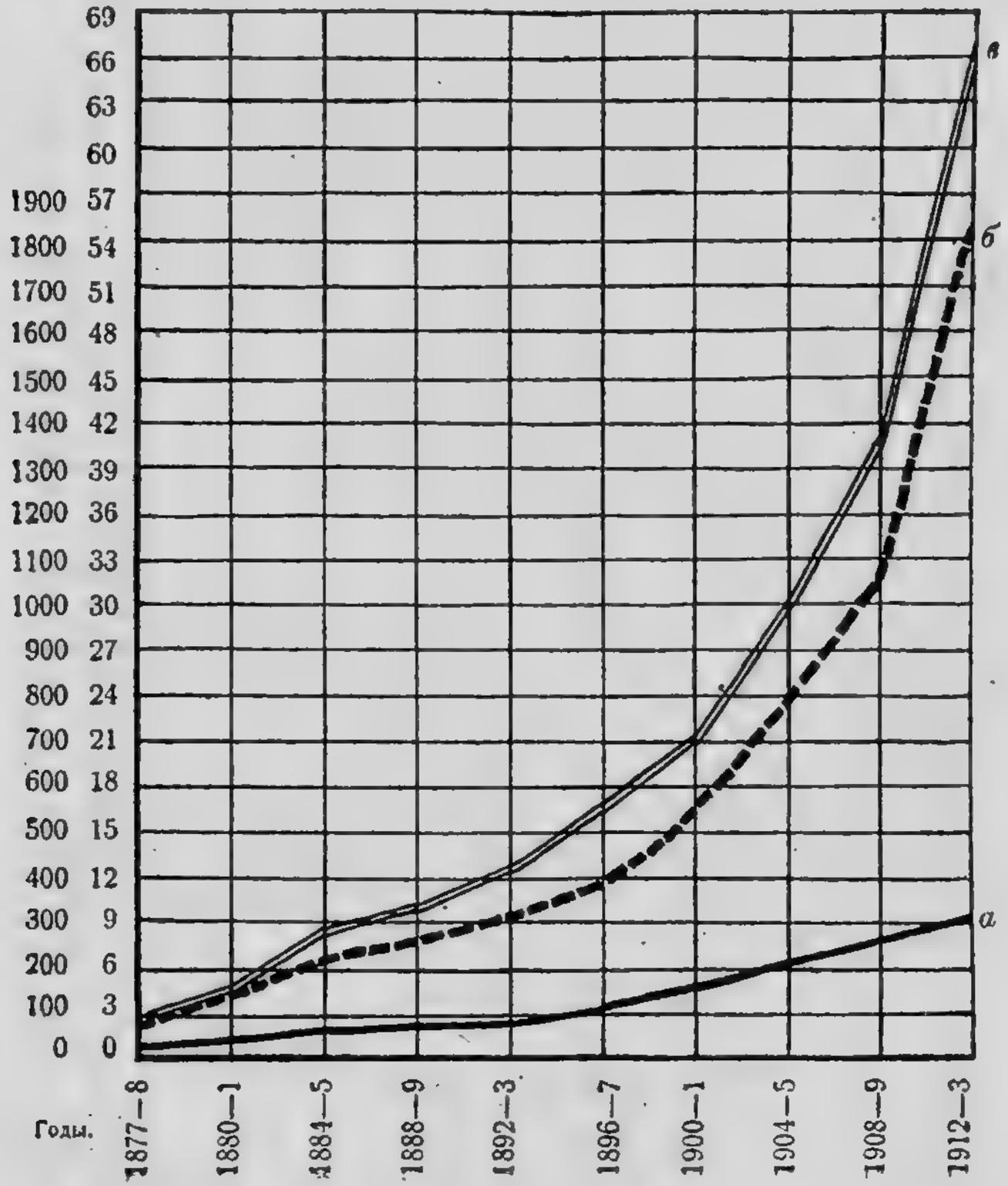
Годы.	Ч И С Л О.		
	Школъ.	Отдѣленій (классовъ).	Учащихся.
1877—8	33	96	3.506
1880—1	43	132	4.691
1884—5	73	225	8.702
1888—9	77	256	9.234
1892—3	86	301	12.308
1896—7	124	396	16.689
1900—1	158	540	21.095
1904—5	215	753	29.680
1908—9	268	1065	41.199
1912—3	319	1828	66.607

Кромѣ городскихъ начальныхъ уч-щъ существуетъ въ Москвѣ много частныхъ учебныхъ заведеній 3-го разряда, церковно-приходскія школы при церквахъ и монастыряхъ, школы при Гор. Работномъ домѣ, при многихъ фабрикахъ и др.

Изъ частныхъ начальныхъ школъ представляетъ интересъ школа г-жи Адлеръ (Новослободская, Вадковскій пер.). Эта экспериментальная школа существуетъ три года, методы преподаванія направлены къ тому, чтобы культивировать творческія силы ребенка, создать у него бодрое настроеніе въ ра-

дости труда. Уроки ведутся своеобразно, при широкомъ примѣненіи наглядности и самодѣятельности. Домъ, въ которомъ снимаетъ помѣщеніе школа г-жи Адлеръ, принадлежитъ обществу „Дѣтскій трудъ и отдыхъ", поставившему „цѣлью своей дѣятельности культурно-воспитательную работу среди подрастающаго поколѣнія г. Москвы". Это—одно изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ обществъ. Съ утра до вечера, съ небольшимъ перерывомъ среди дня, кипитъ въ этомъ домѣ дѣятельная жизнь. Утромъ туда собираются малыши, 4-6 л. (100 ч.), съ которыми ведутся интересныя занятія, не только по системѣ Фребеля и Монтесори, но и совершенно оригинальныя. Вечеромъ домъ наполняется шумной толпой подростковъ (до 17 л.) обоего пола (до 130 ч.), и во всѣхъ комнатахъ начинается дѣятельная работа: всякаго вида ручной трудъ, по собственнымъ чертежамъ и рисункамъ, лѣпка, рисованіе, музыка, пѣніе, подвижныя игры, чтеніе и т. д., все по собственному свободному выбору, безъ тѣни какого-либо принужденія. Руководители здѣсь—не наставники, а старшіе, болѣе опытные товарищи, которые стараются только правильно направлять дѣтскую дѣятельность, предоставляя дѣтямъ самостоятельно организовывать свои занятія и распорядки. Они ставятъ своей задачей—воспитаніе въ дѣтяхъ чувства отвѣтственности и солидарности, развитіе индивидуальности и привычки къ самостоятельному, живому, полезному труду. Эти принципы положены и въ основу жизни дѣтей въ лѣтней колоніи, гдѣ они, наравнѣ со взрослыми сотрудниками, исполняютъ всѣ работы по содержанію въ порядкѣ дома, приготовленію пищи, ра-

Діаграмма роста числа школъ (а), отдѣленій (б) и учащихся (в).



ботамъ въ огородѣ, веденію отчетности и т. д. И эта здоровая трудовая жизнь благотворно отражается на ихъ общемъ развитіи.

Съ 1910 г. стали возникать въ Москвѣ „Общества попеченія объ учащихся дѣтяхъ“, и въ настоящее время ихъ числится уже 12, они охватили собою почти весь городъ и имѣютъ на своемъ попеченіи много тысячъ учащихся. Членами О-ва могутъ быть всѣ сочувствующіе, членскій взносъ 1 р.—5 р. въ годъ. Дѣятельность О-въ можетъ распространяться и на тѣхъ, кто окончилъ курсъ начальной школы (въ возр. до 15 л.) и на дѣтей дошкольнаго возраста. Городъ предоставляетъ обществамъ помѣщенія своихъ начальныхъ уч-щъ и выдаетъ субсидіи по 300 руб. въ годъ. Главное вниманіе обществъ обращено на то, чтобы оградить дѣтей отъ вліянія вредной обстановки, защитить отъ дурного обращенія и дать возможность проводить досугъ въ здоровой и полезной работѣ. Устраиваются бесѣды, чтенія, рисованіе, лѣпка, ручной трудъ, организуются площадки для игръ, экскурсіи, библіотеки и читальни, гдѣ съ дѣтьми ведутся бесѣды о прочитанномъ, и др. Свобода выбора занятій, безъ навязыванія чего-либо, а лишь подъ надзоромъ и руководствомъ взрослыхъ, привлеченіе самихъ дѣтей къ участію въ поддержаніи порядка и дисциплины оказываютъ на дѣтей хорошее вліяніе и позволяютъ имъ ярко проявлять свою индивидуальность.

Дѣтскіе сады.

Для дѣтей дошкольнаго возраста городъ имѣетъ Универсальный дѣтскій садъ имени О. Н,

Кельиной, на 36 чел. (Большая Царицынская, 13), обезпеченный спеціальнымъ капиталомъ, помѣщающійся въ особомъ красивомъ зданіи, обставленный роскошно. При немъ имѣется обсерваторія, дѣтская библіотека-читальня и большая аудиторія для чтеній; этими учрежденіями пользуются учащіеся различныхъ учебныхъ заведеній. Имѣются нар. дѣтскіе сады при домахъ дешевыхъ квартиръ имени Солодовникова, при М. О. Грамотности, при Зоологическомъ садѣ, при кружкѣ совм. восп. дѣт., при благотворительныхъ общ. и попечительствахъ о бѣдныхъ. Изъ частныхъ дѣтскихъ садовъ, для дѣтей болѣе состоятельныхъ классовъ, представляютъ интересъ: д. садъ Мурзаевой (М. Ордынка, 47), дѣлающій опытъ примѣненія новыхъ методовъ воспитанія и обученія, Матвѣевой (Скатертный пер.), наиболѣе доступный, Кирпичниковой, Залѣсской (Гедеоновой), Свентицкой, Рау для глухонѣм. д. и др. Имѣются два большіе дѣт. сада при Прѣсненскомъ попечит. (Трехгорный пер. 15, и Нижнепрудовая). Дѣти остаются тамъ отъ 9 до 6 ч., получаютъ питательную горячую пищу, баню, медицинскую помощь, съ ними ведутся разнообразныя интересныя занятія по выработанной сотрудниками программѣ (по временамъ года), ручной трудъ, пѣніе, ритмическая гимнастика, игры, прогулки. Лѣтомъ слабыя дѣти отправляются на дачу за городъ.

Высшія начальныя училища.

По окончаніи начальной школы дѣти поступаютъ въ высшія начальныя уч—ща, но ихъ еще слишкомъ недостаточно: 3 дополнительн. кл. для м. и 2 для дѣв., 3 мужск. и 4 женск. 4-хъ класс-

ныхъ, 1 мужск. и 2 ж. 5-ти классн. (общеобразовательныхъ), куда дѣти поступаютъ по конкурсному экзамену, съ платою 10—20 р. въ годъ, но попадаетъ туда не болѣе 10—15% окончившихъ курсъ нач. уч—щъ, и 1/3 изъ выдержавшихъ экзаменъ. На 1 янв. 1914 г. въ этихъ уч. числилось 2054 ч. (983 м. и 1071 дѣв.) Уч—ща эти обставлены очень хорошо, но не имѣютъ еще собственныхъ помѣщеній. Преподавательскій персоналъ почти весь съ высшимъ или спеціальнымъ и педагогическимъ образованіемъ, уч—ща имѣютъ физическіе кабинеты, библіотеки, учащіеся совершаютъ экскурсіи по Россіи. Содержаніе каждаго уч—ща обходится въ 12—20 тыс. рублей при 140 учащихся въ среднемъ. Программы этихъ уч—щъ облегчаютъ учащимся переходъ въ 5 и 6 классы ср. уч. зав.

Изъ профессіональныхъ уч—щъ слѣдуетъ отмѣтить женское уч—ще имени В. Лепешкиной, (Пятницкая, 50), обходится въ 45 тыс. р. въ годъ, при 332 учащихся [1]): 164 д. на общеобразоват. отдѣл. и 168 д. на профессіональномъ. Имѣются 4 рукодѣльныя школы (741 уч.) и рукодѣльные классы при начальн. уч—хъ (около 350 уч.). Мужскія профессіональныя: Торговая школа имени Алексѣевыхъ (165 м.), учебно-ремесленная мастерская при д. безплатныхъ кварт. им. Бахрушиныхъ (132 м. и 121 д.), Долгоруковское ремесленное училище (127 м.), ремесленное уч—ще имени В. А. Морозовой (163 м.) и др., всѣ съ общеобразовательными классами.

---

[1]) На 1 янв. 1914 г.

Арнольдо-Третьяковское уч—ще для глухонѣмыхъ.

Арнольдо-Третьяковское уч—ще для глухонѣмыхъ (Донская ул., 49) имѣло на 1 янв. 1914 г. 206 уч. (117 м., 89 д.) и артель въ 30 ч. изъ окончившихъ курсъ. Дѣти принимаются отъ 9 лѣтъ, занимаются въ общеобразоват. классахъ, 2 приготов. и 6 общихъ, учатся говорить. При уч—щѣ есть мастерскія и сельскохозяйственная колонія. Общій бюджетъ около 100 т.

Обученіе взрослыхъ.

Заботы объ обученіи взрослаго рабочаго населенія несутъ въ Москвѣ гл. обр. частныя лица и просвѣтительныя общества, имѣются вечерніе классы и при нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ. Съ 1913 г. при 4-хъ классн. нач. уч. стали учреждаться городомъ вечерніе классы съ повышенной программой для рабочихъ обоего пола, получившихъ начальное образованіе, и взяты въ завѣдываніе вечерніе классы, основанные Назаровой (Міусское м. уч.), которые посѣщаются 900 уч. обоего пола, имѣютъ программу средней школы, уроки нѣмецкаго языка, бухгалтеріи и черченія.

Самымъ крупнымъ изъ частныхъ учрежденій являются Пречистенскіе курсы, сост. въ вѣдѣніи И. Р. Техн. О-ва, пользующіеся широкой извѣстностью среди рабочаго населенія, какъ учрежденіе, идущее навстрѣчу ихъ запросамъ. Курсы помѣщаются въ собств. домѣ въ Н. Лѣсномъ пер., на нихъ записывается ежегодно до 1000 чел., не

моложе 16 л., обученіе безплатное, книги и учебныя принадлежности пріобрѣтаются учащимися. Курсы имѣютъ 3 отд.: низшее, съ курсомъ начальной школы, среднее—въ объемѣ средней школы, и высшее—съ лекціонной системой преподаванія. При курсахъ есть библіотека, со взносомъ 10 коп. въ мѣс., и О-во для доставленія средствъ курсамъ. Отъ города курсы получаютъ субсидію въ 3 тыс. р., но расходъ ихъ достигаетъ 5—6 тыс. Такой же характеръ носятъ и мужскіе вечерне-воскресные классы, бывшіе при фабр. Тиль (Полянка), съ 5 лѣтн. курсомъ школъ И. Т. О-ва, имѣющіе до 400 уч.; ежедневныя занятія 8—10 ч. веч., воскр. 1—4 ч., есть хорошій физическій кабинетъ.

Остальныя учрежденія, воскресныя школы и вечерне-воскресные классы, получаютъ безплатныя помѣщенія, нѣкоторыя и субсидію отъ города въ 300 р., посѣщаются рабочими и ремесленниками; наибольшій %—женщины въ возрастѣ отъ 18—22 л., обученіе безплатное. О-во улучшенія участи женщины имѣетъ 3 такія школы, М. О. Грам. имѣетъ 2 смѣшанныя съ курсомъ двухклассныхъ уч—щъ, О-во попеченія о молодыхъ дѣвицахъ и женскіе клубы также имѣютъ вечерніе и воскресные классы. Остальныя 10 учрежденій (7 женскихъ и 3 смѣшанныхъ) открыты частными лицами. На нихъ записывается ежегодно отъ 100—300 чел. въ каждую, смотря по помѣщенію, нѣкоторыя школы имѣютъ занятія только по воскресеньямъ, другія и въ будни, въ нихъ принимаются учащіеся разной степени грамотности; вездѣ имѣются библіотеки, организуются загородныя прогулки, школьные праздники и спектакли. Въ послѣднее время замѣтно повышается степень грамотности, особенно

среди молодого населенія города Москвы [1]), и растетъ запросъ на серьезныя систематическія занятія, на подготовку къ экзамену на званіе учителя и т. д. Многочисленный преподавательскій персоналъ несетъ во всѣхъ частныхъ учрежденіяхъ свой трудъ безвозмездно.

Изъ женскихъ воскресныхъ школъ укажемъ на 1-ую, основанную Е. И. Цвѣтковой въ 1889 г. (Зубово, Смол. бульв., д. им. Бахрушина). Она обслуживаетъ фабричный районъ и привлекаетъ ежегодно болѣе 300 женщинъ, большинство въ возрастѣ 20—30 л., которыя, пользуясь своимъ пребываніемъ на фабрикахъ, спѣшатъ получить необходимую грамотность или пополнить образованіе, не законченное въ начальной школѣ. Есть и группы грамотныхъ, болѣе молодого возраста, которыя желаютъ продолжать образованіе, но, занятыя работой, не имѣютъ возможности посѣщать ежедневную школу. Съ необыкновенной усидчивостью, не признавая никакихъ перемѣнъ для отдыха, спѣшатъ эти взрослыя ученицы использовать свой воскресный досугъ, чтобы овладѣть грамотой, очень охотно берутъ книги изъ школьной библіотеки, слушаютъ общія чтенія и находятъ возможнымъ заняться и среди недѣли чтеніемъ и письмомъ, что позволяетъ имъ даже и въ одинъ короткій учебный годъ дѣлать значительные успѣхи. Учащіяся дѣлятся на мелкія группы, и преподавательскій персоналъ насчитываетъ 15—20 чел., изъ

---

[1]) Молодое рабочее населеніе Моск. губ. 12—20 л. имѣетъ грамотныхъ 85—93% м. и 30—74% ж., но съ повышеніемъ возраста % грам. значительно понижается, особенно у женщинъ.

котор. 6—8 лицъ работаютъ въ этой школѣ 10—15 лѣтъ. Школа существовала на частныя средства, но съ 1912 г. она получаетъ отъ города субсидію по 300 р. въ годъ, что обезпечиваетъ ей покрытіе ея расходовъ.

Кромѣ этихъ учрежденій, требованіе взрослаго рабочаго населенія на образованіе удовлетворяется Общ. Распр. Коммерч. Образ. (предсѣд. Комитета А. С. Вишняковъ), которое имѣетъ въ 10 пунктахъ Торговые классы и въ 4 п. подготовительные. Въ 1913 г. въ классахъ обучалось 4,540 ч. (25% женщ.) въ возрастѣ 15—40 л. (68%—15—25 л.), окончило курсъ и сдало экзамены на разные предметы 512 ч. На подготов. кл. обученіе безплатное, на остальныхъ плата взимается по числу учебныхъ часовъ и предметовъ. Помѣщенія городскихъ начальн. школъ, трудъ преподающихъ и завѣдующихъ оплачиваются. Кромѣ общеобразоват. предм. преподаются: бухгалтерія, коммерч. ариѳметика, коммерч. географія, иностр. яз., чистописаніе и стенографія. Общій бюджетъ около 40 тыс. р. въ годъ, изъ нихъ около 50% составляетъ плата слушателей.

Аудиторіи.

Для пополненія образованія взрослаго рабочаго населенія Москва имѣетъ большую аудиторію имени Пушкина (Елоховская площ., гор. д.), гдѣ ежедневно отъ 7—9 ч., по воскр. 11—2 ч. и 4—10 ч., происходятъ чтенія по различнымъ областямъ знанія, съ демонстраціей свѣтов. картинъ, опытовъ и исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ. Въ 1911 г. эти чтенія посѣтили 52,523 ч. Было устроено 270 чтеній, изъ нихъ 175 научнаго характера, входъ без-

платный. Взрослое рабочее населеніе охотно посѣщаетъ болѣе серьезныя вечернія чтенія, которыя имѣютъ свой постоянный составъ слушателей.

Моск. О-во по устройству публичныхъ чтеній для народа (предсѣдатель-директоръ народныхъ уч—щъ) имѣетъ складъ тѣневыхъ картинъ (Лубянск. проѣздъ, д. церкви Св. Георгія), открытъ ежедневно 11—3 ч., отпускаетъ картины и брошюры во временное пользованіе за плату для устройства народн. чтеній и имѣетъ аудиторіи: въ Политехн. музеѣ, при народныхъ столовыхъ и чайныхъ О-въ трезвости. Чтенія происходятъ по воскр. днямъ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, входъ безплатный.

Библіотеки и читальни.

Съ развитіемъ грамотности повышается спросъ на книгу среди московскаго населенія, для удовлетворенія его городъ содержитъ 4 большихъ народныхъ библіотеки-читальни имени Пушкина, Л. Толстого, Грибоѣдова и Гоголя, 2 большихъ читальни имени Тургенева и Островскаго, и 6 малыхъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ. На 1 янв. 1912 г. общее количество книгъ въ нихъ было 81,501 т. (около 20% періодич. изд.), подборъ книгъ научно-популярныхъ и беллетристическихъ довольно разнообразенъ, имѣются и книги для научныхъ занятій и дѣловыхъ справокъ. Первое мѣсто принадлежитъ Тургеневской читальнѣ (Мясницкія ворота, собств. зданіе), учрежденной В. А. Морозовой на свои средства. Въ 1912 г. посѣтителями было взято болѣе 200 тыс. книгъ, ежегодный бюджетъ около 10 тыс. р. Болѣе 6 тыс. посѣщеній было сдѣлано для чтенія газетъ. Посѣ-

тители читаленъ и абоненты библіотекъ пользуются ими безплатно, но въ большихъ библіотекахъ оставляется 1 р. залога или паспортъ, что уменьшаетъ число абонентовъ; около 50% читателей составляютъ учащіеся.

М. О-во безплатныхъ народныхъ библіотекъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи 13 библіотекъ, которыя помѣщаются въ начальн. уч-хъ. Онѣ обслуживаютъ окраины города, ихъ абоненты преимущественно рабочій людъ и учащіеся начальныхъ школъ (38%). Въ 1912 г. вовсѣхъ библіотекахъ было болѣе 13 тыс. читателей (29% женщ.), которымъ было выдано болѣе 135 тыс. книгъ. Читаются гл. обр. беллетристика и дѣтскія книги, но есть и читатели серьезныхъ книгъ. Въ зимніе мѣсяцы тѣсныя помѣщенія не могутъ вмѣстить всѣхъ приходящихъ. Съ читателей не требуется ни платы, ни залога.

О-во содѣйствія внѣшкольному образованію (Политехнич. музей, предсѣд. С. Г. Смирновъ) имѣетъ также 3 народныя библіотеки-читальни, съ платою 10 коп. въ мѣс. и 25 к. залога. Каждая изъ нихъ имѣетъ 4—5 тыс. выдачъ книгъ, выписываетъ журналы и газеты. Имѣются безплатныя или общедоступныя библіотеки и при попечительствахъ трезвости, женскихъ клубахъ, при О-вѣ улучшенія участи женщины и др., но всего этого слишкомъ недостаточно для населенія г. Москвы, гдѣ на $1^1/_2$ слишкомъ мил. чел. приходится только 70—80 библ. съ 250 тыс. книгъ и около 1 мил. том. выдачъ, что даетъ 0,7 кн. на 1 жителя въ годъ [1]). М. имѣетъ и спеціальныя *дѣтскія* библіотеки: отдѣленіе при Грибоѣдовской гор. б-кѣ, при дѣтск. садѣ имени

---

[1]) Въ нѣкотор. город. Америки 4—8 кн.

Кельиной, при о-вѣ „Д. трудъ и отдыхъ“, при об-хъ попеченія объ учащихся, при Учительскомъ домѣ (600 абонентовъ въ первый годъ) и частныя б-ки: „Юный читатель“ Вахтеровой (Чудовская, 9), Бередниковой (Б. Кисловка), гдѣ завѣдующіе не только выдаютъ книги, но и стараются контролировать и направлять дѣтское чтеніе.

Снабженіе школъ и аудиторій свѣтовыми картинами является очень крупнымъ дѣломъ. Комиссія О-ва внѣшк. образ., которое снабжаетъ слишкомъ 300 аудиторій за умѣренную плату не только въ Москвѣ, но и въ др. мѣстностяхъ, имѣетъ около 17 тыс. картинъ и выдаетъ болѣе 100 тыс. карт. ежегодно.

Литературная Москва.

Н. Бродскаго.

Говорить о Москвѣ — невольно вспоминать о крупнѣйшихъ литературныхъ направленіяхъ, выковывавшихся въ ней, о жизни и дѣятельности и геніальныхъ представителей и второстепенныхъ работниковъ нашего художественнаго слова, критики, публицистики, однимъ словомъ, Москва—это—курсъ исторіи русской литературы въ ея яркихъ и наиболѣе знаменательныхъ воплощеніяхъ. Туристу, пробѣжавшему въ сознаніи эти моменты, первопрестольная столица покажется дѣйствительнымъ центромъ русской культуры, сокровищницей, хранительницей духовнаго богатства Россіи... Временами Петербургъ забиваетъ Москву, жизнь интенсивнѣе бьетъ тамъ, на сѣверѣ, но крѣпнущая

мысль русскаго генія никогда не замирала въ „бѣлокаменной“, въ самые „мертвые“ періоды слышался здѣсь трепетъ жизни. Иногда бывалъ антагонизмъ между столицами; онъ характерно очерчивалъ значеніе и смыслъ идейной борьбы: если Петербургъ хлопалъ ложно-классической трагедіи Сумарокова, Москва грызла сѣмечки на представленіи драмы „Русскаго Расина“ и шла на „слезную комедію“ Бомарше,—она любила простоту, а потомъ и вообще тянулась къ тому, что ближе ей, понятнѣй, роднѣе. Немудрено, что нотки національныя въ ней рано зазвучали и, смѣшиваясь съ демократическими тяготѣніями, образовали то своеобразное, что отличало ее отъ „интернаціональнаго“ Петербурга. Налетъ утопизма, идеалистическихъ устремленій также отмѣчаетъ литературныхъ дѣятелей Москвы, какъ характерная особенность. Мы напомнимъ нѣкоторые моменты въ жизни литературной Москвы XIX вѣка. „Лизинъ прудъ“ у Симонова монастыря прежде всего навѣваетъ воспоминанія о началѣ этого столѣтія (и конца XVIII в.): сюда ходили сентиментальные читательницы и читатели проливать слезы надъ несчастной героиней Карамзина, вырѣзать завѣтные инициалы на окрестныхъ деревьяхъ. Вскорѣ страницы „Вѣстника Европы“ стали украшаться романтическими опытами Жуковскаго. Въ 1803 г. Карамзинъ „постригся въ историки“, обрабатывая знаменитую „Исторію государства россійскаго“ то въ Москвѣ, то въ Остафьевѣ, имѣніи кн. Вяземскаго. Въ 1807 г. на Красномъ Крыльцѣ размышлялъ на патріотическія темы Сила Андреевичъ Богатыревъ, герой ростопчинской брошюры, насыщенной рѣзкими выпадами противъ галломаніи, что пришлось по вкусу

современникамъ: книжка быстро разошлась въ 7000 экземплярахъ. Въ слѣдующемъ году одинъ изъ оригинальныхъ москвичей, С. Н. Глинка, сталъ издавать „Русскій Вѣстникъ“, одно время имѣвшій огромное число подписчиковъ (700); въ числѣ сочувствующихъ направленію журнала были, между прочимъ, въ 1812 году студенты университета, явившіеся какъ-то къ редактору съ характерной рѣчью: „Вашъ „Русскій Вѣстникъ“ воспламенилъ нашъ духъ; помогите намъ жертвовать собою отечеству“... Въ 1811 возникло Общество любителей россійской словесности при моск. университетѣ, успѣвшее на 12 засѣданіяхъ до нашествія непріятеля въ Москву познакомить публику съ рѣчами ученаго критика и поэта Мерзлякова, Кокошкина и др. и возобновившее свою дѣятельность только съ 1815 года. Это былъ крупный центръ тогдашней литературной жизни, куда стекались и выдающіеся поэты, какъ Батюшковъ, и видные ученые, какъ Давыдовъ, Снегиревъ и др. Разнообразные типы русскихъ писателей различныхъ толковъ и направленій, фигуры, значительныя и на общемъ историческомъ фонѣ, мѣтко зачертилъ въ 1814 г. авторъ злого памфлета „Сумасшедшій домъ“, Воейковъ, не пощадивши и себя... Московское барство и передовая русская интеллигенція „послѣ-пожарнаго“ періода давали благодарный матеріалъ безсмертному творцу „Горе отъ ума“: здѣсь, въ Англійскомъ клубѣ и въ такихъ домахъ, какъ домъ Маріи Ивановны Римской-Корсаковой (теперь зданіе 7-ой гимназіи около Страстного монастыря), Грибоѣдовъ видѣлъ типы своей комедіи. „Архивные юноши“, идеалисты 20-хъ годовъ, любомудры, въ московскихъ гостиныхъ смотрѣли на Таню Ларину;

въ кружкѣ Раича, потомъ у кн. Одоевскаго, Веневитинова собирались рѣшать вѣчныя проблемы бытія и особенно искусства, философіи: „Мнемозина“ вышла изъ ихъ кружка, какъ своеобразный отвѣтъ эпохѣ, жившей исключительно общественно-политическими интересами. Разгромъ декабризма не уничтожилъ „вольнаго духа“ въ Москвѣ: съ 1825 Полевой забилъ тревогу въ „Моск. Телеграфѣ“; въ 1827 Погодинъ далъ мѣсто эстетикамъ-романтикамъ въ „Моск. Вѣстникѣ“. Салоны и кружки стали развертываться все шире и шире: у княгини Волконской то и дѣло бываетъ Вяземскій, Пушкинъ, импровизируетъ Мицкевичъ; у Веневитинова собираются слушать „Бориса Годунова“... Съ 30-хъ годовъ московская жизнь уходитъ глубже въ кружки: Станкевичъ и Герценъ символизируютъ главнѣйшія направленія—философское и политическое, Бѣлинскій въ „Молвѣ“, „Телескопѣ“ (1831), „Моск. Наблюдателѣ“ (1835) бросаетъ въ жадную аудиторію свои вдохновенныя страницы, привлекая на свою сторону все свѣжее и честное въ странѣ, вызывая брань и укоры старовѣровъ и цѣпляющихся за сбитыя позиціи. Въ 1836 г. въ Москвѣ же раздается проникновенное слово Чаадаева, официально объявленнаго сумасшедшимъ за свое „Философическое письмо“; заволновалась Москва, услышавъ рѣзкое мнѣніе, полное безотрадной тоски о настоящемъ Россіи, отрицающее и прошлое ея и будущее. Послѣ „Горя отъ ума“ (вспоминаетъ современникъ) не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе. „Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ ни говорили бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую исторію. Даже люди, никогда

не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты,—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого низкопоставленнаго осла, который не считалъ бы за священный долгъ и признанную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философической критики. Не говоря про нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, изъ-за чаадаевской статьи выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословіе, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты съ уроками и безъ уроковъ, даже нѣмецкіе аптекари". Ходилъ слухъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальнику съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье, и что попечитель ихъ успокаивалъ... Небывалое оживленіе царило въ Москвѣ въ эти годы: гоненія на печать, закрытіе журналовъ („Европейца", издававшагося въ 1832 г. И. В. Кирѣевскимъ, „Моск. Телеграфа", „Телескопа" Надеждина) не могли заглушить, уничтожить расту-

щей общественной мысли. Представители „системы офиціальной народности“ какъ будто торжествуютъ въ литературѣ: романы москвича Загоскина, насыщенные „кваснымъ патріотизмомъ“, чрезвычайно расходятся среди читателей, но знаменитая уваровская формула все рѣзче и съ разныхъ сторонъ подтачивается, теряетъ въ умахъ многихъ свое значеніе, какъ единоспасающаго политическаго символа вѣры. Подъ знаменемъ нѣмецкой идеалистической философіи и французскаго утопическаго соціализма сбирается московская интеллигенція.

Въ салонахъ Елагиной, Свербѣевыхъ слышатся одушевленныя рѣчи Кирѣевскихъ, Хомякова, К. Аксаковъ врывается съ своимъ „москволюбіемъ“, Герценъ пока расправляетъ крылья въ ссылкѣ и вскорѣ бросается на противниковъ: въ 1842 г. оба стана—западники и славянофилы—стояли вооруженные, отбивая удары партій и выковывая главнѣйшія темы личнаго и общественнаго поведенія, развертывая программы, которымъ суждено будетъ осуществляться въ „эпоху великихъ реформъ“ и возбуждать умы значительно позднѣе, вплоть до нашихъ дней (см. сборникъ „Вѣхи“). Москва сбѣгалась слушать „Мертвыя души“ въ домъ Аксакова, къ которому былъ близокъ Гоголь. Въ маѣ 1840 года на именинномъ обѣдѣ у Гоголя въ саду у Погодина Лермонтовъ читалъ отрывки изъ „Мцыри“. „Москвитянинъ“ (1841), Погодина и Шевырева, давалъ въ это время пріютъ представителямъ „русскаго толка“, далъ временную возможность проявить себя, какъ журналисту, Ивану Кирѣевскому; въ Соколовѣ, подмосковномъ селѣ (близъ Химокъ), разгорался бой между Грановскимъ и Герценомъ изъ-за философскихъ и религіозныхъ проблемъ:

позитивизмъ Герцена сталкивался съ убѣжденіемъ знаменитаго историка-гуманиста, что онъ не можетъ жить безъ вѣры въ безсмертіе души, соціалистическія упованія перваго не находили отклика въ другомъ. Вещественнымъ напоминаніемъ объ этой блестящей порѣ литературной Москвы является „комната людей 40-хъ годовъ", устроенная по иниціативѣ покойной писательницы Е. С. Некрасовой при Моск. Румянцевскомъ музеѣ. Здѣсь въ двухъ отдѣленіяхъ комнаты, въ нѣсколькихъ витринахъ, посѣтитель найдетъ разнообразные рукописные и печатные матеріалы, портреты, фотографическіе снимки и др. предметы, касающіеся дѣятелей эпохи 40-хъ годовъ. Особенно много любопытнаго собрано о Герценѣ: среди его рукописей (витрины I—II) находятся, напр, „Былое и Думы", дневникъ, подлинники писемъ къ Огареву, Ю. Самарину, Сатину, къ невѣстѣ, потомъ женѣ, Н. А. Захарьиной, письма къ Герцену И. С. Аксакова, Чичерина, Кошелева, Ю. Самарина, записка Сатина о жизни Герцена и др. матеріалы; въ III и IV витринахъ находятся: пакетъ со статьями и брошюрами о Герценѣ, вырѣзки изъ газетъ о немъ и его сочиненіяхъ, бронзовая медаль въ память перваго десятилѣтія вольной русской типографіи въ Лондонѣ, дворянскія грамоты Герцена и его сына, выданныя въ 1847 г., различныя изданія его сочиненій и книгъ о немъ и т. д. Цѣнные документы хранитъ въ себѣ и Огаревскій уголокъ комнаты людей 40-хъ годовъ: здѣсь много рукописныхъ стихотвореній его, записныхъ книжекъ съ обширными замѣтками по разнообразнымъ вопросамъ, письма его къ Герцену, Сатину, къ первой женѣ Маріи Львовнѣ и пр. Останавливаютъ

вниманіе въ этой комнатѣ и другіе матеріалы: бумаги М. С. Щепкина, письма Кавелина къ Герцену, альбомъ А. П. Елагиной, состоящій изъ 101 фотографіи съ портретныхъ рисунковъ Дмитріева-Мамонова, записки декабриста Поджіо, кн. Оболенскаго. Фотографическіе портреты, литографіи, дагерротипы семей Герцена, Огарева, Бакунина, Бѣлинскаго, Грановскаго, Боткина, бюсты Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, гипсовая маска Бѣлинскаго—о ж и в л я ю т ъ воспоминанія о минувшей жизни Москвы 40-хъ годовъ. Кипучая дѣятельность кружковой интеллигенціи не замерла и въ послѣдующую мрачную эпоху; усилившаяся послѣ 1848 г. реакція косо смотрѣла на московскихъ славянофиловъ; „Моск. сборникъ“ (томъ I, 1852) обратилъ на себя особенное вниманіе цензурныхъ властей, II томъ совсѣмъ не увидѣлъ свѣта; И. С. Аксаковъ лишенъ былъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія, прочимъ сотрудникамъ—К. Аксакову, Хомякову, Кирѣевскимъ, кн. Черкасскому—поставлены были условія, почти лишавшія ихъ возможности печататься. Но мысль о правѣ на самостоятельную жизнь, с в о е истолкованіе особенностей національной жизни, окрашенное демократическими симпатіями, пробивалась въ Москвѣ несмотря на всѣ казенные шлагбаумы и „умственныя плотины“ власть имущихъ.

„Молодая редакція“ Москвитянина съ начала 50-хъ годовъ вливала новую и своеобразную струю въ московскую жизнь: кружокъ Островскаго съ А. Григорьевымъ, Эдельсономъ, Алмазовымъ, Меемъ, Писемскимъ, Максимовымъ смѣло и громко заявлялъ о „новомъ словѣ“, найденномъ русской мыслью... Наступленіе реформъ 60-хъ гг. вызвало

къ жизни „Русскую Бесѣду“ (1857) Кошелева, „Молву“ (1857) К. Аксакова, „Парусъ“ (1859) И. Аксакова, „День“ (1861) Ив. Аксакова—органы съ опредѣленной окраской, нетерпимой для правительства... (славянофильскія тенденціи вообще долго жили въ Москвѣ—„Бесѣда“ С. А. Юрьева, „Русь“ И. С. Аксакова).

Знаменитые пушкинскіе дни (5, 6, 7 и 8 іюня 1880 г.) приковали къ Москвѣ вниманіе всей Россіи. Уже 5 іюня—день пріема депутацій отъ разныхъ учрежденій и обществъ—рельефно показало, что праздникъ русской литературы будетъ справленъ въ Москвѣ дѣйствительно торжественно: всѣхъ депутацій было 106, а депутатовъ 244. На слѣдующій день—открытіе памятника Пушкину—площадь передъ Страстнымъ монастыремъ была усѣяна толпами народа, депутатами, стоявшими у красныхъ, бѣлыхъ, синихъ знаменъ, на которыхъ золотыми буквами были начертаны наименованія тѣхъ учрежденій и обществъ, что прислали депутатовъ на празднество. Когда парусинная пелена, покрывавшая памятникъ, заколебалась и упала, когда родной образъ поэта предсталъ передъ толпой, необычайное волненіе овладѣло всѣми. „Трудно передать это впечатлѣніе (вспоминаетъ современникъ): звонъ колоколовъ, стройное пѣніе народнаго гимна, площадь, покрытая разнообразными массами всякаго люда, начиная отъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, знамена, вѣнки, перевитые лентами, и, наконецъ, эта чудная статуя,—все представляло невообразимо очаровательное зрѣлище. Тутъ только можно было оцѣнить произведеніе Опекушина. За первой минутой общаго оцѣпенѣнія громкое у р а огласило площадь. У одного изъ сыновей поэта, присутство-

вавшихъ при торжествѣ, градомъ, въ три ручья лились слезы"... „Когда кончилось торжество, толпа хлынула къ памятнику и кинулась на вѣнки! Спѣшили сорвать кто лавровый, кто дубовый листокъ, кто цвѣтокъ съ вѣнка на память о торжествѣ. Много людей возвращалось по бульварамъ съ листами и цвѣтами отъ вѣнковъ Пушкина"... Въ 2 часа дня на торжественномъ актѣ въ московскомъ университетѣ были произнесены рѣчи Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевскаго, Н. И. Стороженко. Вечеромъ „Общество любителей россійской словесности" устроило въ залѣ Благороднаго Собранія литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ приняли участіе Достоевскій, Писемскій, Островскій, Тургеневъ, Анненковъ, Потѣхинъ, Григоровичъ. Особенно горячо привѣтствовали Тургенева, вызваннаго семь разъ и на шумные клики собравшихся прочувственно сказавшаго пушкинскіе стихи „Послѣдняя туча разсѣянной бури". 7 іюня было устроено „Обществомъ любителей россійской словесности" первое торжественное засѣданіе; на немъ были произнесены рѣчи С. А. Юрьева, И. С. Тургенева, оглашены телеграммы и письма европейскихъ писателей, приславшихъ свои привѣтствія—Ауэрбаха, В. Гюго, Тениссона и т. д. Вечеромъ на парадномъ обѣдѣ среди множества поэтовъ особенно выдѣлился тостъ Островскаго, закончившійся радостнымъ словомъ: „нынче на нашей улицѣ праздникъ"! Необычайное впечатлѣніе произвелъ Достоевскій своей знаменитой рѣчью на слѣд. день (8 іюня) на второмъ торжественномъ засѣданіи „Общества любителей россійской словесности". „У мужчинъ были слезы на глазахъ, дамы рыдали отъ волненія, стонъ и громъ

оглашали воздухъ, группа словесниковъ обнимала писателя, а нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ спѣшили къ нему съ лавровымъ вѣнкомъ и увѣнчали его тутъ же, на эстрадѣ, среди дошедшихъ до своего апогея овацій. Какой-то молодой человѣкъ при послѣднихъ словахъ Достоевскаго стремительно ринулся изъ залы, выбѣжалъ въ боковую комнату и тамъ упалъ въ обморокъ"... Были прочитаны еще стихотворенія А. Н. Плещеева, рѣчи И. С. Аксакова, Н. В. Калачева, П. И. Бартенева, А. А. Потѣхина. Вечеромъ на лит.-муз. вечерѣ шумныя овацiи раздались въ честь И. С. Тургенева, ему былъ поднесенъ также лавровый вѣнокъ... Такъ закончились эти пушкинскіе дни, всколыхнувъ сумеречныя настроенія 80-хъ годовъ, озаривъ ярко-радостнымъ свѣтомъ друзей русской литературы.

И въ 1899 году литературная Москва снова объединилась на столѣтнемъ юбилеѣ Пушкина: Н. И. Стороженко, В. О. Ключевскій, С. А. Муромцевъ, А. Н. Веселовскій, В. Е. Якушкинъ произнесли свои незабываемыя рѣчи... „Русская Мысль", руководимая Лавровымъ, собрала въ эти годы всѣ лучшія литературныя силы; въ статьяхъ Шелгунова слышалась незабитая общественная мысль... Въ это же время слышно было немолчное слово, исходившее изъ дома въ Хамовникахъ: „великій писатель земли русской" Л. Н. Толстой поселился въ 1882 г. здѣсь, переживая кризисъ своихъ исканій... По Арбату въ Хамовники тянулись группы паломниковъ, старыхъ и малыхъ... Москва 90 годовъ имѣла случай видѣть и слышать лучшихъ писателей на исполнительныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ „Общества любителей россійской словесности": Мачтетъ, Пота-

пенко, Станюковичъ, Златовратскій читали свои произведенія, тамъ же (въ 1893 г.) выступалъ Бальмонтъ. Нѣсколько позднѣе молодая плеяда неореалистовъ (Л. Андреевъ, Вересаевъ, Телешовъ и др.) собиралась на засѣданія кружка „Среда“ (въ Лит.-Худ. кружкѣ теперь)... Въ 1909 году на открытіи пямятника Гоголю Москва вновь развернула свои литературныя силы, притянула къ себѣ взоры дѣйствительно всего культурнаго міра: Вогюэ, Лирондель, гости-финны, славяне подчеркнули, какое высокое мѣсто занимаетъ въ ихъ сознаніи русская литература; привѣтствія, читавшіяся отъ Британской Академіи Наукъ, изъ Сорбонны, Ліона, Вѣны, Женевы, Рима, рельефно вскрыли, что наше художественное слово властно завоевало европейскій міръ...

Кончина Л. Толстого заставила объединиться друзей литературы въ Толстовское общество, бережно хранящее все, что относится къ памяти русскаго генія, въ спеціальномъ музеѣ. Могилы, Чехова, Гоголя, памятники писателямъ, музеи, „комната 40-хъ годовъ“, чеховскій отдѣлъ въ Румянцевскомъ музеѣ; Толстовскій музей, нѣсколько литературныхъ обществъ (неоднократно упоминавшееся „Общество любителей россійской словесности“, „Среда“, недавно возникшія „Общество свободной эстетики“, „Общество исторіи литературы“),—все наглядныя свидѣтельства, что литературная Москва можетъ многое сказать пріѣзжему туристу, на многое натолкнуть, о многомъ напомнить...

Театръ въ Москвѣ.

А. Фавицкаго.

Въ жизни театральной Москвы была и есть своя „изюминка“, на этой жизни есть свой московскій отпечатокъ, у нея — свои опредѣленно-индивидуальныя черты. Бѣлинскій въ свое время удачно уловилъ эти особенности въ живомъ духѣ московскаго театра-плебея, враждебнаго аристократически напыщенному классицизму съ его пѣвучей дикціей и минуэтными движеніями, классицизму, оплотомъ котораго былъ чопорно-холодный Петербургъ. Въ то время, какъ сѣверную столицу покорялъ В. Каратыгинъ, „лейбъ-гвардейскій трагикъ, знавшій церемоніальный маршъ отчаянія“ (А. Герценъ), Москва носила на рукахъ его антипода „безумнаго друга Шекспира“, „генія по инстинкту“, П. Мочалова съ его глубочайшими откровеніями и нелѣпыми ошибками, Мочалова, принесшаго съ собой на скованную рутиной сцену „бурное дыханіе“ (Ап. Григорьевъ) непосредственнаго вдохновенія, сметавшаго въ минуты подъема весь муссоръ театральныхъ условностей. Даже самый краткій историческій обзоръ вскроетъ передъ нами характерныя черты московской театральной жизни, въ которой такую исключительную роль играли частная иниціатива, духъ новаторства, живое чувство сценической правды и художественнаго ансамбля, наконецъ, „художественная этика“. Такова „театральная плебейка“ Москва, заставлявшая не разъ преклоняться передъ собою „аристократическій“ Петербургъ, та Москва, которая влечетъ теперь къ своимъ театрамъ не только томящагося

въ провинціальной глуши Андрея изъ „Трехъ сестеръ“, но и режиссера-иностранца, ѣдущаго посмотрѣть и поучиться, и крупнѣйшаго изъ западныхъ поэтовъ, который подводитъ итоги своимъ впечатлѣніямъ знаменательной фразой: „Высшее театральное искусство — удѣлъ Москвы“ (Э. Верхарнъ).

Первыя попытки устроить театръ въ Москвѣ относятся, какъ извѣстно, къ XVII вѣку. Но и „комидѣйная хоромина“ пастора Грегори и публичный театръ Петра Великаго (1702 г.)—еще случайныя явленія. Болѣе или менѣе правильная театральная жизнь начинается въ старой столицѣ съ половины XVIII вѣка и носитъ „вольный характеръ“, въ то время какъ въ Петербургѣ уже существуетъ Императорскій театръ (1756 г.). Вплоть до 1806 г. театральное дѣло въ Москвѣ—въ рукахъ частныхъ лицъ; то это студенты моск. университета, руководимые Херасковымъ, то частные антрепренеры, преимущественно иностранцы; изъ нѣдръ этихъ частныхъ антрепризъ выходитъ цѣлый рядъ выдающихся артистокъ и артистовъ своего времени (Троепольская у Локателли; Плавильщиковъ, Шушеринъ, Синявская, Сандуновы—у Медокса), пополняющихъ и украшающихъ затѣмъ казенную сцену. Репертуаръ—обычный для эпохи: „Расиновъ я театръ явилъ, о Россы, Вамъ“!.. писалъ Сумароковъ—главный представитель тогдашней драматургіи. Какъ явленіе значительно болѣе характерное для Москвы, болѣе независимой, чѣмъ „придворный“ Петербургъ, отмѣтимъ широкое развитіе домашнихъ, барскихъ театровъ, которыхъ къ концу XVIII в. насчитывалось здѣсь до 20-ти.

Въ 1805 году сгорѣло единственное въ Москвѣ спеціальное театральное зданіе („Петровскій“ театръ), въ которомъ играла крѣпостная труппа помѣщика Столыпина. Чтобы не оставлять старую столицу безъ театра, правительство „приторговало“ себѣ за 32 тыс. рублей актеровъ этой частной труппы, и въ 1806 г. въ Москвѣ открывается уже казенный театръ. Съ этого времени до 20-хъ годовъ XIX вѣка московская театральная жизнь течетъ по шаблону петербургской: частная иниціатива прячется въ глубь барскихъ домовъ, преслѣдуется указомъ, запрещавшимъ „чинить подрывъ Имп. театровъ лицедѣямъ, скоморохамъ и т. д.“, а на монопольной казенной сценѣ, гдѣ ложно-классическая трагедія чередуется съ мелодрамами Коцебу, царятъ застывшія формы французскихъ пріемовъ игры. Чтобы понять значеніе московской („щепкинской“) театральной революціи 20—30-хъ годовъ, остановимся немного на этомъ „французскомъ плѣненіи“ русской сцены. Начиная съ 1762 года правительство усердно заботилось о приглашеніи въ Россію постоянныхъ французскихъ труппъ, при чемъ расходы на нихъ всегда превышали расходы на русскій театръ... Вкусъ къ „французскому“ былъ такъ сильно привитъ русскому обществу, что игнорированіе русскихъ спектаклей стало признакомъ хорошаго тона. Французскіе спектакли, прекращенные въ 1812 году въ моментъ патріотическаго подъема („за ненужностью“ какъ гласилъ указъ), черезъ годъ воскресли снова „по требованію общества“. Настоящими руководителями русскихъ талантовъ были французскіе артисты. Знаменитый Дмитревскій (ум. въ 1821 г.), усвоившій стиль и манеры игры фран-

цузовъ, воспиталъ цѣлую плеяду извѣстныхъ русскихъ актеровъ (въ ихъ числѣ московскій Плавильщиковъ), укрѣпившихъ господство французской школы на русской сценѣ. Положительныя стороны этой школы (красота внѣшнихъ пріемовъ, отдѣлка декламаціонной стороны и т. д.) меркли, особенно въ россійской интерпретаціи (Щепкинъ хохоталъ надъ „ертомъ", неуживавшимся съ французской напѣвностью), передъ условностью, заученностью исполненія, его ложнымъ паѳосомъ, его пренебреженіемъ къ замыслу автора, страдавшему отъ интересовъ чисто внѣшнихъ эффектовъ, которые „свели на нѣтъ" живыя начала актерскаго творчества. Когда Щепкинъ поступилъ на московскую сцену (1823), онъ засталъ тамъ декламаціонную манеру игры, насаждавшуюся на русской сценѣ Дмитревскимъ. „Превосходство игры видѣли здѣсь въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ"... Декламаціонная манера того времени состояла въ громкомъ удареніи на каждую ритму; ударенія, по мѣрѣ чтенія монолога, все усиливались и послѣднія строки произносились сколько хватало силъ у человѣка. Въ „Воспоминаніяхъ" С. Аксакова можно найти анекдотическіе разсказы объ игрѣ тогдашнихъ французскихъ и русскихъ знаменитостей: заученность каждаго жеста, несоотвѣтствующіе замыслу автора выпады и выкрики (знаменитыя „стр-р-рѣлы каленыя" петербургскаго Яковлева, произносившіяся имъ съ протяжнымъ трескомъ)—вотъ особенности тогдашней „игры".

Разрушить обаяніе этой традиціи выпало на долю московскаго театра. Внѣшнимъ толчкомъ къ замѣнѣ стараго новымъ послужило то, что въ 1823 году московскій театръ освобождается отъ опеки

Петербурга и его придворныхъ вкусовъ. По почину перваго самостоятельнаго директора Ѳ. Ѳ. Кокошкина (драматурга) и его сотрудника писателя М. Н. Загоскина начинается обновленіе труппы. Изъ провинціи приглашается великій, геніальный Щепкинъ. То, что волновало въ вопросахъ театра наиболѣе чуткихъ людей эпохи (Гоголя—апологета ансамбля, провидца будущей роли режиссера; С. Аксакова, проповѣдника „натуры“, истины, простоты на сценѣ, и др.), нашло себѣ въ лицѣ московскихъ артистовъ - новаторовъ (Щепкинъ, Садовскій, Шумскій и пр.) практическое осуществленіе: декламаціонная фальшь и пренебреженіе смысломъ ради формы уступили мѣсто естественности и „теплотѣ“ (А. Герценъ) Щепкина, „искрѣ Божіей“ Мочалова, уваженію къ автору, замыслы котораго уже не должны были разбиваться объ „эффекты“ и „выпады“ отдѣльныхъ исполнителей, но получали себѣ поддержку въ той „полнотѣ исполненія“ (щепкинскій ансамбль), о которой мечталъ Гоголь. По словамъ историка театра (С. Танѣева), именно „освобожденіе московской сцены отъ петербургскихъ вліяній послужило самой существенной причиной дальнѣйшаго, продолжительнаго, блестящаго процвѣтанія этого учрежденія“, взявшаго подъ свое покровительство начала простоты и правды. „Безъ вдохновенья нѣтъ искусства“, говоритъ Щепкинъ, и самъ, по словамъ Герцена, игралъ съ невиданной дотолѣ „нетеатральностью“, съ необыкновенной теплотой и искренностью. Эта искренность уживалась у него съ детальнѣйшей отдѣлкой роли, которая, однако, по словамъ того же писателя, „не стѣсняла ни одного звука“. Работая самъ,

зная роль съ первой репетиціи,—Щепкинъ училъ работать и другихъ; подчиняя себя цѣлому, Щепкинъ требовалъ пониманія духа пьесы и отдѣльныхъ сценъ и отъ товарищей... И его слушали, у него учились... Такъ слагались новыя традиціи московскаго Малаго театра, пріучавшія смотрѣть на искусство благоговѣйно и жертвовать своимъ случайнымъ самолюбіемъ ради святой цѣли... И надъ всѣмъ доминировали завѣтныя слова: „сцена не любитъ мертвечины—ей подавай живого человѣка"; „всѣми силами старайся заставить себя такъ думать и чувствовать, какъ думаетъ и чувствуетъ тотъ, кого ты долженъ представить"... Такова была московская театральная революція. Если Московскій драматическій театръ сталъ съ 40-хъ годовъ XIX вѣка предметомъ удивленія иностранцевъ („Воспоминанія" С. Соловьева), если Петербургскій театръ пересталъ выдерживать съ нимъ сравненіе (С. Танѣевъ), то этимъ онъ обязанъ Щепкину и его знаменитой плеядѣ.

Слѣдующимъ этапомъ въ исторіи московской сцены являются 60-ые годы. Духъ времени сказался въ новомъ оживленіи частной иниціативы, официально, однако, еще не признанной — и въ томъ новомъ, бытовомъ репертуарѣ (Островскій, Писемскій, Тургеневъ, Сухово-Кобылинъ), который съ этого времени начинаетъ пріобрѣтать господствующее положеніе. Репертуаръ, предшествующій Николаевской эпохѣ, хотя и освѣжился такими произведеніями какъ комедіи Гоголя или „Горе отъ ума" (въ неполномъ видѣ), однако Щепкину, Садовскому и др. приходилось отдыхать, кромѣ этихъ пьесъ, только на Мольерѣ, т.-к. все остальное было прямо недостойно ихъ сценичe-

скаго творчества. Великому Мочалову приходилось проявлять блестки своей геніальности главнымъ образомъ въ жалкихъ пьесахъ Коцебу, которыми еще пестрѣлъ репертуаръ вмѣстѣ съ патріотическими произведеніями Нестора Кукольника или Полевого. И много перловъ актерскаго вдохновенія было брошено въ омутъ жалкой драматургіи Николаевской эпохи. Появленіе пьесъ Островскаго (въ 1853 году въ бенефисъ Л. Косицкой впервые шла пьеса „Не въ свои сани“) и произведеній другихъ представителей бытового репертуара („Горькая Судьбина“, „Самоуправцы“ — Писемскаго, „Дѣло“ Сухово-Кобылина, нѣсколько ранѣе—первыя пьесы Тургенева) — дало богатый матеріалъ творчеству тѣхъ артистическихъ силъ, которыя уже сгруппировались около московской казенной сцены или зрѣли подъ покровительствомъ различныхъ „сценическихъ кружковъ“ того времени. Новыя краски, новыя положенія и характеристики—дали богатый матеріалъ для дальнѣйшаго развитія, изощренія и извѣстной „демократизаціи“ пріемовъ игры актеровъ натуральной школы (Пр. Садовскій, С. Васильевъ, В. Шумскій, Живокини, Бороздина и др). Приближеніе къ дѣйствительности достигло своего апогея. Знаменитый С. Васильевъ, играя Бородкина, непритворно рыдалъ, уйдя за кулисы. И глядя на Пр. Садовскаго, Тургеневъ восклицалъ: „нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, какъ искусство, ставшее „природой“. Создался типъ актера-бытовика, актера-жанриста. Слишкомъ большой уклонъ въ сторону быта не вполнѣ былъ по духу не только знаменитому Самарину — соратнику Щепкина, но и самому Щепкину и даже Шумскому, знаменитому „Аркашкѣ“. Бытовой репертуаръ Островскаго далъ

возможность актерскому творчеству перейти тѣ границы реализма, на которыхъ остановились Щепкинъ, Самаринъ и нѣкоторые друг. Пр. Садовскій (знаменитый Любимъ Торцовъ), С. Васильевъ (лучшій Тихонъ Кабановъ) и нѣкоторые другіе положили начало тому „бытовому“ натурализму, для котораго позже въ той же Москвѣ много сдѣлали чета М. П. и О. О. Садовскихъ, П. Стрепетова и др. Отъ И. Самарина, хотя и принадлежавшаго къ щепкинской плеядѣ, пошло то направленіе „щепкинскихъ завѣтовъ“, которое, будучи по духу своему реалистично, отводитъ широкое мѣсто въ репертуарѣ такимъ классикамъ, какъ Шиллеръ, и даетъ пищу для творчества такихъ артистовъ, какъ М. Н. Ермолова. Эта дифференціація въ сценическомъ реализмѣ ярко обозначилась въ 60-ые годы и была только плодотворна. Въ 1870 г. московскіе гастролеры, во главѣ съ П. Садовскимъ, знакомили Петербургъ со своимъ исполненіемъ Островскаго. Щепкинскіе завѣты сказались: „Пьесы,—разсказываетъ современникъ,—шли съ необыкновеннымъ ансамблемъ. Глубокая обдуманность всѣхъ деталей, серьезное отношеніе къ дѣлу пріѣзжихъ артистовъ поражали зрителей, привыкшихъ къ неряшливости исполненія. Гости потребовали, чтобъ всѣ актеры и актрисы знали свои роли и думали не только о себѣ, но способствовали бы общему ходу пьесы“. Само исполненіе было верхомъ правдивости: „на сценѣ были не актеры, а живые люди“, разсказываетъ другой современникъ. Въ результатѣ за Малымъ театромъ окончательно установилась репутація „образцоваго“. Поддержанію этой репутаціи содѣйствовала та связь, которая со временъ Щепкина, друга Гоголя, установилась у этого театра

съ міромъ литераторовъ и профессоровъ. Въ послѣднюю четверть XIX вѣка огромное вліяніе на московскую артистическую семью имѣлъ извѣстный театралъ, переводчикъ, знатокъ искусства—С. А. Юрьевъ, которому такъ много обязана въ своемъ сценическомъ образованіи русская Дузе—М. Н. Ермолова. Не безъ слѣда прошли для московской сцены и дни, когда ею завѣдывалъ А. Н. Островскій (80-е годы). Островскій привлекъ къ театру видныя профессорскія силы (Тихонравовъ, Стороженко) и представителей театральной критики (извѣстный С. Васильевъ-Флеровъ), положивъ основаніе репертуарному совѣту. Благодаря взаимной работѣ артистовъ и представителей научной и художественной мысли, Малый театръ, далекій отъ петербургскаго „свѣта“, интересами котораго жилъ театръ Александринскій (Варнеке), долго со времени Щепкина являлся продолженіемъ университета благодаря своимъ прекраснымъ постановкамъ иностранныхъ и русскихъ классиковъ, среди которыхъ Шекспиръ, Шиллеръ, Островскій занимали первое мѣсто. Успѣху этихъ постановокъ въ послѣднюю четверть XIX вѣка содѣйствовали, помимо уже указанныхъ корифеевъ сцены, такія имена, какъ А. П. Ленскій („русскій Коклэнъ“), Ѳ. Горевъ, Н. Музиль, М. Садовскій, Н. Медвѣдева, Н. Рыкалова и др., а также нынѣ здравствующіе М. П. Ермолова, Никулина, Г. Н. Ѳедотова, О. О. Садовская, О. Правдинъ, Е. Лешковская, Н. Рыбаковъ, А. Южинъ-Сумбатовъ и др.

Въ 90-тыхъ годахъ въ отношеніи извѣстной части общества къ московскому Малому театру замѣчается нѣкоторое охлажденіе. Произошло ли это отъ дѣйствительнаго ослабленія былой силы те-

атра, благодаря усилившейся казенной опекѣ, мѣшавшей освѣженію репертуара, благодаря ли тому, что изъ прежнихъ великановъ остались немногіе—рѣшить трудно; фактъ тотъ, что театръ застылъ въ своемъ развитіи въ то время, какъ частные театры отзывались на новыя вѣянія въ литературѣ (Ибсенъ у Корша, Чеховъ у Абрамовой), шли на новые пріемы постановки („Царь Шуйскій“ у Корша). Здѣсь интересно отмѣтить, что К. Станиславскій, воспитавшійся на Маломъ театрѣ, „влюбленный“ въ А. Ленскаго и М. Ермолову, начинаетъ именно теперь безсознательно искать какого-то новаго удовлетворенія: на домашнихъ спектакляхъ у С. И. Мамонтова онъ подмѣчаетъ значеніе художника въ театрѣ (Коровинъ, Сѣровъ), ищетъ чего-то утраченнаго „Щепкинскимъ домомъ“ и, наконецъ, вмѣстѣ съ группой друзей основываетъ „Общество искусства и литературы“, цѣль котораго—постановка настоящихъ „художественныхъ“ спектаклей. Почти одновременно на страницахъ московскаго журнала „Артистъ“ (лучшій, пока не превзойденный театральный органъ, просуществовавшій нѣсколько лѣтъ)—извѣстный критикъ С. Глаголь пишетъ статьи, въ которыхъ говоритъ о необходимости реформъ въ театрѣ въ направленіи единства („централизаціи“) сценической работы: авторъ, художникъ, артистъ—одно... и режиссеръ ихъ долженъ объединить. Это „полнота исполненія“ Гоголя, расширенная въ своихъ требованіяхъ согласно новому времени. Нарастала потребность не только въ освѣженіи щепкинскихъ традицій, но и въ дополненіи къ нимъ. Такъ подготовлялась почва для будущаго Художественнаго театра. Въ настоящее время постановки московскаго Ма-

лаго театра, хотя онъ имѣетъ въ своемъ составѣ цѣлый рядъ талантливыхъ исполнителей, уже кажутся неинтересными, шаблонными въ декоративномъ отношеніи (исключеніе—работы К. Коровина), полными рутины, безсодержательными въ режиссерскомъ (если не считать постановокъ Ѳ. Комиссаржевскаго—homo novus'a на казенной сценѣ). Репертуаръ театра въ общемъ значительно ниже его достоинства.

Въ началѣ 60-хъ годовъ извѣстнымъ театраломъ В. Н. Родиславскимъ организуется такъ назыв. Марковскій кружокъ, на сценѣ котораго ранѣе, чѣмъ въ Имп. театрѣ, было поставлено „Доходное мѣсто“ Островскаго, „Горькая судьбина“ Писемскаго и нѣкоторыя комедіи Шекспира. Къ кружку были близки Островскій, Писемскій, Юрьевъ и мн. другіе московскіе литераторы того времени. Важную роль въ развитіи новаго, бытового театра сыгралъ и „московскій артистическій кружокъ“, руководимый артистомъ Н. Вильде; отсюда вышла знаменитая чета Садовскихъ, Макшеевъ и другіе. Всѣ эти сценическія выступленія должны были избѣгать публичности. Возникъ было въ Москвѣ народный театръ, на которомъ выдвинулись Н. Х. Рыбаковъ, П. Стрепетова, А. П. Ленскій; вскорѣ, однако, министерство двора усмотрѣло въ немъ конкуренцію, и театръ былъ закрытъ. Такъ обстояло дѣло съ частной иниціативой до тѣхъ поръ, пока бывшая артистка Импер. театровъ А. А. Бренко, ушедшая, по ея словамъ, отъ „неволи“ казенной сцены, рѣшила создать театръ „на другихъ началахъ, свободный отъ рутины и казенщины“. Было бы долго разсказывать о всѣхъ тѣхъ траги-

комическихъ мытарствахъ славной піонерки, которыя ей пришлось перенести, прежде чѣмъ „чтенія изъ пьесъ“ стали, по особому разрѣшенію Государя, спектаклями „Пушкинскаго“ театра (1880 г.), перваго частнаго театра въ Москвѣ XIX-го вѣка. На сценѣ этого театра, репертуаръ котораго состоялъ изъ пьесъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ, выступили такія силы, какъ Стрепетова, Глама-Мещерская, Красовская, Писаревъ, Далматовъ, Горевъ, Андреевъ-Бурлакъ, Ивановъ-Козельскій. Этотъ же театръ первымъ ввелъ утренники для учащейся молодежи. Прекратившееся дѣло А. А. Бренко перешло въ 1882 году къ Ѳ. А. Коршу; въ этомъ именно году состоялось полное и официальное разрѣшеніе частныхъ театровъ въ столицахъ: „казенная монополія“ была отмѣнена окончательно. Театръ Ѳ. Корша существуетъ понынѣ, хотя и не играетъ той роли, которую игралъ не такъ давно, когда на его афишахъ были имена Киселевскаго, Давыдова, Солонина, Рощина-Инсарова, Свѣтлова, Горева, Яковлева, Орленева, Кудриной, Красовской, Глама-Мещерской, Потоцкой, Яворской и др. Этому театру русская сцена обязана въ свою очередь многимъ.

Здѣсь Москва впервые увидала чисто мейнингенскія постановки („Царь Вас. Шуйскій“—Чаева съ Ивановымъ-Козельскимъ въ роли Скопина) съ удивительными народными сценами и роскошной, исторически вѣрной бутафоріей... Здѣсь же впервые въ Москвѣ была поставлена „Власть тьмы“ Толстого, „Докторъ Штокманъ“, „Нора“ Ибсена и еще цѣлый рядъ пьесъ русскихъ классиковъ, при чемъ постановка „Грозы“ была по своему времени образцовой.

Здѣсь же дебютировалъ Чеховъ пьесой „Ивановъ“, а Найденовъ „Дѣтьми Ванюшина“. Въ настоящее время въ труппѣ этого театра есть нѣсколько хорошихъ артистовъ, но репертуаръ его не удовлетворяетъ серьезнымъ требованіямъ. Съ легкой руки А. Бренко и Ѳ. Корша въ Москвѣ возникали и другіе, къ сожалѣнію, недолговѣчные частные театры, изъ которыхъ надо упомянуть образцовый по репертуару и прекрасный по составу труппы театръ извѣстной въ свое время артистки Е. П. Горевой; во главѣ этого театра стоялъ одно время извѣстный писатель П. Д. Боборыкинъ. Хорошей репутаціей пользовался и театръ М. М. Абрамовой, на сценѣ котораго увидалъ свѣтъ „Лѣшій“ (Дядя Ваня)—А. Чехова. Въ наши дни къ типу такихъ театровъ примыкаетъ театръ К. Н. Незлобина, гдѣ, однако, на ряду съ прекрасными постановками въ стильныхъ декораціяхъ, при затратѣ большого режиссерскаго труда (послѣдовательно—К. Марджанова, Ѳ. Комиссаржевскаго, Н. Званцева), на ряду съ „Фаустомъ“, „Идіотомъ“, „Горячимъ сердцемъ“, „Орлеанской дѣвой“—ставятъ „для сборовъ“ пьесы минутнаго интереса въ родѣ „Ревности“ Арцыбашева или „Царевны-лягушки“ Бѣляева.

По странной случайности моск. Худ. театръ—„Домъ Чехова“ (такъ его иногда неполно называютъ) открытъ ровно 75 лѣтъ спустя послѣ Малаго театра—„Дома Щепкина“: 14 окт. 1823 г.—14 окт. 1898 г. Эта случайная хронологическая связь вскрываетъ болѣе глубокую общность между великимъ старымъ и прекраснымъ новымъ: главный основатель и вдохновитель новаго театра—К. Ста-

нославскій, объясняя внѣшнее въ новшествахъ Худ. театра за первые годы его, говоритъ: „это были упражненія въ свободѣ отъ рутины“, ибо „хотѣлось вернуть театръ къ завѣтамъ Щепкина“, врага косности. Если мы вспомнимъ, что Станиславскій побывалъ въ Парижской консерваторіи и усвоилъ себѣ навсегда ненависть къ французскому штампу, то указанная общность станетъ еще ярче.

Но къ хорошему, обновленному и дополненному, старому пришло черезъ Станиславскаго (и его неизмѣннаго сотрудника Вл. Немировича-Данченко) еще и другое... Станиславскій еще въ спектакляхъ О-ва иск. и литературы понялъ значеніе художника для театра, а поглядѣвъ мейнингенцевъ,— увлекся ихъ умѣньемъ передавать „духъ“ пьесы и довелъ это умѣнье до глубочайшаго искусства дать настроеніе и выяснить сущность произведенія. Вл. Немировичъ-Данченко внесъ въ новый театръ струю общественности и литературности.

Уже въ первой постановкѣ („Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“) театръ далъ новое. „Если сравнить, читаемъ мы у одного изъ историковъ Худож. театра, постановку „Царя Ѳедора“ на театрѣ Суворина и на московскомъ театрѣ, то на театрѣ Суворина пьесу играли актеры, одѣтые въ костюмы эпохи, среди нарисованныхъ декорацій, вѣрныхъ эпохѣ. На театрѣ московскомъ пьесу играли краски, звуки, рѣчи, жесты, позы—ровно и созвучно приведенные въ одно цѣлое“. Это созвучіе (краски, звуки, движенія), одинъ общій, опредѣляющій ихъ темпъ, ритмъ, музыкальное—вотъ то новое, что принесъ сценѣ новый московскій театръ. Это „полнота“ Гоголя, ставшая, согласно болѣе сложной культурѣ времени, „художественнымъ единствомъ“. Чут-

кій къ замыслу, къ духу пьесы новый режиссеръ, нашедшій свое призваніе художникъ новаго театра, актеръ, освобожденный окончательно отъ условностей (вплоть до права, становиться спиной къ зрителямъ)—всѣ они слились теперь въ одно цѣлое—и побѣдили!

Постановки пьесъ Чехова и Гауптмана дали возможность театру еще болѣе обнаружить свое умѣнье проникать въ „кулисы души“ автора, въ „святая святыхъ“ души зрителя, въ тайны времени... Въ то время какъ на сценѣ петербургскаго Александринскаго театра въ „Чайкѣ“ Чехова на сценѣ ходили отдѣльные нудные люди, говорившіе никому ненужныя слова, и пьеса шумно провалилась, на сценѣ новаго московскаго театра, у котораго заговорили паузы, и въ общую симфонію настроенія внесли свои ноты—и стукъ экипажа по мѣсту и сверчокъ (символическій сверчокъ уѣздной Россіи!)—„Чайка“, „Дядя Ваня“, „Три сестры“—стали скорбной музыкой о мечтательной, мягкой душѣ русскаго интеллигента, заѣденной „обстоятельствами“... трогательными разсказами о сѣрыхъ уголкахъ милой, но печальной русской провинціи. Простота и задушевность исполненія такъ проникли эти постановки, что „Berliner Tageblatt“, отзываясь на гастроли театра въ Берлинѣ, писалъ: „учитесь здѣсь вы, актеры, трогать до глубины души зрителя, не прибѣгая къ сильнымъ средствамъ... Здѣсь учитесь служить драматургу, забывая себя и перевоплощаясь, а не только переряживаясь“... Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что ни одинъ русскій театръ не пользовался такимъ признаньемъ со стороны иностранцевъ, какъ Художественный; не говоря уже о тріумфальной поѣздкѣ театра за границу (Берлинъ,

Дрезденъ, Прага), напомнимъ, что Парижъ и Лондонъ стремятся копировать нѣкоторыя его постановки („Синяя птица", „Бр. Карамазовы"). Извѣстный англійскій писатель С. Грэхамъ пишетъ:

„Среди самыхъ прекрасныхъ вещей, которыя я видѣлъ въ Россіи, были представленія московскаго Художественнаго театра"! Не менѣе краснорѣчивы тѣ многочисленные адреса и надписи на лентахъ вѣнковъ, выставку которыхъ читатель найдетъ въ верхнемъ фойэ театра: здѣсь иностранные зрители привѣтствуютъ „чудесный" театръ не менѣе горячо, чѣмъ русскіе.

Здѣсь было бы невозможно прослѣдить всю шестнадцатилѣтнюю исторію театра, у котораго теперь учатся на Западѣ (Фуксъ, директоръ мюнхенскаго Худож. театра отдаетъ пальму первенства — московскому), и мы лишь укажемъ, что онъ сталъ не только учителемъ сцены: за 16 лѣтъ онъ училъ думать, чувствовать, понимать красоту, мечтать и возмущаться. Въ этомъ театрѣ драматургъ (близость къ театру Чехова, Горькаго и другихъ), режиссеръ, композиторъ (Гречаниновъ, послѣ талантливѣйшій И. Сацъ), художникъ (великолѣпный спутникъ Тургенева-драматурга Добужинскій, знатокъ XVIII вѣка А. Бенуа)—слились въ одно цѣлое—во имя сценической простоты, правды и красоты, не боящихся глубокой мысли и „жгучаго глагола"... Вся эта совмѣстная работа крѣпка той внутренней дисциплиной, той „художественной этикой" (Станиславскій), которыя даются не ремесленнымъ, а вдохновеннымъ отношеніемъ къ дѣлу и передъ которыми такъ преклонился Э. Верхарнъ. Нашъ бѣглый обзоръ дѣятельности Художественнаго театра былъ бы односторон-

нимъ, если бы мы не указали, что за послѣднее время и на этотъ театръ все чаще начинаютъ обрушиваться сѣтованія: оскудѣніе репертуара, „безвременье“ даютъ себя знать, и театръ вынужденъ прибѣгать къ инсценировкамъ литературныхъ произведеній (Достоевскій, Андреевъ)— или ставить такія небогатыя содержаніемъ вещи, какъ „У жизни въ лапахъ“ Гамсуна, „Хозяйка гостиницы“ Гольдони, гдѣ преимущества—на чисто внѣшней декоративно-обстановочной сторонѣ... „Домъ Чехова“ какъ бы начинаетъ размѣниваться...

Въ 1913 году въ Москвѣ народился еще одинъ театръ, достойный быть отмѣченнымъ—„Свободный“. Духовные отцы его (К. Марджановъ и А. Санинъ) „прошли школу“ Худож. театра, но тѣмъ не менѣе ихъ дѣло не стало копіей театра Станиславскаго: „Свободный“ театръ оказался свободнымъ не только въ выборѣ сценическихъ формъ (оперетта, опера, мелодрама, пантомима), но и отъ какой-либо связи съ вопросами философскаго или общественнаго характера. Его постановки полны жизни или поражаютъ своимъ изяществомъ и тонкостью художественнаго чутья режиссера („Покрывало Пьеретты“, „Желтая кофта“), но сфера ихъ уже: они, м. б., и очень талантливо и роскошно (черезчуръ роскошно) обслуживаютъ интересы „самоцѣльной“ красоты и потому стоятъ дальше отъ русскаго зрителя, который ищетъ въ театрѣ не только эстетической радости.

Среди мелкихъ театровъ Москвы туриста привлекаетъ обычно кабарэ „Летучая мышь“; когда то это учрежденіе было мѣстомъ шутливаго творчества и беззаботнаго отдыха артистовъ Худ. театра, и тогда представляло изъ себя худож. цѣн-

ность; теперь же это милый, иногда съ проблесками таланта, „ночной“ театръ, съ довольно безсодержательной программой, претендующей часто на сатиру, далеко, однако, уступающую сатирѣ петербургскаго „Кривого Зеркала“.

Современная Москва—центръ театральной жизни Россіи: сюда въ дни Великаго поста съѣзжается вся артистическая провинція, здѣсь обычно устраиваются всевозможные театральные съѣзды и пр. и пр...

Въ настоящее время въ Москвѣ до 14-ти театровъ и болѣе шести театральныхъ изданій („Маски“, „Рампа“, „Театральная газета“, „Актеръ“, „Театръ“, „Новости Сезона“ и нѣк. друг. болѣе мелкія). Въ Москвѣ функціонируетъ наибольшее число театральныхъ училищъ и курсовъ (Императорскіе, Филармоническаго о-ва, Попова, Халютиной, Миссалитинова, Званцева, Комиссаржевскаго, Ухова и др.). Московскіе театральные диспуты особенно часты и многолюдны, ибо здѣсь противъ „отрицателя“ театра Ю. Айхенвальда выступаютъ такіе московскіе апологеты театра, какъ Вл. Немировичъ-Данченко, А. Южинъ-Сумбатовъ и др.; здѣсь утверждается и охраняется святая святыхъ театра—творчество актера, которому такъ враждебны маріонеточныя новаторства петербургскаго режиссера В. Мейерхольда, отколовшагося отъ Москвы, вѣрной завѣтамъ Щепкина. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Москвѣ же возникъ первый въ Россіи театральный музей (музей А. Бахрушина), гдѣ собрано много цѣнныхъ матеріаловъ (книги, рисунки, портреты, модели и пр.) по исторіи русскаго театра.

За послѣдніе годы въ жизни театральной Москвы замѣчается одно новое теченіе: театръ не только

совершенствуется, онъ демократизируется. Не говоря о двухъ „Народныхъ“ домахъ (Сергіевскій и Введенскій), гдѣ малодостаточный обыватель можетъ за недорогую плату слушать приличную оперу и смотрѣть недурную драму, не говоря о небольшихъ, вполнѣ приличныхъ и вполнѣ доступныхъ небогатой публикѣ театрахъ, возникающихъ въ окраинныхъ участкахъ Москвы (таковы, напр., „Новый драмат. театръ“, „Общедоступный театръ Ухова“), необходимо указать на стремленія московской интеллигенціи обслуживать интересы широкихъ демократическихъ массъ населенія путемъ устройства „порайонныхъ“ театровъ.

Московское общество народныхъ университетовъ черезъ свои „порайонные комитеты“ знакомитъ въ недурныхъ спектакляхъ любителей населеніе окраинъ съ произведеніями лучшихъ русскихъ драматурговъ.

Вообще идея общедоступнаго, „народнаго“ театра все сильнѣе проникаетъ въ передовые круги театральной Москвы. Такъ, подъ сѣнью Художественнаго театра уже назрѣла организація, имѣющая цѣлью создать театръ для широкихъ массъ населенія.

Музыкальная жизнь Москвы.

Н. Кочетова.

Музыка искони была любимымъ развлеченіемъ славянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ старыя византійскія лѣтописи. На это указываетъ и высокая красота дошедшихъ до насъ древнихъ русскихъ пѣсенъ. Вкусъ къ музыкальной красотѣ продол-

жалъ жить въ русскомъ народѣ во всѣ послѣдующіе моменты исторической эволюціи и долженъ былъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ широкое развитіе музыкальной жизни въ сердцѣ русскаго народа—Москвѣ. Однако, въ то время, когда вся политическая жизнь была сосредоточена въ Петербургѣ и когда блескъ Имп. двора выдвигалъ петербургскіе театры, а жизнь Москвы проявлялась только въ торговлѣ, въ балахъ, праздникахъ и визитахъ барствующей Москвы, когда настоящей общественной жизни въ старой столицѣ не было,—музыка занимала въ московской жизни еще малозамѣтное мѣсто. Одинъ московскій Большой театръ представлялъ извѣстное значеніе. Значеніе крупнаго художественнаго музыкальнаго института сохранилось за нимъ и въ настоящее время, почему мы и начнемъ нашъ очеркъ съ Большого театра.

Большой театръ стоитъ на мѣстѣ стараго Б. театра, сгорѣвшаго въ 1853 г. Въ своемъ настоящемъ видѣ театръ отстроенъ въ 1856 г. къ коронаціи Александра II. Большой театръ является однимъ изъ самыхъ обширныхъ театровъ всего свѣта: онъ вмѣщаетъ 1740 человѣкъ. Эта цифра даетъ однако обманчивое представленіе о настоящихъ его размѣрахъ въ виду того, что публика размѣщена въ немъ просторно и что амфитеатры противъ сцены, при томъ не особенно глубокіе, въ первомъ и второмъ ярусахъ не примѣнены. Въ Европѣ лишь миланская „Скала“ соперничаетъ съ Большимъ театромъ, но только въ смыслѣ большей глубины сцены, высота же Большого театра больше „Скалы“. Половина театра, отведенная сценѣ, разсчитана такъ, что любая декорація можетъ

быть поднята наверхъ и спущена подъ сцену. Такимъ образомъ подвальная часть театра идетъ вглубь почти на половину высоты театра надъ землею (уровень сцены однимъ этажомъ выше земли). Театръ освѣщается электричествомъ и оборудованъ всѣми новѣйшими механическими приспособленіями. Мѣсто главнаго машиниста уже много лѣтъ занимаетъ высокодаровитый и популярный К. Ф. Вальцъ, являющійся и талантливымъ художникомъ-декораторомъ.

Большой театръ имѣетъ двѣ труппы: оперную и балетную. Въ составъ оперной труппы входятъ, помимо режиссеровъ, дирижеровъ и хормейстеровъ, 54 солиста, хоръ изъ 100 человѣкъ и оркестръ изъ 91 человѣка. Общее количество артистовъ балетной труппы почти 150 человѣкъ. Наиболѣе видными силами оперной труппы являются: г-жи Неждановa, Степанова, Гукова, Добровольская, Балановская и Южина и гг. Собиновъ, Боначичъ, Шаляпинъ, Петровъ и Лосскій. Въ превосходной балетной труппѣ особенно выдѣляются: г-жа Гельцеръ, Ѳедорова 2-ая, Коралли и Балашова и гг. Мордкинъ и Тихомировъ. Главными руководителями всей художественной работы Большого театра являются: режиссеръ г. Шкаферъ, дирижеры г. Куперъ и Сукъ, хормейстеръ г. Авранекъ, стяжавшій хору Большого театра европейскую славу, и балетмейстеръ г. Горскій, сумѣвшій вдохнуть въ балетъ новую жизнь.

Огромныя средства Большого театра, позволяющія доводить постановки до ослѣпительной роскоши, и наличность въ его труппахъ такихъ силъ, какъ г-жа Нежданова, гг. Собиновъ и Шаляпинъ и г-жа Гельцеръ обусловили то, что число желаю-

щихъ попасть на спектакли, оперные и балетные, значительно превышаетъ впускную способность театра, почему получить билетъ въ Большой театръ, особенно на недорогія мѣста, очень затруднительно. Причиною этого слѣдуетъ признать установленіе какъ для оперныхъ, такъ и для балетныхъ спектаклей абонементовъ, при чемъ число абонементныхъ спектаклей въ непраздничное время превышаетъ число спектаклей внѣ абонемента.

Помимо Большого театра въ Москвѣ функціонируютъ еще двѣ постоянныя оперы: С. И. Зимина и Сергіевскаго народного дома попечительства о народной трезвости.

Опера С. И. Зимина существуетъ уже десять лѣтъ и помѣщается въ театрѣ Солодовникова. Огромный театръ Солодовникова выстроенъ въ 1895 году. Два раза онъ горѣлъ. Послѣ второго пожара онъ получилъ свой настоящій оригинальный обликъ по эскизамъ академика К. А. Коровина. Цѣлесообразное расположеніе мѣстъ въ партерѣ и въ обширныхъ амфитеатрахъ обусловило то, что театръ Солодовникова вмѣщаетъ на 300 человѣкъ больше, чѣмъ Большой театръ. Сцена его значительно меньше сцены Большого театра. Театръ отличается чрезвычайно благопріятною акустикою. Въ театрѣ Солодовникова обращаетъ на себя вниманіе занавѣсъ, написанный знаменитымъ художникомъ Врубелемъ по заказу извѣстнаго мецената С. И. Мамонтова, принимавшаго живѣйшее участіе въ судьбахъ русской частной оперы и направлявшаго ея дѣятельность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ театрѣ Солодовникова. Частная опера въ театрѣ Солодовникова сыграла въ русской музыкальной жизни историческую роль. Въ этомъ

театрѣ впервые были поставлены многія русскія оперы, при чемъ эти постановки значительно содѣйствовали подъему интереса русскаго общества къ русской музыкѣ. Въ этомъ театрѣ впервые въ Россіи были поставлены оперы Римскаго-Корсакова „Садко“, „Царская невѣста“, „Кащей безсмертный“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“, впервые въ Москвѣ здѣсь была поставлена „Хованщина“ Мусорскаго. Въ этомъ же театрѣ состоялись первыя постановки и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ оперъ: „1812 годъ“ Калинникова, „Страшная месть“ Кочетова, „Илья Муромецъ“ Сѣровой и др. Изъ дававшихся же ранѣе русскихъ оперъ, многія получили свое репертуарное значеніе только послѣ постановки ихъ на сценѣ московской частной оперы. На сценѣ театра Солодовникова развился талантъ г. Шаляпина, перешедшаго въ Большой театръ послѣ нѣсколькихъ сезоновъ частной оперы. Частная опера дала русской сценѣ много выдающихся артистовъ: помимо г. Шаляпина слѣдуетъ назвать г-жу Забѣлу, Цвѣткову, Ростовцеву и Петрову-Званцеву и гг. Секара-Рожанскаго, Шевелева, Трубина и Осипова.

Въ послѣднее время частная опера С. И. Зимина располагала труппою солистовъ свыше 40 человѣкъ. Наиболѣе выдающимися членами этой труппы являлись: г-жи Друзякина, Кошицъ и Петрова-Званцева и гг. Дамаевъ, Бочаровъ, Дубинскій, Осиповъ, Сперанскій и Трубинъ. Художественной частью завѣдуетъ даровитый режиссеръ П. С. Оленинъ. Во главѣ оркестра стоятъ талантливый молодой дирижеръ-композиторъ М. М. Богриновскій и Е. Е. Плотниковъ. Репертуаръ оперы С. И. Зимина обширный и постоянно пополняется но-

винками, русскими и иностранными. (Плата за мѣста: утренніе спектакли отъ 10 к. до 17 р. 50 к., вечерніе—отъ 25 коп. до 40 р. 50 к.)

По сравненію съ Большимъ театромъ и оперою С. И. Зимина Сергіевскій народный домъ попечительства о народной трезвости имѣетъ гораздо меньшее значеніе; но невысокая плата за мѣста и удовлетворительно обставляемые спектакли побуждаютъ и этотъ театръ признать полезнымъ факторомъ московской музыкальной жизни. Зимою спектакли происходятъ въ зданіи Сергіевскаго народнаго дома на Новослободской улицѣ, лѣтомъ въ саду Алексѣевскаго народнаго дома, на 1-ой Брестской улицѣ (плата за мѣста отъ 10 к. до 1 р. 60 к.)

Недурно исполняются небольшія оперы и другія одноактныя пьесы въ театрѣ одноактныхъ пьесъ (Миніатюры), основанномъ М. Арцыбушевой (Тверская, Мамоновскій пер.). Въ вечеръ даются три спектакля (плата отъ 40 к. до 2 р.).

Огромное развитіе получила за послѣдніе года концертная жизнь Москвы. Въ настоящее время зимою устраиваются три серіи вечернихъ симфоническихъ концертовъ (Имп. Рус. муз. общества, Филармоническаго общества и С. А. Кусевицкаго). Въ каждой серіи 8 абонементныхъ концертовъ. Помимо этого даются двѣ серіи общедоступныхъ симфоническихъ дневныхъ концертовъ—Русскимъ муз. обществомъ и С. А. Кусевицкимъ. С. А. Кусевицкій устраиваетъ еще отдѣльные циклы симфоническихъ концертовъ, такъ, напримѣръ, въ сезонъ 1913—1914 года былъ устроенъ циклъ изъ 3-хъ концертовъ, посвященныхъ Баху. Характеръ всѣхъ этихъ концертныхъ предпріятій одинаковъ:

программы ихъ, отличаясь объективностью, даютъ мѣсто сочиненіямъ всѣхъ эпохъ, отъ классиковъ до современныхъ композиторовъ крайне-новаторскихъ оттѣнковъ. Программы, по обычаю, заключаютъ въ себѣ крупныя оркестровыя произведенія и нумера солистовъ, пѣвцовъ и инструменталистовъ.

Симфоническія собранія Рус. муз. общества основаны Н. Г. Рубинштейномъ, создателемъ московской консерваторіи, и происходятъ въ новомъ зданіи консерваторіи, выстроенномъ въ бытность директоромъ ея В. И. Сафонова. Большой залъ консерваторіи вмѣщаетъ почти 2.000 человѣкъ. Огромный органъ, украшающій его эстраду, пожертвованъ В. П. Дервизомъ и стоитъ около 40.000 рублей, но по многимъ своимъ недостаткамъ не можетъ быть признанъ первоклассным. Залъ украшенъ медальонами съ портретами композиторовъ, скопированными съ популярныхъ портретовъ художникомъ Бодаревскимъ. Обычно симфоническія собранія начинаются въ октябрѣ и заканчиваются Великимъ постомъ. Абонементная плата колеблется между 100 и 15 рублями. Большинствомъ концертовъ дирижируетъ капельмейстеръ Большого театра Э. А. Куперъ, но приглашаются и гастролеры.

Пользующіяся большею популярностью симфоническія собранія Филармоническаго общества происходятъ въ Большомъ залѣ Благороднаго собранія, вмѣщающемъ съ боковыми гостиными до 3.000 человѣкъ. Абонементъ на эти собранія обыкновенно бываетъ разобранъ и, при ограниченіи числа входныхъ разовыхъ билетовъ (по 5 рублей), попасть на эти собранія трудно. За послѣдніе сезоны большинство этихъ собраній

происходитъ подъ управленіемъ С. В. Рахманинова, но приглашаются и другіе дирижеры: гг. Никишъ, Менгельбергъ, Сафоновъ, Зилоти и другіе. Обычно эти концерты происходятъ по субботамъ и, въ силу соглашенія съ дирекціею Русскаго музыкальнаго общества, чередуются съ собраніями послѣдняго. Симфоническія собранія Филармоническаго общества существуютъ съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Концерты С. А. Кусевицкаго происходятъ по средамъ, большею частью подъ управленіемъ самого С. А. Кусевицкаго, отчасти подъ управленіемъ приглашаемыхъ извѣстныхъ дирижеровъ. Тогда какъ составъ оркестра въ собраніяхъ Русскаго музыкальнаго и Филармоническаго обществъ не вполнѣ устойчивъ—оркестры составляются изъ артистовъ оркестровъ Большого театра и оперы С. И. Зимина и изъ другихъ наличныхъ оркестровыхъ силъ, въ концертахъ г. Кусевицкаго принимаетъ участіе только его великолѣпный, спеціально симфоническій оркестръ. Оркестръ сформированъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и достигъ въ настоящее время высокой степени сыгранности.

Большой популярностью пользуются хорошіе утренніе общедоступные концерты Русскаго музыкальнаго общества, безсмѣннымъ дирижеромъ которыхъ является С. Н. Василенко. Утренніе концерты С. А. Кусевицкаго менѣе популярны, но заслуживаютъ полнаго вниманія. Дирижируютъ въ нихъ г. Орловъ и другіе артисты.

Параллельно съ развитіемъ всевозможныхъ симфоническихъ концертовъ умножились и вечера и утра камерной музыки. Каждый сезонъ двѣ—три серіи вечеровъ камерной музыки устраиваетъ Рус-

ское музыкальное общество и нѣсколько серій даются и отдѣльными артистами и ассоціаціями ихъ по два—по три. Такъ, была серія сонатъ Баха въ передачѣ г.г. Сибора и Орлова, серія историческихъ утръ г.г. Крейна, Шора и Эрлиха и мн. др.

Лѣтомъ концертная жизнь замираетъ, но не совсѣмъ. Отличные концерты съ хорошей программою, хорошими солистами и хорошимъ оркестромъ даются въ павильонѣ такъ называемаго „Сокольничьяго круга". Эти концерты были основаны при городскомъ головѣ Н. А. Алексѣевѣ, около 1890 года. Характеръ ихъ измѣнялся въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которымъ предоставлялось ихъ устройство. Въ настоящее время организацію этихъ концертовъ взялъ на себя С. А. Кусевицкій, прекрасный оркестръ котораго придаетъ имъ большой интересъ. Концерты происходятъ три раза въ недѣлю: по пятницамъ—симфоническіе съ серьезной программою, по вторникамъ и воскресеньямъ программа болѣе легкаго типа. Воскресные концерты имѣютъ общедоступный характеръ. Недурные лѣтніе концерты даются и въ Алексѣевскомъ народномъ домѣ попечительства о народной трезвости.

Общая физіономія болѣе серьезныхъ концертовъ за послѣдніе годы нѣсколько измѣнилась. Тогда какъ прежде пестрота и разнообразіе программы считались за ея достоинство, въ настоящее время всѣ учрежденія и отдѣльныя лица стараются по возможности выдержать въ программѣ опредѣленный стиль. Въ крайнемъ случаѣ выдерживается въ одномъ характерѣ цѣлое отдѣленіе программы. Такимъ образомъ концерты получаютъ значеніе

монографій отдѣльнаго композитора, цѣлой школы или опредѣленной эпохи: вечеръ Чайковскаго, Брамса, Вагнера, новофранцузовъ, новонѣмцевъ и т. п. Конечно, случаются и исключенія, обусловленныя главнымъ образомъ тѣмъ, что приглашаемые солисты являются съ заранѣе приготовленными вещами; но съ каждымъ годомъ эти исключенія дѣлаются рѣже. Эта тенденція замѣчается не только на серьезныхъ концертахъ, преслѣдующихъ прежде всего художественныя цѣли, но и на случайныхъ концертахъ, даже на нѣкоторыхъ вечерахъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью. Подобные концерты и вечера иногда сопровождаются вступительными чтеніями, дающими исторически-музыкальныя поясненія къ программѣ. Такія поясненія вошли въ обычай въ вечерахъ, устраиваемыхъ обществомъ народныхъ университетовъ, народной консерваторіею и др. Это явленіе свидѣтельствуетъ объ эволюціи, происшедшей въ нашей публикѣ, и связано съ перенесеніемъ центра тяжести ея вниманія съ исполнителей на исполняемое, что въ свою очередь обусловлено значительно подвинувшимся впередъ музыкальнымъ развитіемъ всей массы нашей публики. Это развитіе имѣло своимъ послѣдствіемъ желаніе не просто слушать пріятные голоса и удивляться блеску технической виртуозности, но желаніе сознательно воспринимать глубокую красоту музыкальныхъ произведеній. Примѣры концертныхъ пѣвицъ г-жъ Олениной д'Альгеймъ и Янъ-Рубанъ, не столько отличающихся голосовыми данными, сколько умѣющихъ выпукло представить музыкальную и поэтическую суть произведенія, подтверждаютъ высказанную нами мысль. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ

трудно было представить себѣ возможность успѣха пѣвцовъ съ подобными голосами.

Къ огромному количеству разныхъ абонементныхъ концертовъ и концертовъ, даваемыхъ мѣстными силами—отдѣльными лицами, школами и учрежденіями,—присоединяется еще масса концертовъ заѣзжихъ артистовъ, русскихъ и иностранныхъ. Это обиліе концертовъ, изъ которыхъ только рѣдкіе не имѣютъ матеріальнаго успѣха, также доказываетъ увеличеніе интереса къ чистой музыкѣ. Этотъ интересъ отчасти объясняется и тѣмъ, что опера послѣ Вагнера дала очень мало новаго, а концертная музыка, вокальная и инструментальная, дало много такого, значеніе чего, конечно, еще не опредѣлилось, но что побуждаетъ насъ съ интересомъ слѣдить за происходящею на нашихъ глазахъ музыкальной эволюціею. Собственно въ Москвѣ публика ясно раздѣлилась на двѣ группы: поклонниковъ С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Первая группа значительно многочисленнѣе. Она создалась въ силу того обоянія, которое даетъ г. Рахманинову его яркій тройной талантъ: композитора, піаниста и дирижера. Москва всегда горячо любила Чайковскаго и его творчество. Постоянно развивающійся Рахманиновъ въ началѣ своего творчества опирается на Чайковскаго, при чемъ эта опора зиждется не на сходствѣ внѣшнемъ, а на сходствѣ болѣе глубокаго свойства, на сходствѣ настроеній и чувствъ, отражаемыхъ его музыкою, на искренности творчества, на грандіозѣ замысла, на субъективности. Высокодаровитый Скрябинъ, творчество котораго послѣдовательно опиралось на Шопена и Вагнера, въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ отказался отъ исторически сло-

жившихся формъ и оборотовъ музыкальнаго языка и пошелъ, подобно Дебюсси, Ребикову и друг., на путь исканій. Этотъ поворотъ привлекъ къ нему, помимо лицъ, чувствующихъ его специфическій композиторскій талантъ, и тѣхъ, кто особенно сильно резонируетъ на всѣ явленія современнаго модернизма, увлекающагося всѣмъ новымъ прежде всего въ силу его новизны. Такимъ образомъ въ московской музыкальной жизни имена Рахманинова и Скрябина какъ бы знаменуютъ собою музыкальную эволюцію и революцію. Консервативное по существу искусство—музыка даетъ перевѣсъ эволюціонистамъ.

Общее развитіе музыкальной жизни въ Москвѣ сдѣлало сильнѣйшій скачокъ впередъ, когда серьезная музыка, когда то развлекавшая немногихъ любителей, захватила широкіе круги городского населенія, получила общественное значеніе. Признаками такого поворота являются нарождающіеся общества и кружки, имѣющіе цѣлью культъ музыки, въ видѣ ли концертовъ, въ видѣ ли музыкально-педагогическихъ учрежденій. Позже появляются и музыкально-благотворительныя начинанія. Въ Москвѣ отдѣленіе Имп. рус. музыкальнаго общества основано Н. Г. Рубинштейномъ въ 1860 г., и въ 1863 г. имъ же основана московская консерваторія. Въ настоящее время директоромъ московской консерваторіи, хотя и состоящей при московскомъ отдѣленіи Русскаго музыкальнаго общества, но управляющейся автономно, состоитъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, нѣсколько трехлѣтій избираемый художественнымъ совѣтомъ.

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини

Маріи Георгіевны московское Филармоническое общество преобразовано въ 1883 году изъ „Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ“. Въ этомъ же году перешла въ вѣдѣніе новаго общества частная музыкальная школа, основанная въ 1878 г. П. А. Шостаковскимъ, который до 1897 года стоялъ во главѣ Музыкально-Драматическаго училища, какъ была названа его школа по переходѣ ея къ обществу, и управлялъ концертами общества. Послѣ П. А. Шостаковскаго директорами М.-Др. училища были: С. Н. Кругликовъ, гг. Кэсъ, Хессинъ и Конюсъ. Съ 1906 года директоромъ училища состоитъ А. А. Брандуковъ. Въ общихъ чертахъ программа М.-Др. училища напоминаетъ консерваторскую, но требованія къ музыкально-образовательнымъ обязательнымъ предметамъ въ М.-Др. училищѣ строже. Вся собственно педагогическая и художественная сторона находится въ вѣдѣніи директора и художественнаго совѣта училища. Утвержденіе педагогическаго персонала и всей матеріальной стороны зависитъ отъ правленія общества, которое избираетъ и директора. По всѣмъ существеннѣйшимъ вопросамъ окончательное рѣшеніе постановляется Августѣйшею покровительницею общества.

Московское Синодальное училище имѣетъ цѣлью дать музыкально-образованныхъ регентовъ и учителей хорового пѣнія. Его обширная программа заключаетъ въ себѣ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ дѣятельности регента, какъ руководителя, учителя и музыкальнаго воспитателя хора (полный курсъ теоріи музыки, пѣніе, фортепіано, скрипка, віолончель, подробное изученіе церковно-музыкальной литературы, исторія музыки, исторія

искусства, народная музыка и общеобразов. предметы). Директоромъ училища состоитъ А. Д. Кастальскій.

Народная консерваторія имѣетъ цѣлью распространеніе музыкальнаго знанія въ широкихъ слояхъ населенія. Въ ней имѣются хоровые, сольные и муз.-образовательные классы. Плата за ученіе: 4 руб. въ хоровомъ классѣ и 20 руб. (50 руб. для сверхкомплектныхъ) въ сольныхъ классахъ, справки можно получать: а) въ канцеляріи Н. консерваторіи (Мал. Бронная, № 15, помѣщеніе Петровско-Тверского гор. училища) по понедѣл. и пятницамъ отъ $7^1/_2$—$9^1/_2$ ч. вечера, и б) въ секретаріатѣ Общ. Народнаго университета (Арбатъ, № 25, кв. 8) по вторн. и пятницамъ отъ 12—1 ч. дня.

Въ Москвѣ имѣется огромное количество частныхъ музыкальныхъ школъ, изъ которыхъ большинство перечислено въ „Музыкальномъ календарѣ“ муз. издательства „Русланъ“, и классовъ по отдѣльнымъ спеціальностямъ. Изъ частныхъ школъ слѣдуетъ указать на: „Женскій музыкально-педагогическій институтъ“ Е. Н. Визлеръ (Б. Никитская, 46), на муз. училище Е. и М. Гнѣсиныхъ (Собачья площадка, 5), на оперно-муз. курсы и драм. студ. А. Ф. Морозова и Н. Н. Званцева (Б. Чернышевскій пер., 12).

Помимо Русскаго музыкальнаго и Филармоническаго обществъ, въ музыкальной жизни Москвы имѣютъ значеніе еще слѣдующія общества: симфоническая капелла В. А. Булычева, который ежегодно устраиваетъ нѣсколько концертовъ, программы которыхъ посвящаются ораторіямъ, мессамъ и друг. сложнымъ вокально-иструментальнымъ сочиненіямъ, Русское хоровое общество, высту-

пающее въ симф. собраніяхъ и дающее ежегодно свой концертъ, Моск. Общ. распространенія камерной музыки, „Домъ пѣсни“ М. А. Олениной-д'Альгеймъ и два нѣмецкихъ общества „Лидертафель“ (Liedertafel) (собр. по вторникамъ въ „Русской палатѣ“ Славянскаго базара) и Moskauer Mäuner Gesang-Verein (по четвергамъ въ той же „Русской палатѣ“).

Изъ музык.-благотворительныхъ учрежденій укажемъ на: Моск. Общ. взаимопомощи оркестр. музыкантовъ (бюро—Тверская, Пименовскій пер., 5, 10—4 дня); общ. взаимопомощи регентовъ церк. хоровъ (Бол. Афанасьевскій пер., 27, кв. 2); Фондъ для вспомощ. вдовамъ и сиротамъ артист. музыкантовъ въ Москвѣ (Б. Никитская, зд. консерваторіи).

Изъ музыкальныхъ хранилищъ Москвы необходимо отмѣтить библіотеки: Московской консерваторіи (предметы выдаются на руки только лицамъ, извѣстнымъ лично директору консерваторіи), синодальнаго училища (цѣнныя рукописи) и общества „Музыкально-Техническая библіотека“ (безплатная читальня въ зд. консерваторіи открыта по вторн., четв. и субботамъ 6—9 ч. вечера и по воскресеньямъ 3—6 ч. дня).

Абонементъ на чтеніе нотъ, съ выдачею на руки, имѣется при муз. магазинахъ: А. Ф. Зейвангъ (Кузнецкій Мостъ, 12), К. И. Мейкова (Петровскія линіи, 11) и О. Е. Сабининой (Арбатъ, 32).

Наравнѣ съ развитіемъ свѣтской музыки шло развитіе и русской церковной музыки, и въ Москвѣ, гдѣ Кремлевскіе соборы являются одною изъ наиболѣе чтимыхъ русскихъ святынь, церков-

ное пѣніе всегда имѣло огромный кругъ любителей. Въ послѣдніе годы и въ области церковнаго пѣнія произошла эволюція, совпадающая съ разрѣщеніемъ пѣть въ церквахъ женщинамъ. Формированіе и обученіе хоровъ безъ дѣтскихъ голосовъ значительно легче, чѣмъ содержаніе хоровъ, половина которыхъ состоитъ изъ мальчиковъ. Мальчиковъ труднѣе обучать, содержаніе ихъ, сопряженное съ необходимостью давать имъ общее образованіе, стоитъ дорого. Поэтому прежде можно было браться за это дѣло только въ томъ случаѣ, если организовывался большой хоръ, такъ какъ содержаніе каждаго отдѣльнаго мальчика обходится дешевле при большомъ числѣ ихъ. Отсюда прежде господствовала система большихъ хоровъ, дробившихся для службы на отдѣльные хоры, составъ которыхъ мѣнялся. Теперь все чаще и чаще наблюдается образованіе при церквахъ отдѣльныхъ своихъ хоровъ, нерѣдко съ участіемъ любителей. Въ составъ этихъ хоровъ, помимо профессіональныхъ церковныхъ пѣвцовъ, входятъ ученицы и ученики музыкальныхъ училищъ, иногда послѣднихъ курсовъ, получающихъ такимъ путемъ заработокъ. Изъ такихъ мѣстныхъ хоровъ особенно выдѣляются: хоръ, поющій подъ управленіемъ г. Иванищева въ церкви св. Сергія на Бол. Дмитровкѣ, хоръ подъ управленіемъ извѣстнаго регента и церковнаго композитора П. Г. Чеснокова, поющій въ церкви св. Троицы на Грязяхъ, у Покровскихъ воротъ, и хоръ И. И. Юхова, поющій въ церкви Успенія на Могильцахъ, недалеко отъ Пречистенки. Изъ частныхъ хоровъ, дробимыхъ на отдѣльныя группы, слѣдуетъ назвать хоры: Ф. А. Иванова, Л. С. Васильева, А. П. Архангельскаго и А. П. Петрова.

Во главѣ московскихъ церковныхъ хоровъ стоитъ великолѣпный, стяжавшій себѣ міровую славу, Синодальный хоръ, поющій въ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ. Этотъ хоръ нѣсколько связанъ съ Синодальнымъ училищемъ, такъ какъ всѣ поющіе въ немъ мальчики состоятъ учениками училища, гдѣ и получаютъ среднее общее и полное музыкальное образованіе. Директоромъ этого хора состоитъ извѣстный композиторъ А. Д. Кастальскій, регентомъ высокодаровитый Н. М. Данилинъ, помощниками регента Н. Н. Толстяковъ и Н. Д. Голованов. Къ числу древнихъ московскихъ хоровъ относится и Чудовскій хоръ, основанный въ 1750 году, одно время гремѣвшій подборомъ голосовъ, но пришедшій въ упадокъ. Теперь съ переходомъ его въ завѣдываніе о. Аллеманова, извѣстнаго церковно-музыкальнаго дѣятеля, можно ожидать его возрожденія.

Архитектура Москвы.

I. Московское зодчество до конца XVII в.

Б. фонъ-Эдинга.

Несомнѣнно, что чарующее своеобразіе Москвы въ значительной мѣрѣ обусловлено московской архитектурой. Во всѣ эпохи древне-московскаго строительства и пышнаго зодчества уже императорской и дворянской Россіи Москва вносила свои самобытныя черты. Старые альбомы видовъ и современныя открытки всегда даютъ рядъ архитектур-

ныхъ памятниковъ старой Москвы, тѣмъ воскрешая впечатлѣнія о „первопрестольной“. Въ не меньшей степени характерны для Москвы топографическія условія,—семь холмовъ столицы и ея прибрежность, но нужно вспомнить, сколько городовъ въ Россіи, да и на всемъ свѣтѣ, съ еще лучшими условіями мѣста не останавливаютъ вниманіе любителя красоты.

Въ теченіе многихъ столѣтій строилась и откладывалась Москва въ характернѣйшей путаницѣ улицъ, тупиковъ, неожиданныхъ переулковъ, приводящихъ въ отчаяніе серьезныхъ и дѣловыхъ людей нашего времени. Впрочемъ, за послѣднія два столѣтія въ развѣнчанной, но необозримо растущей столицѣ удалось кое-что выпрямить и подчистить; мѣста стѣнъ и глубокихъ рвовъ заняли уже тѣнистые бульвары, засыпаны рѣчки, болота и пруды, для благоустройства новыхъ площадей разрушили нѣсколько соборовъ и безчисленное количество церквей. Но не безслѣдно для науки сохранилось нѣсколько названій, составляющихъ предметы глубоко-научныхъ и тонко-художественныхъ споровъ.

Но въ общей своей картинѣ обликъ Москвы неискоренимъ. Здѣсь красивое разнообразіе природы навсегда сочеталось съ разнообразной красотой архитектуры.

Исторія московской архитектуры не составляетъ исторіи всего русскаго зодчества. Москва была и навсегда будетъ центромъ Россіи, но центромъ сравнительно позднимъ. Великія культуры Кіева, Ростова, Владиміра и Новгорода погибли естественнымъ умираніемъ или же были задавлены возрастающей на ихъ счетъ Москвой. И въ томъ

и въ другомъ случаѣ новая столица является наслѣдницей не только ихъ политическаго и религіознаго значенія, но и художественнаго. Долгое время Москва въ архитектурѣ и въ иконописи живетъ старыми традиціями, то владимірскими, то новгородскими.

Соборъ Спаса на Бору (1329 г.), несмотря на всѣ искажающія передѣлки и пристройки, даетъ нѣкоторое представленіе о первоначальной московской архитектурѣ. Низкій, одноглавый соборъ былъ очень невеликъ. Возрастающая Москва не могла долго мириться съ такимъ искусствомъ; соотвѣтственно съ новымъ положеніемъ появляется потребность въ новыхъ роскошныхъ храмахъ. Но московскіе мастера не могли справиться съ серьезными задачами своего времени: возводимый ими Успенскій соборъ рухнулъ, и Іоаннъ III, желавшій возможно скорѣе украсить столицу, обращается къ европейскому искусству. Въ послѣдней четверти 15 вѣка въ Россію пріѣзжаютъ итальянцы Фіоровante, Алевизъ, Пьетро Соллеріо и др. Почти всё значительное, что было сооружено въ концѣ 15 вѣка и началѣ 16-го, принадлежитъ этимъ мастерамъ. Такимъ прежде всего является Успенскій соборъ (1475—1479 гг.), построенный Фіоровante, прозваннымъ Аристотелемъ.

Если поставить вопросъ, къ какому изъ общеизвѣстныхъ европейскихъ стилей слѣдуетъ отнести Успенскій соборъ, то долго не находишь отвѣта. Соборъ воздвигнутъ значительнымъ мастеромъ итальянскаго ренессанса, но если мы будемъ искать въ Успенскомъ соборѣ архитектурныхъ формъ Возрожденія,—мы ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей (карнизы и уничтоженныя капители внутреннихъ столбовъ), не найдемъ. Страннымъ бы

показался соборъ на страницахъ исторіи итальянской архитектуры. Заѣзжимъ итальянцемъ въ далекой Московіи былъ созданъ храмъ, не сыгравшій, повидимому, въ творчествѣ самого Фіорованте никакой роли: ни до поѣздки Аристотеля въ Россію, ни послѣ, въ его творчествѣ не встрѣчаются формы Успенскаго собора. И въ то же время какимъ органическимъ центромъ является соборъ въ Кремлѣ и какъ необходимо нужно видѣть его на страницахъ именно русскаго искусства. Правда, здѣсь рядомъ съ предыдущими и послѣдующими созданіями русскаго зодчества неминуемо гибнутъ историческіе предразсудки, и прежде всего о подражаніи въ Успенскомъ соборѣ Москвы Успенскому собору Владиміра. Три столѣтія раздѣляютъ главные соборы Владиміра и Москвы, и можно сказать, ни одинъ изъ дней въ этихъ столѣтіяхъ не прошелъ безслѣдно для новаго искусства. Владимірскій соборъ былъ созданъ въ 12 вѣкѣ своеобразнѣйшей отраслью романскаго стиля. Московскій Успенскій соборъ выражаетъ собою совершенно иное пониманіе массъ камня, границъ плоскостей и всѣхъ архитектурныхъ формъ. Правда, соборы схожи въ числѣ главъ и алтарныхъ абсидъ, но они разнятся во всемъ остальномъ.

Просты и мощны стѣны Успенскаго собора. На нихъ показаны лишь самыя необходимыя дѣленія массъ, но все связано и объединено ясными и логичными пропорціями: надъ монументальными стѣнами сильно круглятся могучіе главы и купола. Войдя во внутрь собора, понимаешь, что онъ былъ построенъ итальянцемъ, что итальянецъ этотъ былъ представитель ренессанса, и представитель въ высокой степени замѣчательный. Внутри соборъ по-

Успенскій соборъ съ юго-восточной стороны.

лонъ воздуха и свѣта. Стѣны, казавшіяся массивными снаружи, производятъ впечатлѣніе тонкихъ, почти хрупкихъ внутри, когда сравниваешь ихъ съ огромными внутренними пространствами. Надъ стѣнами и столбами рисуются широко-открытые купола и легко положенные своды.

Успенскій соборъ всѣмъ существомъ своимъ принадлежитъ исторіи русскаго искусства, но нужно помнить, что русскій храмъ осуществленъ въ немъ съ геніальностью итальянскаго ренессанса.

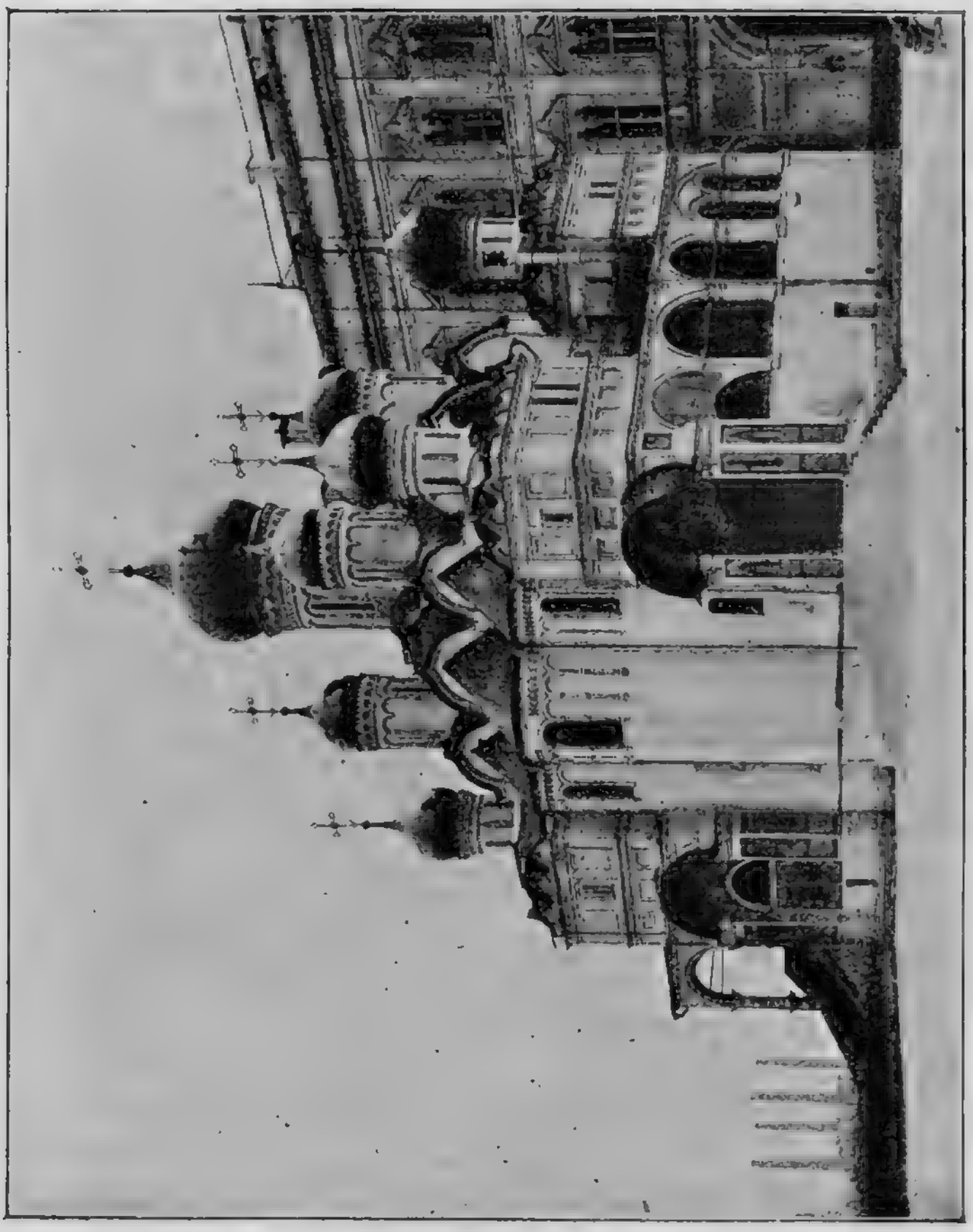
Въ это же время воздвигались въ Кремлѣ храмы, принадлежащіе областному русскому строительству; таковы постройки псковичей: церковь Ризъ Положенія (1486 г.) и Благовѣщенскій соборъ.

Въ особенности интересенъ Благовѣщенскій соборъ; въ немъ своеобразная передача формъ Владимірскаго собора встрѣтилась съ псковскими конструктивными и декоративными пріемами. Центральная глава собора стоитъ на двойномъ ряду кокошниковъ; ими передана сложность покрытія Владимірскаго собора, образовавшаяся послѣ обстройки собора вторымъ рядомъ стѣнъ [1]).

Помимо церквей и соборовъ въ Кремлѣ воздвигался новый каменный дворецъ, отъ котораго сохранилось немного: искаженныя передѣлками Грановитая и Золотая палаты, нѣсколько наличниковъ и карнизовъ и проч. Весь Кремль былъ окруженъ рядомъ стѣнъ съ башнями. Двойные и тройные ряды зубчатыхъ стѣнъ, глубокіе рвы и рѣчки дѣлали Кремль неприступной твердыней, стѣны и

---

[1]) Благовѣщенскій соборъ былъ построенъ пятиглавымъ, четыре угловыхъ придѣла были поставлены при Іоаннѣ Грозномъ.



Благовѣщенскій соборъ съ сѣверо-восточной стороны.

башни носили характеръ строгости и суровости [1]).

Но великая историческая роль творчества итальянскихъ мастеровъ далеко не исчерпывается перечисленнымъ рядомъ памятниковъ. Въ 1509 году архитекторъ Алевизъ заканчиваетъ Архангельскій соборъ. Новый храмъ былъ украшенъ со всей утонченной роскошью итальянскаго ренессанса, его стѣны расчленяютъ пилястры и карнизы. Но не отдѣльнымъ этимъ элементамъ, извѣстнымъ въ Россіи и раньше, а организаціи ими архитектурныхъ плоскостей суждено было имѣть въ будущемъ творчествѣ Москвы великое значеніе.

Работы въ Россіи итальянскихъ архитекторовъ вотъ уже въ теченіе двухъ поколѣній образовали въ странѣ цѣлую школу новыхъ зодчихъ. Живѣйшее движеніе въ московской архитектурѣ 30—50 годовъ 16 вѣка было вызвано выступленіемъ въ путь этой новой школы.

Въ Московской Руси 14—15 вѣковъ пала не только техническая сторона каменнаго зодчества; какъ это всегда бываетъ, паденіе „техники“ знаменовало собою вообще невысокій уровень творчества. Въ Архангельскомъ соборѣ были проявлены декоративные и конструктивные элементы формы, съ помощью которой въ каменную архитектуру творчески переводились формы русскаго деревяннаго зодчества. Это движеніе создало безконечно богатую и счастливую эпоху въ московской архитектурѣ.

Начальными примѣрами ея изъ сохранившихся памятниковъ можно считать два подмосковныхъ

---

[1]) Башни Кремля были ниже, чѣмъ теперь; украшающія ихъ вышки поставлены уже въ 17—19 вв.

Архангельскій соборъ съ сѣверо-западной стороны.

храма села Дьякова (1529 г.) и села Коломенскаго (1532 г.); вполнѣ развитымъ и сложнымъ примѣромъ того же теченія является храмъ Василія Блаженнаго или Покровскій соборъ въ Москвѣ, на Красной площади (1560 г.). Храмъ Василія Блаженнаго представляетъ собою группу девяти церквей; средній храмъ, съ шатровымъ верхомъ, значительно выше другихъ, вокругъ него четыре большихъ церкви чередуются съ четырьмя меньшими. Въ группѣ заключена ясная и строгая симметрія, но не смежная, а чередующихся членовъ. При безконечномъ разнообразіи отдѣльныхъ формъ общее равновѣсіе и единство въ движеніи вверхъ всей группы. Храмы образуютъ пирамиду, состоящую изъ диковинныхъ формъ и диковинныхъ пространствъ; большія разнообразныя главы тѣсно высятся почти у основанія средняго шатра; слитность, очень не выгодная для единичныхъ элементовъ, позволяетъ улавливать здѣсь единый художественный организмъ. Не меньше мудрости было проявлено и въ декоративномъ убранствѣ наружныхъ стѣнъ: карнизы и полуколонки твердо стягиваютъ всѣ плоскости; расцвѣченныя кадели, а то просто рядъ кирпичей даютъ необходимѣйшіе акценты и границы. Послѣ, въ 17 вѣкѣ, искусство знало эпохи еще большей украшенности, но ему была уже чужда глубокая художественная организація, сказавшаяся въ храмѣ Василія Блаженнаго. Впечатлѣніе это, важное для выясненія характера двухъ эпохъ въ русской архитектурѣ, лучше всего провѣрить у самаго храма, разбираясь въ передѣлкахъ и дополненіяхъ 17-го вѣка.

Раньше храмы свободно высились на открытыхъ парапетахъ; въ 17 вѣкѣ утратили любовь къ древ-

ней стройности и четкости — накрыли парапетъ сводчатой галлереей, и тѣмъ сдѣлали неяснымъ взаимоотношеніе и мѣстостояніе отдѣльныхъ придѣловъ. Тогда же были заложены арки подъ лѣстницами и боковыми балконами парапетовъ. Теперь низъ всего храма рисуется слишкомъ однообразнымъ; въ старину сплошныя стѣны придѣловъ чередовались съ открытыми арками угловъ. Въ 17 же вѣкѣ были поставлены два крыльца, занявшія мѣста древнихъ всходовъ, прямыхъ и открытыхъ. Очень уютныя крыльца слишкомъ велики и совершенно не идутъ къ строго-вертикальнымъ массамъ храма; одновременно съ крыльцами была поставлена и колокольня въ сырыхъ расползшихся формахъ. Раньше у храма была стройная звонница.

Обращаясь къ дальнѣйшему ходу архитектуры, мы отмѣчаемъ колокольню „Иванъ Великій“, представляющую изъ себя сложный комплексъ зданій, воздвигавшихся около ста лѣтъ (1532—1624).

Древнѣйшая, средняя, часть представляетъ изъ себя „псковскую звонницу“ съ арками для колоколовъ, расположенными по ярусамъ [1]), съ южной стороны ея былъ поставленъ „Годуновскій столбъ“, завершённый къ 1600 году. Эта часть—образецъ архитектуры рубежа 16 и 17 вв.

Колокольня образована тремя восьмисторонними ярусами. Ярусы замѣтно расширяются, по мѣрѣ приближенія къ землѣ; всѣ массы и линіи сокращаются въ гораздо большей степени, чѣмъ перспективно, что придаетъ колокольнѣ величавость и, одновременно, легкость. „Столбъ“ украшенъ

---

[1]) Была взорвана въ 1812 году, какъ и Филаретовская сѣверная пристройка.

только соотношеніемъ ярусовъ и разбивкой реберъ и граней.

Съ сѣвера къ центральной части „Ивана Великаго“ примыкаетъ постройка-уже Михаила Ѳеодоровича — „Филаретовская“ пристройка. Маленькіе шатрики производятъ впечатлѣніе дробности и большой украшенности; и то и другое было возведено въ художественный идеалъ 17 вѣка. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ „Теремной дворецъ“, построенный къ 1636 году на старыхъ бѣлокаменныхъ палатахъ. Дворецъ состоялъ изъ цѣлаго ряда теремовъ, соединяющихся открытыми и сводчатыми переходами; богатая рѣзьба изъ камня у оконъ и карнизовъ покрывала стѣны пестрымъ разнообразнымъ узоромъ. Во всей группѣ былъ заложенъ своеобразный строй и четкость: карнизы и лопатки раздѣляли внѣшнее сообразно съ внутреннимъ расположеніемъ палаты и храмы завершались разнообразнѣйшими верхами, разсчитанными съ назначеніемъ постройки и условіями мѣста.

Въ современномъ состояніи Теремной дворецъ почти недоступенъ разсмотрѣнію и правильной оцѣнкѣ. Забитые громадой—новымъ дворцомъ,— терема потеряли крыльца, всходы и открытыя площадки; уютные покои расписаны безграмотными узорами, пародирующими древне-русское „палатное письмо“.

Въ постройкахъ 40—60-хъ гг. 17 вѣка московская архитектура вырабатываетъ совершенно новый архитектурный типъ, получившій выраженіе въ церквахъ Рождества Богородицы въ Путинкахъ (1652 г.) (около Страстного монастыря), Грузинской Божіей Матери и Останкинской церкви. Контуры зданія представляютъ наибольшую сложность. Почти всѣ

прямыя линіи, вертикальныя и горизонтальныя, перебиты. Детали умножены; онѣ громоздятся на поверхности и въ вскрытой глубинѣ стѣнъ. На этихъ храмахъ трудно найти значительной кусокъ стѣны, на которомъ не играли бы свѣтъ и тѣнь причудливой смѣны возвышающихся и углубленныхъ узоровъ.

Середина 17 вѣка создала рядъ интереснѣйшихъ памятниковъ чисто-живописнаго пониманія архитектурныхъ задачъ. Въ Москвѣ это была пора своеобразнаго барокко. Всего замѣчательнѣе— живописно-барочныя впечатлѣнія создавались здѣсь совершенно иными, чѣмъ на Западѣ, элементами. Поэтому можно говорить объ общности чувства, но не способовъ выраженія. „Европейскія“ формы пришли позже, въ третьей четверти 17 вѣка, но и онѣ давались всегда въ своеобразномъ перетолкованіи. Середина же и третья четверть вѣка представляются во всемъ блескѣ русской архитектуры. Страна покрылась безчисленными памятниками посвоему блестящаго вѣка. Въ провинціи создаются свои школы, вырабатываются мѣстные архитектурные типы; кое-что приходитъ въ столицу съ нѣкоторымъ запозданіемъ... Но живое и разнообразное искусство 17 вѣка и до сихъ поръ еще съ трудомъ поддается научному учету. Можно полагать, что въ 60-хъ годахъ въ московской архитектурѣ выдѣляется опредѣленное теченіе, вновь искавшее простоты и стройности. Правда, общія архитектурныя массы не утрачивали почти ничего изъ разработанности предыдущей эпохи, попрежнему любятъ сложную, волнистую линію церковныхъ покрытій, но украшенія стѣнъ уже не занимаютъ, какъ прежде, такъ много мѣста, они сосредоточиваются у оконъ, вхо-

довъ и карнизовъ. Изъ памятниковъ этой эпохи необходимо указать на церковь Николы въ Хамовникахъ (1679 г.) и Измайловскій соборъ.

Къ сожалѣнію, характеристику старо-московскаго зодчества нельзя закончить обстоятельнымъ обзоромъ памятниковъ частной гражданской архитектуры Москвы, отъ которой до насъ дошли лишь обломки. Къ таковымъ относятся: двѣ надворныя палатки Печатнаго двора, постройка у Воскресенскихъ и Иверскихъ воротъ, выходящая съ двухъ сторонъ за городской думой на Театральную и на Воскресенскую площади; сюда же принадлежатъ переходная палатка Крутицкихъ казармъ и жестоко искаженный „Теремной дворецъ". Больше всего впечатлѣнія московской старины стараго уклада жизни даютъ палаты Юсуповыхъ у Красныхъ Воротъ; палаты слишкомъ зареставрированы и детали утратили оттѣнокъ подлинности, и всё же во всей группѣ разнообразныхъ и разновременныхъ зданій съ прямой главной лѣстницей, ведущей прямо во второй этажъ, съ открытой галлереей,—во всемъ сквозятъ черты уюта и красоты старо-московской жизни.

II. Московское зодчество съ конца XVII ст. до послѣдняго времени.

Дм. фонъ-Эдинга.

Конецъ XVI ст. въ Зап. Европѣ ознаменовался смѣной стиля эпохи Возрожденія стилемъ барокко,—вѣрнѣе вырожденіемъ перваго въ послѣдній. Благородный и спокойный характеръ классическаго зодчества подвергается въ то время обработкѣ въ цѣляхъ

приданія ему бо̀льшей эффектности и живописности. Формы зданій теряютъ увѣренную величественность; расчлененіе архитектурныхъ плоскостей колоннами, пилястрами, карнизами и пр. вводитъ дробность площадей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ комплексомъ образуетъ конструктивную строго-симметричную основу, связывающую все зданіе. Скульптурная орнаментація въ эпоху барокко выходитъ изъ подчиненнаго положенія, свойственнаго ей въ памятникахъ ренессанса; это сближаетъ барокко съ готическимъ стилемъ, но различіе орнаментальныхъ элементовъ—въ частности, предпочтеніе первымъ кривыхъ линій,—налагаетъ на каждый вполнѣ опредѣленную печать. Въ барокко нашелъ примѣненіе готическій аркбутанъ,—каменный упоръ стѣны въ видѣ ползучей арки [1]); съ вогнутымъ внѣшнимъ краемъ и лишенный б. ч. пролета онъ называется эпероно̀мъ; въ баро̀чныхъ постройкахъ эпероны поддерживаютъ съ обѣихъ сторонъ стѣну верхняго этажа, болѣе короткаго, чѣмъ нижніе, или ложный фронто̀нъ, пользовавшійся большой любовью и расширявшій поле орнаментаціи.

Пышный и живописный стиль побѣдно распространился по всей Европѣ; памятники его изъ дерева и камня (конечно, болѣе скромные, чѣмъ на мѣстахъ возникновенія, и со слѣдами мѣстной переработки) сохранились въ южной Россіи, куда онъ проникъ изъ Польши. Завоевавъ народныя симпатіи, барокко вмѣстѣ съ кіевской ученостью проникло въ концѣ XVII вѣка въ Москву. Именно

---

1) Въ Москвѣ аркбутаны можно видѣть у основанія верхней, болѣе узкой части Спасской башни.

эта связь съ религіозной наукой помогла барочной архитектурѣ, подвергнувшейся вліянію до-монгольскаго южно-русскаго деревяннаго зодчества, укрѣпиться въ Москвѣ, а интересъ, проявленный знатью,—въ частности Нарышкиными,—способствовалъ пышному ея расцвѣту (значеніе Нарышкиныхъ для барочнаго строительства выразилось въ названіи стиля—Нарышкинскимъ).

Въ десятилѣтіе съ 1678 по 1688 гг. построены въ Москвѣ 3 храма этого стиля: ц. Іоасафа-царевича въ Измайловѣ и надвратныя ц-ви Новодѣвичьяго м-ря во имя Покрова и Преображенія. Въ Измайловской ц. обращаетъ вниманіе обычный съ Іоанна III „подклѣтъ", дающій рядъ стройныхъ арокъ и открытый ходъ съ трехъ сторонъ церкви; 3 купола послѣдней расположены соотвѣтственно притвору, помѣщенію для молящихся, и алтарю,—въ одну линію съ запада на востокъ, какъ въ древнихъ южно-русскихъ деревянныхъ церквахъ. Средняя часть зданія, значительно превышающая крайнія, въ планѣ—квадратная и имѣетъ 2-ой этажъ въ видѣ восьмигранной призмы („восьмерикъ на четверикѣ"). Барочная декорація не бросается рѣзко въ глаза: углы 3-хъ этажей колокольни и верхняго церкви обработаны въ видѣ полуколоннъ. Обѣ ц-ви Новодѣвичьяго м-ря также имѣютъ открытый ходъ; первая изъ нихъ близка по схемѣ къ Измайловской, а незначительная разница въ высотѣ средней и боковыхъ частей придаетъ контурамъ зданія нѣсколько безпокойный характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является яркимъ доказательствомъ вліянія южно-русскаго искусства. Въ Преображенской ц. ея трехчленный планъ затушеванъ значительной высотой средней части углы послѣдней убраны полуколонками бо-

гаче, чѣмъ углы крайнихъ, которые кромѣ того лишены главъ. Пестрота обработки стѣнъ (наличники оконъ и раковины въ закомарахъ) гармонируетъ съ типичными барочными главами, дающими въ группѣ богатую игру свѣта и тѣни, но расположеніе 5 главъ—московское, и всѣ онѣ объединены кровлей. Колокольня этого же м-ря является примѣромъ стройности и удачнаго сочетанія богатства и изящества скульптурныхъ украшеній.

Безусловной красоты достигаетъ барокко въ ц-ви Никола Большой Крестъ (на Ильинкѣ), построенной въ 1689—1697 гг. Храмъ представляетъ четырехгранную башню съ 2-мя одноэтажными боковыми частями; все зданіе стоитъ на подклѣтѣ. Совершенно въ духѣ барокко стѣны центральной части разбиты на отдѣльныя части: въ вертикальномъ направленіи полуколоннами и пилястрами, а въ горизонтальномъ—карнизами; полоса вертикальнаго расчлененія завершается раковиной въ закомарѣ; изящные наличники четырехугольныхъ и обрамленія восьмиугольныхъ оконъ довершаютъ убранство стѣнъ, создающее гармонію между массой зданія и группой 5 стройныхъ и не менѣе богато украшенныхъ главъ; установка послѣднихъ на кокошникахъ съ раковинами связываетъ ихъ съ закомарами верхней части зданія. Съ бо́льшей пышностью обработано крыльцо, совмѣщающее старый мотивъ висячей арки съ обычными въ барокко вычурными „разрѣзными“ фронтонами и колоннами, сплошь увитыми четко рисующимися виноградными лозами (мотивъ, использованный при передѣлкѣ Грановитой палаты въ наличникахъ ея оконъ и часто примѣняемый въ рѣзьбѣ по дереву, напр., въ иконостасахъ).

Въ 1693 году была выстроена Покровская ц. въ Филяхъ—примѣръ южно-русскаго пятиглаваго храма-комплекса 5 одноглавыхъ церквей, расположенныхъ крестообразно. Центральная часть, несущая на вершинѣ „звонъ", значительно превышаетъ боковыя; зданіе стоитъ на высокомъ подклѣтѣ и окружено открытымъ ходомъ, въ который ведутъ три пологія колѣнчатыя лѣстницы. Контуры всего сооруженія носятъ характеръ необычайной величавости и праздничности. Декорація храма интересна тѣмъ, что при помощи несложныхъ мотивовъ „пѣтушьихъ гребешковъ" въ наличникахъ и на фронтонахъ всему зданію придана изящная ажурность, а ряды колоннъ центральной башни лишаютъ всю постройку тяжеловатой расплывчатости, создавая иллюзію стройности. По времени созданія и отчасти по характеру къ ц. Филей близка нарядная Знаменская ц. (при домѣ гр. Шереметева на Воздвиженкѣ); придвинутые къ восточной части зданія два придѣла лишаютъ его симметріи, сообщая бóльшую уютность.

Наконецъ на той же Воздвиженкѣ церковь бывшаго Крестовоздвиженскаго м-ря (1709—1718 гг.) даетъ ясный примѣръ,—почти копію,—барóчныхъ южно-русскихъ пятиглавыхъ церквей: здѣсь, какъ нигдѣ раньше, подчеркнуто стремленіе вверхъ путемъ уменьшенія чередующихся восьмериковъ и шатровыхъ покрытій.

Изъ гражданскихъ сооруженій XVII в. нужно отмѣтить рядъ трапезныхъ, иногда служившихъ для царскихъ пріемовъ и поэтому отличавшихся нѣкоторой украшенностью; наиболѣе интересна трапезная Троице-Сергіевой Лавры (1686—1692 гг.), заимствующая пріемы украшенія у церкви Никола

Ц. Никола Большой Крестъ.

Большой Крестъ и сохранившая первоначальную окраску. Трапезная Новодѣвичьяго монастыря близка по декораціи къ уже описаннымъ Преображенской церкви и колокольнѣ въ томъ же монастырѣ. Въ трапезной Симонова монастыря (1677 г.) обращаютъ на себя вниманіе разрѣзной фронтонъ, живописная группировка оконъ, а главное,—сохранившееся надъ возвышенной частью и надъ крыльцомъ „гульбище“,—плоская обнесенная барьеромъ кровля,—мѣсто отдыха и прогулокъ.

Сухарева башня также является примѣромъ сооруженія гражданскаго характера; какъ крѣпостныя ворота, она была выполнена въ 1692—1695 гг. и состояла изъ высокаго подклѣта (съ проѣздомъ) и одноэтажныхъ палатъ на немъ, окруженныхъ открытымъ ходомъ; надъ палатами возвышалась одна или двѣ башни; затѣмъ въ 1698—1701 гг. былъ надстроенъ второй этажъ въ связи съ открытіемъ навигаціонной школы, театра и „рапирной“ залы, а на обширномъ „гульбищѣ“ поставлена стройная „ратушная“ башня, служившая обсерваторіей и окруженная 4 небольшими шатровыми башенками; декорація всей постройки отличается четкостью; ряды парныхъ и одиночныхъ оконъ, украшенныхъ наличниками и чередующихся съ витыми стройными колоннами, значительно ослабляютъ характеръ грузности нижней части сооруженій,—основанія стройной башни; то же значеніе могли имѣть маленькія башни у основанія большой.

Даже типично-крѣпостныя сооруженія, какъ башни Донского и Новодѣвичьяго монастырей, теряютъ подъ вѣнками „пѣтушьихъ гребешковъ“ характеръ твердынь и кажутся укрѣпленіями какихъ-то заброшенныхъ сказочныхъ городковъ. Ту же ажур-

ную обработку можно видѣть на остовѣ Кутафьи (у моста Троицкой башни), украшавшей въѣздъ ко дворцу гордой царевны Софьи.

Пышнымъ цвѣткомъ распустилось, нѣкогда сильное лаконизмомъ языка своего, московское каменное зодчество. Кокетливо и упруго выгибаются купола главъ, странными отверстіями сквозятъ стѣны, отступившія, какъ будто, передъ рядами нарядныхъ колоннъ и порослью пышнаго „узорочья“; стѣна тоже должна участвовать въ убранствѣ зданія: она жертвуетъ прямизной верхнихъ границъ, дробится на мелкіе завитки, какъ будто смѣющіеся надъ камнемъ, изъ котораго они сложены. Кажется, что только ради своей украшенности сооруженіе нуждается въ подставкѣ — „подклѣтѣ“, что нельзя такую нарядную и сверкающую кружевными каменными узорами постройку ставить прямо на землю.

Энергичная строительная дѣятельность иностранцевъ въ Петербургѣ не внесла рѣзкой перемѣны въ исторію московскаго зодчества; отчасти это можно объяснить запрещеніемъ возводить каменныя сооруженія по всей Россіи кромѣ Петербурга [1]); сохранившіяся отъ первой половины XVIII ст. постройки имѣютъ барочныя формы, не осложненныя переработкой промежуточныхъ инстанцій, каковыми были Польша и Украйна.

Въ 1704 г. по желанію Меншикова была заложена ц. Архангела Гавріила (Архангельскій переулокъ, бл. почтамта), постройка которой затянулась до 1787 года и связывается съ именемъ

---

[1]) Это запрещеніе дѣйствовало нѣсколько лѣтъ въ началѣ XVIII в.

Заруднаго. Зданіе въ планѣ четыреугольное; изъ центра его возвышается трехъярусная башня; переходъ отъ массива зданія къ послѣдней выполненъ въ видѣ крещатаго повышенія его по поперечной и продольной осямъ. Такимъ образомъ формы зданія довольно просты и родственны архитектурнымъ формамъ конца XVII вѣка. Анализъ деталей убѣждаетъ, что никогда до сихъ поръ русскій архитекторъ не пользовался такъ дерзко мотивами зап.-европейскаго барокко и никогда не получалъ такихъ блестящихъ результатовъ. Наибольшее удивленіе вызываетъ обработка западной стѣны церкви, подпертой двумя эперонами въ видѣ гигантскихъ волютъ, какъ бы лишающихъ самое зданіе непосредственной связи съ землей. Между ними выступаетъ портикъ на стройныхъ витыхъ колоннахъ и каннелированныхъ тройныхъ пилястрахъ съ пышными капителями, связанный со стѣной четко-узорнымъ фризомъ; сѣверная и южная стѣны имѣютъ такую же скульптурную отдѣлку и портики и расчленены фацетированными пилястрами съ пышными гирляндами; восточная стѣна выступаетъ въ центрѣ глухимъ портикомъ. Фронтальныя части стѣнъ подперты обычными эперонами. Углы четверика башни обрамлены фацетированными пилястрами безъ гирляндъ (?); интересны группы оконъ, связанныхъ гирляндами. Въ двухъ ярусахъ „восьмерика“ конструктивные элементы—пилястры съ гирляндами,—тянутся до верхняго карниза и въ видѣ плоскихъ реберъ изгибаются по куполу, окруженному волютами, къ основанію веретенообразной главки. Плоскости восьмерика декорированы мягко рисующимися панно въ изящныхъ скульптурныхъ рамахъ. Однообразная и тонкая отдѣлка этихъ двухъ ярусовъ

Западная стѣна церкви Архангела Гавріила.

перебивается карнизомъ и вѣнцомъ пышныхъ вазъ на тяжелыхъ постаментахъ.

Изъ сооруженій гражданскаго характера слѣдуетъ остановиться на бывшемъ дворцѣ гр. А. К. Разумовскаго (нынѣ 4-ая мужская гимназія на Покровкѣ). Авторъ ея—усердный подражатель Растрелли, довелъ принципъ живописности, одинъ изъ основныхъ въ барокко, до высшей степени напряженія, характеризующаго вырожденіе даннаго стиля. На небольшомъ сравнительно пространствѣ фасадъ нѣсколько разъ то отступаетъ вглубь, то выдвигается впередъ и дважды прорѣзается въ нижнемъ ярусѣ воротами. Колонны, получившія въ концѣ эпохи барокко большое распространеніе, группируются въ различныхъ плоскостяхъ и поддерживаютъ небольшіе полукруглые разорванные фронтоны. Все зданіе представляется сплошнымъ скульптурнымъ украшеніемъ. Среди орнаментальныхъ мотивовъ интересны завитки рококо.

Остается сказать нѣсколько словъ о двухъ памятникахъ, несходныхъ по назначенію, но хранящихъ печать творчества одного изъ талантливыхъ строителей—кн. Д. Ухтомскаго, главы школы московскихъ зодчихъ. Имъ выстроены Красныя Ворота и отдѣланъ Арсеналъ (въ Кремлѣ). Постройка послѣдняго относится къ 1701 году и приписывается Х. Х. Конраду; князю Ухтомскому принадлежитъ удачное украшеніе однообразнаго и тяжелаго сооруженія пышнымъ и величественнымъ порталомъ (1738 г.). 5-ью годами позже онъ воздвигаетъ для въѣзда имп. Елизаветы Красныя Ворота; тяжеловатый характеръ постройки смягчается удачно размѣщенными группами колоннъ. По сторонамъ въѣзда въ ворота стояли пирамиды, украшенныя трофеями.

Вторая половина XVIII вѣка ознаменовалась въ исторіи искусствъ новымъ возрожденіемъ интереса къ творчеству древнихъ: на смѣну пышному и внѣшне-эффектному барокко встаютъ изъ забвенія классическіе памятники Рима, Греціи, даже Египта; ихъ отраженнымъ свѣтомъ полны произведенія „золотого вѣка“ русской архитектуры. Исторія отмѣчаетъ среди русскихъ зодчихъ рядъ выдающихся талантовъ, воспринявшихъ современные западноевропейскіе художественные вкусы, въ то время какъ Екатерина II, Павелъ I и Александръ I словомъ и дѣломъ поддерживали и развивали страсть къ постройкамъ. Результаты оказались довольно неожиданные: классицизмъ, зародившійся на почвѣ Запада, подъ вліяніемъ политическихъ неурядицъ не достигъ тамъ предѣльнаго развитія; послѣднее происходитъ въ Россіи въ фазахъ, значительныхъ для всего европейскаго искусства. Одно это обстоятельство показываетъ, насколько почва Россіи была подготовлена для воспріятія художественныхъ идей своего времени.

Москва имѣла рядъ своихъ архитекторовъ, талантливыхъ и работоспособныхъ, обстроившихъ городъ, подмосковныя помѣстья знати и создавшихъ „екатерининскую“ и „александровскую“ Москву.

Переходъ отъ стараго стиля къ новому сказался въ архитектурѣ дома Пашкова (Румянцевскій музей). Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на общую массу памятниковъ московскаго зодчества—дому Пашкова приходится отдать первое мѣсто. Нигдѣ такъ не продумано и не осуществлено соотношеніе отдѣльныхъ элементовъ постройки и декораціи, какъ здѣсь. Контуръ вздымается три раза, при чемъ среднему повышенію соотвѣтствуютъ

наибольшіе размѣры, однако ограничиваемая имъ центральная часть зданія можетъ быть охвачена однимъ взглядомъ; отсутствіе фронтона и плоская кровля придаютъ ей характеръ законченности, а фонарь надъ центромъ дѣлаетъ невозможной мысль о грузности постройки. Благодаря строгой пропорціональности, боковые флигеля находятся въ гармоническомъ отношеніи къ центральному корпусу, а завершеніе ихъ фронтонами, придавая каждому долю самостоятельнаго значенія, — вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы подчиняетъ среднему массиву. Ту же связующую роль играетъ рустовка лицевыхъ фасадовъ флигелей, проходящая черезъ одноэтажныя крылья и нижній этажъ центральнаго зданія, а также и однотипность нижняго ряда оконъ и пролетовъ аркады, несущей главную колоннаду; послѣдняя повторяетъ малыя въ соотвѣтственно-увеличенномъ масштабѣ. Поверхность стѣнъ двухъ верхнихъ этажей декорирована болѣе тонко и изысканно, чѣмъ нижняго, въ которомъ рѣзкія очертанія вырѣзовъ оконъ и пролетовъ смягчены масками на замковыхъ камняхъ; отверстія оконъ рисуются мягче, благодаря сплошному убранству стѣнъ пилястрами, проходящими черезъ оба этажа, тонкому, почти графическому карнизу въ промежуткахъ между пилястрами и такимъ же обрамленіямъ оконъ. Колонны и пилястры, завершённыя коринѳскими капителями въ центральной колоннадѣ и іоническими—въ боковыхъ, поддерживаютъ антаблементы съ четко прочерченнымъ архитравомъ и фризомъ, украшеннымъ римски-богатымъ скульптурнымъ орнаментомъ. Живописный элементъ въ декорацію вноситъ легкая тѣнь въ верхнихъ частяхъ портиковъ. Баллюстрада, завершающая стѣны

крыльевъ зданія, проста сообразно несложной ихъ орнаментаціи; баллюстрада, обрамляющая кровлю центральнаго корпуса, несетъ на столбахъ пышныя вазы, смягчая переходъ отъ фриза и карниза къ фонарю. Все сооруженіе подверглось возобновленію и, повидимому, потеряло меньше, чѣмъ это бываетъ обычно въ подобныхъ случаяхъ. Характеръ формъ и декораціи „Пашкова дома“ дѣлаютъ труднымъ

Имп. Румянцевскій музей (Пашковъ домъ).

опредѣленіе его автора; въ настоящее время чаще всего называютъ М. Казакова.

Нѣсколько случайными являются въ Москвѣ работы извѣстнаго петербургскаго архитектора Кваренги,—горячаго поклонника продуманной величавости римскихъ построекъ; ему приписываютъ между прочимъ Шереметевскій Странноприимный домъ (у Сухаревой башни) съ единственной въ въ своемъ родѣ колоннадой на территоріи Москвы; какъ въ насмѣшку за свою необычность она за-

крыта рядомъ лавокъ. Имъ же создана колоннада кадетскаго корпуса (бывшаго Екатерининскаго дворца въ Лефортовѣ), планъ и постройка котораго (1771—1776) принадлежатъ различнымъ архитекторамъ — Ринальди (?), С. Волкову, Жеребцову и Кампорези. Въ 1812 году дворецъ этотъ сильно пострадалъ.

Плеяда собственно московскихъ архитекторовъ начинается Баженовымъ (1737—1799 гг.). Несмотря на выдающіяся способности этого зодчаго, признаннаго и въ Зап. Европѣ („Доселѣ показываютъ въ Римѣ, какъ лучшій, проектъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы въ Капитоліи". Свиньинъ, 1839 г.),—небольшая часть его замысловъ была приведена въ исполненіе. Въ Политехническомъ музеѣ сохраняются остатки модели дворца, проектированнаго Баженовымъ и разсчитаннаго на всю площадь Кремля [1]). Модель эта сдѣлана настолько тонко, что „фотографическіе снимки внутри ея можно принять за снимки съ построеннаго зданія". Она стоила 60,000 р., а дворецъ вмѣстѣ съ театромъ, присутственными мѣстами и т. д. долженъ былъ обойтись въ 60.000,000 р.! Два другіе проекта Баженова—церковь Большого Вознесенія (Никитская) и Голицынская больница (Калужская ул.)—исполнены Казаковымъ. Въ первой характерна бѣдность украшеній, подчеркивающая величественность массъ; вторая интересна разработкой центральной части, выступающей на фонѣ гладкихъ боковыхъ: на тяжелой аркадѣ, служащей фономъ для двухъ лѣстницъ, высится стройный портикъ;

---

[1]) Въ Оружейной палатѣ можно видѣть проэктъ этого дворца.

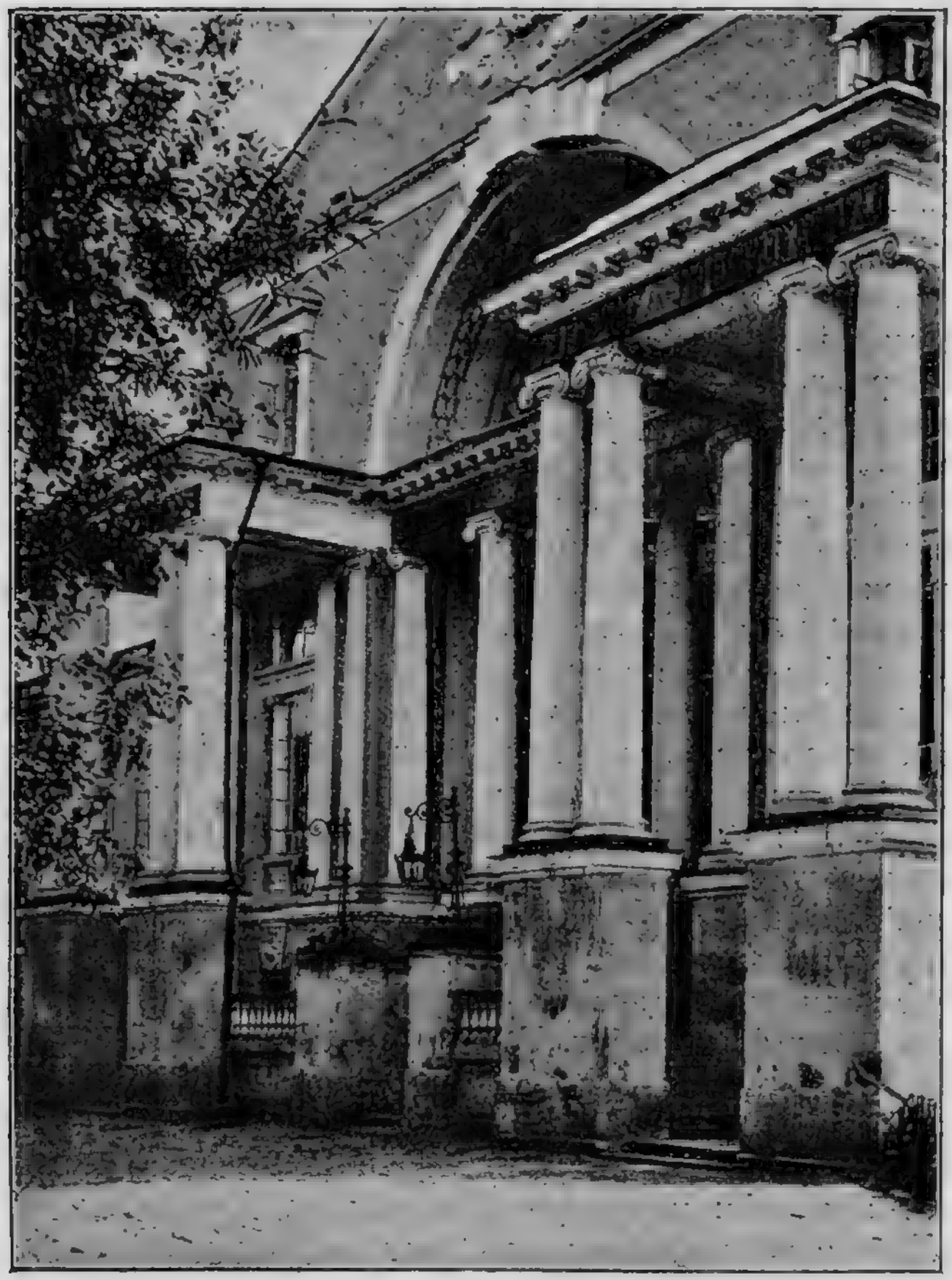
промежутки между основаніями дорическихъ колоннъ забраны четко-рисующейся баллюстрадой; фризъ (изъ метопъ и триглифовъ) и фронтонъ, заполненный скульптурнымъ орнаментомъ, являются единственнымъ узорнымъ пятномъ всего зданія. Надъ центральной частью послѣдняго на глухомъ и низкомъ барабанѣ вздымается украшенный фонаремъ куполъ, расплывчатая форма котораго оживлена 4 полукруглыми окнами и двумя небольшими главками у концовъ фронтона. Баженову приписывается также домъ Юшкова (теперь — училище Живописи, Ваянія и Зодчества, на Мясницкой).

Въ противоположность Баженову М. Казаковъ, не получившій высшаго образованія за границей, оставилъ большое число построекъ главнымъ образомъ въ Москвѣ. Въ произведеніяхъ Казакова развивается особый типъ „московскаго классицизма“, далекій не только отъ западно-европейскаго прототипа, но и отъ произведеній петербургскихъ зодчихъ. Классицизмъ, возродившись въ XVIII столѣтіи, служилъ тѣмъ же задачамъ, какъ и предшествовавшіе стили: расположеніе массъ зданія, ихъ размѣры, форма и декорація должны были внушать мысль о величіи владѣльцевъ. Москва стояла на особомъ положеніи: Дворъ бывалъ въ ней только наѣздами; она служила центромъ, куда стекалось дворянство изъ Петербурга и, главнымъ образомъ, изъ провинціи для зимнихъ развлеченій; было „принято“ имѣть въ Москвѣ домъ, который устраивался исключительно для пользованія одной семьи владѣльца. Конечно, сравнительно рѣдко послѣдній могъ позволить себѣ постройки выдающейся роскоши; масса довольствовалась болѣе скромными домами, которые все-таки носили

отпечатокъ благороднаго и тонкаго вкуса. Въ силу этого классицизмъ въ Москвѣ, болѣе строгій и величественный въ немногочисленныхъ казенныхъ постройкахъ, пріобрѣтаетъ въ частныхъ зданіяхъ неизвѣстную нигдѣ въ Европѣ интимность. Это теплое внутреннее чувство согрѣваетъ формы классическихъ орденовъ, слегка ослабѣвая во время смѣны увлеченій Римомъ и Греціей—даже архаической.

Имя Казакова связано съ первыми постройками такого характера. Среди памятниковъ „высокаго стиля", оставленныхъ этимъ зодчимъ, слѣдуетъ указать зданіе Судебныхъ Установленій въ Кремлѣ (1776—1784 гг.), интересное по плану и въ высшей степени благородное по скромности наружной декораціи; внутренней отдѣлкой справедливо славится „Митрофаньевскій" залъ. Другой залъ—Благороднаго собранія (бывшаго дома кн. Долгорукаго) заслуживаетъ вниманія своей великолѣпной колоннадой (см. рис. на стр. 201).

Черты „московскаго классицизма" намѣчаются ясно въ домѣ Пл. Бекетова (нынѣ Мясницкая больница) и въ домѣ гр. А. К. Разумовскаго (нынѣ малолѣтнее отдѣленіе Николаевскаго сиротскаго института на Гороховомъ полѣ). Въ первомъ, измѣненномъ перестройкой, интересенъ удлиненный и свѣтлый портикъ съ широко разставленными колоннами и пилястрами, господствующій надъ всѣмъ дворомъ. Домъ гр. Разумовскаго (около 1790 г.), стоившій болѣе милліона рублей и выстроенный изъ дубовыхъ брусьевъ, сохранился достаточно хорошо, чтобы судить, насколько умѣло пользовался Казаковъ массами зданія для достиженія художественнаго эффекта; только въ центральной части



Центральная часть бывш. дворца гр. Разумовскаго на Гороховомъ Полѣ.

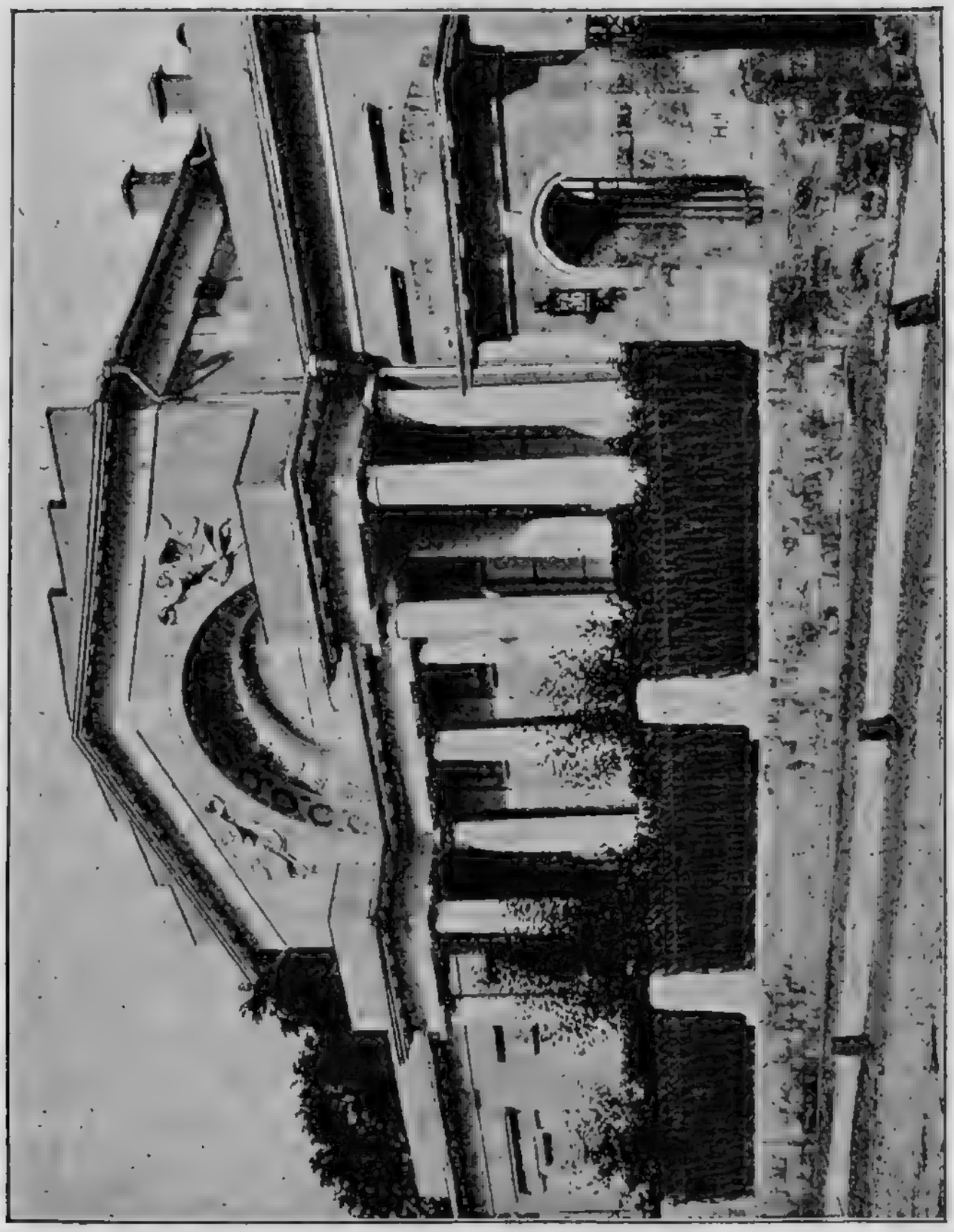
фасада онъ проявляетъ поистинѣ необычайную фантазію, разставляя парныя колонны при входѣ въ нишу съ великолѣпно убраннымъ кассетами сводомъ и выдвигая по бокамъ его крылья, подпертыя также парными колоннами на стройныхъ цоколяхъ; живописны и боковыя части зданія съ небольшими фронтонами и полукруглыми окнами рустованнаго цокольнаго этажа, а также галлерейки съ парными столбами, покоящіяся на аркадахъ.

Стремленіе возродить городъ изъ пепла послѣ пожара 12-го года въ болѣе великолѣпномъ видѣ поддерживалось Александромъ I, учредившимъ „комиссію для строеній",—особый художественный контроль, и нашло горячій откликъ въ средѣ московской знати и богатаго купечества. Но все это не дало бы блестящихъ результатовъ, если бы послѣ Казакова не осталось талантливѣйшихъ послѣдователей въ лицѣ І. Бове и Д. Джилярди. Работы перваго, какъ и Казакова, дѣлятся на официальныя и частныя; изъ первыхъ слѣдуетъ отмѣтить наружную отдѣлку манежа (1817), построеннаго инж. Бетанкуромъ и обладающаго величайшимъ въ мірѣ плоскимъ потолкомъ; украшеніе стѣнъ полуколоннами и антаблементомъ дорическаго ордена придаетъ зданію характеръ спокойной величавости. Въ 1826 г. Бове строитъ Тріумфальныя Ворота. Скульптурныя работы Воротъ исполнены Витали; послѣднему такъ же, какъ и Бове, принадлежатъ лучшія въ Москвѣ произведенія декоративнаго значенія: первому—фонтаны на Театральной и Лубянской площадяхъ съ полными жизни и граціи группами; второму — великолѣпная рѣшетка Александровскаго сада, величественная со стороны Воскресенской площади и болѣе скромная по Не-

глинной улицѣ Въ 1823 г. Бове строитъ „Градскую“ больницу (на Калужской улицѣ) — зданіе, замѣчательное колоннадой лицевого фасада и своей, если можно выразиться, графической красотой, особенно выраженной въ средней части задняго фасада, выступающей менѣе, чѣмъ загнутыя внутрь крылья; ея группа оконъ и углы отдѣланы пилястрами; рустовка стѣны нижняго этажа заставляетъ послѣднюю какъ бы выступать впередъ; четкій скульптурный орнаментъ не заполняетъ всего антаблемента, а оставляетъ среднюю его часть (надъ группой оконъ)—пустой. Небольшой фронтонъ не входитъ въ верхнюю контурную линію зданія, т. к. за нимъ поднимается четырехугольный постаментъ, несущій пологій куполъ съ полукруглыми окнами. Нетрудно увидѣть въ Градской больницѣ черты, родняшія ее съ Голицынской больницей Баженова-Казакова, нетрудно подмѣтить и новыя достиженія въ своеобразной, московской трактовкѣ классическихъ формъ. Буквально то же самое можно сказать, сравнивая домъ кн. Гагарина (на Новинскомъ бульварѣ), построенный Бове въ 1817 г., съ разсмотрѣннымъ уже д. гр. Разумовскаго, работы Казакова. Повторена центральная колоннада, но упрощéніемъ деталей и уменьшеніемъ пропорцій создано впечатлѣніе уютности; ниша вдвигается въ фронтонное поле, получаетъ ступенчатую обработку и не достигаетъ большой глубины, т. к. ея середина занята полукруглымъ окномъ; оно благодаря своей величинѣ косвенно приводитъ къ мысли о внутренности дома и тѣмъ самымъ не даетъ вниманію останавливаться на одной внѣшней декораціи зданія, что естественно при разсматриваніи фасада дома гр. Разумовскаго. Вникая въ детали фронтона, можно найти

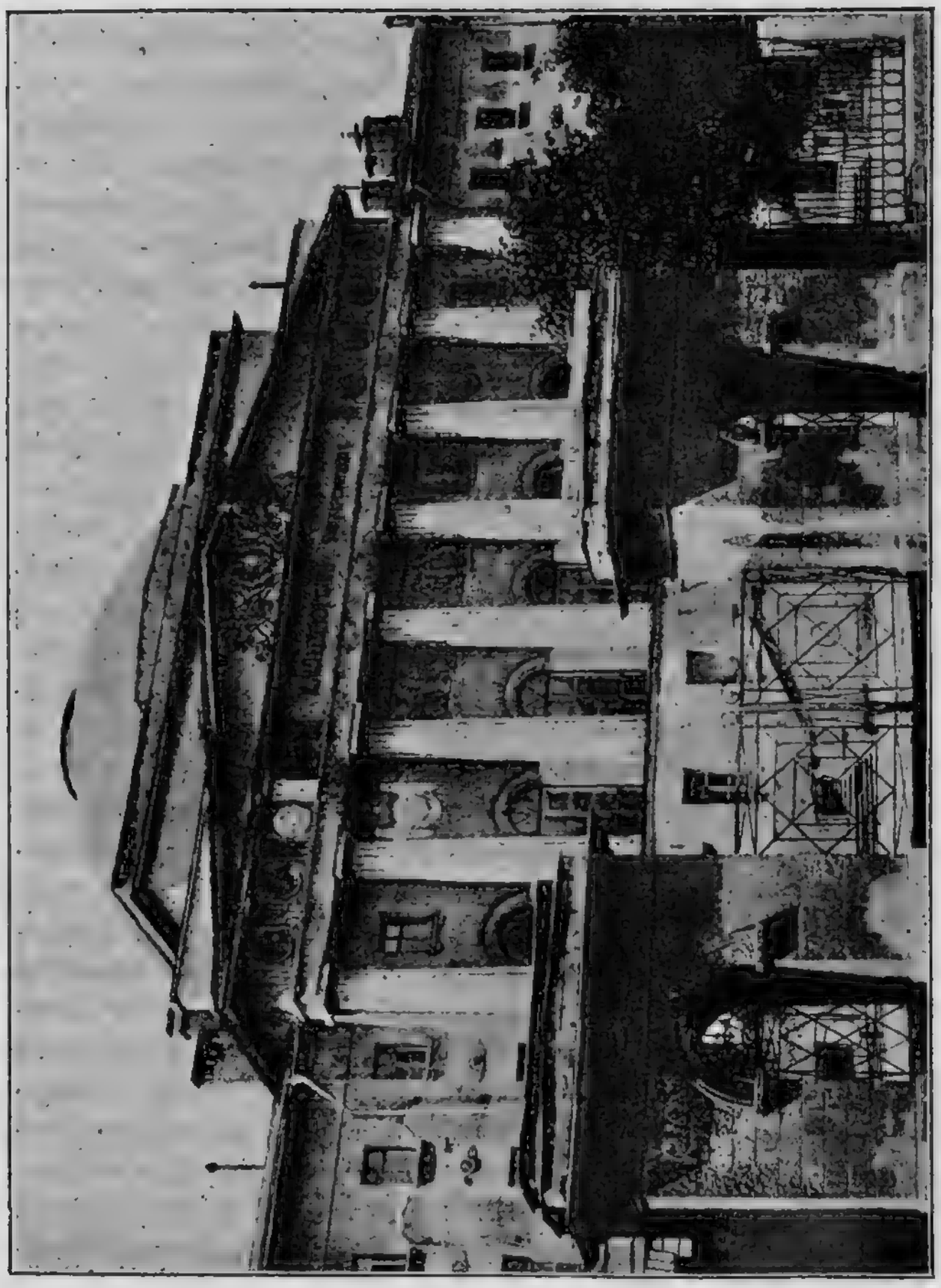
подробности, не лишенныя интереса; его наклонныя стороны обработаны въ видѣ невысокихъ ступенчатыхъ повышеній, какъ бы прижимающихъ фронтонъ къ землѣ и отнимающихъ у зданія долю величественности древнихъ общественныхъ построекъ. Мотивъ ступенчатыхъ повышеній получилъ большое распространеніе; онъ употреблялся и при отсутствіи фронтона, дѣйствуя тогда въ противоположномъ направленіи,—скрадывая безразличность линіи карниза и подчеркивая значеніе центральной части зданія. Чтобы кончить обзоръ дома кн. Гагарина, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что̀ первое бросается въ глаза и надолго приковываетъ взоръ:—на орнаментацію повышенной части фасада; окно съ мягкими линіями переплета обрамлено полосой скульптурнаго греческаго (по элементамъ) орнамента, своею тонкостью подобнаго кружевному, а сколько жизни вносятъ парящіе по сторонамъ ниши геніи своими изящными контурами и игрой свѣта и тѣни!

Одновременно съ Бове работалъ въ Москвѣ другой архитекторъ, завершившій своимъ творчествомъ „золотой вѣкъ“ русскаго зодчества—Д. И. Джилярди; его отецъ И. Джилярди, родомъ итальянецъ, былъ также московскимъ архитекторомъ; имъ выстроена Маріинская больница (1803—1818 гг.), перестроены Екатерининскій и Александровскій институты и Вдовій домъ (первыя 3 зданія—въ Сущевѣ, послѣднее—въ Кудринѣ), обличающіе въ авторѣ тонкій вкусъ и пониманіе современныхъ художественныхъ исканій. Но гораздо талантливѣе отца и тѣснѣе связаннымъ съ творчествомъ предшествовавшихъ московскихъ архитекторовъ былъ его сынъ Дементій (Доменико). Духовное родство съ



Домъ кн. Гагарина на Новинскомъ бульварѣ.

Казаковымъ у Джилярди выражено: въ продолженіи стремленія вглубь античности, въ преемственности исканія безусловной красоты и въ освобожденіи отъ красивости. Бо́льшая, чѣмъ у Бове, одаренность помогла ему сказать новое слово, а не придавать новое выраженіе старымъ словамъ Казакова, что уже было отмѣчено въ творчествѣ Бове. Необычайная ясность языка формъ, скромность въ пользованіи украшеніями, не связанными конструктивно со зданіемъ, — вотъ главнѣйшія характерныя особенности творчества Джилярди. Ему принадлежатъ: величественное и благородное зданіе Опекунскаго Совѣта на Солянкѣ (1825 г.), перестроенный позднѣе домъ Государственнаго Коннозаводства на Поварской, Техническое училище (скульптурная группа, раб. Витали) на Нѣмецкой улицѣ и египетскіе по лаконизму языка формъ и орнаментаціи Провіантскіе склады (на углу Остоженки и Зубовск. бульв.). Но самыми значительными въ исторіи зодчества произведеніями Джилярди являются „старое зданіе“ университета и „Конный“ дворъ въ Кузьминкахъ—истинныя творенія „высокаго стиля“. Въ первомъ классицизмъ достигъ наивысшей ступени своего развитія отъ пышнонаряднаго Рима къ ясной и мудрой Греціи. Самое зданіе университета было выстроено Казаковымъ и сгорѣло въ 12-мъ году. Въ 1817 г. Джилярди создаетъ новый фасадъ и возобновляетъ казаковскій актовый залъ. Главное зданіе, стоящее въ глубинѣ передняго двора, посылаетъ впередъ два крыла такой величины, что центральный фасадъ, опираясь на ихъ массы, выдѣляется изъ ряда уличныхъ строеній и пріобрѣтаетъ особую значительность. Духъ величавой скромности и бла-



Университетъ. Центральная часть „стараго зданія".

городства исходитъ отъ центральной части фасада и подчиняетъ обработку боковыхъ. Невысокая арка оживляетъ гладкую стѣну всхода; пологія парныя лѣстницы со сплошнымъ барьеромъ ведутъ ко входной двери, прорѣзанной въ одноярусномъ выступѣ — постаментѣ восьми дорическихъ колоннъ; пропорціями и разстановкой послѣднихъ возродилось сверхъ-земное спокойствіе, присущее наиболѣе величественнымъ греческимъ храмамъ и такъ соотвѣтствующее храму науки. Мощно раскинувшійся фронтонъ какъ бы сдерживается налегающими на концы его парными уступами. Надъ всѣмъ зданіемъ царитъ спокойный, пологій куполъ на четырехгранномъ массивномъ постаментѣ, верхній контуръ котораго оживленъ небольшимъ повышеніемъ посрединѣ въ видѣ фронтона. Замѣчательно тонкое чувство эпохи, лишившее сферическое покрытіе самоцѣльнаго значенія и органически связавшее его съ массой зданія! Указанное выше единство центральной части фасада и боковыхъ замѣтно въ проведеніи горизонтальнаго расчлененія: соотвѣтственно верхней границѣ одноярусного цоколя колоннъ весь первый рустованный этажъ отдѣленъ отъ второго карнизомъ; границы между вторымъ и третьимъ этажами въ центральной части зданія нѣтъ, т. к. здѣсь находится двухъярусная зала; кромѣ того, линія карниза спорила бы съ вертикалями колоннады. Согласуясь съ этимъ, и боковыя части зданія не имѣютъ карниза, который замѣненъ рядомъ небольшихъ скульптурныхъ украшеній между окнами второго и третьяго этажей. Междуколонные промежутки, кромѣ боковыхъ, лишены оконъ и заняты полосой барельефа и парными т о н д о съ факелами; эта декорація

не нарушаетъ цѣльности фона, а слегка оживляетъ ее.

Эллинизмъ Джилярди смягчался въ частныхъ постройкахъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ дома Найденова (на Садовой, у Яузскаго моста). Самой замѣчательной постройкой Джилярди этого характера является „Конный" дворъ въ Кузьминкахъ (подмосковное имѣніе кн. Голицына, принадлежащее теперь городу),—открытый павильонъ на берегу пруда. Его величественная арка закрыта въ глубинѣ стѣной; пилоны-столбы отдѣланы до начала свода рустами и являются широкими спокойными панно; верхняя часть арки, ограниченная простыми уступами—гладкая; ея поверхность оживлена парными тондо съ факелами и гирляндами. Но все это не болѣе какъ рама: въ пролетѣ арки заключена двойная дорическая колоннада, на антаблементѣ которой высится изящная, изысканная по контурамъ скульптурная группа Аполлона и музъ. Колоннада даетъ богатую до безконечности игру свѣта и тѣни; антаблементъ, украшенный четкимъ орнаментомъ, сливается съ верхомъ

Конный дворъ въ Кузьминкахъ.

рустованныхъ плоскостей пилоновъ, а вознесенная въ полукружіе арки группа пріобрѣтаетъ исключительную музыкальность на фонѣ мягкой тѣни глубокой ниши. На цоколяхъ передъ устоями арки помѣщены повторенія (чугунныя) конныхъ группъ Аничкова моста (бар. Клодта), хотя и относящіяся къ болѣе позднему времени и не связанныя со стилемъ павильона, но—какъ блестящія произведенія, они насквозь проникнуты жизнью и движеніемъ, и подчеркиваютъ въ силу контрастности мощное величіе и красоту сооруженія. Призванный украсить природу съ ея красочнымъ разнообразіемъ, Джилярди вноситъ въ свое созданіе эффектъ живописности, пользуясь пятнами свѣта и тѣни, и рѣшаетъ задачу съ умѣньемъ мастера „большого стиля".

Только исключительному генію, осознавшему достиженія Греціи и нашедшему вѣчныя цѣнности въ искусствѣ предыдущаго столѣтія, было доступно созданіе и университета, и Провіантскихъ складовъ, и „Коннаго" двора; эта проникновенность выдвигаетъ Джилярди не только изъ ряда русскихъ архитекторовъ, но и западно-европейскихъ.

Джилярди не оставилъ сколько-нибудь значительнаго преемника; дѣятельность его самого знаменуетъ апогей расцвѣта „московскаго классицизма". Съ этого времени почти до послѣднихъ лѣтъ въ Москвѣ не было создано ничего, что могло бы украсить страницы исторіи русской архитектуры; даже болѣе того: было утрачено представленіе о значительности творчества предыдущихъ поколѣній. Такъ, въ 1856 г. сгорѣвшій Большой театръ Бове былъ вновь выстроенъ Кавосомъ, при чемъ первоначальныя формы были измѣнены. Такъ же

невнимательно къ характерамъ стилей были исполнены арх. Тономъ два грандіозныхъ сооруженія: Храмъ Христа Спасителя и Большой Кремлевскій дворецъ. Храмъ Христа Спасителя строился въ „византійскомъ“ стилѣ, но кромѣ барельефовъ (Рамазанова, Логановскаго и др.) были допущены и другія серьезныя отступленія (покрытіе средней части храма не по сводамъ, выступающимъ въ пониженныхъ крайнихъ частяхъ, защипнутыя закомары на послѣднихъ, кокошники подъ куполомъ, покрытія всѣхъ главъ, романскій поясъ арочекъ и полуколоннъ и т. п.), лишающія постройку опредѣленнаго характера. Безсиліе архитектора сказалось въ отсутствіи гармоническаго единства между центральной главой и массой зданія: въ расползшихся контурахъ купола-шлема и въ тяжеломъ барабанѣ чувствуется не завершеніе зданія, а гнетъ камня и металла, которому въ обратномъ направленіи—снизу вверхъ отвѣчаетъ еще болѣе грузная, неоформленная масса постройки.

Архитектура Большого дворца если и поражаетъ, то исключительно своей внушительностью, слегка смягченной барóчнымъ куполомъ; монотонность почти сплошного узора высѣченныхъ изъ камня наличниковъ оконъ двухъ верхнихъ этажей и аркада выступающаго впередъ нижняго только усиливаютъ впечатлѣніе неодухотворенности сооруженія.

Пробудившаяся и развившаяся національная гордость стремилась къ воскрешенію именно въ Москвѣ „настоящаго“ русскаго стиля; производились повсюду обмѣры древнихъ зданій, чертились фасады, профили и планы, но когда приступали къ созиданію,—какъ бы мертвой водой брызгали на нѣкогда живыя формы. Сказывалось не только

отсутствіе геніальныхъ зодчихъ, но и нежеланіе вникнуть въ духъ древняго московскаго строительства. Еще въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія Свиньинъ замѣтилъ: „Замѣчательно, что рисованное изображеніе этого дворца (дворца Алексѣя Михайловича въ с. Коломенскомъ, подъ Москвой) и самое правильное, самое отчетистое находится въ Британскомъ Музеумѣ. Англичане съ любопытствомъ разспрашиваютъ Русскаго путешественника о чудныхъ остроглавыхъ узорчатыхъ минаретахъ, о башнѣ съ шестью теремами и о прочихъ отличительностяхъ сего дворца".

Въ 1835 году петербургскій архитекторъ А. Брюлловъ писалъ о церкви Василія Блаженнаго: „Она можетъ служить образцомъ русской архитектуры, которая не имѣетъ совершенствъ готической,..... но въ своемъ началѣ показываетъ какой-то блескъ піитическаго народа, выходящаго изъ состоянія варварства и начинающаго чувствовать свою самобытность". Но въ самой Москвѣ спустя половину столѣтія начали воздвигаться монументальныя сооруженія Историческаго музея (худ. Шервудъ, арх. Поповъ и инж. Семеновъ), Верхнихъ Торговыхъ Рядовъ (проф. архит. Померанцевъ), Среднихъ Торговыхъ Рядовъ (арх. Клейнъ) и Городской думы (арх. Чичаговъ). Соблюдались пропорціи башенъ, покрытій, наличниковъ и проч., а характеръ гражданскаго древняго зодчества не былъ принятъ во вниманіе совершенно. Достаточно мелькомъ взглянуть на рисунокъ изъ „Книги избранія на царство Михаила Ѳеодоровича", на гравюры Коломенскаго дворца, на модель этого послѣдняго въ Оружейной палатѣ, чтобы замѣтить свойственный, кажется, только одному русскому

стилю характеръ прихотливой интимности и сказочности,—„блескъ піитическаго народа“. И въ Кремлѣ и въ Коломенскомъ небольшія зданія связывались въ сплошную гирлянду; сосѣднія звенья ея разнообразіемъ своихъ формъ и пропорцій уравновѣшивали другъ друга; особенно послѣдовательно проведено это въ Коломенскомъ дворцѣ, благодаря относительно одновременной постройкѣ всѣхъ его частей. Конечно, съ характеромъ исключительной интимности не вязалось проведеніе симметріи всего сооруженія. Стоило ли распускаться такому пышному цвѣтку народнаго творчества, чтобы послѣдующія поколѣнія, сооружая многоэтажные ящики, приставляли симметрично къ нимъ копіи со старыхъ крѣпостныхъ башенъ (Историческій музей) и проводили неумолимо педантичную симметрію массъ, расчлененій и украшеній каждаго фасада, какъ бы длиненъ или высокъ онъ ни былъ (Торговые Ряды, Дума и, отчасти, Историческій музей)? Только въ самое послѣднее время наступила реакція: возводятся постройки, близкія древне-русскимъ не столь по количеству заимствованныхъ элементовъ древняго зодчества, сколько проникнутыя его уютомъ и причудливостью; примѣры: вокзалъ Ярославской жел. дор. (арх. Шехтель) и домъ Перцовой у Храма Спасителя (худ. Малютинъ). Въ церковномъ строительствѣ съ наибольшимъ успѣхомъ производятся заимствованія и свободная трактовка мотивовъ сѣвернаго деревяннаго и новгородско-псковскаго каменнаго стилей; храмъ московской общины старообрядцевъ-поморцевъ (арх. Бондаренко) въ Токмаковомъ переулкѣ со своими гладкими стѣнами, вынесеннымъ впередъ порталомъ, группами тройныхъ и полукруглыхъ оконъ

и, наконецъ, островерхой двускатной кровлей надъ звономъ, вмѣстѣ съ предыдущими двумя примѣрами можетъ служить залогомъ тому, что въ новомъ архитектурномъ теченіи скрыты возможности достиженія высокой красоты.

Условія архитектурной дѣятельности въ Москвѣ осложняютъ и безъ того трудную задачу сліянія проникнутаго уютомъ стиля древне-гражданскаго зодчества съ характеромъ современнаго жилого дома — „доходной постройки“ по преимуществу: одно изъ главныхъ желаній владѣльца—имѣть возможно больше помѣщеній; это, въ большинствѣ случаевъ, предрѣшаетъ непрерывный карнизъ во всю длину зданія на предѣльной высотѣ и дѣлаетъ фасадъ прямоугольнымъ полемъ, стѣсняя фантазію строителя; послѣднему обычно приходится оперировать только на одномъ лицевомъ фасадѣ. Счастливымъ исключеніемъ среди общей массы „доходныхъ домовъ“ можно считать зданіе гостиницы „Метрополь“ на Театральной площади; его фасады исполнены арх. Валькотомъ; игра свѣта и тѣни на нихъ оттѣсняется на второй планъ красочной отдѣлкой, майоликой (по рисункамъ Врубеля и Головина), группировкой оконъ и своеобразно оживленнымъ верхнимъ контуромъ стѣнъ.

Новѣйшія „доходныя“ постройки могутъ разсматриваться скорѣе, какъ инженерныя сооруженія: трудно назвать зданіемъ систему каменныхъ полосъ, вертикальныхъ (столбы) и горизонтальныхъ (границы этажей), образующихъ на фасадахъ сѣтчатую основу, громадные застекленные прямоугольники которой зіяютъ какъ мертвые глаза! Изъ массы построекъ такого рода можно привести магазинъ Мюра и Мерилиза на Театральной пло-

щади (арх. Клейнъ) и „Дѣловой дворъ“ на Варварской площади (арх. Кузнецовъ); „готика“ перваго, „ампирность“ второго, конечно, не могутъ влить въ ихъ безхарактерныя формы своей одухотворенности и остаются случайными „прилѣпами“. Однако болѣе серьезное отношеніе въ примѣненіи современныхъ строительныхъ средствъ и вниманіе къ наслѣдію прошлаго не исключаютъ возможности появленія въ Москвѣ не только инженерныхъ сооруженій, но и созданій творческаго художественнаго воображенія; доказательствомъ можетъ служить зданіе Тверского отдѣленія ломбарда на Б. Бронной (арх. Машковъ).

Другое теченіе,—связанное съ „московскимъ классицизмомъ“,—ярко проявило себя въ премированномъ домѣ кн. Щербатова на Новинскомъ бульварѣ (арх. Таманов) и въ домахъ: Высшихъ женскихъ курсовъ на Дѣвичьемъ полѣ (акад. Соловьевъ), Скакового общества на Ходынскомъ полѣ (арх. Жолтовскій), Миндовскаго въ Мертвомъ переулкѣ (граж. инж. Великовскій и Милюковъ); характерной особенностью этихъ построекъ является ярко-выраженное стремленіе сказать свое оригинальное слово пользуясь элементами, оставленными „московскимъ классицизмомъ“, но не успѣвшими достаточно ожить, чтобы органически слиться другъ съ другомъ и пріобрѣсти устойчивое положеніе во всей массѣ зданія. Таковы, напримѣръ: колоннады, красивыя сами по себѣ, но не оправданныя необходимостью и теряющіяся, какъ украшеніе, колоннады, перевязанныя на нѣкоторой высотѣ балконной рѣшеткой и разбивающіяся ею, сосѣдство колоннъ разныхъ масштабовъ на одномъ фасадѣ, разнообразіе оконныхъ отверстій на одной

плоскости, претендующее на живописность, скульптурные и майоликовые фризы, покинувшіе свое мѣсто подъ карнизомъ и не нашедшіе другого, изъ-за чего имъ приходится лишаться части своей поверхности, поглощенной оконными впадинами, и т. п. Несомнѣнно однако, что одухотворенность классицизма слишкомъ значительна, и изученіе естественнаго хода его развитія не можетъ не оставить слѣда на зодчихъ, осознавшихъ красоту (а не красивость) былыхъ достиженій. Особенно это должно касаться Москвы съ ея славнымъ архитектурнымъ прошлымъ, памятники котораго слишкомъ глубоки по духу, чтобы восприниматься исключительно только „внѣшнимъ“ чувствомъ.

Историческій очеркъ русской иконописи.

Б. фонъ-Эдинга.

Исторія любого изъ западно-европейскихъ искусствъ, положимъ итальянскаго, ведетъ изученіе живописи съ начальныхъ эпохъ и до настоящаго времени безъ выдѣленія иконописи отъ живописи.

Не то въ Россіи. Считается, что собственно русская живопись беретъ начало въ эпохѣ Петра; все, что было до тѣхъ поръ—иконопись. Разграниченіе это приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, понятіемъ иконопись не опредѣляется содержательная культурная сторона произведеній искусства, такъ какъ и послѣ Петра Великаго художники работали для церкви и до Петра иконописцы не ограничивались церковными

работами. Наоборотъ, нужно разсматривать ее въ органической связи со всѣми явленіями русскаго и иностраннаго искусства.

Исторія русской иконописи есть часть, и значительная часть, русской живописи.

Но чѣмъ объяснить основное непониманіе иконописи, какъ искусства? Нужно сознаться, это очень стародавнее „непониманіе". Почти всѣ, кто говорилъ объ иконописи, а это были культурнѣйшіе люди своего времени — дьякъ Висковатый и Іоаннъ Грозный въ XVI вѣкѣ, протопопъ Аввакумъ въ XVII вѣкѣ, многіе знатоки искусства въ XIX вѣкѣ,—всѣ сходятся въ одномъ, въ придирчивой узкосодержательной провѣркѣ, но не оцѣнкѣ искусства!

Поэтому иконопись на протяженіи восьми вѣковъ существованія на почвѣ Россіи, знавшая много эпохъ роста, славы и паденія, долгое время опредѣлялась, какъ мертвое, косное и слабое художество. Только у старообрядцевъ находимъ болѣе правильное отношеніе къ дѣлу.

Старообрядцы, безконечно ближе стоящіе къ народнымъ массамъ, чѣмъ интеллигентные публицисты, проявили въ прошломъ исключительную тонкость художественнаго пониманія.

Старообрядчество,—явленіе въ высшей степени характерное какъ разъ для московскаго періода русской исторіи, и старообрядчеству русская культура и въ частности Москва обязаны сохраненіемъ иконописныхъ сокровищъ. Въ исторіи русской иконописи за Москвой остается свойственная столицѣ роль собирательницы и наслѣдницы древнихъ культуръ Россіи. Когда пали самостоятельныя русскія общины и княжества и власть пе-

решла къ Москвѣ, въ Москву стали свозить древнія святыни Новгорода, Владиміра, Ростова Великаго, Твери, и долго послѣ того столица живетъ искусствомъ этихъ болѣе культурныхъ „провинцій". Намъ извѣстно, что архитектура и живопись въ различныхъ эпохахъ, въ различныхъ областяхъ создавали тѣ или другіе, неповторявшіеся при иныхъ условіяхъ типы. Не сразу, очень туго складываются черты Московскаго иконописнаго типа, но уже въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII вѣкахъ художественное производство столицы непомѣрно возрастаетъ. Около государева двора организуется постоянный кадръ царскихъ иконописцевъ; достаточно замѣтить, что все наиболѣе замѣчательное за XVII столѣтіе было создано этими мастерами. Московской иконописи, какъ искусству, принадлежитъ заключительная эпоха въ исторіи до-Петровской живописи. Но кромѣ того иконопись, какъ ремесло, существующее и до настоящаго времени, непосредственно примыкаетъ къ Московскому періоду живописи, художественныя формы котораго оказались очень близкими къ народному міропониманію и, – о чемъ можно говорить имѣя въ виду двухсотлѣтнюю давность иконописи, до сихъ поръ существующей во Влад. губ. – наиболѣе прочными.

Исторія русской иконописи начинается съ эпохи византійскихъ мозаикъ Кіева. Извѣстное намъ искусство великолѣпнаго Кіева XI вѣка равномѣрно принадлежитъ и русской и византійской культурѣ. Въ мозаикахъ Кіевскаго Софійскаго собора цѣльно и полно выражается византійское творчество XI вѣка. Даже въ копіяхъ (въ Моск. Истор.музеѣ залы 7-ой и 8 й) ясно величіе этого искусства; всѣ характеристики ярки и свѣжи, какъ свѣжи лучезарные

тона мозаики. Несомнѣнно, это искусство питали еще античныя впечатлѣнія, но все въ общемъ сложилось въ торжественные и пышные образы, для которыхъ такъ нужны были золотые фоны.

Долгій перерывъ, наступающій за эпохой кіевскихъ мозаикъ, объясняется неблагопріятными историческими условіями и младенческимъ состояніемъ русской археологіи.

Съ одной стороны, погибло почти все, что было создано богатой и напряженной культурой Кіева, Новгорода, Ростова, Суздаля и Владиміра, съ другой стороны, современное русское общество не изучило, какъ слѣдуетъ, а во многихъ случаяхъ забыло и потеряло тѣ остатки прошлаго, которые для исторіи образовали бы необходимыя звенья, а для страны могли бы быть предметомъ народной любви и гордости.

Сумма всѣхъ историческихъ условій, яркихъ и въ высшей степени благопріятныхъ, создала огромную творческую культуру свободнаго Новгорода. Здѣсь литература, живопись и архитектура создали мощные типы, отмѣченные печатью вѣчной красоты. Русская живопись въ эту эпоху слагалась въ монументальное искусство, чему не мало способствовало усиленное храмоздательство новгородцевъ.

Лѣтописи постоянно отмѣчаютъ построеніе и роспись новыхъ церквей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не выяснена исторія новгородской живописи; нашей цѣлью будетъ только уясненіе общаго характера новогородскаго стиля.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей русской культуры, Д. Ровинскій, слѣдующими чертами характеризовалъ Новгородскую иконопись:

„Рисунокъ рѣзкій, длинными прямыми чертами; фигуры по большей части короткія, въ 7 или въ $7^1/_2$ головъ; лицо длинное, носъ спущенъ на губы. Риза прописана въ двѣ краски или раздѣлана толстыми чертами бѣлилъ или чернилъ. Движки [1]) въ лицѣ, рукахъ и ногахъ, попадающіяся и въ другихъ письмахъ, составляютъ одну изъ главныхъ принадлежностей новгородскихъ иконъ какъ большого, такъ и малаго размѣра. Палаты просты и обведены неправильно, отъ руки. Горы раздѣлены шашечками и кружочками, травы и деревья просты".

Новгородское искусство было уже совершенно опредѣлившимся, когда возрастающая Москва обратилась къ Новгороду, какъ къ художественному центру. Творчествомъ лучшихъ мастеровъ-новгородцевъ были украшены стѣны церквей новой столицы. Лѣтописи благоговѣйно сохранили намъ ихъ имена, но время скрыло или совершенно уничтожило памятники ихъ творчества. Такимъ начальнымъ для Москвы художественнымъ явленіемъ, но въ то же время высочайшимъ достиженіемъ новгородскаго искусства представляется творчество Андрея Рублева, имя котораго пережило долгіе вѣка, что особенно значительно для безыменнаго русскаго искусства. Жизнь Рублева вскорѣ стала житіемъ преподобнаго, а его художественные образы долгое время считались образцовыми. Было бы очень трудно, если не невозможно, представить себѣ ясно „манеру" письма Андрея Рублева по имѣющемуся въ Москвѣ матеріалу. Доступнѣе намѣтить основныя черты

---

[1]) Движки или отмѣтины, свѣтлыя яркія черты, обозначающія рельефъ формы.

иконописи XV вѣка, болѣе или менѣе условно называемой „Новогородской“, чтобы при переходѣ къ позднѣйшимъ эпохамъ намъ были яснѣе ихъ особенности. „Новогородскія“ иконы въ Москвѣ довольно многочисленны; еще во времена образованія иконописнаго собранія Третьяковской галлереи, двѣ трети этого отдѣленія составили „Новогородскія письма“.

Уже самый поверхностный обзоръ этого драгоцѣннаго собранія убѣждаетъ, какъ разнообразны иконы, объединенныя названіемъ „Новогородскихъ“.

Въ одномъ случаѣ (Тр. гал. № I) обнаруживается исключительная любовь къ цвѣту. Рельефъ лица данъ въ легкой смѣнѣ красочныхъ оттѣнковъ, чуждыхъ какихъ-либо нейтральныхъ, грязныхъ тоновъ. Тона одеждъ измѣняются, а иногда и прямо противоположны въ свѣтахъ и тѣняхъ. На ряду съ этимъ встрѣчаются нѣсколько приглушенныя гаммы красокъ въ пользу преобладанія какого-либо одного цвѣта. Различныя отношенія къ рисунку и лѣпкѣ даютъ представленіе о еще большемъ богатствѣ художественной культуры. Почти за каждой иконой указаннаго собранія ощущается долгая эпоха выработки художественныхъ средствъ [1]). Единственно сохранившаяся и недавно открытая въ Москвѣ фреска 15 вѣка даетъ возможность обобщенія всѣхъ, словно бы разрозненныхъ въ своемъ разнообразіи образовъ новгородской иконописи. Въ маленькомъ Похвальскомъ придѣлѣ Успенскаго

---

[1]) Весьма цѣннымъ пособіемъ при обозрѣніи иконъ служитъ: „Краткое описаніе иконъ собранія П. М. Третьякова“, составленное Н. П. Лихачевымъ.

собора была обнаружена роспись стѣнъ и сводовъ. Триста лѣтъ забвенія не прошли даромъ для памятника, сохранившагося совершенно случайно; часть красокъ осыпалась, часть смыта, надписи и нѣкоторыя детали утрачены. И все же, вглядываясь, понимаешь, что и не въ деталяхъ была сила этого искусства. Если бы фреска утратилась и еще больше, это существенно не измѣнило бы впечатлѣнія. Искусство данной эпохи останавливалось на томъ уровнѣ творчества, когда живопись дѣйствовала большими массами. Натурализмъ, отмѣчаемый мозаиками Кіева, существенно видоизмѣнился. Всѣми формами теперь владѣютъ тонкіе и глубокіе законы и отношенія монументальной композиціи. Обращаясь къ любому ряду русскихъ иконъ XV вѣка, наблюдаешь основную монументальность въ общей композиціи и въ частномъ образованіи формы. Можно удивляться серьезности глубинъ всѣхъ средствъ живописи, для которой словно бы не имѣли никакого отрицательнаго значенія вопросы мѣста и размѣра. И въ большихъ иконахъ, а крупные размѣры можно считать въ особенности присущими „Новогородской живописи“, и въ мелкихъ композиціяхъ проявлялись глубокія и „прочныя“ впечатлѣнія искусства и жизни. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ „чинъ“ (Третьяков. галлерея). Даже въ маленькихъ размѣрахъ фигуры не опредѣлены рисуночной миніатюрной схемой. Цвѣтъ и форма въ глубокомъ единствѣ образуютъ всѣ образы. Психическія достиженія разсматриваемаго искусства огромны. Усвоивъ мощныя византійскія традиціи, русскіе еще возвысили ихъ глубокой созерцательностью. Эту черту имѣютъ въ виду слѣдующія строки Іосифа Во-

локоламскаго: „чудни они присловущіе иконописцы, Даніилъ и ученикъ его Андрей, и иніи мнози таковы же и толику добродѣтель имуще и толико тщаніе о постничествѣ и иноческомъ жительствѣ, яко имъ божественнымъ благодати сподобитеся и толико въ божественную любовь предуспѣвати, яко никогда же въ земныхъ упражнятися, но всегда умъ и мысль возносити къ невещественному и божественному свѣту, чувственное же око всегда возводите ко еже отъ вещнихъ ваповъ написаннымъ образомъ Владыки Христа и Пречистыя Его Матери и всѣхъ Святыхъ, яко и на самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія на сѣдалищахъ сидяща и предъ собою имуща божественныя и всечестныя иконы и на тѣхъ неуклонно зряще, божественныя радости и свѣтлости исполняхуся, и не точію на той день, но и въ прочіе дни, егда живописательству не прилежаху“.

Недавняя реставрація иконы Андрея Рублева („Св. Троица“ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ) возвратила подлинныя черты искусства этому произведенію, передъ которымъ уже давно раздавались восторженныя сужденія. Приведенныя выше замѣтки о стилѣ XV-го вѣка встрѣчаютъ подтвержденіе и въ иконѣ Рублева. Монументальность формъ встрѣтилась здѣсь, какъ это рѣдко бываетъ, съ глубокой одухотворенностью.

Въ литературѣ не разъ выяснялись содержательныя и поучительныя стороны русской иконы, но школа, предшествовавшая Московской, создавала самые возвышенные и глубокіе образы, безконечно далекіе отъ какой-либо сентиментальности и мелкой содержательности. Также не разъ говорилось, что красота русской иконы—красота узора, орна-

мента; позднѣйшія эпохи, именно XVII вѣкъ, знали и то и другое—сентиментальность въ образахъ и орнаментальность въ формахъ. Древнѣйшій „Новогородскій“ стиль создалъ мощные по чувству и формѣ образы; было бы непростительной ограниченностью съ нашей стороны воспринимать въ немъ и вкладывать въ него нашу чувствительность. То же искусство совершенно владѣло композиціей и построеніемъ живописно-пространственной формы; было бы слишкомъ мало наблюсти въ этомъ искусствѣ только „орнаментальную“ красоту. Въ эту эпоху не было никакой дробности и мелочности въ зрительномъ образѣ, не было общедоступной красоты узоровъ, скрывающей подчасъ основные недостатки искусства. Это все и есть та прямолинейность, которую усмотрѣлъ въ Новгородской иконописи Ровинскій.

Слѣдующей эпохой, подлежащей нашему разсмотрѣнію, является эпоха Іоанна Грознаго.

Для этого времени, вполнѣ сложившагося Московскаго направленія, мы, помимо живописнаго матеріала, располагаемъ очень важными для эпохи литературными источниками: постановленіями Стоглаваго собора (1551 года) и дѣломъ дьяка Висковатаго (1554 года). Соборъ уже считается съ значительнымъ паденіемъ иконописанія; иконы появились на рынкахъ на ряду съ самымъ ходкимъ и дешевымъ товаромъ. Интересно, между прочимъ, строгое запрещеніе свободнаго творчества и указаніе иконописцамъ придерживаться работъ „пресловущихъ русскихъ мастеровъ“ и въ томъ числѣ—работъ Андрея Рублева. Въ этой указкѣ, преслѣдующей личное творчество и въ то же время ставящей за образецъ какъ-разъ достиженія

индивидуальной одаренности, ярко выражается художественная культура Москвы.

И дѣйствительно, соборъ былъ безсиленъ передъ новыми условіями культуры и новыми формами искусства. Больше того. Только что осудивъ творческій произволъ, церкви пришлось брать новшества подъ свою защиту отъ нападокъ людей, не примиряющихся своимъ религіознымъ опытомъ съ художественными нововведеніями въ иконописи. Таковъ смыслъ дѣла Висковатаго, въ которомъ заложены уже всѣ возможности раскола. Въ 1547 году огромный пожаръ лишилъ между прочимъ кремлевскіе соборы и палаты ихъ живописнаго убранства. Какъ полтораста лѣтъ тому назадъ, Москва обращается къ новогородскимъ мастерамъ. Новыя росписи и иконы вызвали, однако, въ Москвѣ неудовольствія; ихъ выразилъ дьякъ Иванъ Висковатый, болѣе всего смущенный тѣмъ, что „иконописцы поставили образа, свое мудрованіе, а подписи на нихъ нѣтъ“. Ревностный дьякъ, отлично усвоившій постановленія Стоглава, отмѣчаетъ много чертъ „мудрованія“. Таковы: сложенныя длани Христа въ распятіи; разнообразіе и несходство типовъ одного и тогоже лица на разныхъ иконахъ. Таково изображеніе „женка спустя рукава кабы пляшетъ, а подписано подъ нею „Блуженіе“ и ино ревность и иныя глумленія“. Послѣднее увидалъ дьякъ въ большой аллегорической композиціи въ „Золотой палатѣ“. Церковный соборъ довольно сурово осудилъ Висковатаго за сомнѣнія, въ которыхъ была усмотрѣна хула на иконы.

Показательное значеніе „дѣла“ очень велико: и въ недоумѣніяхъ и въ отвѣтахъ правой и виноватой стороны поражаетъ больше всего придир-

чивая мелочность, являющаяся знаменемъ своего времени.

Большое искусство доживало послѣдніе дни; прошло время счастливаго единства одухотворенной красоты. На ряду съ тѣмъ возрастаетъ содержательное иллюстративное значеніе живописи; возрастаютъ на иконахъ надписи; передъ задачей разсказа отступаютъ исканія непосредственной красоты и монументальности впечатлѣнія. Въ высшей степени характерны для московской школы второй половины XVI вѣка роскошныя „лицевыя“ рукописи, въ бойкихъ миніатюрахъ которыхъ пережитки „новогородскаго“ стиля встрѣтились съ чертами западныхъ вліяній. Состояніе Московской иконописи во второй половинѣ XVI вѣка весьма опредѣленно выражается въ иконѣ Троицы съ Бытіемъ въ Третьяковской галлереѣ (№ 17). Въ миніатюрахъ иконы много рисуночной прелести, но въ самомъ образѣ краски глухи, а рисунокъ вялъ, каллиграфиченъ и пустъ.

На рубежѣ XVI и XVII вв. отмѣчаютъ возникновеніе новыхъ „строгановскихъ писемъ“, существенно отличающихся отъ всей Московской иконописи особымъ аристократизмомъ выполненія. Среди общаго для московскихъ школъ пренебреженія техникой строгановскія выдѣляются замѣчательной тонкостью рисунка и красочныхъ сочетаній.

Однако новое направленіе не заключало въ себѣ ни новой одухотворенности, ни новыхъ формъ; очень скоро строгановскія письма ставятъ себѣ и разрѣшаютъ чисто количественныя задачи: испестрить поверхность иконы, большой или маленькой безразлично, наибольшимъ числомъ композицій.

Въ первой половинѣ 17 столѣтія въ Москвѣ

образованъ постоянный кадръ иконописцевъ. Одной изъ первыхъ работъ этой своеобразной академіи художествъ можно считать роспись Успенскаго собора (1644 г.). Рисунокъ и краски росписи отмѣчаются какъ разъ той вялостью и умѣренностью, которая такъ свойственна московскимъ письмамъ. Всѣ формы напоминаютъ увеличенныя иллюстраціи. Но все же фрески собора—серьезный памятникъ своей и предыдущей эпохъ. Уже середина XVII вѣка характеризуется бурнымъ наплывомъ западныхъ вліяній, Московская иконопись за полтораста лѣтъ довела до схематизма то, что было единственно возможнымъ средствомъ выраженія въ Новгородѣ, Владимірѣ и Суздалѣ, вездѣ, гдѣ былъ усвоенъ великій стиль, какъ міровоззрѣніе. Едва-ли свой стиль, скорѣе манера, были въ Москвѣ въ серединѣ XVII вѣка. Только поэтому понятны легкія и опустошительныя завоеванія западныхъ живописныхъ формъ, культивировавшихъ очень посредственный натурализмъ. Правда, его нѣтъ во фрескахъ, выполненныхъ царскими мастерами въ 60—80-хъ годахъ въ Переяславлѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и Костромѣ, являющихся словно бы современными отголосками большого стиля, но въ самой столицѣ всѣ увлеченія чужимъ были неразборчивѣе и пестрѣе. Какъ и все, видоизмѣнялись и типы, при чемъ была окончательно разбита духовная отрѣшенность небожителей.

„Пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, гнѣвно говоритъ протопопъ Аввакумъ, лицо одутловато, уста червонная, власы кудрявая, руки у мышцы толстыя, тако же и у ногъ бедра толстыя, а весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учитенъ, лишь сабли той при бедрѣ не написано. А все то пи-

сано по плотскому умыслу... Вотъ и никоніане учнутъ писать Богородицу чревату въ Благовѣщеніе, яко и фрязи поганые. А Христа на Крестѣ раздутовата: толстехонекъ миленькій стоитъ, а ногите у него, что стулчики. Охъ, охъ бѣдная Русь! чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ".

Начался расколъ. Все глубоко переживающее религіозный идеалъ ушло въ старообрядчество. Съ другой стороны, вкусы болѣе податливые надолго сдѣлали церковь ареной всѣхъ художественныхъ, чаще ремесленныхъ смѣнъ стилей. Самой крупной величиной на фонѣ общаго паденія иконописи является Симонъ Ушаковъ, съ популярностью котораго можетъ сравниваться только слава Андрея Рублева. Но Рублевъ жилъ въ болѣе счастливое время. Тогда великій стиль эпохи и личныя достиженія Рублева соединились въ недосягаемое совершенство. Теперь, въ XVII вѣкѣ, Ушаковъ былъ лишенъ художественныхъ традицій; онъ, какъ и значительная часть русскихъ, увидалъ себя въ началѣ долгаго пути выучки. Западныя искусства, результаты совершенно иного художественнаго опыта, давали образцы такого „совершенства", котораго хотѣлось достигнуть всѣми усиліями настоящаго и, конечно, цѣною истиннаго прошлаго. Очень полное представленіе объ эстетикѣ Ушаковскаго кружка, объединившаго, очевидно, все наиболѣе искреннее и молодое, даетъ трактатъ изографа Іосифа о живописи.

I. О премудрой мастратѣ живописующихъ, сиричъ о изящномъ мастерствѣ иконописующихъ и цѣломудренномъ познаніи истинныхъ персонъ и о дерзностномъ лжеписаніи неистовыхъ образовъ.

II. Вспакъ на уничтожающія святыхъ иконъ живописанія или возразъ къ нѣкоему хульнику Іоаннови вредному.

„Неужели ты скажешь“, обращается Іосифъ къ врагу новаго писанія, „что только однимъ русскимъ дано писать иконы, и только одному русскому иконописанію поклоняться, а отъ прочихъ земель иконъ не принимать и не почитать? Ты только такъ мудрствуешь; а если хочешь разумѣть, то знай, что въ иностранныхъ земляхъ таковъ стяжательный нравъ къ любомудрію, наипаче же къ сему премудрому живописанію прилежитъ, что не только Христовъ и Богородиченъ образъ на стѣнахъ и на дскахъ живоподобно пишутъ, и на листахъ печатать искусны, но и земныхъ царей своихъ персоны въ забвеніи не полагаютъ... или въ образахъ написуютъ и всякія вещи и бытія въ лицахъ представляютъ и будто живыхъ изображаютъ“.

Наивное восхищеніе передъ „натуральностью“ отводитъ художникамъ и ихъ творчеству опредѣленное, не очень значительное, несамостоятельное положеніе. Впрочемъ, изъ многихъ работъ безчисленныхъ художниковъ-ремесленниковъ иконы Симона Ушакова всегда выдѣляются выраженіемъ особаго такта и мягкой душевности. Съ Ушаковымъ обычно заканчиваютъ обозрѣніе русской иконописи. Если это можно дѣлать—нужно помнить, что этотъ мастеръ является въ то же время однимъ изъ самыхъ первыхъ живописцевъ, такъ какъ въ немъ до конца были изжиты черты иконописи, какъ цѣльнаго художественнаго міропониманія.

Художественная Москва.

Музеи и галлереи.

Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III.

Б. Виппера.

Волхонка, близъ Храма Спасителя. Трамваи №№: 13, 18, 23, 24 и 34. Открытъ въ будни, кромѣ понед., отъ 11 до 3 ч.; по понедѣльникамъ и двунадесят. праздник. музей закрытъ. Входъ безплатный.

Музей Александра III впервые открылъ свои двери для публики весной 1912 г. Первоначальнымъ ядромъ для его собраній послужила небольшая коллекція гипсовыхъ слѣпковъ и расписныхъ греческихъ вазъ, принадлежавшая моск. университету и предназначенная главнымъ образомъ для педагогическихъ цѣлей. Эти же цѣли, видимо, рисовались основателямъ новаго музея въ первое время его оборудованія. Но развиваясь и обогащаясь постепенно, музей измѣнилъ свой прежній обликъ. Сначала прибавилось богатое собраніе египетскихъ оригиналовъ, купленное государствомъ для музея у князя Голенищева-Кутузова, потомъ поступила въ музей коллекція итальянскихъ примитивовъ, принесенная въ даръ М. С. Щекинымъ (пока недоступная для широкой публики), наконецъ самое коли-

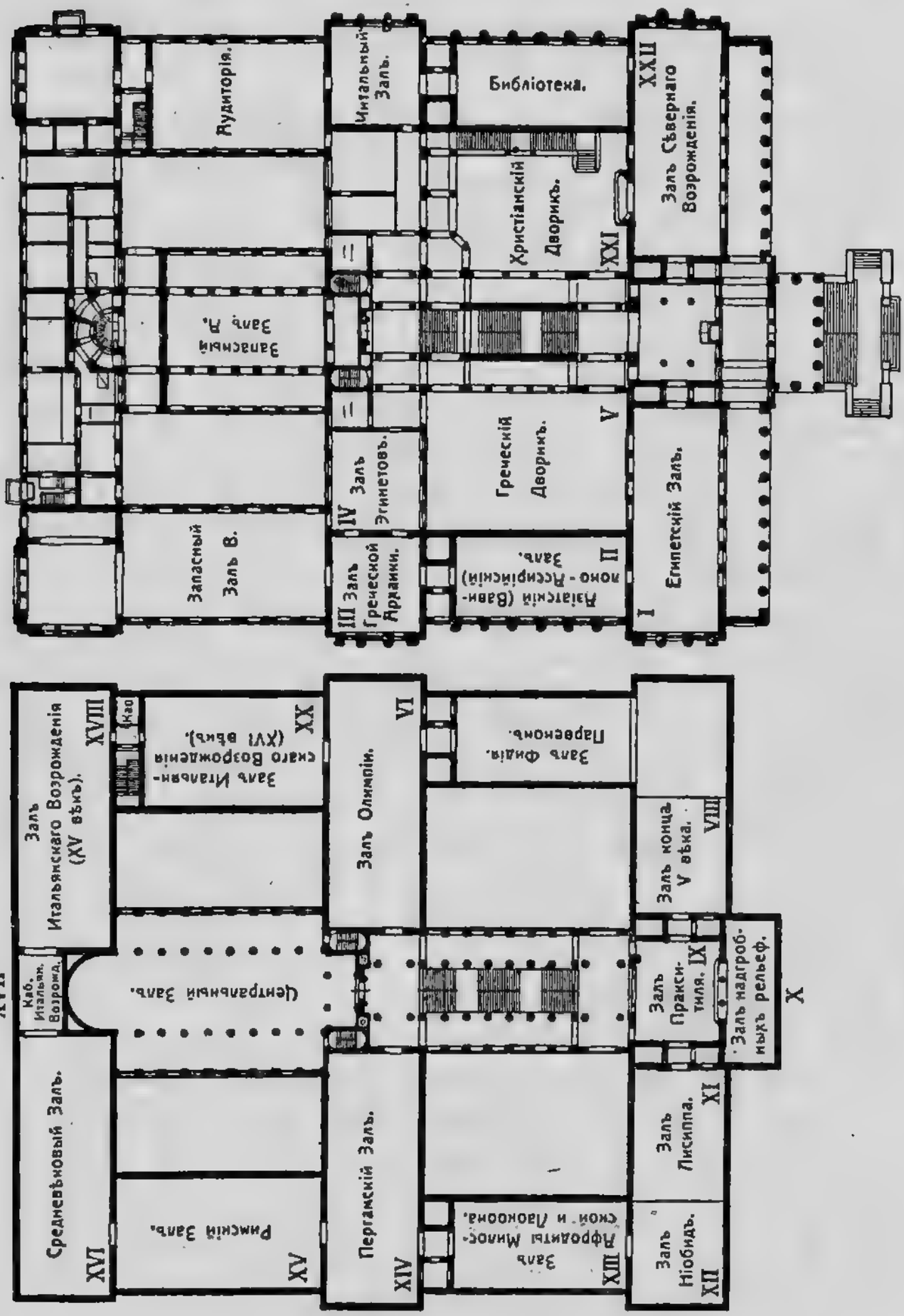
чество слѣпковъ и копій разраслось до степени, далеко перешедшей границы скромнаго педагогическаго аппарата. При размѣщеніи художественныхъ предметовъ по заламъ, при ихъ классификаціи и подборѣ, устроители новаго учрежденія уже не могли считаться съ требованіями музея-лабораторіи, они должны были пожертвовать интересами

Музей императора Александра III.

изучающихъ искусство для того, чтобы съ помощью декоративнаго расположенія слѣпковъ и ихъ тонировки (т.-е. раскраски „подъ оригиналъ“) создать у широкой публики иллюзію недостающаго Москвѣ музея подлинниковъ. Ясно, конечно, что отсутствіе истинныхъ оригиналовъ только въ очень малой степени можетъ быть возмѣщено музеемъ тонированныхъ гипсовъ. Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ Голенищевское собраніе, дающее намъ

возможность ознакомиться съ подлиннымъ искусствомъ египетскихъ мастеровъ. Въ нашемъ краткомъ обзорѣ мы удѣляемъ поэтому главное мѣсто именно египетскому отдѣлу. Существованіе же подробнаго путеводителя по М. И. И. (офиціальнаго для античнаго искусства и путеводителя, составленнаго Д. А. Жариновымъ, Н. М. Никольскимъ и С. И. Радцигомъ, по всему музею) позволяетъ намъ ограничиться въ остальныхъ отдѣлахъ только главными моментами, чтобы намѣтить основные этапы въ эволюціи искусства.

Египетскій отдѣлъ. **Залъ I** (нижняго этажа). Интересъ къ египетскому искусству—явленіе совсѣмъ недавнее. Еще недалеко то время, когда сложная сѣть іероглифовъ заслоняла отъ глазъ ученыхъ строгія линіи архитектуры, на которой эти іероглифы были начертаны, когда въ безконечной лентѣ рельефовъ, развернувшейся по гладкимъ стѣнамъ храма, могли видѣть только наглядную иллюстрацію религіозныхъ воззрѣній и быта египтянъ, забывая о художественной цѣнности этихъ рельефовъ. На египетское искусство привыкли смотрѣть, какъ на искусство неразвитое, еще не научившееся изображать человѣческую фигуру; египетское искусство привыкли считать только предварительною ступенью къ высшимъ достиженіямъ греческой пластики. И потому, что хотѣли видѣть въ искусствѣ египтянъ только культурно-историческій документъ, думали, что и въ самой жизни обитателей Нильской долины искусство играло второстепенную роль служанки религіозной фантазіи и монархическаго режима. Напротивъ, теперь, когда современное искусство пытается найти очищеніе въ ясности и замкнутости первобытнаго искусства, въ сознатель-



Музей императора Александра III.

ной наивности примитивовъ, увлеченіе художественными формами древняго Египта все возрастаетъ и возрастаетъ.

Въ архитектуру египетскаго зала музея введены наиболѣе существенные элементы египетскаго зодчества, его колонны, двери и карнизы, но, разумѣется, цѣльнаго архитектурнаго впечатлѣнія эта зала дать не можетъ. Попробуемъ его дополнить въ нашей фантазіи. Основныя свойства египетской каменной архитектуры характеризуются двумя чертами—отсутствіемъ ярко выраженнаго фасада и продолговатой формой зданія. Фасада, въ томъ смыслѣ, какъ его понимали, напримѣръ, художники Ренессанса или Барокко, т.-е. вертикальной плоскости, замыкающей зданіе и въ разрѣзѣ дающей его главную схему, у египтянъ не было уже потому, что въ ихъ зданіяхъ, собственно, нѣтъ начала: они какъ бы составляютъ продолженіе гладкой равнины или крутой скалы и потомъ незамѣтно, съ помощью различныхъ элементовъ, опять переходятъ въ равнину: сначала священная дорога, обсаженная деревьями и ведущая къ храму сквозь строй каменныхъ идоловъ, это —первый этапъ, потомъ входныя ворота—пилоны, а дальше въ постепенной колоннадѣ, то продольной, то поперечной, съ перекрестной игрой свѣта, продолжается равномѣрное углубленіе къ самому святилищу храма, къ постепенной темнотѣ изъ яркаго свѣта, къ узости изъ простора, къ таинству. Въ египетской природѣ преобладаютъ прямыя линіи, она вся состоитъ изъ плоскостей и отвѣсовъ; – и египетская архитектура строго прямолинейна; правда, египтяне знали тайну купольныхъ построекъ, но свои купола и своды они маскировали горизонтальнымъ потолкомъ. Го-

рячее южное солнце заставляло ихъ искать тѣни, и они лишаютъ зданіе фасада и купола, оставляютъ для свѣта только рѣдкія отверстія; ихъ архитектуру больше, чѣмъ всякую другую, можно назвать архитектурой внутренности, необъятнаго пространства, заключеннаго въ суровыхъ гладкихъ стѣнахъ, и, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ какъ у египтянъ, не существовало архитектуры столь любившей темноту, неясную мглу глубокаго храма. Колонна въ Египетской архитектурѣ играетъ роль внутренней опоры зданія, свѣтъ падаетъ на нее сбоку и всегда даетъ ей выпуклую моделировку: поэтому она не нуждается въ канелюрахъ, которыя при наружномъ, разсѣянномъ свѣтѣ подчеркиваютъ контуры и выпуклость колонны, не давая ей казаться слишкомъ плоской. Но не пользуясь канелировкой, египтяне любили расчленять колонну поперечнымъ дѣленіемъ, чтобы ослабить впечатлѣніе излишней тяжести въ своихъ колоннахъ. Тотъ-же боковой рѣзкій свѣтъ заставлялъ ихъ избѣгать неровной кладки стѣнъ: ихъ стѣны были гладки и блестящи, и даже тончайшія щели между камнями, сквозь которыя, по словамъ одного арабскаго путешественника, нельзя было пропустить даже иголку или волосъ, они предпочитали закрывать штукатуркой. Эта-же полутьма глубочайшаго пространства, прорѣзаннаго боковымъ лучемъ, побудила ихъ фантазію изобрѣсти особый, никогда послѣ не примѣнявшійся видъ рельефа съ углубленнымъ рисункомъ, такъ называемый рельефъ en creux, потому что только онъ одинъ въ этой неясной мглѣ широкихъ залъ могъ давать настоящія тѣни и рѣзкія твердыя линіи. И еще было одно свойство египетской архитектуры, свойство безгра-

ничныхъ равнинъ и свободнаго неба, это—ея неизмѣримая монументальность, та величавость, которая возможна только при совершенной пропорціональности частей: египтяне умѣли находить для своихъ стѣнъ и пилоновъ, колоннъ и карнизовъ такую окончательную пропорцію, такое постоянное соотношеніе, которое подчинялось всякому размѣру и во всякомъ размѣрѣ казалось одинаково монументальнымъ. И соотношеніе это было одинаково совершеннымъ какъ въ грандіозномъ храмовомъ пилонѣ, такъ и въ алебастровомъ ящикѣ вышиной въ 1 метръ. И если вамъ когда-нибудь приходилось видѣть въ фотографіи статую царя Хефрена, я увѣренъ, что вы представляли себѣ статую громадной и что вы будете крайне изумлены, когда увидите (въ лѣвомъ углу отъ входа) точный слѣпокъ съ оригинала вышиной немного больше 1 метра. Впослѣдствіи въ средневѣковомъ залѣ вы увидите раку св. Гертруды: небольшое сооруженіе въ стилѣ готическаго собора—настоящій маленькій храмикъ со всѣми деталями порталовъ и контрфорсовъ (**Залъ XVI**). Но насколько иное впечатлѣніе! Рака св. Гертруды, это—только крошечная модель храма, въ ней нѣтъ и слѣда того устремленія въ высь, той ползущей кверху безконечности, которая поражаетъ насъ въ готическомъ храмѣ. Ибо готическая конструкція задумана не разъ навсегда, какъ, напримѣръ, конструкція пирамидъ: она мыслима только снизу вверхъ, она пропорціональна только въ саженныхъ окнахъ и громадныхъ столбахъ. Посмотрите теперь на колонны, подпирающія египетскій залъ, и на входную дверь изнутри: она открываетъ намъ еще одну особенность египетской архитектуры. Египтяне представляли себѣ сущность

всякой вещи не въ ея матеріалѣ, а въ ея формѣ: поэтому всѣ элементы ихъ зданій покрыты слоемъ штука, скрывавшаго истинный матеріалъ—камень, и всѣ они расписаны. Египтяне не оставляли ни слѣдовъ своей работы, ни слѣдовъ матеріала, подобно тому, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, нашъ современникъ Родэнъ, въ законченныхъ произведеніяхъ котораго мы можемъ узнать каждый ударъ рѣзца, каждое движеніе пальца на глинѣ; и крѣпкій базальтъ, и ломкій песчаникъ египетскіе мастера полировали съ одинаковымъ тщаніемъ. Египтяне привыкли не оставлять слѣдовъ своего строительнаго матеріала даже тогда, когда работали въ камнѣ и когда скрыванія матеріала не требовали практическія соображенія; но это не должно насъ удивлять: вѣдь первоначальнымъ матеріаломъ для ихъ построекъ и для ихъ статуй, дошедшимъ даже и въ историческую эпоху, было дерево, а его можно было сохранять отъ вывѣтриванія только при помощи штука, закрывавшаго всѣ отверстія и поры. И раскраску архитектурныхъ элементовъ мы легко поймемъ тогда, какъ желаніе избѣгнуть однообразной бѣлизны известковаго слоя. Если приглядѣться поближе, не трудно замѣтить слѣды деревяннаго зодчества и въ каменныхъ формахъ египетской архитектуры: въ тѣхъ ея элементахъ, которые кажутся немотивированными въ крѣпкомъ матеріалѣ или происхожденіе которыхъ непонятно, если ихъ не отвлечь отъ камня. Взгляните, напримѣръ, на завершеніе входной двери, на этотъ упруго изгибающійся карнизъ, словно широкій, смѣло загнутый жолобъ; онъ заканчиваетъ не только двери, онъ часто тянется вокругъ всего зданія, какъ бы коронуя его, какъ бы неожиданно и остро обрывая

его быстрымъ изгибомъ. Развѣ значеніе этого карниза понятно въ тяжеломъ камнѣ? А между тѣмъ мы знаемъ его происхожденіе. Мы знаемъ, что когда-то, въ отдаленныя времена, египтяне строили изъ кирпича (его вліяніе сказывается и въ позднѣйшихъ каменныхъ стѣнахъ, которыя для устойчивости продолжали дѣлать покатыми снаружи) или пальмовыхъ стволовъ, плотно связывая ихъ другъ съ другомъ и прибивая къ поперечнымъ балкамъ; при этомъ верхушки пальмъ выдавались надъ послѣдней поперечной балкой, образуя естественное завершеніе стѣны, форма котораго потомъ отразилась въ вогнутомъ каменномъ карнизѣ. Такого-же происхожденія и колонны, имитирующія форму папируса, лотоса или пальмы, съ неожиданнымъ заостреніемъ книзу и рѣзными деталями въ своей вершинѣ (капители), покрытой штукомъ и расписной. Все это—отголоски деревянныхъ подпоръ, остріемъ втыкавшихся въ землю. Вѣдь египетская колонна всегда поддерживаетъ потолокъ, даетъ внутреннюю опору зданію, а не окружаетъ его, какъ греческая, ритмическими повтореніями. Вѣдь египетская колоннада всегда сама окружена стѣной, она выпукло выдѣляется на темномъ фонѣ внутренней стѣны, а не рисуется силуэтомъ передъ свѣтлымъ небомъ, какъ потомъ въ Греціи. Мы узнаемъ здѣсь функціи деревянной колонны, традиціи которой твердо хранились египтянами, такими сдержанными въ восприниманіи новыхъ формъ. А что египтяне были глубоко консервативны въ своемъ художественномъ міросозерцаніи, что искусство ихъ питалось по преимуществу опытомъ прошлаго, мы можемъ видѣть изъ того, какъ быстро изсякъ источникъ ихъ творчества, когда пришли съ сѣ-

вера новыя культуры и между ними греческая, всесильная и всепокоряющая.

Мы познакомились, такимъ образомъ, съ основными свойствами египетской архитектуры, мы узнали, что конструктивныя части египетскаго зданія были оштукатурены и расписаны; мы знаемъ также, что стѣны покрывались длинными рядами рельефовъ. Но египетскіе рельефы, въ сущности, не украшали стѣны, не были ея орнаментомъ, какъ греческіе. Ибо въ египетскомъ рельефѣ совсѣмъ другое отношеніе къ стѣнѣ, чѣмъ въ греческомъ. Греческій рельефъ выступаетъ, выдѣляется на стѣнѣ; она нужна ему, какъ фонъ, на которомъ онъ развертываетъ свою пластичность; греческій рельефъ—придатокъ къ стѣнѣ, который подчеркиваетъ ея горизонтальныя линіи, который даетъ ей завершеніе; поэтому греческій рельефъ тянется чаще всего въ одну ленту поверху стѣны, онъ не закрываетъ всей стѣны, онъ не идетъ въ вертикальномъ направленіи. А посмотрите на любой египетскій рельефъ изъ Голенищевскаго собранія (направо и налѣво отъ входа) — **Щитъ А, Б и В.** Онъ можетъ итти и горизонтально и вертикально, онъ можетъ пересѣкать и внезапно обрываться, наконецъ онъ можетъ закрывать всю стѣну и переходить даже на колонну. Стѣна для египетскаго рельефа не является фономъ; стѣна и рельефъ у египтянъ, это—одно цѣлое. Рельефъ, это—жизнь стѣны, ея выраженіе, ея игра, свѣтовая и линейная. Египетская „живая“ стѣна никогда не производитъ такого впечатлѣнія тяжести, матеріальности, какъ стѣна греческаго храма, которая должна сдерживать фигуры рельефа, готовыя отъ нея оторваться. Египетская стѣна безтѣлесна, египетскій рельефъ—словно тѣнь, брошенная

на стѣну. Вѣдь не даромъ египтяне создали свой особый видъ рельефа, чуждый всякому другому искусству, углубленный рельефъ en creux, который какъ будто нарушаетъ всѣ законы логики, заставляя стѣну и рельефъ помѣняться своими мѣстами. Для примѣра возьмемъ фрагментъ рельефа, изображающаго, очевидно, плачъ надъ умершимъ – **Щитъ Е**. Не ждите отъ этого рельефа тѣхъ впечатлѣній, которыя вы привыкли получать передъ греческими фризами. Онъ не дастъ вамъ ни глубины, ни пространства, ни выпуклыхъ тѣлъ. Въ немъ есть что-то сверхчувственное, что обманываетъ нашъ глазъ, привыкшій прежде всего видѣть ясное пространство и реальное тѣло человѣка. А человѣкъ здѣсь именно безтѣлесенъ. Онъ весь—линія, весь—игра контура, справа (откуда падаетъ свѣтъ) неожиданно темнаго, налѣво ярко-свѣтлаго, десятки разъ сплетающагося и перерѣзаннаго, но нигдѣ не создающаго впечатлѣнія ясно осязаемой формы. Нигдѣ нѣтъ остановки для глаза, потому что тѣло очерчено однимъ смѣлымъ штрихомъ, и вы снова приходите туда, откуда начали, и снова убѣгаете глазомъ дальше. Нѣтъ остановки и въ композиціи группы (слѣва болѣе спокойной, справа такой порывистой), потому что египтяне не любили симметріи, они не знали, что такое центръ композиціи, потому что въ ихъ рельефахъ, въ ихъ формахъ нѣтъ ни начала, ни конца.

Мы подходимъ сейчасъ къ одному изъ самыхъ существенныхъ моментовъ египетскаго искусства, къ изображенію человѣка въ рельефѣ. На первый взглядъ кажется, что египтянинъ не умѣлъ рисовать человѣка, что онъ не справился съ трудностями такой сложной машины, какъ человѣческое

тѣло, что онъ прибѣгъ къ компромиссамъ. И въ самомъ дѣлѣ, часто можно услышать, что египтянинъ невѣрно изображалъ глазъ, что, рисуя лицо въ профиль, онъ дѣлалъ глазъ такъ, какъ будто изображенный стоялъ лицомъ къ зрителю; и также будто онъ поступалъ съ тѣломъ, попросту приставляя широкую грудь къ ногамъ, нарисованнымъ въ профиль. Конечно, это не такъ. Намъ, воспитаннымъ на натурализмѣ европейскаго искусства, которое не позволяетъ отступать отъ законовъ оптики и перспективы, выработанныхъ наукой, намъ, привыкшимъ измѣрять цѣнность художественнаго произведенія реальностью пространственной протяженности, должно быть немного чуждо это искусство, которое всегда на поверхности, которое пренебрегаетъ оптическими привычками зрителя и заставляетъ его смотрѣть такъ, какъ этого требуютъ законы пластическаго контура. Но вѣдь мы же можемъ любоваться японской гравюрой или какемоно съ ихъ обратной перспективой, гдѣ переднія фигуры меньше отдаленныхъ, гдѣ все растетъ, чѣмъ дальше уходитъ отъ насъ, мы же приходимъ въ восхищеніе отъ византійскихъ мозаикъ и миніатюръ, нарисованныхъ будто сверху внизъ, такъ что верхнія фигуры оказываются вдвое больше нижнихъ. Мы вѣдь не считаемъ, что японцы невѣрно рисуютъ: они только рисуютъ не такъ, какъ мы. А между японскимъ и египетскимъ искусствомъ есть много общаго. И то, и другое искусство изображаетъ, по нашей оцѣнкѣ, человѣка типичнаго, человѣка вообще, такъ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, но не такъ, какъ онъ воздѣйствуетъ на окружающее. Египетскія и японскія головы по-нашему лишены всякаго „выраженія“, всякой психо-

логіи. Подобно японцамъ египтяне подчиняютъ все видимое творческой линіи, которая должна выразить ихъ воспріятіе человѣка и окружающаго міра, подчинить его законы своимъ, показать человѣка не такъ, какъ онъ есть, а какъ онъ зрительно воображается. Значеніе ихъ художественной формы не въ органическомъ ритмѣ грековъ, не въ преувеличенной выразительности готики, а въ чистомъ контурѣ, въ самодовлѣющей каллиграфической линіи. Эта каллиграфичность линіи, подобной въ своей четкой безусловности какому-то загадочному шрифту, опять роднитъ египтянъ съ японцами. Вспомните, какъ японцы пересыпаютъ свои изображенія бѣглыми строками орнаментальнаго шрифта и посмотрите на эти папирусы „Книги Мертвыхъ"—**Саркофагъ VI**, гдѣ иллюстраціи чередуются съ письменами, или на эти надгробныя плиты—**Щитъ А. Б**, гдѣ выразительная яркость человѣческихъ контуровъ продолжается въ абстрактной игрѣ іероглифическихъ знаковъ. Эта каллиграфія чувствуется и въ самомъ веденіи линіи, въ ея безошибочной увѣренности, въ ея упругомъ взмахѣ. Египтянинъ не нащупываетъ контура робкими, ищущими штрихами, какъ художники Ренессанса; онъ одной смѣлой линіей обводитъ человѣческую фигуру сверху донизу, какъ бы въ одномъ движеніи руки запечатлѣваетъ на камнѣ свой мысленный образъ. И его увѣренность, его точность при этомъ поразительна такъ же, какъ его математическая безошибочность при возведеніи колоссальной пирамиды (такъ, въ ребрахъ пирамиды Хеопса отклоненіе отъ прямой линіи не превышаетъ 15 миллиметровъ). Дѣйствительно, если египтянинъ и ошибался, то онъ ошибался блестяще.

Уже поэтому неправильно, когда говорятъ, что египтянинъ складывалъ свою фигуру изъ отдѣльныхъ кусковъ: изъ тѣла, поставленнаго анфасъ, и ногъ, нарисованныхъ въ профиль—**Щитъ Б,** № 4034. Напротивъ, онъ именно искалъ единства, искалъ одной каллиграфической линіи, одного выразительнаго почерка, одного силуэта, охватывающаго возможно болѣе широкую массу. Онъ распластывалъ человѣческую фигуру по плоскости, стремясь выразить одной линіей всѣ три измѣренія, однимъ контуромъ собирая протяженность человѣческаго тѣла въ глубину и въ ширину. Обратите вниманіе на внутренній рисунокъ тѣла, на линію груди или мускулы ногъ: египтянинъ ограничивается только самымъ необходимымъ, только тѣмъ, что подчеркиваетъ или обогащаетъ внѣшній контуръ, что поясняетъ его глубину (напр. три черточки подъ грудью; см. фрагментъ рельефа съ двумя женщинами, налѣво отъ входа—**Щитъ Б**). Или сравните изображеніе глазъ на различныхъ рельефахъ египетскаго собранія. Вы увидите, какъ рисунокъ глаза всегда повторяетъ контуръ лица: если лобъ покатый, то и верхнее вѣко даетъ покатую линію; чѣмъ лобъ прямѣй, отвѣснѣй, тѣмъ рѣзче заворотъ вѣка книзу у слезницы. Или посмотрите, какъ египтянинъ рисуетъ кисти рукъ, словно онъ ихъ выворачиваетъ на изнанку. Развѣ онъ рисуетъ невѣрно? Развѣ можно предположить, что египтянинъ умѣлъ рисовать правильно только одну руку и не научился рисовать другую въ теченіе долгихъ тысячелѣтій? Нѣтъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сознательной стилизаціей, съ проявленіемъ чистой художественной совѣсти: египетское искусство передаетъ весь предметъ, оно изображаетъ человѣка съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія; египтянинъ

долженъ обойти человѣка со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ видѣть то, о чемъ европеецъ лишь догадывается; поэтому только то, что выражено линіей, можетъ быть для египтянина понятно и цѣнно—и вотъ египетскій художникъ развертываетъ ладонь по плоскости такъ, чтобы и большой палецъ вошелъ въ общій контуръ. На рельефѣ царя Нармера вы видите, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по самому положенію фигуры, всѣ пять пальцевъ были видны зрителю, художникъ рисовалъ руку натуралистически правильно. Это мы, съ нашимъ тысячелѣтнимъ опытомъ, умѣемъ въ искусствѣ намекать и недоговаривать, дополняя привычкой и представленіями то, что не пожелало выразить искусство! И намъ кажется неумѣлостью то, что было незапятнаной чистотой художественнаго воспріятія.

Развитіе художественнаго творчества не нужно представлять себѣ такъ, словно искусство все совершенствуется, но несомнѣнно, что формы его выраженія мѣняются; и часто эта перемѣна является потерей того, что знали въ предыдущую эпоху: такъ, египтяне Новаго царства потеряли тайну обработки твердаго камня (напр. базальта и діорита), изъ котораго съ такой изумительной увѣренностью высѣкали свои статуи мастера Древняго царства, и который они умѣли моделировать и полировать по желанію. Но не нужно себѣ представлять египетское искусство и стоящимъ на мѣстѣ, не нужно думать, что въ продолженіе долгихъ вѣковъ оно повторяло самое себя, не измѣняясь, не разбиваясь на школы, не сбрасывая старыя традиціи. Искусство египтянъ намъ слишкомъ чуждо и непривычно, чтобы мы могли легко разбираться въ его индивидуальныхъ проявленіяхъ. Но тѣмъ не

менѣе мы въ состояніи и въ египетскомъ искусствѣ различать отдѣльныя школы и эпохи.

Различіе школъ, на которыя разбивается египетское искусство, это—различіе матеріала. Одна школа работала въ гранитѣ, другая въ базальтѣ, при чемъ техника обработки того или другого матеріала передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе въ предѣлахъ одной и той же семьи; такъ что, бывало, въ продолженіе тысячи лѣтъ какой-нибудь одинъ родъ монополизировалъ изготовленіе гранитныхъ статуй: вотъ отчего египетское искусство представляется намъ такимъ неподвижнымъ въ своемъ развитіи и такимъ технически виртуознымъ. Въ традиціяхъ прошлаго новые художники черпали свое вдохновеніе и, вѣроятно, именно этотъ родовой характеръ художественнаго творчества не позволялъ египетскимъ мастерамъ подписывать свои имена на отдѣльныхъ произведеніяхъ. Знаемъ мы теперь также, почему египетская скульптура, помѣщенная въ залы современнаго музея, кажется такой безпомощной, почему даже отдѣльная статуя такъ нуждается въ стѣнѣ, на фонѣ которой сейчасъ же начинаетъ оживать ея масса, и почему египетскіе рельефы въ нашемъ представленіи неразрывно связаны съ тѣми стѣнами, которымъ они принадлежатъ. Мы знаемъ, что статуи оболванивались въ самой каменоломнѣ, что египтяне вырабатывали свой пластическій образъ изъ куска, изъ самой каменной стѣны; и напротивъ—рельефныя глыбы вкладывались въ конструкцію до обработки, и уже только на самой стѣнѣ художникъ искалъ контуры человѣческой фигуры и линіи композиціи, которыя могли бы подходить именно къ этой стѣнѣ, къ этой колоннѣ.

Эпохи египетскаго искусства, замкнутаго и мало подверженнаго постороннимъ вліяніямъ, соотвѣтствуютъ главнымъ вѣхамъ историческаго развитія Египта. (Примѣры: для Древняго царства—каменная статуэтка сидящаго писца № 1062, для Средняго царства—статуэтка чиновника № 3571—**Витрины 4 и 5**). Первое колебаніе національнаго стиля начинается въ эпоху Новаго царства, когда намѣчаются проблески какого-то внутренняго броженія, когда какіе-то чуждые элементы проникаютъ въ искусство Нильской долины и смѣшиваются съ нимъ въ причудливомъ сочетаніи. Этотъ кризисъ совпадаетъ со временемъ процвѣтанія новой столицы Тель Амарна, съ царствованіемъ Эхнатона, царя еретика, который хотѣлъ обновить религіозныя традиціи Египта. Пробужденіе новыхъ потребностей, стремленіе расширить свой узкій кругозоръ находитъ себѣ откликъ въ революціи религіозныхъ настроеній. Тель Амарна свидѣтельствуетъ намъ о широкихъ сношеніяхъ Египта съ сосѣдними странами, она говоритъ намъ объ усиленномъ обмѣнѣ культуръ Средиземноморскаго побережья. Здѣсь впервые Греція начинаетъ побѣдоносное шествіе своего художественнаго міровоззрѣнія на Египетъ; отнынѣ мы можемъ наблюдать захватывающее зрѣлище борьбы двухъ враждебныхъ художественныхъ началъ—натурализма и абстракціи. И первая уступка въ искусствѣ, которую дѣлаетъ Египетъ, это уступка психологіи, настроенію. На губахъ царя и придворныхъ начинаетъ играть ласковая или презрительная улыбка, въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ позѣ начинаетъ отражаться ихъ личный характеръ. Начинается одухотвореніе камня и линіи. (Связанный плѣнникъ—**Щитъ Д**). Вмѣстѣ съ тѣмъ просыпается

интересъ къ деталямъ, къ вещи самой по себѣ, къ изящной бездѣлушкѣ—настоящее наводненіе туалетныхъ вещицъ, всякихъ вазочекъ и коробочекъ, талисмановъ и камушковъ (купальщица, статуэтка изъ чернаго дерева съ серебромъ, женская фигура въ зарослях—**Витрины 2 и 3**). Точность въ обсѣканіи твердаго базальта замѣняется деликатной тонкостью въ обдѣлкѣ слоновой кости и серебра. Скульптурѣ начинаетъ угрожать художественная промышленность. А разъ мѣняется настроеніе, разъ мѣняется техника—становится иной и художественная форма. Уже на бедрѣ дочери Аменготепа IV (живопись въ Тель Амарна) играетъ бликъ свѣта и въ тѣлѣ появляется нѣкоторая дряблость; уже чувствуется пространство, уже ощущается теплота человѣческаго тѣла, его мягкая кожа и подъ кожей струящаяся кровь. Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣй становится натискъ натурализма и психологичности; и не помогаетъ рѣзкая реакція саисской эпохи, когда ищутъ спасенія въ архаизаціи, въ нарочитомъ подражаніи старымъ традиціямъ, когда безпомощно напяливаютъ на себя внѣшнюю оболочку былой художественной формы, забывая, что внутреннее содержаніе невозвратно потеряно. Въ лѣвомъ углу отъ входа вы можете видѣть типичную голову саисской эпохи: нѣчто среднее между портретнымъ этюдомъ и идеальной статуей; въ полировкѣ камня нѣтъ уже прежняго четкаго блеска, который замѣнился нѣжностью и изысканностью переходовъ; художника видимо привлекаетъ контрастъ между мягкой округлостью головы и рѣзкими линіями, намѣчающими внутренній рисунокъ.

Въ концѣ зала мы вступаемъ въ совершенно новый художественный міръ, сталкиваемся съ но-

выми носителями культуры. Эпоха послѣ Александра Великаго, называемая обыкновенно эллинистической, представляетъ собой какое-то странное смѣшеніе старыхъ, уже увядающихъ культуръ, восточной и греческой, съ новыми потребностями и новымъ міровоззрѣніемъ, часто носящимъ совсѣмъ современный отпечатокъ. Этотъ удивительный эллинизмъ съ восточнымъ налетомъ полонъ какихъ-то пестрыхъ сплетеній и провидѣній въ будущее. Запоздалыя религіозныя суевѣрія мѣшаются здѣсь съ жизнерадостной безпечностью; расцвѣтаетъ городская, шумливая, рыночная жизнь съ толкотней иноплеменниковъ, съ десятками говоровъ, съ громадными столицами-центрами; и просыпается любовь къ пейзажу, жажда идиллическаго, интимнаго, провозглашается уходъ въ природу. Возводятся обширные портики и базилики, торговые ряды и музеи; и возрастаетъ нѣжная любовь къ руинамъ, къ заброшеннымъ уголкамъ, къ покосившимся столбикамъ, увитымъ цвѣтами, и къ одинокимъ часовнямъ. На ряду съ грандіозной общественной жизнью поднимается въ цѣнѣ личный уютъ; не только храмъ, но и частный домъ ждетъ украшенія. Создается новый типъ виллы, богатаго помѣстья коллекціонера и садовода; антикварныя наклонности возбуждаютъ интересъ къ драгоцѣнностямъ, къ тонкой бездѣлушкѣ. Скульпторы уступаютъ мѣсто ювелирамъ, поэты—литераторамъ. Возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ художественныхъ формъ, раньше неслыханныхъ: эллинистическій періодъ зналъ и романъ и идиллическую поэзію и эпиграмму, въ Александріи и Малой Азіи нужно искать первые зачатки современнаго пейзажа, натюрморта и портрета. Больше того, мы можемъ

сказать, что живопись въ современномъ смыслѣ этого слова, живопись — пространство, живопись — краска, а не рисунокъ, есть настоящее созданіе эллинизма. Живопись, это — искусство садоводовъ, богатыхъ собственниковъ; и оно приходитъ на смѣну искусству ремесленника-каменотеса и скульптора. Живопись требуетъ перспективнаго сознанія пространства, и какъ разъ на такихъ перспективныхъ построеніяхъ изощряли свой глазъ первые живописцы помпеянскихъ фресокъ и создатели такъ называемаго живописнаго рельефа (см. читальный залъ съ образцами италійской живописи). Музей даетъ прекрасные примѣры примѣненія живописныхъ средствъ для прикладныхъ цѣлей. Развѣшанныя на двухъ крайнихъ щитахъ ткани съ вышитыми цвѣтными украшеніями показываютъ намъ, что ихъ мастера уже пользовались эффектами нюансированныхъ тоновъ (въ отличіе, напр., отъ египетскихъ саркофаговъ, гдѣ примѣнялись тѣ же оттѣнки красокъ — черной, желтой, красной и зеленой, но съ чисто орнаментальнымъ значеніемъ) и чувствовали прелесть мертвой природы.

Но самое интересное въ эллинистическомъ отдѣлѣ, это – такъ назыв. Фаюмскіе портреты (главный запасъ которыхъ найденъ былъ въ некрополѣ близъ Фаюма) и близко стоящія къ нимъ по своему портретному значенію погребальныя пелены — **Щиты И и I**. Эти портреты, писанные чаще всего въ техникѣ энкаустики (т.-е. восковыми красками), вкладывались обыкновенно въ мумію въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно было приходиться лицо. Нерѣдко такія портретныя дощечки замѣнялись гипсовыми масками, снятыми съ лица умершаго и вложенными тоже въ мумію – **Витрина 16**. Мы имѣемъ подобныя реалисти-

ческія маски, буквально передающія всѣ особенности изображаемаго лица, уже изъ временъ Аменофиса IV; тогда онѣ служили пробными этюдами для скульптора, который ихъ сознательно претворялъ въ новую ходожественную форму. Натуралистовъ эллинистической эпохи прельстила задача перенести эти пластическія маски на живописную плоскость. Фаюмскіе портреты отличаются всѣми свойствами маски, снятой съ умершаго, съ ея застывшей гримасой и заострившимся подбородкомъ. Лица на нихъ словно распластаны (какъ вы увидите послѣ на золотыхъ микенскихъ маскахъ — **Залъ III**), уши всегда большія и всегда поставлены слишкомъ близко впередъ; глаза помѣщены наугадъ—то слишкомъ далеко, то слишкомъ близко другъ къ другу. Глаза вообще больше всего выдаютъ происхожденіе этихъ портретовъ изъ маски, ибо они написаны по памяти; тогда какъ въ остальномъ лицѣ, въ курчавыхъ волосахъ, въ мерцающей кожѣ съ зелеными тѣнями чувствуется робость натуралиста, глаза храбро сдѣланы однимъ эффектнымъ взмахомъ; тогда какъ губы на одномъ портретѣ толсты и сочны, а на другомъ худощавы, глаза всюду одинаково блестятъ веселымъ, условнымъ блескомъ. Лицо фаюмскихъ портретовъ словно не видитъ, а только сверкаетъ глазами, подобно тому какъ въ маскѣ, въ черныхъ дырахъ невидящихъ глазъ чудится какое-то свое, загадочное выраженіе. Прямое указаніе на происхожденіе портрета даютъ и погребальныя пелены, гдѣ, какъ вы можете убѣдиться, голова отдѣльно приставлена къ уже заранѣе написанному тѣлу.

Греко-римскій отдѣлъ. Залъ III и IV (нижняго этажа) и VI—XV (верхняго этажа).

За послѣднія десятилѣтія наши представленія о развитіи греческаго искусства должны были сильно измѣниться, благодаря открытіямъ, сдѣланнымъ въ области Эгейскаго моря и обнаружившимъ глубоко уходящія въ прошлое культуры Микенъ и Крита. Оказалось, что Грецію имѣетъ богатое прошлое, отъ котораго сами греки такъ горячо отрекались въ эпоху наибольшаго расцвѣта своего государства, и что это прошлое изобиловало постоянными сношеніями съ восточными народами, слѣды вліянія которыхъ надолго запечатлѣлись на развитіи греческаго искусства. Открытіе эгейской культуры заставило насъ отказаться отъ представленія о греческомъ искусствѣ, какъ о нѣкоемъ своеобразномъ феноменѣ, какъ о пышномъ цвѣткѣ, выросшемъ на голой почвѣ: греческое искусство тѣсно связано со всей Средиземноморской культурой, его корни надо искать на Востокѣ.

Первые шаги греческой каменной архитектуры обнаруживаютъ одновременно и элементы деревяннаго стиля и тѣсную связь съ египетской конструкціей. Въ двускатной крышѣ, оставляющей пустой, незаполненный треугольникъ (фронтонъ), отражается система балочнаго перекрытія. Обычный пріемъ древней греческой архитектуры, который заключался въ томъ, что выступающія части каменнаго зданія покрывали глиняными, пустыми внутри карнизами, становится понятнымъ, если видѣть въ немъ пережитокъ деревяннаго строительства, когда глиняными же украшеніями защищали отъ вывѣтриванія голые выступы деревянныхъ балокъ. Легче тогда понять и рѣзную форму триглифовъ; они служили завершеніемъ балочныхъ головъ, высовывавшихся изъ подъ навѣса крыши. Съ другой сто-

роны, самая форма карниза въ старомъ дорійскомъ стилѣ представляетъ собой дальнѣйшее развитіе египетскаго вогнутаго желоба (о которомъ мы говорили раньше). Элементы дорійской колонны восходятъ къ такъ назыв. „протодорійскимъ“ подпорамъ египетскаго Средняго царства, тогда какъ идею главнаго ядра дорійскаго храма, его целлы, мы находимъ въ деревянныхъ моделяхъ египетской часовни. Но сколько-бы ни было этихъ заимствованій и переводовъ, они не могутъ передъ нами заслонить всего своеобразія греческаго храма, всей его самобытной чистоты. Греческій храмъ, по своей сущности,—не собраніе вѣрующихъ, какъ послѣ христіанская церковь, а жилище бога; его пространство тѣсно и отграничено, ибо оно служитъ не многимъ, а одному — **Залъ VII** (модель Парѳенона). И въ этой единичности, въ этой обособленности художественнаго созданія отъ окружающаго,—одно изъ главныхъ свойствъ греческаго художественнаго творчества. Мы должны предполагать у грековъ необыкновенно чуткое осязаніе, потребность въ твердой стѣнѣ, въ узкомъ пространствѣ, которое легко можно измѣрить, границы котораго можно реально нащупать. Въ противность христіанской базиликѣ, далеко уходящей впередъ, и готическому собору, безконечно высокому и мистически-неопредѣленному, греческій храмъ, это—прекрасно пропорціонированный и легко измѣримый ящикъ. Его внѣшняя колоннада, прежде всего,— ритмическая помощь глазу, желающему сразу охватить все четкое пространство храма. Бросаются въ глаза и еще двѣ особенности греческаго храма. Во-первыхъ, онъ имѣетъ не одинъ, а два равноцѣнныхъ фасада: онъ начинается сразу

съ двухъ сторонъ; во-вторыхъ, въ немъ совершенно отсутствуетъ различіе внутренняго и внѣшняго: его внутренность, это—тѣ же самыя стѣны, расчлененныя такими же карнизами и такими же колоннами. Послѣднее обстоятельство не должно насъ слишкомъ удивлять. Вѣдь грекъ представлялъ себѣ бога въ образѣ человѣческомъ: богъ дышитъ тѣмъ же воздухомъ, что и простой смертный, двигается по тому же пространству, по той же землѣ. Сообразно съ этимъ и пространство, которое замыкаютъ храмовыя стѣны, нисколько не отличается отъ того пространства, которое окружаетъ самый храмъ. Сущность греческаго храма не во внутреннемъ убранствѣ, не въ томъ, *какія* стѣны его украшаютъ, а въ томъ, что эти стѣны создаютъ совершенно *опредѣленное* пространство, что пребываніе божества фиксировано вотъ въ этой квадратной целлѣ. Насколько же иное впечатлѣніе должна вызывать христіанская базилика! Снаружи тамъ только голыя стѣны, пробитыя маленькими, подслѣповатыми окнами, а внутри передъ вами развертываются стройныя колоннады съ раскинутыми арками, съ золотыми мозаиками, съ пестрымъ переплетомъ половъ, съ четкими линіями кораблей, уходящихъ вдаль къ недосягаемой абсидѣ, къ святая святыхъ храма, къ неземному. Продолжимъ нашу параллель на готикѣ. Что такое пространство готическаго собора? Это — трепетаніе мистической мглы, это — чудеса свѣта и тѣни, которыхъ нѣтъ на землѣ. И что такое готическіе своды и столбы, какъ не тѣсныя группы кристалловъ, которыя стремятся кверху и ничего не несутъ, потому что лишены всякой тѣлесности? Но вернитесь наружу и чудо раскроется, ибо станутъ видны всѣ усилія контр-

форсовъ, все напряженіе крючковатыхъ арокъ, которыя должны поддерживать это чудесное зданіе безъ стѣнъ. Вспомните, какъ выглядятъ готическія окна снаружи: они слѣпы и безцвѣтны; но войдите внутрь и вы узнаете, какой сложной радугой засверкаютъ цвѣтныя стекла. Греческая архитектура не знаетъ купола—любимаго дѣтища эллинистическо-римской эпохи, не примѣняетъ свода; потому что въ этихъ архитектурныхъ формахъ есть что-то отъ безконечности, что-то отъ неуловимаго ритма времени. А греческому искусству больше всего чуждъ именно тотъ безконечный ритмъ, который заставляетъ насъ вертѣться въ заколдованномъ кругу римскаго Пантеона, не находя начала и не имѣя остановки для глаза. Греческое искусство для этого слишкомъ эмпирично; оно требуетъ пространственной наглядности, оно требуетъ, чтобы глубина была ограничена плоской, но твердой стѣной. Поэтому греческій храмъ всегда четырехугольнъ, онъ ограниченъ четырьмя точками зрѣнія, тогда какъ у Пантеона такихъ точекъ зрѣнія безконечное количество.

Этотъ эмпиризмъ грековъ, эта физическая наглядность, ограниченность ихъ эстетическаго міропониманія сказались на самомъ характерѣ развитія греческаго искусства, въ томъ бѣшеномъ темпѣ, съ которымъ развернулась его эволюція. Тотъ кругъ, который египтяне завершили въ теченіе долгихъ тысячелѣтій, греки продѣлали въ какихъ-нибудь пять вѣковъ.

Человѣкъ всегда былъ центромъ греческаго искусства, скульптура—главнымъ выраженіемъ художественнаго творчества грековъ. Первые шаги греческой круглой скульптуры, которые можно относить

къ VII вѣку, проходятъ подъ знакомъ Востока. Только постепенно удается грекамъ выработать собственный языкъ художественной формы. Но, съ другой стороны, ихъ первые каменные идолы съ несомнѣнностью ведутъ свое происхожденіе изъ дерева. Такъ, прототипъ Артемиды Никандры нужно искать въ деревянной доскѣ, Гера Херамія напоминаетъ намъ обрубокъ съ едва намѣченнымъ внутреннимъ рисункомъ—**Залъ III**. Но не только обрубокъ чувствуется въ этихъ кускахъ, плоскихъ или круглыхъ; мы видимъ въ нихъ прочные слѣды египетской формы, ту же зрительную абстракцію, сведенную на контуръ, ту же фронтальность [1]) неподвижной фигуры. Греческій художникъ борется за свою форму, стремится освободиться отъ плоскости, отъ стѣны, къ которой должна быть прислонена египетская статуя, пытается вложить движеніе въ свою фигуру; но не сразу удается ему сбросить съ себя гнетъ вѣковыхъ традицій восточнаго искусства. Египетская плоскость еще долго даетъ себя чувствовать, особенно когда передъ художникомъ стоитъ проблема представить сильное движеніе. Вгляните на Нику Архерма: охватить бурность ея движенія художнику удалось только съ помощью плоскости, на которой распластана фигура; движеніе богини понятно только спереди, когда она несется мимо зрителя—**Залъ III**. И даже много позднѣе, у Мирона, съ его далеко шагнувшимъ реализмомъ, движенія „Дискобола“ связаны плоскимъ силуэтомъ—**Залъ VI**. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды искать го-

---

[1]) Фронтальнымъ называется изображеніе человѣка en face, сдѣланное так. образ., что отъ макушки до ступней м. б. проведена прямая линія, раздѣляющая тѣло на двѣ симметричныхъ половины.

сподства задняго фона непремѣнно въ подвижныхъ фигурахъ: вотъ спокойный Аполлонъ Choiseul -его формы выпуклы и закруглены, у него крутая, даже слишкомъ громадная, дышащая грудь и все-же онъ словно пригвожденъ къ стѣнѣ, словно придавленъ къ ней своей плоской спиной—**Залъ VI.**

Но посмотримъ дальше, какъ освобождается греческій художникъ отъ тяжелой массы, отъ неподвижнаго египетскаго прототипа. Въ такъ назыв. Аполлонѣ Тенейскомъ мы видимъ новое звено эволюціи—**Залъ III**. Правда, онъ еще строго фронталенъ, его волосы еще ложатся плотной массой на плечи, соединяя въ одинъ тѣсный силуэтъ голову и торсъ, но зато въ немъ уже есть движеніе, онъ уже не стоитъ, какъ египетская статуя, выдвинувъ одну ногу впередъ, онъ уже идетъ, слегка наклонивъ свое тѣло. Онъ не разсчитанъ только на одну точку зрѣнія, спереди, какъ у египтянъ, которые всегда дѣлали ногу, отставленную впередъ, немного длиннѣе, чѣмъ стоящую прямо, для того чтобы въ раккурсѣ обѣ ноги казались одинаковой длины. У Аполлона длина ногъ одинакова; на него можно смотрѣть и сзади и сбоку: онъ уже четырехуголенъ, какъ впослѣдствіи Дельфійскій возница, Аѳина Лемнія (Фидія) и Дорифоръ (Поликлета), гдѣ квадратность возведена въ канонъ, въ образецъ—**Залы V и VI**. Въ Аполлонѣ Тен. начинается уже то изчезновеніе первоначальной глыбы, уничтоженіе власти камня, мрамора, которое свойственно всей позднѣйшей скульптурѣ грековъ. Мы знаемъ, что греческіе мастера не питали особаго пристрастія къ мрамору, что такъ же охотно работали они въ бронзѣ; знаемъ, что они не стѣснялись составлять статую изъ отдѣльныхъ кусковъ, что ихъ не привлекало высѣ-

каніе изъ монолита, изъ цѣлой глыбы, что всегда прибѣгали они къ раскраскѣ статуй. У насъ есть даже основанія думать, что величайшіе мастера греческой скульптуры не сами работали въ мраморѣ, что они давали только модель, предоставляя ее оболванить изъ мрамора своимъ ученикамъ или простымъ каменотесамъ. А та легкость и невѣсомость, которую нетрудно отмѣтить у Аполлона Тенейскаго, выразилась позднѣе въ необыкновенной любви греческихъ скульпторовъ къ бѣгущимъ (такъ назыв. Памятникъ съ Нереидами), летающимъ (Ганимедъ Леохара) и парящимъ (Ника Пэонія) фигурамъ; къ фигурамъ, которыя нужно мыслить оторванными отъ пьедестала, отъ земли—**Залы VIII, XI и VI.**

Но возвратимся къ Аполлону. Въ чемъ-же выразилось здѣсь освобожденіе статуи отъ тяжести камня? Прежде всего въ томъ, что ноги Аполлона тонки и длинны, его талія узка, его плечи начинаютъ закругляться. И какъ во всякой реакціи противъ старыхъ принциповъ, новые—выражены въ преувеличенной формѣ: талія слишкомъ узка, ноги слишкомъ длинны. Взгляните на цѣлый рядъ этихъ „Аполлоновъ“ (Аполлонъ изъ Ѳеры, изъ Пьомбино, Стренгфордъ, Шуазель—**Залы III, IV** и **VI**): въ нихъ уже мерещится какая-то внутренняя жизнь, уже тѣло ихъ разбилось на цѣлый рядъ отдѣльныхъ членовъ, и каждый членъ начинаетъ функціонировать. Для архаической Греціи характеренъ интересъ къ переходамъ, къ мѣстамъ соединенія различныхъ частей тѣла, эта разработка суставовъ и связокъ, напр., въ колѣнной чашкѣ или въ локтѣ. Напротивъ, голова, какъ нѣчто цѣлое, какъ шаръ, дается имъ труднѣе; они еще не умѣютъ ее за-

круглять, сдѣлать шарообразной, поставить на шею, въ особенности-же отдѣльныя части съ трудомъ подчиняются общему выраженію—слишкомъ сильно было вліяніе египетской абстракціи, трактовавшей голову, какъ единую массу. Попытка расчленить человѣческое лицо, заставить функціонировать отдѣльныя черты, вызвать въ нихъ жизнь, обращенную къ зрителю, въ первое время создаетъ только противорѣчіе между формой и выраженіемъ. Мы не вѣримъ этимъ высокимъ бровямъ и поднятымъ угламъ рта, которые художникъ стремится закруглить вмѣстѣ съ лицомъ, мы не вѣримъ „архаической“ улыбкѣ Аполлона Тенейскаго, какъ не вѣримъ гримасѣ удовольствія у готической мадонны. Только тамъ, въ готикѣ, эта улыбка—слѣдствіе внутренняго излома, стремленія къ аффекту, а въ архаической Греціи—попытка разобраться въ человѣческомъ лицѣ, найти его составныя части.

На ряду съ одухотвореніемъ лица идетъ и одухотвореніе всего тѣла; мало по-малу и тѣло начинаетъ двигаться, функціонировать. Для греческаго искусства характерно именно это функціонированіе, это созерцательное существованіе человѣка. Если вы посмотрите на Дорифора—**Залъ VI**, вы поймете, что я хочу сказать. Все тѣло этого квадратнаго юноши находится въ медленномъ движеніи, каждый членъ тѣла исполняетъ свою функцію: рука держитъ копье, нога опирается, тѣло поддерживаетъ равновѣсіе своимъ контрапостомъ. Но если вглядѣться поближе, то Дорифоръ, въ сущности, ничего не дѣлаетъ: онъ и не идетъ и не стоитъ—онъ существуетъ. При этомъ движеніе греческой статуи, спокойное ли, какъ у Дорифора, или бурное, какъ у Ники Самоѳракійской—**Залъ XIV**, или скрытое, какъ у

Гермеса (Лизиппа—**Залъ XI**), всегда будетъ представлено художникомъ въ одномъ направленіи, отъ себя въ полную противоположность, напр., съ Микельанджело, у котораго человѣческая фигура движется вокругъ своей оси. Въ такомъ пониманіи движенія опять таки сказался эмпиризмъ грековъ, потребность въ предѣльномъ: вѣдь реальный, живой человѣкъ всегда двигается только въ одномъ направленіи, имѣя въ виду только одну точку—точку внѣшняго міра, конечно, если онъ дѣйствуетъ не нарочно. Именно эта ненарочность, эта правдоподобность движенія—основное свойство греческой статуи. Даже въ томъ, что греческая статуя разсчитана всего на двѣ, три точки зрѣнія, съ которыхъ фигура развертывается въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, во всей полнотѣ, что у нея есть профиль, который до неузнаваемости непохожъ на en face (напр., Дискоболъ или Боргезскій боецъ—**Залъ XIV**), чувствуется эта ненарочность реальной жизни, когда мы не узнаемъ въ профиль человѣка, котораго привыкли постоянно видѣть en face. И сколь условнымъ, намѣреннымъ должно рядомъ съ этимъ казаться искусство египтянъ, которые насильственно сводили фигуру на плоскость, на одну точку зрѣнія, или Микельанджело, который раскрывалъ свою фигуру на всѣ стороны, который показывалъ ее одинаково законченной съ любой точки зрѣнія! Греческая скульптура глубоко дѣйствуетъ на наше непосредственное осязаніе, она обладаетъ необыкновенно ощутимой поверхностью; греческая статуя какъ-бы проситъ къ ней прикоснуться, испытать мягкость ея тающихъ формъ, нѣжность ея переходовъ—**Залъ IX** (голова Эвбулея). И передъ подлинными греческими оригиналами м. б. больше всего удивляешься именно воздушной моделиров-

кѣ, тончайшему полированію мрамора. Но греческая статуя никогда не зоветъ насъ обойти ее кругомъ, ощутить круглость статуи, она заставляетъ насъ выбрать самую выгодную точку зрѣнія, самую видную, и на ней остановиться: разсматривая Гермеса (Праксителя), мы стараемся остановиться такъ, чтобы мальчикъ Діонисъ не закрывалъ намъ силуэта Гермеса—**Залъ IX.**

Эта ограниченная пластичность грековъ, заставлявшая ихъ избѣгать полной круглости, обособленности статуи, главнымъ образомъ сказалась во фронтонѣ—въ той формѣ рельфа, который составляетъ почти исключительную собственность греческаго искусства. Ужъ въ первыхъ архаическихъ рельефахъ, еще плоскихъ, какъ у египтянъ, греческіе художники старались отдѣлить фигуру отъ фона, окружая рельефъ рамой, какъ-бы создавая ящикъ для фигуры (напр., Селинунтскія метопы—**Залъ III**). Въ эпоху расцвѣта греческой скульптуры этотъ „высокій“ (п. ч. фигура отдѣлялась отъ фона во всю вышину своей выпуклости) рельефъ нашелъ свое окончательное воплощеніе во фронтонныхъ группахъ и въ надгробныхъ памятникахъ. Фронтоны Олимпіи и Парѳенона—**Залы VI** и **VII,** эти глубокіе ящики, образуемые скатами крыши, показываютъ намъ выпуклыя, совершенно отдѣлившіяся отъ фона фигуры, моделированныя съ полной тщательностью. Скульптуры фронтоновъ и надгробныхъ стеллъ—**Залъ X**—совершенно лишены условнаго фона египетскихъ рельефовъ, но онѣ не могутъ быть названы и круглыми статуями. Художникъ отвелъ имъ совершенно реальное пространство, безъ котораго онѣ невозможны. Если весь міръ можетъ мыслиться какъ пространство для круглой статуи, то жилище фронтонныхъ

группъ не шире треугольнаго ящика подъ крышей греческаго храма. Только въ эпоху эллинизма, когда новая культура и новыя потребности вызвали къ жизни и новыя формы художественнаго творчества, на смѣну высокому рельефу пришелъ рельефъ глубокій, живописный. Скульпторы начинаютъ пользоваться языкомъ живописныхъ формъ: они пробиваютъ доселѣ неподвижный фонъ своихъ рельефовъ, они наполняютъ его воздухомъ, углубляютъ его перспективно, они пользуются живописными сокращеніями (раккурсами) для того, чтобы создать изъ каменной глыбы иллюзію глубокаго безконечнаго пространства (рельефы съ Ara pacis Августа—**Залъ XV**). Мѣняется и отношеніе къ круглой статуѣ. Развитіе меценатства, возникновеніе богатыхъ виллъ съ садами-музеями создаетъ особую отрасль искусства—садовую скульптуру съ ея многолюдными группами, открытыми для глаза съ нѣсколькихъ сторонъ (Фарнезскій быкъ—**Залъ XIV**). Отдѣльная фигура теряетъ въ этихъ группахъ свое самостоятельное значеніе; рѣшающее впечатлѣніе исходитъ отъ всей группы въ цѣломъ, отъ общей картины, въ которой отдѣльный человѣкъ играетъ только служебную роль. Оттого и техника моделировки становится все небрежнѣй; любовная полировка поверхности мрамора уступаетъ мѣсто грубымъ, но болѣе выразительнымъ на отдаленіи ударамъ бурава.

Христіанскій отдѣлъ—**Залы XVI, XVII, XVIII** и **XX** (верхняго этажа) и **XXII** (нижняго этажа).

Не нужно думать, что христіанская эра вмѣстѣ съ новой религіей сразу-же принесла и новыя художественныя формы. Наоборотъ, первые христіане

черпали свои художественныя впечатлѣнія изъ богатыхъ запасовъ предыдущей языческой культуры. Въ планѣ и разрѣзѣ христіанской церкви вы найдете много элементовъ и римскаго частнаго дома и римской торговой базилики и даже греческаго храма мистерій. Пересматривая длинную вереницу катакомбной живописи—**Залъ XVI**, вы узнаете многіе любимые эпизоды античной миѳологіи, производящіе такое странное впечатлѣніе въ строгихъ стѣнахъ и аркахъ христіанскихъ гробницъ, и м. б. чаще всего вы натолкнетесь здѣсь на жизнерадостную пару Амура и Психеи, ловящихъ бабочекъ или собирающихъ цвѣты; нерѣдко встрѣтите вы этюды нагого тѣла, трактованные въ чисто-античномъ духѣ; вы вспомните новыя задачи эллинизма, когда остановитесь передъ пейзажными сценами или передъ настоящимъ натюрмортомъ. Васъ не можетъ смутить то обстоятельство, что рядомъ съ амурами или нагимъ героемъ греческаго миѳа изображена Богоматерь съ Младенцемъ или Христосъ съ апостолами; ибо въ типѣ Богородицы вы узнаете черты римской матроны или греческой богини, а Христа вы нелегко отличите отъ кудряваго Апполона. Христіанская иконографія только постепенно выработала свои, новые и постоянные типы. Но уже въ самыхъ раннихъ созданіяхъ христіанскаго искусства чувствуется новое настроеніе, которое нельзя найти ни въ помпеянскихъ фрескахъ, ни въ римской базиликѣ.

Это—не новое содержаніе, выраженное старыми формами, а новыя потребности, новый взглядъ на искусство; искусство выступаетъ въ иной роли, чѣмъ раньше. Искусство прежде всего становится дидактическимъ; оно беретъ на себя задачу по-

учать и устанавливать нормы. Поэтому древне-христіанское искусство какое-то замкнутое, молчаливое. И именно оттого, что искусство хочетъ сказать больше, чѣмъ оно говоритъ или что оно способно выразить, оно кажется такимъ недоговореннымъ. Правда, христіанское искусство и не нуждается въ понятности, въ оптической убѣдительности, разъ у него есть другой лозунгъ, болѣе краснорѣчивый—новая религія; но для того, кто подходитъ къ произведенію искусства съ эстетическимъ масштабомъ, языкъ древне-христіанской живописи часто можетъ казаться языкомъ ребусовъ, трудныхъ для отгадыванія.

Постепенно однако начинаютъ созрѣвать и новыя художественныя формы. Трудно найти ихъ непосредственные источники, п. ч. слишкомъ многообразны элементы, изъ которыхъ слагается христіанская культура, п. ч. въ созданіи ея участвуетъ и Востокъ и западная имперія, и сѣверъ приноситъ новое художественное міросозерцаніе; но возникновеніе новой художественной формы уже ясно чувствуется въ равеннскихъ мозаикахъ—**Залъ XVI**. Мозаики изъ Санъ-Витале показываютъ намъ, какъ средневѣковому искусству удалось преодолѣть формы искусства древне-христіанскаго съ его пестрымъ орнаментомъ на потолкахъ катакомбъ и въ обрамленіяхъ саркофага (напр., саркофагъ изъ Латерана: глядя на него издали, уже не хочется замѣчать отдѣльныя фигуры или улавливать главное дѣйствіе; глаза невольно увлекаются яркой игрой свѣта и тѣни, узорчатымъ орнаментомъ бѣлаго мрамора на выдолбленныхъ буравомъ тѣняхъ). Орнаментальность живописи и скульптуры смѣнилась архитектурностью: строгіе ряды мозаикъ рас-

членяютъ стѣну храма уходящими вдаль полосами и помогаютъ закруглиться куполу абсиды своимъ изогнутымъ рисункомъ; тяжелыя двери храма дѣлятся мелкой клѣткой рельефовъ; статуи группируются на порталахъ или вырастаютъ изъ архитектурныхъ столбовъ и вмѣстѣ съ архитектурными линіями уводятъ глазъ кверху. Если въ искусствѣ первыхъ вѣковъ новой эры преобладалъ интересъ къ моментальному впечатлѣнію, къ незаконченному эскизу, къ легко брошенному, виртуозному рисунку, то теперь, въ мозаикахъ, напротивъ, вы видите, какъ художникъ боится всего мимолетнаго, нетвердаго. Онъ прочно строитъ свою „крѣпкую“ живопись, онъ складываетъ свою фигуру изъ отдѣльныхъ кусочковъ; онъ боится свѣто-тѣни и почти геометрически дѣлитъ поле своей картины. Мозаика, это—реакція противъ живописи впечатлѣнія, противъ импрессіонизма катакомбъ; реакція абстрактной схемы противъ оптическаго впечатлѣнія. И эту реакцію мы можемъ съ увѣренностью отнести именно на долю участія сѣвера. Вступленіе сѣвера въ общую эволюцію искусства прибавило совершенно новый элементъ къ впечатлѣнію художественнаго созданія.

Этотъ даръ сѣвера можно назвать дополнительнымъ впечатлѣніемъ картины или статуи, ея собственнымъ „выраженіемъ“. Посмотрите на мозаику или цвѣтное стекло готическаго собора. Вы видите тамъ фигуры, улавливаете какое-то дѣйствіе или состояніе; но кромѣ того, самая игра пестрыхъ камней или разноцвѣтнаго стекла, освѣщеннаго снаружи, создаетъ опредѣленное эстетическое впечатлѣніе, независимое отъ внутренней композиціи. Въ египетскомъ и греческомъ искусствѣ функціи

человѣка и требованія статуи совпадаютъ; въ сѣверномъ искусствѣ онѣ другъ другу противорѣчатъ. И эта дополнительная ассоціація сказывается, напр., въ томъ, что мастера равеннскихъ мозаикъ способны увеличивать до безконечности свои фигуры, расположенныя въ высокихъ корабляхъ храма.

Но въ искусствѣ византійскихъ мозаикъ сѣверные элементы смѣшиваются съ традиціями римскими и эллинистическими; для того-же, чтобы лучше понять характеръ сѣвернаго стиля, обратимся къ его наиболѣе полному воплощенію, къ готикѣ. Готическая скульптура по преимуществу декоративна. Контрастъ съ египетской выяснитъ намъ, что это значитъ: египетская скульптура нуждается въ архитектурной стѣнѣ, она безъ стѣны невозможна; въ готическомъ же искусствѣ, наоборотъ, архитектура нуждается въ статуяхъ, въ скульптурномъ украшеніи, стѣна невозможна безъ скульптуры. Взгляните на статуи Церкви и Синагоги (Страсбургскій соборъ—**Залъ XVI**): ихъ тонкія, словно мелкіе стебли, стройныя тѣла трудно мыслить безъ архитектурнаго обрамленія — только тамъ, въ узкой нишѣ колоннъ и пилястровъ, на узорчатомъ постаментѣ и подъ заостреннымъ балдахиномъ начинаютъ оживать эти трепещущія внутреннимъ огнемъ тѣни. Готическія статуи, именно,—тѣни, лишенныя всякой твердости, поколебленныя, странно изогнутыя; ихъ длинныя одежды скрываютъ ноги, разбиваясь внизу въ причудливый орнаментъ и утаивая движеніе фигуры; изломы ихъ тѣла полны какого-то внутренняго напряженія, ихъ движенія противорѣчивы, какъ-будто человѣкъ съ трудомъ преодолѣваетъ какія-то внѣшнія препятствія. Въ этой трудности, въ этой противорѣчивости и заключается

„выраженіе“ готической скульптуры: словно въ этихъ статуяхъ помимо человѣческой воли есть еще другая — воля архитектурныхъ линій, воля пластической формы, и словно эти двѣ воли борятся между собой. Посмотрите на улыбку „Искусителя“ (Базель)—развѣ она не кажется напряженной гримасой, развѣ не чудится въ ней того-же зловѣщаго издѣвательства, что и въ химерахъ, свисающихъ съ крышъ готическаго собора? Или взгляните на эту бронзовую купель (романскаго періода): съ какимъ напряженіемъ вылѣзаютъ быки изъ стѣнокъ пьедестала, съ какимъ трудомъ ворочаютъ они своими рогатыми головами; и какъ тѣсно лѣпятся фигуры по стѣнкамъ чаши, боясь оторваться, боясь нагнуться! Для человѣка въ искусствѣ кончилась золотая пора безтруднаго существованія, свободныхъ движеній, созерцательнаго отдыха; теперь онъ долженъ бороться съ какими-то внѣшними силами, и м. б. главная изъ этихъ силъ—художественная форма.

Искусство сѣвернаго Возрожденія (которое вы увидите позднѣе, когда спуститесь внизъ—**Залъ XXII**) показываетъ намъ дальнѣйшую исторію этого мученичества человѣка во имя художественной выразительности. Въ созданіяхъ Адама Крафта и Тильмана Рименшнейдера вы увидите преждевременно состарившіяся лица, изможденныя худобой, измученныя, морщинистыя, странныя фигуры съ судорожно открытыми ртами и искривленными ногами, съ тяжелыми головами и безпокойными складками—**Флорент. дворикъ.** Трудно становится и зрителю. Художникъ не помогаетъ ему охватить движеніе человѣческой фигуры гибкимъ контуромъ и выпуклой пластикой; глазъ спотыкается о не-

ровности силуэта, запутывается въ сложныхъ складкахъ. Искусство требуетъ и отъ зрителя напряженной работы.

По другому пути, чѣмъ сѣверное Возрожденіе, пошло искусство итальянскаго Ренессанса. Отдавая предпочтеніе античному передъ готикой, итальянскіе художники старались бороться противъ мучительной раздвоенности сѣвернаго искусства; ихъ тянуло къ языческой жизнерадостности, къ движенію, къ позамъ, къ яркой мимикѣ; они черпали свое вдохновеніе столько же въ миѳологіи, какъ и въ священномъ разсказѣ. Не сразу конечно далось имъ это освобожденіе отъ сѣвернаго рабства. Если вы посмотрите на статую Св. Георгія—**Залъ XVIII,**—одно изъ раннихъ произведеній Донателло—то на ряду съ чертами новаго художественнаго міросозерцанія, съ простымъ, яснымъ силуэтомъ, со свободнымъ жестомъ тяжелыхъ рукъ, съ выпуклой грудью, открытой отъ орнамента складокъ, вамъ нетрудно будетъ узнать сѣверныя традиціи, которыя еще крѣпко держатъ въ своихъ тискахъ творческую волю художника: въ томъ, какъ несвободно стоитъ юноша, слегка сломанный въ таліи, какъ движенія его ногъ скрыты отъ зрителя щитомъ (подобно длиннымъ одеждамъ готическихъ мадоннъ Джованни Пизано—**Залъ XVI**) и какъ трудно ему повернуться вокругъ своей оси и какъ, наконецъ, въ лицѣ его, въ почти сходящихся бровяхъ и въ складкѣ на лбу звучитъ какая-то страдальческая нота, такъ мало гармонирующая съ открытой позой юнаго героя. Крупный шагъ впередъ къ новой художественной формѣ дѣлаетъ Донателло въ своемъ „Благовѣщеніи“ — **Залъ XVIII.** Такъ характеренъ длянеуравновѣшеннаго кваттрочентиста этотъ кон-

трастъ пестраго, прерывистаго орнамента и плавныхъ текучихъ линій человѣческой фигуры, легко скользящей мимо фона. Обратите вниманіе, какъ движеніе Богоматери, заразъ и робко отступающей и внимательно склонившейся впередъ, какъ изгибъ ея тѣла повторяется въ контурѣ кресла и какъ съ другой стороны къ нему примыкаетъ обратный полукругъ, очерченный фигурой ангела и намѣченный въ дугахъ крыльевъ. Въ этой абстрактной игрѣ линій, которой подчиняются дѣйствія человѣка, скрывается наслѣдіе готики, но переработанное въ духѣ итальянской убѣдительности; этотъ „линеализмъ“, эта самостоятельная выразительность линій превратилась позднѣе, въ эпоху высокаго „Ренессанса“, въ строгую монументальность, въ геометрическую правильность размѣренной композиціи; вы можете видѣть ее въ пирамидальномъ построеніи Микель-анджеловой Гробницы Медичи или въ той круглой рамѣ, въ которую такъ искусно вогналъ Микель-анджело свою композицію на рельефѣ изъ Bargello—

Залъ XX.

Есть еще одна новая черта въ группѣ Донателло: интересъ къ мимикѣ лица, къ разговору жестовъ, къ характеристикѣ, я бы сказалъ, къ театру въ скульптурѣ. Передъ вами не просто двигающійся, сидящій, ударяющій или падающій человѣкъ, какъ въ греческихъ фронтонныхъ композиціяхъ; здѣсь инсценирована цѣлая исторія, хотя бы и съ двумя дѣйствующими лицами. И зритель уже не только созерцаетъ, онъ принимаетъ близкое участіе во всемъ происходящемъ, онъ улавливаетъ робость въ жестѣ Мадонны и убѣждается въ преданной довѣрчивости ангела по наклону его головы и по тѣсно прижатымъ рукамъ: человѣкъ въ искусствѣ

не просто функціонируетъ, онъ убѣдительно играетъ, онъ хочетъ „переживать“. Отсюда это увлеченіе кваттрочентистовъ портретомъ, интересъ къ маскѣ лица, къ его индивидуальному построенію (бюстъ Маріэтты Строцци или Маттео Пальміери—**Залъ XVIII**). Всѣ типичныя черты новаго настроенія и новой формы даютъ намъ рельефы на бронзовыхъ дверяхъ Гиберти. Здѣсь особенно поучительно сравненіе ихъ съ дверями Гильдесгеймскаго собора—**Залъ XVI.** Тамъ, въ романскихъ дверяхъ,—плоскій орнаментъ и безпокойныя движенія рѣдкихъ фигуръ, наполовину оторвавшихся отъ фона; здѣсь, у Гиберти,—цѣлыя картины съ выпуклымъ обрамленіемъ, съ глубокимъ пространствомъ, съ воздушной моделировкой, со спокойными позами хорошо обученныхъ и умѣло разставленныхъ актеровъ.

Однако не надо забывать, что мастерство флорентійскихъ кваттрочентистовъ развивалось больше въ сферѣ ювелирныхъ интересовъ. Они не были чистыми скульпторами, мраморщиками въ полномъ смыслѣ этого слова. Они, скорѣе,—золотыхъ дѣлъ мастера, способные на литье всякихъ тончайшихъ бездѣлушекъ, на инкрустацію, на работу изъ глазированной глины (напр., гробница кардинала Португальскаго). Микельанджело первый возвращается къ чистой скульптурѣ египтянъ, къ высѣканію прямо изъ камня. Его рельефъ (Битва кентавровъ съ лапиѳами—**Залъ XX**) показываетъ намъ, какъ флорентійскій мастеръ умѣлъ вызывать образы изъ камня, какъ онъ вырубалъ фигуры изъ фона, словно съ ними боролся. Намъ извѣстна техника его работы. Онъ опускалъ восковую модель въ ящикъ съ водой и, по мѣрѣ того какъ вода убывала изъ ящика, обнажая все больше и больше рельефъ фигуры, онъ

высѣкалъ на мраморѣ соотвѣтственныя части. Въ недоконченной группѣ „Снятіе со креста“ (изъ Палестрины) мы видимъ и смѣлые удары рѣзца и всю точность руки Микельанджело, съ какой онъ отсѣкалъ отъ глыбы, врѣзаясь все глубже, какъ разъ столько, сколько было нужно. Микельанджело мыслилъ свой образъ въ камнѣ, и его законченныя произведенія всегда сохраняютъ въ себѣ нѣчто отъ мраморной глыбы, отъ первоначальнаго куска. Взгляните на Мадонну Медичи, которая, кажется, не потеряла тяжести и безформенности каменнаго обрубка и въ то же время наполнилась до краевъ небывалой внутренней жизнью. Но то, что отличаетъ Микельанджело отъ египтянъ, равно какъ и отъ грековъ, это абсолютная круглость его статуй, ихъ полная обособленность отъ всего окружающаго, которая позволяетъ разсматривать ихъ изъ любого мѣста, съ любой стороны, которая открываетъ безконечное количество точекъ зрѣнія на статую. Мадонна Медичи, словно мощная спираль, вращается вокругъ своей оси, наклоняя голову и лѣвое плечо, откидываясь назадъ корпусомъ и правой рукой, и успѣвая въ то же время поддерживать Младенца и закинуть ногу на ногу. Въ этомъ движеніи столько же сложныхъ контрастовъ, какъ и въ позѣ Младенца, сѣвшаго верхомъ на колѣни матери и изогнувшагося рѣзкимъ поворотомъ назадъ, какъ разъ напротивъ движенію Мадонны. Но вся сложность движеній, вся невѣроятная смѣлость раккурсовъ охвачены, какъ тисками, контуромъ мраморной массы, и откуда ни взглянешь—богатство пластической формы подчинено величественной простотѣ первоначальной глыбы. Микельанджело сумѣлъ использовать

урокъ сѣвернаго искусства. Вѣдь что, въ сущности, изображаетъ группа? Богоматерь кормитъ Младенца. Но художникъ не ограничился простымъ актомъ: его фигуры помимо своихъ прямыхъ функцій еще исполняютъ функціи пластической формы—и Младенецъ сѣлъ такъ неудобно и Мадонна такъ тяжело оперлась на руку для того, чтобы художникъ могъ развернуть все богатство человѣческаго тѣла, вызвать къ жизни всю его энергію. Мы на рубежѣ новой эпохи. Мадонна Медичи еще спокойно-величава. Но въ группѣ „Снятія со креста“ (изъ Флоренціи) мы уже чувствуемъ какое-то безпокойное броженіе, какой-то болѣзненный изломъ чудится въ яркихъ бликахъ и черныхъ тѣняхъ, въ этой гигантской пирамидѣ, клокочущей сверхчеловѣческими страстями. Мы застаемъ здѣсь пробужденіе новой эпохи европейскаго искусства—эпохи Барокко.

Отдѣленіе Изящныхъ Искусствъ Румянцовскаго музея.

И. Н. Калачевой и *А. П. Мюллеръ*

подъ ред. *Н. И. Романова.*

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ картинами въ каталогѣ Картинной галлереи Московскаго Императорскаго Румянцовскаго музея каждому отдѣлу предпослана объяснительная статья, а для учебныхъ заведеній учреждены дни безплатныхъ объяснительныхъ экскурсій. (Необходимъ письменный запросъ директору музея о днѣ, когда можетъ состояться экскурсія).

Галлерея помѣщается въ отдѣльномъ зданіи (входъ изъ Ваганьковскаго пер.) и открыта для обозрѣнія всѣ дни недѣли (кромѣ понедѣльника) отъ 11-ти до 4-хъ ч.). Воскресные, табельные и праздничные дни отъ 12-ти до 3-хъ. Плата за входъ 20 коп. По воскресеньямъ входъ безплатный, фотографы допускаются по понедѣльникамъ.

Для спеціальныхъ занятій въ гравюрномъ кабинетѣ требуется разрѣшеніе хранителя отдѣленія.

Отдѣлъ гравюръ открытъ для желающихъ заниматься по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 11-ти до 3-хъ часовъ.

I. Картинная галлерея.

Основаніемъ Картинной галлереи Румянцовскаго музея послужило извѣстное произведеніе А. А. Иванова „Явленіе Христа народу“, пожалованное въ 1862 году въ даръ музею Императоромъ Александромъ II. Въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію музею были переданы Императорскимъ Эрмитажемъ картины (201) западно-европейскихъ школъ. Въ 1867 году сюда же была присоединена замѣчательная коллекція одного изъ первыхъ собирателей русскихъ картинъ въ Россіи Ф. И. Прянишникова, а затѣмъ собраніе и до сихъ поръ пополняется щедрыми дарами частныхъ лицъ, давшими возможность галлереѣ обратиться въ одно изъ самыхъ цѣнныхъ картинныхъ собраній Москвы.

Въ результатѣ образовались въ составѣ галлереи двѣ большихъ группы. Это прежде всего въ высшей степени цѣнное собраніе картинъ русской школы конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка. Многія извѣстныя произведенія Левицкаго, Боровиковскаго Кипренскаго, Венеціанова, Брюллова и въ особенности произведенія Александра Иванова и П. Федотова

придаютъ этому собранію выдающееся значеніе для историка русскаго искусства. Исторія развитія русской живописи въ первой половинѣ XIX вѣка не можетъ быть извѣстна и понятна тому, кто миновалъ Румянцовскую галлерею, хотя бы онъ и былъ знакомъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ Третьяковской галлереи и съ особенно богатымъ собраніемъ русской живописи XVIII—XIX вв. въ музеѣ Александра III въ Петербургѣ.

Вторую часть галлереи составляетъ отдѣлъ старой западно-европейской живописи, заключающей въ себѣ образцы итальянской, старо-нѣмецкой, нидерландской и голландской школъ, французскія и нѣмецкія картины XVII—XIX вв. Отдѣлъ иностранныхъ картинъ въ Румянцовской галлереѣ, не давая полнаго представленія объ историческомъ ходѣ развитія западно-европейской живописи, можетъ однако познакомить съ общимъ характеромъ ея отдѣльныхъ школъ.

По лѣстницѣ въ вестибюлѣ размѣщены большія картины декоративнаго характера. Въ нижнемъ этажѣ галлереи находятся: а) картины западно-европейскихъ школъ, б) произведенія русской живописи 2-й половины XIX вѣка, во второмъ этажѣ галлереи—а) картины русской школы XVIII в. и первой половины XIX вѣка, б) отдѣлъ гравюръ.

Лѣстница.

Въ вестибюлѣ на стѣнахъ развѣшаны большія полотна итальянскихъ и французскихъ мастеровъ XVII—XVIII вв.: „Аллегорія“—Луки Джіордано, „Жертвоприношеніе Іакова и Лавана“—П. Берретини (да Кортона) и „Возвращеніе Агари“—его же, „Боль-

шой Каналъ въ Венеціи"—Беллото, „Внутренность церкви"—Де Маши, „Смерть Авеля"—Берретини, „Поклоненіе золотому тельцу"—шк. Пуссена и др.

Такъ какъ картины русской школы, размѣщенныя въ залахъ второго этажа, представляютъ главную часть Румянцовской галлереи, а помѣщенные въ нижнемъ этажѣ отдѣлы западныхъ школъ и русскихъ картинъ 2-ой половины XIX вѣка имѣютъ значеніе дополнительныхъ, то осмотръ галлереи лучше начинать съ русской школы, т.-е. со 2-го этажа.

Второй этажъ.

Картины русской школы.

(Залы 1, 2, 3, 4).

Искусство въ древней Руси было нераздѣльно съ религіей, и живопись такимъ образомъ выразилась сначала всецѣло въ иконописи. Въ отдѣленіи гравюръ, въ комнатѣ для занятій, выставлено нѣсколько принадлежащихъ музею особенно выдающихся въ художественномъ отношеніи иконъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ русской иконописи и ея источника, византійской иконописи (отъ XIV до XVII в.).

Живопись свѣтскаго характера начинаетъ развиваться у насъ съ воцареніемъ Петра Великаго, т.-е. съ начала XVIII вѣка. Этотъ вѣкъ открывается цѣлымъ рядомъ славныхъ именъ, положившихъ начало новому русскому искусству, вначалѣ еще сильно отражавшему вліяніе западно-европейскихъ образцовъ; мастерство нѣкоторыхъ изъ этихъ художниковъ хорошо представлено въ музеѣ (**залъ I**). Такъ, мы найдемъ здѣсь нѣсколько замѣчательныхъ

портретовъ извѣстныхъ русскихъ портретистовъ Д. Г. Левицкаго (1735—1822), В. Л. Боровиковскаго (1758—1826). За ними слѣдуютъ образцы первыхъ опытовъ русскихъ художниковъ въ исторической (Г. И. Угрюмовъ, 1764—1823) и пейзажной живописи, носившей еще декоративно-перспективный характеръ (О. М. Матвѣевъ, 1758—1826, Ф. Я. Алексѣевъ, 1776—1857), а также (въ **залѣ 2-омъ**), картины профессоровъ Академіи, представителей „академическаго“ направленія, подражавшаго великимъ образцамъ итальянской живописи XVI—XVII вв. (А. Е. Егоровъ, 1776—1851, В. К. Шебуевъ, 1777—1855). На ряду и въ контрастѣ съ нимъ обращаютъ на себя вниманіе (**залъ 2-ой**) бытовые этюды А. Г. Варнека (1782—1843), работы В. А. Тропинина (1776—1857) и особенно цѣнныя въ художественномъ отношеніи картины нашего перваго жанриста А. Г. Венеціанова (1780—1846) „Причащеніе умирающей“ и „Голова старухи“. Превосходными работами представлено также мастерство романтика О. А. Кипренскаго (1783—1836) (Пейзажъ, автопортретъ, портретъ П. А. Оленина, портретъ Н. С. Мосолова).

Въ этомъ же отдѣлѣ размѣщены отражающія увлеченіе красотой итальянской природы картины М. В. Лебедева (1811—1837) и С. Ѳ. Щедрина (1791—1830), которыя представляютъ уже переходъ отъ декоративныхъ перспективъ къ задачамъ собственно пейзажной живописи. Эти красивые и поэтичные пейзажи 30-хъ годовъ XIX вѣка показываютъ, какъ сильны были еще въ это время вліяніе Запада и любовь ко всему иностранному.

Картины К. П. Брюллова (1799—1852. **Залъ 3-ій**) развертываютъ намъ борьбу новаго вѣянія 40-хъ

годовъ со старыми традиціями Академіи. Комбинаціи ума по правиламъ классической теоріи уступаютъ въ его картинахъ мѣсто вдохновенію и творчеству, но много въ нихъ еще чисто внѣшняго драматизма („Нашествіе Гензериха на Римъ“). Удивительно хороши портреты Брюллова, который поразительно умѣлъ схватить въ изображаемомъ лицѣ все наиболѣе характерное („Автопортретъ“, „Портретъ гр. В. А. Перовскаго“), превращая часто свои портреты въ жанровыя картины („Портретъ кн. А. Н. Голицына“).

Совершенно исключительную художественную цѣнность представляетъ собраніе картинъ П. А. Федотова (1815—1852.—**Залъ 3-ій**), нашего перваго реалиста-сатирика, придавшаго яркую типичность и національный характеръ русскому жанру. Творческая мысль Федотова, возбужденная литературными вліяніями эпохи, когда все сильнѣе начинаетъ развиваться русское самосознаніе, руководится уже другими запросами. Реализмъ Федотова отъ внѣшняго подражанія натурѣ переходитъ въ творчество идейнаго характера. Мѣткими чертами обрисовываетъ онъ недостатки общества. Но Федотовъ караетъ въ своихъ картинахъ только человѣческіе недостатки, и всегда художникъ въ немъ беретъ верхъ надъ моралистомъ, и вмѣсто негодующаго смѣха зритель видитъ добродушную улыбку любовно относящагося къ людямъ юмора. Стоитъ вглядѣться въ массу мелкихъ подробностей, переполняющихъ его картины, чтобы прочесть въ нихъ цѣлую исторію и выяснить изъ нихъ обстановку, среду, духовный кругозоръ и отношеніе дѣйствующихъ лицъ. Вотъ, напримѣръ, „Утро чиновника“ послѣ пированія по случаю по-

лученнаго ордена. „Новый кавалеръ не вытерпѣлъ, чѣмъ свѣтъ нацѣпилъ на халатъ свою обнову и горделиво напоминаетъ свою значительность кухаркѣ. Но она насмѣшливо показываетъ ему единственные, да и то стоптанные сапоги... Романъ Булгарина на полу... и Вѣдомости Городской Полиціи,—вотъ духовные друзья хозяина въ часы досуга“ (слова П. А. Федотова). Всѣ эти тонко выписанныя мелочи кажутся даже излишними, а между тѣмъ подчеркнутыя ими комическія стороны жизни смягчаютъ неприглядность пошлыхъ сторонъ послѣдней.

Но будучи не въ силахъ высказать всего посредствомъ чисто живописныхъ образовъ, Федотовъ испещрялъ нерѣдко свои произведенія ярлыками и надписями, а иногда самъ выступалъ передъ публикой въ роли балагура-раешника. Такъ было съ картиной „Сватовство майора“.—Сваха приводитъ въ купеческій домъ жениха-майора. „И вотъ извольте посмотрѣть, какъ хозяинъ купецъ, невѣстинъ отецъ, не сладитъ съ сюртукомъ. Онъ знакомъ больше съ армякомъ.... Какъ наша невѣста не найдетъ сдуру мѣста... А умная мать за платье ее хвать“, объяснялъ свою картину самъ Федотовъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ въ 1848 году. По сравненію съ прежними картинами Федотова „Женитьба майора“ представляетъ большой шагъ впередъ. Типы въ высшей степени характерны, но уже свободны отъ карикатурности; детали многочисленны, но композиція уже не кажется тѣсной. Живымъ юморомъ дышитъ въ изображеніи „кошки, зазывающей гостей“ напоминаніе о народной примѣтѣ. Очень красивъ и общій колоритъ картины; превосходно переданы платья невѣсты и ея матери и лучъ солнца, озарившій переднюю.

Чѣмъ дальше, тѣмъ большей красоты достигаетъ Федотовъ въ области колорита и техники. Его картина „Завтракъ аристократа“ поражаетъ гармоніей и сочностью красокъ. „Франтъ обѣдалъ кускомъ чернаго хлѣба... Вдругъ въ прихожей звонятъ... О ужасъ! Что подумаетъ его сіятельство, увидѣвъ черный хлѣбъ на богатомъ письменномъ столѣ“!..

Въ послѣдній періодъ своего творчества Федотовъ, увлеченный талантомъ Карла Брюллова, поддается вліянію старой эстетической теоріи о значеніи красоты въ искусствѣ. Онъ стремится слить правду съ красотой, вызвать впечатлѣніе, способное облагородить душу. Къ этому періоду относится его картина „Вдовушка“. Своимъ чувствительнымъ характеромъ эта картина особенно нравилась современникамъ художника.

Вліяніе творчества Федотова отразилось на многихъ его современникахъ. Федотовъ — истинный отецъ русскаго идейнаго національнаго жанра; однимъ изъ его ближайшихъ послѣдователей былъ А. Ф. Чернышевъ (1824—1863), представленный въ въ музеѣ картиной „Шарманщикъ“. Связь между послѣдователями Федотова и широко развившейся идейной живописью такъ называемыхъ передвижниковъ (хорошо представленной въ Третьяковской галлереѣ) представляетъ творчество Перова, юморъ котораго отъ добродушныхъ переходитъ уже къ болѣе обличительнымъ темамъ.

Въ особый совершенно **залъ (4-ый)** выдѣлены произведенія А. А. Иванова (1806—1858), во главѣ съ его картиной „Явленіе Христа народу“, которой художникъ посвятилъ значительную часть своей жизни. На картинѣ изображенъ моментъ, когда Креститель показываетъ народу на приближающа-

гося Христа. Самъ глубоко религіозный, Ивановъ всемъ существомъ своимъ отдался задуманной темѣ, сознавая важность минуты, когда началось служеніе Христа народу. Сюжетъ былъ историческій, и Ивановъ не могъ найти своей натуры въ окружающей дѣйствительности: ее надо было воссоздать творческой работой. Одинъ бѣглый только взглядъ на всѣ собранные здѣсь къ этой картинѣ этюды показываетъ намъ, какъ много потрудился надъ своимъ произведеніемъ Ивановъ, и какой это былъ тонкій художникъ и глубокій творческій духъ. Каждую подробность картины Ивановъ основалъ на множествѣ эскизовъ, этюдовъ, пробныхъ опытовъ. Для каждой фигуры, головы, даже руки или ноги онъ написалъ десятки этюдовъ, стараясь иногда еще и „согласить творчество старинныхъ мастеровъ съ натурой". Такъ, обликъ Христа Ивановъ составляетъ, сближая женское лицо съ головой Аполлона Бельведерскаго. Но этотъ путь работы, избранный Ивановымъ, имѣлъ и отрицательныя стороны. Погруженный въ мелочное изученіе и сравненія, Ивановъ слишкомъ замедлялъ ходъ работы, а медленность убивала вдохновеніе. Многія лица и краски удались болѣе въ этюдахъ, чѣмъ въ картинѣ. Вліяніе академическаго стиля еще даетъ себя чувствовать въ этомъ произведеніи Иванова, ослабляя непосредственность и силу впечатлѣнія. И все же значеніе картины въ исторіи русскаго искусства огромно: глубоко и разнообразно выразилъ Ивановъ чувства отдѣльныхъ лицъ въ этой толпѣ, внимающей словамъ Предтечи и устремляющей съ радостной надеждой взоры на грядущаго вдали Мессію; искренность чувства, возвышенность и глубина мысли, новизна

и яркость образовъ, тонкое чутье къ жизненной и исторической правдѣ, къ характеру и красотѣ пейзажа — вотъ чѣмъ отличается картина Иванова отъ историческихъ картинъ его современниковъ.

Ивановъ писалъ свою картину въ общемъ въ теченіе 18 лѣтъ. Въ концѣ этого періода въ душѣ Иванова подъ вліяніемъ движенія къ политической и духовной свободѣ, охватившаго въ 48-мъ году европейское общество, созрѣлъ переворотъ, отразившійся и на его взглядѣ на искусство. Подъ вліяніемъ научно-критическихъ и положительныхъ идей той эпохи измѣнился характеръ религіозныхъ взглядовъ и исканій Иванова, и картина утратила для него свое прежнее глубокое значеніе. Свой новый взглядъ на искусство и его задачи онъ успѣлъ только намѣтить въ своихъ эскизахъ къ Библіи (выставлены въ одной изъ витринъ въ **4-мъ залѣ**). Ивановъ мечталъ по этимъ эскизамъ исполнить со временемъ большія картины на стѣнахъ спеціально предназначеннаго для этой цѣли зданія, посвященнаго прославленію Христа и христіанства. Ивановъ предполагалъ вокругъ евангельскихъ картинъ представить ихъ ветхозавѣтные прообразы, миѳы о рожденіи языческихъ боговъ и наросшія впослѣдствіи преданія. Рисунки эти рѣзко отличаются отъ всѣхъ предыдущихъ работъ художника. Въ нихъ воплощается все богатство творческой фантазіи Иванова, и геній его проявляетъ себя вполнѣ свободно и самостоятельно. Подробно изучая Библію и сочиненія по археологіи древняго Востока, Ивановъ глубоко проникся представленіями и духомъ того міра, среди котораго явился Христосъ, и создалъ невиданные образы, въ духѣ древняго Востока, полные священнаго величія кра-

соты и силы. Ивановъ раскрылъ въ этихъ эскизахъ духъ своей новой вѣры, широкой, общечеловѣческой, глубокой по идеямъ, и создалъ первые замѣчательные образцы новаго искусства, отвѣчавшаго духовнымъ запросамъ времени. Въ этихъ незаконченныхъ эскизахъ — начало истинно художественнаго, свободнаго русскаго живописнаго творчества. Незаконченность образовъ вознаграждается зато свободою, широтою и свѣжестью художественнаго замысла въ его первомъ яркомъ проявленіи.

Яркою нитью идетъ черезъ все творчество Иванова стремленіе отбросить отъ себя всякій элементъ подражательности. Творчество его — это стремленіе къ реальной правдѣ, къ реализму въ изображеніи природы, чувствъ и людей (см. рисунки Иванова въ двухъ витринахъ **4-го зала**). Въ нѣкоторыхъ своихъ этюдахъ онъ близко подошелъ къ импрессіонизму нашихъ дней (этюдъ нагихъ мальчиковъ). И если еще чувствуется нѣкоторая условность и недостатокъ непосредственности въ его картинѣ, то въ эскизахъ къ Библіи уже нѣтъ болѣе и слѣда академическихъ вліяній. Но стремясь къ реализму формъ и образовъ, Ивановъ былъ проникнутъ глубокимъ идеальнымъ пониманіемъ задачъ искусства, служеніе которому составило главный и единственный смыслъ его жизни и побудило его поступиться интересами личной жизни. Ивановъ не создалъ школы въ смыслѣ группы опредѣленныхъ учениковъ и подражателей, потому что его школу составили всѣ русскіе художники второй половины XIX вѣка.

Залы 5 и 6-й, посвященные русской живописи второй половины XIX-го вѣка, находятся въ нижнемъ этажѣ галлереи.

Нижній этажъ.

Картины русской школы.

(Залы 5-ый и 6-ой.)

Въ **5-омъ залѣ** размѣщены картины русскихъ художниковъ 2-ой половины XIX вѣка, принадлежащія къ завѣщаннымъ музею собраніямъ К. Т. Солдатенкова, И. П. Свѣшникова, Н. С. Мосолова. Здѣсь собраны главнымъ образомъ произведенія реалистовъ 70 и 80-хъ годовъ: Г. Мясоѣдова, Ф. Журавлева, В. Маковскаго, К. Трутовскаго, В. Сурикова, В. Васнецова, В. Максимова, И. Шишкина, Ф. Васильева, В. Орловскаго и ихъ преемниковъ, соединявшихъ реализмъ съ тонкой красотой живописнаго колоритнаго мотива или поэтично-искренняго настроенія: Н. Богданова-Бѣльскаго, Н. Касаткина, С. Иванова, А. Ржевской, Я. Калиниченко, Л. Пастернака, Е. Хруслова, И. Левитана, С. Жуковскаго, А. Васнецова, С. Виноградова, Моравова, М. Пырина, С. Никифорова, Л. Попова и др. Хотя этотъ послѣдній періодъ въ Румянцовской галлереѣ носитъ неполный и случайный характеръ рядомъ съ замѣчательнымъ собраніемъ Третьяковской галлереи, но все же и изъ этой эпохи есть здѣсь нѣсколько интересныхъ и цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи картинъ, имѣющихъ значеніе и въ исторіи русской живописи.

Въ **залѣ 6-омъ** (Собранія К. Т. Солдатенкова, И. П. Свѣшникова) помѣщены преимущественно картины русскихъ мастеровъ, работавшихъ съ конца 60-хъ годовъ XIX-го вѣка въ Италіи: Г. Семи-

радскаго, С. Бакаловича, Ѳ. Бронникова, А. Рицони, Е. Сорокина, А. Свѣдомскаго, В. Котарбинскаго, Ѳ. Реймана и др.

Къ этимъ изобразителямъ красотъ итальянскаго юга и античнаго міра присоединены въ **5-омъ залѣ** произведенія К. Гуна и В. Якоби, близкихъ къ первымъ по эффектности колорита и внѣшнему драматизму историческихъ темъ. Въ томъ же залѣ помѣщены произведенія К. Маковскаго, А. Харламова, И. Похитонова, В. Полѣнова, выдающіяся по изяществу колорита.

Картины западныхъ школъ.

(Залы 7, 8, 9, 10.)

Залъ 7. Картины французскихъ и нѣмецкихъ художниковъ XVII и XVIII вв. Объ академическомъ (основанномъ на подражаніи итальянцамъ) направленіи французской живописи XVII в., съ ея условностью и внѣшней красотою формы, даютъ понятіе: картина школы Николо Пуссена (1594—1665) „Поклоненіе золотому тельцу“, (въ помѣщеніи лѣстницы) изящная картина Ноэль Куапеля старш. (1628—1707) „Амуръ и Психея“, и „Воспитаніе Ахилла“ Луи М. Ванъ-Лоо (1707—1771), привлекающее изяществомъ блѣдныхъ красивыхъ красокъ. Интересны также „Конный портретъ“ въ стилѣ французскаго „барокко“ неизвѣстнаго мастера (Ванъ-деръ-Мейлена?), выдержанный въ голубыхъ тонахъ, и типичная батальная картинка XVII в. „Кавалерійская схватка“. Прекрасный образецъ французскаго „рококо“ представляютъ „Ка-

чели“ школы Ватто (серед. XVIII в.); тотъ же стиль отразился и въ граціозномъ „Урокѣ пѣнія“ Жана Баптиста Сантера (1658—1717). Къ красивымъ декоративно-романтическимъ композиціямъ XVIII в. относятся изящно-живописные пейзажи Гюберъ-Робера (1733—1808), находившагося подъ вліяніемъ итальянскаго художника Панини (см. **залъ 8**): „Пейзажъ съ развалинами“, „Римская фантазія“, „Пейзажъ съ фигурами“ и болѣе эффектные, чѣмъ художественно-тонкіе, „Закаты“ и „Лунныя ночи“ К. Верне (1714—1789).

Въ этомъ же залѣ на щитѣ размѣщено нѣсколько картинъ французскихъ художниковъ XIX вѣка: эффектный, привлекающій красивостью, но нѣсколько небрежный по рисунку (рука) „Портретъ баронесы де-Кампенгаузенъ“ кисти Митуара (нач. XIX в.), „Нищіе“ школа Декана, „Кузнецы“ Жака (1780—II пол. XIX вѣка) и 2 пейзажа Діаза (1809—1876), обнаружившаго красоту романтическаго замысла и красокъ.

Изъ картинъ нѣмецкихъ художниковъ конца XVII и XVIII вв. обращаютъ на себя вниманіе: „Притча о явившемся на пиръ въ дурной одеждѣ“ Іосифа Платцера (1752—1810), образецъ тяжеловатаго нѣмецкаго рококо; декоративный „итальянизирующій“ пейзажъ конца XVII в. Филиппа Роосъ, прозваннаго Роза ди Тиволи (1657—1705); „Голова старика“ Христіана Дитриха (1712—1774), добросовѣстно подражавшаго свѣтотѣни Рембрандта (см. Голландск. **залъ —10-ый**); „Женскій портретъ“ Іоганна Тишбейна младш. (1651—1829) и „Турчанка“ Анжелики Кауфманъ (1741—1807) въ духѣ красиваго и чувствительнаго идеала художницы.

Итальянская школа.

Залъ 8. Одна изъ раннихъ итальянскихъ школъ сіенская—представлена въ Рум. гал. выдающимся по его художественному значенію, но, къ сожалѣнію, пострадавшимъ отъ огня „триптихомъ“ XIV в. Изъ произведеній XV в. выдѣляется „Мадонна со св. Христофоромъ и св. Екатериной“ Маттео ди Джованни (1435—1495), поэтичная и полная мягкой задушевности, какъ это типично для сіенской школы. Къ XV вѣку относится и „Мадонна среди святыхъ“ флорентинца Роселли ди Якопо Франки (нач. XV в.)—произведеніе переходнаго стиля, на рубежѣ XIV и XV вв. Къ венеціанской школѣ XVI в. принадлежитъ красивая композиція для плафона Паоло Фаринати (1527—1606) „Поклоненіе волхвовъ“ и интересная картина Леандро Бассано (1558—1623) „Посадка животныхъ въ Ноевъ ковчегъ“. Большими художественными достоинствами отличаются, какъ всегда, картины венеціанскаго художника XVIII в. Франческо Гварди (1712—1793); прозрачность воздуха, насыщеннаго солнечнымъ свѣтомъ, великолѣпно передана въ его видахъ „Пьяцетты“ и „Санъ-Джорджіо Маджоре въ Венеціи“.

Энергичный и интересный по силѣ впечатлѣнія „Мужской портретъ“ Микель-Анджело Америги да Караваджіо (1569 — 1609), дающій понятіе о реализмѣ этого художника и типичныхъ для него рѣзкихъ эффектахъ свѣтотѣни, „Св. Себастьянъ“ Луки Джордано (1632—1705)—этюдъ тѣла, полный реализма и красивой живописности, и декоративно-величавый „Св. Іеронимъ“ (Франческо Солимена?) представляютъ типичныя произведенія неаполитанской школы XVII в.

Къ лучшимъ образцамъ другихъ школъ итальянской живописи этого періода относится въ Румянц. галлереѣ „Жертвоприношеніе Авраама“ Доменико Фети (1589—1624), „Смерть Авеля“ Береттини, „Гомеръ, диктующій свои поэмы“ Пьера Франческа Мола (1612—1668), „Св. Себастьянъ“ Барбіери (Гверчино 1591 — 1666) и „Головка“ Карла Дольчи (1616 — 1670). Итальянская живопись XVIII в. съ ея внѣшней красивостью и условностью чувства представлена въ помѣщеніи лѣстницы типичными произведеніями Панини (1691—1764), Маратта (1625 — 1713) и Батони (1708—1787).

Фламандская школа.

Залъ 9-ый. Начальный „Нидерландскій“ періодъ этой школы хорошо характеризуется „Богоматерью съ Младенцемъ“ Госсартъ Мабюзе (1472—1533), носящей на себѣ слѣды итальянскаго вліянія, типичнаго для нидерландской живописи XVI в. Эта картина представляетъ уже переходную ступень къ фламандскимъ картинамъ XVII в., къ творчеству Рубенса и его школы. Эскизъ школы Рубенса (1577—1649) „Муцій Сцевола“ и копія съ его картины „Судъ Париса“ въ мощныхъ тѣлахъ и красивомъ пейзажѣ и колоритѣ отражаютъ главныя черты его творчества. Лучшіе ученики Рубенса представлены въ Румянц. галлереѣ Квеллинусомъ младшимъ (1607—1678) въ его карт. „Коза Амальтея, выкармливающая Юпитера“, и П. Молемъ (1599—1660) въ его „Снятіи со креста“. Къ выдающимся произведеніямъ фламандской пейзажной живописи XVII в. въ галлереѣ принадлежатъ „Нападеніе разбойниковъ“ Брейгеля Бархатнаго

(1568—1625), „У переправы“ Лукасъ-ванъ-Юденъ (1595—1672) и картина „Въ бродъ“ Зиберехтса (1627—1703).

Женскій портретъ неизвѣстнаго мастера и портретъ „Анны-Маріи Медичи и ея мужа курфюрста Іоганна-Вильгельма“ Яна Доувена (1656—1727) даютъ представленіе о фламандскомъ портретномъ искусствѣ конца XVII, начала XVIII вв., когда оно вдохновлялось величавыми формами „барокко“. Бытовая живопись фламандской школы получила въ Румянц. галлереѣ свое характернѣйшее выраженіе въ картинахъ Тенирса мл. (1610—1690) „Искушеніе св. Антонія“, замѣчательной по техникѣ и свѣтотѣни; его-же „Пастухъ со стадомъ“ и „Жертвоприношеніе Исаака“; и въ „Работѣ въ саду“ Брейгеля Адскаго (1564—1637). Изъ образцовъ nature morte выдѣляются „Мясная лавка“ и „Плоды“ Франца Снейдерса (1579—1657) тщательностью и реализмомъ выполненія.

Въ Румянц. галлереѣ находятся и нѣсколько типичныхъ для фламандской школы архитектурныхъ видовъ Нефса старш. (1578—1658).

Въ **залѣ 9-мъ** находятся и самыя раннія произведенія голландской школы XVI вѣка Румянцовской галлереи: „Павелъ на пути въ Дамаскъ“ Луки Лейденскаго (1494—1533), „Обѣдъ крестьянской семьи“ Питера Эртсена (1507—1575) и на „Рынкѣ“ Бекелара (1535—1575), привлекающія вниманіе попыткой внести бытовой и портретный элементы.

Голландская школа.

Залъ 10-ый. Въ этомъ залѣ выставлены также нѣкоторыя произведенія нѣмецкой и нидерланд-

ской школъ XV-го и начала XVI-го в. Особенно интересны створки алтарной иконы верхне-нѣмецкой школы („Рождество Богородицы", „Введеніе во храмъ", „Рождество Христово", „Поклоненіе волхвовъ"), краски которой сильно и красиво выдѣляются на золотомъ фонѣ, и нидерландская картина „Родственники Христа" (изъ жизни Богоматери), типичная по стремленію къ реализму и попыткѣ замѣнить религіозную тему сценой семейнаго жанра. Среди произведеній голландской школы первое мѣсто въ Румянцовской галлереѣ занимаетъ произведеніе генія голландской живописи Рембрандта (1606—1669) „Артаксеркъ, Аманъ и Эсѳирь". Рембрандтъ любилъ Библію, хорошо зналъ ее и особенно много вниманія удѣлялъ библейскимъ сюжетамъ, въ передачѣ которыхъ онъ запечатлѣлъ библейскую глубину содержанія и простоту формы. Онъ избѣгалъ въ изображеніи этихъ сюжетовъ напыщенности, патетичности, свойственныхъ классическому направленію живописи. Картина „Артаксеркъ, Аманъ и Эсѳирь" относится къ періоду 60-хъ годовъ, самому замѣчательному въ творчествѣ Рембрандта, когда онъ особенно увлекался драматическими сюжетами. Она изображаетъ одинъ изъ моментовъ пира, на который царица Эсѳирь, дочь іудейскаго народа, пригласила своего супруга ассирійскаго царя Ассура и его приближеннаго Амана, задумавшаго истребить іудеевъ. Эсѳирь разсказала царю о зломъ умыслѣ, но еще не назвала виновника. Разгнѣванный царь хочетъ знать, кто онъ. Аманъ, сидящій съ чашей вина въ рукахъ, чувствуетъ, что его участь рѣшена. Сосредоточенность выраженій и какъ бы застывшія позы предвѣщаютъ недоброе; въ по-

лутьмѣ, облегающей фигуры, есть что-то тягостное, какъ въ затишьи передъ грозой. По картинѣ Рембрандта, находящейся въ Румянцовской галлереѣ, можно судить о главныхъ особенностяхъ его творчества: сильныхъ контрастахъ свѣта и тѣней и умѣніи передавать ими сущность духовнаго настроенія. Будучи реалистомъ въ изображеніи обстановки, костюма, онъ въ выборѣ послѣднихъ и въ освѣщеніи своихъ картинъ былъ величайшимъ идеалистомъ. Свѣтъ, это—главное средство Рембрандта, дающее его произведеніямъ стиль, но это не свѣтъ солнца и не свѣтъ свѣчи, это свѣтъ, созданный фантазіей самого художника. Свѣтомъ обусловливаются и композиція и колоритъ въ картинахъ Рембрандта. Краски, наложенныя иногда густыми выпуклыми мазками, искрятся, какъ вино или драгоцѣнные камни. Великолѣпна на картинѣ „Ассуръ, Аманъ и Эсѳирь“ гамма золотистыхъ, коричнево-зеленоватыхъ и пурпурныхъ тоновъ.

Любовь къ волнистымъ линіямъ, то завивающимся, то убѣгающимъ въ мягкомъ изломѣ, массивныя одежды и пышные головные уборы, чередованіе очень плоскихъ и волнисто-выпуклыхъ частей, выступающихъ такъ же рѣзко, какъ на медаляхъ Барокко, самые контрасты въ эффектахъ свѣтотѣни—все это черты, типичныя для Рембрандта, какъ художника стиля Барокко.

Оставаясь вполнѣ національнымъ художникомъ, онъ, въ то же время, искалъ общечеловѣческаго, и въ этомъ его значеніе какъ мірового генія. Свѣтотѣнь—это та эѳирная среда, въ которой онъ мистически прозрѣваетъ высшую истину. Свѣтотѣнью Рембрандтъ придаетъ реальной ежедневности печать чего-то просвѣтленнаго, идеальнаго, и

обратно—чудесное, идеальное представляетъ точно осязаемымъ, реально существующимъ.

Школа Рембрандта представлена картиной Фердинанда Боля (1611—1681) „Чадолюбіе“, превосходною картиною Гельдера (1645—1727) „Лотъ съ дочерьми“ и картиной Ванъ-денъ-Экгоута (1621—1674) „Поклоненіе волхвовъ“ (старинная копія?).

„Портретъ 8-милѣтняго мальчика“ неизвѣстнаго художника, „Мужской портретъ“ неизвѣстнаго мастера и „Женскіе портреты“ неизвѣстнаго мастера серед. XVII-го вѣка и Яна Равестейнъ (1572—1656), и, особенно, портр. Герарда Терборха (1617—1681), гдѣ гармонично сочетаются простота, правда и изящество вкуса, являются прекрасными образцами этого рода голландской живописи. Бытовая живопись Голландіи представлена картинами: „Крестьяне въ избѣ“ и „Флейтистъ“ Адріана Остаде (1610—1666) и „Крестьянинъ, пьющій вино“ Дрокслота (1586—1666). Картина Остаде выдѣляется золотистой гармоніей тоновъ и тщательностью выполненія. Особымъ изяществомъ отмѣчены прекрасный по колориту жанръ Охтерфельта (ум. 1710): „Туалетъ“ и „Дѣвушка со свѣчей“. Находящіяся въ Румянцовской галлереѣ картины: „Сборы къ отъѣзду“ и „Охотники“ Вувермана (1619—1668) написаны съ обычной для него красотой, тщательностью и любовью къ изображаемому. Кромѣ „Флейтиста“ Остаде Н. С. Мосоловымъ оставлены музею: Бергеймъ „Бродъ“, В. Дюжарденъ „Пастухъ съ осломъ“ и семейный портретъ Т. де-Кайзера.

Художественнымъ образцомъ архитектурнаго голландскаго пейзажа является „Домъ и садъ съ гуляющими“ Ванъ-деръ-Хейдена (1637—1712). Такъ называемый итальянизирующій декоративный ланд-

шафтъ 2-й полов. XVII в. съ романтическими свѣтовыми эффектами, скалами и руинами, хорошо представленъ въ „Итальянскомъ пейзажѣ“ Мушерона, въ „Утрѣ“ Яна Бота (1610—1662) и въ „Пейзажѣ съ руинами“ Пуленбурга (1581—1677). Среди изобразителей nature morte, плодовъ и цвѣтовъ хороши картины Ванъ-Альста (1626—1679) и де-Хеема (1608—1684).

II. Отдѣлъ гравюръ

(во 2-мъ этажѣ).

Отдѣлъ гравюръ, содержащій болѣе 80 тысячъ листовъ гравюръ, литографій, оригинальныхъ рисунковъ и репродукцій, помѣщается во второмъ этажѣ. Въ это собраніе входятъ гравированные листы русской, нидерландской, нѣмецкой, французской, итальянской и англійской школъ.

Выдается по полнотѣ отдѣлъ гравюръ русской школы, включающій въ себя все собраніе Д. А. Ровинскаго, составленное его трудами и по завѣщанію переданное имъ въ даръ Румянцовскому музею. Собраніе это состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) русскихъ гравированныхъ портретовъ, 2) произведеній русскихъ граверовъ и 3) народныхъ картинокъ.

Особенно богато представлена нидерландская школа, въ составъ которой вошли листы завѣщанной Румянцовскому музею въ 1914 году коллекціи Н. С. Мосолова. Этотъ отдѣлъ включаетъ въ себя на ряду съ листами самыхъ значительныхъ нидерландскихъ граверовъ (L. de Leyden, A. van Ostade, N. Berghem, C. Dujardin, H. Goltzius) и цѣнными листами изъ иконографіи A. van Dyck'a, рѣдкую

по богатству коллекцію листовъ Rembrandt'a изъ собранія Н. С. Мосолова.

Нѣмецкой школы выдѣляются гравюры на деревѣ A. Dürer'a. Хорошо представленъ XVII вѣкъ французской школы довольно большимъ собраніемъ листовъ Callot и чудесными образцами портретной гравюры французской школы XVII в. Въ итальянской школѣ интересны гравюры Marcantonio, пейзажные офорты J. B. Tiepolo и Canaletto и несравненные своею живописностью офорты архитектурныхъ фантазій G. B. Piranesi. Англійская школа кромѣ гравюръ Hogarth'a заключаетъ въ себѣ много типичныхъ для нея по характеру техники листовъ. Великолѣпны листы пунктиромъ (Bartolozzi), меццотинто (R. Earlom, R. Strange, V. Green), карандашной манерой (J. Condé) и цвѣтной гравюры.

Хотя въ отдѣлѣ западной гравюры есть не мало пробѣловъ, тѣмъ не менѣе его значеніе, какъ единственнаго всѣмъ доступнаго въ Москвѣ учрежденія, позволяющаго знакомиться съ исторіей гравировальнаго искусства на Западѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Имѣющіяся при отдѣленіи репродукціи даютъ притомъ возможность пополнить недостающіе оригинальные листы хорошими воспроизведеніями. За послѣднее время отдѣленіемъ пріобрѣтаются также листы выдающихся современныхъ граверовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Кромѣ того, при отдѣленіи находится спеціальная справочная библіотека по исторіи искусства и въ частности гравюры.

Въ отдѣлѣ гравюръ хранятся цѣнные альбомы рисунковъ К. П. Брюллова, особенно полное собраніе рисунковъ А. А. Иванова и коллекціи рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Все собраніе распредѣлено по школамъ и хранится въ шкафахъ, въ папкахъ и коробкахъ. Имѣющіеся а) рукописный (хронологическій) и б) карточный (алфавитный и предметный) каталоги помогаютъ оріентироваться въ этомъ собраніи. Для желающихъ читать и заниматься въ кабинетѣ гравюръ необходимо разрѣшеніе хранителя отдѣленія. Особый залъ (передъ комнатой для занятій), доступный для посѣтителей, посвященъ памяти Н. С. Мосолова. Здѣсь размѣщено собраніе Н. С. Мосолова: его библіотека по исторіи искусства, коллекція бронзъ и японскихъ скульптурныхъ издѣлій изъ дерева и слоновой кости, нѣкоторыя картины и фотографіи и фамильные портреты. Среди картинъ выдѣляются „Христосъ“ школы Леонарда да Винчи и „Стадо“ Альберта Кейпа (голландск. шк. XVII в.).

Городская галлерея Павла и Сергѣя Третьяковыхъ.

М. Сергѣева.

Замоскворѣчье, близъ Малаго Каменнаго моста (черезъ Обводный каналъ), Лаврушинскій пер. Открыта, кромѣ понедѣльн., съ 1-го марта—сент. отъ 10—4; окт.—февраль отъ 10—3. Безплатно. Трамваи №№ 3, 10, 13, 18.

Галлерея возникла изъ частныхъ собраній Павла Михайловича и Сергѣя Михайловича Третьяковыхъ, видныхъ представителей московскаго купечества, переданныхъ ими по завѣщанію въ собственность городу Москвѣ. Собраніе—одно изъ первыхъ въ Москвѣ и имѣетъ за собою долгую

исторію. П. М. началъ собирать картины еще въ 50-хъ гг.: въ 1856 куплена имъ первая картина галлереи—„Искушеніе“ Шильдера, но только послѣ смерти отца, когда П. М. сталъ во главѣ фирмы, онъ могъ придать своей дѣятельности желаемые размѣры и начать собираніе систематическое. Его галлерея стала, въ концѣ-концовъ, центральнымъ музеемъ, гдѣ собраны всѣ самыя выдающіяся произведенія русской живописи за періодъ 60—80 гг.: болѣе ранній и болѣе поздній періоды представлены не съ такой исчерпывающей полнотою, которая отличаетъ въ собраніи картины т. наз. передвижниковъ.

Идею собирать современное ему и притомъ русское искусство П. М. взялъ у Прянишникова (собр. его теперь въ Рум. муз.), галлерею котораго онъ видѣлъ въ Спб. Характеръ его дѣятельности Крамской рисуетъ сл. обр.: „На Третьякова никто не имѣетъ вліянія какъ въ выборѣ картинъ, такъ и въ его личныхъ мнѣніяхъ. Манера его держаться въ мастерской и на выставкахъ—величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не можетъ сказать впередъ, какая картина имѣетъ вѣроятіе быть имъ купленной. Картину онъ никогда не покупаетъ по началу. У каждаго художника, что-нибудь работающаго, Тр. бываетъ нѣсколько разъ въ году и всегда знаетъ, что у кого двигается и какъ“. Съ самимъ Крамскимъ П. М. постоянно совѣтовался при покупкѣ картинъ, но коллекціи Верещагина, напр., купилъ вопреки его совѣтамъ. Съ 1892 г. галлерея вмѣстѣ съ зданіемъ, въ которомъ она помѣщается, переданы городу. П. М. до своей смерти оставался въ галлереѣ распорядителемъ. Съ 1898 г. ею управляетъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ попечителя. До 1913 г.

II этажъ.
I этажъ.
Планъ галлереи.

попечителемъ былъ И. С. Остроуховъ, теперь И. Э. Грабарь. Совѣтъ заботится о храненіи и пополненіи галлереи; это осуществляется на ⁰/₀⁰/₀ съ завѣщаннаго С. М. Третьяковымъ капитала въ 125.000 рубл.; городъ отъ себя ассигнуетъ въ этихъ цѣляхъ 5000 ежегодно.

На ряду съ собраніемъ русской живописи въ галлереѣ вырастаетъ другое собраніе, начало которому положили картины кол. С. М. Третьякова—французскихъ художниковъ. Оно помѣщается въ томъ же зданіи и особ. цѣнно подборомъ франц. романтиковъ и т. наз. „барбизонцевъ". Собраніе дополняется завѣщанными М. А. Морозовымъ († 1904) картинами франц. художн. болѣе поздняго времени, среди которыхъ находятся рѣдкостные шедевры Ренуара, Мане, Моне и др.

Послѣднимъ событіемъ въ жизни гал. является новая развѣска картинъ, которая отступаетъ отъ установленной самимъ основателемъ развѣски, но стремится внести большую систематику въ размѣщеніи ея сокровищъ. Въ общихъ чертахъ она можетъ считаться законченной, хотя, конечно, несоотвѣтствія съ нашимъ описаніемъ все-таки возможны и ихъ, къ сожалѣнію, было трудно предвидѣть.

Посѣтитель входитъ въ галлерею черезъ порталъ, построенный по рисунку В. Васнецова.

На верху входной лѣстницы собраны портреты основателя галлереи П. М. Третьякова: бюстъ раб. Волнухина, направо портр. Крамского (молодой), налѣво—Рѣпина (посмертный) и подъ нимъ акварель Сѣрова.

Въ лѣв. залъ и сейчасъ же снова нал., вглубь, въ залъ В, гдѣ собраны иконы (опис. см. стр. 373).

Залъ Б—XVIII в. Три портрета Рокотова (1730—1810): № 5—молодой Римскій-Корсаковъ, № 4—основатель Моск. университета И. И. Шуваловъ и, № 1750,—поэтъ Майковъ. Несмотря на откинутую голову и улыбку любезности, въ характеристикѣ губъ, особенно глазъ (распухшіе, циничные у Майкова)—сильный реализмъ; живописныя достоинства видны, если сравнить съ портр. его учителя Антропова (1716—1795): № 1—(на той же стѣнѣ, черезъ дверь направо)—серьезнымъ, но сухимъ и кажущимся плоскимъ. Направо № 11—„Въ мастерской художника", припис. Лосенко (1737—1822), одному изъ первыхъ художниковъ основанной въ 1757 г. Академіи Художествъ—длинноногій мальчикъ въ синемъ кафтанѣ пишетъ портретъ маленькой дѣвочки въ розовомъ платьицѣ; высокій мастеръ виденъ уже въ личикѣ дѣвочки—усталомъ, но любопытномъ, мать прижала ея головку: — жанръ въ духѣ французовъ XVIII-го вѣка. Рядомъ № 12—этюдъ нагого тѣла: сложныя линіи и живая окраска кожи. № 34—портр. купца Водовозова—Угрюмова (1764—1817), № 33 Крыловъ—Волкова. Пейзажи Алексѣева (1753—1824), „русскаго Каналетто", съ преобладаніемъ перспективныхъ задачъ и подчеркнутостью линій.

Залъ А. Большой офиціальный портретъ Екатерины II—Боровиковскаго (1758—1826), по сторонамъ котораго два ея бюста раб. Шубина (1740—1805), бронза и мраморъ; обр. вним. на сходство чертъ лица. По сторонамъ два портрета Боровиковскаго: на лѣвой № 1757—кн. Суворовой—въ голубой и на правой № 25—Лопухиной—въ лиловой шали. На этихъ шедеврахъ можно удобнѣе всего изучить его манеру, особ. № 25: блѣдныя

нѣжныя и свѣтлыя краски, бѣлое доминируетъ, другіе тона лишь сопровождаютъ его блѣдными нюансами, свѣтъ ложится мягкою полосою на правую грудь, лицо моделировано нѣжными голубыми тѣнями, волосы напудрены; пейзажъ съ ржанымъ полемъ—еле замѣтная деталь. Композиція портр. замѣчат. своею изнѣженною граціей. На противоположной стѣнѣ, налѣво (№№ 21—30 и 1756—63) Боровиковскій. Тѣ же особенности въ женск. портр.: нѣжный, розовый колоритъ тѣла, бѣлыя одежды съ цвѣтными шалями (желтыя), грація рукъ, подчеркнутая съ особ. заботливостью, пейзажъ. № 1758—сестры кн. Гагарины: веселая сцена, сложныя линіи композиціи, сѣрое платье въ сочетаніи съ краснымъ, гитары. На правой стѣнѣ—Левицкій (1735—1822) (№№ 7—9 и 1751—55). Колоритъ болѣе суровый и сильный: № 1753—пѣвица Давіа въ лилов. пастушеск. костюмѣ, ср. тона ея платья съ шалями Лопухиной; колоритъ лица (наприм. № 1755 съ № 27 Боровиковскаго), позы тоже болѣе рѣзки, зато и характеристика болѣе сильная; ср. №№ 28 и 19—два портрета обоихъ художниковъ: красное полное лицо съ жирными губами въ красномъ:—улыбающійся портр. Боровиковскаго гораздо неопредѣленнѣе. Интересны: портр. Державина, № 8,—поэтъ въ пониманіи XVIII-го вѣка: здѣсь все характерно: и собачка и поднятая голова съ открытыми губами; № 7—поэтъ Дмитріевъ (наверху); большой, тонкій портр. канцлера Голицына.

Искусство XVIII в. называли парадным, сухимъ и холоднымъ, подражательнымъ. Подборъ картинъ въ галлереѣ, даже при всей своей случайности, способенъ, кажется, совсѣмъ разрушить такое впечатлѣніе: интимный уютъ Лосенко, больные глаза Май-

кова, неприкрашенная уродливость барскихъ лицъ, дегенеративныхъ или просто грубыхъ; не сразу придетъ въ голову, когда смотришь на выступающія скулы и широкій носъ Лопухиной, что ея поза сродни юному сатиру Праксителя.

Съ впечатлѣніями XVIII-го вѣка мы входимъ въ длинный залъ (№ 2), который до половины завѣшанъ почти исключительно портретами. Въ немъ трудно оріентироваться; предлагаемъ это сдѣлать сразу. Налѣво отъ входа стѣна (узкая) отдана Брюллову. На противоположной (узкой) стѣнѣ въ центрѣ виситъ большая картина Флавицкаго „Княжна Тараканова", дочь Елизаветы, заключенная въ тюрьму и погибшая въ ней, по преданію, во время наводненія,—знаменитая картина въ свое время. Длинныя стѣны раздѣлены скульптурою на 6 отдѣленій. Направо отъ Брюллова: 1-ое отдѣленіе—Кипренскій, Варнекъ, Егоровъ; 2-ое—пейзажи Щедрина, Бруни; 3-е—пейзажи Воробьева. Налѣво отъ Брюллова: художники-москвичи по преимуществу—стоявшіе независимо отъ Академіи. 1-ое отд.—Тропининъ, 2-ое—Венеціановъ и Ѳедотовъ. У входа въ слѣдующій залъ Шварцъ и Чистяковъ.

Композиціи Брюллова (1799—1852) можно увидать въ Румянц. музеѣ и въ отд. рисунковъ нашей гал.; здѣсь передъ нами его портреты. Но и портреты его тѣ же композиціи, превосходный образчикъ которыхъ—средній большой портретъ, т. наз. „Всадница"—№ 124, гр. Самойлова. Двѣ сестры Гагарины Боровиковскаго и этотъ портретъ покажутъ намъ различія вкусовъ и живописи: парадность стерла послѣднія черты интимности въ этомъ портретѣ—съ нимъ нельзя говорить, имъ можно любоваться; но такая недоступность и под-

ходитъ къ характеристикѣ аристократической модели, хотя о личности ея, можетъ быть, трудно будетъ разсказать что-нибудь опредѣленное. Краски стали грубѣе и блестящѣе: голубой корсажъ и бѣлая юбка кладутъ отблескъ на всю картину; композиція чрезвычайно искусно, но и упрощенно уравновѣшена фигурою дѣвочки въ розовомъ и темною собачкой внизу. Колоритъ входитъ въ характеристику лицъ: портретъ писателя Кукольника у двери (№ 128) написанъ нарочито мрачными красками, „романтическими", и въ позѣ художникъ придалъ поэту сумрачную сосредоточенность — поэтъ XIX-го вѣка. Интересны портреты Жуковскаго № 130, (надъ Кукольникомъ) и в. кн. Елены Павловны № 121.

Направо отъ Брюллова виситъ Кипренскій (1783—1836) (№№ 79—85 и 1767), — крѣпостной, незаконный сынъ помѣщика (фамилія отъ Копорья, гдѣ родился, или Киприды), романтически влюбленный и погибающій; убійца, поджегшій свою любовницу, поэтъ „ужаснаго и чувствительнаго". Въ галлереи вещи его лучшаго періода, до роковой поѣздки въ Италію. Особенно хороша гр. Растопчина со своимъ нервнымъ взглядомъ и еле мелькнувшей улыбкой, въ нѣжныхъ краскахъ; №№ 80—81—Хвостовы, и поздній, красивый автопортретъ 1828 года № 84. Сила его колорита бросается въ глаза, если сравнить его работы съ окружающими ихъ портретами Варнека (1782—1843) №№ 71—77; понятіе объ его эклектическомъ разнообразіи можно составить только видя много его произведеній, хорошо вспомнить Рум. музей, гдѣ, кромѣ портр., его Сивилла и сумрачный пейзажъ и новый портр. Мосолова. 1-ое отд. заканчиваютъ портр. и композиціи Егорова (1776—1851) №№ 38—42, ко-

торый можетъ дать понятіе объ академическомъ тяготѣніи къ Рафаэлю—Богоматерь, № 41, и портр. кн. Голицыной (Ноктюрнъ № 39). Во 2-мъ отдѣленіи рядомъ съ нимъ наверху висятъ такія же академическія композиціи на религіозныя темы Бруни (1800—1875) №№ 136—39 и Капкова (1816—1854) №№ 183—187. Подъ ними пейзажи Сильвестра-Щедрина №№ 99—112, ученика извѣстнаго намъ Алексѣева, всю жизнь (1791—1830) проработавшаго въ Италіи, откуда больной художникъ не вернулся. Остатки перспективной манеры видны въ томъ, какъ онъ любитъ давать первые фоны; фигуры тоже поддерживаютъ перспективу, но переданы просто и не отвлекаютъ вниманія пестротою и костюмернымъ шаржемъ (ср. Брюлловъ № 122—„Итальянскіе музыканты (пифферари) передъ образомъ Мадонны“). Главное отличіе въ пониманіи колорита: всѣ картины залиты золотистымъ свѣтомъ солнца, въ которомъ много мягкой истомы и зноя. Замѣч. № 100—„Водопадъ въ Тиволи“ и № 122—этюдъ въ Сорренто; посрединѣ автопортр. № 99. Заканчиваемъ осмотръ академическаго пейзажа: за бюстомъ Максимъ Воробьевъ (1787—1855) №№ 90—94. Объ одной его картинѣ Кукольникъ выразился такъ: „Это не картина, а ода изъ воды, земли и воздуха“. Нѣсколько повышенный тонъ пейзажа № 90 и № 91 „Іерусалимъ ночью“,—характеренъ для него №№ 92 и 93, сухія реляціи войны 1828 г. и путешествія императрицы Александры Ѳеодоровны въ Палермо. Воробьевъ былъ учителемъ цѣлой плеяды русскихъ пейзажистовъ, одновременно и романтика Айвазовскаго, и реалиста Шишкина, Лагоріо, Боголюбова, Клодта и пр. Рядомъ съ нимъ его ученикъ Лебедевъ М. (1812—1837).

Возвращаемся къ Брюллову и осматриваемъ противоположную стѣну. 1-е отд.—Тропининъ (1776—1857) №№ 43—61 и 1765—66. Онъ былъ такимъ же крѣпостнымъ, какъ и Кипренскій, но получилъ волю только къ 47 годамъ жизни. Вѣроятно „кротость и услужливость“, которыя уже въ дѣтствѣ снискали ему друзей въ дѣвичьей, гдѣ потакали его художественнымъ наклонностямъ, позволили ему сохранить дарованіе, несмотря на тяжелую обстановку его жизни. Такимъ же мягкимъ, добродушнымъ старичкомъ изобразилъ онъ себя въ автопортр. Рум. муз. Онъ не получилъ правильнаго обученія, не былъ въ Академіи, и Италію замѣнила ему Малороссія, куда повезли его господа и гдѣ онъ и портреты рисовалъ, и заборы красилъ, и училъ барчатъ рисованію. Онъ москвичъ, его уважалъ самъ Брюлловъ, но тяготѣлъ онъ самъ скорѣе къ Венеціанову, у него, можетъ быть, и взялъ ту правдивость, съ которою написаны его лучшіе портреты. Они производятъ въ цѣломъ болѣе блѣдное впечатлѣніе, если сравнить ихъ съ Брюлловымъ: поучительно отмѣтить четкость мазка Брюллова въ сравненіи съ болѣе робкою манерою письма Тропинина; направо № 43 сынъ художника (Тропинина называли „русскимъ Грезомъ“) и № 57—г-на Равича—оба внизу. Превосходенъ портр. гр. Зубовой, № 48 (посрединѣ), въ причудливомъ головномъ уборѣ. Интересны портр. Пушкина №№ 1765 и 50 (направо), особенно маленькій—съ быстрымъ взглядомъ и живымъ выраженіемъ лица; большой портр. Брюллова съ палитрой и кистями мало характеренъ (сравн. автопортр. Рум. муз.: больной художникъ); два портрета стараго Карамзина, №№ 46 и 47.

2-ое отд.—Венеціановъ (1779—1847) №№ 64—70. Онъ считается основателемъ русскаго жанра, но въ этомъ, можетъ быть, есть извѣстное недоразумѣніе. Помѣщикъ, уединившійся въ своемъ имѣніи, имѣвшій всегда подъ рукою готовую модель—крѣпостного, Венеціановъ, въ сущности, не далъ намъ изображенія ни русской деревни, ни русскаго мужика. Правда, его „Весна“ № 64 и „Лѣто“ № 65—не греческіе боги, а крестьянки за работою, но въ картинахъ его нѣтъ ни тяжелаго труда, ни русскаго крестьянина; академическая поза слишкомъ еще владѣла художникомъ и только тамъ, гдѣ онъ пишетъ прямо съ натуры, въ портр. мужиковъ № 70, онъ не боится характерной грубости оригинала. Характерна для него сентиментальная картина: „Вотъ те и батькинъ обѣдъ“ № 66. Пейзажи—наиболѣе цѣнныя мѣста въ его произведеніяхъ, особенно освѣщенные умѣреннымъ солнцемъ. Венеціановъ не большой художникъ, онъ имѣетъ значеніе въ исторіи русской живописи скорѣе своими преподавательскими попытками,—онъ пытался устроить школу, которая была предшественницей московской Школы Живописи и Ваянія, и методъ его преподаванія остался въ памяти и произвелъ впечатлѣніе; онъ училъ рисовать съ предметовъ и не любилъ „красиваго“ рисунка. Онъ окруженъ своими учениками, изъ нихъ Зарянко (1818—1870) № 212 портр. Венеціанова, № 214 черезчуръ прямолинейно понялъ завѣты учителя, и портр. его отличаются фотограф. сухостью. Въ немъ не осталось интимности пейзажей Венеціанова; она сохранилась въ цѣломъ рядѣ interieurs, типичномъ и наиболѣе цѣнномъ наслѣдіи его школы.

Совсѣмъ иное и несравненно большее значеніе

имѣетъ для русской живописи Ѳедотовъ (1816—1852). Его картины висятъ внизу, но не подъ рядъ (слѣва напр. №№ 197, 200, 198, — — — 199, 1769, 157 (копія)). Въ Рум. музеѣ онъ представленъ лучше. Замѣч. № 1769—„Приходъ стараго гренадера Дворцовой роты въ бывшую свою роту Финляндскаго полка"; № 197 „Вдовушка", повтореніе Рум. оригинала; № 157 „Сватовство майора" — копія Мокрицкаго; портреты—не изъ сильныхъ. Ѳедотовъ былъ реалистомъ, но особаго склада: отъ сентиментальнаго реализма Венеціанова его отличаетъ элементъ сарказма, каррикатуры. Его картины заполнены комическими подробностями; къ „Майору" онъ составилъ шуточное описаніе въ виршахъ; онъ смѣшитъ и учитъ и насмѣхается. (См. стр. 429). Но эта каррикатурность не мѣшала быть картинѣ одной изъ блестящихъ побѣдъ русскаго искусства. Любопытно, что Ѳедотовъ не любилъ Гоголя и упрекалъ его именно въ томъ, что въ немъ много каррикатуры. Но каррикатура, отвѣчая темпераменту художника, именно и заставляла проникнуть его глубже въ характеристику вещей, нежели это дѣлалось до него, и позволила ему выразить всю серьезность его, порою доходившаго до жуткаго отчаянія, настроенія. Наконецъ, и вопросы композиціи и живописи затрагивали его самымъ серьезнымъ образомъ: поставить свѣчу такъ, чтобы ея отблески засвѣтились на предметахъ, передать полусумракъ длинной казармы, выписать хрусталь люстры—все это проблемы, къ которымъ онъ относился съ особою тщательностью и которыхъ мы не встрѣтимъ въ произведеніяхъ его послѣдователей, въ родѣ Маковскаго. Въ этомъ отношеніи онъ близокъ и къ голландцамъ, хотя ему недо-

стаетъ ихъ объективности и добродушія, и, художникъ самоучка, онъ не можетъ итти съ ними въ рядъ въ отношеніи техническаго совершенства. „Сватовство майора“ появилось въ 1850 г., а черезъ 10 лѣтъ началась дѣятельность Перова.

При выходѣ изъ зала слѣдуетъ остановиться на картинахъ Шварца (1838—1869) №№ 1342—48: „Грозный у тѣла убитаго сына“ № 1344 и „Вешній выѣздъ юной царской четы на богомолье“ № 1347 (1868 г.). Чтобы понять его значеніе, надо вспомнить, что его „Грозный“ появился на академической выставкѣ въ одно время (1864 г.) съ „Кн. Таракановой“. Но Шварца затронули новыя вѣянія, — онъ былъ большой поклонникъ Перова,— и археологію онъ изучалъ съ добросовѣстностью Мейсонье. Поэтому его композиціи серьезнѣе картинъ, наприм., Капкова (№ 183— „Митрополитъ Алексій исцѣляетъ ханскую дочь“—направо), и многое изъ того, что онъ замѣтилъ, вошло послѣ него въ обиходъ русскаго искусства. Но историческая достовѣрность имѣетъ мало общаго съ художественной правдой — его композиціи слабы, еще слабѣе рисунки и только въ „Выѣздѣ“ среди сухой живописи есть цѣнныя художественно мѣста (пейзажъ). Чистяковъ, висящій рядомъ съ нимъ, художникъ другого типа (1832—1912): №397—этюдъ, № 398—„Бояринъ“. Чисто художественныя задачи стояли у него на первомъ планѣ: колоритъ, рисунокъ, письмо. Его проповѣдь особенно важна была въ то время крайнихъ эстетическихъ сужденій объ „идейномъ“ искусствѣ и его значеніе отмѣчали люди и изъ противоположнаго лагеря: Крамской, перечисляя его произведенія, говоритъ объ этюдѣ: „Рука“ „такой высокой и оригинальной жи-

вописи, до которой Чистяковъ никогда выше не подымался".

Въ проходѣ направо виситъ „Искушеніе" Шильдера, которымъ Третьяковъ въ 1856 г. положилъ основаніе своей галлереи. Оно можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить образчикомъ жанра того времени, сентиментальную поучительность котораго хорошо запомнить, переходя къ Перову.

Я боюсь, что выходя изъ большого зала, мы не получимъ впечатлѣнія пропасти, которую такъ охотно ищутъ между произведеніями искусства начала и середины XIX столѣтія; м. б. въ особенности потому, что главная масса картинъ въ ней— портреты. Какъ бы ни одѣвали, и какія бы позы ни придавали художники своимъ моделямъ, задачи портретиста остаются прежними, хотя, конечно, художники вносятъ въ ихъ рѣшеніе каждый и свое умѣніе и свой ему одному присущій темпераментъ. Лишь самыя общія, не идущія глубоко смѣны мы въ правѣ отмѣтить среди всего этого однообразія. Портреты, такъ же, какъ и костюмы и прически, теряютъ свою пышность, цвѣтистость, утрачиваютъ свою нѣжность и утонченное изящество; они становятся грубѣе (Брюлловъ) или проще (Тропининъ); они не требуютъ такого антуража или не такъ уже строго, какъ раньше, врисованы въ раму, иногда (Кипренскій) въ нихъ проглядываетъ даже какая-то нервная неустойчивость: словомъ, композиціонныя требованія отъ портрета стали не такими суровыми. Отъ свѣтлыхъ тоновъ краски переходятъ къ темнымъ, что болѣе подходитъ къ interieur'у, въ которомъ портреты пишут-

ся. Съ другой стороны, въ пейзажахъ начинаетъ интересовать не только линейная схема изображенной мѣстности, но разнообразіе освѣщенія, все равно, будетъ-ли это разсѣянный свѣтъ Венеціанова или теплое солнце Щедрина или даже фантастическое освѣщеніе Воробьева. Новые сюжеты выступаютъ на сцену: деревня Венеціанова и городской бытъ у Ѳедотова; правда, художники не подходятъ къ нимъ вполнѣ свободно, въ изображенія примѣшивается постороннее настроеніе: чувствительность или, болѣе серьезное, сарказмъ. Выбирая между экстремами: Брюлловымъ и Флавицкимъ, съ одной стороны, и, напр., Ѳедотовымъ и Тропининымъ — съ другой, мы въ обоихъ случаяхъ видимъ отходъ отъ старыхъ требованій искусства: „эффектность“ композиціи или „обыденность“ чернаго сюртука одинаково разрушали стройную гармонію стараго стиля, умѣющаго претворять классицизмъ, французскія вліянія и т. п. съ русскою дѣйствительностью. Но, разрушая старый идеалъ, новыя стремленія приводили, вначалѣ нерѣшительно, черезъ сентиментальный или каррикатурный реализмъ, къ требованіямъ той новой художественной правды, которая должна была стать въ слитную связь со всею новою жизнью новыхъ поколѣній. Потому она и сама стала существенно новой, открыла новыя цѣнности. Все равно, выражались ли эти стремленія въ требованіяхъ изображать на картинѣ окружающую обстановку или близкія новому настроенію новыя идеи, или же въ стремленіи къ археологической добросовѣстности (Шварцъ) или же, наконецъ, въ кропотливой работѣ и авторитетной защитѣ старыхъ тайнъ живописной техники, которыя раздавались

изъ мастерской Чистякова, — потребность въ новомъ искусствѣ была очевидной и одинаковой всюду и только опредѣленныя условія привели къ тому, что сначала побѣдили первыя требованія, а не послѣднія, т.-е. къ тому, что отъ искусства стали требовать учительскаго настроенія, общественной пропаганды.

Чтобы понять произведенія Перова и Передвижниковъ, главою кот. онъ былъ, надо ясно представить себѣ два полюса, между кот. должно было пробиваться ихъ художественное дарованіе. Этими полюсами были, съ одной стороны, Академія, кот. уже пережила свою славу, съ другой—эстетика 60-хъ гг.

Художнику проповѣдывали идеи, образчикомъ кот. могутъ служить вышедшія въ 1855 г. „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскаго. „Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи; образы фантазіи—только блѣдная и часто неудачная передѣлка дѣйствительности. Созданія искусства ниже прекраснаго. Предметъ художества есть вообще жизнь, а не только прекрасное. Созданіе иск. ниже прекраснаго въ дѣйствительности не только потому, что впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, живѣе впечатлѣнія, производимаго созданіями искусства: они ниже и съ эстетической точки зрѣнія. Конечно, воспроизведеніе жизни есть главная задача иск.; но часто его произведенія имѣютъ и другую задачу: объяснять жизнь, или быть приговоромъ о явленіяхъ жизни“. Такъ были формулированы требованія идейнаго и обличительнаго реализма въ художествѣ.

Въ такихъ воззрѣніяхъ несомнѣнно сказалось общественное возбужденіе эпохи реформъ 60-хъ гг. Независимые умы и среди художниковъ должны были примкнуть къ этому настроенію, стать въ рядъ дѣятелей реформы, откликнуться на ея призывы; а новыя эстетическія формулы должны были привести къ разрыву съ завѣтами Академіи. Въ Москвѣ, кот. стояла всегда дальше отъ Академіи, этотъ разрывъ могъ произойти и раньше и проще; въ Петербургѣ онъ получилъ болѣе драматическій характеръ. Въ 1863 г. 13 учениковъ Академіи отказались отъ конкурсной работы и вышли изъ Академіи. Крамской такъ описываетъ это событіе: „Я вступилъ въ Академію какъ въ нѣкій храмъ, полагая найти въ ея стѣнахъ тѣхъ же самыхъ вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я начитался... Одно за другимъ стали разлетаться созданія моей собственной фантазіи объ Академіи и прокрадываться охлажденіе къ мертвому и педантичному механизму въ преподаваніи. Преподаваніе мало чему помогало: никогда никакого разъясненія, точно элевзинскія таинства. Или же давались такіе совѣты, о кот. „самъ Брюловъ“ говорилъ: „Да это все жевано и пережевано“: „Старайтесь располагать группы пирамидально; не становите фигуръ задомъ; главная фигура въ картинѣ никогда не должна быть профилемъ. Посмотрите, да покопируйте съ эстамповъ: Пуссена, Рафаэля“. Встрѣтившись съ большимъ произведеніемъ, картиной Иванова, Крамской остался въ полной безпомощности со своими академическими правилами. Онъ слушалъ передъ нею своего товарища и не понималъ. „Что, какова картина? А? Какъ нарисованы ноги-то у Ивана и колѣнки, всѣ кости,

мыщелки?".. Удивительно, я это замѣтилъ тоже и еще подумалъ: а, вѣдь, это хорошо нарисовано... Только тутъ мой товарищъ мнѣ почему-то не понравился. Всю дорогу я думалъ, что это глупо, наконецъ, въ такой картинѣ видѣть ноги да колѣнки. И какъ это странно: вѣрно, а глупо".

Да и у самихъ профессоровъ ничего не было, кромѣ привычекъ и вкусовъ, въ которыхъ они выросли. Напр., они всякій разъ охотно и настойчиво снабжали совѣтами заимствовать у Пуссена и Рафаэля, а между тѣмъ не могли утерпѣть, чтобы не наградить первое появленіе Перова съ картинкою, плохо и сѣро написанною: „Пріѣздъ станового на слѣдствіе". Всѣ видятъ ясно, что есть юморъ, талантъ, ну и дадутъ маленькую серебряную медаль, такъ для поощренія".

Ученики, писавшіе программу, просили, чтобы имъ предоставлено было право свободно выбрать сюжеты для конкурсной работы. Два ихъ прошенія были оставлены безъ отвѣта. Ходатайства передъ профессорами тоже не имѣли никакого успѣха. Имъ отвѣчали: „Этого нельзя! Вы говорите глупости, вы ничего не понимаете! Если бы это случилось прежде, то васъ бы всѣхъ въ солдаты!" 9 ноября 1863 года молодые художники явились на конкурсъ въ конференцъ-залъ Академіи. Двери раскрылись, и тамъ, въ перспективѣ, въ глубинѣ: мундиры, звѣзды, ленты. Тихо мы взошли, скромно поклонились и стали вправо, въ углу. Неслышно захлопнулась за нами дверь, и мы остались съ глазу на глазъ. Вице-президентъ прочелъ тему: „Пиръ въ Валгаллѣ" съ обычнымъ добавленіемъ: „Какъ велика и богата тема, даваемая вамъ, насколько она позволяетъ человѣку съ талантомъ выказать себя въ ней...

объяснитъ вамъ нашъ уважаемый ректоръ (Бруни)". Тихо подымается фигура ректора и идетъ неслышными шагами въ нашу сторону. Вотъ уже осталось не болѣе сажени... сердце бьется... еще моментъ— и отъ компактной группы учениковъ отдѣляется фигура уполномоченнаго. Бруни остановился. Вице-президентъ поднялся снова, сѣдыя головы профессоровъ повернулись въ нашу сторону. Онъ читаетъ заявленіе, въ кот. конкуренты „покорнѣйше просятъ Совѣтъ освободить ихъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать дипломы на званія художниковъ, т. к. Совѣтъ не исполнилъ ихъ просьбы". „Всѣ?" раздается откуда-то изъ-за стола вопросъ.— „Всѣ"—отвѣчаетъ уполномоченный, кланяясь; и затѣмъ компактная масса шевельнулась и стала выходить изъ зала. Когда всѣ прошенія были уже выданы, мы вышли изъ стѣнъ Академіи, и я почувствовалъ себя, наконецъ, на этой страшной свободѣ, къ которой мы всѣ такъ жадно стремились".

Въ этомъ разсказѣ ясно видно, на что нападали молодые художники и за что боролись. И до сихъ поръ все направленіе часто разсматривается исключительно съ точки зрѣнія его оппозиціи Академіи. Въ этомъ есть несомнѣнно извѣстная односторонность. Намъ, стоящимъ вдали отъ спора, нетрудно уловить въ самыхъ боевыхъ произведеніяхъ новаго направленія,—знакомыя академическія черты. Съ другой стороны и Академія не прошла безучастно, наоборотъ, встрѣтила сочувственно первыя начинанія школы. Критеріи „академизмъ", „реализмъ" отпадаютъ совсѣмъ передъ такими картинами, какъ „Никита Пустосвятъ"—Перова. Объ „идейномъ содержаніи" произведеній новаго направленія необходимо также говорить очень сдержанно. Перенося

центръ тяжести на это т. наз. „идейное содержаніе“, молодые художники не оставались чуждыми и чисто эстетической критики, въ особенности Крамской. Онъ, будучи за границей, почувствовалъ очень живо значеніе, какъ онъ называлъ, „импрессіоналистовъ“, направленія уже открыто оппозиціоннаго „идейному реализму“, и пророчилъ ему единственно будущность. Если именно обратить эту формальную сторону, можно, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что разрывъ съ Академіей произошелъ гораздо позднѣе и совершился скорѣе въ борьбѣ не съ Академіей, а съ самими Передвижниками. Идейная же сторона, „литературность“ направленія, кот. является постояннымъ упрекомъ по отношенію къ нимъ, не можетъ быть достаточной для характеристики. Этотъ упрекъ высказывался очень рано (въ 78 г. Боборыкинымъ) и тогда же Стасовъ парировалъ его тѣмъ, что такая живопись была бы „жалкая плѣсень и больше ничего“. Мы сказали бы теперь, что такого искусства (внѣ литературы) и не существуетъ.

Вышедшіе изъ Академіи ученики образовали художественную артель, кот., исполняя заказы на различныя работы, стремилась найти заработокъ для своихъ членовъ. Вдохновителемъ и организаторомъ артели былъ Крамской, „дока“, какъ называли его товарищи, главный теоретикъ (на ряду съ худож. критикомъ В. В. Стаховымъ) новаго направленія. Артель просуществовала недолго (шесть лѣтъ) и распалась, благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Но въ послѣдній годъ ея существованія у московскихъ художниковъ—Перова и Мясоѣдова—зародился планъ, кот. снова сплотилъ ея членовъ.

Планъ этотъ имѣлъ самъ по себѣ чисто практическую цѣль—организовать товарищество художниковъ, которое бы брало на свою отвѣтственность устройство выставокъ (до этого выставки устраивались отъ Академіи), дѣля между собою прибыль съ посѣщеній и % отъ продажи картинъ. Выставки эти предполагалось устраивать въ разныхъ городахъ (отсюда Передвижныя выставки—Передвижники). Но практическая цѣль явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и объединеніемъ идейнымъ. Въ товарищество вошли люди одинаковаго направленія, и кличка Передвижниковъ стала обозначать направленіе т. наз. „идейнаго реализма“. Въ 1871 г. была устроена первая выставка. Выставки ежегодно устраиваются и до сихъ поръ. Большое значеніе имѣютъ онѣ для пропаганды художества въ провинціи, гдѣ онѣ почти до самыхъ послѣднихъ лѣтъ являлись единственными проводниками художественныхъ интересовъ [1]). Постепенно къ товариществу примыкали новые участники, и оно вбирало въ свою среду самыя талантливыя художественныя силы Россіи (Рѣпинъ, Остроуховъ, Сѣровъ и др.). Главную поддержку Передвижники получили отъ Третьякова. Долгое время онъ былъ почти единственнымъ покровителемъ ихъ картинъ—въ его галл. Передвижники и занимаютъ совершенно исключительное, центральное мѣсто.

---

[1]) За 25 лѣтъ на выставкахъ Передвижниковъ перебывало 1.077.546 посѣтителей, изъ нихъ приходится: на Москву—243.264, на СПБ.—124.109, на провинцію—410.617. Выставлено 3.504 картины, на сумму приб. 1.889.915 руб, продано приб. на 1.135 635 р.; чистая прибыль—140.623 (за 21 выставку).

Переходимъ къ произведеніямъ Перова (1833—1882). **Залъ 3.** Портреты помѣщены на стѣнѣ противъ входа; противоположная стѣна занята бытовыми композиціями; религіозныя и историческія картины расположены на остальныхъ стѣнахъ.

Самое раннее (1866) произведеніе — „Сельскій крестный ходъ на Пасхѣ“ — типичное произведеніе „обличительнаго“ направленія: пьяное духовенство, тупая вѣра, подчеркнутое безобразіе. Теперь ея сухая живопись, за исключеніемъ нѣсколькихъ характерныхъ головъ (священникъ), не производитъ впечатлѣнія. Гораздо драматичнѣе задуманы и лучше написаны „Утопленница“ (два варіанта) и „Послѣдній кабакъ у заставы“ (№ 283): безжизненный трупъ и равнодушный городовой; забытыя сани у входа въ кабакъ. Особо замѣчательны они своими пейзажами: холодное утро „Утопленницы“ и безнадежный закатъ „Кабака“ — ими художникъ ничего не разсказалъ на картинѣ, но они опредѣляютъ ея настроеніе. Эти картины яснѣе говорятъ намъ о замыслѣ художника, чѣмъ нагроможденіе подробностей въ „Крестномъ ходѣ“ или въ „Пріѣздѣ гувернантки въ купеческій домъ“ (№ 279, 1866 г.), или, наконецъ, въ висящей на противоположной стѣнѣ—„У желѣзной дороги“ (№ 285, 1868 г.). Внутреннiй, сдержанный драматизмъ двухъ первыхъ произведеній отличается отъ назойливой жестикуляціи многофигурныхъ композицій (мужикъ, показывающій, присѣдая, на вѣники паровоза, растопыренный купецъ, баба, обливающая голову пьянаго, и т. п.; есть и совсѣмъ невыразительныя фигуры—хоругвеносцы). Эта многофигурность разбиваетъ цѣльность впечатлѣнія и дѣлаетъ изъ картины рядъ иногда удачно, большею частью карри-

катурно-подмѣченныхъ подробностей: отдѣльныя фигуры легко запомнить и почти невозможно—цѣлую картину.

Отъ этихъ картинъ мы переходимъ ко второму періоду, лучше сказать, ко второй группѣ (70 гг.): „Птицеловъ“ (70 г.), „Охотники на привалѣ“ (очень знаменитая, но и очень слабая, 71 г.), „Ботаникъ“ (74 г.)—двѣ послѣднія на стѣнѣ у входа—и „На могилѣ сына“ (№ 304, 74 г.). Вся эта группа связана однимъ общимъ лирическимъ, доходящимъ до элегіи настроеніемъ, которое, обычно, опредѣляется вліяніемъ творчества Тургенева,—послѣдняя картина изображаетъ стариковъ Базаровыхъ. На такихъ произведеніяхъ хорошо вдуматься въ отношенія Передвижниковъ къ литературѣ: связь съ Тургеневымъ несомнѣнна, но связь эта только въ общемъ тонѣ, въ налетѣ поэтической грусти, которая согрѣваетъ эти произведенія. Маленькая картинка, изображающая жалкихъ старичковъ съ ихъ горемъ, только вызвана романомъ, но говоритъ по-своему и о своемъ, и потому пріобрѣтаетъ типичность; замѣтьте, что фигуры взяты со спины и въ ихъ экспрессіи не участвуетъ мимика. Начиная съ 70 гг., въ Перовѣ происходитъ перемѣна, онъ становится профессоромъ въ Школѣ Живописи и Ваянія, порываетъ съ Передвижниками. Въ его творчествѣ появляется какая-то растерянность, неувѣренность: на ряду съ только что названными картинами, онъ берется за историческіе сюжеты: „Пугачевскій бунтъ“ (73—79 гг.), „Никита Пустосвятъ“ (81 г.), („Споръ раскольниковъ съ православными при царевнѣ Софьѣ въ Грановитой палатѣ“—выбранъ моментъ, когда Никита заушилъ еп. Холмогорскаго Аѳанасія); пишетъ картину:

„Выгрузка извести на Днѣпрѣ“ (72 г., у Семенова въ Спб.), въ которой его привлекала передача бѣлаго налета на землѣ, фигурахъ и лицахъ—(чисто-колористическая задача), пишетъ даже аллегорическую фигуру нагой „Весны“ (80 г.), берется за религіозные сюжеты: „Распятіе“ (77 г.), „Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду“, „Снятіе со креста“, (обѣ 78 г.). Этотъ переломъ называютъ возвращеніемъ къ академизму и ставятъ въ связь съ профессорскою дѣятельностью Перова. Для насъ онъ интереснѣе, какъ признакъ внутренняго разлада въ его творчествѣ, изъ котораго художникъ не сумѣлъ выйти. Его, какъ художника, тянуло къ рѣшенію тѣхъ художественныхъ вопросовъ, которые были оставлены въ сторонѣ живописью новаго направленія, и если, ставя ихъ, онъ вернулся къ Академіи, то это показываетъ, насколько мало самостоятельны были по отношенію къ ней теоретики новаго направленія искусства. Но и къ Академіи вернуться вполнѣ художники, прошедшіе школу реализма, уже не могли,—въ этихъ картинахъ нѣтъ поэтому цѣльной художественной идеи,—вотъ почему и идейное содержаніе ихъ получило такое неудовлетворительное рѣшеніе. „Пугачевъ“ и „Никита“ остались холодными и спутанными полотнами, въ которыхъ трудно разобраться и въ которыхъ нѣтъ главнаго—эпическаго—элемента исторической картины: по замыслу художника они должны были изображать народныя движенія, но, несмотря на свои историческіе костюмы, они сохраняютъ эпизодическій характеръ жанра. „Никита“ кромѣ того театраленъ по замыслу, особенно группа съ Софьей; отдѣльныя прекрасныя, фанатическія головы раскольниковъ не могутъ искупить

общей пустынности композиціи. Такъ же холодны и сочинены его религіозныя картины, напр., Христосъ, распростертый (у выхода)—по Евангелію во время страданій не было видно лика Христа. Прежде чѣмъ уходить изъ зала, останавливаемся на портр. Перова; серьезная правдивость его дарованія позволила художнику создать серьезныя вещи въ этомъ жанрѣ, хотя онъ не всегда можетъ уйти отъ модели и не всегда умѣетъ найти для нея мѣсто на холстѣ,—въ этомъ отношеніи неспокоенъ портретъ привѣтливаго Островскаго. Замѣчателенъ, наоборотъ, портр. Достоевскаго: въ простой и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженной позѣ писателя Перовъ сумѣлъ передать силу его „жестокаго таланта“, хотя, можетъ быть, и не запечатлѣлъ его генія. Изъ другихъ интересна характерная и торжественная голова Погодина (№ 299) (портреты относятся къ 71—72 гг.).

Переходя къ другимъ представителямъ Передвижничества, можетъ быть не лишне будетъ привести отзывъ о нихъ Крамского (въ письмѣ къ Рѣпину отъ 1874 г.): „Ге погибъ, то-есть ему поздно учиться (да онъ не учился никогда). Мясоѣдовъ неисправимъ, хотя его картина („Манифестъ 19-го февр.“) лучшая на выставкѣ. Оба Клодта такъ и останутся маленькими, съ тою разницею, что жанристъ—добродушный человѣкъ, а пейзажистъ съѣденъ. Перовъ, кажется, почувствовалъ себя великимъ человѣкомъ. Удивительное дѣло—это казенная квартира. Прянишниковъ—московскій человѣкъ и, въ качествѣ такового, мѣшаетъ Божій даръ съ яичницей, Маковскій Владиміръ—тоже, Боголюбова и Гуна вычеркиваю. И такъ—кто же? На кого обратить надежды? Ра-

зумѣется, на молодое, свѣжее, начинающее. Савицкій,—это проблема и большая проблема; то, что есть до сихъ поръ, не обѣщаетъ хорошаго, хотя недурно — даже хорошо, только пристально не нужно разсматривать. Куинджи—интересенъ, но оригиналенъ, до того оригиналенъ, что пейзажисты не понимаютъ, но публика зато отмѣтила; но опасно, ужъ очень мало знаетъ натуру и, кажется, ему трудненько писать. Остается наше ясное солнышко—В. Васнецовъ. За него я готовъ поручиться, если вообще позволительна порука. Въ немъ бьется особая струнка; жаль, что нѣженъ очень характеромъ, ухода и поливки требуетъ".

Залъ 4. Отъ входа напр.—Клодтъ М. П. (род. 1835)№ 400—„Больной музыкантъ" 59 г.; № 401—„Послѣдняя весна" 61 г. Здѣсь же милая картинка Ю ш а н о в а (1840—1865) „Проводы начальника" 64 г. (№ 415). Далѣе К о р з у х и н ъ (1835 — 1894) №№ 677—680. Лучшая — послѣдняя 82 г. „Въ монастырской гостиницѣ":—проводы купчихи благотворительницы, М а к с и м о в ъ (1844 — 1911) „Бабушкины сказки" 67 г.—№ 541. „Все въ прошломъ" 89 г. № 546—умирающая барыня, съ остатками крѣпостного права, разваленной усадьбой, чашкою и бывшей дворовой старухой;—подъ ними № 543 „Приходъ колдуна на крестьянскую свадьбу" 75 г. и № 452—„Семейный раздѣлъ" 76 г. Далѣе въ углу зала П р я н и ш н и к о в ъ (1840 — 1894). Двѣ его самыя знаменитыя картины № 417—65 г. „Шутники" („Гостиный дворъ"): купцы смѣются надъ спившимся чиновникомъ, изъ-за подачки забавляющаго ихъ своими ужимками; № 420 „Порожняки" 72 г.:—замерзающій школьникъ ѣдетъ учиться. На выходной стѣнѣ его же большая картина „Спасовъ день на

сѣверѣ“ 87 г., № 436. Черезъ дверь и надъ выходомъ—Савицкій (1845—1905): „Ремонтныя работы на желѣзной дорогѣ“ 74 г., подъ нею „Встрѣча иконы“ 78 г. и надъ дверью — „Панихида на 9-й день на кладбищѣ“, 85 г. Вторая длинная стѣна занята В. Маковскимъ (1846). Три большихъ портрета (отъ входа): 1) Ровинскаго, коллекціонера и историка искусствъ, 2) Сорокина — художника, работавшаго въ храмѣ Христа Спасителя (Богъ Саваоѳъ), и 3) художника Прянишникова. Входная стѣна подѣлена между его братомъ К. Маковскимъ (род. 1839): № 408 — портр. пѣвца Петрова 70 г., перваго исполнителя роли Сусанина; № 410—„Алексѣичъ—дядька съ самоваромъ“ 83 г.— и Невревымъ (1830—1904): № 393 „Воспитанница“ 67 г.: претенденты на сердце и на руку. Боязливая мамаша, желающая пристроить дѣвушку, и сконфуженный сынокъ; № 463 „Семейные расчеты“ 88 г.

Такимъ образомъ, здѣсь собраны и раннія произведенія (Клодтъ) и, главн. обр., 80-е гг. Передвижничества. Характеръ обличительный уже отсутствуетъ въ этихъ произведеніяхъ. Большинство—художники-москвичи, ученики, впослѣдствіи профессора училища живописи, большинство юмористы. Маковскій—его типы и сценки уличной жизни дадутъ много любопытныхъ подробностей изъ жизни опустившихся людей, салопницъ, мелкаго чиновничества, кабачковъ и Толкучки, сохранятъ свидѣтельство объ исчезающихъ обычаяхъ и нравахъ. Ихъ неглубокое содержаніе, комизмъ, легко понятный и добродушный, дѣлали его любимцемъ публики, вызывали даже подражаніе среди художниковъ, но все это мимолетно и

часто очень поверхностно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, особенно картинки, написанныя послѣ переѣзда въ Академію.— „Гостиный дворъ“ въ свое время считалась лучшею жанровою картиною. Она схожа съ Перовымъ, написана старательно, и если не совсѣмъ безъ утрировки, то все же довольно просто, такъ же простъ и „Спасовъ день“. Въ немъ нѣтъ и слѣда того издѣвательства, съ которымъ смотрѣлъ Перовъ въ своемъ „Крестномъ ходѣ“ на народную вѣру. Технически написана картина свободнѣе, но и небрежнѣе. „Приходъ колдуна“—хорошо сдѣланная вещь: освѣщенный уголъ избы, тѣснота, низкій потолокъ и жаркій воздухъ, экспрессивность испуганной молодухи—все это передано добросовѣстно и характерно и останавливаетъ вниманіе. Наконецъ, уже совершенно объективная картина труда Савицкаго (pendant Рѣпинскимъ бурлакамъ), со своею залитою солнцемъ насыпью, по которой въ разныя стороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за общимъ дѣломъ снуютъ тачки съ вспотѣвшими рабочими. И, тѣмъ не менѣе, всѣ эти художники—силы второстепенныя. Въ нихъ нѣтъ того, что мы видѣли у Перова: крайности увлеченія, способности мѣняться, желанія рѣшать большія задачи. Каждый беретъ свою часть, но въ творчествѣ Перова мы всегда найдемъ затронутые ими вопросы. Только Савицкій отличается своеобразнымъ дарованіемъ: у него есть чувство группировки и желаніе найти позу, впослѣдствіи, правда, приводившее его къ нѣкоторой изысканности рисунка,—къ сожалѣнію, лучшія стороны его творчества не вполнѣ представлены въ галл.; все же сравненіе группы подходящихъ къ иконѣ крестьянъ съ

„Пугачевскимъ бунтомъ“ Перова будетъ, можетъ быть, поучительнымъ.

Въ залѣ 5 Крамской (1837 — 1887) напр.; нал.—Ярошенко (1846—1898); середину лѣвой стѣны занимаетъ Мясоѣдовъ (1835 — 1911).

Преобладающее число среди картинъ Крамского занимаютъ портреты. Онъ всю жизнь писалъ ихъ: началъ свою художественную карьеру ретушированіемъ фотографій, писалъ и по фотографіямъ и съ натуры, и всю жизнь тяготился ими: „если я опять примусь за портреты, то эта теперешняя тоска моя будетъ уже послѣдняя вспышка сожалѣнія художника о неудавшейся жизни“, писалъ онъ въ 1883 г. Они настолько извѣстны, что лица, изображенныя на нихъ, какъ будто запечатлѣлись въ вашемъ представленіи такими, какими ихъ нарисовалъ художникъ. Среди нихъ нѣтъ ни одного, равнаго по силѣ Достоевскому Перова, но есть замѣчательныя вещи: портр. художника Литовченко въ пальто № 586, 78 г., больного Некрасова 77 г. № 585, Толстого 73 г. № 570; конечно, въ нихъ не слѣдуетъ искать и живой драматичности портр. Рѣпина.

Его картины менѣе знамениты, за исключеніемъ „Неутѣшнаго горя“—она самая содержательная и наиболѣе выразительная изъ всѣхъ его картинъ. О ней Крамской писалъ Третьякову: „Въ данномъ случаѣ я хотѣлъ служить только искусству; я искренно сочувствовалъ материнскому горю, искалъ долго чистой формы и остановился, наконецъ, на этой формѣ, потому что больше двухъ лѣтъ эта форма не возбуждала во мнѣ критики“. Несмотря на всѣ недостатки рисунка и живописи, картина поражаетъ своею простотою и серьез-

ностью; молчаливое горе, сосредоточенность позы безъ жеста, удерживаемыя слезы, потому что слезы не помогутъ—художнику удалось убѣдительно разсказать обо всемъ этомъ; драма понятна и безъ дѣтскаго платьица, затеряннаго среди гіацинтовъ. „Христосъ въ пустынѣ“ не такъ ясенъ въ своей характеристикѣ. Самъ художникъ даетъ такое толкованіе: „Я вижу ясно, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, когда на него находитъ раздумье — пойти ли направо, или налѣво? У меня является страшная потребность разсказать другимъ то, что я думаю. Но какъ разсказать? И вотъ однажды, когда особенно былъ этимъ занятъ, я увидалъ вдругъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставалъ его постоянно въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ Нимъ, сѣлъ усталый, измученный; сначала Онъ проводилъ глазами солнце, затѣмъ не замѣтилъ ночи, и на зарѣ уже, когда солнце должно подняться позади него, Онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно. И нельзя сказать, чтобы Онъ вовсе былъ нечувствителенъ къ ощущеніямъ; нѣтъ, Онъ, подъ вліяніемъ наступившаго утренняго холода, инстинктивно прижалъ локти ближе къ тѣлу, и только, впрочемъ; губы Его какъ бы засохли, слиплись отъ долгаго молчанія, и только глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видѣли. Кто это былъ? Я не знаю, по всей вѣроятности это была галлюцинація. Тутъ мнѣ показалось, что даже ничего не нужно было придумывать, я только старался скопировать. И когда я кончилъ, я далъ ему дерзкое названіе. Итакъ, это не Христосъ. То-есть я не знаю, кто

это". (Письмо къ Гаршину 78 г.). Среди другихъ вещей Крамского остановимся на неоконченной картинѣ: „Осмотръ стараго дома", № 576. Можетъ быть, именно потому, что художникъ не успѣлъ его окончить, картина производитъ такое непривычное у Крамского свѣжее впечатлѣніе. Сила Крамского въ рѣдкой серьезности его творчества. На ряду съ нимъ можно мало указать художниковъ, которые бы относились такъ глубоко къ своимъ задачамъ. Горячій апологетъ новаго искусства, Крамской былъ чрезвычайно требователенъ и сдержанъ въ своихъ произведеніяхъ; его осторожная живопись иногда производитъ мучительное впечатлѣніе сухости, почти робости, стремленіемъ сгладить углы, избѣжать всего кричащаго, рѣзкаго. Она всегда очень обдумана. Но въ ней нельзя узнать горячій темпераментъ того человѣка, который выносилъ на себѣ разрывъ съ Академіей, выносилъ на себѣ артель, съ которой онъ порвалъ въ 70 г.,—Товарищество передвижниковъ, съ которымъ онъ порвалъ тоже (въ 86 г., за годъ до смерти). Крамской былъ горячій и увлекающійся человѣкъ, способный къ широкимъ планамъ, прекрасный администраторъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ высокихъ требованій и отъ искусства и отъ художника. Его слушали съ увлеченіемъ и вѣрили ему: „Ну и слушаютъ же его"!—писалъ Рѣпинъ, но немногіе понимали высоту его требованій. Такъ и въ самомъ главномъ, что было его жизненнымъ дѣломъ, онъ остался одинокимъ и порвалъ со своими товарищами.

Мясоѣдовъ (1835—1911) занимаетъ середину и верхъ лѣв. стѣны. Онъ, вмѣстѣ съ Крамскимъ, былъ однимъ изъ основателей Передвижничества

и долго стоялъ во главѣ школы. Картины его значительны и были въ свое время гвоздями выставокъ товарищества. „Уѣздное земское собраніе въ обѣденное время“ (1872 г., № 494, посрединѣ) съ фигурами закусывающихъ крестьянъ и лакеемъ въ окнѣ, перетирающимъ тарелки, выразительно усталой медленностью жующихъ свои краюхи мужиковъ, хотя и несвободно отъ комическаго оттѣнка и тенденціозныхъ сопоставленій. На тему „Чтеніе манифеста 19 февраля“ (1873 г., № 495, нал. наверху) написано и стихотвореніе Майкова („Погляди, въ избѣ мелькаетъ“), но стихотворенье хуже и сентиментальнѣе картины. Слабѣе „Самосожженіе“ (раскольниковъ) (1884 г., № 499, напр. наверху). Пейзажи, кромѣ „Дороги во ржи“ (1881 г., № 496), не представляютъ большого интереса.

Ярошенко (1846—1898) можно считать однимъ изъ послѣднихъ представителей Передвижничества въ его наиболѣе характерномъ выраженіи. Всѣ его знаменитыя картины: „Всюду жизнь“ (№ 701, 1888 г.)—напр., у входа, „Кочегаръ“ (№ 684, 1878 г.), „Заключенный“ (№ 685, 1879 г.), обѣ на лѣв. стѣнѣ, слишкомъ слабо выражаютъ тѣ гуманныя мысли, которыя хотѣлъ передать своему зрителю художникъ. Можетъ быть, здѣсь нагляднѣе всего можно понять, что причиной такой художественной недостачи были самыя мысли и самое настроеніе. Сравнимъ его „Заключеннаго“ и его „Арестантовъ“ съ типами Мертваго дома, и намъ ясно будетъ, что для выраженія сентиментальнаго состраданія, какъ бы привлекательно оно ни было само по себѣ, требовалась конечно совсѣмъ не такая сильная форма, не такой сильный реализмъ, какъ у Достоевскаго, и не только потому, что художественный талантъ былъ

ниже,—Ярошенко былъ къ тому же почти самоучкой, — но потому, что и мысль, заложенная въ этихъ произведеніяхъ, была не такая глубокая. Изъ портретовъ интересенъ портретъ горбатой артистки Стрепетовой (№ 696, 1884 г., налѣво).

Покидая этотъ залъ, мы въ сущности разстаемся съ творчествомъ Передвижниковъ. Слѣдующіе за ними художники имѣютъ слишкомъ опредѣленную индвидуальность, которая не могла подчиниться безусловно требованіямъ школы, а затѣмъ пошли новыя требованія отъ искусства, которыя, особенно на первыхъ порахъ, казалось, находились въ полномъ противорѣчіи съ художественнымъ ученіемъ Передвижниковъ.

Передвижники сдѣлали свое дѣло, и дѣло большое. Сентиментальный и „баснописный“ реализмъ своихъ предшественниковъ они хотѣли сдѣлать „учительнымъ“ — это значило, что они требовали болѣе серьезнаго отношенія къ искусству. Общепринятыя понятія красоты, возвышеннаго и т. д. они замѣнили новыми, и тѣмъ расширили кругъ предметовъ и идей, изображаемыхъ искусствомъ, открыли новыя области творчества. Оно и понятно — они говорили совсѣмъ иному кругу лицъ и жили въ другой общественной атмосферѣ. Точно такъ же и въ области чисто формальныхъ требованій искусства они разрушили многое, что до нихъ считалось непреложнымъ достояніемъ художественнаго творчества, опредѣленныя традиціи композиціи, рисунка, колорита подвергнуты были ими сомнѣнію и была разрушена монополія опредѣленной художественной формы. Но движеніе это было,

съ другой стороны, лишь переходнымъ и мало самостоятельнымъ въ томъ смыслѣ, что именно въ этой сферѣ формальныхъ требованій искусства ими не было выставлено никакой новой эстетической теоріи. Теорія Чернышевскаго, о которой мы упоминали, отрицала эту сторону совсѣмъ. Творившіе художники, несомнѣнно, не могли стоять на такой точкѣ зрѣнія, но характерно, что на этой почвѣ возникали противорѣчія, которыя могли порождать душевный разладъ у художниковъ. Какими бы узкими ни были требованія „классицизма", все-таки они говорили о такихъ непреложныхъ художественныхъ цѣнностяхъ, напр., о единствѣ художественнаго впечатлѣнія, о цѣльности композиціонной формы и т. д., безъ которыхъ мы не можемъ представить себѣ живого искусства; словомъ, узость такихъ требованій заключалась не въ нихъ самихъ, но въ шаблонномъ способѣ ихъ примѣненія. И такимъ же мертвеннымъ шаблономъ стали, освобождающія вначалѣ, требованія Передвижниковъ, чтобы произведенія, которыя приносились на выставки товарищества, „не представляли собою простое упражненіе въ живописи, а заключали бы въ въ себѣ если не осуществленіе, то хоть явную попытку передать разсказъ, выраженіе, чувство, настроеніе, поэтическій моментъ—словомъ, чтобы произведеніе не лишено было художественной задачи или замысла". Такое требованіе для огражденія себя отъ наплыва художниковъ новаго направленія было, по иниціативѣ Ярошенко, выставлено въ манифестѣ, который вызвалъ расколъ въ средѣ членовъ и образованіе новыхъ группъ художниковъ уже вокругъ новыхъ центровъ.

Было бы излишнимъ останавливаться на идеяхъ,

отраженныхъ въ картинахъ Передвижниковъ: крестьянское бездолье, противоположность барина и мужика, отцовъ и дѣтей, настроеніе человѣколюбія и состраданія извѣстны намъ хорошо изъ современной литературы. Только не нужно искать въ картинахъ иллюстрацій на литературныя темы. Идеологія Передвижниковъ рѣдко (Перовъ, Крамской) выходитъ за предѣлы этого круга; они не внесли значительныхъ новыхъ идей и не дали новаго, оригинальнаго толкованія старымъ. Соціальная эстетика Передвижниковъ не давала имъ и простора въ выборѣ сюжетовъ: поражаетъ отсутствіе этюдовъ, которые бы имѣли цѣну законченныхъ картинъ, нѣтъ нагого тѣла, отсутствуетъ nature morte, какъ самостоятельный жанръ, хотя онъ и занимаетъ большое мѣсто въ ихъ картинахъ. Ставя на первомъ мѣстѣ задачею искусства разсказъ, они направляли свои усилія прежде всего къ отысканію типовъ и сопоставленію ихъ сообразно опредѣленнымъ принципамъ, среди которыхъ оппозиція старымъ законамъ академической группировки стояла на первомъ мѣстѣ.

Они пользуются почти всѣ чрезмѣрно и однообразно принципомъ противоположенія и контраста; разбивая картину на рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, они распредѣляютъ роли между многими участниками и загромождаютъ свои произведенія деталями часто въ ущербъ ихъ драматическому единству. Картины ихъ въ большинствѣ случаевъ многофигурны,—уже въ этомъ отношеніи Крамской выгодно отличается отъ Передвижниковъ,—но каждая фигура говоритъ за себя, внося свою ноту, свою деталь въ разсказъ; изображая группу

различно настроенныхъ людей, Передвижники не доходили до изображенія толпы, какъ слитной и объединенной массы. Можетъ быть, поэтому имъ не нуженъ былъ и пленеръ, и они рисовали свои группы внутри избы, дома. Вообще говоря, они любили больше зиму, чѣмъ лѣто, не знойное солнце, но осенній дождикъ, не праздникъ, а будни. Въ ихъ картинахъ нѣтъ радостнаго подъема и силы, въ нихъ подчасъ много сосредоточенности, молчаливаго страданія, грусти, въ нихъ есть подавленность, но нѣтъ свободной шири, нѣтъ даже гнѣва. Общее настроеніе школы отразилось и въ чисто-формальныхъ и даже въ чисто-техническихъ ея особенностяхъ. Передвижники не любили яркихъ красокъ и мало заботились о колоритѣ: нетрудно отыскать на ихъ картинахъ прямыя несогласованности въ освѣщеніи съ обстановкой,—напр., въ избахъ Максимова,—часто отсутствуетъ вниманіе къ строю красочной гаммы; впечатлѣніе отъ ихъ картинъ въ этомъ отношеніи бываетъ часто грубымъ; локальные тона преобладаютъ; доминируютъ коричневое и желтое. Рисунокъ останавливается только на томъ, что нужно для разсказа: среди нихъ нѣтъ энергичныхъ или глубокихъ рисовальщиковъ.

Залъ 6. Отличіе Рѣпина (род. 1844) отъ Передвижниковъ будетъ намъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что первоначальный замыселъ первой его знаменитой картины „Бурлаки“ (1872 г.) (напр. отъ входа этюды къ ней № 748; особенно интересенъ этюдъ ранній: № 1782) состоялъ въ томъ, чтобы изобразить противоположность оборванныхъ грязныхъ бурлаковъ—„людей, запряженныхъ вмѣсто скота“—

и наряднаго общества „баръ", которыми они любуются и уступаютъ дорогу: „черная лапа приподнялась (поднимая бечеву, чтобы пропустить ихъ) надъ барышнями". Задуманный контрастъ встрѣчи не былъ выполненъ, и картина потеряла часть своей тенденціозности. Но „академику" Ге вытянутая линія бурлаковъ показалась скучной: „Слушайте, юноша, вы сами еще не сознаете, что вы написали", говорилъ онъ Рѣпину, хваля картину... „Это удивительно... Очень жаль, что это не обобщено. У васъ нѣтъ хора. Каждая личность поетъ у васъ въ униссонъ". Рѣпинъ, по его собственному признанію, черезчуръ увлекся типами.

Надо сравнить „Царевну Софью" 1879 г. (№ 761) въ заточеніи, во время казни стрѣльцовъ и пытки всей ея прислуги (налѣво отъ входа) съ Софьей Перова, чтобы уяснить себѣ особенности его дарованія. Манекенъ въ боярскомъ костюмѣ зажилъ подъ его кистью сильною драматическою жизнью. Въ этой силѣ психологической характеристики и лежитъ значеніе художника. Его „Запорожцы", пишущіе отвѣтъ султану (на высокопарную грозную грамоту султана Магомета IV кошевой Сѣрко отвѣчаетъ насмѣшками, № 776, на лѣвой стѣнѣ у выхода), не столько картина, какъ собраніе смѣющихся лицъ, каталогъ смѣха, подобно тому, какъ его „Бурлаки"—каталогъ типовъ, но типы такъ полно и живо могли быть переданы только художникомъ, обладающимъ большою и тонкою воспріимчивостью. Она переходитъ иногда въ его творчествѣ въ нервность, берущуюся за рискованные сюжеты. Таковъ его Грозный съ убитымъ имъ сыномъ (№ 782, 1885 г., посерединѣ правой стѣны). Прежде всего Рѣпинъ не историческій

живописецъ, въ его характерѣ нѣтъ той объективности, въ его живописи той значительности, которая должна присутствовать въ картинѣ, говорящей объ историческомъ событіи. Рѣпина интересуетъ не историческое въ его личностяхъ, но самые интимные душевные моменты изображенныхъ лицъ, и то, что эти лица, опредѣленные историческіе люди, является лишь отправнымъ моментомъ при разсмотрѣніи картины; потомъ забываешь объ этомъ, и историческое отходитъ на задній планъ, подобно повѣшеннымъ стрѣльцамъ на его „Софьѣ". Передъ нами не Іоаннъ, убившій сына, но человѣкъ, посягнувшій на самое дорогое его сердцу. Моментъ выбранъ самый ужасный, и художника даже упрекали въ томъ, что онъ скорѣе годенъ для паноптикума, нежели для картины. Но внимательный зритель переживетъ навѣрное послѣ ужаса перваго впечатлѣнія и другое чувство—чувство жалости къ преступнику, на лицѣ котораго возникаетъ раскаяніе, отражается горе, въ которомъ просыпается любовь и который снова становится человѣкомъ послѣ звѣрскаго акта внезапнаго паденія. Эти внезапность и нервность и сложное чувство, заложенныя въ основу картины, и ставятъ талантъ Рѣпина на высоту, которой не достигали другіе русскіе художники. (Голова царевича—портр. Гаршина. Этюдъ виситъ рядомъ, справа, наверху, № 779). Сравнимъ для примѣра различіе въ характеристикѣ фигуръ, повернувшихся спиною. Вспомнимъ старичковъ на могилѣ сына—Перова, заключеннаго—Ярошенко и возьмемъ священника, исповѣдующаго приговореннаго къ казни (№ 763, 1886 г., на лѣв. стѣнѣ). Какая жуткая безпомощность въ жалкой спинѣ сжавшаго руками крестъ батюшки. Трогательная и жалкая мать

на картинѣ „Не ждали“ (1884 г. № 781, на лѣв. стѣнѣ посединѣ), (возвращеніе бѣглаго каторжника) видна тоже со спины, но это самая выразительная фигура на картинѣ. Художникъ интимныхъ чувствъ и тонкихъ душевныхъ настроеній создалъ въ своемъ „Крестномъ ходѣ“ то, чего не могли передать другіе. Толпа по пыльной дорогѣ идетъ стѣною и значеніе отдѣльныхъ фигуръ въ ея массивномъ шествіи вырисовывается лишь второстепенными деталями. Однако это произведеніе стоитъ одиноко въ его творчествѣ. Главная сила его въ характеристикѣ индивидуальнаго, даже внезапнаго. Сравнимъ, напр., его „Портретъ Глинки“ (№ 788, 1887 г.) съ Некрасовымъ Крамского. Тема одна и та же, вплоть даже до жеста: оба грызутъ карандашъ въ задумчивости. Но какая сила живой жизни перевоплотила мертвенную неподвижность выраженія у Некрасова. А Крамской вѣдь писалъ съ натуры, въ то время какъ Рѣпинъ создавалъ вымышленный образъ! Изъ портретовъ (прав. стѣна), написанныхъ съ натуры, особенно замѣтны большой и хорошо написанный „Протодьяконъ“ (№ 753, 1877 г.); портр. Писемскаго (1880 г. № 764) Мусоргскаго (слабѣе) (№ 769, 1881 г.), одинаковые по задачѣ, даже немного сходны между собою. Живые глаза Писемскаго запоминаются неотразимо.

Если въ творчествѣ Рѣпина заказной, нарочитый сюжетъ и играетъ большую роль, то художникъ сумѣлъ сдѣлать его интереснымъ. Выборъ сюжетовъ у него тоже своеобразный, никто не рѣшался заглянуть такъ глубоко въ трагическіе моменты души человѣческой, какъ Рѣпинъ. Такіе моменты высшаго напряженія проходятъ быстро мимо, и нужно сумѣть запечатлѣть ихъ мимолетность, и

только горячая, первная кисть способна на это. Новыя способности кисти нужны были Рѣпину, и совершенно новая живопись видна въ его картинахъ. Дѣйствіе ихъ въ значительной мѣрѣ обусловливается именно его нервнымъ быстрымъ мазкомъ, нѣсколько поспѣшнымъ, иногда грязнымъ въ деталяхъ, не имѣющимъ времени обдумать, обласкать форму. И здѣсь, такъ же, какъ и въ выборѣ сюжетовъ, художникъ иногда жертвуетъ уравновѣшенностью и тогда онъ теряетъ связь со своимъ зрителемъ: Гоголь, сжигающій свои рукописи (напр. у выхода № 1786, 1909 г.).

Собраніе галлереи свободно отъ картинъ на сказочные, мистическіе сюжеты и отъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ аллегорическихъ композицій, которыя художникъ пытался дѣлать въ послѣдніе годы жизни. Зато реализмъ, живой и свободный, его творчества м. б. нигдѣ не звучитъ въ такой мѣрѣ радостно и сильно, какъ въ фигурѣ пляшущей дѣвки на его „Вечерниці“ (у входа направо № 766, 1881 г.). Такая фигура выходила уже совсѣмъ за предѣлы всего того, что было сдѣлано Передвижниками.

Залъ 7. Другое настроеніе царитъ въ смежномъ залѣ — Сурикова (род. 1848 г.). Въ сумрачной, темной, низкой комнатѣ сидитъ опальный Меньшиковъ съ дочерьми въ парчевыхъ тѣлогрѣяхъ (№ 738, 1883 г., напр.). Одиночество и ссылка видны не только въ томъ, что на фигурахъ замѣтны еще остатки богатыхъ тканей, или въ томъ, что эти люди сосредоточенно слушаютъ, но именно въ этомъ полусумракѣ холодной тѣсной избы, въ суровыхъ краскахъ картины. И люди на ней иные. Фигура отца вырастаетъ рядомъ съ сжавши-

мися позами дѣвушекъ, вырастаетъ даже, м.-б., чрезмѣрно. На „Утрѣ стрѣлецкой казни“ (№ 737, 1871 г., налѣво)—сложная группа осужденныхъ со свѣчами въ рукахъ, группа „гнѣва и скорби“ народной и силы народной. И еще поразительнѣе жестъ „Боярыни Морозовой“ (№ 739, 1887 г.), неуклюжій и рѣзкій, среди хохота и грусти, вопроса и сочувствія сгрудившейся толпы, сквозь которую проползаютъ огромныя розвальни. Подвижницу раскола везутъ въ Кремль для допроса. Первое впечатлѣніе всегда огромное. И суровая кисть, и отдѣльныя головы, такія несхожія съ современными лицами, съ такимъ примитивнымъ и открытымъ чувствомъ, наконецъ композиція, еще не сочлененная въ Стрѣльцахъ (картина разбивается на двѣ части), но такая звучная у Морозовой съ ея клиномъ, врѣзавшимся въ толпу—все это говоритъ о силѣ, которую рѣдко встрѣтишь теперь, и это впечатлѣніе грубой, примитивной, не нашей силы создаетъ непосредственно вѣру въ историческую правду этихъ картинъ. Можетъ быть, это и не совсѣмъ правильно, но несомнѣнно—энергія, скрытая въ нихъ, въ ихъ типахъ и композиціи, придаетъ изображенному на нихъ событію такую значительность, которую мы охотно вкладываемъ въ наше представленіе о давно минувшемъ.

Художникъ строитъ грубо и просто, но и мы на далекомъ разстояніи времени можемъ различить лишь основное и простое.

Суриковъ не реставраторъ старины, нигдѣ передъ его картинами не остановишься на старинныхъ предметахъ—на тѣлогрѣѣ, платкѣ, или подсвѣчникѣ—только потому, что они старые. Онъ не утонченникъ, любующійся старымъ только въ силу его ориги-

нальности. Конечно, онъ подходитъ къ старому и понимаетъ старое какъ мы, современные ему люди, но въ немъ есть и сочувствіе къ старинѣ, которое опредѣляется душевнымъ укладомъ человѣка, и только благодаря ему могла получиться такая цѣльная картина прошлаго. Именно это историческое чутье и выдѣляетъ его отъ Передвижниковъ, съ которыми онъ порвалъ подъ конецъ. Искусство ихъ слишкомъ современно, слишкомъ злободневно для Сурикова. Ему нужны и большій просторъ и болѣе сильныя страсти. Онъ хочетъ привести въ движеніе большія массы и не боится, если сила окажется слишкомъ грубой для нашей гостиной.

Поздніякомпозиціи—„Покореніе Сибири“ (1894 г.), „Переходъ Суворова черезъ Альпы“—представлены въ галлереѣ только этюдами.

Залъ 8 отведенъ пейзажистамъ. При входѣ въ него, на длинной стѣнѣ висятъ композиціи Айвазовскаго (1817—1900)—эпигона академическаго пейзажа. Композиціи его нѣсколько внѣшни, но въ перекатѣ пустынныхъ валовъ Чернаго моря, (1881 г.) № 454, есть все-таки намекъ на широкую грандіозность, есть въ нихъ и большое мастерство техники. Онъ почти понимаетъ природу какъ Гоголь, только у Айвазовскаго нѣтъ красокъ Гоголя. Въ 1-мъ отд. зала начатки реалистическаго пейзажа и, среди нихъ, выдающаяся по значенію картина Саврасова (1830—1897) — „Грачи прилетѣли“ (1871 г., посрединѣ, № 388)—она была манифестомъ и дѣйствовала уже своимъ сюжетомъ. И теперь еще, хотя картина сильно попорчена временемъ, она подкупаетъ насъ простотою и свѣжестью настроенія пробуждающейся природы, хотя она—небольшое произведеніе. 2-ое отд. занято Шишки-

нымъ (1831—1898), 3-ье—Куинджи (1842—1190). Ихъ сравнивали так. обр.: „Рисунокъ далъ Шишкинъ,—краски Куинджи". Шишкина гораздо больше любятъ, чѣмъ Куинджи, особ. его „Лѣсную глушь" (89 г.) № 474 (виситъ напротивъ, на длинной стѣнѣ; медвѣди написаны Савицкимъ). Его считали даже одно время единственнымъ изобразителемъ русскаго лѣса, открывшимъ русскій лѣсъ. Конечно, теперь яснѣе видно, что лѣсъ на его картинахъ русскій, но что пониманіе его у Шишкина (художественная школа Шишкина) было въ значительной степени нѣмецкой. Товарищи упрекали его за черный колоритъ его картинъ, мы привыкли теперь вообще къ болѣе свободной живописи и намъ нехватаетъ въ его произведеніяхъ той поэтичности, кот. есть, напр., въ Аленушкѣ Васнецова. Его пейзажи строги, часто сочинены, онъ компануетъ красивыя дали, изящныя купы деревьевъ и не всегда можетъ подойти къ природѣ просто, безъ сочинительства. Лучше его рисунки. Наоборотъ, Куинджи въ послѣднее время начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе. Мы цѣнимъ въ немъ первыя побѣды надъ академическимъ колоритомъ, первыя вѣсти новаго пониманія красокъ, кот. долетѣли до него отъ импрессіонистовъ. Композиція его пейзажей тоже свободнѣе и оригинальнѣе — см. его „Дали". Напротивъ, на длинной стѣнѣ Васильевъ (1850—1873), рано умершій художникъ, другъ Крамского. Послѣдній даетъ такую характеристику своему товарищу: „Развивался онъ чрезвычайно быстро и сначала въ полной гармоніи съ Шишкинымъ, кот. имѣлъ на него вліяніе въ это время; но уже черезъ годъ рѣзко обозначились пункты расхожденія относительно взгляда на натуру. И дѣйствительно, трудно

найти двѣ болѣе взаимно исключающія другъ друга натуры. Одинъ, трезвый до матеріализма художникъ, лишенный даже признака какого-либо мистицизма, музыкальности въ искусствѣ; другой, весь субъективный, субъективный до того, что вначалѣ не могъ даже этюда сдѣлать безъ того, чтобы не вложить какого-либо собственнаго чувства въ изображеніе вещей совершенно неподвижныхъ и мертвыхъ. Васильевъ умеръ на порогѣ новой фазы развитія своего таланта, очень оригинальной и самобытной. Я думаю, что ему было суждено внести въ русскій пейзажъ то, чего послѣднему недоставало и недостаетъ: поэзіи при натуральности исполненія".

Можно пройти мимо **зала 9,** въ немъ нѣтъ значительныхъ произведеній. Дубовской (род. 1859) своею „Зимою" (84 г., № 823), напр. отъ входа, хотѣлъ конкурировать съ „Грачами" Саврасова, но, не говоря уже о позднихъ, сладкихъ по колориту его работахъ, даже эта вещь слабѣе своего прототипа. Богдановъ-Бѣльскій (род. 1868) извѣстенъ своими сценками изъ сельской школы, очень скоро ставшими любимыми пособіями для нагляднаго обученія—это уже одно опредѣляетъ ихъ достоинство. Кузнецовъ (род. 1850) и Свѣтославскій (1857) могутъ остановить развѣ каждый одною своею вещью: первый № 855—портр. Чайковскаго, второй № 1533—„Къ веснѣ", коровы на задворкахъ. При входѣ въ залу 11 пейзажи А. Васнецова (род. 1856 г.) съ Урала и Камы и реконструкціи Москвы XVII вѣка.

Въ **залѣ 11-мъ** В. Васнецовъ (род. 1846 г.). Любопытно прослѣдить его развитіе: первыя картины написаны въ духѣ Передвижниковъ: „Съ квартиры на квартиру" (№ 948, 76 г.); „Военная теле-

грамма“ (№ 948, 78 г.); „Книжная лавка“ (№ 1798, 76 г.); затѣмъ идетъ серія изъ русскихъ былинъ и сказокъ: „Послѣ побоища Игоря Святославовича съ Половцами“ (№ 950, 80 г.); „Аленушка“ (№ 1799, 81 г.); „Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ“ (№ 952, 81 г.); „Три царевны“; „Вѣщія птицы: Сиринъ и алконостъ“, (№ 1802, 96 г.). На фрескахъ Кіевскаго собора св. Владимира окончательно вырабатывается стиль художника и его позднія вещи: „Грозный“ (№ 954—97 г.); „Богатыри“ (№ 955, 98 г.) отражаютъ ихъ декоративный складъ и стремленіе къ монументальности. В. Васнецовъ—крупная фигура въ русскомъ искусствѣ, хотя его творчество удовлетворитъ не всякаго. Въ немъ много блеска и торжественности, иногда заимствованной (отъ византійскаго оригинала), много знанія—особенно цѣнны его орнаментныя композиціи, въ которыхъ впервые былъ использованъ русскій орнаментъ (витрина). Его лѣсъ на Аленушкѣ явился совершенною неожиданностью, постановка его къ „Снѣгурочкѣ“ 85 г. внесла переворотъ на сценѣ. Но творчество его холодное и далекое. Его оцѣнили ранѣе заграницей, чѣмъ у насъ, потому что тамъ были менѣе извѣстны оригиналы, съ которыхъ художникъ работалъ. На него трудно смотрѣть просто, потому что и творчество его не простое, надуманное. Византійскія мозаики грандіознѣе и болѣе мощны, нежели его фрески, въ нихъ нѣтъ и внутренняго горѣнія акварелей Иванова. Смотря на его „Грознаго“ нельзя не вспомнить Рѣпина; его „Битва“—пустая и академическая картина. Васнецовъ ушелъ далеко отъ реалистическаго направленія своихъ товарищей и въ этомъ его историческая заслуга и значеніе, но тотъ же уборъ, въ который онъ нарядилъ свои произведенія, былъ

для него отчасти и путами, въ которыхъ закаменѣло его дарованіе; живымъ и цѣннымъ остается въ немъ его умѣнье красиво заполнить и расчленить огромное поле, большую стѣну.

Черезъ залъ 9, тотчасъ налѣво, проходимъ въ маленькую **комнатку 10,** гдѣ собраны картины учениковъ московской Школы Живописи, принадлежащихъ къ направленію т. наз. „чистаго реализма". Налѣво у входа С. Коровинъ (1858—1908): „Сходка" № 863—большая картина—и замѣчательная маленькая: „Къ Троицѣ" (№ 1818). Въ глубинѣ—С. Ивановъ (1864—1910) № 1847 больш. „Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву XVII ст."; рядомъ съ нимъ Архиповъ (род. 1862 г.) (№ 1843, внизу, „Прачки", 1901 г.); на правой стѣнѣ Касаткинъ (род. 1859): „Углекопы—смѣна" 95 г. (№ 1540, больш.) и „Соперницы" (№ 910, 1890 г.). И въ этихъ картинахъ „чистаго реализма" можно найти не мало намековъ на литературныя темы, но въ нихъ нѣтъ уже навязчивыхъ, поучительныхъ сопоставленій; цѣльность художественнаго впечатлѣнія стремится уничтожить господство деталей. Такъ же новы и манера рисунка и сама техника этихъ произведеній, болѣе небрежныхъ на первый взглядъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе упрощенныхъ и болѣе живописныхъ по своей трактовкѣ. Въ этомъ отношеніи поучительно остановиться на „Прачкахъ" Архипова.

Въ слѣдующемъ **залѣ 23** — входная стѣна — Сѣровъ, лѣвая стѣна — Нестеровъ, правая — Левитанъ; стѣна у выхода — К. Коровинъ и Остроуховъ.

Сѣровъ (1865—1911) представленъ своими портретами изъ разныхъ періодовъ: ранній—„Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ" (№ 880, 88 г.). Сѣровъ вы-

шелъ изъ мастерской Рѣпина и слѣды этой мастерской все еще замѣтны даже на этомъ, сравнительно позднемъ, портретѣ, но на немъ мы можемъ также понять хорошо, чего недостаетъ Рѣпину: переливы нѣжныхъ тоновъ на лицѣ и платьѣ мы не найдемъ въ портретахъ послѣдняго. Сѣровъ, по его собственному выраженію, „тогда съ ума спятилъ“ на Бастьенъ-Лепажѣ (см. французскій отдѣлъ галл.); красочность этого портрета и нужно поставить въ связь съ вліяніемъ французскаго искусства. Въ другой манерѣ, подъ вліяніемъ Цорна, написанъ портретъ Римскаго-Корсакова (98 г., № 886), безцвѣтный, немного плоскій, широкими, черезчуръ виртуозными мазками. Къ тому же періоду относится и портретъ Государя въ тужуркѣ, въ интимной обстановкѣ (1900 г.). Парадный портретъ послѣдняго періода, который Грабарь характеризуетъ какъ исканіе стиля,—находящійся въ отдѣлѣ рисунковъ портретъ кн. Щербатовой, остался за смертью незаконченнымъ (1911 г.). Изъ серіи пейзажей особенно хороши тѣ, на которыхъ встрѣчаются деревенскія лошадки. Художникъ достигалъ въ этомъ отношеніи поразительной живости характеристики. Наконецъ, любопытны, хотя и не имѣютъ того серьезнаго значенія, которое придавалъ имъ, очевидно, художникъ, и его фантазіи на темы греческихъ архаиковъ: Европа и Навзикая (1900 г.). Наоборотъ, значительный Петръ (1681).

Нестерова (род. 1862 г.) обычно сопоставляютъ съ Васнецовымъ. Религіозный складъ его творчества отразился, однако, въ настроеніи совершенно отличномъ отъ Васнецова. Нестерову удается всего болѣе выраженіе мечтательной и немного грустной тишины. Онъ любитъ молчаливыхъ людей, со спо-

койными движеніями, благообразіе, нѣжныя созвучія далекаго, мелкаго пейзажа, хрупкихъ деревцовъ и блѣдныхъ тоновъ голубого неба и свѣтлой зелени. Въ немъ нѣтъ торжественнаго паѳоса, властнаго слова пророка, но много умиротворенности и ласковости. И потому, что его краски блѣдны, фигуры хрупки и въ нихъ есть спокойствіе отрѣшенности отъ земного,—святое и земное, чудесное и реальное мало отличаются между собою въ его картинахъ. Такова серія его картинъ изъ жизни преп. Сергія Радонежскаго: „Видѣніе отроку Варѳоломею“ (1890 г., № 728, налѣво), „Юность преподобнаго Сергія“ (1892—97 г., № 729, посред.), „Труды преподобнаго Сергія“, триптихъ (1896—7 г., № 30, направо).

Противъ него правая стѣна занята Левитаномъ (1881—1900 г.). Судьба не разъ измѣняла художнику. Послѣ насмѣшекъ и отрицанія, на его долю выпалъ большой успѣхъ, и тогда Левитана считали единственнымъ поэтомъ русской природы, его пейзажи самымъ интимнымъ откровеніемъ ея красоты и лучшимъ выраженіемъ настроенія ея мечтательной и больной грусти. Въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ Нестерову, хотя въ немъ отсутствуетъ стилизованная прелесть рисунка Нестерова. Теперь мы можемъ отнестись къ нему безпристрастнѣе. Левитанъ хорошъ въ своихъ этюдахъ. Въ нихъ много нѣжности и мягкости. Они свободно и непреднамѣренно схвачены, и въ нихъ уловлена живая мимолетность внезапнаго освѣщенія, капризная причудливость случайнаго сочетанія. Законченныя картины слабѣе. Сравнимъ, напр., самую знаменитую: „Надъ вѣчнымъ покоемъ“ (1894 г., № 873) съ этюдомъ къ ней (наверху средняго ряда, № 874). Законченная картина не обладаетъ не только

свѣжестью взволнованнаго этюда (облака и вѣтеръ), въ ней потеряна даже его цѣльность. Насколько солиднѣе и сильнѣе „Сиверко“ Остроухова у выхода (1890 г., № 858). Замѣчателенъ и важенъ въ ряду русскихъ пейзажей „Мартъ“ (1895 г., № 874, посрединѣ) — радостная встрѣча весны. „Послѣдній лучъ на околицѣ“, „Лунная ночь“, съ призрачными березами (1824, налѣво) и другіе маленькіе шедевры важнѣе его крупныхъ полотенъ. Въ нихъ всего непосредственнѣе и цѣльнѣе вылилось живое и нервное, но больное и неспособное на крупное дарованіе художника. Въ той-же залѣ серебряное „Сѣверное сіяніе“ (№ 878, направо, выходы стѣна) К. Коровина (род. 1861). Портретамъ Малютина еще недостаетъ той послѣдней свободы творчества, въ которомъ высказывается зрѣлый художникъ.

Наконецъ послѣдній **залъ 23.**

Въ немъ собраны картины Врубеля (на лѣвой стѣнѣ) (1856—1910 г.). Повѣшенныя рядомъ съ краснымъ „Вихремъ“ Малявина, на сѣрой стѣнѣ, картины стали безцвѣтными и дѣйствуютъ непріятно. Картины расположены слѣдующимъ образомъ. Верхній рядъ, слѣва: „Пророкъ“, „Демонъ“ (№ 1810), „Лебедь“ (№ 1812); нижній: портретъ жены художника, „Панъ“ (№ 1808), „Ночное“ (№ 1809), „Гадальщица“ (№ 1811). По бокамъ рисунки: особенно интересны иллюстраціи къ „Демону“ (направо). Въ творчествѣ Врубеля звучатъ совершенно особыя струны и фигура его вырастаетъ до очень большихъ размѣровъ среди другихъ художниковъ. Прежде всего у него особая техника. Рисуя картину, онъ расчерчиваетъ ее всю на мелкіе четыреугольники, треугольники и потомъ заполняетъ красками. Это угловатая мозаика видна лучше

всего на его рисункахъ (см. также „Пророкъ“). Линія и ея ритмъ играютъ существенную роль въ композиціи. Онъ умѣетъ, какъ никто, расположить фигуры въ фантастическихъ позахъ, подчинивъ ихъ опредѣленному ритму, см., напр., его „Наяды“. Орнаментальные узоры дополняютъ основную тему, создавая ей причудливый нарядъ, который иногда даже заслоняетъ собою какъ будто главное. Но въ этомъ тоже извѣстный художественный расчетъ. Картины вблизи кажутся коврами, и только на извѣстномъ разстояніи фигуры начинаютъ выступать въ опредѣленномъ очертаніи. Краски тоже по особому подобраны и по особому звучны. См., напр., синія бляхи павлиньихъ глазковъ на крыльяхъ демона. Сила его рисунка и своеобразіе колорита (онъ въ значительной мѣрѣ пропадаетъ отъ плохой развѣски) дополняются фантастикою его композицій. Врубель стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно особо среди русскихъ художниковъ и по выбору сюжетовъ и по ихъ трактовкѣ. Его „Панъ“ поражаетъ оригинальностью замысла, перевоплотившимъ античный образъ въ русской обстановкѣ. Его поверженный „Демонъ“—глубоко трагичный образъ, на которомъ сломилось дарованіе художника—образъ величія отчаянья. Но и въ каждомъ его рисункѣ есть новая мысль, выраженная съ особымъ изяществомъ и тѣмъ „натискомъ“, который самъ Врубель такъ искалъ у художника. Можно, пожалуй, сказать, что у этого колоссально трудолюбиваго работника, писавшаго даже съ фотографій, нѣтъ этюдовъ.

Врубель былъ декораторомъ особаго склада, и кто желаетъ узнать его съ этой стороны, можетъ увидать въ Москвѣ на гостиницѣ „Метрополь“

его „Принцессу Грезу“ (со стороны Малаго театра), слетѣвшую на ладью искателей неизвѣданнаго, воспроизведенную въ изразцахъ, и такія же „Орхидеи“ на домѣ Рябушинскаго, противъ Б. Вознесенія на М. Никитской — художникъ очень любилъ цвѣты.

Малявинъ (род. 1869) рядомъ. На узкой стѣнѣ его огромный, красный „Вихрь“ (1906 г., № 1862), по сторонамъ его висятъ написанные за 10 лѣтъ до него этюды крестьянскихъ дѣвушекъ (№№ 561, 562а). Сопоставленіе этихъ картинъ звучитъ своего рода какъ начало и конецъ, реализмъ и фантастика. Прочно построенныя фигуры, реальныя краски и дикій взрывъ красныхъ, зеленыхъ квадратовъ, которые отлипаютъ отъ картины и несутся на зрителя самостоятельнымъ бѣгомъ, заслоняя совершенно и фигуры и лица. Картина сильная, но безпокойная и непріятная.

Правая стѣна занята петроградцами. „Примитивный“ Рерихъ наверху, съ его доисторическими, славянскими и т. п. поселками, частоколами,—живопись не особенно глубокая. Сомовъ (род. 1869) съ прекраснымъ изумруднымъ, хотя нѣсколько сухимъ портретомъ „Дамы въ голубомъ“ (1897 г., № 1864) и другіе рисовальщики и художники-техники: Бакстъ, Бенуа, любящій Францію XVII в., и др. Въ заключеніе раскрашенное выжиганіе Якунчиковой (1870—1907), которая на ряду съ висящей противъ нея Полѣновой (1850 — 1898 г.) представляетъ собою рѣдкіе въ Россіи примѣры художницъ-женщинъ. Полѣновскія иллюстраціи къ сказкамъ не стали „картинами“, точно такъ же и рисунки Якунчиковой близки къ прикладному искусству, но у обѣихъ художницъ рѣдкое чувство красоты въ цѣль-

номъ, а у первой есть своеобразіе фантастики въ деталяхъ.

Рябушкинъ (1861—1904) болѣе интересенъ своимъ бытомъ старой Москвы (1899 г., 1820), чѣмъ огромною и сухою „Голгофою“ (№ 1342, 1890 г., при выходѣ). Портреты Головина (1863 г.) и его декораціи къ „Псковитянкѣ“ (№ 1675) малоцѣнны наряду съ Врубелемъ и Сѣровымъ.

По лѣстницѣ внизъ и затѣмъ черезъ раздѣвальню въ маленькій залъ налѣво, гдѣ висятъ Боткинъ (1861—1905 г.) и Стеллецкій (род. 1875 г.) („Слово о полку Игоревѣ“, № 1725, подражаніе стариннымъ рукописямъ), у окна напр. Добужинскій (род. 1875 г.) постановка „Мѣсяца въ деревнѣ“ (1723—4), Лансере (род. 1875 г.) „Выходъ императрицы Елизаветы“ (№ 1719). Налѣво interieur'ы Средина. (1872 г., № 1713). **Залъ Ж.** — Борисовъ-Мусатовъ (1870—1905) противъ входа. Кто ищетъ въ искусствѣ красоты элегіи, мелодіи грустнаго разставанія, тотъ можетъ найти въ картинахъ этого художника себѣ отвѣтныя струны. Какъ видѣнія въ дымкѣ отдаленнаго, прошедшаго, какъ любовное воспоминаніе слетѣли на его жемчужныя картины образы прошлаго. Тихія дѣвушки въ изящныхъ позахъ съ некрасивыми лицами танцуютъ передъ нами медлительные танцы, и купы деревьевъ вокругъ зеркальнаго водоема осѣняютъ своею тѣнью ихъ грустное молчаніе. Въ заглушенномъ шопотѣ деревьевъ поется погребальная пѣсня, и сквозь ихъ густую листву не смѣетъ проникнуть ни одного рѣзкаго луча солнца. На правой стѣнѣ пейзажи Крымова (род. 1884 г.), серебряно-сѣрый налѣво и яркій направо, много произведеній Кузнецова (род. 1878 г.) и поразительные „Глициніи“ Сарьяна (род. 1880 г.

1738). На выходной стѣнѣ Гончарова въ ея старой манерѣ.

Въ залѣ Г налѣво Богаевскій (род. 1872 г.) съ его фантастическими пейзажами-панно, заимствованными у итальянскихъ примитивовъ (особенно у Мантенья). Противъ входа Грабарь (1872 г.) съ его пейзажами, написанными несмѣшанными красками. Юонъ (род. 1875 г.). Снова Боткинъ со своими женскими актами и портретами въ дымчатыхъ, коричневыхъ тонахъ.

Съ творчествомъ послѣднихъ художниковъ мы отходимъ отъ круга понятій и отъ художественныхъ традицій Передвижниковъ. Первое, что отличаетъ ихъ отъ этой школы, правда, конечно, внѣшне, это ихъ большая близость къ западному, преимущественно французскому искусству. Если у Сѣрова мы уже можемъ замѣтить вліянія Бастьенъ—Лепажа и Цорна, если женственный складъ Нестерова близокъ къ прерафаэлитамъ, то Врубель, Сомовъ совсѣмъ уже по техникѣ близки къ Западу. Мусатовъ получилъ образованіе въ Парижѣ, Боткинъ жилъ въ немъ безвыѣздно, Богаевскій беретъ у итальянцевъ. Да и болѣе новые художники переживаютъ почти параллельно съ Западомъ развитіе, вплоть до современнаго кубизма, движенія почти космополитическаго. Вліяніе Запада отрицать невозможно. Несомнѣнно, его современныя художественныя идеи находятъ себѣ болѣе близкіе пути къ русской живописи, чѣмъ это было раньше. Перову совсѣмъ нечего было дѣлать въ Парижѣ, также и другимъ. Стоитъ прочесть только безпомощныя письма Рѣпина изъ-за границы! Но, несмотря на весь параллелизмъ, новое направленіе остается русскимъ и немыслимо безъ пред-

варительнаго развитія русской живописи. Вотъ почему, противополагая его школѣ Передвижниковъ, не слѣдуетъ забывать что корни его лежатъ въ нихъ, что Сѣровъ вышелъ изъ Рѣпина, что Врубель, такъ же какъ и Васнецовъ, воспитался на византійской мозаикѣ, что Сомовъ, Бенуа и проч. основываются на русскомъ ампирѣ Александра и Николая, что, наконецъ, импрессіонизмъ, напр., Грабаря новою техникою рисуетъ старыя темы березокъ, зимы и т. п. Да и сама основа старой школы—реализмъ—продолжаетъ быть попрежнему основою и новыхъ направленій; только учительный и повѣствовательный тонъ его смѣнился эстетическимъ илй символическимъ содержаніемъ. И тѣмъ не менѣе, по отношенію къ Передвижникамъ, новую школу отличаетъ свобода въ выборѣ *сюжета*: новыя области человѣческаго чувствованія, сказка, чудесное, фантастйка вошли въ художественный обйходъ; и новыя исканія въ области техники, перевѣсъ въ сторону техническихъ и формальныхъ достиженій, а слѣдовательно и свобода *формы*. Этой двоякой свободы—одна, конечно, вытекала изъ другой—новые художники достигли и къ ней стремились благодаря поддержкѣ со стороны французовъ. Словомъ, французское искусство раскрыло глаза и пробудило то, что было въ душѣ самихъ художниковъ, и если на первыхъ порахъ они пошли по его пути, то это было въ такой же мѣрѣ естественнымъ, въ какой естественнымъ было и то, что никакое вліяніе не могло вытѣснить изъ ихъ творчества задачъ своей родной живописи. Встрѣчаясь съ болѣе развитой, передовой культурой, русскіе художники использовали ее въ своихъ нуждахъ.

Точно такъ же и въ отношеніи живописи къ литературѣ: новая школа не порвала своей связи съ литературой, а только перемѣнила свои литературные интересы. Литература также отошла отъ гражданскихъ мотивовъ, также стала искать новыхъ формъ и средствъ выраженія; новыя темы и новое настроеніе проникаютъ ее такъ же, какъ и живопись. Конечно, можетъ быть будетъ рискованнымъ искать полнаго параллелизма этихъ двухъ областей искусства, но его не было и раньше: каждое искусство шло своею дорогою. Однако единство ихъ настроеній бросается въ глаза сразу.

Новая школа группируется вокругъ новыхъ центровъ, его меценатомъ въ Москвѣ былъ Савва Мамонтовъ, въ Петербургѣ—Дягилевъ. Характерно, что движеніе началось реставраціей русскаго стиля въ кустарныхъ мастерскихъ Абрамцева, постановкой русскихъ оперъ въ русскомъ стилѣ—Снѣгурочка, Садко, по рис. Васнецова. Литературнымъ органомъ новаго направленія былъ журналъ „Міръ Искусства“ (1899—1904). Выставка „Міръ Искусства“ объединила петербургскихъ художниковъ, стоявшихъ независимо отъ Передвижниковъ и Академіи. Въ Москвѣ параллельно открывается Союзъ 36 художниковъ съ 1902 г., въ который вошли впослѣдствіи и петроградцы. Въ 1911 г. они образовали свою выставку, носившую старое названіе „Міра Искусства“. „Золотое Руно“ (1906—1909) Рябушинскаго впервые знакомитъ широкіе круги съ французскою живописью post - импрессіонизма. Параллельно съ нимъ открываются выставки „Золотого Руна“, „Голубой розы“, на которыхъ появляются французы. Новыя направленія (кубизма, экспрессіонизма), не нашедшія еще себѣ отраженія въ галлереѣ, появляются на выстав-

кахъ „Бубновый Валетъ", „Ослиный хвостъ" 1911—3, Н. Гончаровой 1913 г., „Лучизмъ" 1914 г. и т. д.

Продолжая далѣе обзоръ галлереи, мы должны отъ этихъ новѣйшихъ теченій снова вернуться къ тому, отъ чего мы начали, и пройти до извѣстной степени весь нашъ путь сначала.

Собраніе рисунковъ **въ залѣ 1-мъ** даетъ очень сжатый обзоръ исторіи русск. иск., прослѣженной нами по картинамъ галлереи. Для этой исторіи самыми цѣнными образцами являются рисунки къ тремъ наиболѣе знаменитымъ картинамъ русской живописи. Рисунокъ къ картинѣ Брюллова во 2-мъ отд. виситъ рядомъ съ рисункомъ ея pendant Бруни (№ 100 и 101). Послѣдній день Помпеи Брюллова, который, по выраженію современниковъ, былъ „для кисти русской первымъ днемъ", потерялъ въ рисункѣ свои живописныя достоинства, наоборотъ, Мѣдный змій Бруни выигралъ въ однотонномъ наброскѣ. Можно остановиться только на сравненіи композиціонныхъ построеній въ итальянскомъ духѣ у Брюллова, въ нѣмецкомъ у Бруни—это картины блестящаго періода Академіи. Рисунокъ Ге, Тайная Вечеря углемъ (№ 267, въ 3-мъ отд.) передаетъ картину, особ. ея освѣщеніе, живѣе. Ге колебался тогда между Ивановымъ и Брюлловымъ и шелъ къ первому. Ея замыслъ ставили (неправильно) въ связь съ идеями Штрауса и Ренана, и картина вызвала при своемъ появленіи жестокія нападки на то, что художникъ будто бы „намѣренно отнялъ у событія его божественность". На насъ она произведетъ вѣроятно скорѣе академическое впечатлѣніе. Но, смотря на повышенную трактовку сюжета (напр., Іуда—величественный и мрачный отступникъ), не слѣдуетъ забывать безстра-

стности композиціи Брюллова. Особенно прочувствована голова Христа, положеніе кот. Ге взялъ, какъ говорятъ, съ извѣстнаго облокотившагося портр. Герцена. Композиція и живописные эффекты напоминаютъ манеру Делароша. Ѳедотовъ—№№ 152—172—въ рисункахъ представленъ тоже довольно полно: здѣсь и его карандашъ, и сепія, портр. и знаменитая сепія „Смерть Фидельки“ (№№ 170—171). Посѣтитель самъ разберется въ комическихъ аксессуарахъ его рисунковъ. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ и серьезной стороны его творчества, о которой мы говорили выше: художественный темпераментъ характеристики, любовь къ interieur'амъ, и огромной трагичности его композицій (обр. вн. № 154 „Передняя частнаго пристава въ большой праздникъ“, № 169 „Судьба художника, который, въ надеждѣ на свой талантъ, женился безъ приданаго“). У выхода, въ вертящейся витринѣ чрезвычайно цѣнныя композиціи гр. Ѳ. Толстого къ „Душенькѣ“ Богдановича (1783-1873) № 54. Его линейные „античные“, ампирные рисунки своею фантастикою и лиризмомъ безъ страсти и гнѣва, и чистая поэзія его художественныхъ созданій дастъ хорошее завершеніе обзору коллекцій. Но неплохо вернуться послѣ нихъ къ Сѣрову (1865—1911) №№ 1851—57 (на посмертной выставкѣ художника куплены въ галлерею серія его „басенъ“ Крылова), у входа въ залъ. Мы можемъ наглядно понять различіе въ пониманіи рисунка и линій, нервная трепетность которыхъ играетъ не меньшую роль въ композиціяхъ Сѣрова, чѣмъ ихъ музыкальное теченіе у Толстого. Прежде, чѣмъ покинуть залъ, мы совѣтуемъ остановиться на академикахъ, потому что именно они представлены въ галлереѣ довольно слабо.

Залъ 12 отведенъ Полѣнову (род. 1844 г.). Большинство висящихъ въ немъ картинъ являются этюдами путешествія художника по Востоку (Греція, Египетъ, Палестина, 81—82 гг.) и болѣе ранняя серія (77 г.) этюдовъ московскаго Кремля: соборовъ и теремовъ (стѣна выхода). Восточные этюды Полѣнова слѣдуетъ сопоставить съ этюдами Верещагина, которые мы увидимъ дальше. Этюды старательно написаны съ натуры, такъ же какъ и этюды Верещагина; въ нихъ больше нѣжности колорита, чѣмъ у Верещагина, но нѣтъ его четкаго рисунка и жгучаго солнца. Они пріятнѣе и мягче, но и болѣе слабы. Таковы же его композиціи изъ жизни Христа. При всемъ ихъ разнообразіи, въ нихъ слишкомъ много миловидности, которая не подходитъ къ драматизму и серьезности изображаемыхъ событій. Изъ серіи этихъ композицій въ галлереѣ находятся только раннія вещи (налѣво отъ входа). Геннисаретское озеро (№ 1371, 88 г.) съ незначительною фигурою одинокаго странника (напоминающаго Христа на его знаменитой картинѣ „Христосъ и грѣшница“ въ СПБ). Другая: „Христосъ во храмѣ“ (№ 1373, 1896 г.) — просто сценка восточнаго жанра. Гораздо значительнѣе и не прошли безслѣдно въ русской живописи его пейзажи (на стѣнѣ выхода) „Московскій дворикъ“ (№ 1368, 74 г.) и № 1369—„Бабушкинъ садъ“, 78 г. Въ свое время на нихъ учились. Отголоски ихъ мы найдемъ и у Жуковскаго, и у Левитана.

Залъ 13. Ге (1831—1894). Всѣ находящіяся въ первомъ отдѣленіи зала картины изъ жизни Христа были запрещены въ свое время. Это нѣсколько опредѣляетъ отношеніе къ нему. Картины казались чуть ли не святотатствомъ, и только не-

многіе поняли ихъ внутреннюю убѣдительность: Лѣсковъ писалъ ему: „дѣло бо доброе содѣяли о Немъ“. Ге искалъ своего Христа, какъ Ивановъ, съ мучительностью, готовый бросить живопись— это сдѣлало его другомъ Толстого и обратило подъ конецъ въ „толстовца“. Художникъ дарованіемъ слабѣе ихъ обоихъ: картины его лучше задуманы, чѣмъ написаны. Возьмемъ для примѣра его описаніе къ „Вѣстникамъ Воскресенія“ (Утро Воскресенія, противъ входа) 67 г. „Одни, отказавшись отъ правды, продали свидѣтельство по совѣсти, взявъ ложь, переживаютъ всѣ изгибы паденія. Наглое осмѣяніе себя-же въ поступкѣ, воровство другъ у друга воровской добычи; нежеланіе, невозможность обернуться, чтобы увидѣть торжество правды. Они идутъ молчать о правдѣ. Марія Магдалина, вѣря въ правду, увидѣла Христа воскресшаго, она спѣшитъ возвѣстить эту радость, стала заревомъ иного свѣта, она уже сравненіемъ вступаетъ въ борьбу и тѣмъ самымъ начинаетъ рядъ побѣдъ— исторію свободы человѣка, вѣнчанную въ воскресеніи Сына Человѣческаго. Такую встрѣчу и такую побѣду я желалъ, и сколько могъ и умѣлъ, выразилъ въ картинѣ“. Замѣчательна радостная фигура Магдалины. На картинахъ Ге всегда огромную роль играетъ освѣщеніе: утренняя заря, полоса свѣта на Пилатѣ, „Что есть истина?“ 1890 г. (направо въ углу), чадное и угарное освѣщеніе „Синедріона“ (рядомъ). Въ этой послѣдней картинѣ и композиціонная задача привлекаетъ насъ своею сложностью. Выполнена она крайне неудачно. Христа еле можно отыскать въ черной, забившейся въ уголъ фигурѣ съ искаженнымъ лицомъ. Но у толпы есть ритмъ шествія, и головы (напр., юноша) написаны сильно,

Любопытно, что однородный замыселъ представлялся и Крамскому, и жаль, что нельзя сравнить оба произведенія. Творчество Ге заражаетъ горячностью своего чувства. Любопытно, что при этомъ художникъ до конца остался поклонникомъ Брюллова (правда, не его религіозныхъ композицій). Стоя передъ его страстными филиппиками, трудно увидѣть сквозь нихъ холодный паѳосъ Академіи, такъ же, какъ трудно на первый взглядъ усмотрѣть въ композиціи Иванова зарю нарождающагося реализма.

Во второмъ отдѣленіи зала историческія композиціи: (на длинной стѣнѣ) „Екатерина у гроба Елисаветы“ (минутное торжество будущей императрицы въ моментъ смерти Елисаветы; № 1173, 74 г.), Петръ допрашиваетъ царевича Алексѣя въ Петербургѣ (№ 637, 1871 г.), рядомъ темный „Геѳсиманскій садъ“ (69 г., № 635). На противоположной стѣнѣ портреты: Герцена, Толстого и изумительный портретъ Н. И. Конисской (№ 1771, 1893 г.) у открытаго окна.

Залъ 14. Ивановъ (1806—1858). Съ Ивановымъ лучше знакомиться въ Румянцовскомъ музеѣ; тамъ находятся его картина и акварели, и впечатлѣніе будетъ болѣе полнымъ и цѣльнымъ. Онъ требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія, а въ галлереѣ мы не можемъ ему удѣлить много времени. Отмѣтимъ только на лѣвой стѣнѣ его раннія композиціи: „Братья Іосифа“, „Христосъ и Магдалина“ и пр., акварель „Женихъ, покупающій невѣстѣ украшенія“, сцена изъ римской уличной жизни. Нельзя пройти мимо его итальянскихъ пейзажей, въ которыхъ онъ искалъ свой Востокъ и Палестину. Они должны намъ служить мѣриломъ при оцѣнкѣ пейзажей Полѣнова и Верещагина.

Рядъ залъ, 15—19, посвященъ Верещагину (1842—1904): этюды его путешествій въ Туркестанъ (67—68 и 69—71 гг.) №№ 979—995 и 996—1123,— въ Индію—№№ 1124—1201, этюды изъ Русско-Турецкой войны (1877—78 гг.) №№ 1202—1208, путеш. по сѣверу Россіи (1894 г.) №№ 1209—1213. Если прибавить ко всѣмъ этимъ картины, которыхъ нѣтъ въ галл.: циклы изъ Отечественной войны, изъ жизни Христа, путеш. въ Японію, участіе въ Русско-Японской войнѣ, гдѣ маститый художникъ такъ трагично погибъ на „Петропавловскѣ"—получается прямо головокружительное представленіе о его неутомимомъ творчествѣ. Въ этой грандіозной массѣ трудно разобраться, и можно остановиться лишь на немногихъ нумерахъ, чтобы составить понятіе о его развитіи. Верещагинъ началъ съ того же самаго сюжета, какъ и Рѣпинъ—съ бурлаковъ (№ 978 въ 18-мъ залѣ), и былъ даже обиженъ тѣмъ, что его товарищъ по Академіи завладѣлъ его сюжетомъ. Но скоро отъ русской дѣйствительности его отвлекъ Востокъ своими красочными костюмами и характерными типами. Въ его картинахъ всегда огромную роль играетъ то, что онъ изображаетъ (замѣтьте особенно выбранные заголовки картинъ на рамкахъ). Къ міру восточной экзотики онъ подходилъ не съ какимъ-нибудь интимнымъ требованіемъ чувства, не съ интимнымъ пониманіемъ фантастики, онъ смотрѣлъ на него также и не какъ художникъ декораторъ, но видѣлъ этотъ міръ своимъ изумительно вѣрнымъ взглядомъ и твердымъ чувствомъ реалиста: зритель самъ долженъ искать своего отношенія къ сюжету; сюжетъ долженъ самъ говорить о себѣ. Отсюда, если прибавить недочеты исполненія, его картины могутъ намъ, привыкшимъ

къ другимъ требованіямъ, показаться скучными. Онѣ казались, особенно его военныя картины, тенденціозными. Художникъ, обиженный такими нападками, уничтожилъ три этюда: „Забытый," „Окружили," „Вошли", 71—71 гг.

Въ залѣ 15-омъ находятся самыя интересныя въ этомъ отношеніи вещи 77—78 гг. „Панихида по убитымъ" (№ 1202, на длин. стѣнѣ), „Передъ и послѣ атаки" (№№ 1205—1206). Къ нимъ принадлежитъ и картина, находящаяся въ 16-мъ залѣ: (на длинн. стѣнѣ, № 1203) „Скобелевъ благодаритъ войска. Шипка, побѣдители". Здѣсь война во всей своей кровавой неприглядности. По полю разсыпаны „окровавленные комочки", кровь сочится сквозь грязныя тряпки; трупы—вѣхи, по которымъ мы можемъ прослѣдить планъ битвы, и т. д. Такія подробности нужно видѣть и нельзя сочинить. Поэтому, напр., „Скобелевъ" такъ поразилъ Мейссонье, который былъ ошеломленъ кричащей правдой его искусства.

Въ залѣ 16-мъ его этюды изъ Индіи. Мы уже оцѣнили ихъ, сопоставя съ пейзажами Иванова. Никакой реализмъ не можетъ возмѣстить глубокое художественное чувство и полное обладаніе средствами (Ивановъ, напр., пользуется дополнительными тонами какъ и импрессіонисты), глубокую художественную правду этюдовъ Иванова. Въ угловомъ **17-омъ залѣ** изъ крупныхъ картинъ замѣчательна „Атака", „Апоѳеозъ войны" (груды череповъ) (№№ 1121 и 1071). „Самаркандскій зинданъ" (подземная тюрьма, въ которую спускали по веревкѣ черезъ небольшое отверстіе сверху, 73 г.), замѣчательный по зеленоватому полусумраку—впрочемъ не очень сложная задача. Этюды изъ Туркестана. Въ маленькомъ прох. **залѣ 18-мъ** надъ дверью: „Бурлаки" (№ 978), о

которыхъ мы говорили. **Залъ 19-й** отданъ его восточнымъ композиціямъ, напр., отъ входа „У дверей мечети“ (№ 1120, 73 г.). Такой требовательный критикъ, какъ Крамской, называлъ это произведеніе „подлинно историческою картиною“. На длинной стѣнѣ: „Представляютъ трофей“ (№ 1040, 72 г.); живая, но нѣсколько сумбурная сцена: „Празднуютъ побѣду“ (на площади передъ мечетью) (№ 1082, 72) и № 1052—„Двери Тамерлана“ (82 г.), повтореніе первой. На стѣнѣ выхода № 1027 „У гробницы святого—благодарятъ Всевышняго“ (73 г.). Все это, особенно послѣдняя картина, лучшее, что могъ дать художникъ. Верещагина трудно оцѣнить объективно, потому что его искусство противорѣчитъ всему, что мы требуемъ отъ искусства теперь. Его картины называли (Крамской) „ситцевою водою“, но онъ передалъ на нихъ такое солнце, какого раньше не видали. Его композиціи казались фотографіями, но онѣ всегда умны и удачны, и часто просты и наглядны. Художникъ вышелъ смотрѣть на то, что онъ хотѣлъ рисовать, съ простымъ и холоднымъ чувствомъ наблюдателя и сумѣлъ отказаться отъ готовыхъ рецептовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ многіе изъ его современниковъ; но холодный и мѣткій взглядъ еще не есть искусство, и картины его лишены волненія художника творящаго, хотя нельзя сказать, чтобы онѣ лишены были и чувства—„Скобелевъ“ написанъ нервно и заражаетъ своимъ настроеніемъ. На творчествѣ Верещагина, можетъ быть, всего яснѣе зритель почувствуетъ недостатки объективнаго реализма.

Направо проходъ въ собраніе французской школы (см. ниже). Проходимъ далѣе мимо: **Залъ 20-й:** въ немъ собраны академики, не имѣющіе большого

значенія — три большія картины — П. Свѣдомскій (1849—1904) „Медуза“ съ непріятнымъ розовымъ свѣтомъ; Аскназій (1856—1903) № 444 „Моисей“ (ср. „Христа“ Крамского,); и А. Свѣдомскій (1848—1894) № 433—„Улица въ Помпеѣ“, со сценой погребенія (надо предоставить археологамъ разобраться въ правильности этой реставраціи). При выходѣ въ **залъ 21-й** — миніатюры Риццони (1836 — 1902), „Гунъ“ (1830—1877).

Залъ 21-й „Іоаннъ Грозный“, Мраморъ Антокольскаго; Литовченко (1835—1890) № 135—„Царь Алексѣй обѣщается послушаніемъ Никону у гроба Филиппа митрополита“—Крамской называлъ такія картины „экскурсіями въ область курьезовъ“,—картина не производила и въ свое время никакого впечатлѣнія; Кившенко (1851—1895) № 1509—„Совѣтъ въ Филяхъ“ (по Толстому). Въ **залѣ 22-омъ**, — этюды крайняго сѣвера Борисова (род. 1866). Большая картина—„Полярные льды“ достаточна для того, чтобы получить знакомство съ творчествомъ этого художника, интереснаго скорѣе въ географическомъ отношеніи. Возвращаясь въ **залъ 20-й**, остановимся на скульптурѣ: № 1630 Ивановъ (1830—1893) „Мальчикъ въ банѣ“, Лаверецкій № 1631 (1837—1907) „Итальянскій мальчикъ съ обезьянкой“,—и болѣе позднее произведеніе реалистической школы: Антокольскій (1842—1902) „Бюстъ Христа“; его-же „Не отъ міра сего“: слѣпая христіанка, раздающая лампады въ катакомбахъ.

Въ залахъ 19 а и **б** собраны иностранные художники. Среди нихъ надо выдѣлить группу нѣмцевъ: Ахенбахъ—№№ 36, 37; Менцель—№№ 38, 39; Вотье—№ 61, Кнаусъ № 12, на которыхъ въ свое время сосредоточивалось вниманіе Передвижниковъ,

Но самую цѣнную и болѣе богатую группу составляютъ въ немъ французы. Она далеко неполна, великія имена Франціи: Давидъ—№ 1, Энгръ—№ 2, Жерико—№ 3,—представлены каждый однимъ портретомъ и притомъ не изъ лучшихъ; родоначальники современной живописи—романтикъ Делакруа (1798—1863)—№ 11—однимъ наброскомъ, реалистъ Курбе (1819—1877)—№ 47—однимъ, правда, большимъ и сильнымъ пейзажемъ. Только поколѣнію пейзажистовъ 1830 гг. отведено настолько большое мѣсто, что позволительно остановиться на характеристикѣ этого направленія. Къ нему принадлежатъ: Руссо (1812—67)—№№ 27—29; Коро (1796—1875)—№№ 4—10; Дюпре́ (1812—79)—№№ 30—31; Добиньи (1817—77)—№№ 41—46; анималистъ—Тройонъ (1810—65)—№№ 19—23; наконецъ можно причислить къ нимъ до изв. степени и Милле (1814—75)—№ 33. Въ этой школѣ совершается переходъ отъ академизма начала XIX-го столѣтія къ импрессіонизму второй его половины. Подъ вліяніемъ старыхъ голландцевъ и современныхъ имъ англичанъ, французскіе пейзажисты поставили своему искусству совершенно новыя задачи. Отъ аллегорическихъ и историческихъ пейзажей, съ штаффажемъ изъ классическихъ развалинъ и группъ на темы классической миѳологіи и исторіи, они отошли въ область интимнаго любованія внутренней жизнью природы, внутреннимъ чувствомъ, разлитымъ въ ея образахъ. Они перестали ѣздить въ Италію и выбрали своимъ мѣстопребываніемъ деревушку Барбизонъ въ лѣсахъ Фонтенебло, окрестности которыхъ стали излюбленными мотивами ихъ картинъ. Но, отказавшись отъ сочиненныхъ декорацій на аллегорическіе сюжеты, они далеки были

также и отъ протокольнаго списыванія природы. Коро часто видѣлъ во снѣ свои будущіе пейзажи. Романтики—среди нихъ Дюпрé—любили рисовать нарочито страстные, нарочито взволнованные пейзажи. Руссо—искалъ красивыхъ купъ и писалъ „портреты“ деревьевъ; у Добиньи мы встрѣтимъ лишь однообразные „закоулки“ природы, деревья Коро—общіе контуры, приблизительныя формы. Таковъ былъ ихъ реализмъ: не описаніе природы, но впечатлѣніе отъ природы было ихъ лозунгомъ. На первый взглядъ въ ихъ картинахъ нѣтъ ни рисунка, ни красокъ, ни красоты, ни какой бы то ни было эффектности; но это не значитъ что онѣ лишены художественнаго содержанія, наоборотъ—въ этихъ однообразныхъ и нѣжныхъ картинахъ совершается одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, какое только знаетъ искусство. Сумѣвъ отказаться отъ всѣхъ „прелестей“ стараго пейзажа, они замѣнили ихъ новою цѣнностью, которая стала главнымъ содержаніемъ новаго искусства—колоритомъ. Только облитый солнцемъ и воздухомъ пейзажъ живетъ живою жизнью и только краски, и онѣ однѣ, могутъ передать это живое трепетанье. Послѣ нихъ уже нельзя было писать по готовымъ рецептамъ и кто-бы ни былъ художникъ, „академическій“ реалистъ—Бастьенъ—Лепажъ (1848—84)—№№ 79—80—или группа оріенталистовъ—Фромантенъ (1820—76) № 50—Деканъ—№ 12; Марилья—№ 26 и др.—всѣ прежде всего колористы. Отъ однотонной finesse Лепажа или пестрыхъ красокъ Фромантена слѣдуетъ перейти къ стѣнѣ, противуположной входу—къ импрессіонистамъ: геніальный набросокъ Мане (1832—82)—№ 93; золотой портретъ № 96—Ренуара, съ не-

выразимой утонченностью красокъ и элегантностью, которой трудно подыскать равную; пленеръ Моне № 95 и Гогена №№ 100—101—все это преддверіе къ той богатой картинѣ современнаго искусства, которую мы можемъ получить въ галлереѣ С. И. Щукина.

Галлерея С. И. Щукина.

М. Сергѣева.

Знаменка, Знаменскій переулокъ (вблизи Арбатской площади), собств. домъ, противъ Александровскаго училища. Доступна для обозрѣнія по воскресеньямъ отъ 11—1 часу, по предварительной записи.

Собраніе Щукина—единственное въ Россіи по цѣнности и подбору произведеній—собраніе западной живописи, единственное доступное для болѣе широкой публики. Даже принявъ въ расчетъ неизбѣжные пробѣлы, оно является первокласснымъ резюмэ исторіи новой живописи отъ второй половины XIX ст. до нашихъ дней.

Дополненное французскими отдѣлами Третьяковской галлереи, оно позволитъ прослѣдить развитіе французской живописи почти за цѣлое столѣтіе. Значеніе собранія опредѣляетъ такъ же и объективность и тактичность подбора: для нѣкоторыхъ художниковъ мы можемъ на основаніи матеріала галлереи установить фазисы развитія. Не говоря уже о томъ, что такія сопоставленія позволяютъ намъ опредѣлить взаимную связь художественныхъ явленій Запада, преемственность и цѣльность шко-

лы, оно дастъ намъ возможность сознательно разобраться въ новыхъ исканіяхъ живописи и найти критеріи для оцѣнки и, м. б., прогноза ея будущаго развитія. Въ воспитательномъ значеніи лежитъ главная цѣнность собранія, вліяніе котораго уже сказывается въ нашихъ художественныхъ кругахъ.

Посѣтителя, мало знакомаго съ исторіей развитія французскаго искусства, я отсылаю къ работамъ Мейера—Грефе и Мутера (для болѣе раннихъ періодовъ). Только въ общей связи и при знакомствѣ съ живописью, по крайней мѣрѣ, Делакруа и Мане, ему будутъ доступны живыя впечатлѣнія отъ картинъ собранія. Иначе новизна впечатлѣнія можетъ оттолкнуть его вниманіе.

Мане уже нѣтъ въ галлереѣ. Изъ импрессіонистовъ у Щукина наиболѣе богато представленъ Моне (род. 1840). Его „Завтракъ на травѣ“ 1866 г., № 133, написанный еще подъ вліяніемъ Мане, ясно показываетъ исходную манеру его творчества. Отъ темныхъ красокъ этой картины мы переходимъ къ пленеру—его свѣтлыхъ, красочныхъ полотенъ, къ тѣмъ исканіямъ свѣта и колорита, которыя распыляютъ форму предметовъ на рядъ красочныхъ пятенъ, разбиваютъ поверхность на отдѣльные мазки, пока, наконецъ, на картинахъ не остается ничего, кромѣ колыханья и трепета солнечныхъ пятенъ въ кружевѣ „Руанскаго собора“ (1894 г.; №№ 138, 142, въ полдень и вечеромъ) или переливовъ волнъ тумана, изъ котораго выплываютъ чайки (1904 г., № 132). Ренуаръ (род. 1844 г.) представленъ тремя вещами: этюдъ нагой женщины (№ 194) и женскія фигуры въ черномъ (№№ 193 и 195)—мал. боковая гостиная. Переливчатый блескъ красокъ поверхности

тѣла и яркость лицъ на фонѣ чернаго платья—та же задача, какъ и у Моне, хотя и рѣшенная другими средствами. У Ванъ-Гога (1853—1890) уже другое отношеніе къ краскамъ, онѣ у него пріобрѣтаютъ самодовлѣющее значеніе и становятся выраженіемъ извѣстной символики. Въ галлереѣ четыре его вещи: мужской портретъ (1869 г.) № 33 и пейзажи, висящіе вмѣстѣ съ Гогеномъ. Гогенъ (1848—1903) представленъ весьма полно, хотя гл. обр. позднимъ періодомъ своего творчества (16 вещей). Цѣлая стѣна (въ столовой) сплошь завѣшена ковромъ его картинъ. На первый взглядъ она поражаетъ большими пятнами ярко-желтаго, синяго, зеленаго цвѣта. Неясность плановъ и причудливость типовъ, взятыхъ съ дикарей острова Таити, куда художникъ ѣздилъ два раза и гдѣ жилъ подолгу, позволяетъ лишь съ трудомъ разобраться въ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Если мы поборемъ въ себѣ изумленіе передъ ошеломляющими названіями: „Венера“, „Рождество Христово“, мы увидимъ, какъ много силы и серьезной работы скрыто въ этихъ произведеніяхъ: художникъ добивается твердой формы, сильно ставитъ свои фигуры, замыкаетъ ихъ въ изысканно сложные или не менѣе изысканно простые контуры—во всемъ этомъ чувствуются уже новыя задачи искусства, ушедшаго отъ случайнаго и перемѣнчиваго импрессіонистовъ. Гогенъ идетъ къ простой и сильной формѣ, отъ утонченной красоты переливовъ и оттѣнковъ Ренуара къ грубой вѣскости и солидности образовъ. Эти исканія новаго стиля возвращаютъ Гогена къ классицизму и среди другихъ художниковъ, которыхъ намъ предстоитъ увидѣть, онъ можетъ показаться даже устарѣвшимъ. На-

оборотъ, Сезаннъ (1839—1906) еще до сихъ поръ не разгаданъ и не принятъ вполнѣ. Художественная многосторонность его дарованія позволяетъ намъ протянуть многія нити отъ него къ современному искусству, но нужно много напряженія неподготовленному зрителю чтобы уйти вмѣстѣ съ художникомъ такъ далеко отъ всего привычнаго и установленнаго въ живописи. Сезанна сравнивали съ Достоевскимъ, и дѣйствительно, на фонѣ его грубаго реализма вырастаетъ такая же мистика, какъ и у нашего писателя; отталкивающее впечатлѣніе Сезанна тоже можно сравнить съ оцѣнкою тѣхъ, которые Достоевскаго считаютъ „тяжелымъ“ писателемъ. Въ галлереѣ 8 вещей Сезанна и среди нихъ есть очень ранній и очень сильный „Букетъ цвѣтовъ въ вазѣ“ (№ 209). Въ его пейзажахъ на первый взглядъ нѣтъ формы, не видно деревьевъ, нѣтъ домовъ, въ его краскахъ нѣтъ той предметности, которая есть еще у Моне; на первый взглядъ краски у Сезанна кажутся грязными. Но ни краски, какъ краски предметовъ, ни сами предметы, какъ вещи, и не интересуютъ художника—онъ стремится передать только ихъ внутреннее соотношеніе, внутреннюю связь и цѣльность явленія: на картину нужно взглянуть сразу, попытаться отыскать ея глубину, перебѣжать отъ одного до другого плана, чтобы понять какая безпредѣльность скрыта въ ея композиціи. Точно такъ же и его фигуры только на первый взглядъ кажутся деревянными; если сумѣть стать къ нимъ въ то отношеніе, котораго требуетъ художникъ, онѣ пріобрѣтаютъ небывалую въ живописи монументальность. Въ нихъ нѣтъ той жизни, которая выражается въ жестахъ, быстро смѣняющемся дви-

женіи, мимикѣ лицъ и т. п., но есть та жизнь, которая существуетъ внѣ этой измѣнчивости, самодовлѣюще и свободно; подобно тому и предметы у Сезанна, освобожденные отъ случайныхъ сочетаній свѣта, краски, отъ случайностей формы, являютъ, именно въ силу этой свободы, свой самый подлинный, самый реальный ликъ. Упрощенность построенія его фигуръ и геометрическая четкость его natures mortes дѣлаютъ Сезанна родоначальникомъ того направленія живописи, которое мы называемъ кубизмомъ. Эволюцію этого направленія мы можемъ прослѣдить въ галлереѣ черезъ Дерена и Пикассо. Другая струя идетъ отъ Гогена къ Матиссу. Оба эти художника составляютъ гордость собранія. Вѣроятно и на Западѣ Европы мало найдется такихъ полныхъ и систематическихъ собраній произведеній этихъ мастеровъ.

Оба они по-разному выражаютъ оппозицію импрессіонизму, начало котораго мы видѣли въ творчествѣ Гогена и Сезанна и которое обозначаютъ обыкновенно какъ исканіе стиля.

Матиссъ (род. 1869 г.) встрѣчаетъ посѣтителя уже на лѣстницѣ своими большими панно „Танцы и Музыка“ (1910 г.), въ 3 комн.—посреди: „Семейный портретъ“, направо: „Мастерская художника“ (1911 г.), налѣво: „Мавританская кофейня“ (поздняя). Матиссу отданъ и весь залъ направо отъ перваго большого зала. Въ галлереѣ 37 №№ Матисса. Его ранній пейзажъ въ духѣ Гогена можно найти въ боковомъ залѣ, налѣво отъ 2-ой. Съ Гогеномъ ихъ роднятъ прежде всего большая красочность его картинъ, но у Матисса краски еще болѣе однообразны, чѣмъ у Гогена; въ его natures mortes преобладаетъ синій и ярко-

красный, и въ особенности этотъ послѣдній имѣетъ въ его картинахъ необычайную звучность (см. „Красная комната“, „Красныя рыбы“). И его картины, какъ и картины Гогена, производятъ впечатлѣнія ковра, у него еще сильнѣе, потому что рисунокъ его фигуръ и предметовъ болѣе плоскостной. Правда, у него былъ періодъ, когда онъ стремился дать фигурамъ выпуклость—отъ этого времени во 2-ой комнатѣ этюдъ нагой женщины (№ 93) съ черною штриховкою тѣла, но это направленіе для него не характерно. Стоитъ прослѣдить, какъ въ его произведеніяхъ мало-по-малу исчезаетъ не только округлость, но даже отдѣльныя части лица, чтобы понять направленіе, въ которомъ онъ развивается. Напр., сравн. слѣдующія картины: „Испанка съ бубномъ“ (1909 г., № 102), „Марокканецъ и марокканка“ (№№ 126, 127, 1913 г.) и „Мавританская кофейня“. Остатки скульптурности формы исчезаютъ постепенно, сначала вмѣсто щеки появляются плоскія пятна краски, вмѣсто глазъ остаются пустыя мѣста полотна, наконецъ все лицо дается однимъ сплошнымъ пятномъ. При всемъ томъ, слѣдуетъ непремѣнно дать себѣ отчетъ въ томъ, какого разнообразія впечатлѣнія достигаетъ Матиссъ, передавая глубину, свѣтъ, движеніе, при всей ограниченности средствъ художественнаго выраженія, которымъ онъ пользуется. Въ послѣднихъ произведеніяхъ краски Матисса становятся болѣе блѣдными и болѣе легкими. Художникъ уже не нуждается въ сгущенности ихъ и достигаетъ богатства скорѣе концентраціей рисунка.

Творчество Матисса называютъ радостнымъ, и въ этомъ дѣйствительно внѣшнее, но рѣзко бросающееся въ глаза различіе его отъ Пикассо.

Пикассо (род. 1881 г.) началъ „голубою серіею“, къ которой относятся всѣ его композиціи, написанныя въ одномъ голубомъ тонѣ. Ихъ легко соединить всѣ вмѣстѣ; экспрессивность ихъ привлекательна, наприм., „Портретъ поэта“ (1901 г., № 158). Изсушенныя фигуры нищихъ, худыя лица и страдальческая складка выраженія—вся эта тревожная жизнь его произведеній устанавливаетъ между ними и зрителемъ непосредственную связь, которая не требуетъ особаго подхода и можетъ преодолѣть непріятное чувство ненормальности удлиненныхъ пропорцій. Второй періодъ, парижскій—еще ближе намъ, потому что въ такихъ картинахъ, какъ „Мальчикъ съ собакой“ или „Свиданіе“: цѣлующаяся женщина съ солдатомъ, „Комедіанты“ и т.-п. нѣтъ даже этой удлиненности и однотонности. Гораздо труднѣе для пониманія третій періодъ его творчества, въ которомъ онъ примыкаетъ наконецъ къ кубизму. Здѣсь можно однако установить извѣстныя группы, которыя могутъ помочь найти въ его исканіяхъ извѣстную связь и послѣдовательность и уже тѣмъ самымъ заставятъ признать за этими исканіями серьезность. Начнемъ съ „Дамы съ вѣеромъ“, еще въ голубоватыхъ зеленыхъ тонахъ, гдѣ несмотря на разложеніе лица на отдѣльные призмы и многогранники сохраняется ясность формы, и понятенъ изображенный предметъ. Такова же „Королева Изабо“ (№ 165) и др., отличающіяся зеленовато-голубымъ колоритомъ. Среди нихъ есть одно изображеніе женщины, въ которомъ призмы уже сдвинулись и впечатлѣніе лица разсѣевается, такъ что становится труднымъ сплотить эти призмы снова въ одинъ цѣлый образъ опредѣленнаго предмета, въ данномъ случаѣ лица.

Онѣ пріобрѣтаютъ поэтому самостоятельное значеніе своею игрою и соотношеніемъ. Отъ такихъ картинъ мы переходимъ къ огромнымъ фигурамъ, написаннымъ въ коричневыхъ тонахъ: пропорціи намѣренно искажены, увеличены, фигуры такъ же намѣренно разбиты на рядъ граненыхъ геометрическихъ тѣлъ, вмѣсто головы иногда простой кругъ и т. д. На окнѣ можно видѣть прообразы такихъ композицій — деревянную скульптуру негровъ. Я обращаю на нихъ вниманіе не для того, чтобы установить какую-либо генетическую связь между ними и Пикассо, но для того, чтобы показать сколько непосредственной и живой характеристики дано въ нихъ, характеристики, которая вполнѣ доступна намъ, несмотря на уродливость и примитивность ихъ формы. И произведенія Пикассо стремятся въ подобныхъ упрощенныхъ формахъ передать не только складъ и положеніе фигуръ, но ихъ характеръ, тяжеловѣсную придавленность и даже настроеніе: такова направо женская сидящая фигура, которая, какъ говорятъ въ народѣ, „подшиблась“—невозможно, несмотря на всю отталкивающую грубость ея, отказать ей въ выразительности. Отъ этой упрощенной и монументальной формы нужно перейти къ картинамъ, въ которыхъ она соединяется съ перистостью рисунка, снова разлагающую ея прочную конструкцію на рядъ независимыхъ деталей. Если мы возьмемъ всѣ эти періоды вмѣстѣ, если будемъ въ состояніи одновременно думать и о геометрической трактовкѣ формы и о формѣ, разбитой на такія геометрическія части, которыя имѣютъ самостоятельное значеніе отдѣльнаго предмета, мы сможемъ, по крайней мѣрѣ теоретически, понять возможность такихъ композицій, какъ

„Скрипка“ (№ 178, овальная), „Флейта“ (№ 228), „Гитара“ (№ 226), въ которыхъ предметъ изображенный служитъ какъ бы отправнымъ пунктомъ для совершенно свободныхъ сочетаній линій, плоскостей, въ которыхъ встрѣчаются изображенія частей предмета, но эти части расчленены и разбросаны по полотну картины не для того, чтобы передать предметъ, какъ мы его обыкновенно видимъ, — онѣ составляютъ свой особый рисунокъ. Въ характеристикѣ этихъ отдѣльныхъ деталей художникъ прибѣгаетъ къ новымъ средствамъ выраженія, которыя не были ранѣе использованы сознательно во всемъ ихъ разнообразіи. Эти средства получили названіе „фактуры“ и состоятъ въ томъ, что художникъ помимо рисунка, линіи и т. п., пользуется еще поверхностью полотна для своихъ цѣлей, иногда лѣпитъ почти скульптурно, приклеивая какъ бы полоски бумаги къ полотну, иногда рисуетъ, какъ красятъ дверь подъ дерево, иногда дѣлаетъ поверхность матовой, въ иныхъ случаяхъ глянцевитой, иногда шершавой, или просто прилѣпляетъ крупинки краски.

Въ творчествѣ этихъ художниковъ совершается переходъ къ новому искусству. Равнодушіе ко всякому, такъ называемому, „идейному“ сюжету, отходъ отъ импрессіонизма къ новымъ задачамъ композиціи, отъ эстетизма къ вопросамъ чистой техники— вотъ матеріалъ, на которомъ искусство строитъ свое новое зданіе.

Кустарный музей Московскаго губернскаго земства.

А. Орлова.

Леонтьевскій пер., близъ Никитскихъ воротъ. Открытъ ежедневно отъ 10 до 6 ч., кромѣ праздниковъ. Входъ безплатный.

Куст. муз. Моск. губ. земства является учрежденіемъ, которое заслуживаетъ вниманія обозрѣвателя Москвы со многихъ точекъ зрѣнія. Онъ интересенъ для лица, которое занимаютъ вопросы объ организаціи народнаго труда съ экономической точки зрѣнія; онъ представляетъ значительный художественный интересъ, особенно для человѣка, интересующагося народнымъ творчествомъ, ибо многіе кустарные промысла Московской губерніи являются ручнымъ трудомъ художественнаго характера и въ нихъ находятъ живое отраженіе художественный вкусъ и творчество современной деревни; кромѣ того, въ Кустарномъ музеѣ имѣются довольно значительныя коллекціи старинныхъ кустарныхъ издѣлій. Наконецъ, отдѣленіе представляетъ изъ себя хорошій магазинъ художественныхъ вещей, каждую изъ которыхъ посѣтитель можетъ пріобрѣсти по низшимъ въ сравненіи съ другими магазинами цѣнамъ, съ увѣренностью притомъ, что трудъ приготовлявшаго ихъ кустаря оплаченъ особенно хорошей цѣной.

Кустарный музей основанъ Моск. губ. зем. въ 1885 году. Основная его задача — организовать сбытъ кустарныхъ издѣлій, съ цѣлью избавленія кустаря отъ всякаго рода посредниковъ и доста-

вленія ему тѣмъ наиболѣе высокаго заработка. Сбытъ кустарныхъ издѣлій при посредствѣ собственной торговой организаціи—только одна изъ мѣръ содѣйствія земства кустарнымъ промысламъ. Другая основная мѣра—улучшеніе технической и художественной сторонъ кустарныхъ издѣлій—осуществляется земствомъ путемъ ученыхъ школъ и мастерскихъ на мѣстахъ и соотвѣтствующей организаціи въ центрѣ. О способахъ такого воздѣйствія и его результатахъ Кустарный музей даетъ отчасти возможность судить по коллекціямъ имѣющихся при немъ Музея промысловъ и Музея образцовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Третья, важнѣйшая сторона дѣятельности земства для подъема благосостоянія кустарей — содѣйствіе образованію и росту среди нихъ кооперативовъ—можетъ быть уяснена только изъ спеціальныхъ земскихъ изданій; Кустарный музей наглядиаго представленія о ней не дастъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ экономическомъ значеніи кустарной промышленности для губерніи и о значеніи земскаго ей содѣйствія, приведемъ нѣсколько главныхъ цифръ.

Мелкой сельской промышленностью въ 1900 году—въ годъ послѣдняго земскаго статистическаго изслѣдованія — было занято 153 тысячи человѣкъ, около $6^1/_4$ процентовъ всего крестьянскаго населенія губерніи. Среди нихъ типичныхъ кустарей было свыше 76 тысячъ; остальные принадлежали къ типу ремесленниковъ, работающихъ на потребителя по заказу, или къ работающимъ на дому рабочимъ крупной промышленности, получающимъ матеріалъ и заказъ отъ крупныхъ фабрикъ и торговыхъ домовъ. Вся мелкая сельская промышлен-

ность дастъ крестьянскому населенію губерніи валового дохода около 20 мил. рублей, при чемъ около половины составляетъ чистый заработокъ крестьянъ. Несмотря на быстрый ростъ фабрично-заводской промышленности и отхода въ города, роль домашней и кустарной сельской промышленности не только не падаетъ, а растетъ; за время между двумя земскими изслѣдованіями число занятыхъ мелкой промышленностью лицъ выросло со 136 до 153 тыс. и стало составлять б о л ь ш і й п р о ц е н т ъ въ отношеніи ко всему крестьянскому населенію. Земской помощью непосредственно обслуживаются отъ 4 до 5 тыс. кустарей, т.-е около $^1/_{15}$ ихъ числа; кустарныхъ товаровъ за послѣдній годъ земствомъ продано на 700 тыс. рублей и кооперативами, пользующимися содѣйствіемъ земства,—на 500 тыс. руб.

Послѣ этихъ самыхъ общихъ свѣдѣній перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ иллюстрацій къ нимъ, которыя даетъ Кустарный музей.

Какъ уже можно было понять изъ сказаннаго выше, въ Кустарномъ музеѣ имѣются три различныхъ по своимъ задачамъ отдѣла: 1) Музей промысловъ, 2) Музей образцовъ и 3) Торговое отдѣленіе. По содержанію этихъ отдѣловъ, осматривать ихъ слѣдуетъ въ только что приведенномъ порядкѣ, хотя расположеніе ихъ въ музеѣ дѣлаетъ это и не совсѣмъ удобнымъ.

М у з е й п р о м ы с л о в ъ имѣетъ по преимуществу (почти исключительно) историческое значеніе. При устройствѣ въ Москвѣ въ 1882 году Всероссійской промышленной выставки, земство рѣшило представить на ней кустарную промышленность Московской губерніи, чтобы, при этомъ, выяснить и цѣлесообразность содѣйствія земства кустар-

нымъ промысламъ. Собранныя въ то время коллекціи издѣлій, орудій и инструментовъ и рабочихъ помѣщеній кустарнаго производства и составляютъ большую часть коллекцій Музея промысловъ. Только очень незначительная часть коллекцій (щетки, ручная игрушка, арапники и кнуты, парча, ткацкіе станки) позднѣйшаго происхожденія. Въ частности, по лѣстницѣ при подъемѣ въ Музей образцовъ и на площадкѣ, заканчивающей лѣстницу, расположенъ рядъ коллекцій самаго послѣдняго времени: эти коллекціи были собраны для Всероссійской кустарной выставки въ С.-Петербургѣ въ 1913 году и почти не имѣли себѣ мѣста въ Музеѣ промысловъ по недостатку помѣщенія. Музей промысловъ, слѣдовательно, показываетъ, какова была кустарная промышленность Московской губерніи 30 лѣтъ тому назадъ. Къ настоящему времени большинство промысловъ сохранилось, но техника ихъ—главнымъ образомъ благодаря земскому содѣйствію—далеко шагнула впередъ: особенно это будетъ замѣтно, если обозрѣватель остановитъ свое вниманіе въ Музеѣ промысловъ на рѣзныхъ издѣліяхъ изъ дерева, на игрушкахъ, на живописи по папье-маше и на кружевахъ. Зато характеръ издѣлій ткацкихъ и вязальныхъ—попрежнему пользующихся огромнымъ распространеніемъ въ Московской губерніи—измѣнился сравнительно мало; нѣкоторые промысла совершенно исчезли, таковы: зеркальный, булавочный, филигранный; сильно уменьшилось производство издѣлій изъ металла, особенно мѣди.

Музей образцовъ получилъ свое развитіе въ недавнее время, начиная съ 1910 года. Задача Музея образцовъ—приходить на помощь кустарямъ

въ дѣлѣ улучшенія художественной стороны издѣлій, способствуя проявленію собственнаго творчества кустаря и изготовляя спеціальные образцы и рисунки кустарныхъ работъ. Свои задачи Музей образцовъ осуществляетъ при помощи спеціалистовъ-художниковъ и рисовальщиковъ: въ 1914 году ихъ было 5 человѣкъ. Коллекціи Музея образцовъ состоятъ изъ двухъ различнаго характера и происхожденія предметовъ: подлинниковъ старинныхъ русскихъ издѣлій ручной работы, могущихъ служить образцами для кустарей и рисовальщиковъ, и образцовъ и рисунковъ издѣлій, выработанныхъ въ самомъ музеѣ.

Коллекціямъ старинныхъ издѣлій Музей образцовъ придаетъ въ своей работѣ большое значеніе, такъ какъ онъ въ своей дѣятельности руководится идеей по возможности отражать въ издѣліяхъ ручной работы характерныя черты русскаго народнаго творчества, которыя и стремится улавливать въ подлинникахъ русской старины. Имѣющіяся въ музеѣ коллекціи относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ и заключаются главнымъ образомъ въ различныхъ издѣліяхъ изъ дерева, служившихъ обстановкой и украшеніемъ жилыхъ помѣщеній и церквей. Дальше слѣдуетъ довольно значительное количество старинныхъ набоекъ, кованныя металлическія издѣлія, женскія рукодѣлія и ручныя ткани, большая коллекція русскихъ народныхъ куколъ, по преимуществу XIX вѣка, являющаяся однимъ изъ наиболѣе полныхъ собраній этого типа.

Старинные подлинники на руки кустарямъ не выдаются изъ боязни ихъ утери. Наоборотъ, назначеніе образцовъ и рисунковъ, вырабатываемыхъ въ музеѣ,—служить непосредственно для

работы кустаря. Поэтому образцы послѣдняго рода, по общему правилу, въ музеѣ не собираются; особенно невозможно, благодаря громоздкости, храненіе крупныхъ издѣлій, въ родѣ, напримѣръ, различнаго рода мебели, плетеныхъ издѣлій изъ прута и камыша и т. д. По доступнымъ для обозрѣнія коллекціямъ Музея образцовъ, поэтому, можно судить о его работахъ только отчасти. Изъ этихъ коллекцій заслуживаютъ быть отмѣченными прежде всего рѣзныя издѣлія изъ дерева, нѣкоторые образцы которыхъ могутъ быть названы по высокой степени искусства, требующагося отъ кустаря, скульптурой изъ дерева. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія различныя игрушки, въ особенности куклы, одѣтыя въ типичные костюмы различныхъ губерній Россіи, а также въ русскіе національные костюмы XVI и XVII вѣковъ. Дальше идутъ интересные образцы раскраски токарныхъ издѣлій—матрёшекъ и яицъ, живописи по папье-маше, кружевъ и другихъ рукодѣлій, елочныхъ украшеній, костюмовъ изъ папиросной бумаги и проч. Не имѣя возможности останавливаться на характеристикѣ отдѣльныхъ видовъ образцовъ подробнѣе, перейдемъ къ разсмотрѣнію торговаго отдѣленія Кустарнаго музея.

Торговое отдѣленіе Кустарнаго музея представляетъ наибольшій интересъ и по богатству и разнообразію издѣлій и по ихъ, такъ сказать, жизненному значенію. Музей промысловъ и Музей образцовъ отвѣчаютъ на вопросъ, что можетъ дѣлать кустарь; въ торговомъ отдѣленіи собрано то, что имѣетъ спросъ, что дѣйствительно нужно тому или иному потребителю, что даетъ заработокъ кустарю. Если обозрѣватель обратилъ достаточное вниманіе

въ Музеѣ промысловъ на то, что и какъ дѣлали кустари до содѣйствія земства, то при обозрѣніи торговаго отдѣленія онъ не можетъ не замѣтить, какъ далеко впередъ ушло техническое и художественное совершенство кустарныхъ издѣлій при земскомъ содѣйствіи. Торговое отдѣленіе раздѣлено на 8 главныхъ отдѣловъ; остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ.

Съ точки зрѣнія художественной наибольшій интересъ представляетъ изъ себя отдѣлъ рѣзныхъ деревянныхъ издѣлій: шкафики, полки, ковши, складни, шкатулки, рамки, коробки и другія мелкія рѣзныя вещи пользуются крупнымъ, съ каждымъ годомъ быстро расширяющимся спросомъ; цѣны ихъ по сравненію съ художественностью работы настолько не высоки, что они легко выдерживаютъ перевозку за границу и въ довольно большомъ количествѣ сбываются въ Англію и Германію. Въ рѣзномъ отдѣлѣ заслуживаютъ также вниманіе деревянныя издѣлія—шкатулки, рамки и проч.,—съ примѣненіемъ выжиганія и раскраски по дереву.

На весьма высокой ступени по техникѣ производства стоятъ, дальше, издѣлія корзиночнаго отдѣла; плетеніе изъ прута, камыша, соломы и т. д. имѣетъ важное экономическое значеніе для кустарей Московской губ. и не уступаетъ по качеству самымъ сложнымъ заграничнымъ образцамъ. Всѣ высшіе сорта плетеныхъ издѣлій поставляются Вязёмскимъ складочно-потребительнымъ обществомъ, крупнѣйшимъ кооперативомъ Московской губерніи, сбывающимъ издѣлій своихъ членовъ на сумму до 200 тыс. руб. ежегодно.

Слѣдующій отдѣлъ—игрушечный обслуживается рядомъ характерныхъ и важныхъ промысловъ Мо-

сковской губерніи. Главнымъ центромъ основныхъ видовъ игрушечнаго производства является Сергіевъ посадъ; сергіево-посадскія куклы, лѣпныя, рѣзныя и столярныя игрушки, поднятыя Московскимъ земствомъ на наивысшую ступень, доступную для техники ручного труда, широко извѣстны и распространены по всей Россіи. Въ другихъ мѣстностяхъ Московской губерніи распространено производство токарныхъ игрушекъ: деревянныя яйца, шары и матрёшки, песочные приборы и другія точеныя изъ дерева игрушки изготовляются московскими кустарями для широкаго сбыта по всей Россіи. Какъ образецъ той удивительной техники, которой способенъ достигнуть кустарь, заслуживаютъ особеннаго вниманія „бирюлки“ производимыя Ликинской токарной артелью; это—выточенные на обыкновенномъ токарномъ станкѣ обычными орудіями предметы, которые настолько малы, что многіе изъ нихъ нельзя взять пальцами и детали ихъ съ трудомъ можно разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ.

Отдѣлъ женскихъ рукодѣлій и тканья (вышивки, мережки, кружева, бисерныя цѣпи и проч.) не является типичнымъ только для Московской губерніи, Московское земство принимаетъ въ него для продажи и характерныя издѣлія цѣлаго ряда другихъ губерній: Вологодской, Новгородской, Черниговской и т. д. Типичнымъ производствомъ Московской губерніи, сохранившимся въ ручной формѣ еще въ весьма широкихъ размѣрахъ, является тканье парчи какъ для церковныхъ облаченій, такъ и для декорацій и костюмовъ.

Въ отдѣлѣ женскихъ рукодѣлій находятся также заслуживающія вниманія издѣлія изъ папье-маше

съ живописью на нихъ; дорогіе сорта этихъ издѣлій поражаютъ чрезвычайной тонкостью, иногда прямо художественностью своей работы и поэтому, несмотря на высшія цѣны, изготовляющая ихъ Федоскинская артель живописцевъ по папье-маше съ трудомъ удовлетворяетъ спросъ, въ частности довольно значительный, со стороны заграницы.

Размѣщенныя въ отдѣлѣ женскихъ рукодѣлій гончарныя издѣлія лишь въ незначительной части представляютъ работы кустарей Московской губерніи; большая ихъ часть доставляется Полтавскимъ земствомъ, при посредствѣ своей извѣстной Миргородской школы керамическаго производства доведшаго технику изготовленія гончарныхъ издѣлій до высокой степени совершенства.

Мебельный отдѣлъ пока по преимуществу содержитъ художественные и дорогіе сорта мебели; мебель съ рѣзьбой, въ частности, изготовляется по рисункамъ извѣстныхъ художниковъ: Васнецова, Милютина и др. Къ сбыту болѣе простой и дешевой мебели Кустарный музей приступаетъ только за самое послѣднее время и не можетъ поставить его достаточно широко, ибо кустарный мебельный промыселъ Московской губерніи занимаетъ до 7 тыс. рабочихъ рукъ и поставляетъ ежегодно на рынокъ издѣлій на сумму до 5 мил. рублей: имѣющихся въ распоряженіи земства оборотныхъ средствъ совершенно недостаточно, чтобы поставить мебельный отдѣлъ на высоту, соотвѣтствующую размѣрамъ этого дѣла.

Изъ другихъ крупныхъ отраслей кустарнаго производства Московской губерніи упомянемъ, наконецъ, сосредоточенныя въ металлическомъ отдѣлѣ промысла щеточный и кроватный. Особенно

велико экономическое значеніе для губерніи перваго изъ нихъ: въ щеточномъ промыслѣ съ давнихъ поръ дѣйствуетъ земская учебная мастерская, результаты дѣятельности которой можно видѣть по высокому качеству и разнообразію выдѣлываемыхъ сортовъ щетокъ.

Не имѣя возможности останавливаться дальше на разсмотрѣніи промысловъ, обслуживаемыхъ торговымъ отдѣломъ, упомянемъ только о томъ, что заслуживаютъ вниманіе издѣлія такихъ промысловъ, какъ счеточный, ибо торговые счеты производятся кустарями Московской губерніи для всей Россіи, производство наглядныхъ пособій изъ эластичной массы и папье-маше, поразительное по техническому совершенству изготовляемыхъ предметовъ, производство музыкальныхъ инструментовъ, поставляемыхъ кустарями въ лучшіе музыкальные магазины.

Торговое отдѣленіе музея въ интересахъ торговли должно считаться съ сезономъ, вызывающимъ спросъ на тѣ или другія издѣлія. Въ большомъ залѣ направо отъ входа, предназначенномъ спеціально для выставокъ, всегда устраивается та или иная, требуемая сезономъ, очередная выставка: осенью — мебели, передъ Рождествомъ — елочныхъ украшеній, передъ Пасхой — пасхальныхъ яицъ и т. д. Во всѣхъ отдѣлахъ музея точно такъ же посѣтитель обычно не видитъ цѣлаго ряда издѣлій, на которыя въ данное время нѣтъ спроса. Это значительно мѣшаетъ составить полное представленіе о кустарной промышленности губерніи по посѣщенію Кустарнаго музея въ опредѣленное время года.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о конечномъ результатѣ земской дѣятельности по со-

дѣйствію кустарной промышленности, о вліяніи ея на подъемъ благосостоянія кустарей. Результатъ этотъ, несомнѣнно, нужно признать весьма значительнымъ: во всѣхъ тѣхъ промыслахъ, гдѣ такъ сильно замѣтно вліяніе земства на ихъ технику и художественную сторону, въ рѣзномъ, игрушечномъ, токарномъ, корзиночномъ, щеточномъ и пр., средній заработокъ кустаря составляетъ нынѣ отъ 20 до 50 рубл. въ мѣсяцъ. Это побуждаетъ работать въ промыслѣ круглый годъ, предоставляя занятіе земледѣліемъ, скудно окупающимся въ условіяхъ Московской губерніи, женской части семьи; женскій же промысловый трудъ, по общему правилу, оплачивается гораздо ниже, составляя, напримѣръ, для кружевницъ, при непрерывной работѣ въ среднемъ около 5 руб. въ мѣсяцъ и только въ видѣ исключенія повышаясь до 10—15 рублей.

Художественно-промышленный музей Императора Александра II и музей К. С. Попова.

С. Ноаковскаго.

Рождественка, II—Императорское Строгановское училище.

Музеи Императора Александра II и К. С. Попова открыты для публики ежедневно (кромѣ понедѣльниковъ и двунадесятыхъ праздниковъ) съ 10 часовъ утра до 4 часовъ дня, въ воскресные дни и обыкновенные праздники и табельные дни съ 10 до 3-хъ часовъ дня; въ іюнѣ и іюлѣ музеи закрыты для ихъ уборки, но для

экскурсантовъ и вообще пріѣзжихъ доступны всегда во всякое время года, не исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ, при условіи предварительнаго извѣщенія хотя бы наканунѣ по телефону. № тел.: 16—71. Плата за входъ 20 коп.

Хранителемъ музея и его помощниками могутъ быть даны экскурсантамъ объясненія коллекцій, поскольку этому не помѣшаютъ другія служебныя дѣла.

Примѣчаніе. Временно (въ 1914 г.), по случаю постройки новыхъ зданій мастерскихъ училища и слом-ки старыхъ, музей К. С. Попова и восточная коллекція музея Императора Александра II для публики закрыты.

Художественно-промышленный музей Императора Александра II при Императорскомъ Строгановскомъ училищѣ былъ открытъ, подъ названіемъ „Музеума", 18 апрѣля 1868 г. Музей былъ основанъ на средства, частью отпущенныя казной, частью собранныя по особой подпискѣ, частью на пожертвованія натурой, вещами, среди которыхъ исключительное значеніе представляли части придворныхъ фарфоровыхъ сервизовъ разныхъ производствъ, переданныя въ музей по повелѣнію Императора Александра II. Первымъ устроителемъ „Музеума" былъ извѣстный писатель Д. В. Григоровичъ. Въ 1892 году „Музеумъ" сливается въ одно учрежденіе съ Строгановскимъ училищемъ, переводится изъ собственнаго помѣщенія на Мясницкой въ зданіе училища на Рождественкѣ, гдѣ занимаетъ все помѣщеніе нижняго этажа.

Въ 1899 г. музею присвоено наименованіе „Художественно-промышленнаго музея Императора Александра II". Въ настоящее время музей настолько расширился, что коллекціи его приходится выставлять крайне скученно, и первоначальная система распредѣленія экспонатовъ въ извѣстномъ порядкѣ совершенно нарушена. По этой же причинѣ нѣтъ

возможности издать путеводителя по музею. Значеніе музея для московской промышленности и для учащихся Строгановскаго училища громадно: постоянное общеніе художниковъ-рисовальщиковъ съ образцовыми произведеніями стариннаго прикладного искусства вообще и русскаго въ частности развиваетъ въ нихъ вкусъ и любовь къ роднымъ русскимъ формамъ. Коллекціи музея распадаются на три отдѣла: 1) Русскій, 2) Иностранный (Зап.-Европейскій) и 3) Восточный.

Русскій отдѣлъ—одно изъ значительнѣйшихъ собраній родной старины во всей имперіи — раздѣляется на два подотдѣла: церковный и гражданскій—бытовой. Большинство произведеній русскаго отдѣла — оригиналы, хотя имѣются гипсовыя и другія копіи съ нѣкоторыхъ извѣстныхъ памятниковъ русской старины.

Почти всѣ выставленные экспонаты относятся къ XVII, XVIII и XIX вѣкамъ и обнимаютъ собою всевозможныя старинныя русскія производства.

По нимъ не трудно прослѣдить историческую эволюцію, происшедшую въ очертаніи формъ, узоровъ и колорита разнообразныхъ предметовъ старинаго русскаго обихода. Рядомъ съ древними, какъ самъ народъ, орнаментными мотивами изъ фантастическихъ птицъ, русалокъ и пр. (далекое эхо языческой миѳологіи) ярко бросается въ глаза громадное вліяніе византинизма (особенно въ предметахъ церковнаго обихода) съ его пышностью и и блескомъ, любовью къ позолотѣ, яркимъ краскамъ, округленнымъ формамъ, здѣсь и тамъ мелькаютъ скандинавскіе мотивы сложнѣйшихъ фантастическихъ узоровъ и наконецъ отчетливо выдѣляется вліяніе магометанскаго міра, главнымъ образомъ въ

предметахъ домашняго обихода (братины, кувшины, яндовы, узоры тканей и пр.). Однако всѣ эти вліянія переработаны въ горнилѣ русскаго народнаго творчества на свой особый ладъ, въ т. н. древнерусскій, до-петровскій стиль. Но и русскія производства XVIII и XIX вѣковъ, несмотря на свое ближайшее родство съ западно-европейскими образцами, пріобрѣтаютъ также русскій обликъ, и эта черта—умѣніе приладить иностранныя формы къ русскому вкусу, подобно тому, какъ иностранные термины отлично прилаживаются къ русскому языку — особенно сильна въ экспонатахъ этихъ вѣковъ.

Въ русскомъ отдѣлѣ достаточно богато представлена рѣзьба по дереву (оконные наличники и доски избъ, пряничныя формы, всевозможная утварь, рѣзныя царскія врата и пр.), шитье церковное (ризы, оплечья, воздухи, плащаницы), шитье свѣтское (кокошники, кички, сарафаны, кафтаны, полотенца), издѣлія изъ мѣди чеканенной и литой, эмаль, кованое желѣзо (свѣтцы, кронштейны, замки), рукописныя книги съ любопытными заставками, архангельскія издѣлія изъ кости, ткани, набойки, изразцы, стекло, нѣсколько слабѣе серебро, иконопись, мебель.

Русскій отдѣлъ расположенъ въ первыхъ трехъ залахъ музея; первая комната отведена почти цѣликомъ подъ церковную старину.

Отдѣлъ Иностранный (Зап.-Европейскій) обнимаетъ собою образцы нѣкоторыхъ производствъ древняго міра (Греціи и Рима), среднихъ вѣковъ (стилей византійскаго, романскаго и готическаго), эпохи Возрожденія въ Италіи, Франціи, Германіи, Голландіи, французскаго искусства XVIII вѣка (стили

Людовиковъ XIV, XV, XVI) и начала XIX вѣка (стиль Имперіи), а также нѣкоторыхъ новѣйшихъ производствъ, пріобрѣтенныхъ на Всемірной Парижской выставкѣ 1900 г. и позднѣе.

Произведенія этого отдѣла значительно разнятся отъ выставленныхъ въ русскомъ отдѣлѣ, самые замыслы ихъ формъ, убранства и колорита другіе; въ общемъ они тоньше русскихъ и по рисунку, и по техникѣ ихъ исполненія, всѣ носятъ на себѣ яркіе слѣды тѣхъ эпохъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ и для нуждъ которыхъ они родились, и въ этомъ отношеніи осмотръ ихъ крайне интересенъ и поучителенъ.

Къ сожалѣнію, сравнительно незначительное количество предметовъ этого отдѣла не позволяетъ уяснить себѣ эволюцію европейскаго прикладного искусства съ такой полнотой, какъ это возможно въ русскомъ отдѣлѣ.

Нѣкоторые экспонаты (французская и итальянская мебель XVI вѣка, итальянская маіолика, фарфоръ саксонскій, севрскій и др. заводовъ, романскія эмали, готическая мебель, греческія вазы) могли бы быть украшеніемъ любого первокласснаго европейскаго хранилища.

Восточный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разнообразные образцы производства магометанскаго міра, а также коллекціи по искусству Дальняго Востока (Японіи, Китая, Кореи), какъ-то—ткани, маіолика, оружіе, фарфоръ, шитье, ювелирныя издѣлія и пр.

Музей К. С. Попова, собранный на личныя средства извѣстнаго коммерсанта д. с. с. К. С. Попова, пожертвованъ Строгановскому училищу въ 1900 г. и представляетъ изъ себя богатѣйшую коллекцію

образцовъ художественно-промышленныхъ производствъ Дальняго Востока (Китая, Японіи и Кореи), а также интереснѣйшее собраніе по природовѣдѣнію и этнографіи этихъ странъ. Коллекція эта заключаетъ въ себѣ первоклассные въ художественномъ и научномъ отношеніи экспонаты. Къ сожалѣнію, тѣснота помѣщенія не позволяетъ временно выставить достаточно полно и эффектно весь музей К. С. Попова, который заключаетъ въ себѣ еще цѣнную коллекцію гравюръ, рисунковъ и отчасти картинъ.

Научная Москва.

Императорскій Московскій и Румянцовскій музей.

А. Борзова.

Знаменка, входъ съ Ваганьковскаго пер. Трамвай №№ 3, 10, 18, 23 24 и 34. Открытъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ; вторникъ—суббота отъ 11 до 3 ч., плата 20 к.; воскресенье—отъ 12 ч. до 3 ч. безплатно; экскурсіи по записи.

Основаніе Румянцовскому музею положено извѣстнымъ канцлеромъ при Александрѣ I гр. Ник. Петр. Румянцовымъ, сыномъ Румянцова-Задунайскаго. Учеными друзьями и сотрудниками гр. Румянцова Аделунгомъ и Вихманомъ была разработана обширная программа русскаго національнаго музея по очень широкой программѣ: имѣлось въ виду полно изобразить природу Россіи и ея жизнь—бытовую, экономическую и государственную. Намѣчено было 9 отдѣловъ музея, но положить имъ всѣмъ основаніе гр. Румянцовъ не успѣлъ. Личныя научныя симпатіи влекли его къ изученію историческаго прошлаго русскаго народа, для чего онъ съ молодыхъ лѣтъ уже началъ собирать книги, покупая иногда цѣлыя собранія, превосходно подобранныя

(напр., библіотеку проф. Лерберга), преимущественно по русской и славянской исторіи. Румянцовъ не былъ самъ ученымъ спеціалистомъ, но обладалъ широкимъ общимъ образованіемъ, неизмѣннымъ интересомъ къ познанію Россіи и значительнымъ научнымъ чутьемъ. Освободившись отъ своихъ тяжелыхъ и сложныхъ государственныхъ обязанностей, непоправимо больной „старикъ Румянцовъ, пишетъ Е. Ѳ. Коршъ, — собралъ послѣднія свои силы, рѣшительно вступилъ на подготовленный имъ себѣ путь общественнаго служенія и сдѣлалъ поистинѣ все, что могъ, для оживленія и подъема у насъ историческихъ знаній, для розыска и обнародованія, по возможности, документовъ, для обслѣдованія памятниковъ, для провѣрки нашихъ лѣтописей и сказаній не только этими документами и скудными еще памятниками, но и свидѣтельствами восточныхъ и западныхъ иноземцевъ,—наконецъ, для водворенія во всемъ этомъ критическихъ пріемовъ, выработанныхъ современною ему наукою“. Понялъ графъ необходимость связи „исторической“ старины съ „живой“ стариной, съ этнографіей, и явился однимъ изъ первыхъ у насъ творцовъ изученія русской народности“ (Барсовъ). Его живо интересуютъ народныя пѣсни (извѣстное его изданіе пѣсенъ Кирши Данилова— первое научное изданіе этого рода), секты и расколъ, обряды, народная рѣчь, хозяйственный и бытовой укладъ жизни прошлаго, народное творчество другихъ славянскихъ народовъ, первобытныя формы жизни нашихъ предковъ и современныхъ ему инородцевъ нашихъ бывшихъ американскихъ владѣній. Онъ снаряжаетъ экспедицію Крузенштерна и Лисянскаго, даетъ порученіе Коцебу

пріобрѣтать этнографическія коллекціи во время кругосвѣтнаго плаванія и т. п. Въ результатѣ этихъ трудовъ гр. Румянцовъ къ концу жизни собралъ по тому времени огромныя и очень цѣльно подобранныя коллекціи по слѣдующимъ отдѣламъ: 1. Собраніе рукописей (810 экз.), 2. Печатныя книги (28.744 тома), 3. Медали и монеты греческія, римскія и восточныя (1.695), 4. Минералогическая коллекція (12.419 предметовъ), 5. Этнографическая коллекція (170 предметовъ) и 6. Статуя „Миръ" Кановы и нѣсколько бюстовъ, какъ зачатокъ художественнаго отдѣла.

Мечтою Румянцова было созданіе общественнаго музея, независимаго отъ правительственной власти; въ этомъ смыслѣ онъ имѣлъ въ виду распорядиться своимъ значительнымъ состояніемъ. Внезапная смерть помѣшала ему осуществить свой планъ, и дальнѣйшая судьба его собраній была рѣшена его братомъ гр. С. П. Румянцовымъ, человѣкомъ совершенно иныхъ вкусовъ и умственнаго склада, совершенно не подготовленнаго къ выпавшей ему задачѣ. Послѣ долгой волокиты 3 января 1828 г. Высочайшимъ рескриптомъ разрѣшенъ былъ „пріемъ музея въ казенное вѣдомство" и переданъ въ вѣдѣніе Мин. Нар. Просв. вмѣстѣ съ 2 домами въ Петербургѣ, уже довольно ветхими, и безъ всякихъ средствъ на пополненіе и содержаніе. Только нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ министра народ. просв. кн. Ливена, С. П. Румянцовъ въ послѣдній разъ отпустилъ 34 тыс. рубл. ассигнаціями на ремонтъ домовъ, которыхъ хватило только на починку малаго дома. 23 ноября 1831 года музей былъ фактически открытъ для публики.

Петербургскій періодъ жизни музея протекалъ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: ни средствъ, ни рабочихъ силъ, разрушающіяся помѣщенія, полная заброшенность со стороны министерства и директора Публ. Библіотеки, къ которой приписали музей, постепенный упадокъ интереса въ публикѣ къ дряхлѣющимъ и не освѣжаемымъ коллекціямъ,—печальное нищенское существованіе. Отъ окончательной гибели музей былъ спасенъ переводомъ въ Москву. Исключительной энергіи тогдашняго московскаго попечителя Н. В. Исакова Румянцовскій музей обязанъ спасеніемъ отъ окончательнаго распада, а Москва—основаніемъ большого просвѣтительнаго учрежденія. Н. В. Исаковъ хотѣлъ пріурочить открытіе новаго музея къ празднованію тысячелѣтія Россіи и сдѣлать изъ Румянцовскаго музея „національное всеобъемлющее общерусское просвѣтительное учрежденіе“, въ которомъ полно отразились бы природа, исторія, бытъ и современная культура народа. Большую поддержку нашелъ онъ въ министрѣ народн. просв. Е. П. Ковалевскомъ и кн. Одоевскомъ, послѣднемъ директорѣ Рум. м. въ Петербургѣ, но не мало встрѣтилось и препятствій. Очень многіе петербургскіе ученые и сановники, до того нисколько не печалившіеся объ упадкѣ музея, вдругъ почувствовали къ нему самыя горячія симпатіи и требовали оставленія его въ Петербургѣ, лишь только зашла рѣчь о Москвѣ.

23 мая 1861 года состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ музея въ Москву, а 9 мая 1862 г. Исакову и его ученымъ сотрудникамъ удалось уже открыть для обозрѣнія почти всѣ отдѣлы м., присоединивъ къ нимъ и коллекціи нѣкоторыхъ университетскихъ кабинетовъ, а съ января 1863 г.

начала свою работу и Публичная библіотека музеевъ.

Н. В. Исаковъ, создавая музей, говорилъ, что онъ началъ дѣло такъ, какъ создаются храмы: безъ всякихъ средствъ, разсчитывая на поддержку Москвы. И онъ не ошибся. Къ 1864 году библіотека, напр., выросла съ $28^1/_2$ тыс. томовъ до 124.154 том., въ томъ числѣ пожертвовано было 67.201 томъ. Собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе музей не имѣлъ и въ Москвѣ, но находились жертвователи, дававшіе большія суммы на покупку цѣлыхъ библіотекъ; другіе передавали музею свои собранія, нерѣдко очень цѣнныя и цѣльныя по подбору. Такъ, Колюпановъ пожертвовалъ на книги 25.000 руб., и на часть этихъ денегъ пріобрѣтена библіотека извѣстнаго библіофила и библіографа Полторацкаго (7250 томовъ). Въ первую очередь откликнулись на нужды новаго м. очень многія правительственныя учрежденія, петербургскія книгохранилища (Имп. Публ. Библіот., библ. морского м-ва). Въ 1862 г. было передано большое собраніе—до 9000 томовъ—императрицы Александры Ѳеодоровны (залъ G), съ прекраснымъ подборомъ книгъ по западно-европейскимъ литературамъ, по исторіи, много превосходныхъ изданій путешествій и т. п. Всѣ книги въ роскошныхъ переплетахъ. Едва ли не самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ (на средства казны) была библіотека Норова (залъ F), состоящая изъ 14.000 томовъ съ прекраснымъ подборомъ книгъ церковно-исторической и древнеклассической литературы, со многими рѣдчайшими изданіями, напр., полное собраніе сочиненій Джіордано Бруно (съ единственнымъ сохранившимся его автографомъ), сочиненія Тихо-де-Браге, Копер-

ника, Кеплера, Галилея (нѣкоторыхъ изданій его не имѣется даже въ итальянскихъ библіотекахъ) и т. д.; значительное количество первопечатныхъ книгъ, эльзевировъ, альдовъ и др. Библіотеки Неустроева, М. П. Погодина (залъ В), В. Н. Панина (читальный залъ), А. Ѳ. Гамбургера, Ѳ. В. Чижова пополняли различные ея отдѣлы, больше всего отдѣлъ исторіи, права, экономики. Въ 1896 г. директоръ музея М. А. Веневитиновъ пріобрѣлъ библіотеку Н. А. Попова, около 3000 книгъ и брошюръ по исторіи, этнографіи и литературѣ славянскихъ народовъ. Цѣннымъ даромъ является собраніе Н. И. Стояновскаго,—официальныя изданія, записки, проекты и т. п., относящіеся къ исторіи реформъ Александра II.

Послѣднее десятилѣтіе принесло рядъ цѣнныхъ пожертвованій: послѣ смерти К. Т. Солдатенкова, который въ теченіе 40 лѣтъ жертвовалъ м. по 1000 руб. на пріобрѣтеніе книгъ, поступила вся его библіотека, содержащая превосходный подборъ новыхъ русскихъ книгъ (залъ М) по всѣмъ отраслямъ знанія и великолѣпный подборъ главнѣйшихъ русскихъ журналовъ. Всѣ эти изданія превосходной сохранности, въ одинаковыхъ переплетахъ. Библіотека проф. Н. А. Карышева передана м. его наслѣдниками и продолжаетъ пополняться иностранными сочиненіями по экономикѣ на ежегодно вносимые на этомъ предметъ сыномъ жертвователя 200 руб. Упомянемъ, наконецъ, небольшія по размѣру, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ цѣнныя приношенія Успенскаго, Стрекаловой, Уварова, Носа и др., постоянныя авторскія пожертвованія.

Самымъ серьезнымъ фондомъ пополненія библіотеки служитъ однако въ настоящее время обя-

зательное по закону поступленіе всѣхъ изданій, выходящихъ въ Россіи, черезъ цензурное вѣдомство. Этимъ путемъ за послѣдніе годы ежегодно притекаетъ 40—50 тысячъ томовъ, брошюръ, листковъ и т. п. Съ 1912 г. библіотека впервые получила нѣкоторую сумму и на пріобрѣтеніе иностранныхъ книгъ (около 8000 руб.), изъ которыхъ болѣе 2000 тысячъ тратится на журналы, остальные—на неперіодическія изданія.

При библіотекѣ имѣются: 1) комната 40-хъ годовъ и 2) Чеховская комната (имени А. П. Чехова); въ первой собраны обширные рукописные, печатные и фотографическіе матеріалы по Герцену, Огареву, Грановскому и др., во второй—рукописи, реликвіи, письма, сочиненія А. П. Чехова и литература о немъ. По неудобству помѣщеній эти кабинеты доступны осмотру только по особому разрѣшенію.

Отъ А. Л. Родіонова поступило черезъ посредство русскаго консула К. А. Скачкова превосходное собраніе изъ 1115 китайскихъ и 57 манжурскихъ книгъ, а позже самъ Скачковъ передалъ музею и собственное собраніе китайскихъ рукописей и книгъ (2938 томовъ) о Китаѣ на китайскомъ, франц., англ., нѣмецк. и русскомъ языкахъ. (Нѣкоторыя изданія собранія выставлены въ витринахъ въ коридорѣ передъ входомъ въ этнографическое отдѣленіе, остальныя помѣщаются въ шкапахъ у самаго входа.)

Въ настоящее время библіотека имѣетъ около 1 милл. томовъ печатныхъ произведеній. Сильная сторона библіотеки въ прекрасномъ подборѣ русскихъ книгъ, начиная съ 60-хъ г. XIX столѣтія, въ иностранномъ отдѣлѣ до XVIII в. включительно

и отчасти за первую половину XIX в. Слабо представлена западная литература второй половины XIX в. по всѣмъ отдѣламъ, но особенно по естествознанію и родственнымъ ему наукамъ.

Пользованіе библіотекой за время ея пребыванія въ Москвѣ возросло чрезвычайно и переросло значительно вмѣстимость читальнаго зала: вмѣсто 3825 требованій въ 1864 г. въ послѣдніе годы библіотека удовлетворяетъ свыше 200 тыс. требованій. Число занимающихся въ читальномъ залѣ уже за рядъ лѣтъ превышаетъ 12.000 въ годъ, совершающихъ свыше 120 тыс. посѣщеній.

Читальный залъ открытъ круглый годъ, кромѣ праздниковъ, отъ 10 час. утра до 8 веч.; лѣтніе мѣсяцы (съ 15 мая по 1 сент.) по понедѣльникамъ онъ закрытъ, въ остальные дни открытъ 11—4 ч.

Этнографическій отдѣлъ. (Дашковскій Этнографическій музей.)

Какъ указано выше, Этнографическій отдѣлъ музеума гр. Н. П. Румянцова состоялъ изъ очень небольшого числа предметовъ, вывезенныхъ кругосвѣтной экспедиціей, снаряженной Румянцовымъ въ 1823 г. подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, изъ бывшихъ русскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ (Аляска, Алеутскіе о-ва и др. сосѣднія островныя группы), уступленныхъ Россіей въ 1867 г. Соед. Штатамъ, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Малайскаго архипелага и др. острововъ Великаго океана (Сандвичевы, Вашингтоновы, Филиппинскіе о-ва) и изъ штата Нов. Калифорніи въ Сѣв. Америкѣ; во всѣ эти мѣстности экспеди-

ція заходила по пути къ русскимъ владѣніямъ на Аляскѣ.

Собраніе гр. Румянцова, отчасти пополненное позднѣйшими поступленіями, размѣщено въ коридорѣ, которымъ начинается Этногр. музей, въ 12 шкапахъ по стѣнамъ; тутъ же бронзовые бюсты Крузенштерна и Лисянскаго. Здѣсь находимъ коллекцію предметовъ быта и вѣрованій алеутовъ: одежды изъ рыбьихъ кишекъ (камлейки), шляпы, рыболовныя принадлежности, байдары (лодки), оружіе и охотничьи орудія изъ желѣза, дерева и камня, плетенія изъ морской травы, амулеты и т. п.

Способъ ношенія одежды и типъ алеута изображены манекеномъ (IV шкапъ) [1]).

Далѣе слѣдуютъ колоши (или тлинкиты), жив. на зап. побережьѣ Америки (43—60° с. ш.) и на сосѣднихъ о-вахъ (коллекціи преим. съ о. Ситхи). Въ настоящее время колошей сохранилось около 7.000. Колошская коллекція содержитъ: манекенъ, предметы утвари, одежды, плетенія, куклы, оригинальныя фигурныя трубки, модели лодокъ и т. п. Обращаютъ вниманіе: типичнаго рисунка шаманскій фартукъ, шаманскій бубенъ, маски, костяныя вставки для нижней губы (носятъ женщины и старѣйшины), деревянныя латы и такъ наз. калуги, т.-е. деревянные ящики для вещей, съ тѣмъ же типичнымъ для племени орнаментомъ.

Алеутскія и колошскія коллекціи расположены въ шкапахъ вдоль правой стѣны коридора; вдоль

---

[1]) Интересно и полезно сравнить эту старую коллекцію съ собраніемъ предметовъ современнаго быта тѣхъ же алеутовъ, вывезенную Іохельсономъ, участникомъ экспедиціи Ѳ. П. Рябушинскаго 1908—911 гг., и размѣщенную дальше въ особомъ залѣ.

лѣвой находятся: 1) эскимосы съ о. Кадьяка (въ предѣлахъ бывшихъ русскихъ владѣній Америки) изъ племени каньягмуты, на языкѣ которыхъ прежде говорили всѣ окружающія племена (алеуты, чукчи и др.); одежды изъ сивучьихъ кишекъ (сивучъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ моржей), оружіе, шаманскій бубенъ и амулеты; 2) предметы съ Сандвичевыхъ о-вовъ (матеріи, орудія ихъ выдѣлки, издѣлія изъ кокосоваго орѣха, походный идолъ изъ травы, портретъ королевы острововъ).

Предметы съ Вашингтоновыхъ о-вовъ (одежда, украшенія, серьги, орудія рыболовства), съ Филиппинскихъ (матеріи, оригинальная шляпа и др.), съ о. Румянцова (среди другихъ предметовъ интересна типичная для островного міра Вел. океана лодка съ ауслегеромъ-балансомъ и рыболовная сѣть изъ кокосовыхъ волоконъ) и изъ Нов. Калифорніи (сосуды и т. п.). Тутъ же цѣнное собраніе портретовъ вождей сѣв.-американскихъ индѣйскихъ племенъ, присланное Смитсоніановскимъ институтомъ въ Вашингтонѣ въ 1869 г. Въ сосѣднемъ залѣ (изъ коридора средняя дверь направо) внизу—коллекціи по Китаю, Японіи, Малайскому архипелагу и Индіи, а вверху (по галлереѣ)—по Австраліи съ островами, Африкѣ, Сѣв. Америкѣ и др.

По Японіи имѣются: маски, амулеты, статуэтки, старинныя одежды и дореформенное вооруженіе; 3 манекена японца, изъ которыхъ 2 изображаютъ вооруженныхъ удѣльныхъ князей, а третій—японца въ повседневномъ костюмѣ; модели орудій, фарфоръ (старинный и очень цѣнный), художественныя издѣлія изъ кости, металла, травы и дерева и т. п.; старинныя карты, рисунки. Большой инте-

ресъ представляетъ сцена похоронной процессіи, представленная въ моделяхъ и на особомъ рисункѣ (къ сожалѣнію, ее плохо видно въ темномъ и глубокомъ шкапу).

По Китаю имѣются: недавно поступившія (отъ генер. Н. И. Гродекова) одежды — манчжурскія и китайскія (особенно хороши мандаринскіе халаты), скатерти, обувь, а также и старинныя одежды съ прекраснымъ шитьемъ (разныхъ жертвователей); головные уборы, амулеты, хозяйственныя орудія, орудія обработки чая (очень полный подборъ), значительный ассортиментъ тканей, музыкальные инструменты. Очень демонстративна коллекція рѣзныхъ деревянныхъ фигуръ и моделей, изображающая сцены изъ жизни большого торговаго китайскаго города и нѣсколько сельскихъ сценъ (коллекція Токмакова): гостиницы, храмы, судъ, лавки, школа, способы передвиженія, домашняя жизнь; орошеніе полей, молотьба, очистка хлопка, ловля рыбы при помощи баклановъ и т. п. Въ м. имѣется большая коллекція (свыше 180 штукъ) лубочныхъ китайскихъ картинъ, пожертв. Гродековымъ; часть ихъ выставлена около шкаповъ съ китайскими предметами.

Большой интересъ и исключительную цѣнность по полнотѣ и систематичности подбора представляетъ собраніе д-ра Г. Винеке по Малайскому архипелагу. Особенно полно и значительно собраніе оружія, поражающее своимъ разнообразіемъ; кромѣ того, здѣсь находимъ: одежды, образцы матерій, модели судовъ, жилищъ, орудій (хозяйственныхъ, ремесленныхъ и т. п.), ловушекъ для звѣрей, повозокъ, маски, книги, огромную коллекцію рисунковъ татуировки у различныхъ

племенъ Зондскихъ о-вовъ; музыкальные инструменты (очень любопытная коллекція); посуду, монеты, фотографическіе портреты. Особый шкапъ занимаютъ яванскія рѣзныя фигуры героическаго и миѳологическаго характера (употр. въ игрѣ ваянгъ, въ родѣ китайскихъ тѣней для иллюстрированія національныхъ поэмъ).

Коллекція по Индіи очень бѣдна и состоитъ изъ отдѣльныхъ предметовъ: корзины, совки, травяной факелъ и др.

Верхняя галлерея занята предметами изъ Африки и Америки; но гораздо большій интересъ представляетъ австралійская коллекція оружія, вывезенная впервые въ Европу въ 1876 г. съ сѣвернаго побережья Австраліи и изъ южной Австраліи отъ племени ярра (теперь уже вымершаго) и пожертв. музею Ф. Мюллеромъ. Эти наиболѣе примитивныя и своеобразныя формы оружія очень поучительны и даютъ возможность прослѣдить постепенное развитіе самыхъ простыхъ пріемовъ техники и усмотрѣть нѣкоторые природные прототипы человѣческихъ изобрѣтеній и издѣлій на самыхъ раннихъ стадіяхъ культуры. Здѣсь мы видимъ: простыя палкообразныя палицы съ сучковатыми утолщеніями на одномъ концѣ, вращательные щиты въ видѣ простыхъ дощечекъ съ простымъ орнаментомъ, простыя и нѣсколько болѣе сложныя составныя стрѣлы, копья (съ каменными, костяными и деревянными наконечниками, съ зубцами и безъ нихъ), бумеранги и т. п.

Почти такъ же несложно вооруженіе и папуасовъ Нов. Гвинеи и жителей Соломоновыхъ о-вовъ, размѣщенное въ дальнѣйшихъ шкапахъ.

Довольно интересна и полна коллекція костюмовъ, оружія, шитья и тканей съ о. Лемноса (пожертв. Тріандафилидисомъ).

Первоначально Этнографическій музей состоялъ почти исключительно изъ предметовъ этнографіи иностранной, но впослѣдствіи онъ превратился въ музей преимущественно русской этнографіи, т.-е. собралъ предметы, относящіеся къ культурѣ славянскихъ и инородческихъ племенъ, населяющихъ Россійскую имперію. Этотъ отдѣлъ, представляющій Россію, сразу получилъ огромный основной фондъ послѣ этнографической выставки въ Москвѣ въ 1867 г., устроенной Имп. Общ. люб. ест., антр. и этн., при матеріальномъ содѣйствіи В. А. Дашкова, бывшаго впослѣдствіи директоромъ Рум. музея до 1896 г. Общество передало экспонаты выставки Рум. музею, присвоивъ новому отдѣлу наименованіе „Дашковскаго этн. музея", во вниманіе къ его постояннымъ заботамъ и трудамъ на пользу музея и русской этнографіи вообще.

Коллекціи выставки состояли изъ манекеновъ, очень точно воспроизводившихъ типы (по фотографіямъ) и костюмы различныхъ племенъ Россіи, ихъ бытовую обстановку, предметы культа и т. п. Это былъ первый въ Россіи научно составленный общедоступный этнографическій музей, послужившій образцомъ для другихъ учрежденій. Цѣнность его коллекцій увеличивалась очень значительно еще и тѣмъ, что онѣ собраны были одновременно по одной программѣ и представили такимъ образомъ результаты, такъ сказать, этнографической съемки, произведенной въ то время, когда оригинальныя формы народнаго быта и народнаго міросозерца-

нія еще не подверглись сглаживающему вліянію европейской культуры. Эти формы существуютъ и теперь, но чаще всего уже въ видѣ полузабытыхъ пережитковъ, тускнѣющихъ воспоминаній старины; въ то время онѣ были частью живой дѣйствительности, полной смысла, гармонирующей съ общимъ укладомъ жизни. Въ этомъ отношеніи дашковское собраніе имѣетъ несравненную цѣнность. Къ сожалѣнію, м. не получилъ своевременно необходимыхъ средствъ для пополненія, безъ чего онъ не могъ дать полной картины послѣдовательной смѣны старыхъ формъ быта новыми, вплоть до современности. Однако въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ онъ росъ очень интенсивно частными и общественными дарами. Прежде всего, Общество люб. ест., антроп. и этногр. уже около 50 лѣтъ постоянно пополняетъ его коллекціи. Въ 1902 г. общество передало м. цѣлый огромный „Туркестанскій отдѣлъ“, собранный нѣкогда въ Средней Азіи по иниціативѣ и при поддержкѣ ген. Кауфмана.

Отдѣльные члены Общества также не забывали Энтогр. отдѣленія музея. Достаточно указать: обширныя и превосходныя коллекціи Н. Л. Гондатти по вогуламъ, остякамъ и чукчамъ [1]), орочскую коллекцію Леонтовича, драгоцѣнное собраніе (особенно по шаманскому культу) по гольдамъ П. П. Шимкевича, единственное въ своемъ родѣ въ Европѣ. Наконецъ, послѣднее большое поступленіе — камчатско-аляскинская кол-

---

[1]) Въ Румянц. м. только часть обширной чукотской коллекціи Н. Л. Гондатти, другая часть въ музеѣ Академіи Наукъ, третья въ Этногр. музеѣ Московскаго университета.

лекція Ѳ. П. Рябушинскаго, какъ и вся его экспедиція, создалась и была передана музею при дѣятельномъ участіи того же общества и особенно секретаря его антропологическаго отдѣла А. А. Ивановскаго.

Главный залъ, въ который посѣтитель вступаетъ изъ кабинета и коридора Иностранной Этнографіи, занятъ внизу инородческими племенами, расположенными вдоль стѣнъ въ племенномъ порядкѣ; середина зала отведена „Туркестанскому отдѣлу" ген. Кауфмана. Инородцы же представлены и въ лѣвомъ кабинетѣ возлѣ лѣстницы въ верхній этажъ. Правый кабинетъ занятъ моделями построекъ и судовъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи (изъ сопредѣльныхъ странъ имѣется нѣсколько моделей построекъ западныхъ славянъ и китайскаго дома).

Верхній этажъ занятъ восточными, западными и горными славянами, при чемъ середина зала отведена великоруссамъ. Особый залъ подъ отдѣленіемъ древностей заключаетъ собраніе Ѳ. П. Рябушинскаго.

Осмотръ этихъ помѣщеній слѣдуетъ вести держась лѣвой стороны. Въ такомъ случаѣ прежде всего мы видимъ 2 шкапа, занятыхъ манекенами и предметами, относящимися къ самоѣдамъ (одежды, украшенія, нарты; тадибей-жрецъ и возлѣ него санки съ тадебціями (идолами), бубенъ и т. п.).

Далѣе слѣдуютъ тунгузскія племена: собственно тунгусы, орочоны, гольды и ламуты (сюда же относятся и орочи Приморской области [предметы ихъ быта въ каб. А, шк. 47]). Особенно интересны предметы шаманскаго культа у гольдовъ на манекенѣ шамана и въ 46 шкапу кабинета А. На шкапу 3 вывѣшены два богато украшенныхъ

тунгусскихъ шаманскихъ костюма (повидимому, негидальскихъ).

Далѣе расположена финская группа съ ея тремя главными вѣтвями: 1) восточной, распадающейся на пріуральскихъ и зауральскихъ финновъ и приволжскихъ финновъ; къ первымъ относятся остяки, пермяки, зыряне, вотяки и вогулы (вогульская коллекція Н. Л. Гондатти находится въ кабинетѣ А и представляетъ очень полное собраніе утвари, одеждъ и т. п.). Приволжскіе финны представлены черемисами и мордвой. Необходимо обратить вниманіе на своеобразныя формы головныхъ уборовъ, типичный орнаментъ (особенно на мордовскихъ костюмахъ) и др. особенности финновъ.

2) Западная группа финновъ представлена въ м.: лопарями, эстами и финляндцами (ижорцы,—тавасты и карелы и др. группы не представлены). У лопарей между прочимъ заслуживаютъ вниманія родовыя клейма, счетныя бирки, орнаментъ и шитье; у эстовъ—утварь и хозяйственныя орудія, у финляндцевъ—тѣ же предметы и своеобразные музыкальные инструменты (кантеле).

Шкапы 10—12 заняты монгольской группой: буряты и калмыки. Привлекаетъ вниманіе собраніе предметовъ кочевого быта и особенно принадлежности культа: модель бурятскаго дацана (храма), жертвенникъ съ сосудами, книгами, иконы, фигура Будды (стоитъ особо), музыкальные инструменты, цѣлая коллекція ламайскихъ божествъ въ двухъ особыхъ шкапахъ (коллекція Н. П. Гродекова) (часть бурятскихъ костюмовъ—въ верхнемъ этажѣ въ каб. С); буддизмъ у калмыковъ представленъ манекеномъ гелюнга (жреца) и нѣкоторыми принадлежностями богослуженія,

Далѣе слѣдуетъ тюрко-татарская группа народовъ: татары, башкиры, туркмены, киргизы и якуты и отатарившіяся финскія племена: мещеряки и чуваши, съ ихъ бытовой обстановкой. Къ этому отдѣлу тѣсно примыкаетъ и туркестанское собраніе ген. Кауфмана, такъ какъ большая часть туркестанскихъ народностей относится къ этой группѣ: киргизы, сарты и др.

Здѣсь мы видимъ чрезвычайно полную характеристику всѣхъ сторонъ жизни и быта: очень полная коллекція одеждъ, обуви, шитья, ковровъ, сѣделъ, хозяйственныхъ и ремесленныхъ орудій, товаровъ наиболѣе ходовыхъ, мѣстныхъ хозяйственныхъ растеній и продуктовъ ихъ переработки, посуды, музыкальныхъ инструментовъ; представлены внутренніе виды домовъ, лавки, киргизская юрта (подлинная), въ манекенахъ и костюмахъ изображены всѣ инородческія племена Туркестана; на потолкѣ развѣшены образцы стѣнного орнамента, а въ каб. В имѣется разборная модель сартскаго дома. Средне азіатскія коллекціи Румянцовскаго музея заслуживаютъ самаго пристальнаго вниманія и изученія, какъ образцовыя въ своемъ родѣ собранія.

Очень цѣнная и полная коллекція въ м. и по шаманству якутовъ (шкапъ 75) съ прекрасно исполненнымъ манекеномъ шамана, совершающимъ камланье (камланьемъ наз. обращеніе шамана къ духамъ, сопровождаемое пѣніемъ, пляской и нѣк. др. дѣйствіями).

Индоевропейцы (цыгане, молдаване, литовцы, латыши и нѣмцы поволжскихъ колоній), семиты (евреи и караимы) съ ихъ бытовой обстановкой.

Послѣдніе шкапы нижняго зала въ томъ же ряду отведены кавказскимъ народностямъ (армяне, кур-

ды, гурійцы, мингрельцы, лезгины, тушины, грузины, осетины и огнепоклонники изъ окрестностей Баку). Послѣдній большой шкапъ, вдоль стѣны, примыкающей къ отдѣленію Иностранной Этнографіи, занятъ посудой и предметами домашняго обихода различныхъ кавказскихъ народностей. Въ особомъ маленькомъ шкапчикѣ на небольшихъ куклахъ представлены современные костюмы кавказцевъ; эта коллекція г-жи Зейдлицъ была на Парижской всемірной выставкѣ 1900 г.

Верхній этажъ.

На лѣстницѣ во второй этажъ коллекціи музыкальныхъ инструментовъ (русскихъ и другихъ славянъ, киргизовъ, кавказскихъ народностей и др.). Середина верхняго большого зала отведена великорусскому племени, представители котораго расположены по губерніямъ. Для каждой почти губерніи имѣется манекенъ, дающій типъ населенія, его одежды; для очень многихъ губерній дается нѣсколько манекеновъ, представлены бытовая обстановка, хозяйственная утварь, шитье, искусство и т. п. Въ каб. В (внизу) модели построекъ. Нѣкоторыя губерніи охарактеризованы сравн. полно и систематично (Архангельская, Олонецкая и Вологодская, отчасти Орловская), главнѣйшія черты быта и культа обрисованы съ достаточной выпуклостью. Другія губерніи представлены болѣе односторонне (въ нѣкоторыхъ, какъ напр., въ Московской, Нижегородской, болѣе и менѣе подробно представлено только игрушечное кустарное производство); для очень многихъ губерній имѣются только манекены, по нѣскольку костюмовъ, вышивокъ и головныхъ уборовъ (разложенныхъ въ особыхъ витринахъ между шкапами).

Есть губерніи, совсѣмъ почти не представленныя въ музейскихъ коллекціяхъ (напр., Псковская).

Вдоль правой стѣны (если итти отъ лѣстницы) манекены и предметы малорусскаго быта (тоже по губерніямъ). Болѣе подробно Кіевская, Черниговская и Полтавская губ., бѣднѣе Харьковская, Подольская и др. Довольно полно подобрана коллекція тканей, плахтъ; хорошій подборъ писанокъ, расписная глиняная посуда (собранная гл. обр. нынѣшнимъ хранителемъ музея Н. А. Янчукомъ).

Затѣмъ идутъ бѣлорусссы (по губерніямъ также) съ интереснымъ подборомъ бытовыхъ предметовъ.

Поляки (шкапы 77 — 80). Старинные польскіе костюмы въ шкапу 81.

Далѣе (гл. обр. вдоль лѣвой стѣны) расположены манекены и коллекціи по зарубежному славянству: чехи и мораване, словенцы, словаки, хорваты, черногорцы, далматинскіе сербы, сербы Славоніи, Венгріи, Сербіи, болгары (македонскіе и придунайскіе,) прикарпатскіе славяне (русины: гуцулы, бойки, лемки), представленные манекенами, иногда расположенными бытовыми группами (напр., словенская свадебная процессія), бытовой обстановкой (главнымъ образомъ одежды, превосходные образцы шитья, предметы утвари и др.).

Чтобы попасть въ залъ Рябушинскаго, слѣдуетъ, спустившись въ первый этажъ, итти къ выходу, держась лѣвой стороны, и на серединѣ зала свернуть налѣво въ дверь и подняться во второй этажъ.

Коллекціи, собранныя Іохельсономъ въ экспедиціи Θ. П. Рябушинскаго, отличаются какъ своей полнотой и систематичностью, такъ и тѣмъ, что, наряду съ предметами современнаго быта, онѣ

включаютъ и многочисленные предметы, полученные изъ раскопокъ, что даетъ возможность изучать эволюцію быта и его прежнія формы. Коллекціи охватываютъ населеніе Камчатки и Алеутскихъ о-вовъ и состоятъ изъ:

Манекеновъ, весьма точно воспроизводящихъ племенные типы; моделей жилищъ, заколовъ для ловли рыбы, навѣсовъ, землянокъ и т. п.; собранія оружія и орудій; одеждъ, обуви, головныхъ уборовъ, упряжи; въ особомъ шкапу выставлена большая коллекція рѣзныхъ деревянныхъ и костяныхъ игрушекъ.

Рядъ шкаповъ занятъ предметами, добытыми изъ раскопокъ на Камчаткѣ и Алеутскихъ о-вахъ (обломки посуды, каменные сосуды и мн. др.).

Имѣются различные шаманскіе предметы.

По стѣнамъ развѣшены ковры изъ мѣха, маты, плетеные изъ травы мѣшки.

Гипсовые маски и слѣпки даютъ точное понятіе о лицевомъ типѣ различныхъ племенъ.

Множество фотографій изображаютъ виды мѣстностей, бытовыя сцены, типы и т. п. (выставлены между прочимъ въ стереоскопѣ очень интересные снимки).

Наконецъ, представленъ двухметровый разрѣзъ верхняго наноснаго пласта почвы, съ кухонными слоями, съ частями человѣческихъ костяковъ и т. п.

Надъ лѣстницей портретъ Ѳ. П. Рябушинскаго, на средства и при дѣятельномъ участіи котораго осуществилась эта прекрасная экспедиція, стоившая свыше 200 тысячъ рубл. [1]).

---

[1]) Огромныя естественно-историческія коллекціи ея переданы въ Академію Наукъ и въ настоящее время обрабатываются спеціалистами.

Коллекція передана Румянц. м. вдовою устроителя экспедиціи Т. К. Рябушинской, согласно желанію покойнаго удержать этнографическую часть сборовъ экспедиціи въ Москвѣ.

Собранія Дашков. Этногр. музея представляютъ огромный научный матеріалъ, на основаніи котораго уже создано не мало научныхъ работъ: о шаманствѣ у гольдовъ—П. П. Шимкевича, о бытѣ вогуловъ—Н. Л. Гондатти, описаніе Туркестана—Федченко, работы по орнаменту и костюмамъ финскаго этнографа Гейкеля основаны отчасти на коллекціяхъ Рум. музея. На основаніи собранія Рябушинскаго Іохельсономъ составляется обширная монографія по Камчаткѣ, Алеутскимъ о-вамъ и Аляскѣ. Музейская коллекція музыкальныхъ инструментовъ у различныхъ народностей описана А. Л. Масловымъ. Въ цѣломъ рядѣ научныхъ и научно-популярныхъ сочиненій использованы описанія отдѣльныхъ предметовъ или изображенія ихъ. Наконецъ, „Систематическое описаніе коллекцій Дашков. м.“ проф. В. Ѳ. Миллера считается въ русской этнографической литературѣ основнымъ сочиненіемъ.

Не менѣе велико значеніе м. и въ другомъ отношеніи: этнографическій бытъ во многихъ случаяхъ является „живой старинной“, и, располагая формы быта, элементы культуры, свойственные различнымъ современнымъ народамъ, въ извѣстной послѣдовательности, по степени ихъ сложности и болѣе полной дифференціаціи, мы иногда можемъ возстановить путь развитія даннаго элемента культуры (жилища, оружія, способовъ передвиженія и т. п.) или формы быта, вѣрованія вообще въ исторіи человѣчества. То, что теперь является совре-

меннымъ и жизненнымъ у наиболѣе примитивныхъ народностей, у другихъ, болѣе культурныхъ, сохраняется уже только въ видѣ замирающихъ пережитковъ, лишенныхъ живого содержанія; это же явленіе у наиболѣе культурныхъ народовъ исчезло безъ слѣда, но въ свое время было пережито и ими. Какъ животный міръ въ своихъ современныхъ представителяхъ, отъ простѣйшаго одноклѣточнаго организма до человѣка, позволяетъ воссоздать нѣкоторые этапы развитія животнаго царства, такъ точно изученіе современныхъ народовъ помогаетъ уясненію прошлаго человѣчества, иногда его очень далекихъ доисторическихъ стадій. Австралійское примитивное оружіе, простой гвинейскій лукъ, кремневые наконечники стрѣлъ и копій американскихъ племенъ—для этихъ народовъ современныя или очень недавнія высшія формы, которымъ предшествовали еще болѣе простыя, а для народовъ Европы это уже незапамятное доисторическое прошлое; но и послѣдніе пережили эту стадію, и то же кремневое оружіе, ту же первобытную посуду съ отпечатками плетенія раскопки открываютъ во многихъ странахъ Европы. Разница только въ томъ, что для австралійцевъ это еще этнографія, для европейцевъ уже доисторическая археологія, но ясно, что обѣ науки тѣсно связаны. Шаманство—современная форма религіознаго міропониманія многихъ нашихъ финскихъ и тунгузскихъ племенъ; оно и у нихъ имѣло долгую исторію и сложное развитіе; въ жизни же многихъ другихъ народовъ эта форма уже область прошлаго, но не у всѣхъ одинаково далекаго: у бурятъ, напр., мы видимъ еще очень живые отзвуки шаманскаго культа, очень замѣтно примѣшивающіеся къ новой

религіи; у китайцевъ уже значительно слабѣе эти пережитки; у великоруссовъ они еще сохраняются въ повѣрьяхъ, иногда очень живучихъ, въ орнаментѣ (напр., нѣкоторые мотивы орнамента отражаютъ культъ солнца, нѣкогда распространенный широко во всемъ человѣчествѣ, теперь же у многихъ народовъ уже утерявшій свой живой миѳологическій смыслъ) и т. п.

Народы сталкиваются другъ съ другомъ на своемъ долгомъ историческомъ пути, соприкасаются въ войнахъ, еще больше въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ, усваивая одинъ отъ другого различныя культурныя пріобрѣтенія, вліяя другъ на друга. Эти вліянія отражаются и въ предметахъ матеріальнаго обихода и могутъ быть отмѣчены на многихъ предметахъ въ музеѣ. Многовѣковое сосѣдство съ финнами наложило отпечатокъ между прочимъ, напр., на характеръ узора великорусскаго шитья, на самый типъ великорусса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и т. п.

Есть, наконецъ, еще одна сторона, на которую необходимо обратить вниманіе при изученіи коллекцій Этн. музея. Человѣкъ живетъ всегда въ условіяхъ опредѣленной географической среды и въ своемъ бытѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ обликѣ въ большей или меньшей степени отражаетъ родную природу. Чѣмъ проще, примитивнѣе культура, тѣмъ болѣе властно природа вліяетъ на человѣка. Ея наиболѣе яркое и полное отраженіе въ жизни человѣка мы встрѣчаемъ на крайнихъ предѣлахъ возможнаго обитанія—въ далекихъ тундрахъ сѣвера и въ сухихъ степяхъ и полупустыняхъ юго-востока Россіи (но уже въ болѣе слабой степени). Вся обстановка жизни самоѣда опредѣляется во

всѣхъ деталяхъ и въ общемъ строѣ велѣніями скупой сѣверной природы и вызываемаго ею кочевого оленеводческаго хозяйства. Даже религіозныя представленія и ихъ внѣшнія проявленія, на первый взглядъ менѣе зависящія отъ природы, на самомъ дѣлѣ въ своихъ формахъ сложились въ полной зависимости отъ нея и отличаются бѣдностью фантазіи, невыработанностью культа, тою придавленностью, которая отвѣчаетъ отношенію человѣка къ природѣ на сѣверѣ. Съ другой стороны, подвижная кочевая жизнь не благопріятствуетъ развитію сложнаго внѣшняго культа, свойственнаго осѣдлому быту, а требуетъ т. ск. портативныхъ формъ.

Чѣмъ выше культурный уровень, тѣмъ замаскированнѣе воздѣйствіе природы; оно перестаетъ быть во многихъ случаяхъ непосредственнымъ и на высшихъ культурныхъ стадіяхъ не легко обнаруживается. Но оно всегда есть и можетъ быть вскрыто при внимательномъ изученіи.

Вотъ тѣ основныя точки зрѣнія, которыми слѣдуетъ руководиться при осмотрѣ этнографическихъ коллекцій. Жизнь каждаго современнаго народа сложилась въ результатѣ долгаго историческаго развитія, слѣды различныхъ моментовъ котораго проступаютъ болѣе или менѣе ясно и въ современномъ строѣ: наука открываетъ ихъ въ различныхъ культурныхъ пережиткахъ, въ этихъ отзвукахъ прошлаго въ современности, и по нимъ, какъ геологъ по ископаемымъ остаткамъ животныхъ далекихъ эпохъ, сохранившимся подъ нынѣшнею живою почвой, этнографъ возстановляетъ бытовое прошлое человѣчества, открываетъ вліяніе народовъ другъ на друга, учитываетъ непосредственное вліяніе мѣстной природы. Въ этомъ особенно большое

значеніе этнографическихъ музеевъ, накопляющихъ матеріалы для познанія современной жизни человѣчества, для изученія послѣдовательности развитія ея при помощи анализа, такъ сказать реставраціи культурныхъ ископаемыхъ, въ результатѣ чего выясняются законы развитія формъ человѣческаго общежитія и отдѣльныхъ элементовъ культуры.

Отдѣленіе доисторическихъ древностей. Первобытная Европа.

Михаила Коваленскаго.

XIX в. былъ не только вѣкомъ пара и электричества, вѣкомъ торжества естествознанія и прикладныхъ наукъ. Въ томъ же вѣкѣ были совершены величайшія открытія въ области исторической науки, въ нѣдрахъ земли открытъ новый первобытный міръ, прорытъ туннель въ доисторическое прошлое Европы, въ эпохи развитія человѣка, отстоящія на десятки и сотни тысячелѣтій отъ нашей эры. Это — эпохи великихъ обледенѣній европейскаго материка, вѣка бронзы, мѣди и камня. Работы археологовъ соединились съ изысканіями этнографовъ, и въ результатѣ — возможность начертать схему развитія человѣчества, отъ ледниковаго періода и отъ дикарей Тасманіи — вплоть до современнаго культурнаго европейца. Эти завоеванія науки начались рядомъ блестящихъ открытій во Франціи, Даніи и Швейцаріи въ пол. XIX в. Раскопки въ пещерахъ Франціи дали множество каменныхъ орудій, не сверленныхъ и не шлифованныхъ, едва оббитыхъ и заостренныхъ рукою человѣка,—палеолитической эпохи, стараго камен-

наго вѣка; затѣмъ явилась возможность раздѣлить самый старый каменный вѣкъ на 5 послѣдовательныхъ эпохъ, названныхъ по мѣстамъ главныхъ находокъ, — Шель, Сентъ-Ашель, Мутье, Солютре, Мадленъ. Въ Даніи раскопаны были сорныя кучи, наполненныя остатками древней жизни, костями, орудіями, черепками посуды и т. д., гл. обр. новаго кам. вѣка (неолита) и отчасти вѣковъ мѣди и бронзы. На швейцарскихъ озерахъ обнаружились, при обмелѣніи ихъ, остатки свайныхъ поселеній, новаго каменнаго и бронзоваго вѣка, съ цѣлыми залежами всевозможныхъ предметовъ. Въ Швейцаріи такихъ селеній раскопано до 160, и въ одномъ только изъ нихъ оказалось до 100 т. свай.

Вотъ эти-то три ряда раскопокъ и представлены въ коллекціяхъ Рум. музея (3-й этажъ). Отдѣлъ Доист. древностей музея созданъ трудами хранителя отдѣленія древностей Ю. Д. Филимонова, въ 1860-хъ годахъ, и составился изъ коллекцій самого Филимонова, проф. Ешевскаго и др., но гл. обр. изъ коллекціи, пожертвованныхъ А. М. Раевской. На ряду съ подлинными предметами, полученными изъ раскопокъ, здѣсь имѣются и копіи, слѣпки, съ нѣк. изъ нихъ.

Коллекціи эти находятся въ одномъ изъ залъ 3-го этажа. Надо пройти этотъ залъ насквозь; въ самомъ его концѣ, почти у задней стѣны, стоятъ шкапы №№ 1 и 2, съ интересующими насъ коллекціями. Коллекціи размѣщены на полкахъ съ обѣихъ сторонъ, съ лицевой и съ обратной (мы будемъ ихъ различать по буквамъ: A и B; счетъ полокъ идетъ сверху). Здѣсь указываются лишь наиболѣе интересные, типичные нумера, и указываются не въ

порядкѣ музейной нумераціи, а въ извѣстной системѣ; указаніе нумеровъ необходимо въ виду того, что новаго каталога въ музеѣ къ этимъ коллекціямъ нѣтъ, а старый распроданъ.

Коллекція французскихъ пещеръ. Шкапъ 1. Сторона А. Полки 1, 2, 3. Куски камня, отъ котораго откалывались части, служившія орудіями—нуклеусы, ядрища, п. 2, № 9 и 50. Камен. орудія. Простѣйшія: ручные топоры типа С. Ашель 1—4, скребки для очистки шкуръ 5—7 (Мутье). Кремневые скребки, ножи, шила Мадленъ 30—34, 25—29, 65—69. Кремн. топоры изъ Бретани 122—136. Топоръ изъ серпентина 114, п. 1. Слѣпки съ т. н. властительскихъ знаковъ, жезловъ неизвѣстнаго назначенія, Мадленъ; на нихъ изображенія животныхъ, очень реальныя, — образцы первобытнаго искусства; матеріалъ—б. ч. рогъ сѣв. оленя. Рисунки: дикая лошадь—87, рыбы—88, баранъ—92, олень и лошадь—103; кинжалъ съ рукоятью въ видѣ оленя—102; узоры-черточки, ободки—89, 90. Косточки чел. пальца той же эпохи (палеолита)—п. 2, 58. Нѣк. предметы фр. пещеръ характерны для неолита. Большой миндалевидный топоръ изъ серпентина п. 3, 114, полиров. топоры изъ песчаника—117—121.

Коллекціи датскихъ кьеккенмединговъ (сорныхъ кучъ), (неолитъ). Шк. 2, Б, п. 1—4. Кам. топоры, п. 1 и 2, 697—727. Кам. молотки—732—7, п. 4, 832—6. Кремн. ложки—п. 2, 750—2. Острія копій и стрѣлъ—п. 4, 837—43 и 848—9. Кинжалы—844—7. См. также кремн. пилки шведской коллекціи, п. 5, 877—9. Интересны еще точильные камни, на коихъ точились и шлифовались орудія: п. 2, 740 и 766.

Коллекціи Швейцарскихъ свайныхъ построекъ—съ 5 озеръ: Пфефиконскаго, Бильскаго, Мосзедорфскаго, Невшательскаго, Женевскаго. Шк. 1, А, п. 4, Б, п. 1—4. Куски свай, сосновыхъ и дубовыхъ — А, п. 4, 225—6. Куски стѣнной обмазки отъ хижинъ на сваяхъ—А, п. 4, 200, Б, п. 4, 241. Кости звѣрей: дикаго быка, зубра, медвѣдя, лося, лошади—Б, п. 4, 217—221, рога вымершихъ породъ коровы, козули, оленя—А, п. 4, 325—333. Части оленьяго рога—Б, п. 2, 423—4. Кам. орудія: Б, п. 4; молотъ—230, топоры—231—5, долото въ кускѣ олен. рога — 236, кремн. пила—237, острія стрѣлъ кремн.—239—240. А, п. 4. Гранитные топоры—287—9. Точильные камни: Б, п. 4, 229, А, п. 4, 407—9. Кост. орудія: А, п. 4, кинжалъ изъ кости быка—201, орудія изъ кости кабана—202—3, оленя—204—7, костяныя шилья—208—12. Б, п. 4. Кост. долото—249. Роговыя орудія—214—6, 251. А, п. 4. Орудія изъ кабан. клыка — 334—5, черенки олен. рога для укрѣпленія орудій—263—4. Глиняные черепки посуды: 192—9, 269 — 70, 312—24, Б, п. 2, 425—6. Глин. горшокъ: А, п. 4, 311. Ткани: льняныя—141—3, Б, п. 2, 430—5. Веревки—А, п. 4, 146—8; цыновки—149. Ткацкія грузила—190—1, Б, п. 2, 428, п. 4, 252—5. Рыболовныя снасти: А, п. 4, 139—40. Б, п. 1, 345—6, п. 3, 429, п. 4, 243—5. Дерев. орудія: Б, п. 4, ножъ и кусокъ лука изъ тис. дерева — 222—3. Бронза: Б, п. 4, 243—7 (удочки, игла, серьга), 257—60 (головн. булавки), А, п. 4, 269 (острія стрѣлъ), 273—6 (гол. булавки), 285—6 (булавка, колечко), Б, п. 1, 336—388 (клинки ножей, браслеты, привѣски, кольца, пуговицы, булавки), п. 2, 410—11 (топоры). Желѣзныя

орудія: Б, п. 4, 261 (фибула), А, п. 4 262 (остріе копья). Земледѣл. орудія: Б, п. 4, 227—8 (камни для дробленія зеренъ), А, п. 4, 265 (то же), Б, п. 2, 342 (бронз. серпъ). Сѣмена и плоды: А, п. 4, 150—183 (м. п.: ячмень—151—2, пшеница—153—4, малина—156, земляника—157, ленъ—158, бузина—160, яблоки—177—8, хлѣбъ—181, солома—183). Б, п. 4, 242—зерна горчицы; п. 3. 436—565—то же (м. п. ленъ—437, 465; орѣхи—440—1, пшеница—442, солома—443, бузина—444, малина—445, земляника—449, ячмень—451, грабъ—460, хлѣбъ—462, яблоки—463). См. также въ коллекціяхъ германскихъ—шк. 2, А, п. 3,—бронзовую форму для отливки бронз. орудій—566, п. 4—каменную и глиняную формы для отливки бронз. наконечниковъ стрѣлъ и др. орудій—583—3 (копіи).

Первобытныя древности Россіи полнѣе и систематичнѣе представлены въ коллекціяхъ Московскаго Историческаго музея, куда и отсылаемъ интересующихся ими; см. статью „Истор. музей".

Историческій музей.

Дм. фонъ-Эдинга.

Красная пл. Трамваи №№ 3, 10, 16, 22, 25, 30, 31 и 36. Открытъ ежедневно 11—3, кромѣ субб. Входъ безплатный. Тел. 6—61.

Историческій музей (открытый въ 1883 году) имѣетъ задачей собираніе, храненіе и изданіе памятниковъ старины, находимыхъ на площади Рос-

сійской Имперіи. Видную роль въ исторіи музея сыгралъ гр. Уваровъ, которому принадлежитъ также честь созданія русской археологіи, какъ науки.

Музей выстроенъ по плану инж. Семенова; ак. Шервуду принадлежитъ рисунокъ фасада въ ложно-русскомъ стилѣ; отдѣльные архитектурные мотивы его и главныхъ сѣней заимствованы изъ построекъ XVI и XVII ст. Орнаментація залъ должна соотвѣтствовать стилю различныхъ эпохъ.

Каменный періодъ.

Древнѣйшіе памятники культурной жизни человѣчества принадлежатъ каменному періоду, названному такъ потому, что наиболѣе совершенныя орудія вырабатывались изъ камня. Сравнительно хорошо изученная техника обработки камня позволяетъ отличать болѣе древнія орудія этого періода отъ позднѣйшихъ на основаніи степени совершенства отдѣлки орудій и прогресса въ самой техникѣ обработки камня.

Главнѣйшія подраздѣленія каменнаго періода—палеолитическая (древне-каменная) и неолитическая (ново-каменная) эпохи—характеризуются тѣмъ, что орудія первой сохраняютъ слѣды обработки въ видѣ отдѣльныхъ плоскостей, — результатъ послѣдовательныхъ отщепленій осколковъ камня, тогда какъ во вторую появляются шлифованныя орудія, подчасъ совершенно не сохраняющія признаковъ первичной, черновой обработки. Кромѣ того, для неолитической эпохи характерно открытіе искусства сверленія камня (благодаря чему скрѣпленіе молотка сдѣлалось простымъ и прочнымъ), а также появленіе глиняной посуды.

Палеолитическая эпоха (1-ый залъ).

Человѣкъ палеолитической эпохи обиталъ на площади нынѣшней Россіи въ условіяхъ, далекихъ отъ современныхъ намъ; съ сѣверо-запада надвигался, отступалъ и вновь надвигался мощный (до 2-хъ километровъ толщиной) ледяной покровъ; по его окраинамъ ледъ таялъ и давалъ начало многоводнымъ рѣкамъ. Климатъ, бывшій ранѣе теплѣе современнаго, постепенно охладился. Фауна и флора подверглись большимъ измѣненіямъ, потерявъ съ теченіемъ времени нѣкоторыхъ своихъ членовъ. Кости многихъ животныхъ особенно часто находятся вмѣстѣ съ орудіями первобытнаго человѣка; въ витринахъ № 1 (предм. №№ 48—54), № 2 (предм. №№ 83—90) и № 4 (пр. №№ 44, 45) помѣщены различныя кости мамонта, волосатаго носорога (витр. № 4, предм. № 47) и первобытнаго быка (витр. № 4, пр. № 43).

Въ настоящее время нѣтъ подтвержденія существованія человѣка въ предѣлахъ нашей родины въ раннюю пору палеолитической эпохи, — пору, когда орудія приготовлялись исключительно путемъ отбиванія лишнихъ частей отъ куска камня, главная масса котораго и служила орудіемъ; находки памятниковъ поздней поры палеолитической эпохи, характерной появленіемъ сколотыхъ орудій,—немногочисленны. Въ эту пору орудіемъ начали служить осколки, отщепляемые искусными ударами отъ ядрища (примѣромъ послѣдняго можетъ служить ядрище изъ „Пещеры Мамонта“, Кѣлецкой губ., Олькушскаго у., въ витр. № 1; см. также рис. 2-й первой табл.). Обыкновенно сколотыя орудія похожи на удлиненную плоскую призму съ 3-мя и

болѣе гранями (см. табл. I рис. 1); образцы такихъ орудій можно видѣть въ коллекціи изъ с. Костенки, Воронежской губерніи (витр. № 2); тамъ же выставлены орудія не столь изящной обработки—разнообразные рѣзцы; рѣжущіе края ихъ иногда заострены вторичной оббивкой, удалявшей небольшіе осколки кремня (обычнаго матеріала для каменныхъ издѣлій) съ лезвея орудія. Примѣромъ подѣлокъ изъ кости могутъ служить 2 шила изъ оленьяго рога (витр. № 1, пр. №№ 55, 56) и обломки другихъ орудій, иногда со слѣдами полировки (витр. № 1, пр. №№ 57-67).

Неолитическая эпоха (1-ый и 2-ой залы).

Многочисленные остатки памятниковъ этой эпохи на площади Россіи свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ настолько приспособился къ измѣнявшимся условіямъ жизни, что вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе, результатомъ чего и явилось разселеніе его по всей площади нашего отечества. Характерное для эпохи полированіе орудій производилось треніемъ о песчаниковыя плиты, находимыя довольно рѣдко (2 залъ, витр. № 8, колл. изъ Рязанск. губ., Ряжскаго у., д. Турово). Коллекціи орудій неолитической эпохи на ряду со встрѣченными уже раньше трехгранными плоскими кремневыми орудіями содержатъ и другія, лишенныя полировки, но поражающія тщательностью отдѣлки и правильностью формы; напр.: большой наконечникъ копья изъ Волынской губ. (витр. № 6 и табл. I, рис. 4), маленькіе кремневые наконечники стрѣлокъ (витрины №№ 2, 4 и, особенно,—8-ая, а также рис. 6 первой табл.). Среди разнообразныхъ

формъ неолитическихъ орудій важно отмѣтить прежде всего—топоры (витр. № 4, колл. изъ Лепельскаго и Полоцкаго уѣз. Витебской губ., витр. № 7, колл. изъ Тульск. губ., Бѣлевск. у. и витр. № 12—колл. изъ Казанской губ.; табл. I, рис. 3). Въ витр. № 6 перваго зала лежитъ интересный нефритовый (твердая порода камня) топоръ со слѣдами пиленія. Прекрасный образецъ долота выставленъ въ колл. изъ с. Дубровичи, Рязанск. губ. и у. (витр. № 8); въ этой же коллекціи можно видѣть кремневое сверло (табл. I, рис. 5). Въ коллекціи изъ Волынской губ. (витр. № 6) имѣется нѣсколько хорошихъ кремневыхъ пилъ (табл. I, рис. 8) (подобными орудіями распиливался даже камень; другой способъ пиленія состоялъ въ трепіи натянутой бечевкой или ребромъ деревянной пластинки, при чемъ на мѣсто распила подсыпался песокъ и лилась вода). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о скребкахъ для очистки кожи отъ мяса и жира (въ коллекціи изъ д. Волосово, Владимірск. губ., Муромск. у. (витр. № 9).

Открытіе искусства сверленія камня, послѣдовавшее во вторую половину неолитической эпохи, послужило если не къ открытію новаго орудія—молотка, то къ широкому его распространенію. Сверленіе производилось вращеніемъ стержня (деревянной палки, трубчатой кости, и даже тростника), при чемъ подъ конецъ его, упирающійся въ камень, подсыпался песокъ и лилась вода; если сверленіе производилось полымъ стержнемъ (напр., тростникомъ), частицы камня удалялись въ мѣстахъ тренія стѣнокъ стержня; средняя-же часть просверливаемаго камня въ видѣ цилиндрика или усѣченнаго конуса (отъ снашиванія во время работы стѣнокъ стержня) оставалась въ полости стержня; въ витр. № 6 можно

Таблица I.

видѣть какъ молотокъ, подготовленный къ сверленію, такъ и полученные при сверленіи полымъ стержнемъ цилиндрики и усѣченные конусы.

До насъ дошли молотки самыхъ разнообразныхъ формъ; обычные типы можно видѣть во всѣхъ витринахъ второго зала; предполагаютъ, что удлиненныя формы, переходящія въ мотыки (витр. № 3), служили для разрыхленія земли (земледѣліе возникло не ранѣе конца неолитической эпохи); широкіе и плоскіе молотки — кастеты (витр. № 4, колл. изъ Финляндіи) употреблялись какъ оружіе. Въ центральной витринѣ воспроизведена „мастерская“—мѣсто, гдѣ приготовлялись каменныя орудія; кучи камня состоятъ изъ неиспользованнаго еще, или непригоднаго матеріала, неудавшихся орудій, осколковъ и небольшого числа, б. м., затерянныхъ годныхъ орудій.

Одно изъ важныхъ завоеваній человѣческаго ума въ неолитическую эпоху было возникновеніе гончарнаго искусства. Сосуды изготовлялись при помощи плетеныхъ корзинъ (или какой-нибудь другой твердой основы), которыя снаружи и изнутри обмазывались глиной. Въ большинствѣ случаевъ до насъ дошли только обломки этихъ толстостѣнныхъ плохо-обожженныхъ сосудовъ; въ глину прибавляли не только песокъ, но дресву и толченыя раковины. Шейка, горлышко и ручки отсутствовали, и форма придавалась сосудамъ исключительно круглодонная (табл. I, рис. 9); на витр. № 11 помѣщенъ реставрированный сосудъ; нужно предположить, что такіе сосуды вкапывались въ землю. Поверхность ихъ въ восточной Европѣ почти сплошь покрывалась орнаментомъ; наиболѣе часто онъ образованъ рядами глубокихъ ямокъ, сдѣланныхъ кон-

цомъ палочки, или бороздокъ, оттиснутыхъ веревочкой; иногда употреблялась гребенка съ тупыми и короткими зубцами (колл. изъ д. Волосово въ витр. № 9), которой наносились какъ-бы пунктирныя линіи (образцы этихъ орнаментовъ можно видѣть въ витр. № 8, 9 и 11). Художественное творчество не ограничивалось орнаментаціей посуды: на многочисленныхъ примѣрахъ можно убѣдиться, что не только орудіямъ придавались формы животныхъ (2-ой залъ, витр. № 2, кол. изъ Арханг. губ.; залъ 1-ый, витр. № 6), но, подчасъ, изготовлялись фигурки животныхъ и человѣка, очевидно, не служившія практическимъ цѣлямъ (залъ 2-ой, витр. № 2).

Верхъ стѣны занимаетъ картина, работы В. Васнецова, изображающая человѣка каменнаго періода и бытъ его въ обѣ эпохи, палео-и неолитическую; къ первой относится изображеніе эпилога охоты на мамонта, загнаннаго въ яму и убиваемаго въ ней, а также — пиршества у только что убитаго животнаго; изображеніе быта людей неолитической эпохи занимаетъ остальную часть картины; охота въ это время принимаетъ болѣе скромные размѣры, въ подспорье къ ней появляется рыболовство (костяной гарпунъ, найден. въ Моск. губ., витр. № 7; см. также табл. I, рис. 7); жилища не удаляются отъ воды, ввиду непрочности посуды; около пещеры люди заняты добываніемъ огня (при помощи тренія двухъ кусковъ дерева), изготовленіемъ челнока (выжиганіемъ середины колоды), посуды (но изображенныя формы ея встрѣчаются въ бронзовую эпоху), одежды изъ шкуръ, орудій изъ камня и, наконецъ,—рѣзьбою по кости. Интересно отмѣтить изображеніе собаки—перваго прирученнаго животнаго; въ самомъ концѣ неолитической эпохи приручаются корова, овца и коза.

Металлическій періодъ (залъ 3-ій и слѣдующіе).

Открытіе способовъ обработки металловъ и примѣненіе ихъ составило эру въ исторіи культуры. Человѣчество, вооруженное металлическими орудіями и оружіемъ, съ теченіемъ времени все быстрѣе и быстрѣе уходитъ отъ своихъ первобытныхъ и близкихъ къ природѣ предковъ. Если въ предыдущую эпоху можно предполагать возникновеніе идеи о божествѣ,—въ самомъ началѣ металлическаго періода уже существуютъ развитые религіозные культы, а богамъ слагаются гимны, не лишенные красоты и силы. Памятники искусства не передаютъ исключительно натуралистически формы живой природы, а, стилизуя, обращаютъ ихъ въ мотивы, украшающіе какъ цѣлыя монументальныя постройки, такъ и предметы быта и т. д. Одна изъ отвлеченнѣйшихъ, чистыхъ наукъ—астрономія—возникла также на зарѣ металлическаго періода. Къ этому же времени относится начало письменности.

Металлическій періодъ дѣлится на двѣ эпохи: бронзовую и желѣзную.

Бронзовая эпоха (залъ 3-ій).

Искусство обрабатывать металлы открыто за 5000 лѣтъ до Р. Х. въ Месопотаміи, гдѣ были сдѣланы и другія, упомянутыя выше, завоеванія человѣческаго генія. Благодаря развившейся государственности, высокой культурѣ и обширной внѣшней торговлѣ Месопотамія служила въ теченіе долгаго времени источникомъ, разносившимъ культурныя завоеванія по площади всего Стараго Свѣта.

Первая часть бронзовой эпохи (когда орудія приготовлялись изъ мѣди) называется порой мѣдныхъ орудій, вторая (когда матеріаломъ для орудій служила бронза—сплавъ мѣди и олова, болѣе твердый, чѣмъ чистая мѣдь)—порой бронзовыхъ орудій.

Пора мѣдныхъ орудій.

Къ началу 4-го тысячелѣтія до Р. Х. относятся памятники „трипольской“ культуры (Триполье—село Кіевской губ.), найденные на югѣ и западѣ Россіи; корни этой культуры слѣдуетъ искать на Иранѣ, откуда она прошла черезъ Россію въ области, занятыя нынѣ Австріей, Румыніей, Европ. Турціей, Греціей и др.

Въ коллекціяхъ Историческаго музея (витр. №№ 22,23 и 1а) находится только одинъ мѣдный клиновидный топоръ, что указываетъ на рѣдкость металлическихъ орудій сравнительно съ каменными. Большой интересъ представляютъ издѣлія изъ глины; сосуды дѣлаются отъ руки, имѣютъ б. ч. плоское дно, шейку, иногда ручки или ушки для подвѣшиванія. Въ витринѣ № 23 выставленъ двойной „биноклевидный“ сосудъ безъ дна; назначеніе его точно не установлено. Стѣнки сосудовъ покрывались скульптурнымъ или расписнымъ орнаментомъ, наиболѣе характернымъ является послѣдній. Мотивы украшеній заимствуются даже изъ животнаго и растительнаго царствъ; выполненіе поражаетъ широтой размаха, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и небрежностью (табл. I, рис. 11). Обликъ фигуръ животныхъ и человѣка упрощается мастеромъ до крайнихъ предѣловъ; ту-же стилизацію можно видѣть и на нѣкоторыхъ статуэткахъ (табл. I, рис. 10); другія, напротивъ, отличаются грубоватымъ реализмомъ

въ передачѣ тѣла и, иногда, несложной одежды; въ настоящее время трипольскія статуэтки (въ большинствѣ случаевъ изображающія женщину) считаютъ идолами (богини плодородія) и талисманами. Живописныя (на сосудахъ) и скульптурныя изображенія животныхъ, почти исключительно быковъ,—связываютъ съ религіозными воззрѣніями народа: на его предполагаемой родинѣ—на Иранѣ—впервые возникъ культъ быка. Находимыя при раскопкахъ кости домашнихъ животныхъ и обугленныя зерна пшеницы, ячменя и проса (витр. № 23) указываютъ на осѣдлый образъ жизни трипольскаго человѣка

Пора бронзовыхъ орудій.

Въ бронзовую эпоху на востокѣ образовалось нѣсколько культурныхъ очаговъ, имѣвшихъ большое значеніе для населенія, занимавшаго площадь современной Россіи.

Наиболѣе важное культурное теченіе, оставившее свои памятники на площади Россіи — кавказское; корни его слѣдуетъ искать въ одномъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ очаговъ—Месопотаміи.

Въ витр. №№ 8 и 9, среди предметовъ, характерныхъ для этой культуры, помѣщенъ образчикъ красной краски—сурика; ею посыпался покойникъ, погребавшійся въ скорченномъ положеніи; краска вѣроятно символизировала огонь и замѣняла сожженіе покойника, или какъ-бы очищала могилу.

Типичными для культуры можно назвать: бронзовые топоры, серебряныя и золотыя иглы, привѣски изъ сверленыхъ зубовъ (оленя?), костяныя булавки съ парными кнопками у вершины (табл. II, рис. 1) и бусы изъ бѣлой пасты (тѣ же витрины).

Посуда украшалась узорной полосой вокругъ шейки и отдѣльными дорожками, спускавшимися отъ нея на плечи сосуда (табл. II, рис. 2). Въ Европ. Россіи эта культура оставила памятники на обширномъ пространствѣ; однимъ изъ первыхъ былъ изслѣдованъ могильникъ бл. д. Фатьяново, Яросл. губ. (предм. выставлены въ витр. № 4), отъ имени которой культура названа Фатьяновской; бронзовыя вещи — кромѣ колечка на медвѣжьемъ зубѣ — отсутствуютъ, зато характерны каменные молотки, подражающіе формой бронзовымъ (табл. II, рис. 3), и орнаментированные у шейки сосуды, неотличимые отъ найденныхъ въ Кубанской области. Фатьяновскій человѣкъ жилъ охотой; признаки земледѣлія и скотоводства отсутствуютъ.

Нѣсколько позже возникъ культурный очагъ въ Средней Азіи; наиболѣе типичными для этой культуры (низъ желѣзной витр. № 19) являются бронзовые топоры съ вислыми обухами (табл. II, рис. 4), сплошные (табл. II, рис. 5) и прорѣзные наконечники копій и серпы (табл. II, рис. 9). Памятники средне-азіатскаго культурнаго теченія, найденные на площади Европ. Россіи, выставлены въ витринахъ №№ 4—6; особенно интересна находка большого числа отлитыхъ, но еще не отдѣланныхъ серповъ, кинжаловъ и т. п. вмѣстѣ со сломанными (забракованными) орудіями у с. Сосновая Маза, Саратовской губ. (витр. № 5); характеръ находки доказываетъ мѣстную выдѣлку орудій по образцу средне-азіатскихъ.

Наконецъ, 3-ій культурный очагъ—сибирскій—хорошо представленъ памятниками изъ Енисейской, Томской и Тобольской губ. (низъ 19-ой, 20-я, 21 и 22 витрины); наиболѣе типичными являются: кельты

(топоры со втулкою въ видѣ массивнаго долота; см. табл. II, рис. 6), изящные ножи, б. ч. съ кольцомъ или отверстіемъ на концѣ рукоятки (табл. II, рис. 8), кинжалы, у которыхъ, какъ и у ножей, клинокъ и рукоятка составляютъ одно цѣлое, а перекрестье напоминаетъ бабочку съ развернутыми крыльями (табл. II, рис. 7), и серпы, похожіе на слегка изогнутые ножи.

На верхней полкѣ 22-ой витр. интересны круглыя бронзовыя зеркала съ рельефными изображеніями на обратной сторонѣ и литыя пластинки съ изображеніями стилизованныхъ животныхъ. На 4-ой (сверху) полкѣ витр. № 20 помѣщена планшета съ миніатюрными бронзовыми топориками, кинжалами и ножами; вещи эти считаются вотивными, т. е. связанными съ религіозными обрядами; принадлежностью тѣхъ же обрядовъ являлись, вѣроятно, и горшки съ вырѣзанными въ стѣнкѣ четырехугольными отверстіями. Въ витринахъ №№ 2, 3 и 6 выставлены предметы съ Днѣпра и Дона, типичные для восточныхъ культурныхъ теченій; въ первой изъ указанныхъ витринъ интересны каменныя формы для отливки бронзовыхъ орудій.

Наконецъ, послѣдній по времени культурный очагъ—кобанскій (названный по имени аула на Кавказѣ), отличавшійся своеобразностью, но большого вліянія, видимо, не имѣвшій (витр. №№ 10—19); замѣчателенъ онъ тѣмъ, что здѣсь (за 1500 лѣтъ до Р. Х.) впервые появляется желѣзо въ видѣ инкрустаціи на бронзовыхъ пластинкахъ (витр. № 12). Модели воспроизводятъ погребенія въ ящикахъ изъ каменныхъ плитъ.

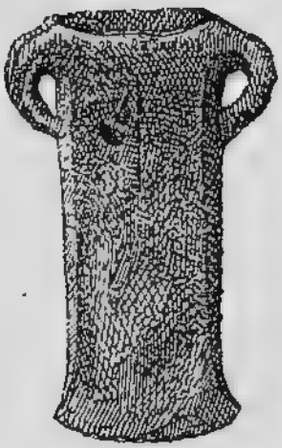
Изъ предметовъ слѣдуетъ отмѣтить: большіе месопотамскіе спиральные браслеты (низъ витр. №

1

2

3

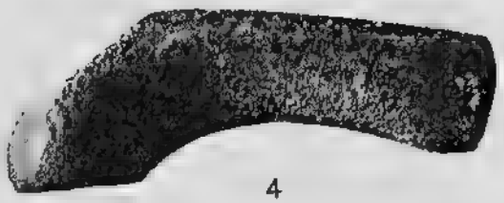
5



6

7

8

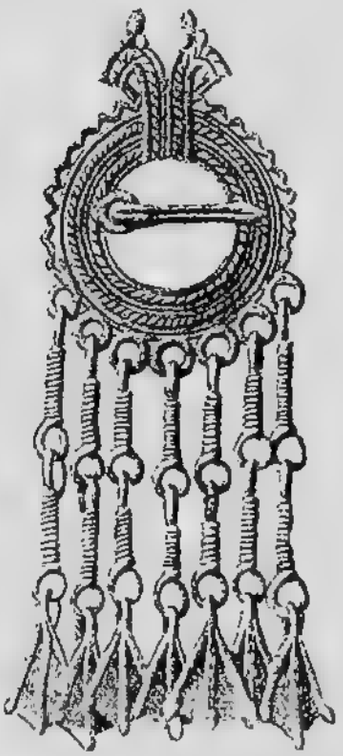


4

9

10

11



12

Таблица II. 37

10), массивныя фибулы—застежки вродѣ современныхъ „англійскихъ булавокъ“ (верхъ витр. № 11), привѣски б. ч. въ видѣ бараньихъ головъ съ круто завитыми рогами (витр. № 12), огромныя лопатообразныя (витр. № 13) и завитковыя (витр. № 15 и низъ 16-ой) булавки, служившія, вѣроятно, для скалыванія накидокъ или бурокъ.

Желѣзная эпоха (залъ 4-ый и слѣдующіе).

Начавшись за 1500 до Р. Хр., желѣзная эпоха продолжается до послѣдняго времени, т. к. даже при современномъ состояніи науки не открыто матеріала, могущаго замѣнить желѣзо и его производные: сталь и чугунъ въ техникѣ, и, слѣдовательно,—культурѣ. За послѣднія 3500 лѣтъ прогрессъ матеріальной культуры выразился болѣе въ открытіяхъ законовъ и силъ природы (какъ химическихъ, такъ и физическихъ) и въ стремленіи привести ихъ на службу человѣчеству.

Духовная культура, поскольку она входитъ въ область археологіи, какъ и въ предыдущія эпохи, запечатлѣлась въ различныхъ памятникахъ религіознаго и бытового характера, смѣной взглядовъ на красоту и интересъ къ матеріальному и духовному мірамъ.

Условно желѣзную эпоху дѣлятъ на три поры: раннюю—до Рождества Христова, среднюю—первые десять вѣковъ нашей эры и позднюю—съ X ст.

Приведенная выше дата (1500 л. до Р. Хр.) для начала желѣзной эпохи не можетъ считаться общей для всей Россіи. Обиліе мѣди въ Пріуральскихъ губерніяхъ, а также образованіе второстепеннаго культурнаго очага еще въ бронзовую эпоху

въ Волжско-Камской области задержало появленіе въ этомъ раіонѣ желѣзныхъ орудій болѣе чѣмъ на 10 столѣтій. Самой ранней и интересной культурой желѣзной эпохи признается культура Ананьинскаго могильника (Вятск. губ.); часть вещей выставлена въ 34-ой витринѣ зала 5-го [1]); кромѣ бронзовыхъ кельтовъ, кинжаловъ и трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на гривны (серебряные и бронзовые обручи, носившіеся вокругъ шеи) и многочисленныя костяныя подѣлки (шила и пр.). Въ той-же витринѣ и справа отъ нея помѣщены 2 надгробныя плиты съ изображеніемъ погребенныхъ; на бо́льшей ясно видна фигура въ остроконечной шапкѣ, съ гривною на шеѣ, кинжаломъ и клевцомъ за поясомъ (табл. II, рис. 11).

Отчасти въ это же время, но главнымъ образомъ нѣсколько позже, въ восточной Россіи получаетъ распространеніе культура „костеносныхъ городищъ“ (витр. № 33); названіе указываетъ на обиліе костей среди предметовъ, находимыхъ на мѣстахъ поселеній племени, жившаго около времени Р. Хр. Изъ характерныхъ для культуры предметовъ слѣдуетъ назвать: костяные ножи, шила и наконечники стрѣлъ, шиферная орнаментированная пряслица, серебряныя гривны и лунницы (привѣски къ ожерелью и т. п.) и изогнутые желѣзные ножи. Первыя пять столѣтій нашей эры отмѣчены появленіемъ въ Вост. Россіи памятниковъ финской культуры: наиболѣе характернымъ проявленіемъ ея служитъ Гляденевское костище (Пермск. губ.)—жертвенное

---

[1]) Въ коллекціяхъ Румянцовскаго музея находятся также вещи изъ Ананьинск. могильника.

мѣсто; на 2-хъ верхнихъ полкахъ витрины № 32, среди выставленныхъ предметовъ оттуда, слѣдуетъ обратить вниманіе на небольшія бронзовыя фигурки людей, четвероногихъ животныхъ, птицъ (иногда съ изображеніемъ человѣч. лица на груди; см. табл. II, рис. 10), змѣй и пчелъ,—всѣ эти изображенія имѣютъ связь съ религіей, а изображеніе пчелы кромѣ того указываетъ на существованіе пчеловодства (по другимъ даннымъ были извѣстны также земледѣліе и скотоводство); кромѣ того, интересны типичныя для финновъ „шумящія" привѣски—пластинки съ прикрѣпленными къ нимъ посредствомъ цѣпочекъ бубенчиками, колокольчиками и т. п., служившія украшеніями.

Булгарское царство, имѣвшее столицу въ нынѣшней Казанск. губ. и основанное народомъ, пришедшимъ съ юга, завершаетъ рядъ восточныхъ государственныхъ организацій, поддерживавшихъ оживленныя торговыя сношенія съ культурнымъ Востокомъ (арабами) и отличавшихся богатствомъ; для булгаръ типичны плетеные изъ серебряной проволоки браслеты (табл. III, рис. 3) и гривны, а также вещи изъ благородныхъ металловъ, украшенныя зернью (витр. № 31). Самостоятельное существованіе этого народа кончилось съ появленіемъ татаръ. По всему Пріуралью находятся во множествѣ арабскія серебряныя монеты и характерные сосуды изъ того-же металла, подтверждая существованіе крупной торговли туземцевъ съ арабами и удивительныя скандинавскія саги о богатствѣ Прикамья; въ витр. №№ 32 и 35 выставлены арабскіе серебряные кувшинчикъ (копія) и тарелка.

Къ концу ранней поры желѣзной эпохи въ средней Россіи большую площадь заняла „горо-

децкая" культура (по с. Городецъ, Рязанской губ.); наиболѣе типичнымъ памятникомъ ея считается посуда съ „сѣтчатымъ" орнаментомъ, получившимся отъ отпечатыванія грубыхъ тканей и рогожъ на сырыхъ стѣнкахъ сосудовъ (табл. III, рис. 1); кромѣ каменныхъ и сходныхъ съ волжско-камскими костяныхъ подѣлокъ находятся желѣзные кельты, ножи и стрѣлы; присутствіе тиглей (табл. III, рис. 2), мѣдныхъ и желѣзныхъ шлаковъ указываетъ на мѣстное производство изъ металловъ. Земледѣліе и скотоводство было знакомо населенію. Коллекціи предметовъ „городецкой" культуры выставлены въ витр. №№ 23 и 25 4-го зала (с. Городецъ, Рязанск. губ., с. Дуна, Калужск. губ. и с. Дьяково, Московск. губ.).

Время III—VII ст. по Р. Хр. ознаменовалось для Пріокской области появленіемъ и разселеніемъ финновъ (предметы выставлены въ витр. № 27); главную массу вещей составляютъ бронзовыя (б. ч. женскія) украшенія, среди которыхъ главную роль играютъ „шумящія" привѣски, встрѣченныя уже у Пріуральскихъ финновъ (изъ всѣхъ народовъ, населявшихъ Европейскую Россію, финны выдѣлялись стремленіемъ обильно украшать металлическими издѣліями головной уборъ, платье и обувь). Въ витр. № 26 выставлены вещи тѣхъ-же финновъ VII—XI ст., а въ витр. №№ 28—29 (5-го зала)—предметы того-же племени III—XI ст. Въ теченіе 8 вѣковъ финская культура почти не прогрессировала, и устанавливать хронологическую зависимость отдѣльныхъ коллекцій между собой можно только на основаніи датировки находимыхъ среди нихъ привозныхъ вещей, главнымъ образомъ, фибулъ. Въ витр. № 5 4-го зала помѣщены предметы изъ Лю-

цинскаго могильника (Витебск. губ.) IX—X ст., приписываемаго предположительно финнамъ; бронзовыя издѣлія отличаются массивностью; интересны остатки кольчужной ткани.

Древнѣйшія изъ опредѣленныхъ въ Россіи славянскихъ погребеній представляютъ трупосожженія; модель кургана съ трупосожженіемъ въ витр. №№ 4, 11 и 15 4-го зала:—около груды пережженныхъ костей, какъ и при простомъ погребеніи, ставился иногда горшечекъ съ пищей, нематеріальной сущностью которой должна была питаться нематеріальная сущность покойнаго по пути на тотъ свѣтъ При мужскихъ погребеніяхъ полагалось оружіе и орудія (напр., копье, топоръ; см. табл. III, рис. 11), при женскихъ—принадлежащія покойной украшенія; одежда мужчины была бѣдна послѣдними. Иногда въ толщѣ кургана встрѣчаются слѣды поминокъ—тризны въ видѣ костей животныхъ и разбитыхъ сосудовъ. Витрины №№ 1—4 четвертаго зала содержатъ предметы изъ погребеній новгородскихъ славянъ и нѣкоторыхъ подвластныхъ имъ племенъ X—XIV ст., типичными для славянъ этой области являются височныя кольца (прикрѣплявшіяся къ головному убору и къ волосамъ около ушей) съ ромбическими расширеніями (табл. III, рис. 6). Интересны предметы, указывающіе на торговыя сношенія съ культурными центрами того времени: венеціанскія бусы, скандинавскія „черепаховыя“ фибулы (табл. III, рис. 4) и арабскія серебряныя монеты (диргемы). Въ витр. №№ 11—18 и 19 (верхъ) находятся вещи (изъ большой Гнѣздовской курганной группы и др. мѣстъ Смоленской губ.) славянъ-кривичей X—XI ст.; многія вещи пострадали отъ огня. Типично-славянскими предметами являются:

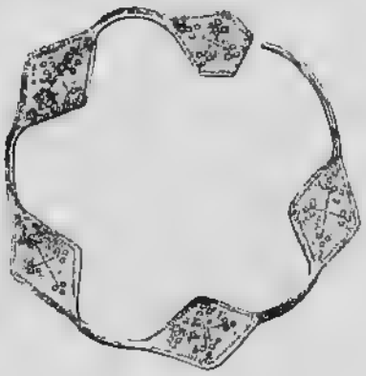
1

1 2

3

4

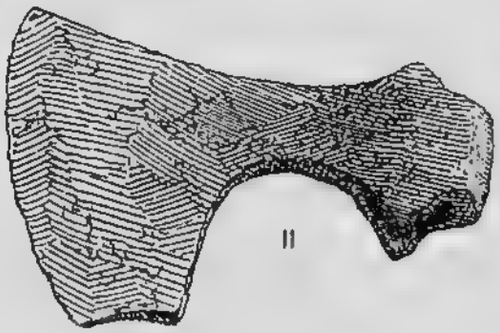
5



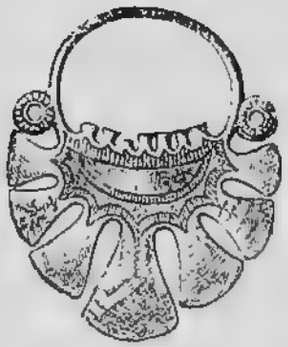
6

7

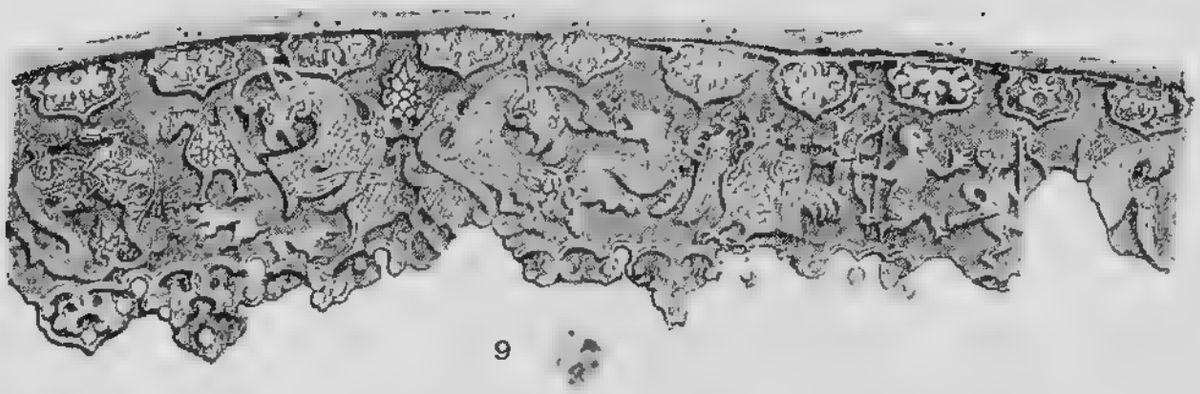
10



11



8



9

Таблица III.

золоченыя стеклянныя цилиндрическія бусы, проволочныя височныя кольца (витр. № 16; см. также табл. III, рис. 7) и глиняная посуда съ линейнымъ и волнообразнымъ орнаментомъ (верхъ витр. № 11; см. также табл. III, рис. 10); обиліе скандинавскихъ предметовъ (мечи, фибулы) и восточныя (бронзовый свѣтильникъ и поливная тарелка) указываютъ на существованіе въ Гнѣздовѣ крупнаго торговаго центра. Кривичскія вещи центра Россіи—въ витр. № 30 5-го зала. Вещи, приписываемыя славянамъ-дреговичамъ, расположены въ витр. №№ 19 (низъ) и 20-ой; для этого племени характерны большія зерневыя бусы. Въ витр. № 21 выставлены предметы изъ погребеній славянъ-радимичей; для нихъ характерны пластинчатыя 7-зубчатыя височныя кольца (табл. III, рис. 5). Въ витр. №№ 23—25 помѣщены древности славянъ-вятичей; типичныя для нихъ 7-лопастныя височныя кольца отличаются отъ радимическихъ (табл. III, рис. 8); вятичамъ приписываютъ и сосудъ съ загадочной надписью въ витр. № 26. Примѣромъ богатаго (княжескаго, по преданію) славянскаго погребенія X ст. служитъ коллекція изъ Черной могилы (Черниговск. губ.) въ витринѣ № 11 пятаго зала; особенно интересна чеканная серебряная оправа 2-хъ турьихъ роговъ (табл. III, рис. 9); на планшетѣ вмѣстѣ съ ними прикрѣпленъ небольшой бронзовый идолъ; шлемъ и кольчуга, положенные около покойника, пострадали отъ огня, какъ и другіе предметы.

Изъ народовъ, временно населявшихъ области нынѣшней Россіи и оставившихъ памятники своей культуры, нужно указать на готовъ и хозаръ; готскія золотыя и бронзовыя вещи (IV ст. по Р. Хр.) выставлены въ витр. № 21 (ея нижняя правая

Историческій музей.

часть) и № 23 (верхняя и часть 2-ой полки 4-го зала); для готскаго стиля характерна орнаментація вырѣзами (б. ч. треугольными), эмалью и цвѣтными камнями, а также примитивная неумѣлость въ использованіи драгоцѣннаго матеріала при наличности любви къ нему (на рис. 5 четвертой табл. представлена одна изъ типичныхъ готскихъ фибулъ). Хозарамъ, предположительно, относятъ вещи изъ Салтовскаго могильника, Харьковской губ. (витр. № 22).

Въ 4-омъ и слѣдующихъ залахъ разставлены „каменныя бабы" изъ различныхъ мѣстъ Россіи (иногда это—мужскія фигуры). Обычай ставить подобныя изваянія занесенъ изъ Азіи кочевниками около времени Р. Х.; на нѣкоторыхъ фигурахъ интересно изображеніе одежды.

Изъ нихъ интересенъ четырехликій „Збручскій истуканъ" (слѣпокъ) между входами изъ 4-аго въ 5-й залъ; его считаютъ идоломъ Святовита, бога славянъ о-ва Рюгена.

На стѣнѣ четвертаго зала помѣщены 2 картины проф. Семирадскаго, изображающія сцены славянскихъ погребеній. Первая—„Погребеніе русса"—написана по разсказу арабскаго путешественника X ст. Ибнъ-Фадлана; на кострѣ стоитъ лодка съ богато-одѣтымъ покойникомъ, яствами и напитками, на костеръ же навалены убитыя животныя; на борту лодки сидитъ дѣвушка, согласившаяся умереть съ своимъ господиномъ: она будетъ заколота старухой—„ангеломъ смерти" и задушена ея помощниками, а затѣмъ сожжена вмѣстѣ съ руссомъ. Слѣва у костра стоитъ обнаженный человѣкъ—родственникъ покойнаго; его обязанность—зажечь костеръ подъ лодкой. Послѣ сожженія надъ грудой углей и золы

былъ насыпанъ курганъ. Въ настоящее время еще не рѣшенъ положительно вопросъ: славянское или скандинавское погребеніе видѣлъ Ибнъ-Фадланъ. Другая картина изображаетъ погребеніе княземъ Святославомъ воиновъ, павшихъ во время боя подъ Силистріей (971 годъ). Покойники сжигаются на кострахъ вмѣстѣ съ заколотыми плѣнными и женщинами; справа картины видно принесеніе въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ.

Отголоски античной культуры (залы Б, 5 и 6) и христіанство (залы А, В, 7 и сл.).

Плодородіе южно-русскихъ степей вызвало уже въ VII ст. до Р. Хр. наплывъ греческихъ колонистовъ на Черноморское побережье, откуда отдѣльныя поселенія пришельцевъ продвинулись вглубь страны по рѣкамъ. Оживленныя торговыя сношенія съ туземнымъ населеніемъ создали богатые города, сохранившіе до нашихъ дней слѣды высокой культуры и былого великолѣпія.

Изъ памятниковъ чисто-греческой культуры слѣдуетъ обратить вниманіе на изящные глиняные сосуды съ живописью декоративнаго характера (витр. №№ 3 и 6 залы Б), стеклянные сосуды (верхняя и 3-я полки, витр. № 5 тамъ же), свѣтильники для масла (тамъ-же), статуэтки обожженной глины, своимъ интимнымъ характеромъ отличающіяся отъ строгаго стиля монументальной греческой пластики (слѣдуетъ отличать болѣе грубыя поддѣлки мѣстныхъ мастеровъ отъ произведеній грековъ) въ витр. № 5, изящныя ювелирныя издѣлія и рѣзные камни (витр. № 4), вѣнки изъ золотыхъ листьевъ и бляшки того же металла,

найденные въ могилахъ греческихъ некрополей (витр. № 3). По стѣнамъ расположены надгробныя плиты и разнообразныя „памятныя“ доски. Надъ аркой въ залу В помѣщена картина Айвазовскаго, изображающая видъ на г. Керчь, Царскій курганъ (справа) и Таманскій полуостр. (слѣва вдали).

Греческая культура оказала сильное вліяніе на обитавшее въ южно-русскихъ степяхъ племя скиѳовъ, а позднѣе—сарматовъ, съ которыми колонисты имѣли торговыя сношенія. Эти народы вели отчасти кочевой, отчасти осѣдлый образъ жизни и на пространствѣ современной Россіи появились первые въ VII ст., а вторые—во II ст. до Р. Х. Обмѣнивая продукты земледѣлія и скотоводства на предметы роскоши, скиѳы въ массѣ не утратили облика полудикаго народа; интересны изображенія скиѳовъ на золотомъ сосудѣ изъ Куль-обской гробницы (копія его въ правомъ углу витр. № 5 шестого зала) и на серебряной вазѣ Чертомлыцкаго кургана (копія изъ матоваго фарфора въ лѣвомъ углу той же витрины). Среди предметовъ, входящихъ въ составъ скиѳской культуры, выдѣляются: бронзовые котлы (на окнахъ 6-го з.), рукоять меча (витр. № 4), бронзовые трехгранные наконечники стрѣлокъ (табл. IV, рис. 3) и костяныя псаліи — часть удилъ (витрина № 3). Среди памятниковъ вліянія греческой культуры кромѣ издѣлій изъ обожженной глины (интересна повозочка—дѣтская игрушка въ витр. № 5) слѣдуетъ обратить вниманіе на ювелирныя (табл. IV, рис. 4) и прежде всего на упомянутую уже копію изъ фарфора серебрянаго сосуда, IV—III ст. до Р. Х., найденнаго въ погребеніи скиѳскаго царя; верхняя часть сосуда украшена изображеніями грифоновъ, пожирающихъ оленя, и сценъ укрощенія скиѳами

лошадей (онѣ повторены на стѣнѣ 6-го зала надъ входомъ въ 5-ый), а нижняя, заполненная растительнымъ и животнымъ орнаментомъ, имѣетъ 3 крана въ видѣ лошадиной и 2-хъ львиныхъ головъ. Въ центрѣ 6-го зала находится модель каменнаго сооруженія внутри Кульобскаго кургана (гробница скиѳскаго царя); сводъ 6-го зала воспроизводитъ покрытіе одной изъ Керченскихъ гробницъ; живопись надъ парными арками копируетъ роспись 2-хъ сарматскихъ катакомбъ, изображающую эпизоды изъ жизни сарматовъ и носящую отпечатокъ римскаго искусства.

Кавказъ въ желѣзную эпоху находился въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ, какъ и въ предыдущую; относящіяся къ XIV—VII ст. до Р. Х. кавказскія древности Историческаго музея, принадлежатъ племени Наири закавказскаго народа Урарту и носятъ отпечатокъ ассиро-вавилонской культуры; желѣзныхъ орудій, сравнительно съ бронзовыми—немного, типичны египетскія бронзовыя стрѣлы (табл. IV, рис. 2), бляшки изъ бѣлой пасты, вправленныя въ бронзовые ободки; но особенно характерны темные сосуды съ рѣзнымъ, выполненнымъ бѣлой массой орнаментомъ, весьма условно передающимъ формы живой природы (з. 5-й, колл. изъ Елизаветпольской губ., витр. №№ 38 – 39; см. табл. IV, рис. 1); позднѣе— въ VI ст. до Р. Х.—появились сосуды, расписанные яркими красками (колл. съ береговъ Аракса, Арпачая и Куры, Эриванск. губ., въ витр. № 37). Къ V ст. до Р. Х. относится Казбекскій могильникъ со своей замѣчательной серебряной чашей (витр. № 43). Римскія и парѳянскія монеты времени около Р. Х. датируютъ погребенія Самтаврскаго могильника (2 нижнихъ стекл. полки витр. № 37, 5-го

зала); золотые листья вѣнка и др. предметы указываютъ на вліяніе классическихъ культуръ. Посреднѣ дна витрины стоитъ модель гробницы Самтаврскаго могильника изъ каменныхъ плитъ; 4 верхнихъ полки витр. № 36 содержатъ предметы изъ кургановъ Кубанской обл. и носятъ отпечатокъ римской культуры II—III ст. по Р. Х., т. е. времени ея упадка, что замѣтно на ювелирныхъ издѣліяхъ. Витрина № 20 5-го зала заключаетъ въ себѣ остатки бронзоваго гроба съ погребеніемъ воина XIV ст. по Р. Х.

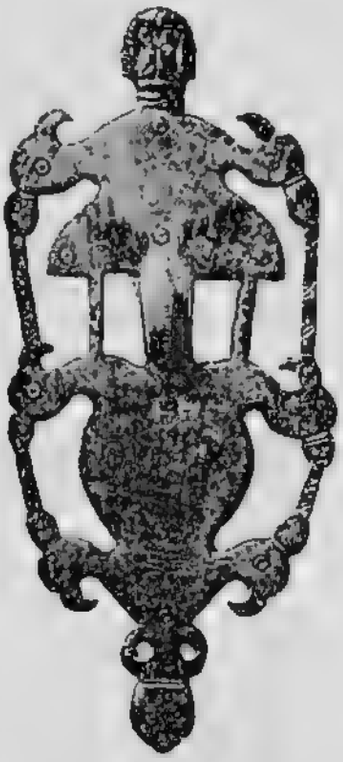
На смѣну римской культуры явилась христіанская, и памятники искусства послѣдней по правдивой передачѣ живой природы, ясному взгляду на нее и, даже, по сюжетамъ не рѣзко отдѣляются отъ искусства классическаго міра, особенно въ первые вѣка своего существованія. Достаточно взглянуть (залъ А) на копіи со стѣнныхъ росписей римскихъ катакомбъ, помѣщенныя въ куполѣ и изображающія Христа подъ видомъ Орфея и лицъ, чтимыхъ христіанской церковью. Изъ скульптурныхъ памятниковъ такого же характера слѣдуетъ упомянуть о копіяхъ статуэтки Добраго Пастыря начала III ст., статуи св. Ипполита—составителя Пасхаліи, и лучшаго изъ многочисленныхъ саркофаговъ—саркофага Юнія Басса: эти 3 примѣра хранятъ черты благородства и красоты классическаго искусства. Въ христіанскомъ искусствѣ важную роль играютъ мозаики—картины, составленныя изъ цвѣтныхъ и позолоченныхъ (б. ч. стеклянныхъ) кубиковъ; копіи съ произведеній искусства этого рода равеннскаго мавзолея Галлы Плацидіи (V ст.) украшаютъ стѣну зала А надъ дверями въ сѣни (изображеніе Добраго Пастыря, величе-

1

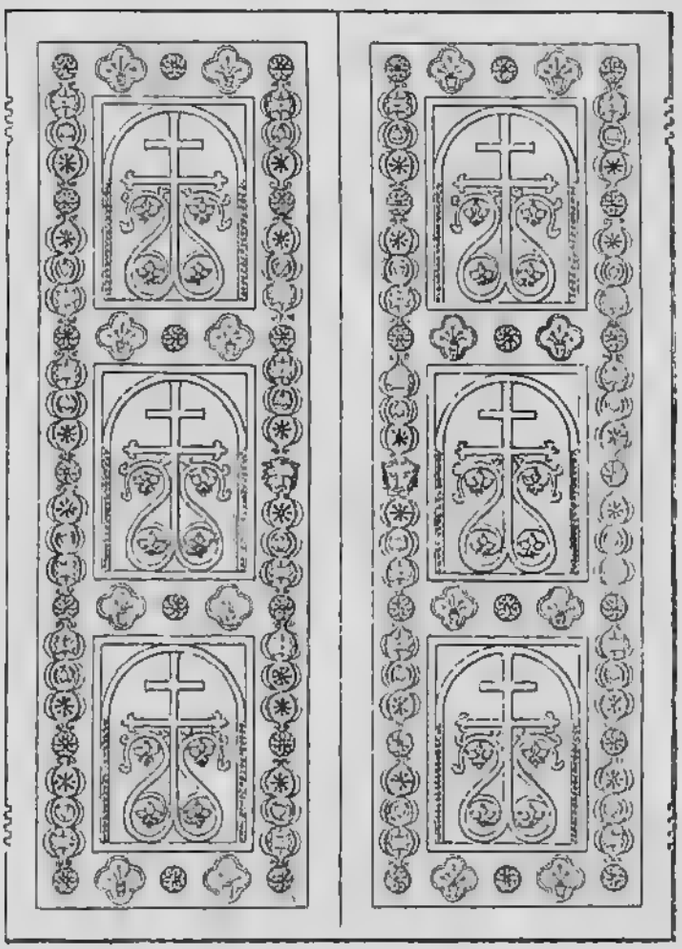
2

3

4



5



6

7

Таблица IV.

ственно возсѣдающаго среди пасомыхъ) и 4 паруса, поддерживающіе куполъ этого зала (символическая трактовка таинства крещенія). Еще большее значеніе получила мозаика въ пышномъ и торжественномъ искусствѣ Византіи; примѣромъ цареградской мозаики можетъ служить копія надъ дверью въ залъ Б.; она изображаетъ колѣнопреклоненнаго византійскаго императора передъ Христомъ, подлинникъ мозаики находится въ св. Софіи. Внутренняя архитектура зала А передаетъ характеръ византійскаго храма, почти квадратнаго въ планѣ, съ широкимъ и невысокимъ куполомъ. Въ этомъ же залѣ лежатъ въ витринахъ слѣпки съ рѣзныхъ дощечекъ слоновой кости, служившихъ поминаніями, украшавшихъ алтари, переплеты священныхъ книгъ и т. д.

Въ Россіи древнѣйшіе памятники христіанскаго искусства носятъ черты византійскаго вліянія и находятся, гл. обр., на Черноморскомъ побережьѣ и на Кавказѣ. Залъ В украшенъ мотивами, заимствованными изъ византійскихъ и кавказскихъ храмовъ. На Черноморское побережье христіанство проникло въ I ст. по Р. Х., а съ IV ст. имѣло въ Херсонесѣ центръ, откуда распространилось въ области, занятыя славянами. Въ самомъ Херсонесѣ прослѣживается смѣна чисто-языческой культуры (витр. № 1) культурой переходнаго времени (витр. № 2) и культурой преимущественно христіанской (витр. № 3); наконецъ, въ витр. № 4 на 3-хъ нижнихъ полкахъ лежатъ обломки поливной посуды изъ Херсонеса XIII—XIV ст. Верхнія полки этой же витр. и 2 верхн. полки витр. № 5 заняты вещами крымскихъ готовъ, VII ст. Подъ окномъ на полу лежатъ куски каменнаго иконостаса XI ст. изъ Закавказья; инте-

ресенъ орнаментъ, какъ бы сплетенный изъ лентъ, и тонкое выполненіе фигуръ. Въ этомъ же залѣ стоятъ 3 каменныя изваянія, при чемъ среднее (каменная баба), вѣроятно, древнѣе христіанской надписи II ст., помѣщенной на передней сторонѣ.

Исторіи славянскаго искусства Кіевскаго періода посвящены залы 7 и 8; украшенія перваго заимствованы изъ Кіево-Софійскаго собора, построеннаго въ XII ст. византійскими мастерами. Ими же были исполнены мозаики и росписи стѣнъ; важнѣйшія копіи первыхъ: изображеніе таинства Евхаристіи (въ 7-мъ залѣ) и благословляющаго Спасителя въ 8 омъ залѣ; тамъ же помѣщены копіи съ фресокъ лѣстницы на хоры собора, изображающія сцены изъ византійской жизни. Копія гробницы Ярослава Мудраго въ 7-омъ залѣ (интересны символическія изображенія рыбъ, птицъ, процвѣтшаго креста и пр.) такъ же, какъ слѣпки съ рѣзныхъ шиферныхъ досокъ (вдѣланныя въ стѣны), носятъ характеръ византійской работы. Въ витринахъ 7-го же зала кромѣ старинныхъ крестовъ интересны круглые литые образки-змѣевики, перешедшіе къ намъ изъ Византіи и служившіе амулетами (табл. IV, рис. 7). На глухой стѣнѣ 8-го зала помѣщена копія съ мозаики Михайловскаго Кіевскаго монастыря, изображающей таинство Евхаристіи, но исполненной славянскими учениками византійцевъ.

9-ый залъ посвященъ памятникамъ новгородскаго искусства. Копіи съ новгородскихъ иконъ и стѣнныхъ росписей показываютъ такое же вліяніе византійскаго искусства, какъ и въ Кіевѣ. Съ каменной архитектурой Новгорода, отличавшейся нѣкоторой своеобразностью, можно познакомиться по рисункамъ въ центральныхъ витринахъ. Въ стѣнахъ зала

вдѣланы каменные кресты XIV ст., помѣщавшіеся въ стѣнахъ церквей, какъ „поклонные“ и надгробные. Въ лѣвой стѣнѣ вдѣланы копіи 2-хъ вратъ Софійскаго собора. Врата, украшенныя плоскимъ орнаментомъ (между прочимъ интересно изображеніе „процвѣтшаго креста“), называются „корсунскими“ и представляютъ образецъ византійской работы X—XI ст. (табл. IV, рис. 6). Другія—„Сигтунскія“—покрытыя рельефными изображеніями сценъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ—являются примѣромъ средневѣковаго (XII ст.) германскаго искусства. Среди памятниковъ XVI ст. интересны: шитая шелкомъ символическая икона Софіи Премудрости Божіей (на стѣнѣ у Сигтунскихъ вратъ) и 2 копіи съ рѣзныхъ деревянныхъ царскаго и святительскаго мѣстъ въ Софійскомъ соборѣ. Въ витринѣ подъ окномъ интересны серебряныя новгородскія гривны—монетные знаки.

10 и 11 залы посвящены памятникамъ Владиміро-Суздальскаго княжества. Отдѣлка первой воспроизводитъ наружныя украшенія Дмитровскаго собора во Владимірѣ, конца XII ст.; интересны порталы—ряды колоннъ и соединяющія ихъ арочки, постепенно углубляющіяся въ толщу стѣны и обрамляющія входъ; этотъ архитектурный мотивъ типиченъ для романскаго стиля. Надъ центральной витриной стоитъ рѣзной золоченый крестъ съ Владимірскаго Успенскаго собора, половины XII ст.; этотъ храмъ былъ сожженъ татарами, и въ витринѣ подъ крестомъ лежатъ предметы болѣе или менѣе пострадавшіе во время пожара храма. Въ этой же витринѣ помѣщены 2 „владимірскіе клада“: серебряные образки, пышныя сканныя серьги, бусы и пуговицы и 2 „колта“ — полыя золотыя серьги съ

эмалевымъ изображеніемъ святыхъ. Въ этой же витринѣ помѣщенъ кусокъ штукатурки съ росписью XV—XVI ст. (изъ собора Переяславля-Залѣсскаго).

Лѣпныя украшенія слѣдующаго зала копируютъ скульптурный орнаментъ съ наружныхъ стѣнъ, гл. обр., Георгіевскаго собора Юрьева-Польскаго (XIII ст.) и представляютъ, какъ и орнаментъ Дмитровскаго собора, крайне рѣдкій образецъ украшеній такого рода. Въ этомъ же залѣ помѣщена шитая икона XV ст., изображающая таинство Евхаристіи.

Наконецъ, въ послѣднемъ изъ открытыхъ залъ, въ витринѣ у оконъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на мѣдную чеканенную золотомъ дверную доску, найденную въ Старой Рязани (Спасскаго уѣзда, Ряз. губ.). Характеръ надписи и изображенія позволяютъ отнести ее къ XII ст., а м. б. и къ болѣе раннему времени. При раскопкахъ въ московскомъ Кремлѣ были найдены чрезвычайно интересныя керамиковыя и стеклянныя восточныя издѣлія, помѣщенныя въ той же витринѣ; образцомъ арабскаго производства является стекло съ надписью, исполненной золотомъ, образцомъ персидскаго—керамика съ синимъ узоромъ по бѣлому полю, а образцомъ японскаго—чашка съ оттиснутымъ орнаментомъ и великолѣпно сохранившейся прозрачной поливой.

Московскій музей Прикладныхъ Знаній.

(Политехническій.)

В. Ульянинскаго.

Открытъ съ 11 ч. у. до 3 ч. дня въ четвергъ, пятницу, воскресенье—безплатно; въ среду и субботу — 15 коп. Закрытъ—понедѣльникъ и вторникъ. Учащіеся группами въ сопровожденіи преподавателей допускаются безплатно и въ платные дни, если испросить разрѣшеніе по телефону (3—59—28).

Музей этотъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ Политехническаго. Онъ находится въ центрѣ Москвы, на Лубянской площади (ближе къ Ильинскимъ воротамъ). Возникновеніемъ своимъ м. обязанъ исключительно частной иниціативѣ: онъ основанъ въ 1872 году при дѣятельномъ участіи Импер. Общ. любителей ест., антроп. и этн., въ основу его положены коллекціи Политехн. выставки 1872 г. Главными дѣятелями, особенно потрудившимися для основанія м., были, нынѣ покойные, проф. А. П. Богдановъ и Д. А. Наумовъ, въ память которыхъ при м. учреждены преміи. Сначала коллекціи помѣщались въ частномъ домѣ, а въ 1877 г. были размѣщены въ центральной части занимаемаго теперь помѣщенія, которое впослѣдствіи было расширяемо, пока не разрослось до настоящихъ размѣровъ.

М. располагаетъ богатѣйшими коллекціями по всѣмъ почти отдѣламъ прикладныхъ знаній и служитъ для распространенія въ массѣ населенія полезныхъ свѣдѣній, для чего устраиваются воскресныя объясненія. Большая новая аудиторія и двѣ

малыхъ служатъ для чтенія лекцій, устраиваемыхъ Моск. Общ. Народн. Университетовъ, другими просвѣтительными учрежденіями и отдѣльными лицами. Спеціально для учащихся, московскихъ и пріѣзжихъ, м. даетъ богатый и разнообразный матеріалъ, который удобно приспособляется для цѣлей учебныхъ курсовъ школы и который легко распадается на рядъ темъ изъ различныхъ областей знанія. Темы эти весьма многочисленны; главнѣйшія изъ нихъ будутъ указаны въ концѣ.

I. Отдѣлъ Морского и Рѣчного Судостроенія. Площадка № 1. Прямо передъ входомъ высится статуя Петра Великаго, а по бокамъ ея и по стѣнамъ—коллекціи, знакомящія съ устройствомъ судовъ: модель постройки шлюпки въ послѣдовательныхъ стадіяхъ, щиты съ частями для отдѣлки шлюпокъ, съ инструментами для судостроенія; модели и рисунки различныхъ типовъ судовъ—по стѣнѣ у лѣстницы, ведущей на площадку № 3. Очень интересны модели кронштадтскаго дока, одесскаго порта, пристаней Р. О. П. и Т. въ Одессѣ и Нахичевани, отдѣльныя принадлежности судовъ (якоря, цѣпи, морская висячая койка), коллекціи по китобойному промыслу: гарпуны, пушки, блоки для подъема китовъ, инструменты для раздѣлки китовой туши и т. д.

II. Отдѣлъ Техническій; подотдѣлы: минералогическій, горнозаводскій, механическій, технологическій, мануфактурный.

По лѣстницѣ поднимаемся на площадку № 2. Здѣсь—коллекціи, знакомящія со способами добыванія изъ земли каменнаго угля, руды и нѣк. др.

полезныхъ ископаемыхъ, модели рудниковъ, приспособленія для подъема и спуска рабочихъ и добытаго матеріала, насосы для откачиванія воды, вентиляторы для провѣтриванія рудниковъ, крѣпленіе стѣнокъ шахтъ. На стѣнахъ—коллекція рудничныхъ безопасныхъ лампъ (система Дэви и др.), инструменты для горныхъ работъ: кирки, кайлы и др., костюмъ рудокопа.

На площадкѣ № 3 (противоположной) коллекціи различныхъ топливъ. Посрединѣ — модель артезіанскаго буренія въ натур. величину и полный наборъ инструментовъ для этой работы на щитѣ. Рядомъ — модели буровыхъ инструментовъ, столъ для формованія торфа, лопаты, тачки и др. орудія для работъ на торфяномъ болотѣ. Въ витринахъ образцы каменныхъ углей, антрацитовъ, бурыхъ и смолистыхъ, торфовъ изъ различныхъ мѣсторожденій Россіи, Англіи, Явы, Суматры и Борнео. По стѣнѣ на лѣстницѣ во 2-й этажъ—таблица, дающая наглядное представленіе о достоинствахъ различныхъ топливъ.

На площадкѣ второго этажа № 4 — машины, служащія для предварительной обработки рудъ передъ выплавкой, модели дробилки, толчеи, ситъ для сортировки измельченной руды и аппараты для промыванія сортированной руды; модели золотопромывательныхъ машинъ. Коллекціи моделей плавильныхъ печей и богатое собраніе желѣзныхъ рудъ, кусокъ окаменѣлаго дерева изъ Саратовской губ.

На площадкѣ № 53 въ витринахъ богатѣйшая коллекція минераловъ, расположенная въ строго научной системѣ, модели платиноваго и золотого самородка, модели знаменитыхъ брилліантовъ.

На стѣнахъ—рельефныя карты горъ: Мозенберга, Везувія, Этны, о-ва Пальмасъ и части Германіи.

Комн. № 5 и 6. Находящіяся здѣсь модели доменной, пудлинговой печи и аппарата Бессемера даютъ возможность ознакомиться со способами полученія чугуна, стали и желѣза изъ желѣзной руды.

Чугунъ, сталь и желѣзо отличаются другъ отъ друга количествомъ содержащагося въ нихъ углерода: чугунъ содержитъ 4—5% его, сталь—1—2%, желѣзо—0,25—0,5%.

Первоначальнымъ продуктомъ, получаемымъ изъ рудъ, является чугунъ. Выплавка его производится въ доменныхъ печахъ, сложенныхъ изъ огнеупорнаго кирпича, куда закладываются, чередуясь, слои руды и угля. При высокой температурѣ (до 2000°), которая достигается вдуваніемъ въ печь особыми воздуходувными машинами нагрѣтаго до 1000° воздуха, уголь соединяется съ кислородомъ руды, и получается расплавленная масса желѣза, въ которой растворено до 5% углерода. Эта масса выпускается изъ нижней части домны и собирается въ металлопріемникѣ. Домны работаютъ непрерывно и день и ночь. Чтобы получить изъ чугуна сталь и желѣзо, надо уменьшить въ немъ содержаніе углерода.

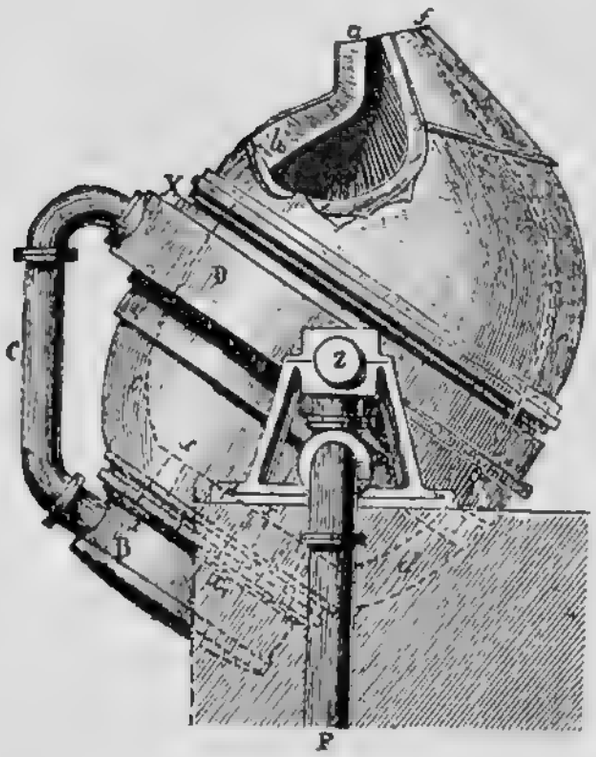
Въ настоящее время [1]) сталь и желѣзо получаются по способу Бессемера въ громадныхъ ретортахъ, сдѣланныхъ изъ огнеупорныхъ кирпичей и обши-

---

[1]) Приведенное описаніе бессемеровскаго способа, а также далѣе—принциповъ безпроволочнаго телеграфа имѣетъ цѣлью показать, какъ въ коллекціяхъ музея возможно легко набросать картину мощнаго движенія науки и техническаго прогресса, увеличивающихъ культурныя достиженія и блага человѣчества.

тыхъ толстыми листами желѣза. Реторта можетъ быть наклоняема и поворачиваема. Въ ея нижней части находятся трубки, черезъ которыя подъ огромнымъ давленіемъ вдувается воздухъ, когда реторта накалена и наполнена расплавленнымъ чугуномъ.

Чугунъ вливается въ верхнее отверстіе реторты. Черезъ 10—20 минутъ уголь б. ч. выгораетъ и его остается до 1%; продолжая эту операцію болѣе продолжительное время, достигаютъ еще большаго сгоранія угля. Полученную сталь (или желѣзо) выливаютъ въ формы и подвергаютъ прессовкѣ гигантскими прессами.



Реторта для бессемерованія.

Въ жизни современнаго человѣчества желѣзо играетъ весьма важную роль, и можно утверждать, что весь техническій, а съ нимъ и культурный прогрессъ въ громадной степени зависѣли отъ изобрѣтенія усовершенствованныхъ способовъ полученія желѣза изъ руды; и въ этомъ дѣлѣ полученіе желѣза и стали по бессемеровскому способу является послѣднимъ словомъ металлургической техники.

Далѣе—собраніе желѣзныхъ рудъ, образцы чугуновъ, шлаковъ и различныхъ сортовъ желѣза, образцы мѣдныхъ, цинковыхъ и свинцовыхъ рудъ, модели, поясняющія способы ихъ обработки, образ-

цы самихъ металловъ, шлифы для микроскопическаго ихъ изученія. Здѣсь же модель горы Благодати, извѣстной своими мѣсторожденіями магнитнаго желѣзняка. Вправо отъ входа въ к. № 7—коллекціи по обработкѣ металла во всѣхъ послѣдовательныхъ стадіяхъ: выдѣлка иголокъ, стальныхъ перьевъ, игрушекъ и др.

К. № 7. Коллекціи по добыванію поваренной соли: собраніе минераловъ изъ Страссфуртскихъ соляныхъ копей, образцы озерной, выварочной и каменной соли, издѣлія изъ нея, модель соляной копи Илецкаго мѣсторожденія, модель градирни, образцы рапы и собраніе солончаковыхъ растеній.

К. № 8—продолженіе этихъ коллекцій: двѣ прекрасныя модели добыванія озерной соли на Астраханскихъ промыслахъ, образцы каменной соли изъ Велички и др. мѣстъ, коллекціи по добыванію соды (модель содовой фабрики), по спичечному производству, производству сѣрной кислоты, разныхъ солей и минеральныхъ красокъ.

К. № 9 занята коллекціями по неорганической и органической химіи и портретами выдающихся химиковъ.

К. №№ 10, 11 и 13. Коллекціи по производству стекла и стеклянныхъ издѣлій.

Коллекціи матеріаловъ для варки разныхъ сортовъ стекла, для окраски его, образцы стеклянной массы, представляющіе постепенные переходы при приготовленіи нѣкоторыхъ стеклянныхъ издѣлій: бутылки, ламповаго стекла и др., и инструменты, употребляемые при этомъ, издѣлія Императорскаго стекляннаго завода, богемскія стекла, образцы живописи на стеклѣ съ Инсбрукскаго завода, венеціанская мозаика и издѣлія изъ стеклянныхъ нитей.

К. № 12. Коллекціи по механикѣ: собраніе различныхъ деталей машинъ, модели механизмовъ для передачи и преобразованія движенія, модели наиболѣе употр. машинъ: грузоподъемныя, насосы, различные двигатели. Модель паровоза, приводимаго въ движеніе.

К. № 13. Коллекціи, знакомящія съ производствомъ различныхъ издѣлій изъ глины: фарфора, фаянса и др. Образцы глинъ русскихъ и иностранныхъ съ обозначеніемъ мѣстности, матеріаловъ, въ сыромъ, обожженномъ и измельченномъ видѣ, таблицы, показывающія относительныя количества матеріаловъ (помѣщенныхъ въ стеклянныхъ трубкахъ одинаковаго діаметра), станки для формованія и образцы, снятые со станка въ различные періоды: формовка чайника — 10 послѣдовательныхъ формъ. Здѣсь же собраны и различныя издѣлія въ готовомъ видѣ: фарфоръ, фаянсъ, опакъ, маіолики, черепицы, кирпичи и пр. Издѣлія Императорскаго фарфороваго завода, севрскія издѣлія, маіолики изъ Швеціи и Финляндіи; издѣлія изъ фарфора, знакомящія съ исторіей этого производства отъ конца XVIII в. до нашихъ дней; среди нихъ цѣлый рядъ очень рѣдкихъ вещей (коллекція, пріобрѣтенная у извѣстнаго коллекціонера-любителя Селиванова). Далѣе — коллекціи по добыванію свѣтильнаго газа, сухой перегонкѣ дерева, обработкѣ нефти, по мыловаренію, стеариновому и свеклосахарному производству. Наиболѣе интересны: модель—разрѣзъ газогенераторнаго аппарата и газоваго завода, печи и реторты и образцы сухой перегонки дерева, коллекція нефти и продуктовъ, добываемыхъ изъ нея, модели механическаго фильтра и вакуумъ-аппарата и сушильнаго аппарата по сахарному производству.

Бо́льшая часть к. № 14 и в с я к. № 15 заняты коллекціями по технологіи питательныхъ продуктовъ.

Въ коллекціи по пивоваренію (комн. № 14) собраны всѣ матеріалы для пива, промежуточные продукты и отбросы, модели солодовни, аппараты для анализа пива. Въ коллекціи по винокуренію заслуживаютъ вниманія модель ректификаціоннаго аппарата, образцы послѣдовательнаго хода винокуренія, аппараты для изслѣдованія вина, модель картофельно-крахмальнаго завода, сельскохозяйственнаго маслобойнаго завода, гербарій масличныхъ растеній и модель хлѣбопекарни съ непрерывно-дѣйствующими печами.

Часть к. № 14 и в с я к. № 16 содержатъ коллекціи по обработкѣ хлопка, шерсти, льна и конопли. Особенно интересна коллекція, представляющая всѣ переходы хлопка въ пряжу, модель „д ж и н а“ (хлопкочесальной машины) и машины для бумагопряденія—банкаброшъ, коллекціи по льнопряденію и обработкѣ джута и рами, модели ткацкихъ станковъ и модель писчебумажной фабрики.

К. 17, 18 и 19—фойэ при новой большой аудиторіи; онѣ содержатъ коллекціи красокъ, окрашенныхъ образцовъ и приборы по крашенію тканей; въ проходѣ № 19—коллекція по обойному дѣлу—даръ фабрики Е. Кротова с-вья—собраніе обоевъ и коллекція ихъ постепеннаго изготовленія.

Изъ к. № 16 назадъ черезъ сельскохозяйственный отдѣлъ, за № 51 направо въ III О т д ѣ л ъ п р и к л а д н о й ф и з и к и (з а л ы №№ 20—29). Этотъ отдѣлъ содержитъ богатѣйшее собраніе приборовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ уже историческое значеніе.

Въ механическомъ отдѣлѣ (з. № 29) собраны многочисленные измѣрительные приборы и при-

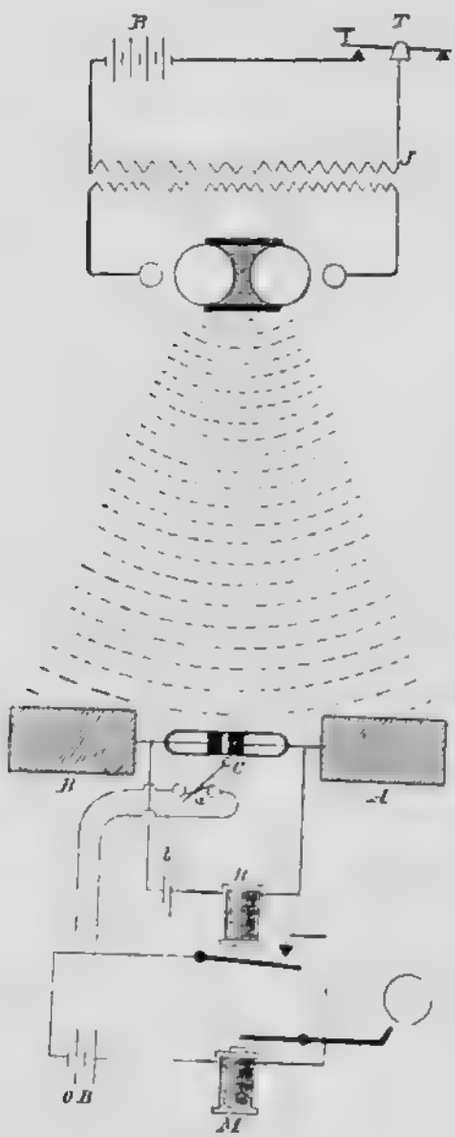
боры по механикѣ. На стѣнѣ—большая карта всемірнаго телеграфа въ 1872 г. и карта развитія телеграфа въ Россіи съ 1852—82 г.; портретъ А. Г. Столѣтова. З. № 28: коллекціи по акустикѣ; фонографы, телефонографъ Пульсена, коллекція телефоновъ, среди нихъ электромотографъ Эдиссона (витрина № 63). З. № 27: отдѣлы теплоты и метеорологіи. Наиболѣе интересны: пирометръ, оптическій столъ съ термомультипликаторомъ Меллони—для опытовъ съ тепловыми лучами, газовые часы, паровыя машины, большая модель магнито-метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета, баро- и анемографы, плювіоскопъ Мангона (запись времени паденія дождя), большой судовой компасъ. По лѣстницѣ вверхъ—въ з. № 23 и № 26, коллекціи оптико-фотографическія. Здѣсь интересны: коллекціи по изготовленію объективовъ, горизонтальный пролагатель, трубки съ разрѣженнымъ воздухомъ, приборъ для опытовъ Тесла, ртутная лампа Аронса, рядъ выпуклыхъ и вогнутыхъ зеркалъ, дающихъ интересныя оптическія иллюзіи, приборъ Квинке для проекціи продольныхъ волнъ, рентгеновскіе трубки и снимки, снимки Липмана интерферренціоннымъ способомъ (спектръ), трехцвѣтные снимки Люмьера и коллекція для объясненія трехцвѣтнаго метода.

З. № 21—приборы по электричеству. Наиболѣе интересны: опыты Герца и д'Арсонваля, аппаратъ Друде для полученія короткихъ электро-магнитныхъ волнъ, кабель въ разрѣзѣ, безпроволочный телеграфъ Маркони. Безпроволочный телеграфъ [1])

[1]) Интересно отмѣтить, что нѣсколько ранѣе Маркони и независимо отъ него русскій инженеръ А. С. Поповъ сдѣлалъ то же примѣненіе электрическихъ волнъ.

Маркони, дающій возможность телеграфировать безъ проводовъ, явился, какъ результатъ открытія Герца, который открылъ новый родъ эѳирныхъ колебаній—электрическія волны. Эти волны вызываются особымъ аппаратомъ, т. наз., вибраторомъ, который состоитъ изъ спирали Румкорфа, производящей токъ огромнаго напряженія (свыше 40.000 вольтъ) и соединенной съ разрядникомъ; концы мѣдныхъ стержней послѣдняго имѣютъ полые шары. Благодаря возникающей въ шарахъ самоиндукціи, каждая искра представляетъ колебательный разрядъ; потокъ искръ посылаетъ электрическія волны, которыя могутъ быть уловлены при помощи прибора-резонатора, примѣнявшагося въ опытахъ Герца. Маркони для воспринятія электрическихъ волнъ построилъ приборъ, идея котораго заключается въ слѣдующемъ: въ стеклянной трубкѣ находятся электроды; если на эту трубку дѣйствуютъ электрическія волны, то сопротивленіе слоя опилокъ падаетъ весьма значительно и частицы приходятъ въ хорошо проводящее состояніе, которое не прекращается послѣ прекращенія дѣйствія волнъ; встряхиваніе же опилокъ приводитъ ихъ къ прежнему сопротивленію. Этотъ приборъ называется когереръ. Когереръ C соединяется съ электромагнитомъ R и черезъ него—съ пишущимъ аппаратомъ M; кромѣ того въ цѣпь введенъ молотокъ a, который ударяетъ по трубкѣ и встряхиваетъ опилки въ трубкѣ, послѣ того, какъ уменьшается сопротивленіе. Если ключъ T замыкаетъ токъ, то вибраторъ даетъ потокъ искръ, посылающихъ электрическія волны. Онѣ достигаютъ когерера и, уменьшая его сопротивленіе, повышаютъ силу тока въ цѣпи, въ которой включенъ

электромагнитъ и пишущій аппаратъ; якорь пишущаго рычага притягивается. Когда ключъ Т разомкнетъ токъ, то прекращаются волны, и молотокъ а ударяетъ по трубкѣ и встряхиваетъ опилки, возстанавливая прежнее сопротивленіе; сила тока уменьшается и якорь пишущаго рычага вновь отскакиваетъ. Благодаря дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, удалось достигнуть передачи электрическихъ колебаній на большія разстоянія, и безпроволочный телеграфъ въ настоящее время имѣетъ большую область примѣненія. Особенно важно его примѣненіе въ мореплаваніи. Океанскія суда благодаря безпроволочному телеграфу могутъ въ любое время войти въ соединеніе или съ радіотелеграфными станціями на берегу, или же другъ съ другомъ; въ случаяхъ опасности они могутъ дать знать объ этомъ и вызвать помощь со стороны находящихся поблизости судовъ. Благодаря установкѣ радіотелеграфныхъ станцій удалось, напримѣръ, довести до конца съ успѣхомъ норвежскую экспедицію до устьевъ Енисея и доказать возможность торговаго мореплаванія у сѣверныхъ береговъ Сибири. Словомъ, изобрѣтеніе безпрово-



Расположеніе Маркони для телеграфированія безъ проводовъ.

лочнаго телеграфа является однимъ изъ важнѣйшихъ завоеваній науки и сулитъ создать новую эру въ такой важной отрасли, какъ мореплаваніе, подобно тому, какъ изобрѣтеніе компаса и пара въ свое время произвели также въ этомъ дѣлѣ переворотъ; а это въ свою очередь отразилось на поступательномъ движеніи общечеловѣческой культуры. З. № 20 — приборы по электротехникѣ и измѣрительные приборы. Возвращаясь назадъ налѣво, входимъ въ боковыя к. 22, 23, 24 и 25— коллекціи по фотографіи; здѣсь можно прослѣдить послѣдовательное развитіе фотографіи, съ первыхъ опытовъ по дагерротипіи и до микрофотографической камеры Цейсса и кинематографа.

Отсюда назадъ черезъ з. № 28 и 29 въ IV Отдѣлъ—прикладной зоологіи (з. № 30—37) одинъ изъ наиболѣе богатыхъ и интересныхъ отдѣловъ музея. Здѣсь собраны животныя, имѣющія к.-л. отношеніе къ человѣку, преимущ. промысловыя животныя.

З. № 30. Коллекціи по промысловой охотѣ. У входа манекенъ зырянина-охотника въ полномъ снаряженіи, въ шкапахъ — первобытныя орудія лова, по стѣнамъ модели: ловушка на медвѣдя, охота на волка съ поросенкомъ, засады изъ кольевъ, силки и капканы, нарты, запряженныя собаками и оленями. Коллекція на стѣнѣ: обработка кроличьей шкурки и выдѣлка изъ нея фетра.

З. № 31—коллекціи млекопитающихъ, птицъ и животныхъ. Біологическія группы: группа волковъ, нападающихъ на кабана, семейство бурыхъ и бѣлыхъ медвѣдей, косуля съ дѣтенышемъ, мускусная кабарга, семья ежей, семья дикихъ кроликовъ и витрина съ отпечатками слѣдовъ дикихъ животныхъ.

Болѣе мелкіе объекты: коллекція пушныхъ звѣрей, преимущ. хищниковъ; рѣдкій экземпляръ чернаго волка. Въ витринахъ издѣлія изъ рога, костей оленя и мамонта, техническіе продукты, получаемые изъ млекопитающихъ: разные сорта клея, желатина, искусственный жемчугъ и т. д. Очень полно представленъ отрядъ грызуновъ; интересна нора хомяка (модель), модель жилища сусликовъ, біологическая группа лемминговъ; нора крота, летучія мыши, собаки; различныя породы собакъ и кошекъ, дикихъ и домашнихъ.

Богатая коллекція птицъ. Въ группѣ домашнее птицеводство—инкубаторы, модель работы Дейроль (развитіе цыпленка) и модель органовъ размноженія курицы. Въ группѣ голубеводство—разнообразныя породы голубей и статуэтки: полетъ голубя въ послѣдовательныхъ моментахъ. Коллекція дневныхъ и ночныхъ хищныхъ птицъ, водяныхъ птицъ (особенно полярныхъ), болотныхъ голенастыхъ, куриныхъ (богатая коллекція фазановъ). Коллекція воробьиныхъ птицъ даетъ возможность познакомиться съ различными способами постройки гнѣздъ, гдѣ, помимо обычныхъ, мы встрѣчаемъ гнѣзда тропическихъ ткачиковъ и гнѣздо ласточки-салганы. Въ отдѣльной витринѣ роскошные представители тропическихъ птицъ.

З. № 32 содержитъ коллекціи птицъ, изъ перьевъ которыхъ выдѣлываютъ различныя украшенія, и самыя издѣлія изъ пера и пуха. Коллекціи по морскому звѣриному промыслу, по рыболовству и рыбоводству. Фотографіи китоваго промысла; образцы китовыхъ усовъ, голова моржа и чучела тюленей.

Отдѣлъ рыболовства даетъ полную картину этого промысла: одежда рыбака, разнообразныя лодки

душегубки, баркасы, шкуны, коллекціи плавныхъ и ставныхъ сѣтей и различныхъ ставныхъ снарядовъ и приспособленій къ нимъ; модели рыболовныхъ загражденій, садковъ для лова крупной рыбы, крючки, удочки и различные типы орудій для лученія и убоя острогой.

Рыбы въ спиртовыхъ препаратахъ и въ сухомъ видѣ: чучело сѣверной акулы, морского чорта, нора налима, шкура бѣлуги, чучело 14-типудоваго тунца, осетры, стерляди и т. д.

Способы заготовки рыбы въ прокъ и полученія изъ нея разныхъ продуктовъ: сита для изготовленія икры, модель сардиночнаго завода, издѣлія изъ кожи зубатки и лососевыхъ рыбъ.

З. № 33 — продолженіе коллекцій по рыбоводству, коллекціи земноводныхъ и пресмыкающихся и безпозвоночныхъ и коллекціи по пчеловодству. По рыбоводству: предметы обстановки лабораторіи на рыбномъ заводѣ, прекрасная модель изъ желатины — развитіе форели, препараты развитія различныхъ рыбъ. Для ознакомленія съ гидробіолог. изслѣдованіями служатъ аппараты: планктонная сѣть, драги, насосъ для ила и др.

Коллекція пресмыкающихся и земноводныхъ не велика: черепахи и издѣлія изъ ихъ панцыря, змѣи и куски ихъ кожи, окрашенной въ разные цвѣта, препараты земноводныхъ. Въ группѣ безпозвоночныхъ: коллекція съѣдобныхъ раковъ, препаратъ симбіоза рака-отшельника и актиніи, препараты моллюсковъ и коллекціи по разведенію устрицъ и муль, раковины и издѣлія изъ нихъ, кораллы, губки и др. Остальная часть зала—коллекціи по пчеловодству. Собраніе ульевъ, отъ первобытной колоды до рамочныхъ ульевъ новѣйшихъ системъ, манекенъ

пчеловода въ рабочемъ костюмѣ, предметы пчеловоднаго обихода, гербарій медоносныхъ растеній, медъ, воскъ и издѣлія изъ него и коллекція гнѣздъ осъ, составленная знаменитымъ въ исторіи русскаго пчеловодства проф. А. М. Бутлеровымъ.

Въ з. № 34—модель анатомическаго строенія пчелы, работы Дейроля, восковыя модели и спиртовые препараты развитія пчелы и учебная таблица, составленная проф. Г. А. Кожевниковымъ. Модель образцовой пасѣки.

З. № 35. Коллекціи по шелководству. Модели и препараты анатомическаго строенія и развитія шелковичнаго червя, образцы тутоваго дерева, скорцонера, разборная модель кормовой этажерки, приборы для вывода червей, модели больныхъ и здоровыхъ гусеницъ, коллекціи дикихъ шелкопрядовъ Японіи, Индіи, Китая и др. странъ, коконники, богатое собраніе образцовъ шелка, модели шелкомотальныхъ станковъ и проч. Коллекція техническихъ и лѣкарственныхъ продуктовъ, добываемыхъ изъ различныхъ животныхъ.

З. № 37. Коллекціи насѣкомыхъ, ядовитыхъ животныхъ и паразитовъ. Ядовитыя змѣи, препаратъ головы гремучей змѣи, скаты, скорпіоны, тарантулы и др. Среди паразитовъ различные виды ленточныхъ глистовъ; паразиты домашнихъ животныхъ, таблицы развитія и размноженія малярійнаго паразита, коллекціи лѣкарственныхъ средствъ противъ паразитовъ. Коллекціи насѣкомыхъ въ ящикахъ, вредители растеній: самъ вредитель во взрослomъ состояніи, стадіи его развитія, образцы растеній, которымъ вредитъ данное насѣкомое; приборы и средства для уничтоженія вредителей, собраніе приборовъ для собиранія и изготовленія энтомолог. коллекцій.

Коллекціи V—Лѣсного отдѣла, з. №№ 37, 38, 39 и 40. Образцы древесины важнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ Россіи, а также и чужеземныхъ. Коллекціи по лѣсоохраненію и лѣсоразведенію: собраніе сѣмянъ и плодовъ, гербарные образцы древесныхъ породъ и кустарниковъ, орудія и инструменты, планы лѣсонасажденій, образцы поврежденій, произведенныхъ человѣкомъ, животными, растительными паразитами и стихійными вліяніями; коллекціи по лѣсной таксаціи и лѣсоустройству: измѣрительные инструменты, графическія изображенія роста деревьевъ, таблицы и пособія для таксаціонныхъ работъ. Коллекціи моделей и рисунковъ инструментовъ и орудій поясняютъ эксплоатацію лѣса, образцы матеріаловъ, употр. въ строит. дѣлѣ и деревообрабат. промышленности. Химическая переработка древесины: по углежженію—модели костровъ, по добыванію сажи—модель сажекоптильни и образцы сажи, по приготовленію древесно-бумажной массы—образцы ея въ сыромъ видѣ и издѣлій шведскихъ и французскихъ фабрикъ и т. д. Коллекціи по перевозкѣ лѣсныхъ матеріаловъ: модели дровней, волокуши, вагоновъ, плотовъ, бѣляны, берлины и др., картины лѣсной промышленности.

VI. Отдѣлъ сельскохозяйственный—з. № 41—51, очень обширенъ, коллекціи сообразованы съ требованіями учебнаго характера. У входа большая таблица-діаграмма, показывающая распредѣленіе населенія Россіи по занятіямъ. С.-х. отдѣлъ раздѣляется на группы: по почвовѣдѣнію и обработкѣ почвы, по растеніеводству и по животноводству. По 1 гр. даны: почвенная карта Россіи, коллекціи по механическому и химическому ана-

лизу почвы, большое собраніе плуговъ, картины работы двухъ типовъ плуговъ и видъ пахоты вдоль и въ поперечномъ разрѣзѣ пластовъ. Въ з. № 50 метеорологическая станція 2-го разряда и карты метеорологическихъ условій разныхъ мѣстъ Россіи. З. № 49 служитъ для физіологическихъ опытовъ.

Въ з. № 48—коллекціи удобрительныхъ веществъ, въ з. № 47 и 46—коллекціи по работѣ контрольныхъ сѣменныхъ станцій, сѣменоводству и по посѣву и уборкѣ урожая (различныя с.-х. орудія), въ з. № 45—коллекціи по технической обработкѣ с.-х. растеній и по луговодству, огородничеству, плодоводству и садоводству.

З. № 44—41. Коллекціи по животноводству. Препараты по эмбріологіи домашнихъ животныхъ, препараты органовъ животныхъ, пораженныхъ разными болѣзнями, модели частей мясной туши, орудія и приспособленія при убоѣ скота, коллекціи костей ископаемыхъ домашнихъ животныхъ эпохи свайныхъ построекъ и модели послѣднихъ, модели и чучела породъ домашняго скота, скелетъ лошади, чучела дикихъ козъ и барановъ, свиней и продукты, получаемые отъ домашнихъ животныхъ. Модели с.-х. построекъ, меліоративныхъ сооруженій, собраніе приборовъ по молочному дѣлу; діаграммы и картограммы по с.-х.

3-й этажъ. VII. Учебный отдѣлъ, к. № 54—58. Воспитаніе и обученіе дѣтей какъ нормальныхъ, такъ и уклоняющихся отъ нормы: глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, дефективныхъ. Коллекціи по физ. воспитанію: модели пеленанія ребенка, коллекціи колыбелей у различныхъ народовъ, приспособленія для пріученія дѣтей къ ползанію, стоянію, ходьбѣ и

собраніе дѣтской одежды, способы кормленія ребенка, коллекціи игрушекъ. Коллекціи по начальному обученію, по воспитанію умственно-отсталыхъ дѣтей, по наглядному обученію (учебной мастерской Вятскаго земства); обширныя коллекціи и пособія по обученію слѣпыхъ и глухонѣмыхъ: портреты первыхъ учителей слѣпыхъ В. Гаю и Брайля, выпуклыя азбуки, новѣйшіе приборы: французскій „кубаритмъ", англійская счетная доска, портреты извѣстныхъ дѣятелей по обученію глухонѣмыхъ, аббата де л'Эпе, И. К. Арнольда, П. М. Третьякова, Елены Келлеръ; приборы для обученія глухонѣмыхъ. Коллекціи по обученію женскимъ ремесламъ, по санитарному устройству школъ и школьной гигіенѣ, по преподаванію естествовѣдѣнія, географіи, по рисованію, черченію и чистописанію. Коллекціи по мужскимъ ремесламъ и ручному труду; кузнечному ремеслу инж.-мех. П. П. Протопопова, программныя работы по ручной обработкѣ металловъ, программныя работы по ручной обработкѣ дерева, коллекція гг. Цыруля и Касаткина по ручному труду (работъ изъ дерева, расположенныхъ по степени трудности) и др.

VIII. Архитектурный отдѣлъ, з. № 61—64. Два подотдѣла: Архитектурно-техническій и Архит.-художественный.

Въ 1-мъ—строительное дѣло вообще; содержитъ собраніе строительныхъ матеріаловъ, группу моделей по укрѣпленію боковъ канавъ, слабыхъ грунтовъ и модели фундаментовъ, группы стѣнъ, различныя системы сопряженія угловъ-срубовъ, кладки кирпичей, сводовъ (напр., модель сводчатаго перекрытія Георгіевскаго зала Большого Кремлевскаго Дворца), модели арокъ и купола Храма Христа

Спасителя, модели стропилъ и крышъ, половъ и потолковъ, лѣстницъ, подмостей и др. Модель кессона и моста черезъ Днѣпръ, модель желѣзнодорожной станціи, моста, водокачки и переѣзда и, наконецъ, группа чертежей и моделей по устройству канализаціи г. Москвы.

2. Архитектурно-художественный подотдѣлъ пока еще не богатъ коллекціями (сильно пострадалъ послѣ пожара). Онъ возникаетъ вновь и будетъ служить для ознакомленія съ художественнымъ развитіемъ архитектуры у разныхъ народовъ по выдающимся памятникамъ и ихъ деталямъ. Въ немъ пока наиболѣе интересны: фотографіи сооруженій Египта, Микенской эпохи Греціи и дальнѣйшихъ эпохъ, Помпеи, Рима, Сиріи, византійскаго, романскаго и готическаго искусства. Есть въ немъ небольшое собраніе скульптуръ, напр.: саркофагъ египетской царицы, маленькія гипсовыя изображенія мумій, рѣзныя изъ дерева колонны съ карнизомъ, дорическая, іоническая, коринѳская, фризъ храма Аполлона въ Фигалеѣ, помпейскіе барельефы, вазы, капитель храма Весты, надгробный памятникъ, капители и фризъ храма св. Марка, капитель Ліонскаго собора, фризъ собора Парижской Богоматери и нѣк. др.

Болѣе подробныя указанія о коллекціяхъ Политехническаго музея находятся въ спеціальномъ путеводителѣ по этому музею, съ планами и рисунками, ц. 20 к. (Москва, 1913 г.).

Списокъ темъ для экскурсій, распредѣленныхъ по отдѣламъ музея.

I. Отдѣлъ морского и рѣчного судостроенія. Постройка судовъ; портовыя сооруженія; снаряды китобойнаго промысла. Въ виду ограниченности матеріала, эта тема можетъ быть присоединена къ другимъ.

II. Техническій отдѣлъ. Полезныя ископаемыя Россіи, способы ихъ добыванія и обработки; производство стекла и стеклянныхъ издѣлій; глина и что изъ нея дѣлается; добываніе свѣтильнаго газа и устройство газоваго завода; продукты сухой перегонки дерева и перегонки нефти; знакомство съ производствомъ сахара, пива и съ винокуреніемъ, производствомъ крахмала и маслодѣліемъ, хлопокъ, ленъ, шерсть, конопля и что изъ нихъ дѣлается.

III. Отдѣлъ прикладной физики. Исторія развитія фотографіи; исторія развитія воздухоплаванія; новѣйшія изобрѣтенія въ области акустики, оптики, электричества; иксъ-лучи, катодные лучи, опыты Тесла, Герца и д'Арсонваля; добываніе электрической энергіи и электротехническія установки; исторія телеграфіи; устройство магнито-метеорологической обсерваторіи.

IV. Отдѣлъ прикладной зоологіи. Орудія и снаряды промысловой охоты; взаимоотношенія животныхъ (біологическія группы); жилища животныхъ; знакомство съ представителями различныхъ классовъ животнаго царства; рыбный и морской звѣриный промысла; пчеловодство и шелководство; насѣкомыя-вредители лѣса; знакомство съ приборами для собиранія и изготовленія энтомологическихъ коллекцій; какіе полезные продукты даютъ человѣку различныя животныя.

V. Лѣсной отдѣлъ. Знакомство съ древесными породами Россіи и чужеземными; эксплоатація лѣсныхъ богатствъ Россіи; механическая и химическая переработка древесины; перевозъ лѣсныхъ матеріаловъ; сохраненіе и разведеніе лѣса; знакомство съ пріемами и приборами лѣсной таксаціи.

VI. Сельскохозяйственный отдѣлъ. Знакомство съ пріемами механическаго и химическаго анализа почвы, составомъ и способами обработки почвы;

культура полезныхъ растеній; техническая обработка сельскохозяйственныхъ растеній; домашнія животныя, ихъ эмбріологія, болѣзни домашнихъ животныхъ, продукты, получаемые отъ домашнихъ животныхъ, и способы ихъ полученія; устройство сельскохозяйственныхъ построекъ и меліоративныхъ сооруженій; сельскохозяйственная дѣятельность въ Россіи въ діаграммахъ и картограммахъ.

VII. Учебный отдѣлъ. Уходъ за грудными и малолѣтними дѣтьми; обученіе умственно-отсталыхъ, слѣпыхъ и глухонѣмыхъ дѣтей; обученіе женскимъ и мужскимъ ремесламъ; санитарное устройство школъ и школьная гигіена; ручной трудъ въ школѣ; знакомство съ пособіями по географіи и естествовѣдѣнію, рисованію, черченію и чистописанію.

VIII. Архитектурный отдѣлъ. Знакомство съ пріемами постройки домовъ и различныхъ зданій, устройство желѣзнодорожныхъ мостовъ, станцій и станціонныхъ сооруженій; устройство канализаціи г. Москвы; художественное развитіе архитектуры у разныхъ народовъ по выдающимся и наиболѣе характернымъ образцамъ.

Примѣчаніе составителя. Приведенный выше списокъ является далеко не исчерпывающимъ всего богатаго и разнообразнаго матеріала музея, а только лишь примѣрнымъ, намѣчая наиболѣе интересныя явленія, которыя можно иллюстрировать коллекціями музея.

Зоологическій музей Императорскаго Московскаго университета.

С. Огнева.

„Музеумъ Натуральной Исторіи“ былъ основанъ при Московскомъ университетѣ въ 1791 году и тогда занималъ площадь въ 52 кв. саж. Несмотря на эти скромные размѣры, онъ вмѣщалъ не только

зоологическія, но и минералогическія коллекціи. Въ 1802 г. музей пополнился коллекціей „Кабинета Натуральной Исторіи“ князя Яблоновскаго, переданной Александромъ I. Въ 1805 году музей обогатился собраніемъ П. Г. Демидова, ученика и друга знаменитаго Линнея. Въ 1812 году коллекціи музея погибли во время взятія Москвы Наполеономъ. Музей началъ возрождаться въ 1814 году благодаря пожертвованіямъ Н. Н. Демидова и членовъ И. Общ. Испытателей Природы [1]). Въ 1860 году коллекціи Зоологическаго музея вновь пострадали вслѣдствіе переноса ихъ по иниціативѣ попечителя моск. учебн. округа Исакова въ Московскій Публичный (Румянцовскій) музей, откуда онѣ были водворены обратно въ университетъ въ 1862 году. Съ тѣхъ поръ, благодаря энергичной дѣятельности завѣдующаго Зоологическимъ музеемъ проф. А. П. Богданова (1862 — 1896), коллекціи сильно пополнялись цѣлымъ рядомъ лицъ, что сдѣлало Зоолог. м. Моск. университета вторымъ по богатству зоологическими коллекціями въ Россіи (послѣ музея Академіи Наукъ.) Быстрый приростъ коллекцій, низкосортная мебель, совершенно не отвѣчающая своимъ цѣлямъ защиты отъ пыли чучелъ звѣрей и птицъ, тѣснота помѣщенія—все это говорило за настоятельную необходимость капитальной перестройки музея. Въ настоящее новое зданіе музея коллекціи были перенесены весною 1902 года. Верхній залъ музея былъ открытъ 6 января 1911 года. Нижній залъ, гдѣ помѣщаются коллекціи пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбъ и безпозво-

---

[1]) Это старѣйшее въ Россіи естественно-историческое общество было основано въ 1805 году.

ночныхъ животныхъ, до сихъ поръ еще не открытъ вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія новыхъ шкаповъ.

М. открытъ по воскрес. съ 1 сент. по 1 мая отъ 10 ч. утра до 3 ч. дня. Входъ—безплатный, но за сбереженіе одежды взимается въ пользу служителей 5 к. съ человѣка. Учащіеся, приходящіе группами съ руководителями, за сбереженіе одежды не платятъ.

Входъ въ помѣщеніе Зоологическаго музея на углу Большой Никитской улицы и Долгоруковскаго пер. Трамваи: №№ 3, 4, 10, 16, 17, 18, 22, 23, 24, 31 и 34; тел. 1-57-21.

Коллекціи млекопитающихъ и птицъ верхняго зала располагаются въ порядкѣ научной системы; обзоръ надо начинать съ лѣвой стороны, у самаго входа въ залъ.

I. Млекопитающія.

Ш к. № 1. Наиболѣе интересными являются крупная горилла, шимпанзе и орангъ-утанъ (чучело и скелетъ). Всѣ они принадлежатъ къ группѣ такъ называемыхъ узконосыхъ обезьянъ Стараго Свѣта. Ш к. № 2. Можно отмѣтить мартышекъ (Cercopithecus), макаковъ (Macacus). Здѣсь же помѣщаются представители широконосыхъ обезьянъ Новаго Свѣта, изъ коихъ можно отмѣтить капуциновъ (Cebidae). На второй полкѣ мы видимъ наиболѣе мелкихъ игрунковыхъ Hapalidae. Ш к. № 3. Мадагаскарскіе лемуры (Lemuridae), даръ проф. А. Мильнъ-Эдвардса. Отрядъ лемуровъ, называемыхъ иногда полуобезьянами, очень характеренъ. Ш к. № 4. Хищники. Особенно интересенъ тибетскій медвѣдь (Ursus pruinosus Blyth.) изъ сбо-

ровъ знаменитаго путешественника П. М. Пржевальскаго. Ш к. № 5. Можно отмѣтить южно-американскихъ носухъ (Nasua) и представителей семейства куницъ. Изъ нихъ наиболѣе цѣнными являются: (въ лѣвой части шкапа, третья полка) помѣсь между хорькомъ и норкой (даръ Ѳ. К. Лоренца) и далѣе, болѣе вправо, — соболи-альбиносы (выродки). Внизу прекрасное чучело выдры (Lutra lutra). Ш к. № 6. Чучело кавказскаго медвѣдя. Ш к. № 7. Особенно интересна морская выдра (Enhydris lutris), обитательница Берингова моря, обладающая наиболѣе цѣннымъ мѣхомъ (неправильно называемымъ мѣхомъ камчатскаго бобра). Внизу замѣчателенъ черный выродокъ волка (явленіе меланизма). Ш к. № 8. Крайне интересная восточно-сибирская енотовидная собака (Nyctereutes procyonoides) и рядомъ съ нею очень цѣнная чернобурая лисица, а также лиса-альбиносъ (выродокъ). Ш к. № 9. Останавливаетъ вниманіе добытая въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи рысь (Lynx lynx). Ш к. № 10. Прекрасныя чучела работы Ѳ. К. Лоренца. (Леопарды, барсы и гепардъ.) Ш к. № 11. Нарушается правильность системы вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія: здѣсь помѣщены преимущественно спиртовые экземпляры различныхъ летучихъ мышей, которыя по зоологическому порядку должны были слѣдовать послѣ лемуровъ. Ш к. № 12. Особенно интересна южноамериканская пума (Felis concolor), принадлежащая къ семейству кошекъ. Ш к. № 13. Чучела льва и львицы. Ш к. № 14. Насѣкомоядныя млекопитающія, которыя по системѣ идутъ за летучими мышами. Здѣсь можно отмѣтить выхухоль (Myogale moschata), имѣющую большое промысловое значе-

ніе. Ш к. № 15. Представители ластоногихъ. (Тюлени и котики.) Ш к. № 16. Отрядъ грызуновъ (Rodentia). Здѣсь можно отмѣтить бобровъ (Castor fiber), которые сохранились лишь небольшими колоніями въ Европейской Россіи [не смѣшивать съ морской выдрой (Enchydris lutris), представительницей хищниковъ]. Внизу замѣчательное животное: „Прометеева мышь", видъ, свойственный Кавказскому хребту (Prometheomys.). Ш к. № 17. Дикобразы и зайцы. Любопытенъ длиннохвостый выродокъ русака, убитый близъ станціи Царицыно (близъ Москвы), а также помѣсь между русакомъ и бѣлякомъ—заяцъ тумакъ (Lepus europaeus×L. timidus). Въ шк. № 18 можно отмѣтить маленькаго дамана (Hyrax syriacus), близкаго къ слонамъ по анатомическому строенію. Внизу дикая монгольская лошадь (Equus przewalskii), найденная Н. М. Пржевальскимъ въ пустыняхъ Джунгаріи. Ш к. № 19. Дикіе кабаны (Sus scrofa). Ш к. № 20. Прекрасныя чучела кабарги и сибирской козули. Между шкафами № 20 и № 21 стоитъ чучело африканскаго носорога (Diceros bicornis). Ш к. № 21. Чучело сайги (Saiga tatarica), обитательницы заволжскихъ степей. Ш к. № 22. Прекрасное чучело амурскаго горала (Nemorchaedus crispus). Далѣе, возлѣ лѣстницы, чучело носорога, который долго жилъ въ Московскомъ Зоологическомъ саду. Ш к. № 23 [1]). Дикій якъ (Phoephagus mutus), добытый Н. М. Пржевальскимъ, правѣе—бѣловѣжскій зубръ. Ш к. № 24. Близкій къ зубру, американскій бизонъ. Ш к. № 25. Прекрасное чучело мускуснаго быка

[1]) Этотъ шкапъ помѣщается въ началѣ зала, у входной двери.

(Ovibos moschatus). Ш к. 26. Замѣчательный шотландскій быкъ (Bos scoticus), коего считаютъ ближайшимъ потомкомъ дикаго быка—тура. Живетъ въ незначительномъ числѣ въ паркахъ Шотландіи.

На полу этого шкапа лежитъ замѣчательный уродливо развитый черепъ быка (домашняго) съ третьимъ рогомъ. Ш к. № 27 и № 28. Верблюды (Camelus bactrianus. C. dromedarius). Ш к. № 29. Очень интересно чучело рѣдкаго туркестанскаго оленя (Cervus bactrianus), который прежде чѣмъ былъ описанъ, какъ новый видъ, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Московскомъ Зоол. саду. Ш к. № 30. Олени. Можно отмѣтить сѣвернаго оленя (Rangifer tarandus). Ш к. № 31 и № 32. Чучела горныхъ козловъ и барановъ. Особенно интересны описанные М. А. Мензбиромъ 2 экземпляра тура Сѣверцова (Capra sewertzowi). Ш к. 33. Чучело дельфина (Delphinus delphis). Ш к. № 34. Представители трехъ низшихъ отрядовъ млекопитающихъ: неполнозубыхъ сумчатыхъ и птицезвѣрей. Особенно интересны: муравьѣдъ (Myrmecophaga jubata), кенгуру и утконосъ (Ornithorhynchus paradoxus).

II. Птицы.

Этотъ классъ начинается въ ш к. № 35 съ безкилевыхъ птицъ [1]), къ коимъ принадлежатъ страусы, реа, казуары. Ш к. № 36. Продолженіе безкилевыхъ птицъ: замѣчательный родъ киви (Apterix oweni, род. Новая Зеландія). Внизу гипсовая модель вымершей птицы „моа“. Направо разные виды

---

[1]) Безкилевыя птицы не имѣютъ килеваго выступа грудной кости, который свойственъ большинству пернатыхъ.

антарктическихъ пингвиновъ, начинающихъ подклассъ килевыхъ птицъ. Далѣе гагары (Podiceps, Colymbus). Ш к. № 37. Аисты, веслоногія и цапли; особенно интересно чучело бѣлой цапли (Herodias alba), теперь сильно истребленной изъ-за ея перьевъ, „эгретокъ", идущихъ на украшеніе шляпъ. Ш к. № 38. Обращаютъ на себя вниманіе ночныя цапли (Nycticorax nycticorax). Ш к. № 39. Отдѣльная витрина съ гнѣздами сѣрыхъ цапель, добытыхъ въ Серебряномъ Бору, близъ Москвы. Ш к. № 40. Гусиныя птицы. Особенно интересенъ лебединый гусь (Cygnopsis cygnoides) изъ коллекціи Н. М. Пржевальскаго. Ш к. № 41. Богатый подборъ видовъ утиныхъ. Особенно интересенъ мраморный чирокъ (Marmaronetta angustirostris), стоящій въ правой половинѣ шкафа. У этого вида, въ противоположность всѣмъ прочимъ, самецъ и самка окрашены совершенно сходно. Ш к. № 42. Отдѣльная витрина съ гнѣздомъ ястреба-тетеревятника (Astur palumbarius). Ш к. № 43. Продолженіе гусиныхъ и начало хищныхъ, изъ послѣднихъ наиболѣе интересны грифы (Gyps fulvus и Vultur monachus)—наиболѣе крупные представители отряда. Ш к. № 44. Можно отмѣтить ягнятниковъ - бородачей (Gypaëtus barbatus), орловъ карликовъ (Nisaëtus) и, внизу,—альбиноса беркута, представляющаго большую рѣдкость (даръ Ѳ. К. Лоренца). Ш к. № 46. Хищники. Особенно интересна серія осоѣдовъ (Pernis apivorus), отличающихся большой измѣнчивостью окраски. Стоитъ обратить вниманіе на прекрасную серію кречетовъ (Hierofalco) (въ витринѣ направо). Ш к. № 47. Южно-американскіе тинаму (Tinamiformes) и куриныя. Среди послѣднихъ прекрасные подборы измѣнчивости окраски тетерева

и возрастной измѣнчивости глухаря. Внизу,—замѣчательный кавказскій тетеревъ Млокосѣвича. Ш к. № 48. Особенно интересна помѣсь тетерева и глухаря—межнякъ (Tetrao medius) и прекрасный подборъ фазановъ.—Весьма интересны тибетскіе ушастые фазаны (Crossoptilon) и королевскій фазанъ—Syrmaticus rewesii.

Ш к. № 49. Породы домашнихъ куръ заводовъ Баташова и замѣчательный пѣтухъ фениксъ изъ Японіи отъ д-ра Н. В. Слюнина. Въ первой части витрины особенно интересны южно-американскіе гоацины (Opisthocomus). Ш к. № 50. Отрядъ журавлиныхъ. Особенно интересны: австралійскій журавль (Grus australasianus), добытый подъ Якутскомъ (залетъ), и прекрасное чучело токующей дрофы (Otis tarda) — работы Ѳ. К. Лоренца. Ш к. № 51. Очень богатая коллекція куликовъ (Limicolae). Интересны серіи турухтановъ (Pavoncella pugnax), отличающихся необыкновенной измѣнчивостью самцовъ въ весенній періодъ. Ш к. № 52. Чайки. Особенно интересна очень рѣдкая розовая чайка (Rodostetia rosea) съ гнѣздомъ, привезенная С. А. Бутурлинымъ изъ долины р. Колымы (сѣв. вост. Сибири). Въ правой половинѣ витрины большія серіи голубиныхъ птицъ. Интересенъ почти истребленный странствующій голубь (Ectopistes migratorius). Шк. № 53. Кукушки. Замѣчательна гигантская новозеландская Scythrops novae hollandiae. Внизу попугаи. Интересенъ почти истребленный Несторъ (Nestor). Въ правой половинѣ витрины очень красивыя ракши (Coracias) и щурки (Merops). Ш к. № 54. Совиныя птицы, далѣе козодои (интересенъ вымпелокрылый козодой — Macrodipterix), трогоны и стрижи. Интересно обратить вниманіе

на солангану (Collocalia) и ея гнѣздо. Шк. № 55. Обширный подотрядъ дятловъ (Pici). Интересны туканы (Rhamphastidae) и карликовые дятлы (Picumnus). Въ правой сторонѣ витрины начало отряда воробьиныхъ (Passeres). Интересны: птица колокольчикъ (Chasmorhynchus), самецъ коей отличается большимъ выростомъ на клювѣ, каменные пѣтушки (Rupicola), характерные своей особенной яркой окраской. Внизу помѣщаются представители семейства вороновыхъ. Шк. № 56. Интересны: рѣдкія въ коллекціяхъ саксаульныя сойки (Podoces hendersoni). Далѣе—прекрасный подборъ райскихъ птицъ,—роды Paradisea, Epimachus, Drepanornis и др. Внизу: наши мухоловки, пѣночки, славки, въ правой половинѣ интересна серія своеобразныхъ оляпокъ (Cinclus), представленныхъ нѣсколькими видами.

Коллекціи Зоологическаго музея могутъ иллюстрировать нѣкоторыя біологическія законности.

1) Сезонная измѣнчивость. Въ разное время года окраска животныхъ не остается постоянной, но мѣняется соотвѣтственно перемѣнамъ окружающей обстановки. Можно обратить вниманіе: на рѣзкія отличія зимней и лѣтней шерсти горностая и ласки (шк. № 5), мѣняющихъ лѣтній рыжеватый мѣхъ на зимній—бѣлый, на зайцевъ бѣляковъ, у коихъ отмѣчаемъ тотъ же процессъ. (Шк. № 17). Среди птицъ прекрасные примѣры: бѣлыя и тундряныя куропатки,—лѣтомъ ихъ пестрое, бурое опереніе рѣзко разнится отъ зимняго бѣлаго.

2) Возрастная измѣнчивость. Животныя рѣзко отличаются другъ отъ друга по своимъ внѣшнимъ признакамъ (кромѣ величины) въ зависимости отъ возраста. Примѣромъ могутъ служить: новорожденные медвѣжата (съ бѣлыми ошейниками) въ шк.

№ 4; ястреба-тетеревятники (шк. № 44), у конхъ молодые сѣробурые, съ продольной штриховкой снизу, а старые — пепельно-сѣрые съ поперечной штриховкой нижней стороны; глухари (шк. № 47).

3) Половая измѣнчивость (диморфизмъ). Самцы и самки большинства животныхъ рѣзко отличаются между собою по внѣшнимъ признакамъ.—У лося-самца есть рога, которыхъ нѣтъ у самки (шк. № 29—30), то же и у всѣхъ оленей (кромѣ сѣвернаго). Очень рѣзка половая разница среди птицъ: особенно можно указать на утокъ (кряквъ, моряпокъ (Harelda), чирковъ); изъ домашнихъ видовъ: у пѣтуха—феникса (шк. № 49).

4) Личная измѣнчивость. Часто у животныхъ даже одного пола, возраста и времени, когда данные экземпляры добыты, можно отмѣтить рѣзкія индивидуальныя отличія. Можно указать: на турухтановъ (шк. № 51), гдѣ на ряду съ личной измѣнчивостью яркихъ весеннихъ самцовъ, можно отличить и сезонную разницу (ср. осенніе экземпляры); на осоѣдовъ (шк. № 46), ярко показывающихъ широкую измѣнчивость независимо отъ пола и возраста этой птицы.

5) Аберраціи. Иногда личная измѣнчивость даетъ необычныя и рѣзкія уклоненія. Въ случаѣ бѣлой окраски (альбинизмъ), обусловленной отсутствіемъ пигмента, животныя отличаются красной окраской глазъ. Примѣры: альбиносъ соболя (шк. № 5), альбиносъ лисицы (шк. № 8), альбиносъ беркута (шк. № 44), павлина (шк. № 49).

Въ противоположность альбинизму, черныя аберраціи (меланизмъ) могутъ быть указаны среди слѣдующихъ экземпляровъ: черный волкъ (шк. № 7), черные зайцы (шк. № 17).

6) Помѣси. Интересны: межнякъ (шк. № 48), помѣсь тетерева и глухаря. Замѣчательно появленіе у этой помѣси особой фіолетовой окраски груди, цвѣтъ послѣдней иной у обоихъ производителей. Далѣе: помѣсь обыкновенной и гондурасской индѣйки (Meleagris americana × M. ocellata).

Московскій Зоологическій садъ.

С. Огнева.

Московскій Зоологическій садъ былъ основанъ по мысли покойнаго проф. А. П. Богданова въ 1863 году, и находится въ вѣдѣніи Имп. общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Это общество содержитъ садъ со времени его основанія почти исключительно на собственныя средства и отчасти на пожертвованія немногихъ частныхъ лицъ. Садъ открытъ ежедневно для осмотра животныхъ: въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ съ 10 до 4 ч., въ октябрѣ и февралѣ до 5 ч., въ сентябрѣ и мартѣ до 6 ч., въ августѣ и апрѣлѣ до 7 ч., въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ до 8 ч.; телеф. 78-54.

Кормленіе животныхъ (начинается отъ зданія слоновника) въ 2 часа дня. Цѣна за входъ: со взрослыхъ 35 коп., съ дѣтей до 10-лѣтняго возраста 15 к., дѣти до 3 лѣтъ безплатно. Входъ въ Зоологическій садъ на углу Большой Грузинской ул. и Прѣсни. Трамваи: №№ 16, 22 и 25.

Изъ наиболѣе интересныхъ животныхъ сада можно указать слѣдующихъ:

1) Млекопитающія.

Изъ обезьянъ, для коихъ устроено особое помѣщенія, имѣются: мартышки (Cercopithecidae), остъ-индійскія макаки (Macacus rhesus), яванскія обезьяны (M. cynomolgus), американскіе сапажу или капуцины (Cebus capucinus) и, наконецъ, очень интересная игрунка (Hapale jacchus), живущая въ Бразиліи. Въ отдѣльной клѣткѣ сидятъ мадагаскарскіе лемуры, представители отряда полуобезьянъ. Изъ хищниковъ можно отмѣтить: 1) Семейство кошекъ. Имѣются нѣсколько львовъ (самцовъ, самокъ и молодыхъ), тигръ, американская пума (Felis concolor), африканскій леопардъ (Leopardus pardus), азіатскій леопардъ (Leopardus pardus tulliana), ягуаръ (Leopardus onça). 2) Семейство собакъ. Кромѣ многочисленныхъ волковъ, песцовъ, лисицъ, — можно отмѣтить хорошій экземпляръ черно-бурой лисицы (выродокъ). 3) Изъ семейства хорьковыхъ имѣются хорошія особи росомахъ. 4) Семейство медвѣдей представляется нѣсколькими экземплярами бѣлаго медвѣдя (Thalassarctos maritimus) и обычнаго (Ursus arctos). Особенно интереена гималайская панда (Ailurus fulgens). Копытныя: наиболѣе видный представитель семейства хоботныхъ — индійскій слонъ—находится въ особомъ помѣщеніи. Изъ непарнопалыхъ: тапиръ (Tapirus americanus), лошадь Пржевальскаго (Equus przewalskii). Путемъ скрещиванія послѣдней лошади съ пони получены метисы (помѣси). Зебры (Hippotigris grevyi, живетъ съ 1911 г.), H. champani (съ 1904 г., кличка „Ольга“). Изъ парнопалыхъ: верблюды (Camelus bactrianus), ламы, олени (сибирскій, тур-

кестанскій, сика), лани. Антилопа нильгау (Boselaphus tragocamelus), даръ Фальцъ-Фейна (1909 г.). Разные виды овецъ и барановъ (между ними Ovis lervia — гривастый баранъ сѣвери. Африки). Изъ быковъ особенно интересны: яки, зубръ, карликовый целебесскій буйволъ (Anoa depressicornis). Отрядъ грызуновъ. Можно отмѣтить: индійскую бѣлку (Ratufa (Sciurus) indica), американскую агути (Dasyprocta aguti), сусликовъ (Colobotis musicus). Отрядъ сумчатыхъ. Имѣются хорошіе экземпляры кенгуру.

Кромѣ перечисленныхъ главнѣйшихъ представителей можно упомянуть о хорошихъ серіяхъ: кроликовъ (песцовыхъ, бѣлыхъ, голубыхъ, белье, фландрскихъ и пр.), породистыхъ овецъ и свиней, надъ которыми производятся опыты метизаціи и провѣрка законовъ наслѣдственности (Менделя).

2.) Птицы.

Изъ хищныхъ птицъ имѣются довольно хорошія серіи орловъ беркутовъ (Aquila chrysaetus), могильниковъ (A. heliaca), подорликовъ (A. clanga). Обращаютъ на себя вниманіе рыжіе грифы (Gyps fulvus), черные грифы (Vultur monachus), кондоры (Sarcoramphus grypus), степные кречета (Hierofalco sacer), сокола (Falco peregrinus) и мног. др.

Изъ ночныхъ хищниковъ можно назвать: бѣлую сову, филиновъ и различныхъ болѣе мелкихъ совъ.

Изъ пластинчатоклювыхъ наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе: лебеди (Cygnus cygnus, C. olor), черный австралійскій лебедь (C. atratus), гуси (Anser anser, Melanonyx segetum), гуси казарки (Leucopareia leucopsis, Anser albifrons), индійскій

(Eulabeia indica), разные виды утокъ. Изъ аистообразныхъ можно отмѣтить: бѣлыхъ аистовъ, сѣрыхъ цапель, красивыхъ розовыхъ фламинго, пеликановъ. Журавлиныя представлены хорошимъ подборомъ сѣрыхъ журавлей и красавками (Grus virgo). Среди куриныхъ имѣется хорошая коллекція фазановъ (нѣсколько видовъ), тетеревей и породистыхъ куръ. Изъ голубиныхъ особенно интересны прекрасные экземпляры вѣнценосныхъ голубей (Goura). Изъ чаекъ имѣются наши обычныя черноголовыя (Larus ridibundus), бѣлоголовыя (L. canus), серебристыя (L. argentatus) и др. Особенно много попугаевъ, можно отмѣтить: нѣсколько видовъ какаду, красивую кореллу (Callopsittacus novae-holandiae), нѣсколько видовъ крупныхъ аръ (Ara), многоцвѣтнаго лори (Trichoglossus novae-holandiae), сѣраго попугая (Psittacus erythacus) и мног. др.

Можно отмѣтить хорошій подборъ воробьиныхъ птицъ какъ изъ семейства вороновыхъ, такъ и изъ пѣвчихъ. Изъ страусовыхъ имѣются американскіе страусы (Rhea americana) и крупный африканскій (Strutio).

3). Другіе классы.

Въ Зоологическомъ саду находится хорошо организованный акваріумъ съ довольно богатымъ подборомъ рыбъ. Изъ пресмыкающихся интересны: крокодилъ-аллигаторъ, американская змѣиношейная черепаха (Hydromedusa). Изъ амфибій можно указать, какъ на наиболѣе интересную, американскую лягушку-быка (Rana catesbyana), обладающую весьма сильнымъ голосомъ. Кромѣ того имѣется довольно

богатая коллекція другихъ болѣе обычныхъ видовъ.

Въ Зоологическомъ саду достойны вниманія попытки опытной гибридизаціи (полученіе помѣсей). Особенно интересны: помѣси дикой лошади Пржевальскаго и шотландской пони, русскихъ коровъ и зебу. Подобные опыты имѣютъ большое значеніе какъ научное, такъ и чисто практическое. — Съ одной стороны, провѣряются экспериментомъ законы наслѣдственности, съ другой — получаются новыя породы, могущія имѣть хозяйственное значеніе.

Особенно широко поставлено кролиководство, имѣющее кромѣ чисто научнаго интереса значеніе практическое: кролики доставляются въ больницы, какъ матеріалъ для лѣченія водобоязни (изготовленіе сыворотокъ изъ ихъ мозга). Практическій интересъ и научное значеніе имѣетъ птицеводство. Въ саду можно видѣть очень много различныхъ породъ куриныхъ птицъ, надъ коими дѣлаются многочисленные опыты акклиматизаціи и полученія стойкихъ породъ. Въ настоящее время садъ имѣетъ возможность продавать ежегодно до 500 экземпляровъ домашнихъ птицъ, что, несомнѣнно, способствуетъ улучшенію птицеводства въ различныхъ мѣстахъ.

Акваріумъ К. К. Гиппіусъ.

С. Огнева.

Этотъ интересный и богатый по подбору экземпляровъ акваріумъ основанъ въ 1909 году. Онъ помѣщается въ Зубовѣ (Теплый пер., д. № 20) и открытъ ежедневно отъ 11 ч. у. до 5 ч. в. Цѣна за входъ 25 к., съ учащихся 15 к. Трамваи: №№ 24, 34 и Б (остановка на Зубовской или Крымской пл.)

Въ настоящее время акваріумъ, по желанію владѣльца, передается во владѣніе Школьной коммиссіи общества акваріумовъ и растеній, при чемъ въ основу дальнѣйшаго устройства и дополненія богатой коллекціи кладутся задачи педагогическія: дать возможность учащимся легко ознакомиться съ разными представителями водной фауны.

Акваріумъ содержитъ въ себѣ 115 отдѣльныхъ теплыхъ и холодныхъ бассейновъ и акваріумовъ, гдѣ помѣщаются болѣе 150 видовъ рыбъ и нѣкоторое количество рептилій. Изъ наиболѣе интересныхъ рыбъ можно указать на цѣлый рядъ экзотическихъ формъ; тамъ имѣются: Ново-Гвинейскій хемихромисъ (Hemichromis auratus), американскія акары (Acara coeruleopunctata), конхито (Heros facetus, spurius), остъ-индійская стеклянная рыбка (Ambasia lala), змѣеголовки (Ophiocephalus) и мн. др. Изъ нашихъ представителей много: форелей, лососей, стерлядей, щукъ, карповъ, линей, язей, вьюновъ, колюшекъ (Gasterosteus aculeatus) и др.

Изъ рептилій особенно интересны: аллигаторъ (Alligator missisipiensis) изъ Сѣв. Америки и австралійская змѣиношейная черепаха (Chelodina longicollis).

Ботаническій садъ Московскаго университета.

В. Алехина.

I Мѣщанская ул., д. № 28, телеф. 55-98. Трамваи: №№ 17 и 19, останавливаются у самаго сада; до Сухаревой башни трамваи: №№ 5, 8, 10, 32, 36 и Б; отъ нея до сада ходьбы около 5 минутъ.

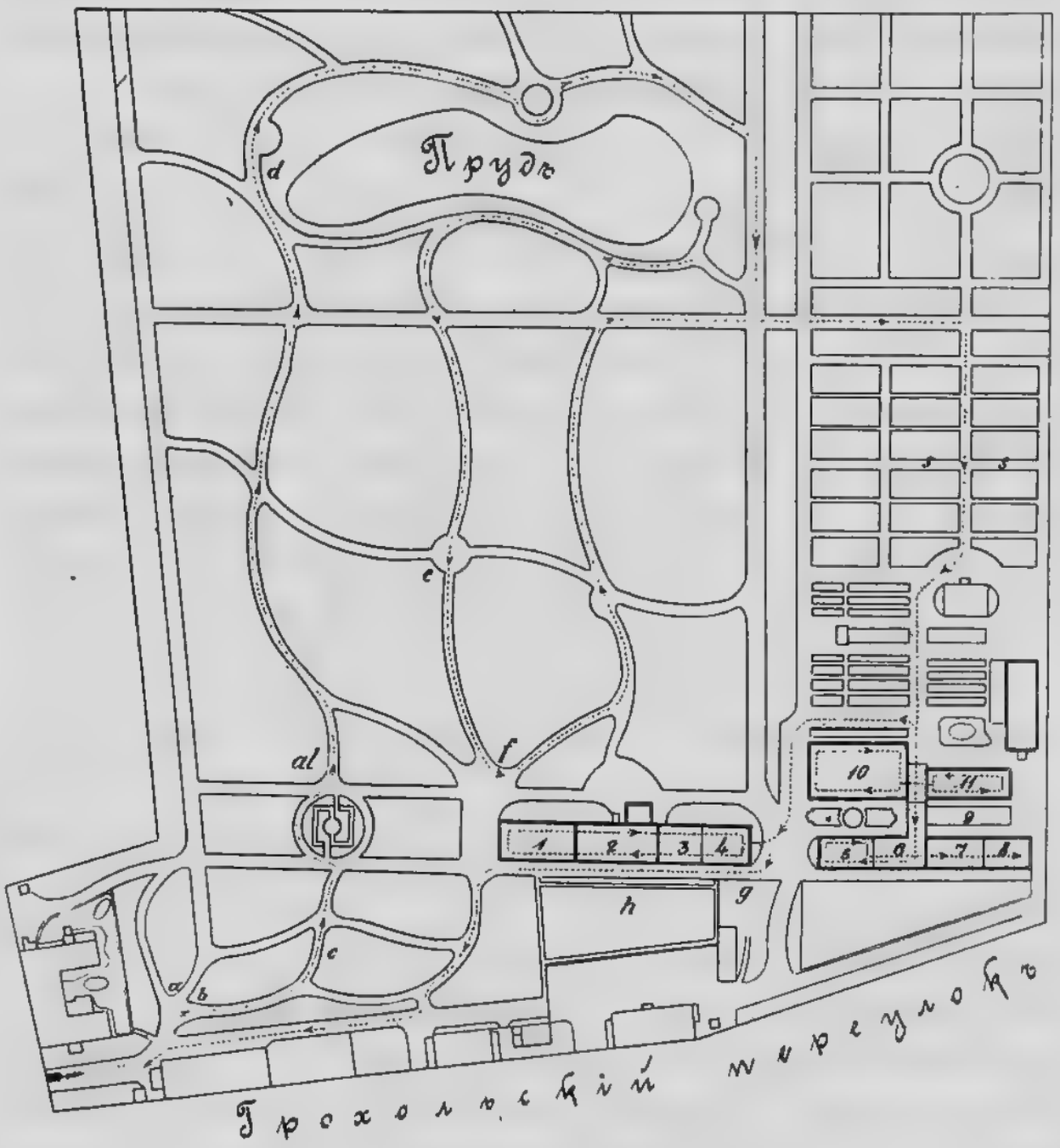
Садъ открытъ для осмотра по средамъ и пятницамъ отъ 9—4 ч. дня, а по воскресеньямъ 9—2 ч. Закрытъ въ первые дни Пасхи, Рождества и Троицы. Можетъ быть закрытъ весной и осенью на нѣкоторое время, если дорожки сада слишкомъ размокнутъ отъ дождей. Входъ безплатный и безъ билетовъ. Учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній группами и въ сопровожденіи преподавателей могутъ осматривать садъ и оранжереи ежедневно до сумерокъ; разрѣшеніе на такой осмотръ выдается директоромъ сада или однимъ изъ ассистентовъ или главнымъ садовникомъ. Извѣщать заблаговременно.

Оранжереи открыты отъ 10—12 ч. въ тѣ же дни, когда открытъ садъ.

Московскій Ботаническій садъ принадлежитъ университету, какъ учебно-вспомогательное учрежденіе, содержится на его средства и является лучшимъ университетскимъ садомъ въ Россіи. (СПБ. Ботанич. садъ — учрежденіе самостоятельное, не университетское, содержится на средства государства.)

Исторія сада. Основанъ Петромъ Великимъ, котораго по справедливости можно назвать первымъ русскимъ ботаникомъ (гербарій его хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ). Садъ предназначался главнымъ образомъ для культуры медицинскихъ растеній, назывался „аптекарскимъ

огородомъ“ и принадлежалъ Московской Медико-Хирургической академіи. Послѣ закрытія академіи садъ былъ пріобрѣтенъ Московскимъ университе-



План Ботаническаго сада.

томъ (въ 1805 г.), при чемъ сейчасъ же измѣнилось направленіе дѣятельности сада,—садъ, имѣвшій раньше чисто-прикладное значеніе, начинаетъ дѣлаться научнымъ, появляются первыя оранжереи.

Тяжелымъ бѣдствіемъ для сада было нашествіе Наполеона, когда садъ былъ совершенно опустошенъ, а постройки разрушены. Лишь мало-по-малу дѣятельность сада возобновилась, и онъ сталъ возвращаться къ своему прежнему состоянію. Особенно оживилась дѣятельность сада въ 60-хъ годахъ, когда директоромъ сада былъ назначенъ проф. Кауфманъ, авторъ извѣстной „Флоры Московской губерніи", однако лишь проф. Горожанкину удалось (1873—1904) поставить садъ на надлежащую высоту; были расширены и построены новыя оранжереи, число интересныхъ культивируемыхъ растеній очень увеличилось. Огромное значеніе имѣла постройка (на частныя средства) лабораторіи, гдѣ (съ 1882 г.) производятся научныя изслѣдованія большинства московскихъ ботаниковъ и сосредоточены спеціальныя занятія студентовъ; тутъ же при лабораторіи помѣщается ботаническая библіотека. Въ настоящее время директоромъ сада состоитъ (съ 1904 г.) проф. М. И. Голенкинъ, а главнымъ садовникомъ—Г. Г. Треспе.

Осмотръ сада. При посѣщеніи сада нужно различать: 1) осмотръ самаго сада и 2) осмотръ оранжерей. Въ зимнее время приходится ограничиться посѣщеніемъ оранжерей, лѣтомъ осмотру послѣднихъ должно предшествовать знакомство съ насажденіями сада. Для осмотра оранжерей нужно затратить около $1\frac{1}{2}$ часа и почти столько же (лѣтомъ) для самаго сада. Всего въ саду и оранжереяхъ до 7.000 видовъ растеній.

Уже при входѣ въ садъ обращаютъ на себя вниманіе экземпляры сибирской пихты (см. на планѣ—a) и американской голубой ели (b), а нѣсколько далѣе группа карликовыхъ елей, пихтъ и

кедровъ (c), представляющихъ альпійскія и сѣверныя низкостелящіяся формы.

Садъ можно разбить на нѣсколько отдѣленій: альпинумъ, дендрологическое, система, отдѣленія медицинскихъ, техническихъ и друг. растеній. Всѣ растенія сада и оранжерей снабжены латинскими названіями на этикеткахъ.

Альпинумъ. Здѣсь на небольшой горкѣ оч. интересное собраніе растеній (на планѣ Al). Это все растенія, приспособленныя къ горному климату, въ большинствѣ случаевъ ксерофиты — разные виды горныхъ маковъ, примулъ, Arabis, Sedum и, наконецъ, знаменитый „Эдельвейсъ“ (всего около 200 видовъ).

Дендрологическое отдѣленіе. Занимаетъ большую часть сада, заключая различныя древесныя и кустарниковыя породы, перезимовывающія въ нашемъ климатѣ. Всѣ виды расположены въ большинствѣ случаевъ по семействамъ. Около пруда стоитъ обратить вниманіе на группу папоротниковъ (d), а также на кустарники изъ сем. розоцвѣтныхъ; обойдя прудъ и направляясь по стрѣлкѣ плана, проходимъ мимо сибирской лиственницы (e), посаженной, по преданію, Петромъ I. Далѣе останавливаютъ вниманіе горная сосна и черная береза (f). Въ этомъ же отдѣленіи сада весной можно ознакомиться съ дикорастущей весенней флорой, пышно покрывающей всѣ лужайки.

Система ss (входъ по особ. разрѣшенію). Собраніе русскихъ травянистыхъ растеній, преимущ. средней Россіи; расположены въ системѣ, по семействамъ. Интересна въ теченіе всего теплаго времени, при чемъ однократнаго посѣщенія недоста-

точно: одни семейства цвѣтутъ главн. образ. весной (лилейныя), другія—въ концѣ лѣта (зонтичныя и друг.).

Отсюда направимся въ оранжереи. Здѣсь растенія расположены не въ системѣ, а въ зависимости отъ условій существованія—оранжереи теплыя, холодныя и др. Растенія холодныхъ оранжерей лѣтомъ выставляются на воздухъ, подъ деревья дендрологич. отдѣленія, поэтому описаніе оранжерей относится къ зимнему времени. Распредѣленіе растеній въ теплыхъ оранжереяхъ, конечно, не измѣняется. При осмотрѣ въ вышеуказанные часы (см. правила) дается проводникъ, проводящій по оранжереямъ по установленному маршруту, если же въ группѣ экскурсантовъ имѣется руководитель, знакомый съ ботаникой, то тогда удобнѣй всего положить въ основаніе осмотра климатическій принципъ, т.-е. начать съ растительности тропической и постепенно перейти къ растит. умѣренныхъ странъ; начинаемъ поэтому осмотръ съ оранжереи № 10. (Если названіе растенія на этикеткѣ подчеркнуто синей полоской—то это медицинск. раст., если красной—раст. техническое).

Оранжерея № 10. Самая большая оранжерея (15 арш. высоты и 30 арш. длин.). Производитъ сильное впечатлѣніе; посреди—великолѣпный экз. Levistona, упирающійся въ крышу, затѣмъ пальмы кокосовыя, финиковыя, Caryota, Pritchardia съ огромными листьями; большинство пальмъ—раст. техническія. Въ концѣ оранжереи на южн. сторонѣ интересная группа саговниковъ „саговыхъ пальмъ“—раст. вымирающихъ, затѣмъ виды фикусовъ, прекрасные экз. бамбуковъ, панданусовъ и мн. друг. Здѣсь же пальмы-кустарники и раст., близкое къ

пальмамъ—Carludovica palmata—изъ листьевъ котораго изготовляются шляпы-панамы.

Оранжерея № 11. Маленькая оч. теплая оранжерея содержитъ оч. много интересныхъ нѣжныхъ тропическихъ растеній. Направо—группа водныхъ растеній; здѣсь любопытная Ouviranda fenestralis—подводное мадагаскарское раст., листья котораго состоятъ какъ бы изъ однѣхъ жилокъ; также водный папоротникъ—Salvinia и мн. друг. Въ концѣ оранжереи всѣмъ извѣстная стыдливая мимоза, при прикосновеніи складывающая и опускающая свои перистые листья. Здѣсь же нѣсколько мирмекофильныхъ раст.—Cecropia изъ южн. Америки, Myrmecodia съ остр. Явы; послѣднее раст. подвѣшено къ стеклу. Также много техническихъ раст.: дающія стрихнинъ (Strychnos nux vomica), хининъ, хлопокъ (Gossypium), кофе и др.

Отсюда перейдемъ въ оранжерею № 6. Эта оранжерея вмѣстѣ съ двумя предыдущими самыя теплыя (14^0—15^0). При входѣ—экз. шоколаднаго дерева, далѣе оригинальн. раст. изъ сем. ароидныхъ съ ихъ воздушными корнями и своеобразн. соцвѣтіями-початками, защищенными бѣлымъ, краснымъ или розовымъ прицвѣтнымъ листомъ—„покрываломъ“. Далѣе въ небольш. внутренн. тепличкѣ—насѣкомоядное [1]) раст. Nepenthes, съ листьями, превращенн. въ кувшинчики для улавливанія насѣкомыхъ, здѣсь же около теплички къ потолку подвѣшены любопытн. папоротники-эпифиты (Platycerium) съ диморфными листьями—„нишевые“ листья и листья, похожіе на оленьи рога. Направляясь теперь въ оранжерею № 5, мы проходимъ мимо другихъ ароидныхъ, а

[1]) Относительно другихъ насѣкомоядныхъ (Drosera, Sarracenia и проч.) спросить садовника.

кромѣ того впервые встрѣчаемся съ раст. изъ сем. орхидныхъ: подвѣшены виды Vanda съ ихъ крупными цвѣтками, а на южномъ стеллажѣ—цѣлая коллекція разнообразныхъ орхидныхъ. Слѣдующая, уже менѣе теплая оранжерея № 5 заключаетъ папоротники и другія орхидныя; здѣсь папоротники только травянистые, древовидные же въ одной изъ слѣд. оранжерей. Особенно привлекаютъ вниманіе орхидеи съ чрезвычайно оригинальн. цвѣтками и иногда съ превосходнымъ запахомъ; такъ какъ разные виды цвѣтутъ въ различныя времена года, то всегда можно видѣть б. или м. количество раст. въ цвѣту.

Теперь направляемся черезъ уже осмотрѣннук оражн. № 6 и черезъ оранж. № 7, не представляющ. особенн. интереса (здѣсь на южн. стеллажѣ различн. виды венерина башмачка—Cypripedium, а слѣва нѣкот. техническ. раст.—виды перца, каучуков. дерево и друг.), направляемся въ кактусовую оранжерею.

Эта оранжерея № 8 чрезвычайно интересна. Здѣсь собраны раст. различныхъ семействъ—кактусовыя, молочайныя, толстянковыя, стапеліи и др., при чемъ наглядно можно видѣть огромное вліяніе внѣшнихъ условій на растит. организмъ: одинаковыя внѣшнія условія вызываютъ очень схожій habitus растеній, весьма отдаленныхъ въ системѣ; главный внѣшній факторъ въ данномъ случаѣ это—недостатокъ воды, и раст. вырабатываетъ приспособленія для борьбы съ засухой—отсутствіе листьевъ, мясистые стебли, запасающ. воду, восковой налетъ и проч. Здѣсь можно найти поучительные примѣры внѣшняго сходства, почти тождества (Euphorbia и Stapelia, Euphorbia и Senecio).

Обратно черезъ №№ 7 и 6 выходимъ въ садъ, направляясь въ оранжерею № 4. Эта оранжерея оч. тѣсно связана съ кактусовой, здѣсь опять различные примѣры борьбы растеній съ засухой:—сочные листья (Agave) или редукція листьевъ (Casuarina, Spartium, Ephedra). Интересны раст. съ жесткими кладодіями — видоизмѣненіе стебля (Ruscus, Ulex europaeus) и филлодіями—видоизмѣненіе черешка листа (виды настоящей акаціи). Если обратить вниманіе на листья этихъ новоголландскихъ акацій, то мы увидимъ, что листья у молодыхъ экз. будутъ совершенно не такіе, какъ на экз. болѣе старыхъ, такъ, у первыхъ листья перистые, на вторыхъ же собственно не листья, а такъ наз. филлодіи, т.-е. листообразное расширеніе черешка листа, тогда какъ листовая пластинка не развивается; между этими крайними формами можно наблюдать всѣ переходы и часто на одномъ и томъ же растеніи. Здѣсь при индивидуальномъ развитіи растенія (т. наз. онтогенезъ) вкратцѣ мы наблюдаемъ то, что имѣло мѣсто въ исторіи развитія даннаго вида (филогенезъ) т.-е. предки акацій имѣли листья перистые, а филлодіи выработались постепенно, какъ приспособленіе къ условіямъ существованія. На этомъ примѣрѣ мы можемъ убѣдиться въ справедливости закона Геккеля—онтогенезъ есть укороченный филогенезъ. Лѣтомъ въ этой оранжереѣ обычно культивируется извѣстная Victoria regia (зацвѣт. въ концѣ лѣта) вмѣстѣ съ другими водяными тропическими растен., большинство же раст., находящ. здѣсь зимой, выносится на воздухъ (равно какъ и изъ №№ 1, 2 и 3). Не останавливаясь подробно на оранжереѣ № 3 (гдѣ находятся экз. чайныхъ кустовъ и банановъ), пере-

ходимъ въ оранжерею № 2, все время двигаясь по лѣвому проходу. Здѣсь послѣ нашего знакомства съ тропической и субтропич. флорой въ предыд. оранж., мы встрѣчаемъ вѣчнозеленую или средиземноморскую флору. Маслина, лавръ, камфарное дерево, пробковый дубъ, самшитъ и мног. друг. Интересна единственная европейская пальма (Chamaerops humilis) и новозеландскій ленъ (Phormium tenax)—техническ. растеніе.

Наконецъ, оранжерея № 1 содержитъ голосѣмянныя раст., къ котор. относятся наши хвойныя. Особенно заслуживаютъ вниманія виды Araucaria, Agathis съ эллиптич. листьями, Podocarpus съ ланцетн. листьями, Sciadopitus—японская сосна, также знаменитая Ginkgo biloba, теряющая листья на зиму. Многія голосѣмянныя—раст. вымирающія. При входѣ въ оранжерею привлекаютъ вниманіе два прекрасныхъ экз. древовидныхъ папоротниковъ.

Обратно направляемся по правому проходу черезъ оранжереи №№ 2, 3 и 4. Заканчивая этимъ осмотръ оранжерей, останавливаемъ свое вниманіе при выходѣ изъ № 4 на группѣ даурскихъ лиственницъ (g) и затѣмъ, направляясь къ выходу изъ сада, мимоходомъ осматриваемъ отдѣленіе медицинск., техническ. и ядовит. раст. (h).

Болѣе подробное описаніе сада, оранж., культуры Victoria regia и друг. можно найти въ подробн. путеводит. по саду, состав. проф. М. И. Голенкинымъ. Продается при входѣ въ садъ, цѣна 20 коп.

Біологическій музей („Музей эволюціонной исторіи") Московскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ.

А. Котсъ.

На ряду съ ближайшимъ назначеніемъ, какъ учебно-вспомогательнаго и научнаго учрежденія (разработка основныхъ вопросовъ эволюціоннаго ученія и наглядное ознакомленіе съ ними слушательницъ курсовъ) музей руководится задачей содѣйствовать распространенію среди стороннихъ посѣтителей музея — педагогическаго, преимущественно, званія — интереса къ обобщеніямъ біологіи и къ сознательному изученію природы, какъ основы для свободнаго научнаго міровоззрѣнія.

Основанъ музей въ 1907 году по частной иниціативѣ нынѣшняго завѣдующаго музеемъ и въ 1913 году переданъ Моск. Высш. женск. курсамъ. Содержитъ обширныя коллекціи по вопросамъ общей біологіи: теоріи эволюціи, дарвинизма и другихъ важнѣйшихъ обобщеній въ области науки о живой природѣ. Находящійся въ періодѣ экстенсивнаго развитія, музей впредь до перехода въ спеціально оборудованное зданіе можетъ быть доступенъ для осмотра постороннимъ посѣтителямъ, исключительно лицамъ педагогическаго званія и учащимся высшей школы, группами не болѣе 30 человѣкъ, подъ руководствомъ завѣдующаго музеемъ, лишь въ неприсутственные дни, преимущественно въ рождественскія, пасхальныя и отчасти (для иногородныхъ экскурсантовъ) лѣтнія вакаціи, при условіи заблаговременнаго запроса.

За соотвѣтствующими справками и предварительной записью обращаться *лично* по адресу музея: Дѣвичье поле, Малая Царицинская, Аудиторный корпусъ Высшихъ женскихъ курсовъ.

Антропологическій музей Моск. унив.

А. Колмогорова.

Уг. Моховой и Б. Никитской, зд. унив. Открытъ по воскр., когда свѣтло; вх. безплатный. Группами по предварительному извѣщенію, не болѣе какъ 20 человѣкъ. Тел. 5-56-07.

Начало Антропологическому музею положили коллекціи, оставшіяся послѣ бывшей въ 1879 году въ Москвѣ Антропологической выставки, которая была устроена по иниціативѣ проф. А. П. Богданова Императ. Моск. О-вомъ любит. ест., антр. и этн. Коллекціи эти были принесены О-вомъ въ даръ университету для созданія изъ нихъ Антропологическаго музея, какъ учебно-вспомогательнаго учрежденія при открывавшейся тогда каѳедрѣ антропологіи. Въ университетскихъ зданіяхъ достаточнаго помѣщенія для новаго музея не оказалось, и ему пришлось искать пріюта въ зданіи Историческаго музея, гдѣ Антропологическій музей пробылъ около 25 лѣтъ, пока, наконецъ, съ постройкой новыхъ университетскихъ зданій, не явилась возможности въ 1907 г. перевести его въ старое зданіе университета, гдѣ въ 3-мъ этажѣ лѣваго крыла его онъ занялъ 7 залъ. Къ сожалѣнію, помѣщеніе требуетъ капитальнаго ремонта, который долженъ вызвать полное перемѣщеніе музейскихъ коллекцій.

Его главное назначеніе Антропологическаго музея—служить учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ

при преподаваніи физической антропологіи, доисторической археологіи и этнологіи. Съ этимъ условіемъ и приходилось сообразоваться при пополненіи музея, которое при скудости бюджета не могло быть значительнымъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря заботамъ и стараніямъ проф. Д. Н. Анучина, который 32 года является безсмѣннымъ руководителемъ музея, первоначальныя собранія умножились и получили большую систематичность. Нѣкоторые предметы были получены въ даръ, другіе пріобрѣтены покупкой.

Первыя три залы музея посвящены этнографіи, 4-я—археологіи, 5-я и 6-я—физической антропологіи и палеонтологіи (человѣка и животныхъ), 7-я—занята коллекціями фотографій и антропологическими инструментами.

Первая, круглая, зала, украшенная по стѣнамъ бюстами и портретами представителей различныхъ народовъ, посвящена общей сравнительной этнологіи. Выставленныя здѣсь коллекціи знакомятъ съ житейской техникой и съ искусствомъ мало-культурныхъ народовъ, при чемъ предметы размѣщены не по народностямъ и не по странамъ, а по категоріямъ (наприм., оружіе, украшенія, религія, способы передвиженія и т. д.) и, по возможности, въ различныхъ формахъ ихъ осложненія или эволюціи.

1-й шкапъ-витрина посвященъ примитивному оружію: на одной сторонѣ—деревяннымъ палицамъ и производнымъ отъ нихъ оружіямъ. Палицы представляютъ множество варіацій по величинѣ и формѣ—отъ простой круглой палки до снабженныхъ утолщеніемъ на одномъ концѣ въ формѣ корня, гриба, ананаса, головы птицы съ клювомъ, ружейнаго приклада и т. д. Другія палицы—пло-

скія, въ видѣ меча, весла, лопаты, у нѣкоторыхъ боковые края усажены зубами акулъ или острыми камнями. Происходятъ палицы съ острововъ Меланезіи и Полинезіи, есть также изъ Австраліи, Африки, Америки. Кромѣ деревянныхъ, имѣются сдѣланныя изъ кости (китовой) и камня (съ Нов. Зеландіи). Нѣкоторыя палицы имѣютъ значеніе жезла, т.-е. знака власти, другія употребляются для метанія; изъ послѣднихъ формъ произошелъ австралійскій бумерангъ, нѣсколько экземпляровъ котораго помѣщены вмѣстѣ съ палицами. На противоположной сторонѣ шкапа выставлены м е ч и—отъ деревяннаго съ о-вовъ Самоа до большого прямого стальнаго изъ Абиссиніи. Далѣе идутъ мечи индусскіе, малайскіе и японскіе; малайскіе к р и с ы, жертвенные ножи, ятаганы, кинжалы (одинъ изъ кости казуара съ Н. Гвинеи), метательныя желѣзныя оружія (трумбаши) изъ западной тропической Африки и др.

2-й шкапъ наполненъ по одну сторону—щитами, а по другую—луками и стрѣлами. Щ и т ы выказываютъ различныя степени осложненія. Простѣйшіе, у австралійцевъ, имѣютъ видъ трехгранной короткой палки, съ прорѣзомъ посрединѣ для держанія ея рукой; такіе щиты служатъ не для прикрытія тѣла, а для парированія бросаемыхъ копій и дротиковъ. Обычно же щиты служатъ для прикрытія тѣла; изъ такихъ имѣются деревянные, плетеные и кожаные—съ Нов. Гвинеи, изъ Африки и др.; нѣкоторые настолько велики, что могутъ защищать всего стоящаго воина, какъ сдѣланный изъ продолговато-овальнаго куска буйволовой кожи на длинной палкѣ щитъ ю.-афр. кафровъ или деревянный продолговато-шестиугольный, расписанный орнаментомъ и украшенный пучками человѣческихъ

волосъ, щитъ даяковъ о-ва Борнео. Изъ круглыхъ щитовъ интересенъ абиссинскій, изъ кожи носорога, украшенный серебряными бляхами.

Луки представляютъ три главныхъ категоріи: простые, сложные и самострѣлы. Изъ простыхъ луковъ любопытенъ несимметрично изогнутый, съ двумя расширеніями, съ Андаманскихъ острововъ. Въ составъ сложныхъ луковъ, кромѣ дерева, входятъ кость, сухожилія, береста и пр.; кромѣ того, они отличаются отъ простыхъ и своей формой; изъ эскимосскихъ луковъ нѣкоторые украшены изображеніями (оленей). Въ числѣ стрѣлъ есть съ каменными и костяными наконечниками, съ деревянными остріями, съ деревянными тупыми концами (чтобы не портить шкурки убитаго звѣрка); большинство съ желѣзными, простыми и сложными, съ зубцами и лезвеемъ вмѣсто острія и т. д. Стрѣлы отчасти заключены въ колчанахъ—деревянныхъ, замшевыхъ и кожаныхъ. Въ этомъ же шкапу помѣщенъ манекенъ полинезійца, съ надѣтымъ на него панцыремъ изъ волоконъ кокосоваго орѣха (съ Жильбертовыхъ о-вовъ).

3-й шкапъ заключаетъ въ себѣ копья и дротики. Болѣе примитивные имѣютъ острія деревянныя, иногда съ однимъ или двумя рядами боковыхъ зубцовъ, или каменныя и стеклянныя (изъ Австраліи и съ о-вовъ Адмиралтейства) или изъ кости; у болѣе культурныхъ народовъ острія копій изъ желѣза (Массаи). Древко иногда украшено костями, раковинами и т. п. или увѣшано волосами, иногда крашеными (изъ Ассама) или въ него вставлена челов. длинная кость (Нов. Британія). У нѣкоторыхъ народовъ дротики бросаются при помощи метательныхъ дощечекъ; такія имѣ-

ются изъ Австраліи и отъ эскимосовъ С. Америки. Интересна еще духовая трубка для выдуванія изъ нея небольшихъ стрѣлочекъ съ остріемъ, обмазаннымъ ядомъ (изъ Бразиліи и съ полуо-ва Малакки). Здѣсь же помѣщенъ своеобразный трофей—скальпъ племени Jivaros изъ Бразиліи (голова врага, изъ которой удалены кости и которая высушена на огнѣ, вслѣдствіе чего она съежилась, но сохранила свои длинные черные волосы). По бокамъ этого шкапа стоятъ два манекена—австралійца и кафра съ ихъ примитивнымъ вооруженіемъ.

Въ 4-мъ шкапу—модели жилищъ и способовъ передвиженія. Для жилищъ имѣются модели: древней швейцарской свайной постройки, чукотской яранги, бурятской 8-ми угольной деревянной юрты и др. Изъ способовъ передвиженія: лыжи, модели нартъ (одна настоящая нарта—айновъ) легкихъ и грузовыхъ, двѣ модели саней съ запряжкой собакъ въ сѣв.-вос. Сибири и у эскимосовъ Америки. Имѣются также модели колесныхъ повозокъ—двухколесной, запряженной парой зебу, съ о-ва Цейлона, китайской двуколки и др., а изъ лодокъ—модели лодокъ изъ древесной коры (съ Огненной Земли), изъ бересты (инд. Канады), кожаныхъ байдарокъ алеутовъ, кану съ балансиромъ съ о-ва Самоа, и т. д.

5-й шкапъ: на одной сторонѣ его помѣщены музыкальные инструменты, которые можно раздѣлить на три категоріи: a) ударные—барабаны (изъ Африки, Нов. Гвинеи, Кореи), бубны съ колотушками для нихъ, въ томъ числѣ шаманскіе—теленгетскіе, орочонскіе, сойотскіе и др. (тутъ же шаманскіе костюмы); b) производящія мелодіи—дудки, флейты, трубы и т. д. съ о-вовъ Полинезіи

и Меланезіи; берестяная труба бѣлорусскаго пастуха и др.; с) способныя производить гармонію: деревянныя цимбалы малайцевъ Перака, металлическія гармоніи (санза) негровъ Африки; струнные инструменты — отъ простѣйшихъ — у вогуловъ, теленгетовъ, до болѣе сложныхъ—киргизскихъ, изъ вост. Туркестана, японскихъ, негритянскихъ и др. На другой сторонѣ этого шкапа — разные предметы одежды, украшенія, посуды и искусства. Юбки изъ травы, передники, чехолъ для penis'a, пояса, головныя украшенія изъ перьевъ, гребни, ожерелья изъ сухихъ плодовъ, сѣмянъ, раковинъ, звѣриныхъ зубовъ, костей, бусъ; браслеты изъ раковинъ, черепахи, кости; деревянная миска на ножкахъ и чашка для питья кавы съ о-вовъ Самоа; плетеныя корзинки и тарелки; деревянныя рѣзныя подставки подъ голову (Н. Гвинея и Южн. Африка); слоновый бивень съ рѣзьбой на немъ—работа негровъ зап. троп. Африки—и др.

6-й шкапъ заключаетъ въ себѣ на одной сторонѣ—идолы и принадлежности религіознаго культа. Здѣсь можно видѣть грубые деревянные идолы самоѣдовъ (одинъ обмазанъ кровью), гольдовъ, манегровъ, гиляковъ и др.; „чуринги“ австралійцевъ; человѣкообразные идолы съ Нов. Гвинеи; „инау“ айновъ, „тюси“ минусинскихъ инородцевъ (изъ лоскутковъ, перьевъ, деревян. изображ.); идолы афр. негровъ (изъ Лоанго, Камеруна, Сенегала); деревянные столбики съ фигурной рѣзьбой (черный—папуасовъ, а расписанный красками—индѣйцевъ сѣв.-зап. Америки); рѣзныя дощечки для танцевъ изъ Н. Ирландіи и т. д. Съ другой стороны шкапа развѣшаны—маски, служащія также

большей частью для религіозныхъ и мистическихъ церемоній, танцевъ и т. п. Здѣсь можно видѣть: берестяныя маски вогуловъ, деревян. расписныя маски съ чел. лицомъ или съ птичьимъ клювомъ—изъ Аляски и сѣв.-зап. Америки; своеобразныя, вродѣ шлема, съ Н. Ирландіи; страшныя, раскрашенныя (употребляемыя при культѣ демоновъ) съ о-ва Цейлона и т. д.

Въ этой же залѣ, передъ окномъ, на столѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, египетская мумія, жреца бога Аммона, эпохи за 900 л. до Р. Х., распеленатая и очень хорошо сохранившаяся; она была найдена въ одной изъ гробницъ древнихъ Ѳивъ и доставлена въ 1876 г. покойнымъ проф. А. И. Бабухинымъ. Противъ другого окна выставленъ деревянный египетскій саркофагъ пѣвицы бога Аммона, по имени Amsankht,—даръ египетскаго хедива, полученный въ 1895 г. черезъ посредство Новороссійскаго университета. Въ этой же залѣ имѣются еще двѣ небольшія витрины; въ одной собраны головы и иные останки мумій, а также другія египетскія древности, а въ другой—старинныя издѣлія изъ бронзы (въ оригиналахъ и слѣпкахъ) негровъ Бенина (Зап. Африка).

Вторая зала (налѣво изъ круглой, пока недоступная для публики) заключаетъ въ себѣ большое собраніе предметовъ изъ могилъ остяковъ, самоѣдовъ въ области Сѣв. Урала и низовьевъ Оби. Предметы эти добыты Д. Т. Яновичемъ во время экспедиціи на Сѣв. Уралъ, снаряженной на средства бр. Н. и Г. Кузнецовыхъ, которые принесли коллекцію въ даръ музею.

Въ проходѣ изъ 1-й залы въ 3-ю, въ небольшой витринѣ передъ окномъ, размѣщены примитивные топоры и мотыги (herminettes) изъ камня, кости

(китовой), раковинъ и др. съ разн. о-вовъ Полинезіи и Меланезіи. Въ числѣ этихъ орудій есть „церемоніальныя", служащія мѣновой единицей, а также и слѣпокъ, представляющій реставрацію кам. топора изъ швейцар. свайныхъ постр. камен. вѣка. Третья зала составляетъ продолженіе 1-ой. Въ ней заканчивается отдѣлъ общей сравнительной этнологіи и помѣщены нѣкоторыя систематическія коллекціи по этнографіи (по народностямъ). Кол. по общей этнологіи расположены въ шкапахъ вдоль стѣнъ. Въ 1-мъ изъ нихъ собраны земледѣльческія орудія—примитивныя палки для копанья земли, кетмени, соха изъ Закавказья, серпы и косы, модели молотилокъ („дикьянъ" изъ Болгаріи), зернодробилки, примитивные жернова изъ дерева и камня и т. д. Во 2-мъ—охотничьи и рыболовныя принадлежности: снасти, гарпуны, остроги, рыболовные крючки изъ раковинъ, черепахи и т. д. Въ 3-мъ—образцы одежды изъ кишекъ, перьевъ, замши и мѣха разныхъ сибирскихъ инородцевъ и алеутовъ. Въ 4-мъ и 5-мъ—предметы быта китайцевъ, корейцевъ, японцевъ, сартовъ и др.; части костюма, шляпы, башмаки и сандаліи, костюмъ (съ каской) корейскаго генерала, картины, бумажные фонари и т. д.

Въ витринахъ у оконъ можно видѣть куклы остяковъ и самоѣдовъ и разныя другія издѣлія сибирскихъ и средне-азіатскихъ инородцевъ; образцы тканей, украшеній, орнамента, шахматы и другія игры. Между окнами, на полкахъ, стоятъ татарскіе металлич. кувшины и образцы колыбелей теленгетовъ и орочонъ.

Систематическія коллекціи размѣщены въ шкапахъ, расположенныхъ поперекъ залы. 1-й заклю-

чаетъ въ себѣ предметы по быту чукочъ крайняго сѣв.-вост. Сибири (даръ Н. Л. Гондатти); 2-й—предметы быта вогуловъ и самоѣдовъ, полученные отъ Н. Л. Гондатти, Д. И. Иловайскаго и Б. М. Житкова. 3-й занятъ вещами якутовъ—одежда, шапки, обувь, чепраки и др. предметы конскаго убора; огниво, игрушки, ларецъ изъ кости; а также предметами быта и культа сойотовъ, собранными Ф. Я. Кономъ.

Затѣмъ слѣдуетъ большая 8-угольная витрина, заключающая въ себѣ коллекцію моделей, изготовленныхъ учениками малайской школы въ Перакѣ и иллюстрирующихъ бытъ тамошнихъ малайцевъ (даръ И. А. Щербачева изъ Сингапура).

Въ 4-мъ шкапу помѣщена коллекція предметовъ и моделей, иллюстрирующихъ бытъ айновъ о-ва Хоккайдо, а также вещи, собранныя среди гиляковъ на Амурѣ. 5й и 6-й шкапы заключаютъ въ себѣ предметы быта, искусства и религіознаго культа китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и монголовъ. Здѣсь имѣется китайскій костюмъ временъ династіи Минъ и современные; знамя боксеровъ (красное) и государственное китайское (желтое); изображеніе Лаодзы на красномъ сукнѣ; кит. и япон. вазы, статуэтки, гонги, курительницы; молитвен. мельницы и субурганы; китайская аптека и большая коллекція ламаитскихъ бурхановъ изъ темной и свѣтлой бронзы, мѣди, фаянса, дерева, изображающихъ Будду и разныхъ бодисатвъ, докшитовъ и т. д. Интересно еще рѣзное изображеніе Будды (изъ орѣховаго дерева) и надъ дверью—доска, рѣзная и расписная съ изображеніемъ дракона, изъ китайской кумирни. Имѣются также изображенія брахманскихъ божествъ (изъ

бронзы и камня), въ томъ числѣ цѣлая коллекція ихъ, вырѣзанная изъ мрамора и отчасти позолоченная.

Четвертая зала посвящена археологіи, главнымъ образомъ, доисторической. Въ витринахъ передъ окнами расположены коллекціи, иллюстрирующія каменный (палео- и неолитическій вѣка), а также бронзовый (мѣдный) и отчасти позднѣйшій желѣзный. Въ 1-й витринѣ помѣщена коллекція эолитовъ (даръ Rutot) изъ Бельгіи; затѣмъ въ этой и слѣдующей витринѣ размѣщены картоны съ каменными и костяными орудіями палеолитическихъ эпохъ—Шёлль, С.-Ашёлль, Мустье, Ориньякъ, Солютрэ, Мадлэнъ, Масъ-д'Азиль, а также съ копіями болѣе рѣдкихъ издѣлій изъ кости и оленьяго рога, съ изображеніемъ животныхъ и человѣка. Здѣсь же образцы брекчій и костей животныхъ изъ пещеръ. Далѣе слѣдуютъ предметы неолитическаго вѣка—изъ Франціи, Англіи, Бельгіи, Даніи, Греціи, Египта, Японіи и изъ Россіи. Изъ топоровъ и кирокъ имѣются (въ оригиналахъ и копіяхъ) съ изображеніемъ звѣриныхъ головъ. Бронзовый (и мѣдный) вѣкъ представленъ цельтами, топорами, ножами, мечами, наконечниками копій—изъ Франціи, Австріи, Италіи, а также изъ Сибири и другихъ частей Россіи. Отдѣльная маленькая витрина занята костями и орудіями изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи.

Послѣднія витрины этого ряда знакомятъ съ древностями изъ могильниковъ и кургановъ: желѣзные топоры, долота, мечи, ножи, стремена; украшенія изъ серебра, бронзы, стекла и пр.; шейныя гривны, браслеты, перстни, подвѣски, фибулы, фигурки людей и животныхъ; бусы, крестики, образки, монеты и т. д. Подъ витринами, на полкахъ—кости, бивни и зубы мамонта и другихъ ископаемыхъ животныхъ, найденные въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ шкапахъ, стоящихъ поперекъ залы и по серединѣ, вдоль ея, размѣщены нѣкоторыя систематическія коллекціи: въ 1-мъ—коллекціи орудій каменнаго вѣка Франціи, составленныя Г. де-Мортиллье и Шовэ. Во 2-мъ—коллекція неолитическихъ орудій изъ вост. штатовъ Сѣв. Америки и полуострова Флориды; коллекція каменныхъ орудій изъ Даніи и предметы изъ раскопокъ въ пещерахъ, дольменахъ и курганахъ Франціи проф. Д. Н. Анучина. Въ 3-мъ—бронзовые, желѣзные и другіе предметы изъ раскопокъ могильниковъ и городищъ Прикамскаго и Пріуральскаго края—Ф. Д. Нефедова; бронзовыя изображенія парящихъ птицъ и звѣрей изъ Пермской и сосѣднихъ съ ней губерній. Изъ шкаповъ, стоящихъ вдоль залы, 1-й занятъ образцами германскихъ древностей (копіи предметовъ музея въ Майнцѣ) и (на верхней полкѣ) образцами галльскихъ древностей (копіи предметовъ С.-Жерменскаго музея), а 2-й, въ одной половинѣ—коллекціей древнихъ орудій изъ Россіи и Зап. Европы и копій съ нихъ, поступившей по завѣщанію отъ А. М. Раевской; во второй половинѣ—образцы древностей изъ могильника въ Гальштаттѣ (начал. жел. вѣка, около IV—III в. до Р. Х.); образцы греческихъ древностей (изъ Керчи) и др. 4-й поперечный шкапъ заключаетъ въ себѣ коллекцію погребальныхъ перуанскихъ сосудовъ (Huacas) изъ могилъ Truxillo; сосуды и черепки изъ различн. могилъ и городищъ Зап. Европы и Америки; внизу модели кургановъ и дольменовъ; 5-й наполненъ образцами глиняной посуды и черепковъ изъ различн. мѣстностей Евр. Россіи, Кавказа, Сибири, Туркестана.

Пятая и шестая залы посвящены физической антропологіи. Въ V залѣ—лѣвая стѣна между

оконъ увѣшана масками, снятыми съ живыхъ особей (калмыковъ, грузинъ, цыганъ и др.) скульпторомъ Севрюгинымъ, а отчасти—копіи бюстовъ и масокъ Антроп. галлереи Париж. музея ест. исторіи и др. Шкапъ-витрина передъ окнами заключаетъ чучела, скелеты, черепа и спиртовые экземпляры обезьянъ преимущественно антропоморфныхъ—гориллы, шимпанзе, орангъ-утанга, гиббона, но также низшихъ обезьянъ и лемуровъ. Всѣ остальные большіе шкапы этой залы наполнены человѣческими черепами (и скелетами), преимущественно изъ древнихъ могильниковъ, кургановъ и кладбищъ Евр. и Азіат. Россіи, а также современныхъ народностей: черепами вогуловъ, самоѣдовъ, калмыковъ, киргизовъ бурятъ, тунгузовъ и мн. др.

Въ VI залѣ собраны чел. черепа съ аномаліями, патологическіе, деформированные и т. д. Большая коллекція искусственно деформированныхъ череповъ изъ Крыма, Кавказа и др. мѣстностей. Скелеты и черепа зародышей и новорожденныхъ; модели по эмбріологіи человѣка; спиртовые препараты; слѣпки съ нѣкоторыхъ уродовъ. Коллекція по палеонтологіи человѣка: слѣпки съ черепа Pithecanthropus erectus, съ челюстей—Гейдельберской, Нолеттской и др.; со скелетовъ изъ ниж. грота Мустье, изъ Combe Capelle; съ череповъ—Неандертальскаго, Спи, изъ Chapelle aux Saints, Кро-Маньонъ, и др.

Кромѣ того, въ отдѣльныхъ витринахъ выставлены препараты зубной системы человѣка, съ показаніемъ послѣдовательнаго прорѣза молочныхъ и постоянныхъ зубовъ; палеонтологическая коллекція; черепа и рога различныхъ млекопитающихъ; бюстъ, слѣпки рукъ и ногъ, волоса, мягкіе органы въ спирту, скелетъ и предметы украшенія и вооруженія, принадлежавшіе умершему въ Москвѣ папуасу и др.

Музей соціальныхъ наукъ имени А. В. Погожевой.

К. Сивкова.

Страстной бульваръ, зданіе Моск. университета. Трамваи: №№ 1, 6, 13, 15, 18, 25, 27, 29, 30 и А.

Открытъ для осмотра по понед., четверг. и субб. отъ 2 ч. до 3 ч. дня, для занятій—(студенты по входнымъ билетамъ, постороннія лица—по особому разрѣшенію ректора) ежедневно отъ 11 ч. до 4 ч. дня. Тел. 5-49-98.

Музей является въ настоящее время учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ при Моск. ун-тѣ, которому онъ былъ переданъ въ 1910 году его основателемъ (нынѣ покойнымъ) А. В. Погожевымъ, и состоитъ въ завѣдываніи проф. Елистратова. М. помѣщается въ 4 небольшихъ комнатахъ и въ настоящее время очень бѣденъ экспонатами, такъ что даетъ очень мало матеріала для экскурсій; къ тому же тѣснота помѣщенія дѣлаетъ невозможнымъ присутствіе въ немъ одновременно болѣе 10—15 человѣкъ.

Въ М. имѣется небольшое количество діаграммъ по вопросамъ грамотности, смертности, расходовъ на флотъ въ разныхъ государствахъ, развитія русск. промышленности въ пореформенное время, цѣнъ на хлѣбъ и трудъ въ Петербургѣ за 58 лѣтъ, статистики браковъ и проч. Кромѣ того, есть 2 карты-діаграммы, иллюстрирующія ходъ организаціи больничныхъ кассъ и страхованія рабочихъ на основаніи закона 1912 года. Наконецъ, фотографическіе снимки даютъ представленіе о внѣшнемъ и внутреннемъ видѣ нѣкоторыхъ фабрикъ—свеклосахарные заводы Харитоненко, Большая Ярослав-

ская мануфактура и проч., ночлежнаго дома им. Ермакова въ Москвѣ и т. п.

При М. имѣется библіотека по соціальнымъ вопросамъ, насчитывающая 8 тыс. томовъ, выписываются русскіе и иностранные (спеціальные) журналы—35 названій; получается 21 русская газета, изъ которыхъ по опредѣленной системѣ дѣлаются вырѣзки статей по соціальнымъ вопросамъ. На содержаніе М. расходуется 600 р. въ годъ. М. пополняется случайными пожертвованіями. Съ 1 февр. 1910 г. (когда онъ былъ открытъ для публики) по 1 ноября 1912 г. его посѣтило 1077 чел.

Противоалкогольный музей столичнаго попечительства о народной трезвости.

К. Сивкова.

Н. Кисловка, д. 6, телеф. 2-64-55. Пути сообщенія: на трамваяхъ №№ 16 и 22, по Б Никитской до Кисловскаго пер. или до Арбатскихъ воротъ на трамваяхъ №№ А, 4, 13, 15, 17 и 31. Открытъ круглый годъ по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ отъ 1 до 4 ч. дня, входъ безплатный; группамъ могутъ быть даны объясненія—предварительно переговорить съ музеемъ по телефону.

Музей основанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кружкомъ лицъ во главѣ съ проф. А. А. Корниловымъ и содержится на частныя средства. Онъ занимаетъ скромное помѣщеніе изъ 3 комнатъ и не богатъ экспонатами. Главное богатство музея составляютъ діаграммы; ихъ мы встрѣчаемъ еще на лѣстницѣ, при входѣ въ первую комнату, и ими

же увѣшаны стѣны всего помѣщенія музея. Въ первой комнатѣ мы находимъ діаграммы, которыя показываютъ вліяніе алкоголя на развитіе преступности, душевныхъ болѣзней, самоубійствъ и т. п.; другія діаграммы наглядно иллюстрируютъ, какъ вырождается потомство пьяницъ и какъ смертность отъ алкоголя распредѣляется по округамъ Петербурга и Москвы; одна діаграмма показываетъ сравнительную питательность 1 ф. хлѣба въ 5 коп. и кружки пива за ту же цѣну, а другая показываетъ, какую часть въ бюджетѣ рабочаго и крестьянина составляютъ расходы на алкоголь. Затѣмъ одна діаграмма устанавливаетъ интересный фактъ, что чѣмъ меньше жителей въ городѣ, тѣмъ больше въ немъ потребленіе алкоголя; интересна также діаграмма, показывающая интенсивность „питейнаго настроенія“ по днямъ недѣли и въ зависимости отъ значенія дня (праздники, будни, предпраздничные дни). Въ этой же комнатѣ въ витринахъ выставлены препараты различныхъ органовъ человѣческаго тѣла въ здоровомъ видѣ и въ болѣзненномъ состояніи вслѣдствіе употребленія алкоголя. Въ одной витринѣ выставлены большія колбы, наполненныя разноцвѣтной жидкостью, которыя наглядно показываютъ $^0/_0$-е содержаніе спирта въ различныхъ напиткахъ—въ пивѣ, водкѣ, ромѣ, виски и проч. Около—образцы спирта въ банкахъ, образцы посуды для продажи казенной водки, модели разныхъ закусокъ и проч. Въ той же комнатѣ находится модель-діаграмма кладбища, показывающая, какое количество мѣстъ на кладбищѣ на каждые 500 чел., умирающихъ ежегодно, нужно отвести для покойниковъ-алкоголиковъ разныхъ профессій: больше всего—17 мѣстъ, надо отвести для

половыхъ и трактирныхъ служащихъ, меньше всего—4 мѣста, для священниковъ. По столамъ у стѣнъ этой комнаты лежатъ образцы противоалкогольной литературы, которую тутъ же можно просмотрѣть.

Вторая комната заполнена исключительно діаграммами, касающимися большой и модной темы: алкоголизмъ и школа. Тутъ мы имѣемъ діаграммы: алкоголизмъ въ начальной, средней и высшей школѣ, распространеніе алкоголизма по возрастамъ и т. п. Продолженіе этихъ діаграммъ находимъ и въ комнатѣ 3-ей, въ которой, кромѣ того, есть еще картины, изображающія пьяницъ и ихъ семью (франц. изданіе), а также образцы свѣтовыхъ картинъ для чтеній по алкоголизму.

Тутъ же помѣщается амбулаторія для пріема больныхъ, страдающихъ алкоголизмомъ.

Музей московскаго городского хозяйства.

П. Сытина.

Тверская, Леонтьевскій пер., д. 15, телеф. 1-84-68. Остановка (у Никитскихъ Воротъ) трамваевъ №№ 13, 15, 16, 22, А. Открытъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и пятницъ, отъ 12 до 4 ч. дня. Входъ безплатный, по предварительной отъ 10 до 12 ч. утра записи по телефону. Закрытъ 23, 24 и 25 декабря, 1 января, въ теченіе двухъ послѣднихъ дней Сырной недѣли, трехъ послѣднихъ дней Страстной, трехъ первыхъ дней Св. Пасхи и въ теченіе всего іюля мѣсяца. При осмотрѣ завѣдующимъ музеемъ даются отъ 12 до 2 ч. объясненія.

Музей городского хозяйства первоначально составился изъ діаграммъ, моделей, картъ и проч. экспонатовъ г. Москвы на Всероссійской худо-

жественно-промышленной выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Открылся онъ 1 декабря 1896 года въ Крестовскихъ водонапорныхъ башняхъ, въ которыхъ и функціонировалъ по 20 октября 1913 г., когда, по случаю ремонта башенъ, былъ временно закрытъ. За 17-тилѣтнее свое существованіе на краю города, не привлекая широкаго вниманія къ себѣ ни публики, ни городской администраціи, музей почти ничѣмъ не пополнялся, экспонаты его устарѣли и въ концѣ-концовъ давали превратное представленіе о московскомъ городскомъ хозяйствѣ, отражать развитіе котораго музей былъ призванъ. Въ 1909 г. былъ поднятъ вопросъ о коренной реорганизаціи музея, но лишь въ 1914 году онъ получилъ болѣе или менѣе серьезное разрѣшеніе. Именно, въ началѣ этого года окончила свои работы предварительная комиссія по реорганизаціи музея, на основаніи которыхъ былъ выработанъ и внесенъ управой въ Думу соотвѣтствующій докладъ. Въ связи съ этимъ, музей былъ переведенъ въ центръ города, въ нынѣ занимаемое имъ помѣщеніе, пополненъ экспонатами г. Москвы, бывшими на Дрезденской 1911 года и Спб. гигіенической 1913 года выставкахъ, а также спеціально приготовленными для него діаграммами по городскимъ финансамъ, народному образованію, дѣятельности трамваевъ, газоваго завода, ломбарда, боенъ и др. Устарѣвшіе экспонаты съ выставки 1896 года исключены изъ состава музея, остальные систематизированы, поставлены въ связь другъ съ другомъ и, такимъ образомъ, музей въ настоящее время даетъ довольно полное представленіе объ эволюціи и современномъ состояніи главнѣйшихъ отраслей московскаго городского хозяйства. Большее вниманіе, въ об-

щемъ, въ немъ удѣлено соціально-экономической сторонѣ дѣятельности городскихъ учрежденій; меньшее—ихъ техническому устройству и функціонированію. Музей расположенъ въ 17 комнатахъ трехъэтажнаго дома; изъ нихъ уже открыты для обозрѣнія публики 14.

Дѣленіе музея на отдѣлы и расположеніе послѣднихъ по комнатамъ имѣетъ задачей постепенное введеніе обозрѣвателей отъ общихъ и элементарныхъ явленій жизни г. Москвы и городскихъ учрежденій въ кругъ явленій все болѣе сложныхъ и спеціальныхъ. Съ другой стороны, оно даетъ возможность интересующимся лишь извѣстной отраслью городского хозяйства прямо приступить къ ея изученію въ связи съ ближайшими къ ней другими отраслями. Напримѣръ, водопроводы можно изучить въ связи съ канализаціей, дѣятельность городскихъ больницъ въ связи съ санитаріей и общественнымъ призрѣніемъ и т. д. Наиболѣе полно представлены пока въ музеѣ канализація, водопроводъ, бойни, народное образованіе, но и по другимъ отраслямъ собрано много цѣнныхъ и интересныхъ матеріаловъ. Содержаніе музея въ настоящемъ его видѣ составляютъ слѣдующіе отдѣлы.

Нижній этажъ.

Комнаты 1-я и 2-я. Общія свѣдѣнія о г. Москвѣ. Климатъ, орошеніе и территорія. Населеніе, его составъ и движеніе. Грузооборотъ Москвы. Движеніе цѣнъ на хлѣбъ (съ 1797 г.), на мясо (1871 г.) и на другіе главнѣйшіе предметы потребленія въ Москвѣ. Фальсификація продуктовъ

въ Москвѣ. Составъ водопроводной и другихъ водъ. Загрязненіе почвы.

Финансы московскаго городского общественнаго управленія: доходы, расходы, долги и займы.

Содержаніе этихъ двухъ комнатъ служитъ введеніемъ въ изученіе московскаго городского хозяйства. Территорія, населеніе и промышленность — основной фонъ, на которомъ развертывается дѣятельность городского самоуправленія. Загрязненіе почвы, фальсификація продуктовъ, движеніе цѣнъ на нихъ и т. п. — стимулъ къ созданію городомъ различныхъ санитарно-гигіеническихъ и соціально-экономическихъ мѣропріятій. Въ общемъ же, вся многоразличная дѣятельность города отражается, какъ въ зеркалѣ, въ его финансахъ, и потому помѣщенныя въ этихъ комнатахъ діаграммы о движеніи и составѣ приходовъ и расходовъ г. Москвы въ различные періоды, городскихъ займовъ и долга служатъ также необходимымъ введеніемъ въ изученіе отдѣльныхъ отраслей гор. хозяйства. Остальныя комнаты музея даютъ понятіе объ устройствѣ и дѣятельности главнѣйшихъ изъ нихъ.

Комнаты 3-я и 4-я (нижняго этажа). Пригонъ скота въ Москву. Устройство и дѣятельность московскихъ городскихъ боенъ.

Средній этажъ.

Комната 1-я. Внѣшнее городское благоустройство. Мостовыя, мосты, плотины, набережныя и проч. Сады и бульвары; городскіе питомники и оранжереи. Уличное освѣщеніе Москвы.

Дѣятельность городского газоваго завода. Устройство и дѣятельность городского трамвая.

Комната 2-я. Водоснабженіе Москвы. Устройство и дѣятельность Мытищинскаго и Москворѣцкаго городскихъ водопроводовъ.

Комната 3-я. Городская канализація и водостоки въ чертѣ Москвы.

Комната 4-я. Городская канализація внѣ городской черты и поля орошенія.

Комната 5-я (для спеціалистовъ). Устройство отопленія и вентиляціи въ новѣйшихъ городскихъ зданіяхъ и сооруженіяхъ.

Верхній этажъ.

Комната 1-я. Грамотность и народное образованіе въ Москвѣ (въ діаграммахъ). Городскія начальныя школы и городскія безплатныя библіотеки-читальни; Третьяковская галлерея, городской университетъ им. Шанявскаго и др.

Комната 2-я. Народное здравіе въ г. Москвѣ. Устройство и дѣятельность городскихъ больницъ, амбулаторій, родильныхъ пріютовъ и др.

Комната 3-я. Городскія психіатрическія больницы, убѣжища для больныхъ и престарѣлыхъ и др. Городскія попечительства о бѣдныхъ, ихъ учрежденія и дѣятельность.

Комната 4-я. Санитарно-благотворительныя городскія учрежденія. Городскіе ночлежные дома, ихъ устройство и дѣятельность. Дѣятельность городского Работнаго дома и Дома трудолюбія.

Комната 5-я (откроется въ ближайшее время). Соціально-политическая дѣятельность

городского самоуправленія Москвы. Биржа труда им. Морозова. Городская посредническая контора. Городской ломбардъ. Хлѣбныя и мясныя городскія лавки. Проектъ городской аптеки.

Комната 6-я (для спеціалистовъ). Проекты новаго Бородинскаго моста, съ приложеніемъ расчетовъ, смѣтъ и проч.

Указаннымъ исчерпывается пока содержаніе музея московскаго городского хозяйства. Всего, такимъ образомъ, открыто 14 комнатъ и готовится къ открытію въ ближайшемъ будущемъ 15-ая (ком. 5 верхн. эт.). Какъ видно изъ перечня содержанія послѣдней, музей предполагаетъ отразить въ ней интересную въ русскихъ условіяхъ дѣятельность г. Москвы по оказанію помощи экономически слабѣйшимъ элементамъ населенія въ ихъ борьбѣ съ сильнѣйшими, по нормированію уродливыхъ явленій въ области спроса и предложенія труда, снабженія массъ дешевыми и доброкачественными продуктами, въ наймѣ жилищъ и пр. Въ этомъ вопросѣ, равно какъ въ муниципализаціи монопольныхъ по своей эконом. природѣ предпріятій, каковы водопроводъ, бойни, трамваи и др., Москва идетъ по стопамъ западно-европейскихъ городовъ и впереди всѣхъ городовъ русскихъ, является для послѣднихъ живымъ примѣромъ для изученія и подражанія. Въ музеѣ, какъ видно изъ перечня содержанія отдѣльныхъ комнатъ, эти предпріятія какъ разъ и отражены наиболѣе полно, занимаютъ своими экспонатами большинство его комнатъ и опредѣляютъ собою даже самое его названіе.

Кромѣ демонстрированія и объясненія находящихся въ немъ экспонатовъ, музей принимаетъ на себя организацію экскурсій въ городскія предпріятія

и учрежденія, даетъ свѣдѣнія о городскихъ изданіяхъ по различнымъ отраслямъ московскаго городского хозяйства. Къ музею идейно примыкаетъ городская библіотека имени И. Е. Забѣлина (Воскресенская площ., зд. Думы, открыта въ присутственные въ управѣ дни и часы), въ которой желающіе могутъ знакомиться съ указываемыми музеемъ городскими изданіями.

Педагогическіе музеи.

В. Сыропѣчковскаго.

Педагогическіе музеи г. Москвы являются по преимуществу музеями наглядныхъ учебныхъ пособій. Они преслѣдуютъ двѣ задачи. Первая изъ нихъ—снабженіе школъ учебными пособіями для временнаго пользованія. Такую задачу ставитъ себѣ Городской Подвижной музей имени Солдатенкова (Калужскія ворота, Казанскій пер., д. 10),—на время войны: Серпуховскія ворота, 1-й Коровій пер., гимназія Коробова и Соколова. Московскій музей наглядныхъ пособій (Б. Чернышевскій пер., д. 10); та же задача занимаетъ видное мѣсто въ дѣятельности музеевъ Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. Зн. и Общества воспитательницъ и учительницъ. Лица, интересующіяся организаціей такъ называемыхъ подвижныхъ музеевъ, дѣломъ снабженія школъ пособіями и подбора ихъ для этой цѣли, могутъ получить нужныя имъ свѣдѣнія въ любомъ изъ этихъ музеевъ. При этомъ полезно знать, что городской музей имѣетъ въ виду только начальныя училища различ-

ныхъ типовъ, остальные музеи не ограничиваютъ себя какимъ-либо типомъ школы и имѣютъ пособія по всѣмъ предметамъ курса низшей и средней школы.

Другая задача педагогическихъ музеевъ г. Москвы—знакомить всѣхъ интересующихся съ вопросами оборудованія школы и особенно съ вопросомъ о примѣненіи принципа наглядности въ дѣлѣ преподаванія.

Наиболѣе полное представленіе о положеніи вопроса о „наглядномъ методѣ“ даетъ городской Стаціонарный музей, наглядныхъ учебныхъ пособій, имѣющій въ виду нужды начальной школы различныхъ типовъ. (Поварская, 8, тел. 1 57-35). Открытъ съ 1 августа по 1 іюня по вторн., средамъ и пятн. отъ 4 до 7 час. веч., по четверг. и воскрес. отъ 11 до 2 ч. дня; съ 1 іюня по 1 августа—по средамъ и воскрес. отъ 11 до 2 час. дня. Музей закрытъ съ 23 по 28 декабря, въ Новый годъ, съ пятницы Страстной недѣли до среды св. Пасхи, въ Троицынъ и Духовъ дни и праздникъ Успенія. Въ лѣтніе мѣсяцы (іюнь и іюль) дни и часы могутъ быть измѣнены для группъ экскурсантовъ по предварительному соглашенію съ завѣдующей музеемъ. Группы взрослыхъ экскурсантовъ допускаются въ количествѣ не свыше 40 человѣкъ.

М. располагаетъ просторнымъ, свѣтлымъ помѣщеніемъ, гдѣ онъ легко можетъ развернуть для обзора всѣ свои коллекціи. На стѣнахъ, столахъ и въ витринахъ представлены образцы наглядныхъ пособій русскихъ и заграничныхъ фирмъ, распредѣленные по различнымъ предметамъ школьнаго курса. Всѣ эти пособія прошли черезъ оцѣнку спеціалистовъ и были ими одобрены для школы. Въ

отдѣлѣ „родного языка“ полно представлены модели, таблицы и картины для классныхъ бесѣдъ; въ отдѣлѣ „начальнаго преподаванія математики“ полно представлены различные приборы для изученія чиселъ, измѣренія, обученія счету; есть образцы дѣтскихъ работъ по этому отдѣлу. Въ отдѣлѣ географіи помимо разнаго рода пособій, полно отражающихъ то, что даетъ рынокъ, интересны самостоятельныя коллекціи, собранныя группами городскихъ учителей. Это—коллекціи альпійскихъ горныхъ породъ, растеній и насѣкомыхъ, коллекціи растеній и препараты животныхъ горныхъ областей Закаспійскаго края. Оригинальны сдѣланные акварельные и схематическіе рисунки и фотографіи типичныхъ разрѣзовъ берега р. Москвы и образцы геологическихъ породъ окрестностей Москвы, собранные м. Интересны исполненныя м. стѣнныя карты Европейской Россіи (этнограф., вѣроисповѣд., плотность населенія, почва, растительн.). Извѣстный интересъ представляютъ оригинальныя коллекціи отдѣла начальнаго неорганическаго природовѣдѣнія, сработанныя всецѣло сотрудниками м. Въ самостоятельную группу выдѣленъ въ м. большой отдѣлъ по изученію промысловъ и производствъ. Кромѣ упомянутыхъ уже отдѣловъ въ м. есть отдѣлъ Зак. Божія, нѣсколько отдѣловъ по естествознанію, отдѣлы исторіи, рисованія, ручного труда и обученія умственно-отсталыхъ дѣтей въ видѣ систематическаго подбора пособій и дѣтскихъ работъ. Въ м. есть статистическія таблицы по санитарному состоянію московскихъ школъ; въ настоящее время организуется отдѣлъ школьной гигіены. Особое мѣсто отведено въ м. для выставки вновь выходящихъ въ свѣтъ пособій, гдѣ каждая фирма

можетъ ознакомить посѣтителей м. со своими новинками. При м. организована выставка вновь выходящихъ учебниковъ, учебныхъ руководствъ и книгъ для учительской и ученической библіотеки.

При м. находится библіотека-читальня, открытая для посѣтителей м. Въ ней собраны педагогическіе журналы и книги педагогическаго и научнаго содержанія. На ряду съ коллекціями и пособіями Городского музея слѣдуетъ обратить вниманіе на внутренне связанныя съ нимъ выставки работъ по рисованію и ручному труду учениковъ городскихъ училищъ; эти выставки устраиваются ежегодно въ маѣ (въ послѣднее время въ помѣщеніи Строгановскаго училища на Мясницкой).

Городской музей, предлагая вниманію посѣтителей большое количество полно отражающихъ рынокъ и одобренныхъ м. пособій, не дѣлаетъ самъ опредѣленнаго нормальнаго подбора этихъ пособій для того или другого типа начальной школы. Въ м. нѣтъ экспонатовъ, которые ознакомили бы посѣтителей съ нормальнымъ оборудованіемъ школы и класса мебелью и т. п. Эти послѣднія задачи ставитъ себѣ музей Дирекціи народныхъ училищъ Московской губ. (Тверская, М. Гнѣздниковскій пер., д. Смирнова). Предполагается открыть музей для публики въ январѣ 1915 г. Музей будетъ открытъ 2 раза, въ лѣтніе мѣсяцы—разъ въ недѣлю. Библіотека и нормально-оборудованный классъ будутъ помѣщаться на Б. Якиманкѣ, д. 29, тел. 1-54-56.

Со времени основанія въ 1894 г. и до послѣднихъ дней м. былъ преимущественно подвижнымъ музеемъ. Теперь онъ реорганизуется въ музей стаціонарный и первою задачей ставитъ себѣ дать

образцы нормально оборудованной школы и класса со стороны школьной обстановки и пособій; образцы нормальныхъ ученическихъ и учительскихъ библіотекъ. Въ ближайшую очередь предполагается дать примѣръ оборудованія высшаго начальнаго училища.

Педагогическій музей Учебнаго отдѣла образовался изъ сліянія музея воскресныхъ школъ (сущ. съ 1893 г.) и музея бывшаго Педагогическаго общества (сущ. съ 1903 г.). (Н. Кисловка, д. 1, тел. 1-36-27). Открытъ для осмотра съ 2 сентября по 1 мая по четверг. отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ час. Въ интересахъ пріѣзжихъ во время Рождественскихъ и Пасхальныхъ каникулъ музей открывается въ добавочные дни.

М. преслѣдуетъ задачи и подвижного и постояннаго музея. М. не ограничиваетъ себя нуждами и интересами какихъ-либо однихъ типовъ школы, а имѣетъ въ виду вообще интересы и задачи наглядnаго метода преподаванія. М. не располагаетъ такими средствами, какъ музей Городской; поэтому нѣкоторые отдѣлы м. бѣднѣе пособіями. Такъ, „начальное обученіе“ здѣсь все сосредоточено въ одномъ отдѣлѣ и не расчленено такъ, какъ въ музеѣ Городскомъ. Но въ каждомъ отдѣлѣ П. м. собрано все существенное и важное. Особенно цѣнны по сравненію съ другими музеями простыя и недорогія коллекціи и пособія, созданныя сотрудниками м. Эти пособія указываютъ преподавателю путь для самостоятельной работы въ этомъ направленіи. Таковы гербаріи и многочисленные препараты естественно-научнаго отдѣла, цѣлый рядъ самостоятельно изготовленныхъ коллекцій минералогическихъ и по различнымъ производствамъ,

рядъ простѣйшихъ приборовъ для физическихъ опытовъ, множество самостоятельно подобранныхъ иллюстрацій по географіи, иллюстрацій для классныхъ бесѣдъ и письменныхъ изложеній, иллюстрацій къ біографіямъ русскихъ писателей и ихъ произведеніямъ, иллюстрацій и фотографій по исторіи культуры и искусства. Въ отдѣлѣ исторіи интересны изготовленные м. слѣпки съ характерныхъ образцовъ орудій каменнаго и бронзоваго вѣка московскаго Историческаго музея. Оригинальны коллекціи діапозитивовъ различныхъ отдѣловъ м. Наибольшій интересъ въ м. представляетъ собою отдѣлъ исторіи, наиболѣе богатый пособіями, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ московскихъ музеевъ. Помимо всѣхъ тѣхъ русскихъ и заграничныхъ изданій, которыя представляютъ интересъ для русской школы, здѣсь собраны типичные образцы англійскихъ, французскихъ, германскихъ, голландскихъ, австрійскихъ, бельгійскихъ и итальянскихъ пособій по исторіи, отражающихъ примѣненіе принципа наглядности за границей. Въ послѣднее время историческимъ отдѣломъ м. подобрана библіотека старыхъ и новыхъ русскихъ учебниковъ и книгъ для чтенія по исторіи, а также книгъ и статей по методикѣ исторіи на русскомъ языкѣ; посѣтители могутъ пользоваться библіотекою въ помѣщеніи м.

Старѣйшимъ педагогическимъ музеемъ Москвы является Педагогическій музей общества воспитательницъ и учительницъ (сущ. съ 1870 г.). (М. Царицынская, Вселенскій п., собств. домъ, тел. 1-13-21). Открытъ съ 1 сентября по 15 мая по вторн. и пятн. отъ 4—7 час., по воскрес. отъ 11 до 1 час. дня.

Въ настоящее время по сравненію съ другими музеями Москвы въ этомъ музеѣ интересны только нѣкоторыя рѣдкости естественно-научнаго и географическаго отдѣловъ и больше историческій интересъ представляютъ собою старыя заграничныя и русскія коллекціи фребелевскихъ „даровъ“ 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Толстовскій музей.

Л. Гальберштадта.

Поварская, 18, тел. 4—16—28. Трамваи (остан. у Арбатскихъ вор.).: 4, 13, 15, 17, 31 и А. Музей открытъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ, отъ 11 до 4 часовъ дня. Плата за входъ 30 к., съ учащихся 15 к., съ экскурсантовъ 5 к.

Идея созданія Толстовскаго музея возникла въ 1908 г., когда великому писателю исполнилось 80 лѣтъ, и весь цивилизованный міръ готовился къ достойному чествованію этого событія. Толстой, какъ извѣстно, рѣшительно отказался отъ всякаго чествованія и въ извѣстномъ трогательномъ письмѣ къ предсѣдателю юбилейнаго комитета М. А. Стаховичу просилъ не настаивать на этой мысли. Тогда-то по иниціативѣ комитета была устроена первая Толстовская выставка въ Петербургѣ, экспонаты которой и легли въ основу перваго же Толстовскаго петербургскаго музея. Въ Москвѣ послѣ кончины писателя нѣкоторые друзья и почитатели его памяти учредили толстовское общество, поставивъ одной изъ цѣлей своихъ устройство Толстов-

скаго музея въ Москвѣ, гдѣ Толстой такъ долго жилъ и такъ много работалъ. Осенью 1911 г. общество устроило въ Москвѣ Толстовскую выставку, собравъ на нее громадное количество экспонатовъ. Многіе изъ нихъ были пожертвованы обществу, многіе отданы ему на храненіе, нѣкоторые пріобрѣтены. Въ декабрѣ 1911 г. оказалось уже возможнымъ открыть музей въ нанятомъ обществомъ помѣщеніи въ д. № 18 на Поварской улицѣ.

При устройствѣ музея приняты были къ руководству три задачи: 1) дать посѣтителямъ музея въ наглядныхъ образахъ возможно разностороннее представленіе о жизни и творчествѣ Толстого, 2) собирать разсѣянные по частнымъ владѣльцамъ рукописи и біографическіе матеріалы и 3) создать центръ научной работы для лицъ, изучающихъ Толстого.

Соотвѣтственно съ этими цѣлями музей распадается на три основныхъ отдѣла: показательный, архивъ и библіотеку.

Коллекціи перваго отдѣла естественно занимаютъ почти все помѣщеніе музея. Распредѣлены они по главнымъ эпохамъ и фактамъ жизни Толстого. Въ первой комнатѣ (направо отъ средняго зала музея) размѣщены, главнымъ образомъ, предметы, рисующіе первый періодъ его жизни до душевнаго кризиса, почти прервавшаго его художественную дѣятельность и приведшаго его къ проповѣди религіозно-нравственнаго самоусовершенствованія и обновленія. Въ этой комнатѣ посѣтители увидятъ портреты предковъ Л. Н. (въ томъ числѣ гр. И. А. Толстого, первообраза стараго гр. Ростова въ романѣ „Война и Міръ“ и стараго кн. Болконскаго—кн. Волконскаго, дѣда писателя по матери); здѣсь же въ витринахъ изданія сочиненій Л. Н. вплоть до

романа „Анна Каренина“: рядъ рукописей его, начиная съ дѣтскихъ тетрадокъ 1835 г. На задней стѣнѣ — копія извѣстнаго портрета его, работы Крамского. Въ этой-же комнатѣ обширная коллекція иллюстрацій къ „Войнѣ и Миру“ художниковъ Пастернака, Башилова и Боклевскаго. Множество фотографій и художественныхъ произведеній, главнымъ образомъ, Пастернака, даютъ яркое представленіе о внѣшнемъ обликѣ Толстого въ этотъ періодъ его жизни. Въ отдѣльной витринѣ помѣщены лично принадлежавшіе Л. Н. предметы съ нѣкоторымъ нарушеніемъ хронологическаго порядка. Такъ, здѣсь посѣтители отмѣтятъ евангеліе, которое Л. Н. всегда носилъ съ собой и испещрилъ замѣтками; его блузу, шляпу, стачанные имъ сапоги, ружье, съ которымъ онъ охотился, пока не призналъ охоты грѣхомъ; письменныя принадлежности его; билеты, которые онъ взялъ до Ростова н./Д., отправляясь въ свой послѣдній, неоконченный путь и т. д.

Во второй комнатѣ—среднемъ залѣ музея—продолжается въ витринахъ показательная коллекція рукописей и изданій, охватывая второй главный періодъ творчества писателя. Фотографіи В. Д. Черткова (болѣе 400) въ вертящихся витринахъ, даютъ громадный матеріалъ для ознакомленія съ обликомъ и обстановкой жизни Л. Н. По стѣнамъ здѣсь размѣщены цѣнныя коллекціи рисунковъ и картинъ И. Е. Рѣпина, акад. Виноградова, Т. Л. Сухотиной-Толстой и много др.; здѣсь же поставлены скульптурныя изображенія Л. Н. работы Аронсона, Гинзбурга, Трубецкого и др. Посреди зала витрина съ произведеніями промышленности, украшенными изображеніемъ Толстого.

Въ третьей (слѣва отъ зала) комнатѣ можно обозрѣвать коллекцію переводовъ сочиненій Л. Н. на иностранные языки.

Всѣ литературы Европы и нѣкоторыя восточныя, какъ видно изъ выставленныхъ здѣсь образцовъ, обогатились произведеніями великаго писателя земли русской. Стѣны этой комнаты украшены видами Ясной Поляны раб. Салтанова, Батурина и др. и обширнымъ собраніемъ подлинниковъ иллюстрацій Пастернака къ роману „Воскресенье". У окна на особомъ постаментѣ—рельефная карта Ясной Поляны.

Вернувшись въ средній залъ, посѣтитель проходитъ „Астаповскую комнату", представляющую въ фотографически-точной копіи ту комнату и ту обстановку, которыя были нѣмыми свидѣтелями кончины Толстого. Въ комнатѣ стоитъ та постель, на которой умеръ Л. Н., сермяжный армякъ, въ которомъ онъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны, и взятый имъ тогда съ собою чемоданъ.

Изъ этой комнаты посѣтитель выходитъ въ коридоръ, увѣшанный изображеніями Л. Н., и проходитъ комнату, содержащую коллекціи, посвященныя уходу, болѣзни и кончинѣ Л. Н. Здѣсь подлинныя посмертныя маски, скульптура Меркурова „Толстой на смертномъ одрѣ", картины Пастернака и др. художниковъ на тотъ же сюжетъ. Рисунки Росинскаго, изображающіе исторію ухода, болѣзни, смерти Л. Н., телеграммы, полученныя тогда московскими газетами изъ Астапова, кисти отъ гроба Л. Н., модель Астаповскаго дома, фотографіи похоронъ, виды могилы, факсимиле завѣщанія Л Н. и т. п.

Далѣе слѣдуетъ комната, гдѣ хранятся два другіе отдѣла музея—архивъ и библіотека (исключая

уже упомянутыхъ книгъ и рукописей). Книжное собраніе музея еще далеко нельзя назвать исчерпывающимъ; но уже теперь оно превышаетъ 3000 томовъ изданій сочиненій Толстого и о Толстомъ. Архивъ музея заключаетъ въ себѣ болѣе 400 автографовъ писателя и массу копій съ его поправками и помѣтками, въ томъ числѣ рукописи многихъ важнѣйшихъ произведеній, болѣе 200 ненапечатанныхъ до сихъ поръ писемъ его, 14 собственноручных записныхъ книжекъ Л. Н. съ 1865 по 1896 гг. и копію большей части его дневниковъ. Самую цѣнную часть архива составляютъ переданныя въ музей частныя собранія покойной дочери Толстого М. Л. Оболенской и покойнаго же друга его Г. А. Русакова. Важную часть архива составляютъ также матеріалы для первоначальной исторіи извѣстнаго издательства „Посредникъ“.

Москва и 1812 годъ.

Н. Алябьева.

Музей 1812 г.

Москва такъ тѣсно связана съ событіями двѣнадцатаго года, что сама является живымъ памятникомъ Отечественной войны. Поэтому-то здѣсь, въ музеѣ 1812 г., предполагается собрать все, что имѣетъ отношеніе къ лицамъ, мѣстамъ и событіямъ исторической эпохи. Музей помѣстится въ Кремлѣ, рядомъ съ Никольскими воротами, въ старинномъ зданіи арсенала, основаніе которому положилъ еще

Петръ Великій. Въ январѣ 1912 г. зданіе предоставлено было особому Комитету для устройства въ немъ музея 1812 г., но приспособленіе его подъ музей потребуетъ капитальнаго ремонта. Первоначальный видъ зданія будетъ сохраненъ, только освѣщено оно будетъ, кромѣ боковыхъ оконъ, еще сверху. Здѣсь въ 14 просторныхъ залахъ размѣстятся всѣ собранныя коллекціи, которыя пока хранятся въ Потѣшномъ дворцѣ. Когда будутъ отпущены средства, полное оборудованіе музея займетъ не менѣе двухъ лѣтъ. Общій планъ размѣщенія матеріала останется въ музеѣ тотъ же, что и на выставкѣ въ память столѣтняго юбилея Отечественной войны, помѣщавшейся въ Историческомъ музеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть вещей, находившихся на этой выставкѣ, войдетъ въ музей и составитъ главную основу его собраній, которыя все продолжаютъ пополняться. Много предметовъ поступаетъ изъ частныхъ рукъ, а также изъ общественныхъ хранилищъ. Имп. Эрмитажъ передаетъ въ музей большинство своихъ коллекцій, относящихся къ исторіи 12 г. Музей будетъ распадаться на двѣ половины: русскую и французскую. Въ русскомъ отдѣлѣ будутъ залы, имп. Александра I, героевъ Отечественной войны, Бородина и Москвы 1812 г. Залъ отступленія „великой арміи“ послужитъ переходомъ къ французской половинѣ музея. Французскій отдѣлъ музея составится, главнымъ образомъ, изъ матеріаловъ, поступившихъ изъ Франціи отъ правительства республики и частныхъ лицъ. Одинъ залъ будетъ посвященъ французской арміи, другой—ея вождю Наполеону. Дополненіемъ къ коллекціямъ русскаго и французскаго отдѣловъ послужатъ матеріалы,

собранные въ особомъ залѣ освободительныхъ войнъ 1813—15 г. Послѣдній отдѣлъ музея будетъ носить юбилейный характеръ: въ него войдутъ всѣ изданія и промышленныя издѣлія, выпущенныя къ юбилейнымъ днямъ. Особое мѣсто въ музеѣ займетъ богатѣйшее собраніе литературы о двѣнадцатомъ годѣ, составленное изъ книгъ, рукописей и музыкальныхъ произведеній на всѣхъ языкахъ. Наиболѣе цѣнною частью этого собранія явится пожертвованная И. Х. Колодѣевымъ библіотека, заключающая въ себѣ до 12 тысячъ томовъ, которую онъ собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Панорама Бородино.

Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны въ Москвѣ была устроена панорама, представляющая картину Бородинскаго сраженія. Для нея на Чистыхъ прудахъ, близъ Покровскихъ воротъ (трамваи №№ 3, 24, 29, 31 и А), сооружено спеціальное зданіе съ высокимъ куполомъ и входомъ въ стилѣ ампиръ. На большомъ полотнѣ изображено Бородинское поле въ самый разгаръ боя, около полудня 26 августа 1812 г. Напротивъ отъ входа—курганная батарея Раевскаго, ключъ русской позиціи, на которую ведутъ приступъ непріятельскія войска. Направо вдали видна деревня Горки, а передъ ней стоитъ со свитой и штабомъ главнокомандующій всей русской арміей кн. Кутузовъ, наблюдающій за ходомъ битвы. Слѣва среди горящихъ развалинъ деревни Семеновской представлена русская пѣхота, отбивающая атаку непріятеля, а дальше за ручьемъ занятыя французами Багратіоновы флеши. Правѣе ихъ на второмъ планѣ

виднѣется центръ французской позиціи—Шевардинскій редутъ и впереди него, среди своей гвардіи, верхомъ на бѣломъ конѣ Наполеонъ.

Панорама исполнена академикомъ живописи Рубо при содѣйствіи военныхъ спеціалистовъ. Для публики она открыта каждый день съ 10 ч. утра до 10 ч. вечера, телеф. 5-21-20. Входъ платный (вторникъ—1 р. 30 к., воскресенье—32 к., а остальные дни—65 к.).

Кутузовская изба.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинской битвы русская армія была уже подъ Москвой. Всѣ ждали новаго боя передъ стѣнами древней столицы, и самъ Кутузовъ сначала имѣлъ намѣреніе защищать Москву. Для возведенія окоповъ онъ потребовалъ доставки инструментовъ у московскаго главнокомандующаго гр. Растопчина, который незадолго передъ тѣмъ предлагалъ на подмогу ему собрать „множество десятковъ тысячъ рѣшительныхъ молодцовъ“ изъ жителей Москвы. Но обѣщанная помощь изъ „дружины московской“ не явилась, и при подавляющемъ превосходствѣ своихъ силъ непріятель могъ совершенно раздавить русскую армію. Когда же фельдмаршалъ 1 сентября съ Поклонной горы осмотрѣлъ позицію, онъ окончательно сталъ склоняться къ рѣшенію оставить Москву безъ боя. Мѣстность была неровная и изрѣзанная рытвинами, а въ случаѣ неудачи отступленію войска сильно мѣшала бы рѣка Москва и самый городъ. Однако онъ сначала хотѣлъ узнать мнѣніе своихъ генераловъ. И вотъ въ деревнѣ Филяхъ, въ просторной избѣ Андрея Савостьянова, сошлись на военный совѣтъ главные на-

чальники арміи. Кутузовъ поставилъ на обсужденіе вопросъ: „Можно-ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ боя?“ А самъ сѣлъ въ темномъ углу, не вмѣшиваясь въ пренія. Сейчасъ-же выяснились два противоположныхъ мнѣнія. Одни генералы, съ Барклаемъ-де-Толли во главѣ, считали необходимымъ отступать дальше за Москву, чтобы сохранить армію. Напротивъ, Беннигсенъ, а за нимъ и другіе высказывали тотъ взглядъ, что надо принять бой и отстаивать Москву до послѣдней крайности. Кутузовъ молчалъ и только разъ вставилъ ядовитое замѣчаніе по поводу одного предложенія Беннигсена. Но вотъ онъ тяжело вздохнулъ и медленно подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли генералы. „Господа,—сказалъ онъ,—я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ Государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступать“. Послѣ этого генералы молча разошлись. Однако сознаніе огромной отвѣтственности за принятое рѣшеніе, скорбь за Москву такъ сильно тяготили престарѣлаго фельдмаршала, что ночью онъ долго не могъ заснуть, и слезы не разъ выступали у него на глазахъ.

Со времени важнаго совѣщанія, рѣшившаго участь Москвы, въ избѣ, гдѣ оно происходило, хранился столъ, за которымъ засѣдалъ военный совѣтъ, и скамья, на которой сидѣлъ Кутузовъ. Но въ 1868 г. изба эта сгорѣла, и изъ всей ея обстановки спасена была только скамья. Лишь 19 лѣтъ спустя на мѣстѣ сгорѣвшей избы была построена новая, и въ ней, кромѣ уцѣлѣвшей скамьи, была собрана небольшая коллекція картинъ

и предметовъ, связанныхъ съ памятью о двѣнадцатомъ годѣ, въ томъ числѣ бюстъ Кутузова и гравюра, изображающая его кончину, портреты генераловъ, участвовавшихъ въ военномъ совѣтѣ, рисунки Теребенева и др. Передъ окнами избы, въ садикѣ, находится памятникъ Кутузову въ видѣ обелиска, а рядомъ, въ особомъ каменномъ сараѣ, помѣщается старинная дорожная коляска, найден-

Каррикатура Теребенева — Французскій вояжеръ въ 1812 году.

ная въ селѣ Вороновѣ, Подольскаго уѣзда, въ которой, по преданію, ѣздилъ во время походовъ Кутузовъ. Осматривать Кутузовскую избу можно ежедневно отъ 9 до 4 ч. дня (трамваи №№ 4 и 31 до Дорогомиловской заставы и отъ нея 2 версты по шоссе, или по Александровской ж. д. до ст. Фили). Входъ безплатный.

Отъ Кутузовской избы легко подняться на Поклонную гору.

Пожаръ Москвы.

На другой день послѣ совѣта въ Филяхъ вслѣдъ за своими войсками въѣхалъ на *Поклонную гору* самъ Наполеонъ. „Радостное восклицаніе вырвалось изъ его устъ“, когда онъ увидѣлъ разстилавшуюся передъ нимъ Москву, блестѣвшую на солнцѣ куполами церквей: „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!“ „Давно пора“,— прибавилъ онъ и сталъ любоваться Москвою въ подзорную трубу. Еще большій восторгъ проявляли при этомъ зрѣлищѣ его солдаты и офицеры, которые надѣялись найти въ Москвѣ желанный отдыхъ послѣ труднаго похода. „Каждому,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—хочется первому увидѣть городъ. Лица освѣтились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и поднимаемъ съ благодарностью руки къ небу; многіе плачутъ отъ умиленія, и отовсюду слышишь: „Наконецъ-то! Наконецъ-то Москва!“ Немного времени спустя прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ—это былъ сигналъ къ вступленію арміи въ городъ. Бурнымъ потокомъ ринулись французскія войска въ Москву, громкими криками привѣтствуя своего императора. Все кругомъ потонуло въ густыхъ облакахъ пыли... Около Дорогомиловской заставы Наполеонъ слѣзъ съ коня и, расхаживая взадъ и впередъ, ждалъ депутаціи отъ Москвы, какъ всегда это бывало при занятіи другихъ европейскихъ столицъ. Но никто не являлся, и онъ уже началъ выказывать нетерпѣніе. Наконецъ, побывавшіе въ Москвѣ офицеры доложили ему, что городъ оставленъ жителями. „Москва пуста! — воскликнулъ Наполеонъ. „Какое невѣроятное событіе. Ступайте и приведите ко мнѣ

бояръ!“ Тогда разыскали для него нѣсколько оставшихся въ Москвѣ иностранцевъ, но онъ раздраженно отвернулся отъ нихъ и направился въ Дорогомиловскую слободу, гдѣ и провелъ ночь.

Между тѣмъ французскіе отряды съ музыкой двигались „по длиннымъ, пустыннымъ улицамъ города: глухимъ эхо отдается барабанный бой отъ стѣнъ пустыхъ домовъ“. Кругомъ стоитъ жуткая тишина. Всѣхъ невольно охватываетъ безпокойство.

„Намъ кажется, — передаетъ общее настроеніе очевидецъ-французъ, — что должно случиться что-то необыкновенное. Москва представляется намъ огромнымъ трупомъ; это—царство молчанія: сказочный городъ, гдѣ всѣ зданія воздвигнуты какъ-бы чарами для насъ однихъ!..“ Но вотъ французы достигли Кремля, и здѣсь встрѣтила ихъ выстрѣлами горсть отчаянныхъ защитниковъ московскихъ святынь Въ отвѣтъ раздался залпъ изъ нѣсколькихъ пушекъ, которымъ смѣльчаки были быстро разсѣяны. Скоро солдаты „великой арміи“ разсыпались по городу и, превратившись въ мародеровъ, принялись грабить дома и подвалы, гдѣ скрывались не успѣвшіе выѣхать жители. Они разбивали богатыя лавки и выбрасывали изъ нихъ наружу всѣ товары, выбирая вещи поцѣннѣе. Въ барскихъ особнякахъ ломали роскошную мебель и изъ обломковъ ея тутъ-же на дворѣ дома раскладывали костры, чтобы обогрѣться. Но прежде всего они искали хлѣба и вина. Не оставляли французскіе мародеры въ покоѣ и самихъ москвичей. Многимъ изъ нихъ приходилось раздѣваться чуть не до-нага, отдавая грабителямъ деньги и одежду, а другихъ они заставляли носить за собою груды награбленной добычи. Тѣ, кто осмѣливался противиться, под-

Планъ московскаго пожара 1812 г.

вергались тяжкимъ побоямъ, а то и ударамъ сабли. Но не лучше французовъ были и свои грабители, главнымъ образомъ выпущенные изъ тюремъ каторжники. Въ письмѣ приказчика богатаго московскаго купца къ своему хозяину разсказывается, какъ ему съ другими дворовыми, оставленными для охраны дома, лишь дубьемъ удалось отбиться отъ русскихъ разбойниковъ, которые нападали на беззащитныхъ обывателей. А другой очевидецъ, нѣмецкій торговецъ, даетъ въ своихъ запискахъ любопытное описаніе совмѣстныхъ грабежей русскихъ и французскихъ мародеровъ. „Проходя мимо Гостинаго двора,—говоритъ онъ здѣсь,—я увидѣлъ зрѣлище, навѣрное, единственное въ своемъ родѣ. Тысячи солдатъ всѣхъ родовъ оружія и почти столько-же простыхъ людей въ русской одеждѣ были заняты опустошеніемъ лавокъ и взламываніемъ тѣхъ, которыя были еще заперты. Все шло при этомъ мирно и дружелюбно, несмотря на то, что люди, принадлежавшіе къ разнымъ націямъ, не могли разговаривать между собой. Каждый бралъ, что ему нравилось, никто не мѣшалъ другому, такъ какъ добычи было довольно для всѣхъ". Одновременно съ грабежами начались въ разныхъ концахъ Москвы пожары. Сначала огонь показался въ лавкахъ Гостинаго двора около Кремлевской стѣны, гдѣ онъ былъ зароненъ русскими грабителями и нашелъ себѣ здѣсь обильную пищу. Затѣмъ загорѣлось на Солянкѣ близъ Воспитательнаго дома, и въ то же время пламя вспыхнуло въ Замоскворѣчьѣ. А къ вечеру 2 сентября, перваго дня пребыванія французовъ въ Москвѣ, зловѣщее зарево пожара стояло уже надъ всѣмъ городомъ и хорошо было видно нашей отступавшей

арміи. На первыхъ порахъ французы не придавали пожару особеннаго значенія, приписывая его неосторожности своихъ мародеровъ. Они пытались тушить его, чтобы не дать огню проникнуть въ Кремль, гдѣ расположился во дворцѣ самъ Наполеонъ. Но безъ пожарныхъ трубъ, вывезенныхъ по приказанію Растопчина, всѣ усилія были тщетны, и удавалось только на время ослабить силу огня. Когда же взвились столбы пламени сразу въ нѣсколькихъ частяхъ города, запылали на берегу Москвы-рѣки казенные хлѣбные магазины, а на водѣ барки съ сѣномъ, раздался страшный взрывъ на мѣстѣ склада артиллерійскихъ снарядовъ, — французы рѣшили, что пожаръ дѣло рукъ самихъ москвичей. Въ запискахъ многихъ очевидцевъ постоянно встрѣчаются описанія такихъ поджоговъ. На ихъ глазахъ жители зажигали дома факелами, разрушали ихъ разрывными снарядами, а одинъ поджигатель былъ даже схваченъ въ кремлевской башнѣ надъ арсеналомъ. Съ своей стороны и французскіе мародеры иногда нарочно поджигали зданія. Такъ, напр., ими сожженъ былъ въ Кудринѣ теперешній Вдовій домъ, гдѣ погибло въ огнѣ много раненыхъ русскихъ солдатъ. Особенно страшной по силѣ пожара была ночь съ 3-го на 4-ое сентября. Поднялся сильный вѣтеръ и вскорѣ перешелъ въ настоящую бурю. Тогда надъ городомъ забушевалъ огненный ураганъ. Наблюдавшіе его даютъ намъ такую картину пожара. „Пламя объяло,—пишетъ одинъ, — всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія; воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ и атмосфера, какъ мутная вода,—летающею золою, отъ чего у всѣхъ насъ глаза налились кровью, и мы едва другъ друга

узнавали, несмотря на то, что ночь отъ пламени была свѣтла, какъ мрачный день". „Все огромное пространство,—говоритъ другой,—по ту сторону рѣки, Замоскворѣчье, застроенное домами, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки; никогда небо въ своемъ гнѣвѣ не являло людямъ зрѣлище ужаснѣе этого!" Бороться съ огненнымъ вихремъ не было никакой возможности, оставалось только спасать свою жизнь. Жители съ воплями отчаянія бросались на площади, въ сады и огороды, гдѣ и провели полную ужаса ночь. Лишь какимъ-то чудомъ уцѣлѣли нѣкоторые дома среди этого моря пламени.

Послѣ того, какъ пожаръ охватилъ почти всю Москву, бѣдствія жителей достигли высшей степени. Дома имъ грозилъ огонь, на улицахъ грабили французскіе солдаты, негдѣ было достать пищи и приходилось голодать по цѣлымъ днямъ. Тогда они стали ютиться по оставшимся на мѣстѣ пожарища подваламъ, зарывая цѣнныя вещи въ землю, или переселялись на окраины города, гдѣ ночевали подъ открытымъ небомъ. Питались они, чѣмъ придется, больше всего горохомъ и картофелемъ съ огородовъ. На Орловомъ лугу у Калужской заставы образовался цѣлый лагерь изъ подобныхъ бѣглецовъ. „Чего-чего тамъ не было!—говоритъ одна изъ жившихъ здѣсь,—народъ, что муравейникъ: и старый и малый, и нищій и богатый. Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки и сундучки. Всѣ расположились на лугу и говоръ-то говоръ, что пчелиный рой. Погода, на наше счастье, стояла сухая, только ночи,

разумѣется, были свѣжи". Чѣмъ невыносимѣе становились бѣдствія москвичей, тѣмъ сильнѣе росла въ нихъ ненависть къ французамъ. Большинство видѣло въ нихъ лишь враговъ, которыхъ нужно истреблять всякими средствами, и мстило имъ за разореніе жилищъ, за осквернение храмовъ, за грабежи и убійства. Потому-то послѣ ухода непріятеля изъ Москвы въ погребахъ, колодцахъ и ямахъ было найдено нѣсколько тысячъ труповъ французскихъ солдатъ, тайно убитыхъ ея жителями.

Петровскій дворецъ.

Наполеонъ, въѣхавши въ Москву 3-го сентября, поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Но уже на другой день огонь выгналъ его отсюда. Когда утромъ ему доложили, что горятъ зданія вокругъ Кремля, онъ сначала отнесся къ этому извѣстію довольно спокойно. Но какъ только увидалъ самъ, какіе стихійные размѣры принялъ пожаръ, сразу понялъ грозную опасность со стороны его для всей арміи. Тогда, по словамъ адъютанта Наполеона Сегюра, императоромъ „овладѣло страшное безпокойство. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали внутреннюю жестокую тревогу..." Между тѣмъ огонь сталъ угрожать самому Кремлю. Раздуваемыя вихремъ искры и головешки дождемъ сыпались вокругъ дворца; стекла въ окнахъ накалились. Наконецъ загорѣлась башня близъ самаго арсенала. Тогда окружавшіе Наполеона маршалы начали упрашивать его оставить горящій городъ и указывали ему на возможность страшнаго взрыва въ Кремлѣ,

такъ какъ здѣсь находились зарядные ящики французской артиллеріи. Только послѣ долгихъ уговоровъ онъ согласился перебраться изъ Москвы въ Петровскій дворецъ. Но это нелегко было сдѣлать. Съ трудомъ выбравшись изъ Кремля, Наполеонъ со свитой очутились передъ огненнымъ моремъ. „Вокругъ насъ, — говоритъ сопровождавшій Наполеона адъютантъ, — ежеминутно возрастаетъ ревъ пламени. Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нами, но и она была скорѣе входомъ въ этотъ адъ, нежели выходомъ изъ него. Императоръ пѣшій безъ колебанія бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди треска костровъ, грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленнаго желѣза". Лишь съ помощью попавшихся навстрѣчу солдатъ Наполеону и его спутникамъ удалось выбраться изъ пылавшаго города. Но послѣ этого они долго еще блуждали въ поискахъ пути, пока наконецъ къ вечеру не достигли Петровскаго дворца, изнемогая отъ усталости.

„На другой день, утромъ 5-го сентября, Наполеонъ первымъ дѣломъ обратилъ свои взоры на Москву, надѣясь, что пожаръ затихъ. Но пожаръ бушевалъ попрежнему: весь городъ казался громаднымъ огненнымъ столбомъ, воздымавшимся къ небу и окрашивавшимъ его яркимъ заревомъ. Погруженный въ созерцаніе этого страшнаго зрѣлища, онъ нарушилъ свое мрачное и продолжительное молчаніе восклицаніемъ: „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!" Возлѣ Петровскаго дворца, гдѣ Наполеонъ провелъ четыре дня, скоро образовался цѣлый лагерь. Сюда бѣжали жители изъ города, ища защиты отъ грабителей у самого импера-

ра, здѣсь-же расположилась главная квартира арміи. „Небольшое количество домовъ,—говоритъ французъ-очевидецъ,— расположенныхъ около дворца, не могло пріютить громаднаго количества народа, стоявшаго въ этой мѣстности: люди, лошади, экипажи помѣщались подъ открытымъ небомъ среди поля. Штабы, расположенные со своими генералами вокругъ дворца, устраивались въ англійскихъ садахъ, ютились въ гротахъ, китайскихъ павильонахъ, кіоскахъ, садовыхъ бесѣдкахъ. Лошади, привязанныя къ акаціямъ или липамъ, отдѣлялись одна отъ другой питомниками или грядками изъ цвѣтовъ. Этотъ лагерь казался еще болѣе оригинальнымъ благодаря новымъ костюмамъ, которые выбирали себѣ солдаты: большинство, чтобы спастись отъ нападенія, надѣвали на себя тѣ самыя одежды, которыя раньше живописно пестрѣли на московскихъ базарахъ". Скоро, благодаря прошедшимъ ливнямъ, пожаръ началъ стихать, а затѣмъ и совсѣмъ прекратился.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ возвратиться въ Москву.

Петровскій дворецъ находится въ верстѣ отъ города, за Тверской заставой (трамваи №№ 6, 13 и 29). Свое названіе онъ получилъ отъ занимаемой имъ мѣстности, которая когда-то принадлежала Петровскому монастырю. Зданіе построено при Екатеринѣ II въ память побѣды надъ турками по проекту извѣстнаго архитектора Казакова и имѣетъ видъ замка, съ окнами готическаго стиля и башнями. Петровскій дворецъ занимаютъ русскіе государи передъ торжественнымъ въѣздомъ въ Москву для коронованія. Среди богато обставленныхъ аппартаментовъ обращаетъ на себя вниманіе

комната имп. Александра II, украшенная 4 картинами художника Шварца, которыя изображаютъ коронаціонныя торжества. По его же рисунку исполнена большая картина, написанная на изразцахъ художницей Кемпе. Она находится во дворцѣ около воротъ и представляетъ охоту съ соколами при Иванѣ Грозномъ.

Дворецъ открытъ для осмотра каждый день, не исключая праздниковъ, отъ 10 — 4 ч. дня. Входъ безплатный.

Библіографическія указанія.

Основныя пособія по Москвѣ.

И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы, съ альбомомъ ея видовъ. Его же. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы. Бартеневъ. Московскій Кремль. Мартыновъ. Старая Москва. Кондратьевъ. Сѣдая старина Москвы. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ, изд. „Образованіе". А. Кизиветтеръ. Московскій Кремль, въ „Трудахъ Моск. Педагог. Общества", т. I (продается въ помѣщ. Учебнаго Отдѣла, Н. Кисловка, I.) Статья А. Калишевскаго по библіографіи Моск. Кремля, тамъ же, и мн. др.

Лучшій изъ существующихъ Путеводителей по Москвѣ—составленъ И. Ф. Горностаевымъ и Я. М. Богуславскимъ („По Москвѣ и ея окрестностямъ", изд. Постоянной Комиссіи по технич. образованію при И. Р. Т. О. Москва, 1903, ц. 1 р. 25 к.),—теперь уже нѣсколько устарѣлъ.

Пособія къ отдѣльнымъ статьямъ.

Къ статьѣ „Геологія Москвы".

Іоганнъ Вальтеръ. Первые шаги въ геологіи. Рус. изд., ц. 70 к.

А. П. Павловъ. Геологическій очеркъ окрестностей Москвы, пособіе для экскурсій. Съ 44 рис. Изд. журн. „Ест. и геогр." 1907, ц. 30 к.

Къ статьѣ „Москва до Ивана III".

А. Кизеветтеръ. Московскій Кремль, въ 1 томѣ Трудовъ Моск. Педагог. О-ва.

Д. Жариновъ и Н. Никольскій. Былое вокругъ насъ, изд. Т-ва „Міръ".

„Наше прошлое", сборникъ подъ ред. Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла, изд. „Задруга", часть I (до Петра В.).

В. О. Ключевскій. Краткое пособіе по рус. исторіи.

И. Забѣлинъ. Исторія г. Москвы.

Къ статьѣ „Москва XV—XVII в.".

Снегиревъ и Мартыновъ. Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города, т. I—II.

Забѣлинъ. Исторія г. Москвы, т. I.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. „Образованіе" (иллюстрированное и роскошное изданіе).

Мартыновъ. Названіе московскихъ улицъ и переулковъ съ историческими объясненіями.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.

Къ статьѣ „Москва XVIII в.".

См. ст. В. В. Нечаева, М. В. Клочкова, В. Я. Уланова, И. Е. Бондаренко, въ изд. „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ", вып. 7 и 8; соотвѣтств. отдѣлы въ кн. Забѣлина „Исторія г. Москвы", Никифорова „Ста-

рая Москва", В. П. „Изъ исторіи Москвы"; Дневникъ камеръ-юнк. Берхгольца, пер. Аммонъ, изд. 1858, М.; Записки Юста Юля въ Русск. Арх. 1892.; Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 93 (Наказъ г. Москвы въ Екат. Ком.).

Къ статьѣ „Москва XIX—XX в.".

Д. Никифоровъ. Старая Москва, т. 1—2. М. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва, „Голосъ Минувшаго", 1913 г. П. Вистенгофъ. Очерки московской жизни. 1842 г. Н. Давыдовъ. Изъ прошлаго. 1913 г. В. Бѣлинскій. Петербургъ и Москва. Соч., т. IV и друг.

Къ статьѣ „Оружейная палата".

Оружейная палата. Путеводитель. Составили хранители Ю. В. Арсеньевъ и В. К. Трутовскій. Цѣна 40 к.

Къ статьѣ „Монастыри".

В. Звѣринскій. Матеріалы о правосл. монастыряхъ, I и II, 1890—92. А. Ратшинъ. Полное собраніе свѣдѣній о м-ряхъ въ Россіи, 1852. Л. Денисовъ. Правосл. м-ри Росс. имперіи, 1908. Кондратьевъ. Сѣдая старина Москвы. 1893 В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, томъ II. Е. Голубинскій. Исторія рус. церкви, т. I, пол. II. Ростиславовъ. Изслѣдованіе объ имуществахъ и доходахъ м-рей. 1878. В. Кильчевскій. Богатства и доходы духовенства. 1908. Отчеты 3-й Гос. Думы, сессія 5, засѣданія 84, 85, 92. Отчеты 4-й Г. Думы, сессія I, засѣданіе 47. Путеводитель по Москвѣ, изд. М. Архитект. Об-вомъ, 1913. Описанія отдѣльныхъ м-рей Забѣлина, Снегирева, Токмакова и другихъ.

Къ статьѣ „Кладбища".

1. Вел. князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь. 3 тома.

2. Московскія кладбища. Статья Ю. Шамурина въ 8 вып. изд. „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ".

3. Великія могилы. Статья г-жи Шамуриной въ 10 вып. того же изданія.

Къ статьѣ „Барская Москва“.

1. Пыляевъ. Старая Москва. Спб. 1891.
2. Его-же. Старое житье. Спб. 1892.
3. Разсказы бабушки, запис. ея внукомъ Д. Благово. Спб. 1885.
4. Изд. „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, тт. 7—10.
5. „Помѣщичья Россія“, статья бар. Врангеля—„Старые годы“, 1910 іюль—сентябрь.
6. Статьи Грабаря и Вейнберга объ останкинскомъ дворцѣ. „Старые годы“, 1910 май.
7. Бондаренко. Архитект. памятники Москвы.
8. Его-же. М. Ѳ. Казаковъ.
9. „Грибоѣдовская Москва“, статья Гершензона, „Голосъ Минувшаго“, 1913 г.

Мемуары: кн. Долгорукова „Капище моего сердца“. Записки Дмитріева, Жихарева, проф. Страхова, Вигеля и др.

О старомъ Петербургѣ—у Грабаря. „Исторія русскаго искусства“, вып. 14—16.

Къ статьѣ „Старообрядческая Москва“.

Подробнѣе ознакомиться съ исторіей Рогожскаго кладбища и прошлымъ старообрядчества можно изъ кн. В. Е. Макарова „Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ“, Москва, 1911 г., ц. 25 коп., и „Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней, Москва, 1900 г., ц. 40 коп.; а съ дѣятельностью современнаго старообрядчества изъ старообрядческихъ журналовъ и „Трудовъ всероссійскихъ съѣздовъ старообрядцевъ“ (изд. Совѣта съѣздовъ).

Періодическія изданія (выходящія въ Москвѣ):

„Старообрядческая Мысль“, подписная цѣна 5 рублей въ годъ (редакторъ-издатель В. Е. Макаровъ).

„Церковь“, подписная цѣна 5 рублей въ годъ (ред. П. П. Ѳедоровъ, изд. А. И. Королевъ).

Къ статьѣ „Театральная Москва“.

Оставляя въ сторонѣ извѣстные труды проф. Тихонравова и Морозова, касающіеся начальной исторіи театра, укажемъ на доведенную до нашихъ дней „Исторію р. театра“ проф. Варнеке (М., изд. 2-е, ц. 4 р.), гдѣ указана достаточно полная библіографія по частнымъ вопросамъ и объ отдѣльныхъ корифеяхъ русской сцены. Сжатый очеркъ исторіи р. театра данъ въ книгѣ пр.-доц. Гіандера (въ III вып. „Вопросовъ теор. и психологіи творчества“)—„Очерк. исторіи театра“. Хар., 1911 г., ц. 1 р. 50 к. Интересующіеся болѣе подробно прошлой и настоящей жизнью Импер. театровъ найдутъ богатый матеріалъ въ „Ежегодникахъ“ этихъ театровъ и „Приложеніяхъ“ къ нимъ. Много цѣннаго о театральной Москвѣ въ издававшемся въ 90-хъ годахъ журналѣ „Артистъ“.

Изъ не вошедшихъ въ указатель при книгѣ пр. Варнеке книгъ слѣдуетъ указать на единственную пока „исторію“ Моск. Худож. театра—„М. Худож. театръ“. Т. I и II, изд. журнала „Рампа и Жизнь“. О возникновеніи частныхъ театровъ въ Москвѣ можно получить болѣе подробныя свѣдѣнія въ брошюрѣ Д. Я. „25-лѣтіе театра Корша“. За послѣдніе годы на русскомъ языкѣ появилось много книгъ по вопросамъ теоріи театра. Таковы, напр., „Театръ“—изд. „Шиповника“ СПБ., 1908., „Кризисъ театра“. М. 1908., „О театрѣ“ В. Мейерхольда, Спб. 1913 г., „Въ спорахъ о театрѣ“. М., 1914 г., книги кн. С. Волконскаго („Человѣкъ на сценѣ“ и друг.), Н. Евреинова („Театръ, какъ таковой“ и др.) и проч.; изъ переводовъ укажемъ Г. Фуксъ. „Мюнх. Худож. театръ“, І. Крохъ. „Искусство театра“ и др.

Къ статьѣ „Москва, какъ торгово-промышленный центръ“.

1. Москва и московская промышленная область.—Иллюстрир. изд. Т-ва М. О. Вольфа, ч. I и ч. II (1899 г.).
   Отдѣльныя статьи этой книги: a) Оч. X. Современная Москва.—П. Боборыкинъ.
   b) Оч. XI.—Роль Москвы въ торгово-промышленномъ отношеніи.—Л. П. Весинъ.

c) Оч. XII. Москва въ ея соврем. эконом. состояніи.—М. Песковскій.
d) Оч. X (во II-й ч.). Фабрично-заводская промышленность Московской области.—Б. Павловъ.

2. Современное хозяйство Москвы. Изд. Моск. гор. упр. подъ ред. И. А. Вернера (1913 г.). Заслуживаетъ вниманія статья „Территорія, населеніе и промышленность".
3. Торговые ряды на Красной площади въ Москвѣ. Очеркъ А. С. Размадзе (съ иллюстраціями). Кіевъ, 1893 г.
4. Горностаевъ И. Ѳ. и Бугославскій Я. М.—По Москвѣ и ея окрестностямъ. (Путеводитель-справочникъ.) 1903 г. (см. очеркъ „Статистика Торговли и Промышленности").
5. В. Г. Михайловскій. — Предстоящее развитіе Москвы и вѣроятная численность ея населенія въ первой половинѣ XX вѣка. (Отд. монографія, изд. Статист. отд. Моск. гор. упр. 1913 г.)
6. Прохоровская Трехгорная Мануфактура. Историко-статистическій оч. къ 100-лѣтнему юбилею м-ры (1899 г.)
7. Жилища бѣднѣйшаго населенія Москвы.—И. Вернеръ. (1902 г.)
8. Грузооборотъ г. Москвы (Труды Стат. отд. Моск. гор. упр., вып. III. 1913 г.).
9. Фабрично-заводская промышленность въ Москвѣ въ 1910 г. (Труды Ст. отд. Моск. гор. управы, вып. II. 1913 г.)

Примѣч. Изданія (нераспроданныя) Стат. отд. М. г. упр. продаются въ этомъ же отдѣл. и выдаются для чтенія въ Румянцовскомъ музеѣ.

Къ статьѣ „Народное образованіе въ Москвѣ".

1. Современное хозяйство г. Москвы. Ред. И. Вернера. Изд. М. Г. Упр. 1913 г., ц. 3 р.

2. Вѣдомость о городск. начальн. уч-хъ и друг. просвѣтительныхъ учрежд., сост. М. г. упр.

3. Отчетъ о состояніи гор. нач. уч—щъ.

4. Отдѣлъ „Извѣстій М Г. Думы"—Народное образованіе. 12 вып., 3 р. въ годъ.

5. I Съѣздъ дѣятелей М. г. упр. Доклады и тезисы. 1912 г.

6. Отчеты городск. попечительствъ о бѣдныхъ.
7. Уставы и отчеты о-въ попеченія объ учащихся.
8. Задачи о-ва „Дѣтскій трудъ и отдыхъ“. Изд. Г. Посадова, ц. 5 к.
9. Кружокъ совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей въ Москвѣ. 1907—1912, ц. 20 к.
10. Нашъ дѣтскій садъ. М. Свентицкой, ц. 30 к.
11. Справочный указатель учебныхъ заведеній г. Москвы, въ кот. могутъ поступать оконч. гор. нач. уч-ща. Подъ ред. Н. В. Чехова. Изд. о-ва попеч. объ уч-хся, ц. 25 к.
12. Уставы и отчеты: Моск. О-ва грамотности, О-ва содѣйствія внѣшкольному образованію, Учебнаго отдѣла О-ва распр. техн. знаній, О-ва безплатныхъ библіотекъ, О-ва распростр. коммерч. образованія.
13. Торговые классы М. О. Р. коммерч. обр. Программы предметовъ, ц. 5 к.
14. Отчеты о дѣятельности О-ва взаимопомощи при М. Учит. институтѣ—Отчетъ о лекціяхъ, 1913 г., ц. 25 к.
15. „Общее дѣло“. Сборники по вопрос. распростр. образованія среди взрослаго насел. 4 вып. по 1 р. 25 к.—1 р. 75 к.
16. Грамотность и заработки фабрично-заводск. рабочихъ Моск. губ., сост. И. М. Кузьминыхъ-Ланинъ. Изд. М. Губ. Земства. 1912 г., ц. 1 р. 25 к.

Къ статьѣ „Музей имп. Александра III“.

С. Рейнакъ. Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. Москва. „Проблемы эстетики“.

Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. СПБ. 1913.

Гунгеръ и Ламеръ. Культура древняго Востока. Москва. 1913.

Вазеръ. Греческая скульптура въ ея главныхъ произведеніяхъ. Москва. 1914.

Конъ-Винеръ (Cohn-Wiener). Исторія стилей. Москва. 1913.

Литература къ статьѣ о древне-московской архитектурѣ до XVIII вѣка.

И. Забѣлинъ. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ.

Ф. Горностаевъ. Очерки въ „Исторіи русскаго искусства“ И. Грабаря и въ „Путеводителѣ по Москвѣ“, изданномъ подъ редакціей И. Машкова. 1913 г.

Къ статьѣ о Моск. архит. съ XVII ст.

Ѳ. Горностаевъ. Барокко Москвы. „Ист. русс. иск.“ И. Грабаря, т. II.

Путеводитель по Москвѣ, изд. Моск. Архит. О вомъ для членовъ V Съѣзда Зодчихъ въ Москвѣ, подъ ред. товарища предс. О-ва П. П. Машкова. М. 1913.

Литература къ „Московской иконописи“.

Ѳ. Буслаевъ. „Для исторіи русской живописи XVI вѣка“. „Русская эстетика XVII вѣка“.

П. Муратовъ. Очерки въ „Исторіи русскаго искусства“ И. Грабаря.

Къ статьѣ объ Историческомъ музеѣ.

В. А. Городцовъ. Первобытная археологія. М. 1908 г.

Онъ же. Бытовая археологія. М. 1910 г.

И. Толстой и Н Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. 6 выпусковъ. П. 1889—99 г.

Императорскій Россійскій Историческій музей. Указатель памятниковъ. Изд. 2-ое. М. 1893 г.

Имп. Росс. Ист. музей. Краткій путеводитель по музею. М. 1914.

Алфавитный указатель

улицъ, мѣстностей, церквей, зданій и учрежденій.

Цифрами обозначены страницы.

Акваріумъ Гиппіусъ 631.
Александровская ул. 131.
Александровскій институтъ 356.
Александровскій садъ 122, 194, 210.
Александровское военное училище 201.
Алексѣевскій монастырь 161, 165, 177.
Англійскій клубъ 87, 111, 200.
Анненгофскій дворецъ 85, 195.
Анненгофская роща 78.
Антропологическій музей 643.
Арбатскія ворота 89.
Арбатъ 56, 65.
Армянское кладбище 177.
Арнольдо-Третьяковское училище 271.
Арсеналъ 84, 85, 131, 346.
Арсенальная башня 123.
Архангела Гавріила ц. 343.
Архангельскій соб. 43, 127, 330.
Архангельское 93, 205.
Археологическаго общества домъ 56.
Архивы 246.
Аудиторіи 277.
Ахтырка 207.
Балчугъ 54.
Бани 6.
Банки 3, 213.
Басманная ул. 65, 74.
Беклемишевская башня 123.
Берсеневка 56.
Библіотеки 246, 275, 321, 540.
Биржа 157, 218.
Біологическій музей 642.
Благовѣщенскій соборъ 43, 85, 127, 328.
Благороднаго собранія домъ 97, 98, 199, 352.
Богоявленскій мон. 153, 159, 193, 164.
Бойни 260.
Болотная площадь 222.
Больницы 255.
Большой кремлевскій дворецъ 33, 105, 128, 363.
Большой театръ 308, 362.
Боровицкія ворота и башня 33, 54, 88, 121, 122.
Ботаническій садъ 632.
Братцево 207.
Бульварн. кольцо 51, 89.
Бѣлый городъ 51, 57, 90, 92.

Ваганьковское кладбище 177.
Варварка 152, 156.
Варварская площадь 156.
Василія блаженнаго церковь 42. 48, 149, 332.
Вдовій домъ 356, 684.
Верхо-Спасскій соборъ 128.
Водовзводная башня 212.
Водоотводный каналъ 93.
Водопроводъ 93, 251.
Воздвиженка 96.
Вознесенская цер. 350.
Вознесенскій монастырь 58, 84, 132, 168.
Вокзалы 1.
Воробьевы горы 13, 64, 252.
Ворота Бѣлаго-города 52, 89.
Ворота Китай-города 50, 88.
Ворота Кремля 34, 328.
Воскресенскія ворота 150, 194, 336.
Воскресныя школы 273.
Всѣхсвятское с. 68.
Высоко-петровскій монастырь 160, 165.

Гагарина князя домъ 208, 355, 361.
Галлереи:
Румянцовскаго музея 423.
Третьяковская 445.
Щукина 511.
Гимназія 2-я 196.
„ 4-я 194, 346.
„ 7-я 210, 279.
Голицынская больница 350, 355.
Головинскій дворецъ 74, 78, 193.
Городская Дума 261, 364.
Городского хозяйства музей 658.
Госпитальный пер. 65.
Гостиницы 4.
Гостиный дворъ и рядъ 88, 101.
Градская больница 355.
Грановитая палата 44, 63, 79, 85, 128, 129.
Грузинской Б. М. церковь 156, 334.
Гужона заводъ 232.

Даниловское кладбище 178.
Даниловъ монастырь 159, 178.
Дашковскій музей 543.
Дворцы:
Б. Кремлевскій 33, 105, 128, 363.
Головинскій 74, 78, 199.
Николаевскій 33, 60, 132.
Петровскій 686.
Потѣшный 131.
Теремной 85, 130, 334.
Домъ бояръ Романовыхъ 156.
Донской мон-рь 168, 178, 342.
Дорогомиловское кл-ще 179.
Духовная семинарія 197.
Дьяково 24, 25, 332.
Дѣтскія библіотеки 277.
Дѣтскіе сады 269.

Еврейское кладбище 179.
Екатерининск. больница 255.
Екатерининскій ин-тъ 209, 356.

Женскіе выс. курсы 238, 367.

Забѣлинскій проѣздъ 132.
Заиконоспасскій мон. 153, 161, 164.
Замоскворѣчье 93, 96, 102, 105.
Занеглименье 37.
Зарядье 37, 157.
Зачатьевскій мон-рь 161.
Земляной валъ 52, 91, 92.
Земляной городъ 88, 89, 91.

Зимина опера 310.
Знаменка 96.
Знаменская цер. 340.
Зоологическій музей 616.
„ садъ 243, 626.

Ивана Великаго колок. 44, 84, 128, 333.
Ивановская площадь 59, 60, 62, 84.
Ивановскій мон-рь 161, 164.
Измайловская цер. 338.
Измайловскій соборъ 336.
Ильинка 88, 152, 157.
Императорская площадь 131.
Импер. Александра III музей 382.
Иновѣрческія кладбища 179.
Историческій музей 149, 364, 370, 564.
Іоанна Предтечи цер. 34, 36, 124.

Казанскій соборъ 150, 153.
Калужская пл. 23.
Каменный мостъ 58, 121.
Камеръ-коллежскій валъ 90.
Канализація 253.
Китай-городъ 37, 47, 49, 50, 57, 59, 87, 90, 96, 148—157, 217.
Климента св. церковь 194.
Клиники 238.
Коломенское 332, 364.
Кольцо бульваровъ 51, 89.
Кольцо Садовой ул. 52, 89.
Коммерческій институтъ 240.
Комната людей 40-хъ годовъ 283, 542.
Комната им А. П. Чехова 542.
Консерваторія 318, 320.
Констан.-Еленинская башня 62, 132.
Констан.-Еленинская церк. 87, 132.
Корунинская площ. 157.
Корша театръ 300.
Кофейныя 7.
Красная площадь 42, 56, 72, 87, 89, 149.
Красное крыльцо 128, 278.
Красныя ворота 192, 346.
Кремлевскія казармы 131.
Кремлевскія стѣны, 33, 121.
Крестовоздвиженскій мон-рь 160, 340.
Крутицкія казармы 336.
Кузьминки 93, 206, 361.
Кузнецкій Мостъ 94, 102, 103, 113, 202, 210.
Куракинская богадѣльня 194.
Кусково 204.
Кустарный музей 520.
Кутафья 343.
Кутузовская изба 677.

Лазаревское кл-ще 174, 179.
Леонтьевыхъ домъ 211.
Лефортово 64, 74, 78, 102, 194, 350.
Лизинъ прудъ 173, 203, 278.
Лобное мѣсто 42 57, 63, 150.
Ломбарда зданье 367.
Ломбарды 4.
Лужники 53.

Малый театръ 105, 293.
Малюты Скуратова домъ 56.
Манежъ 209, 354.
Маріинская больница 356.
Марѳино 93, 207.
Марѳо-маріинская община 162, 173.
Меблирован. комнаты 5.
Межевой институтъ 196.
Метрополь 366.

Миндовскаго домъ 367.
Міусское кладбище 179.
Мокринскій пер. 157.
Монастыри 157.
Моховая 96.
Музеи:
Александра III 382.
Антропологическій 643.
Біологическій 642.
Городского хозяйства 658
Дашковскій 543.
Зоологическій 617.
Историческій 149, 364, 370, 564.
Кустарный 520.
Педагогическіе 664.
Политехническій 243, 596.
Погожевой А. В. 655.
Попова К. С. 534.
Противоалкогольный 656.
Румянцовскій 196, 283, 347, 423, 537.
Толстовскій 670.
Художест.-промышл. 530.
1812 года 674.
Мытищи 252.
Мытный дворъ 47, 157.
Мюръ и Мерилизъ 222, 366.
Мясницкая больница 352.
Мясницкая ул. 65, 222.

Найденова домъ 208, 561.
Народная консерваторія 320.
Народные дома 9.
Народный театръ 307.
Народный университетъ 245.
Неглинная рѣка 33, 53, 88, 92, 93, 122, 132, 198.
Нескучный садъ 198.
Нижніе Котлы 26.
Никитскій мон-рь 126, 163.
Никиты св. церковь 194.
Николы Большой Крестъ ц. 339
Николаевскій мал. дворецъ 33, 60, 132.
Николаевскій институтъ 196 352
Никол.-Единовѣрческ. мон-рь 161, 165, 191.
Никольскій греческій мон-рь 153, 164, 179.
Никольскій тупикъ 155.
Никольская ул. 153, 154, 155.
Никольскія ворота и башня 34, 85, 87, 88, 121.
Николы Мокраго цер. 37, 46.
Николы въ Хамовникахъ цер. 336.
Ново-Андроньевскій мон. 183.
Новодѣвичій мон.-рь 160, 163, 169, 179, 338, 342.
Новоспасскій мон-рь 125, 160, 171, 180.
Ночлежные дома 258.
Нѣмецкая слобода 65, 74.
„ улица 65.

Обсерваторія 21, 237.
Опекунскій совѣтъ 358.
Оружейная палата 131, 133.
Останкино 93, 204, 334.
Остоженка 56, 105.
Охотный рядъ 96, 161, 222.

Палаты бояръ Романовыхъ 156.
Палиха 54.
Памятники:
Александру II 35, 132.
Минину и кн. Пожарскому 150.
Ивану Федорову 155.
Ломоносову 237.
Пушкину 285.
Гоголю 288.
Патріаршая ризница 141.

Пашковъ домъ (Румянцов. музей) 349.
Педагогическіе музеи 664.
Перцева домъ 365.
Петровскій дворецъ 686.
Печатный дворъ 58, 154.
Поварская ул. 224.
Подворья 5.
Поклонная гора 680.
Покровка 102.
Покровская община 161, 165.
Покровскій мон-рь 161, 180.
Покровскій соборъ 42, 48, 149, 332.
Политехническій музей 243, 596.
Панорама Бородино 676.
Попечительства о бѣдн. 259.
Потѣшный дворецъ 131.
Почта 2.
Преображенское 64, 66, 73.
Преображенское кладб. 191.
Пречистенка 56, 96.
Пречистенскіе курсы 271.
Провіантскіе склады 358.
Противоалкогольный муз. 656.
Профессіональныя учил. 270.
Прохоровская мануфакт. 228.
Прѣсненскіе пруды 210.
Псковскій пер. 156.
Пятницкое кладбище 180.

Разгуляй 54.
Рестораны 6.
Рогожское кладбище 181, 186.
Рождества Бог-цы въ Путинкахъ цер. 334.
Рождественскій мон. 160, 163.
Румянцевская библіот. 540.
Румянцевскій музей 196, 283, 347, 423, 537.

Свиблова башня 123, 149.
Свободный театръ 305.
Сельско-хозяйственный институтъ 240.
Семеновское кладб. 181.
Сенатская площадь 131.
Сергіевскій народ. домъ 312.
Серебряный боръ 14, 16.
Сивцевъ-Вражекъ 56.
Симоновъ мон. 172, 181, 342.
Синодальная типографія 154.
Скакового об-ва домъ 367.
Скорбященскій мон. 161, 165.
Скородомъ 52, 88, 89.
Славянскій базаръ 155.
Слободской дворецъ 194.
Собакина башня 123, 149.
Соколово 282.
Соллогуба гр. домъ 208.
Соціальныхъ наукъ Погожевой музей 655.
Спаса-на-Бору соборъ 33, 124, 325.
Спасскія ворота и башня 34, 47, 88, 121, 149.
Спасо-Андроніевъ мон-рь 160, 181.
Спасо Наливков. пер. 65.
Срѣтенка и Срѣтенскія ворота 90, 96.
Старообрядческіе храмы 190, 365.
Столовыя 7.
Страстной мон. 161, 165.
Странноприимный домъ Шереметева 349.
Строгоновское учил. 241, 530.
Стѣны Бѣлаго города 51, 56, 88, 89.
Стѣны Китай-города 50, 56, 149.
Стѣны кремлевскія 33, 58.
Судебныхъ установленій зданіе 87, 132, 352.

Суханово 206.
Сухарева башня и площадь 224, 342.

Тайницкія ворота и башня 34, 41, 87, 121.
Тверская застава 68.
Тверской бульваръ 203, 210.
Театральный музей 306.
Театральныя училища 306.
Театры (адреса) 8.
Телеграфъ 2.
Теремной дворецъ 85, 130, 334.
Техническое Имп. учил. 240, 358.
Толстого Л. Н. домъ 287.
Толстовскій музей 244, 670.
Торговые ряды 150, 218, 364.
Трамвай 248.
Третьяковская галлерея 445.
Тріумфальныя ворота 354.
Троицкія ворота и башня 34, 85, 88, 121. 132.
Троицкое с. 16.

Университеты:
Императорскій 236, 358.
Народный 245.
Имени Шанявскаго 238.
Успенскій соборъ 36, 40, 58, 125, 325, 373, 379.
Учебный отдѣлъ Об-ства Р. Т. З. 246.
Училища:
Живописи, ваянія и зодчества 197, 241, 351.
Музыкальныя 319.
Начальныя городскія 262.
Профессіональныя 270.
Училища:
Театральныя 306.
Для глухонѣмыхъ 271.

Фили 340.

Хамовники 49.
Хитровъ рынокъ 235, 258.
Хоры церковные 322.
Храмъ Христа Спасителя 105, 363.
Художественный театръ 301.

Царицына палата 129.
Царицыно 206.
Царицынъ лугъ 53.
Царь-колоколъ 128.
Царь-пушка 131.
Цирки 8.

Черкасскій Бол. пер. 152.
Чеховская комната 542.
Читальни 275, 543.
Чудовъ монаст. 33, 165, 181.

Шанявскаго универ. 238.
Шереметева домъ и больница 196, 204, 209, 349.

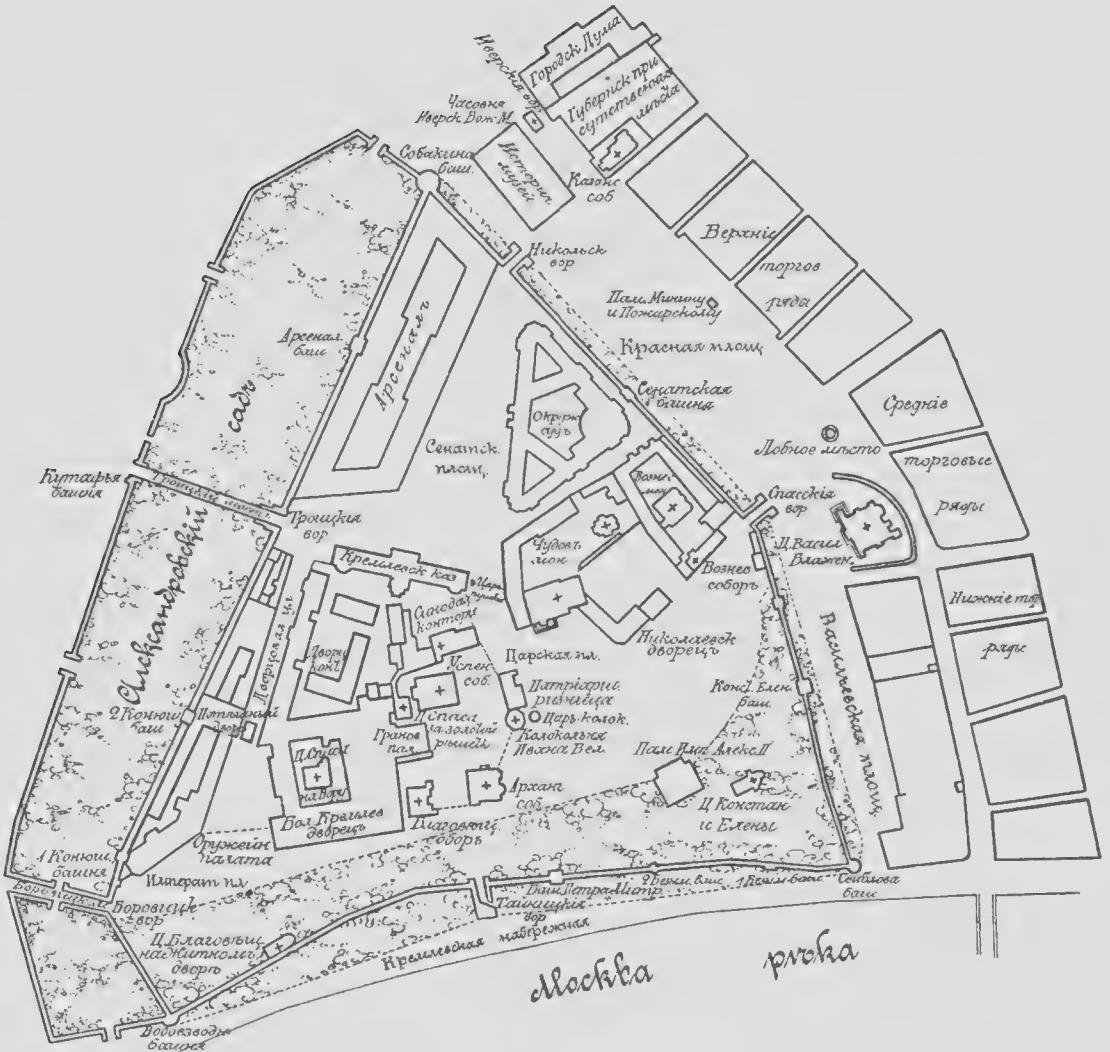
Щербатова домъ 367.
Щипокъ 54.
Щукинская галлерея 511.

Экскурсіонное бюро 1.
Этнографическій музей 543.

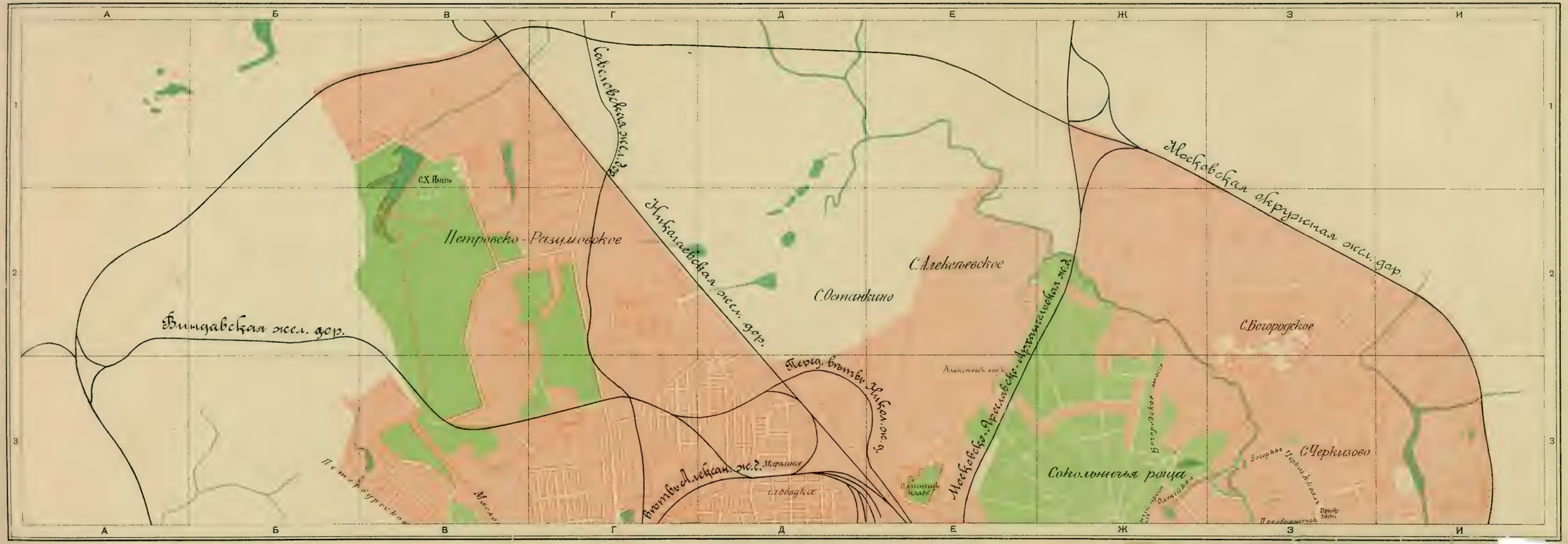
Яуза рѣка 32, 53.
Яузскій мостъ 52, 91.
Ярославскій вокзалъ 1, 365.

Замѣченныя опечатки.

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 323, строка 5 снизу: Во всѣ эпохи древне-московской	Во всѣ эпохи—древне-московской
Стр. 323, строка 3 снизу: дворянской Россіи Москва	дворянской Россіи—Москва
Стр. 324, строка 14—15 снизу: науки сохранилось	науки; сохранилось
Стр. 325, строка 16 снизу: Фіорованте	Фіоравенти
„ 325 „ 17 „ Соллеріо	Соларіо
„ 325 „ 11 „ Фіорованте	Фіоравенти
„ 326 „ 4 сверху: Фіорованте	Фіоравенти
„ 328 „ 14 „ и Благовѣщенскій соборъ	и Благовѣщенскій соборъ (1485 г.)
Стр. 332, строка 11 сверху: смежная	смежныхъ
„ 332 „ 12 снизу: кадели	кафели
„ 336 „ 1 „ въ то время	въ это время
„ 338 „ 1 „ части углы	части; углы
„ 339 „ 6 сверху: московское, и всѣ они	московское: всѣ
Стр. 344, строка 9 снизу: выкинуть (?)	
„ 347 „ 8 „ Румянцевскій	Румянцовскій
„ 349 подпись подъ рис.: Румянцевскій	Румянцовскій
Стр. 349, строка 1 снизу: какъ въ насмѣшку	какъ бы въ насмѣшку



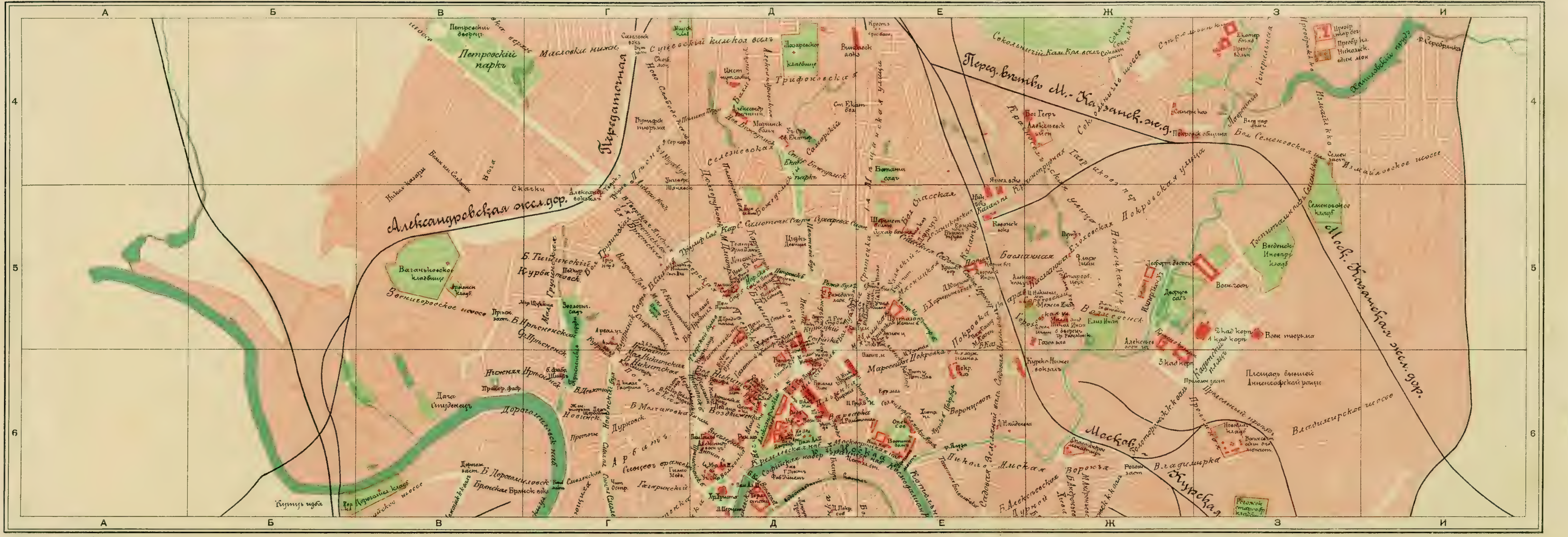
ПЛАНЪ КРЕМЛЯ



МОСКВА ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

МОСКВА. СѢВЕРНАЯ ЧАСТЬ.

Изданіе и печать Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и



МОСКВА. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Изданіе и печать Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

МОСКВА. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ.

Изданіе и печать Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко.

Указатель названій, помѣщенныхъ на планѣ г. Москвы.

Акваріумъ Гиппіуса . . Г—7
Башни:
Крестовскія водонапорныя . . . . Е—4
Меньшикова . . . . Е—5
Сухарева . . . . . Е—5
Биржа . . . . . Д—6
Биржа труда . . . . . Е—5
Благородное Собраніе . Д—6
Богадѣльни:
Гееръ . . . . . Ж—4
Екатерининская . . З—4
Куракинская . . . Е—5
Преображенская старообр. . . . . З—4
Бойни городскія . . . Ж—7
Больницы:
Голицынская . . . Д—8
Городская . . . . . Д—7
Клиники университетск. . . . В—7, Г—7
Маріинская . . . . Д—4
Ново - Екатерининская . . . . . Д—5
Павловская . Д—8, Е—8
Преображенская . . З—4
Солдатенковская . . В—4
Старо - Екатерининская . . . . . Д—4
Шереметьевская . . Е—5
Щербатовская . . . Г—8
Ботаническій садъ . . . Е—4
Бульвары:
Александровскій садъ Д—6
Зубовскій . . . . . Г—7
Нарышкинскій скверъ Д—5
Никитскій . . . . . Д—6
Новинскій . . . . . Г—6
Петровскій . . . . Д—5
Покровскій . . . . Е—6
Пречистенскій . . . Д—6
Рождественскій . . Д—5
Смоленскій . Г—6, Г—7
Срѣтенскій . . . . Е—5
Страстной . . . . . Д—5
Тверской . . . . . Д—5
Чистопрудный . . . Е—5
Яузскій . . . . . Е—6
Бѣга . . . . . В—4
Введенскій народный домъ . . . . . З—4
Вдовій домъ . . . . . Г—4
Верхніе торговые ряды. Д—6
Водопроводъ москворѣцкій . . . . . В—9
Вокзалы жел. дор.:
Александровскій . . Г—5
Брянскій . . . . . В—6
Виндавскій . . . . Е—4
Казанскій . . . . . Е—5

Курско-Нижегородскій . . . . . Е—6
Николаевскій . . . Е—5
Савеловскій . . . . Г—4
Саратовскій . . . . Е—7
Ярославскій . . . . Е—5
Воробьевы горы . . . . В—8
Воспитательный домъ . Е—6
Д. Всеволжскихъ . . . Г—7
Д. князя Гагарина . . Г—6
Галлерея Третьяковская Д—7
Д. генералъ-губернатора Д—5
Гимназіи:
1-я мужская . . . Д—6
2-я „ . . . Ж—5
3-я „ . . . Д—5
4-я „ . . . Е—6
7-я „ . . . Д—5
Медвѣдниковская . Г—6
Шелапутинская . . Г—7
2-я женская . . . Ж—5
4-я „ . . . Г—5
Городской ломбардъ . Д—5
Государственнаго Банка Московск. конт. . . Д—5
Д. градоначальника . . Д—5
Госпиталь военный . . З—5
Гостиница „Метрополь“. Д—6
Грузинскій народный домъ . . . . . Г—5
Дача Канатчикова . . Д—9
„ Студенецъ . . . В—6
Дворцы:
Александровскій . . Г—8
Большой Кремлевскій . . . . . Д—6
Лефортовскій . . . Ж—5
Петровскій . . . . В—4
Дворы:
Мытный . . . . . Д—6
Печатный . . . . Д—6
Домъ Романовыхъ . . Д—6
Дума городская . . . Д—6
Духовная семинарія . Д—5
Дѣтскій садъ Кельиной Г—7
Ермаковскій ночлежный домъ . . . . . Е—5
Женскіе высшіе курсы . . . . . Г—6, Г—7
Заводы:
Газовый . . . . . Ж—5
Листа . . . . . Д—6
Зоологическій садъ . . Г—5
Институты:
Александровскій . Д—4
Александро-Маріинскій . . . . . Г—7
Дворянскій . . . . Е—5
Елизаветинскій . . Ж—5
Константиновскій Межевой . . . . Ж—5
Лазаревскій . . . . Е—5
Малолѣтн. отд. Николаевск. . . . . Ж—5
Николаевскій . . . Е—6
Путей сообщенія . Д—4
Сельско-Хозяйственный . . . . . В—1
Учительскій . . . Д—7
Кадетскіе корпуса:
1-й . . . . . З—5
2-й . . . . . З—5
3-й . . . . . Ж—6
Казармы:
Николаевскія . В—4, В—5
Покровскія . . . . Е—6
Саперныя . . . . . Ж—5
Спасскія . . . . . Е—4
Хамовническія . . Г—7
Кладбища:
Ваганьковское . . В—5
Даниловское . . . Д—9
Дорогомиловское . В—6
Калитниковское Ж—7, З—7
Лазаревское . . . Д—4
Міусское . . . . . Д—4

Пятницкое . . . . Е—3
Семеновское . З—4, З—5
Новоблагословенное З—6
Преображенское старообрядч. . . . . З—4
Рогожское старообрядч. . . . З—6, З—7
Введенское иновѣрческое . . . . . З—5
Армянское . . . . В—5
Еврейское . . . . Б—6
Татарское . . . . Д—9
Клиники университетскія . . . . . В—7, Г—7
Клубы:
Англійскій . . . . Д—5
Охотничій . . . . Д—6
Консерваторія . . . . Д—6
Красныя ворота . . . Е—5
Д. бывш. Леонтьева . Г—5
Лицей . . . . . Г—7
Магазинъ Мюръ и Мерилизъ . . . . . Д—5
Мечеть татарская . . . Е—7
Моленная еврейская . Е—6
Монастыри:
Алексѣевскій . . . Ж—4
Богоявленскій . . Д—6
Вознесенскій . . . Д—6
Всѣхсвятскій жен. единов. . . . . З—6
Даниловскій . Д—8, Е—8
Донской . . . . . Д—8
Заиконоспасскій . Д—6
Зачатіевскій . . . Д—7
Златоустовъ . . . Е—6
Никитскій . . . . Д—6
Никольскій единовѣрч. . . . . З—4
Новодѣвичій . . . В—7
Новоспасскій . . . Е—7
Петровскій . . . . Д—5
Покровскій . . . . Ж—7
Рождественскій . . Д—5
Симоновъ . . . . . Е—8
Скорбященскій . . Г—4
Спасо - Андроньевскій . . . . . Ж—6
Срѣтенскій . . . . Д—5
Страстной . . . . Д—5
Чудовъ . . . . . Д—6
Музеи:
Императора Александра III . . . Д—6
Антиалкогольный . Д—6
Антропологическій . Д—6
Городской педагогическій . . . . . Г—6
Зоологическій . . . Д—6
Историческій . . . Д—6
Кустарный . . . . Д—6
Педагогическій . . Д—6
Политехническій . . Д—6
Румянцовскій . . . Д—6
Спеціальный имени Погожевой . . . Д—5
Толстовскій . . . . Г—6
Щукина . . . . . Г—5
Домъ Найденова . . . Е—6
Нескучный садъ . . . Г—8
Общины:
Марѳо-Маріинская . Д—7
Покровская . . . . Ж—4
Опекунскій Совѣтъ . Е—6
Палаты:
Грановитая . . . . Д—6
Оружейная . . . . Д—6
Контрольная . . . Д—7
Памятники:
Императору Александру II . . . . Д—6
Императору Александру III . . . Д—6
Гаазу . . . . . Е—5
Гоголю . . . . . Д—6
Ивану Ѳедорову . . Д—6

Ломоносову . . . . Д—6
Минину и Пожарскому . . . . . Д—6
Пирогову . . . . . Г—7
Пушкину . . . . . Д—5
Скобелеву . . . . . Д—5
Парки:
Екатерининскій . . Д—4
Петровскій . . . . В—4
Домъ Перцова . . . . Д—6
Пороховые погреба . . Е—8
Почтамтъ . . . . . Е—5
Провіантскій магазинъ . Г—7
Пруды:
Лизинъ . . . . . Е—8
Чистые . . . . . Е—5
Патріаршіе . . . . . Г—5
Прѣсненскіе . Г—5, Г—6
Хапиловскій . З—4, И—5
Домъ Росс. Страх. Общ. Д—5
Рощи:
Сокольничья . . . Ж—3
Тюфелева . . . . Е—9
Сергіевскій народный домъ . . . . . Г—4
Скачки . . . . . В—5, Г—5
Соборы:
Архангельскій . . . Д—6
Благовѣщенскій . . Д—6
Покровскій . . . . Д—6
Успенскій . . . . . Д—6
Храмъ Христа Спасителя . . . . . Д—6
Домъ Соколъ . . . . . Д—5
Домъ Соллогубъ . . . . Г—6
Судъ окружный . . . Д—6
Театры:
Акваріумъ . . . . . Г—5
Большой . . . . . Д—5
Интернаціональный . Д—6
Корша . . . . . Д—5
Малый . . . . . Д—6
Новый (Незлобина) . Д—9
Солодовниковскій (Зимина) . . . . Д—5
Художественный . . Д—5
Эрмитажъ . . . . . Д—5
Телеграфъ . . . . . Е—5
Телефонная станція . . Е—5
Домъ гр. Л. Толстого . Г—7
Тріумфальныя ворота . Г—5
Тюрьмы:
Бутырская . . . . . Г—4
Военная . . . . . З—5
Женская . . . . . Г—6
Университетъ Императорскій . . . . . Д—6
Университетъ Шанявскаго . . . . . Г—4
Учебный Округъ . . . . Д—6
Училища:
Александровское военное . . . . Д—6
Александровское коммерческое . . Ж—5
Алексѣевское военное . . . . . Ж—5
Домниковское . . . Е—5
Живописи, ваянія и зодчества . . . . Е—5
Императорское Техническое . . . . Ж—5
Мѣщанское . . . . Д—7
Ордена св. Екатерины . . . . . Д—4
1-е реальное . . . Г—5
Строгановское . . Д—5
Учительскій домъ . . Д—7
Фабрики:
Прохоровской мануфактуры . . . . . В—6
Бывш. Шмидтъ . . Г—6
Эйнемъ . . . . . Д—6
Церкви:
Грузинской Божіей Матери . . . . . Е—6

Климента . . . . . Д—7
Никиты Мученика . Ж—5
Николы Б. Крестъ. Д—6
Николая Чудотворца. Г—7
Рождества Богородицы . . . . . Д—6
Успенія . . . . . Е—6
Старообрядческая . Ж—5
Армянская . . . . Е—5
Англиканская . . . Д—6
Лют. св. Михаила . Ж—5
„ свв. Петра и Павла . . . Е—6
Польская . . . . . Е—5
Франц. св. Людовика . . . . . Е—5
Цирки:
Девинье . . . . . Д—5
Никитина . . . . . Д—5
Часовня Иверской Б. М. . Д—6
Читальни:
Островскаго . . . Г—6
Пушкинская . . . Ж—5
Тургеневская . . . Е—5
д. Щербатова . . . . Г—6
Электр. город. станція. Д—6
Электр. центр. станція. Е—6
д. Юсупова . . . . . Е—5

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ ПРИ УЧ. ОТД. О. Р. Т. З.

И. А. КУНЪ. ЧТО РАЗСКАЗЫВАЛИ ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ О СВОИХЪ БОГАХЪ И ГЕРОЯХЪ. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна въ перепл. 2 р. 25 к.

Е. ЕФИМОВА. КРѢПОСТНЫЕ И ВОЛЬНЫЕ ГОРОДА ВЪ СТАРОЙ ФРАНЦІИ. *Съ 20 рисунками.* 2-ое изданіе. Цѣна 45 коп.

Е. ЕФИМОВА. РЫЦАРСТВО. *Съ 24 рисунками.* 2-ое изданіе. Цѣна 60 коп.

ЧЕРНЯЕВА. КОГДА И КАКЪ ВОЛГА СТАЛА РУССКОЙ РѢКОЙ. *Съ рисунками.* 2-ое изданіе. Цѣна 50 коп.

КНИГИ ПО ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ:

ЕВРОПА. Иллюстрированный географическій сборникъ. 752 стр., 95 иллюстрацій . . . . . 2 р. 75 к.

РИМЪ. 280 стр., съ 36 иллюстр. . . . . 1 р. 50 к.

ПАРИЖЪ. 286 стр., съ 49 иллюстр. . . 1 р. 50 к.

ИТАЛІЯ. 224 стр., съ 51 иллюстр. . . . 1 р. 50 к.

ШВЕЙЦАРІЯ. 224 стр., съ 48 иллюстр. 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰,
МОСКВА, ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подъ редакціей *А. Е. Грузинскаго,* акад. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* и *П. Н. Сакулина.*

8 томовъ, въ изящномъ коленкоровымъ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ (безъ пересылки 56 рублей).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА (1890-1910).

Подъ редакціей проф. *С. А. Венгерова.*

3 отдѣла: *I. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Декадентство и марксизмъ* (1890-е годы). *II. Синтетическій модернизмъ и богоискательство* (начало XX вѣка). *III. Спадъ революціонной волны* (1906—1910).

Около 12 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждой книги—по 1 р. 60 к. и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800-1910).

Подъ редакціей *Ѳ. Д. Батюшкова.*

При ближ. уч. **проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, пр.-доц. Е. В. Аничкова и пр.-доц. К. Ѳ. Тіандера.**

Около 6 томовъ въ переплетѣ.

Цѣна по подпискѣ 7 р. 50 к. за томъ въ переплетѣ (безъ пересылки).

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Около 5 томовъ.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 рубля, при полученіи каждаго тома въ переплетѣ—2 руб. 80 коп. и за переводъ платежа—10 к.

М. Н. Покровскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

При участіи *Н. М. Никольскаго* и *В. Н. Сторожева.*

5 томовъ въ переплетѣ (без. перес.) 28 рублей.

ИТОГИ НАУКИ ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Энциклопедія современнаго знанія.

Подъ редакціей проф. *М. М. Ковалевскаго,* проф. *Н. Н. Ланге, Николая Морозова* и проф. *В. М. Шимкевича.*

Четыре отдѣла: *I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь.* Вышло 8 том. (I, II, III, V, VI, VII, IX и X).

Около 12 томовъ. Цѣна по подпискѣ 6 руб. 75 коп., за томъ въ роскошномъ переплетѣ (безъ пересылки).

По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО.

Изданія Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ, Знаменка, 9.

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій и С. И. Радцигъ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

по Музею изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ.

302 стр., 44 иллюстраціи, планъ. Цѣна 80 коп.

Изъ отзывовъ печати: „Новый Путеводитель интересенъ уже по самой своей идеѣ: онъ не только водитъ по коллекціямъ музея, перечисляя и описывая ихъ, но онъ вводитъ и въ пониманіе той эпохи, когда создавались сами художественные памятники; описаніе музейскихъ сокровищъ тѣсно связано съ историко-культурными очерками, чрезвычайно живыми и вполнѣ удачными („**Русская Мысль**“, февраль 1914 г.).

ДРЕВНІЙ ВАВИЛОНЪ.

Популярно-научные очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура. 93 рис. 434 стр. Цѣна 2 руб.

Изъ отзывовъ печати: „Въ нашей скудной популярно-исторической литературѣ книга Н. Никольскаго должна по праву занять одно изъ видныхъ мѣстъ“. Ср. „**Русскія Вѣдомости**“, 23-го окт. 1913 г., „**Русская Мысль**“, окт. 1913 г. „**Новое время**“, 5-го окт. 1913 г.

Н. М. Никольскій.

ДРЕВНІЙ ИЗРАИЛЬ.

Популярные очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. 62 рис., 324 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изъ отзывовъ печати: „Всякій найдетъ въ книгѣ Н. Никольскаго массу совершенно новыхъ фактовъ и идей, проливающихъ яркій свѣтъ на тотъ самый періодъ всемірн. исторіи, котораго научная мысль едва касалась“. Ср. „**Русск. Вѣд.**“, 20-го сент. 1911 г., „**Русск. Сл.**“, 23-го февр. 1912 г., „**Кіев. Почта**“ 17-го іюня 1911 г., **Разсвѣтъ** №№ 28-й и 29 й 1911 г.

Д. А. Жариновъ и Н. М. Никольскій.

БЫЛОЕ ВОКРУГЪ НАСЪ.

Книга для чтенія по русской исторіи. 330 страницъ, 110 рис., 6 картъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изъ отзывовъ печати: „Былое вокругъ насъ“—цѣнное пособіе по русской исторіи въ совершенно новомъ стилѣ для широкихъ слоевъ читающей и учащейся массы, обиліе иллюстрацій, приложенныхъ къ книгѣ, успѣшно содѣйствуетъ конкретности впечатлѣній читателя („**Русскія Вѣдомости**“, 6-го нояб. 1913 г.)

Издательство и книжный магазинъ

„СТУДЕНЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“

Москва, Моховая, 22 (противъ университета).

Телефонъ 4-54-46.

Коллективъ экономическихъ студенческихъ организацій, книжный магазинъ **„Студенческое Издательство“**, основной своей задачей ставитъ удешевленіе книгъ для потребителей-учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ **„Студенческое Издательство“** съ возможной полнотой стремится удовлетворить запросы на книгу со стороны учителей, школъ, библіотекъ и вообще учрежденій, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія.

Складъ магазина ставитъ своей задачей сосредоточить у себя книги всѣхъ студенческихъ издательскихъ организацій г. Москвы и другихъ. Въ настоящее время на складѣ находятся изданія слѣдующихъ студенческихъ организацій: О-ва Вз. Ст. М. У., О-ва Вз. Ст. Филологовъ, Изд. Комиссіи Студ. Техн. Уч., Изд. О-ва Высш. Ж. К., Изд. Ком. Студентовъ Сельск. Институт., О-ва Взаимоп. Слуш. Универ. им. А. Л. Шанявскаго и друг.

Каталоги высылаются по первому требованію безплатно.

СТОЛОВАЯ

Общества студентовъ И. М. У.

Воздвиженка, д. № 1, противъ Манежа. Телефоны 17-45 и 3-41-89.

Правленіе столовой студентовъ М. У. имѣетъ возможность отпускать до 2000 обѣдовъ ежедневно за плату по 35 коп. и 25 коп. за разовый обѣдъ; 3 руб. 50 коп. и 2 руб. 50 коп. за 10 обѣдовъ; 15 коп.—I-е блюдо; 20 коп. и 10 коп.—II-е блюдо. Лишній приборъ 10 к.

Обѣды отпускаются на домъ.

Столовая открыта ежедневно отъ **1** часа дня до **5** час. вечера.

Къ свѣдѣнію экскурсантовъ.

Центральное мѣстоположеніе столовой и возможность размѣстить за столами до 170 человѣкъ одновременно представляются особыми удобствами для экскурсантовъ:

Вблизи столовой останавливаются слѣдующіе №№ трамвая: 4, 17, 31, 34, 24, 18 уголъ Воздвиженки и Моховой; 3 и 10—Троицкіе ворота Кремля и 16 и 22 около Университета.

При столовой открыта **ЧАЙНАЯ**, гдѣ можно получить недорогіе завтраки.

Цѣна предметовъ продажи минимальная.

Выписываются столичныя и провинціальныя газеты.

При столовой открыта **ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ЛАВКА** (II-й этажъ).

Отдѣлы: 1) Писчебумажный, 2) Парфюмерный, 3) Табачный, 4) Бѣлья, 5) Обуви и галошъ, 6) Чай, сахаръ, шоколадъ.

Цѣны значительно ниже обыкновенныхъ.

Торговля съ **12** час. дня до **5** час. вечера.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„НАУКА“.

Москва, Большая Никитская, домъ № 10.

Телефонъ 2-54-99.

I. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ. РУКОВОДСТВА ДЛЯ КОМПЛЕКТОВАНІЯ БИБЛІОТЕКЪ. ПОСОБІЯ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н. Рубакинъ. Среди книгъ. Изд. 2-ое. Т. I. 3 р. Т. II 1914 г. 4 р. Т. III (печат.).

Н. Ульяновъ. Указатель журнальной литературы. Вып. I (1905—1910 гг.). 90 к. Вып. II (1895 — 1905 гг.). 1 р. 50 к. Вып. III (печ.).

„Библіографическій Ежегодникъ“, подъ ред. И. Владиславлева. Вып. I—за 1911 г. 60 к. Вып. II—за 1912 г. 90 к. Вып. III—за 1913 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: **И. Владиславлевъ.** Предисловіе. I. Указатель вышедшихъ за годъ книгъ. II. Указатель журнальной литературы. III. Указатель рецензій. IV. Библіографія иностранной литературы о Россіи. V. Бибіографія по разл. областямъ знанія въ нѣмецк. журналахъ (Систематич. указатель). VI. Отошедшіе (некрологъ). VII. Конфискованныя за годъ изданія. VIII. Свѣдѣнія о періодич. изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи на русскомъ языкѣ.

Н. Рубакинъ. Практика самообразованія. 1914 г. 2 р. 75 к.

И. Владиславлевъ. Русскіе писатели. Изд. 2-ое. 1913 г. 1 р.

В. Брусянинъ. Указатель книгъ и журнальныхъ статей о Государств. Думѣ. (I, II, III и IV). 1913 г. 40 коп.

И. Владиславлевъ. Что читать? Указатель систем. домашн. чтенія для учащихся. Вып. I. Изд. 2-ое 1914 г. 35 коп. Вып. II. 1911 г. 40 коп. Вып. III. 1914 г. 50 коп.

И. Владиславлевъ. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Изд- 3-ье. 1914 г. 20 коп.

Н. Богатурова. М. Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ. 1915 г. Ц. 35 к.

КАТАЛОГИ СКЛАДА и ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО

МОСКВА

и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 года.

Н. Матвѣева.

Со многими снимками съ рисунковъ эпохи 1812 года.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

Книжный складъ Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Москва, Пименовская, с. д.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФАРОСЪ“

Москва, Чудовская ул., 15, кв. 6. Телефонъ 4-45-30.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

I. Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества. *Г. Винклера,* проф. берлинскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Н. М. Никольскаго. Цѣна 80 коп.

II. Культура древняго Востока въ картинахъ. *І. Гунгера и Г. Ламера.* Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей М. С. Сергѣева. Цѣна 1 руб. 50 коп.

199 рисунковъ на мѣловой бумагѣ и 68 страницъ объяснительнаго текста.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. признана заслуживающей вниманія при пополненіи учен. библ. ср. уч. зав.

III—V. Культура доисторическаго прошлаго. *М. Гёрнеса,* проф. вѣнскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей В. Н. Дьякова.

Часть I. **Каменный вѣкъ.** Съ 42 рис. въ текстѣ. Ц. 70 к.

Часть II. **Бронзовый вѣкъ.** Съ 57 рисунками и синхронистической таблицей. Цѣна 80 коп.

Часть III. **Желѣзный вѣкъ.** Съ 35 рис. Цѣна 50 коп.

II и III. ч. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. признаны заслуживающими вниманія при пополненіи учен. библ. ср. уч. зав.

VI. Греческая скульптура въ ея главныхъ произведеніяхъ. *О. Вазера,* проф. цюрихскаго университета. Перев. съ нѣмецк., съ предисловіемъ Б. Р. Виппера. Ц. 1 р.

38 иллюстрацій на мѣловой бумагѣ.

Основныя понятія современнаго естествознанія. *Ф. Ауэрбаха.* Переводъ съ нѣмецк., подъ ред. прив.-доцента Н. А. Розанова. 79 рисунковъ въ текстѣ. Цѣна 80 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. признана заслуживающей вниманія при пополненіи уч. библ. ср. уч. зав.

Отзывы печати: см. „Русск. Вѣд.“ № 215, „День“ 9 XII 13, „Россія“ 2 XI 13, „Русск. Мысль“ X 13, „Русск. Бог.“ XII 13, „Голосъ Минувшаго“ XI 13, „Нов. Дѣтск. Лит.“ № 4, „Природа“ XI 13 и II 14, „Совр. Міръ“ III 14.

139 (Москва)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА ВМФ СССР

15—

Л39
3
М
82

Цѣна 2 р. 50 к.